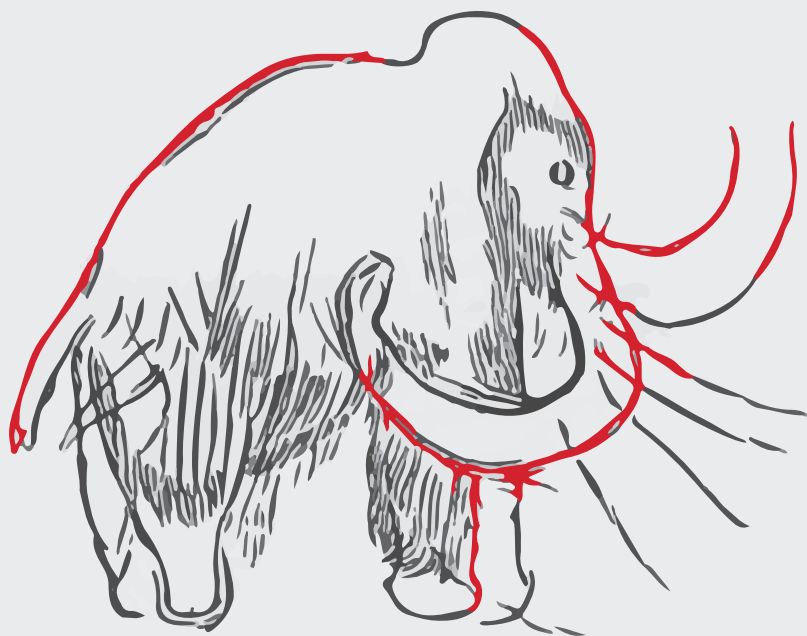

ТРУДЫ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ^{вып.}
8/II

ЧЕЛОВЕК И МАМОНТ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРОПЫ

ПАМЯТИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА АНИКОВИЧА (1947–2012)

Alan S. 11

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF THE MATERIAL CULTURE

PROCEEDINGS OF KOSTENKI-BORSCHÉVO
ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ^{VOL.}
8/II

**MAN AND
MAMMOTH
IN THE PALAEOLITHIC OF EUROPE**

DEDICATED TO THE MEMORY OF MIKHAIL ANIKOVICH
(1947–2012)

PART II:
DNEPER-DON
HISTORICAL AND CULTURAL
HABITAT

ARS LONGA PUBLISHING HOUSE
ST. PETERSBURG
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТРУДЫ КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЁВСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ^{ВЫП.}
8/II

ЧЕЛОВЕК И МАМОНТ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРОПЫ

ПАМЯТИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА АНИКОВИЧА
(1947–2012)

ЧАСТЬ II:
ДНЕПРО-ДОНСКАЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ
ОБЛАСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ARS LONGA
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2019

УДК 902/904(47)
ББК 63.4(2)
Ч-39

Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 8/II

Коллектив авторов:

М. В. Аникович, С. Н. Лисицын, Н. И. Платонова, **В. В. Попов**, А. Е. Дудин, И. В. Федюнин

Ответственные редакторы:

канд. ист. наук С. Н. Лисицын; д-р ист. наук Н. И. Платонова (отв. ред.-сост.)

Редактор изображений:

Н. А. Цветкова

Рецензенты:

д-р ист. наук Н. К. Анисюткин; д-р ист. наук Л. Б. Вишняцкий

утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Ч39 ЧЕЛОВЕК И МАМОНТ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРОПЫ. Часть II: Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти Михаила Васильевича Аниковича : Коллективная монография. — СПб. : Ars longa, 2019. — 388 с. : 104 ил. (Серия: Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 8/II).

ISBN 978-5-6041742-9-6

Книга, посвященная памяти крупнейшего российского палеолитоведа М. В. Аниковича (1947–2012), представляет собой второй выпуск коллективного труда «Человек и мамонт в палеолите Европы», издание которого было начато в 2011 г. в серии «Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН». Первая часть настоящего выпуска (главы 1–8) включает публикацию последней монографии ученого «Днепро-Донская историко-культурная область: виллендорфско-павловско-костёнковское единство в Восточной Европе». В ней детально рассматриваются материалы и проблематика стоянок средней поры верхнего палеолита Русской равнины с большим количеством костей мамонта и остатками костно-земляной архитектуры.

Вторая часть книги (главы 9–14) посвящена памятникам средней и поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине — обобщению материалов по проблемам восточноевропейского граветта, а также вопросам формирования и функционирования Днепро-Донской историко-культурной области верхнего палеолита и взаимоотношений человека и мамонта. В ряде разделов содержится анализ наследия М. В. Аниковича в контексте современной археологии палеолита.

В третьей части публикуются материалы к научной биографии ученого.

Книга рассчитана на археологов, антропологов, историков и студентов соответствующих специальностей.

Настоящее издание подготовлено и осуществлено ИИМК РАН в рамках реализации ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде». Подготовка отдельных разделов произведена при финансовой поддержке ПФИ ОИФН РАН «Евразийское наследие: новые смыслы» (2015–2017), проект «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным» (рук. Н. И. Платонова).

УДК 902/904(47)
ББК 63.4(2)

DOI: doi.org/10.31600/978-5-6041742-9-6
ISBN 978-5-6041742-9-6

© Институт истории
материальной культуры РАН, 2019
© С. Н. Лисицын, Н. И. Платонова,
научное редактирование, 2019
© Авторы глав и приложений, 2019
© Издательство «Ars longa», оформление, 2019

Предисловие к несостоявшемуся изданию

В предыдущем выпуске нашей монографии (Аникович, Анисюткин, Платонова 2011) мы сформулировали общие представления о *Днепро-Донской историко-культурной области* (ИКО), население которой — в подавляющем большинстве своем — строило жизнеобеспечение на эксплуатации мамонтовых ресурсов. Там же были проанализированы материалы, проливающие свет на предысторию формирования данной ИКО.

Второй выпуск монографии целиком посвящен конкретным характеристикам археологических культур и отдельных индустрий, входящих в данную ИКО, — их генезису, контактам и, наконец, — проблеме их исчезновения. Особо подчеркнем: материал подается неравномерно. Основное внимание сосредоточено на проблеме т. н. виллендорфско-павловского (применительно к Восточной Европе — виллендорфско-павловско-костёнковского) культурного единства. Именно здесь в последние десятилетия состоялся подлинный прорыв как в методико-методологическом, так и в интерпретационном аспектах данной проблематики.

После работ Х. А. Амирханова и С. Ю. Льва на Зарайской стоянке нам представляется невозможным рассматривать проблемы формирования и продолжительности существования культурных слоев костёнковского-авдеевского типа в прежнем ключе. Необходимость пересмотра привычных представлений, равно как и необходимость целенаправленного совершенствования полевых работ на памятниках этого типа (и шире — на палеолитических памятниках со сложно построенным культурным слоем) представляется нам совершенно очевидной. Впрочем, не менее очевидно продолжение полемики по этим вопросам, поскольку все принципиально новое рождает на первых порах резкое отторжение и неприятие.

Важно отметить, что, при абсолютном доминировании адаптационной стратегии, основанной на эксплуатации мамонтовых ресурсов, на территории Днепро-Донской ИКО все же существовали группы населения, практиковавшие иные стратегии (например охоту на лошадей). По-видимому, именно эти группы наиболее успешно адаптировались к новым условиям послеледниковья, когда условия существования мамонтов в регионе стали весьма неблагоприятными.

Ввиду большого количества информации в выпуске 8 введены разделы, объединяющие материалы по отдельным крупным темам (как, например, культуры, входящие в виллендорфско-павловско-костёнковское единство в Восточной Европе, культуры населения, оставившего костно-земляные жилища, и т. д.).

М. В. Аникович

Предисловие

За время, прошедшее после первого выпуска монографии «Человек и мамонт...» (Аникович и др. 2011), авторский коллектив понес невосполнимую утрату. Ушел из жизни Михаил Васильевич Аникович (26.12.1947 — 13.08.2012), крупнейший российский палеолитовед, чье доскональное знание материала, независимость научного мышления и способность генерировать идеи неизменно являлись основой и движущей силой наших совместных трудов. А через год, 12 сентября 2013 года, скончался другой коллега и соавтор — Виктор Васильевич Попов, директор Музея-заповедника «Костёнки», который должен был стать автором раздела о памятниках с костно-земляными жилищами. На оставшихся членов коллектива легла печальная задача — подготовить к печати и доставить до читателя их неопубликованные труды.

В создавшихся условиях пришлось отступить от прежнего намерения дать полную, исчерпывающую сводку памятников Днепро-Донской историко-культурной области верхнего палеолита, включая поздний хронологический пласт стоянок с остатками костно-земляных жилищ в южной части Русской равнины. Без М. В. Аниковича и В.В. Попова, без их собственного авторского взгляда и анализа, эта задача невыполнима. Накопление новых материалов сейчас идет быстро. Другие исследователи будут анализировать археологические данные под другим углом, писать о том же самом уже по-своему. Однако труды предшественников являются, в любом случае, важной отправной точкой будущих обобщений.

Настоящая монография готовилась к 70-летию со дня рождения М. В. Аниковича, однако, в силу целого ряда обстоятельств, в полном, завершённом виде она выходит из печати только сейчас.

Часть I содержит публикацию раздела, который был М. В. Аниковичем практически завершён (при участии Н. И. Платоновой). Это *главы 1–8*, посвященные «виллендорфско-павловско-костёнковскому единству», его культурным характеристикам и историческим судьбам. Раздел печатается без всяких изменений, полностью в том виде, как он был подготовлен к 2011–2012 гг. Последнее весьма существенно, так как он весь пронизан полемикой М. В. Аниковича с его «вечными оппонентами» — Г. П. Григорьевым и Е. В. Булочниковой. На момент написания текста живы были все трое. Теперь не осталось уже ни одного... После некоторых размышлений мы решили не вносить в эти главы редакторских изменений, а сохранить именно тот дух и атмосферу, в которой книга создава-

лась. Указания на новые публикации или уточнения, произведенные в последние годы, вынесены в приложения и в подстрочные примечания редакции.

Часть II открывается **главой 9**, написанной С. Н. Лисицыным и посвященной проблематике восточноевропейского граветта, которая всегда занимала видное место в кругу интересов М. В. Аниковича. Автором предпринята попытка ревизии костёнковского граветта: предложен вариант новой его классификации по группам и новой периодизации граветтийских комплексов КБР, вписанных в общеевропейский контекст. Исследование опирается на материалы, полученные в ходе работ Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции в последние годы, в том числе новые ^{14}C датировки, которые, в сочетании с особенностями геоморфологической привязки памятников, позволяют переосмыслить прежние материалы.

Глава 10 представляет собой очень краткий очерк основной проблематики второго этапа существования Днепро-Донской ИКО, написанный М. В. Аниковичем. Он носит характер введения к целому блоку глав, посвященных различным аспектам исследования стоянок с остатками костно-земляных жилых и/или сакральных структур и проблеме взаимоотношений человека и мамонта на Русской равнине.

Глава 11, написанная В. В. Поповым, была подготовлена к печати Н. И. Платоновой. Она посвящена проблеме реконструкции костно-земляных жилищ аносовско-мезинского типа. В ней детально рассмотрены этнографические аналогии — в первую очередь материалы по домостроительству народов Севера и таежной зоны, которые автор прорабатывал, стремясь по возможности реалистично интерпретировать археологические источники. Здесь же описан авторский вариант реконструкции жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костёнки 11/1а (первый жилой комплекс). К сожалению, начатая В. В. Поповым подготовка исчерпывающего обзора стоянок Днепро-Донской ИКО с округлыми костно-земляными жилищами прервалась на стадии сбора материала.

Глава 12 содержит краткую предварительную публикацию результатов исследований нового костно-земляного структурного объекта (жилища), открытого на стоянке Костёнки 11/1а (комплекс № 3). Данный объект был впервые зафиксирован в ходе разведочных работ А. Е. Дудина в 2013 г. Работы на нем в настоящий момент продолжаются, в них задействован большой коллектив ученых из нескольких городов и стран. Глава содержит детальное планиграфическо-структурное описание комплекса, выполненное А. Е. Дудиным, с контекстной привязкой двух серий радиоуглеродных дат, полученных в разных лабораториях — ИАЭТ СО РАН (Новосибирск, Россия) и Университета штата Колорадо (США). Даты публикуются впервые. Информацию о памятнике дополняет краткая характеристика каменной индустрии комплекса № 3, подготовленная И. В. Федюниным.

Следующая **глава 13** является републикацией материалов М. В. Аниковича. Ее название повторяет заголовок работы, в которой Михаил Васильевич впервые серьезно пересмотрел собственные прежние взгляды на проблему охоты на мамонтов на Русской равнине (Аникович 2010). Текст указанной статьи в несколько переработанном виде был включен им в коллективный труд,

опубликованный в журнале *Stratum plus* (Аникович и др. 2010). Именно этот второй вариант, как более поздний, взят за основу публикации в настоящем издании. В нем систематизированы представления М. В. Аниковича о проблеме вымирания мегафауны в Восточной Европе, о соотношении стоянок Днепро-Донской ИКО и «мамонтовых кладбищ» и т. д.

Совместная статья в *Stratum plus* являлась, собственно, «конспектом будущей монографии». Ее историографическая часть, автором которой являлась Н. И. Платонова, а также раздел, посвященный структурным объектам из костей мамонта на стоянках среднего палеолита, написанный Н. К. Анисюткиным, — в скором времени оказались переработаны и вошли в состав первого выпуска монографии «Человек и мамонт...», изданного в 2011 г. Расширенное изложение отдельных связанных с ними сюжетов содержится также в ряде наших последующих статей и книг (Анисюткин 2013; Платонова и др. 2011; 2015). Раздел М. В. Аниковича, явившийся плодом его многолетних работ и размышлений на эту тему, должен был стать итоговой частью второго выпуска монографии. Он имел для Михаила Васильевича ключевое, концептуальное значение. Но довести его до конца он не успел.

Таким образом, публикуемый текст главы 13 на сегодняшний день представляет собой наиболее концентрированное, подробное изложение взглядов М. В. Аниковича на проблему взаимоотношений человека и мамонта, систематизированное им самим. В нем сформулирована концепция так называемого Третьего пути, ставшая альтернативой преждему однозначному выбору между двумя моделями — охотой на мамонта и мамонтовым собирательством как основой позднепалеолитической системы хозяйства на Русской равнине. Здесь же изложена гипотеза о возможном симбиозе человека и мамонта, а точнее — о роли контакта с мамонтами в деле формирования особой стратегии выживания, основанной на мамонтовых ресурсах.

Глава 14, написанная Н. И. Платоновой, тематически связана с предыдущей. Она содержит анализ дискуссии последних лет по проблеме «Человек и мамонт», в частности, по вопросам жизнеобеспечения человека в СВП и интерпретации стоянок Днепро-Донской ИКО.

Необходимо особо оговорить: все главы Части II являются авторскими произведениями. Их создатели имеют собственный взгляд на целый ряд проблем; мнения по отдельным вопросам не всегда совпадают. Однако стоит напомнить: для М. В. Аниковича дискуссии в рамках исследовательского коллектива никогда не являлись препятствием к дальнейшему сотрудничеству. Он даже радовался возникавшему разномыслию, ибо прекрасно отдавал себе отчет: ни одна модель, ни одна трактовка не является непререкаемой истиной. Возможно, различные точки зрения просто фокусируют внимание на разных сторонах социокультурного процесса, происходившего в древности.

В мемориальной **Части III** публикуется очерк М. В. Аниковича, написанный им в 2007 г. для сборника, посвященного памяти Владимира Ивановича Матющенко. Эта работа, озаглавленная им «О моем первом учителе», характеризует самого ученика в не меньшей степени, чем учителя. В сущности, это единственный образец «автобиографической прозы» М. В. Аниковича, построенный во многом на материалах их многолетней переписки с В. И. Матющенко. Его ре-

публикация в книге, посвященной памяти самого Михаила Васильевича, представляется вполне уместной и оправданной.

Помимо указанного очерка, в разделе публикуется обширный отзыв М. В. Аниковича (почти готовая рецензия) на статью коллеги, друга и давнего сотрудника по Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции Дж. Ф. Хоффекера (Университет Колорадо, США), вышедшую в свет в начале 2011 г. (Hoffecker 2011). В этой публикации автор выдвинул идею о связи культурных характеристик памятников КБР с функциональными особенностями стоянок и предложил свой вариант их типологии. М. В. Аникович резюмировал свои впечатления от статьи в письме, отправленном Дж. Ф. Хоффекеру по электронной почте. Завязавшаяся между ними дискуссия и сегодня представляет несомненный научный интерес.

Завершает раздел публикация дополнений к «Списку научных и литературных трудов М. В. Аниковича», составленному Л. М. Всевиовым и опубликованному в первом мемориальном сборнике, посвященном памяти М. В. Аниковича (Васильев, Ткач /ред./ 2014: 8–14).

Напоследок отметим: научное наследие Михаила Васильевича весьма многогранно, и публикуемая книга далеко не исчерпывает его богатства. Помимо тематики восточноевропейского граветта и Днепро-Донской ИКО, доминирующей в настоящей книге, М. В. Аникович много и плодотворно работал в области теории археологии, методики историко-археологических реконструкций, истории археологической мысли, и т. д. Не все эти разработки опубликованы, а многое из того, что попало в печать, рассеяно по малотиражным сборникам, отсутствующим в библиотеках. Новому поколению исследователей они, в сущности, мало известны. Между тем теоретическое наследие М. В. Аниковича — важная составляющая интереснейшего пласта отечественной археологической мысли второй половины XX в., значение которого в контексте мировой археологии еще не оценено по достоинству. Для западных коллег решающую роль в этом играет языковой барьер, для соотечественников — барьер психологический, возникший в результате информационного шока 1990-х гг. и резкого упадка интереса к идейному наследию «совка». В настоящее время ситуация начинает меняться (в частности, благодаря трудам С. А. Васильева), однако процесс идет все же не так быстро, как хотелось бы. До реального преодоления барьера еще далеко.

Недооценивать перспективные идеи, возникшие на родной почве, и возвращаться к ним лишь после их повторного открытия на Западе — безусловно, дурная традиция. Однако на протяжении XX в. наши коллеги неоднократно наступали на эти грабли. Чтобы впредь не впадать в ту же ошибку, стоит раз и навсегда перестать путать недостаток технической оснащенности археологических исследований (действительно имевший место в СССР) с отсталостью археологической мысли — и наоборот! Не только накопленный конкретный материал, но и идейное наследие археологии так называемой эпохи застоя заслуживают сегодня серьезного внимания. Наука тех лет в нашей стране отнюдь не была «застойной». Хочется надеяться: работа по анализу, публикации и републикации теоретических трудов М. В. Аниковича, начатая еще в ходе подготовки первого сборника его памяти (см.: Аникович 2014), получит дальнейшее продолжение.

Благодарности

Выражаем искреннюю признательность:

Николаю Кузьмичу Анисюткину — за ценные консультации и помощь в подборе иллюстраций к отдельным главам монографии.

Хизри Амирхановичу Амирханову, Михаилу Васильевичу Шунькову и Джону Фрэнку Хоффекеру — за бескорыстную дружескую поддержку и помощь в деле издания настоящей книги.

Н. И. Платонова, С. Н. Лисицын

ЧАСТЬ I
ДНЕПРО-ДОНСКАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ:
ВИЛЛЕНДОРФСКО-ПАВЛОВСКО-КОСТЁНКОВСКОЕ
ЕДИНСТВО В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

М. В. АНИКОВИЧ

Глава 1
Виллендорфско-павловские культурные традиции
на Русской равнине

1.1. Вводные замечания

Сложение виллендорфско-павловских культурных традиций происходило в Центральной Европе в условиях достаточно холодного интерстадиала (последняя фаза среднего вюрма или интерпленигляциала). Как уже отмечалось нами ранее, климатические условия в центре Европы становились в этот период все более неблагоприятными для мамонтовых сообществ (Аникович и др. 2011: 85–87). Последние были вынуждены мигрировать на северо-восток, вслед за ними мигрировали и люди, чье жизнеобеспечение было теснейшим образом связано именно с мамонтом. Это передвижение происходило крайне медленно, в течение тысячелетий, и явно не было осознанным процессом (Соффер 1993: 113–114).

Примерно 24–23 тыс. л. н. носители виллендорфских и павловских культурных традиций достигают Восточной Европы. В районе Среднего Приднестровья они оставляют лишь слабый «типологический след» — ножи костёнковско-го типа и наконечники с боковой выемкой, внезапно появившиеся на позднем этапе молодовской АК (Молодова 5, слой VII). Радиоуглеродный возраст этого слоя определяется серией дат ~28–21 тыс. л. н.) (Аникович и др. 2007: 164).

И. А. Борзияк, детально изучивший вопрос о присутствии виллендорфско-павловских элементов в граветтоидных индустриях Днестровско-Карпатского региона, отметил также наличие двух острий павловского типа в Молодова 5/VII и ножей костёнковского типа в слоях 6, 5 и 5а стоянки Кормань 4 (Борзияк 1998: 136, 138). Оставив в Приднестровье этот слабый след своего продвижения на северо-восток, выходцы из Центральной Европы прочно обосновываются на территории, определяемой нами как Днепро-Донская ИКО и уже давно обжитой иным населением.

По имеющимся данным, пришельцы оставляют свои памятники в бассейне р. Сож (Бердыж), в бассейне Десны (Хотылёво 2, Авдеево), на Среднем и Верхнем Дону (Костёнки 1/I; 13; 14/I; 18; Гагарино) и достигают бассейна р. Оки (Зарайск) (Аникович, Анисюткин 2001, рис 5.1).

К интересным выводам приводят результаты наблюдений над радиоуглеродными датами, полученными для этих памятников. Подавляющее большинство памятников виллендорфско-павловско-костёнковского культурного единства¹ характеризуется весьма представительной серией радиоуглеродных дат. К сожалению, четкая планиграфическая и стратиграфическая привязка образцов чаще всего отсутствует (хотя имеются и отрадные исключения). Согласно современным методическим требованиям, даты, полученные по образцам, не имеющим такой привязки, не могут считаться полноценными. Показательно, однако, что все эти совокупности имеют разброс в пределах, так или иначе укладывающихся в границы радиоуглеродных датировок по Зарайску, где указанные методические требования соблюдались неуклонно: 23–16 тыс. л. н. (табл. 1).

Х. А. Амирханов вполне убедительно доказал, что практически все даты по Зарайской стоянке верны по существу и указывают на хронологический диапазон существования этого памятника (Амирханов 1997; 1997а; 1999; 2000; 2005; Амирханов, Лев 2004; Амирханов и др. 2009). К. Н. Гаврилов, учитывая опыт Х. А. Амирханова, проанализировал 10 радиоуглеродных дат по стоянке Хотылёво 2 (табл. 7) и пришел к следующим выводам: «...центральная часть пункта А характеризуется большим разбросом значений радиоуглеродных датировок, по сравнению с периферийной зоной. Общий характер культурного слоя, а также его структура в центральной части поселения позволяют рассматривать Хотылёво 2 в качестве стоянки, посещавшейся более одного раза. Имеющиеся значения радиоуглеродных датировок не противоречат такому представлению о времени функционирования Хотылёво 2...» (Гаврилов 2008: 73).

Мы считаем, что и для других стоянок, входящих в виллендорфско-павловско-костёнковское единство, нет необходимости выбирать «правильные» даты. За некоторыми исключениями, которые, в конечном счете, всегда получают объяснение (как т. н. чердынцевские даты, см.: Аникович и др. 2008: 195), все они отражают реальную продолжительность функционирования поселений.

¹ Применительно к Восточной Европе, нами будет употребляться термин «виллендорфско-павловско-костёнковское культурное единство». Термины «виллендорфско-костёнковская» и «костёнковско-авдеевская» АК являются для данного региона синонимами и могут употребляться параллельно.

Это позволяет сделать вывод: носители виллендорфско-костёнковских и павловско-гагаринских культурных традиций обживали свои территории на протяжении тысячелетий².

Стоянки Костёнки 1/1, Авдеево, Бердыж и Гагарино еще сравнительно недавно рассматривались в литературе как однокультурные. В ту же группу включались такие памятники, как Костёнки 13; 14/1; 18. Хорошо выраженные отличия материальной культуры Гагаринской стоянки объяснялись развитием культурных традиций во времени. Более молодой возраст этого памятника при таком подходе определялся не столько стратиграфией и радиоуглеродными датами, сколько типологией. Некоторые исследователи присоединяли сюда и Зарайскую стоянку (Трусов 1994: 116).

Сложнее обстояло дело с Хотылёво 2. В прошлом столетии материалы этого памятника оставались для специалистов, по существу, «вещью в себе». Впрочем, даже беглое знакомство с ними выявляло, с одной стороны, явное сходство с памятниками виллендорфско-костёнковского круга (прежде всего в искусстве), а с другой стороны — присутствие столь же явных отличий от стоянок типа Костёнки 1/1 и Авдеево.

Недостаток информации приводил к разным оценкам упомянутого сходства. Так, например, Г. П. Григорьев зачислял и Хотылёво 2, и Зарайскую стоянку в иной круг памятников, «не родственных, а испытавших влияние» со стороны «виллендорфско-костёнковского единства» (Григорьев 1994: 12; 1997: 45). Л. М. Тарасов, напротив, относил Хотылёво 2 к «костёнковско-виллендорфскому варианту позднепалеолитической культуры» (Тарасов 1991: 35).

Резко возросший на рубеже столетий объем информации по Зарайской стоянке и Хотылёво 2 позволяет дать этим памятникам принципиально иную интерпретацию. Мы уже упоминали, что центральноевропейские переселенцы принесли на Русскую равнину две самостоятельные, хотя и тесно взаимосвязанные культурные традиции. На территории Восточной Европы мы характеризуем их как: *павловско-хотылёвскую* и *виллендорфско-костёнковскую* (Аникович 1998). Первая из них представлена в Восточной Европе двумя памятниками — Хотылёво 2 и Гагарино. Вторая — всеми остальными уже упомянутыми стоянками (Костёнки 1/1; 13; 14/1; 18; Авдеево, Зарайск, Бердыж).

Наиболее древним памятником среди них является стоянка Хотылёво 2, чья каменная индустрия весьма существенно отличается от Костёнок 1/1 и Авдеево и явно тяготеет к «павловьену». В то же время индустрия Зарайской стоянки и, в частности, самого молодого верхнего культурного слоя памятника (17–15 тыс. л. н.) оказывается гораздо ближе к Костёнкам 1/1 и Авдеево, нежели к Хотылёво 2 и Гагарино (Лев 2003). Публикация зарайской каменной индустрии наглядно демонстрирует, что здесь «представлены все культурообразующие формы орудий, являющиеся маркером костёнковско-авдеевской культуры» (Лев 2009: 133).

² Две даты ~13–11 тыс. л. н., полученные для Авдеевской стоянки, возможно, соответствуют возрасту верхнего слоя этого памятника, само существование которого, впрочем, упорно отрицалось Г. П. Григорьевым и Е. В. Булочниковой.

1.2. Методические подходы

До недавнего времени проблематика виллендорфско-костёнковской (или, в другой терминологии — «костёнковско-авдеевской») археологической культуры на Русской равнине решалась преимущественно на материалах трех памятников: Костёнки 1/1, Авдеево и Гагарино. Важнейшими из них считались два первых, причем приоритет безоговорочно отдавался методическим разработкам на Костёнках 1/1. По свидетельству исследователей Авдеева М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьева, «...для Авдеевской экспедиции полевая практика и методические положения Костёнковской экспедиции и ее руководителей П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёва... являются отправной точкой...» (Гвоздовер, Григорьев 1990: 21).

Отметим, что исследователи Авдеева отнюдь не скопировали слепо методику «широких площадей», изначально разработанную П. П. Ефименко. В гораздо меньших по площади раскопах «нового объекта» Авдеево, начиная с 1970-х гг. (т. е. с момента возобновления исследований памятника М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьевым), самое серьезное внимание уделялось микростратиграфии культурного слоя, которую сам П. П. Ефименко, увлеченный перспективами изучения реальных бытовых объектов, оставленных палеолитическим человеком, по существу, игнорировал.

В том же направлении шло развитие методических подходов, применявшихся А. Н. Рогачёвым и его коллегами при раскопках второго жилого комплекса Костёнок 1/1 (1971–1994 гг.). В частности, система микростратиграфических профилей и разрезов широко применялась здесь уже с начала 1970-х гг. Следует лишь сделать оговорку: микростратиграфические бровки далеко не везде могли быть поставлены — из-за огромного количества костей мегафауны.

Методический опыт экспедиции А. Н. Рогачёва послужил отправной точкой и для Х. А. Амирханова, начавшего в 1995 г. свои новаторские раскопки Зарайской стоянки. Однако Х. А. Амирханов пошел гораздо дальше. Он не скопировал, а в значительной мере развил и усовершенствовал исходные методические основы исследования палеолитических поселений, разработанные П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёвым. В результате им была создана новая, по существу, не имевшая аналогов в мировой науке того времени методика исследования палеолитических стоянок со сложно построенным культурным слоем. Неслучайно С. А. Васильев в своем отклике на первую монографию по Зарайской стоянке отметил: «...значение рецензируемого труда в методическом плане далеко выходит за рамки проблематики верхнего палеолита Русской равнины» (Васильев 2002: 173).

Напомним, что для перечисленных памятников виллендорфско-костёнковской АК характерен достаточно мощный (~0,5 м или несколько более) культурный слой, включающий многочисленные структурные объекты — полуземлянки, ямы-кладовые, разнообразные ямки-хранилища, очаги, зольники и пр. Характерна достаточно четкая планиграфическая организация объектов. Как было установлено по материалам и Костёнок 1/1, и Авдеево, и Зарайска, так называемые полуземлянки и ямы-кладовые располагаются по границе большого овала, по центральной оси которого проходит серия мощных, долговременных очагов. Все пространство овала («жилого комплекса») заполнено при этом

разнообразными объектами — ямками, западинами различной конфигурации, углистыми и охристыми пятнами и т. д., и т. п.

С. А. Васильев в своей рецензии четко сформулировал отличия методики раскопок Зарайска Х. А. Амирхановым от методики, применявшейся первооткрывателем памятника А. В. Трусовым: «На новом этапе раскопок были оставлены как неэффективные применявшиеся ранее расчистки культурного слоя горизонтальными вскрытиями без учета древнего рельефа, оставление вещей на останцах³ и разборка ям с костями как скоплений. Особенно показательно в этом плане сравнение фотографий [...], где видны различия в подходе к объектам культурного слоя. Сопоставление наглядно демонстрирует зависимость наших представлений от методических приемов раскопок, в свою очередь определяемых установками исследователя» (Там же).

Разумеется, методы А. В. Трусова не имели ничего общего с теми, что применялись П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёвым на Костёнках 1/1 или тем же А. Н. Рогачёвым, М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьевым в Авдееве. Однако конечный вывод, сформулированный выше, может быть применен и при сопоставлении куда более совершенных методик, нежели трусовская. В этой связи обратим внимание на методические разногласия между современными исследователями Зарайской и Авдеевской стоянок. Они не случайны: в любой области науки все принципиально новое встречает ожесточенное сопротивление со стороны приверженцев устоявшихся традиций. Показательной в этом плане стала дискуссия, отразившаяся в 2004–2005 гг. на страницах целого ряда археологических изданий (Амирханов, Лев 2004; Григорьев, Булочникова 2004; Амирханов 2005; Булочникова, Григорьев 2005).

В Авдеево отложения, вмещающие культурные остатки, всегда рассматривались как единое целое. То же имело место в Костёнках 1/1 в ходе исследований как первого, так и второго жилых комплексов (1931–1936, 1971–1994 гг.). «Совершенно правы наши предшественники (П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёв. — *авт.*), рассматривавшие материал одного культурного слоя стоянки как единое, неделимое целое» (Гвоздовер, Григорьев 1990: 21).

Конечно, при изобилии различного рода объектов, временами перекрывающих друг друга, П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёв понимали, что все эти объекты практически не могли функционировать одновременно. Но сколько-нибудь серьезных, целенаправленных попыток их хроностратиграфического членения на материалах Костёнок 1/1 действительно не предпринималось, хотя некоторые предположения на сей счет все же имели место (Рогачёв и др. 1982: 47).

В 1990 г., подводя итоги своим разработкам полевой методики, М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьев писали: «Вся толща культурного слоя была разделена на три периода его существования: I период выкапывания ям; II период, когда ям не выкапывали, и III период, когда накапливавшийся слой был строго горизонтальным даже над землянками и крупными ямами» (Гвоздовер, Григорьев 1990: 23). В более поздних работах речь идет лишь о двух периодах: «ямном» и «послеямном» (Григорьев, Булочникова 2004: 330). При этом, по мнению

³ И если бы только вещей! В раскопе А. В. Трусова 1994 г., повторно вскрытом в 1995 г., мне пришлось наблюдать прекрасно сохранившийся очаг — тоже оставленный на останце. С какой целью это было сделано, так никто и не понял.

авторов, «...стратиграфических подразделений слоя в пределах всего исследуемого объекта не просматривается» (Там же: 330).

Иными словами, люди, пришедшие на берег Сейма, вначале вырыли для каких-то надобностей большие ямы, расположенные строго по овалу, а потом перенесли свою деятельность внутрь овала, образуемого этими ямами. Последние стали использоваться для сброса костей — то ли в качестве своего рода мусоросборников, то ли как кладовые. Сколько-нибудь серьезные методические обоснования подобного варианта интерпретации (на наш взгляд, весьма странного) отсутствуют. Вопрос о синхронности или одновременности самих ям, равно как и объектов внутри овала, даже не ставится.

Зато сами исследователи Авдеева прекрасно осведомлены о времени накопления культурного слоя, а следовательно, и существования самого жилого комплекса: «По одним методам, наши стоянки — Авдеево и Костёнки 1/1 — существовали менее года, по другим — несколько десятков лет...» (Там же: 329). На каких именно «методах» основаны эти смелые допущения, авторы умалчивают.

При исследовании объектов Зарайской стоянки исходная посылка оказалась принципиально иной. «Она формулируется в виде правила — синхронность функционирования одного объекта с другим должна являться предметом доказательства, а не априорным допущением. Другими словами, геологическая одновременность объектов (приуроченность к одному и тому же литологическому горизонту) не является доказательством одновременности их существования...» (Амирханов 2005: 94).

Для доказательства синхронного бытования тех или иных объектов используются при таком подходе различные виды стратиграфии (чаще всего в сочетании). Это собственно археологическая стратиграфия (переслаивание объектов); геологическая стратиграфия и такая ее специфическая отрасль, как переслаивание систем мерзлотных трещин (криостратиграфия); наконец, биостратиграфия, построенная с использованием дифференцированных данных палинологических определений, взятых отдельно по объектам (Там же).

Исходя из этих методических принципов, Х. А. Амирханов пришел к выводу, что рассматривать отложения, вмещающие культурные остатки на Зарайской стоянке, как единое и неделимое целое, просто невозможно. В результате им было выделено четыре этапа функционирования памятника (подробнее см. ниже).

Какова же могла быть продолжительность накопления культурных остатков, распределенных таким образом? Для ответа на этот вопрос используются в первую очередь радиоуглеродные даты. По утверждению Г. П. Григорьева и Е. В. Булочниковой, «...Х.А. Амирханов *верит* в даты как в показатель возраста объектов культурного слоя... (курсив мой. — Н. П.)» (Григорьев, Булочникова 2004: 329). Однако в действительности речь идет не о *вере*, а о методических принципах отбора образцов на датирование. Х. А. Амирханов неуклонно придерживается четкого правила, по которому «каждый образец (а следовательно и дата) должен иметь «четкие стратиграфические, планиграфические и контекстуальные характеристики» (Амирханов 2005: 97–98).

В результате на материалах радикарбоновой аналитики Зарайска оказалась построена его новейшая хронология, согласно которой четыре этапа функ-

ционирования памятника определяются по ^{14}C в пределах 23–16 тыс. л. н. (см. ниже). При этом инверсии и прямые противоречия сведены к минимуму. Конечно, идеального совпадения датировок добиться не удалось. Единичные даты (2 из 18) не вписались в эту картину (Амирханов 2005: 98). В отрыве находится также одна из $^{14}\text{C}_{\text{AMS}}$ -дат (табл. 1). Но вместо отбрасывания этих «неудобных» дат *a priori*, как ущербных, Х. А. Амирханов и его ученик С. Ю. Лев ставят задачу *найти причины их несогласованности* с другими. Если же говорить о разбросе дат в целом, то «суммарно для первого и второго, а также четвертого этапов он не превышает значения в 2–3 тысячи лет. То есть этот диапазон находится в пределах разрешающих способностей метода для памятников палеолитического возраста [Кренке, Сулержицкий, 1992]» (Амирханов 2000: 52).

В конечном счете Х. А. Амирханов дает своим оппонентам дельный совет: «...В ответ на призыв рецензентов не обольщаться «кучностью» дат могу рекомендовать им проделать в Авдеево такой же хроностратиграфический анализ, как и в Зарайске...» (Амирханов 2005: 98). Такие попытки действительно были предприняты — причем практически одновременно и независимо — как исследователями Авдеева (Булочникова 2008), так и исследователями Костёнок 1 (Аникович и др. 2008: 193–197). Анализ их результатов приводится нами ниже, в разделах, посвященных этим памятникам.

В завершение данного обзора отметим: сколько-нибудь полноценный анализ материалов Костёнок 1/1 и Авдеево ныне уже невозможен без учета опыта исследования Зарайска, внесенных им коррективов и новых подходов. Да, раскопки в Костёнках и Авдеево дали богатейшие коллекции каменного и костяного инвентаря, произведений искусства, а главное — огромную, ценнейшую информацию, заключенную в полевой документации. Но, в отличие от результатов работ в Зарайске, эта информация проанализирована лишь в незначительной мере, а опубликована и того хуже⁴. Напротив, «проанализированный материал Зарайской стоянки с большой степенью надежности можно считать репрезентативной выборкой, отражающей все основные тенденции и проявления как орудийного набора стоянки, так и комплекса технологических приемов, связанных с первичным раскалыванием и вторичной обработкой. Несмотря на частичную раскопанность памятника, коллекция Зарайской стоянки численно превосходит любую из сопоставляемых коллекций, как по количеству орудий, так и по представленности предметов без вторичной обработки...» (Лев 2009: 133).

Вот почему, вопреки сложившейся традиции, мы начинаем характеризовать виллендорфско-костёнковскую АК на Русской равнине не с Костёнок 1/1 и Авдеево, а именно с Зарайской стоянки.

⁴ Полностью проанализированы и опубликованы материалы первого жилого комплекса Костёнок 1 (Ефименко 1958) и достаточно полно — первый жилой комплекс Авдеево (Рогачёв 1953; Гвоздовер 1953). Но эти публикации отражают методический уровень своего времени, не вполне отвечающий современным требованиям. По Авдеевской стоянке монографически опубликованы и обобщены предметы искусства (Gvozdover 1995) и достаточно полно описан кремневый инвентарь (Гвоздовер 1998). По второму жилому комплексу Костёнок 1/1 имеются только предварительные или отрывочные публикации.

Глава 2

Виллендорфско-костёнковская культура в бассейне Оки: Зарайская стоянка

2.1. Хроностратиграфия и планиграфия поселения: различные подходы

Зарайская стоянка расположена на правом берегу р. Осётр (правый приток Оки) в исторической части современного города Зарайска, примерно в 150 км южнее Москвы. Научное открытие этого памятника было осуществлено А. В. Трусовым в 1980 г. (Трусов 1985; 1994; 2002). На протяжении 15 лет (с перерывами) полевые исследования проводились им на разных участках небольшими раскопами и шурфами. В этот период Зарайская стоянка еще не получила должной оценки среди специалистов. Было понятно, что материалы ее имеют какое-то отношение к памятникам виллендорфско-костёнковского круга, но какое именно — непонятно.

Ряд исследователей уже тогда были склонны относить ее к костёнковско-авдеевской АК (Трусов 1994; Грехова 1994; Аникович 1998; Gira, Bradley 1998). Но неоднократно высказывалась и другая точка зрения, по которой в зарайских материалах прослеживается только влияние этой культуры, а не принадлежность к ней (Булочникова 1998: 25; Григорьев 1994: 12; Grigoriev 1993: 52). Не менее популярным было и представление о полной переотложенности культурного слоя: ведь когда археолог сталкивается со сложной стратиграфической ситуацией, не сразу поддающейся истолкованию, проще всего говорить о «переотложенности».

С 1995 г. работы на Зарайской стоянке возглавил Х. А. Амирханов. Уже первые пять лет раскопок, проведенных по разработанной им методике, привели к возникновению принципиально иных представлений о характере и значении этого памятника (Амирханов 2000). Результаты исследований стоянки за 1999–2005 гг. также опубликованы монографически (Амирханов и др. 2009). Методические принципы, которыми руководствуются Х. А. Амирханов и С. Ю. Лев при исследовании Зарайской стоянки, уже освещались нами выше (см. разд. 1.2). Однако вопрос настолько важен, что мы возвращаемся к нему вновь, несмотря на некоторые вынужденные повторы.

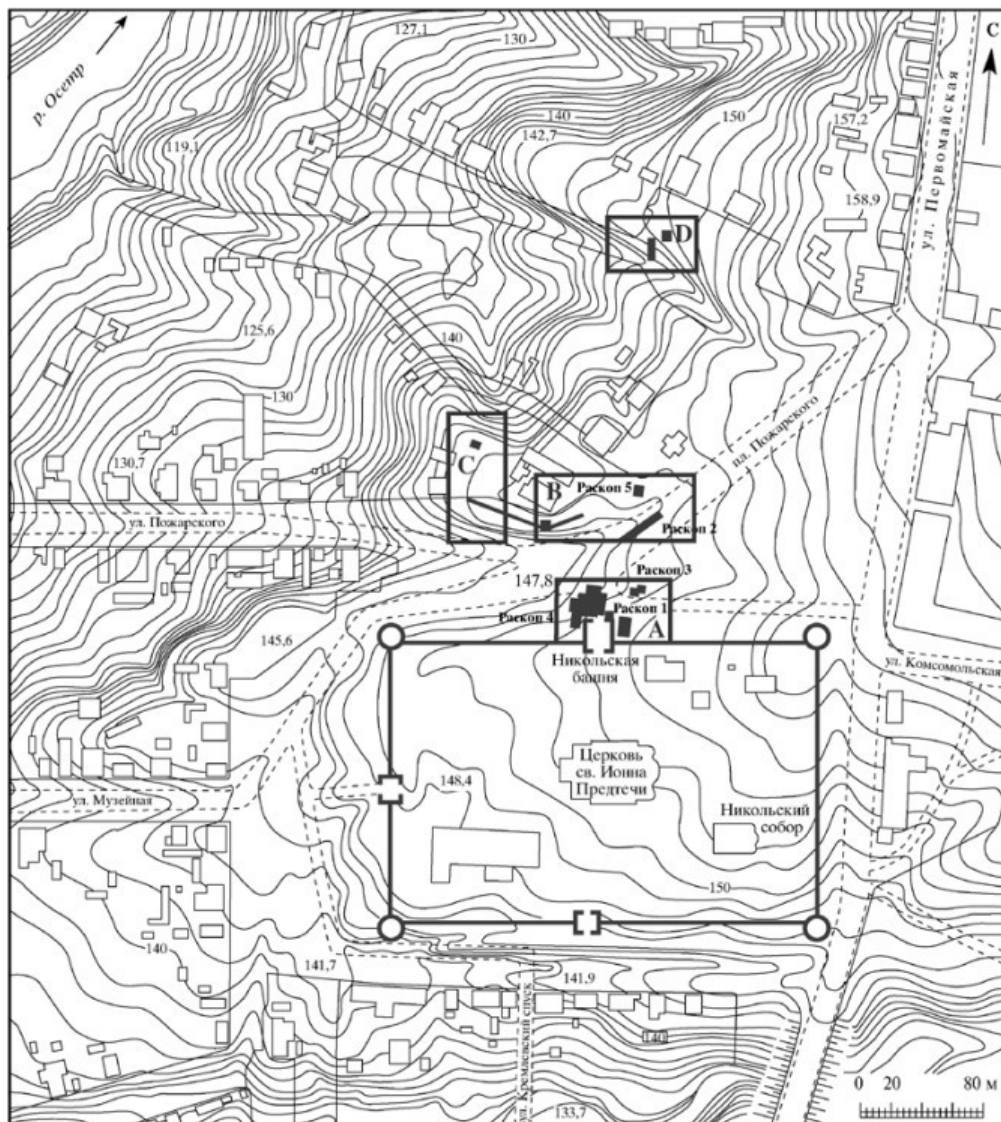

Рис. 1. Местоположение и пространственное соотношение памятников и раскопов Зарайской верхнепалеолитической стоянки (участки: Зарайск А, В, С, D). А — культурный слой на участке, примыкающем к Никольской башне Зарайского кремля; приурочен к Кремлевскому мысу; культурные остатки в виде четырех переслаивающихся уровней обитания, залегают в двух литологических горизонтах — погребенной почве и подстилающем слое супеси; В — культурный слой на втором мысу, отделенном от Кремлевского мыса древним оврагом; С — культурный слой на концевой части второго мыса; D — культурный слой на третьем мысу, в районе площади Пожарского (по: Амирханов и др. 2009: 10–11)

Уже на начальном этапе раскопок Зарайской стоянки (1995 г.) исследователям стало ясно: рассматривать все открывшиеся объекты как единовременные просто невозможно. В дальнейшем эти исходные посылки нового подхода к анализу культурного слоя были сформулированы так: «Если рассматривать все объекты культурных отложений в виде единичного сводного плана без учета стратиграфического (в том числе микростратиграфического) и планиграфического контекста, то мы увидим лишь беспорядочное скопление большого количества очагов, плотных скоплений находок, охристых и углистых линз, многих десятков ям (при расширении раскопа их количество будет исчисляться сотнями). Дать сколько-нибудь приемлемое объяснение этой совокупности невозможно, если исходить из представления о синхронности сопоставляемых объектов...» (Амирханов, Лев 2004: 81).

Последовательно применяя уже сформулированные выше методические принципы анализа стратиграфии, Х. А. Амирханов на основании результатов первых четырех лет работы на стоянке пришел к следующим выводам: «...Можно сделать обоснованное заключение о двуслойности Зарайской стоянки. Первый (сверху) культурный слой соответствует верхней погребенной почве и второй — красноватым (коричневатым) супесям. Если сделать это деление более дробным, то, не имея возможности выделить реальные горизонты обитания на сколько-нибудь протяженных площадях, мы можем, тем не менее, говорить о нескольких этапах жизни на поселении. Первый этап соответствует моменту первоначального заселения территории памятника; второй, или основной, — времени функционирования двух из раскопанных (на самом деле их, вероятно, больше) крупных углубленных очагов костёнковско-авдеевского типа; третий связан с уровнем красноватых (коричневатых, рыжеватых) суглинков, накопившихся после образования системы второй генерации мерзлотных трещин; и четвертый относится к верхней погребенной почве. Таким образом, два из этих четырех этапов относятся ко времени до возникновения второй генерации трещин и столько же — после...» (Амирханов 2000: 44) (рис. 2, 3).

Отметим, что если опираться на определение культурного слоя, данное самим Х. А. Амирхановым в монографии 2000 г.: «*культурный слой — это структурное единство предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребенном состоянии*» (Амирханов 2000: 43), то речь фактически пойдет не о двух, а о четырех самостоятельных культурных слоях. Последующие работы на памятнике это блестяще подтвердили. А именно:

- 1) Выяснилось, что нижележащий, четвертый сверху, «горизонт обитания» представляет собой ту же типично костёнковско-авдеевскую жилую структуру. Линия очагов расположена так же, как и в вышележащем горизонте, но смещена относительно нее на 1–1,5 м.
- 2) Было убедительно доказано, что так называемый основной (третий сверху), культурный слой имеет типично костёнковскую структуру: серия крупных очагов, расположенных по центральной линии овала, вытянутого по линии СЗ-ЮВ и образованного крупными ямами-хранилищами и так называемыми землянками (полуземлянками)⁵.

⁵ Эти и последующие данные детально характеризуются в монографии, посвященной Зарайской стоянке (Амирханов и др. 2009).

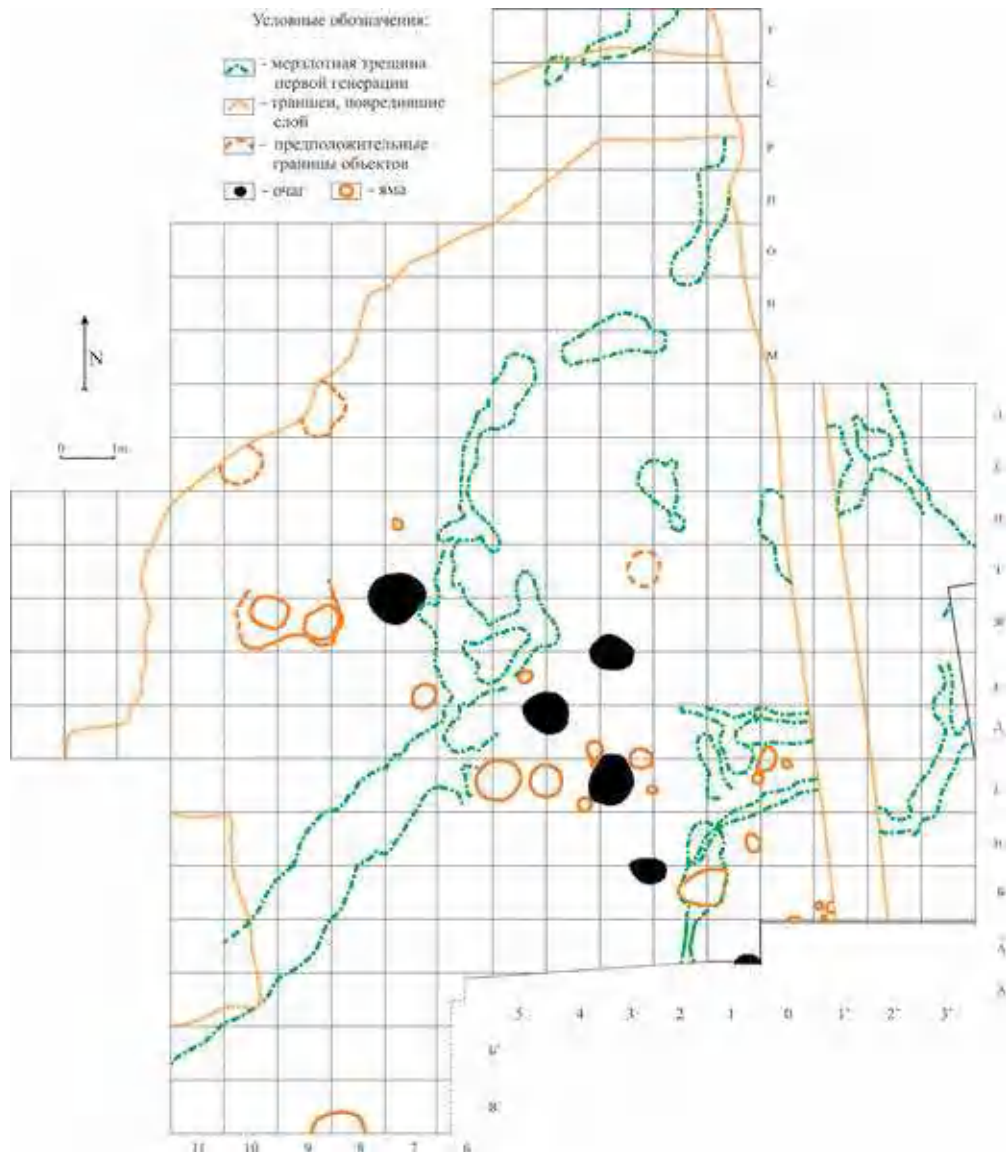

Рис. 2. Зарайск А. План объектов первого (древнейшего) этапа накопления культурных отложений (по: Амирханов и др. 2009: 291)

- 3) Установлено, что второй сверху «горизонт обитания» представлен не только отдельными находками, залегающими выше второго уровня второй генерации мерзлотных трещин, но ниже верхней погребенной почвы. Помимо них, он включает в себя структурные объекты в виде очагов и округлых западин 3–3,5 м в диаметре; их дно и края окрашены

охрой, а в заполнении встречается значительное количество костей мамонта. Исследователи Зарайской стоянки склонны трактовать эти объекты как жилища.

- 4) Материалы, приуроченные к верхней погребенной почве, представлены не только обилием кремней, залегающих иногда скоплениями,

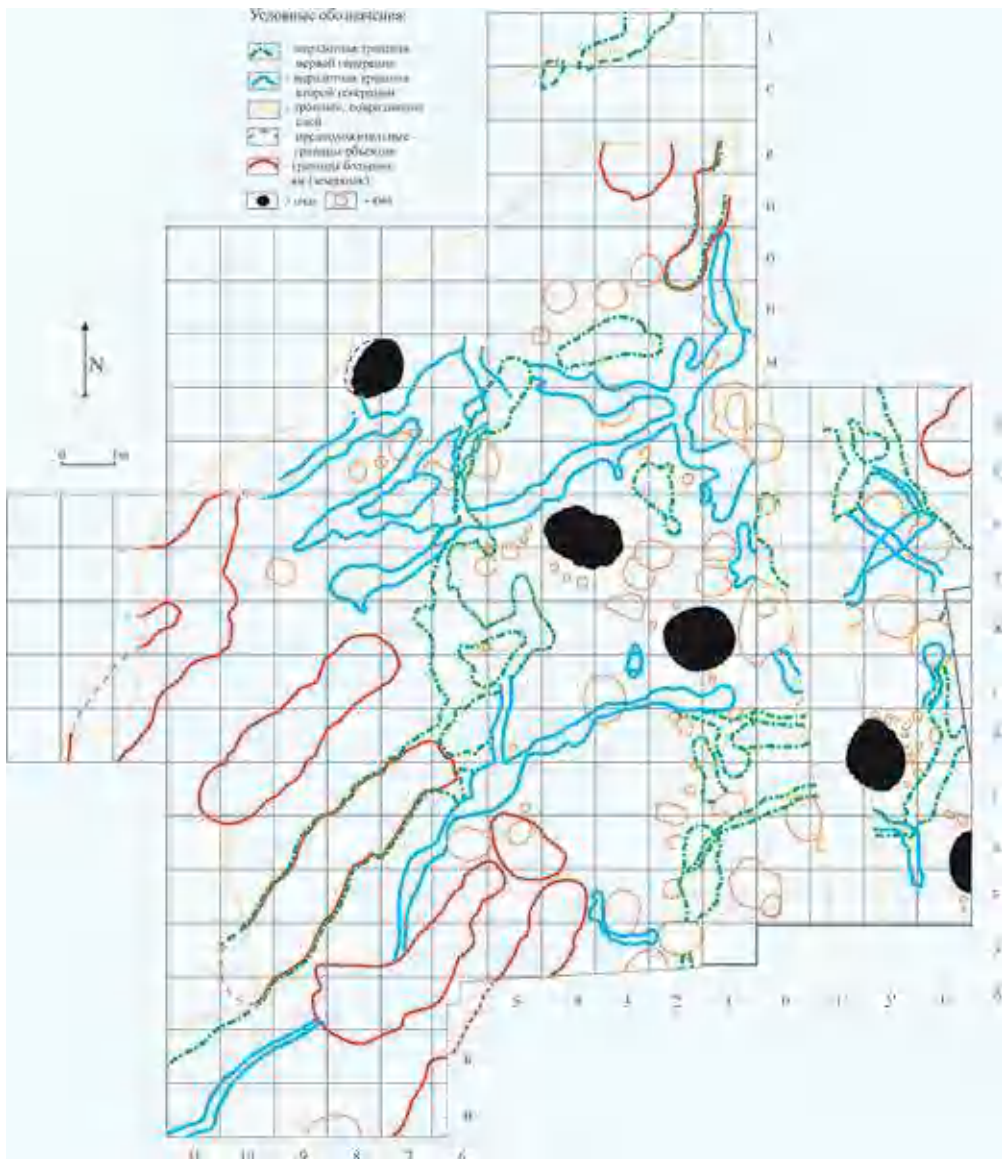

Рис. 3. Зарайск А. План объектов второго этапа формирования культурного слоя (по: Амиханов и др. 2009: 340)

но и структурными объектами: небольшим блюдцеобразным очажком и ямкой. Особо подчеркнем, что дно этого очажка обожжено⁶.

Материалы Зарайской стоянки демонстрируют изменения в организации поселений виллендорфско-костёнковской АК. В период 23–21 тыс. л. н. (два нижних горизонта обитания) это типичные костёнковско-авдеевские жилые комплексы. В период 19–16 тыс. л. н. (два верхних горизонта обитания) организация поселения становится иной. Для сколько-нибудь детальной ее характеристики данных пока недостаточно, однако уже сейчас ясно, что в этот период исчезают крупные ямы и землянки, а также большие очаги. На смену им приходят небольшие, округлые в плане углубления, интерпретируемые автором раскопок как жилища и сравнительно маленькие очаги. Система планировки поселений этого периода пока не ясна, но «отход от идеи ямы» достаточно очевиден (Амирханов 2009: 34).

Показательно, что и кремневый, и костяной инвентарь всех четырех уровней обитания (или культурных слоев) демонстрирует ярко выраженное единство культурных традиций. Зарайской кремневой индустрии посвящен отдельный раздел последней монографии о Зарайской стоянке. На данный момент это наиболее полное ее описание, хотя большая часть подсчетов основана на материалах коллекции 1980–2000 гг., без учета раскопок последующих лет (Лев 2009: 57).

В конечных выводах автор раскопок Зарайска предельно осторожен: «На данном, практически еще начальном этапе раскопок памятника мы можем наметить лишь общие контуры хронологии культурных отложений стоянки. В ориентировочном виде они представляются следующими. Первоначальное освоение территории, занятой памятником, по-видимому, относится ко времени 22–23 тысячи лет назад. Основной этап обитания людей на стоянке, фиксируемый жилой площадкой с крупными углубленными очагами, частично вскрытый раскопом 4, по нынешнему состоянию источников следует отнести к периоду 21 тысячелетия тому назад. Интервал от конца 21 и значительная часть 20 тысячелетия совпадает со временем образования второй генерации мерзлотных трещин, которые, по всей видимости, фиксируют наступление максимума поздневалдайского оледенения. Очередной этап активизации жизни на поселении отмечается для конца 20 и, может быть, начала 19 тысячелетий тому назад. И, наконец, последний этап заселения, связанный с верхней погребенной почвой, должен быть помещен где-то в промежутке 16–18 тысячелетий назад» (Амирханов 2000: 53).

Заметим, что новые $^{14}\text{C}_{\text{AMS}}$ — датировки, вопреки предсказаниям Г. П. Григорьева и А. А. Синицына, в общем соответствуют данному заключению (см. табл. 1).

⁶ Мы не рассматриваем здесь чисто умозрительные рассуждения о том, что эта погребенная почва может быть вовсе и не почвой (Григорьев, Булочникова 2004: 330), равно как и противоречивые рассуждения о том, что накопившийся в ней материал не может рассматриваться как культурный слой (Трусов 2002). Полагаем, что на замечания такого рода Х. А. Амирхановым уже был дан исчерпывающий ответ (Амирханов 2005).

2.2. Каменный и костяной инвентарь

2.2.1. Кремневая индустрия

Детальный анализ зарайского кремневого инвентаря (до 2000 г. включительно) показал, что он по всем параметрам аналогичен кремневым индустриям Костёнок 1/1 и Авдеево. Некоторые отличия (в частности, большое количество нуклеусов (свыше 300 экз.), активная первичная обработка кремня, менее экономное использование сырья) связаны с тем, что Зарайская стоянка расположена в непосредственной близости от сырьевых ресурсов. Техника скола аналогична костёнковской и авдеевской как по основным, так и по ряду специфических характеристик (Гирия 1997; Лев 2003: 7; 2009: 46–48; 62–63). То же самое можно сказать о наборе орудий. Как уже упоминалось выше, в Зарайске присутствуют все «культуроопределяющие формы» виллендорфско-костёнковской АК (Лев 2003: 7–17, 22–24) (рис. 4).

Ножи костёнковского типа (НКТ) представлены здесь в количестве свыше 1000 экз., что составило 10,5% от общего количества орудий в коллекции 1980–2000 гг. Это «...вполне отражает картину, свойственную базовым стоянкам. Какой-либо существенной разницы между НКТ Зарайской стоянки и материалами однокультурных памятников [имеются в виду Костёнки 1/1 и Авдеево. — авт.] не прослежено. Можно лишь отметить меньшую представленность двуконечных форм — в Костёнках 1/1 и Авдеево двойные ножи значительно превосходят одинарные [Гвоздовер 1998: 252], что, по всей вероятности, связано с экономным расходом сырья на этих памятниках...» (Лев 2009: 62).

Наконечники с боковой выемкой (НБВ) (типичные и атипичные) представлены в коллекции в количестве 86 экз. (включая обломки), хотя полную статистическую обработку прошли только 43 экз., найденные до 2000 г. Как показано в работе С. Ю. Льва, они демонстрируют максимальную близость (вплоть до полной идентичности) с давно вошедшими в литературу «наконечниками костёнковского типа». «Хотя у НБВ Зарайской стоянки есть и свои локальные особенности, они, однако же, не выходят за рамки типа» (Лев 2009: 67).

Листовидных наконечников (листовидных острий) на стоянке найдено 31 экз. (включая обломки). В рамках этой группы выделяются следующие разновидности: пластинчатые с параллельными краями и округлым основанием и собственно листовидные с расширением в средней части (в т. ч. формы, близкие к ромбовидной) (Лев 2009: 71–72). «Листовидные наконечники весьма характерны для индустрий Костёнок и Авдеево, а пластинчатый вариант является даже специфичным» (Амирханов 2000: 166–167).

Пластинки с притупленным краем и прямо отретушированными концами — одна из важнейших культууроопределяющих категорий костёнковско-авдеевского варианта виллендорфско-костёнковской культуры. На Зарайской стоянке к 2000 г. их было найдено 65 экз., однако в последние годы коллекция увеличилась более чем вдвое (Лев 2009: 73–74).

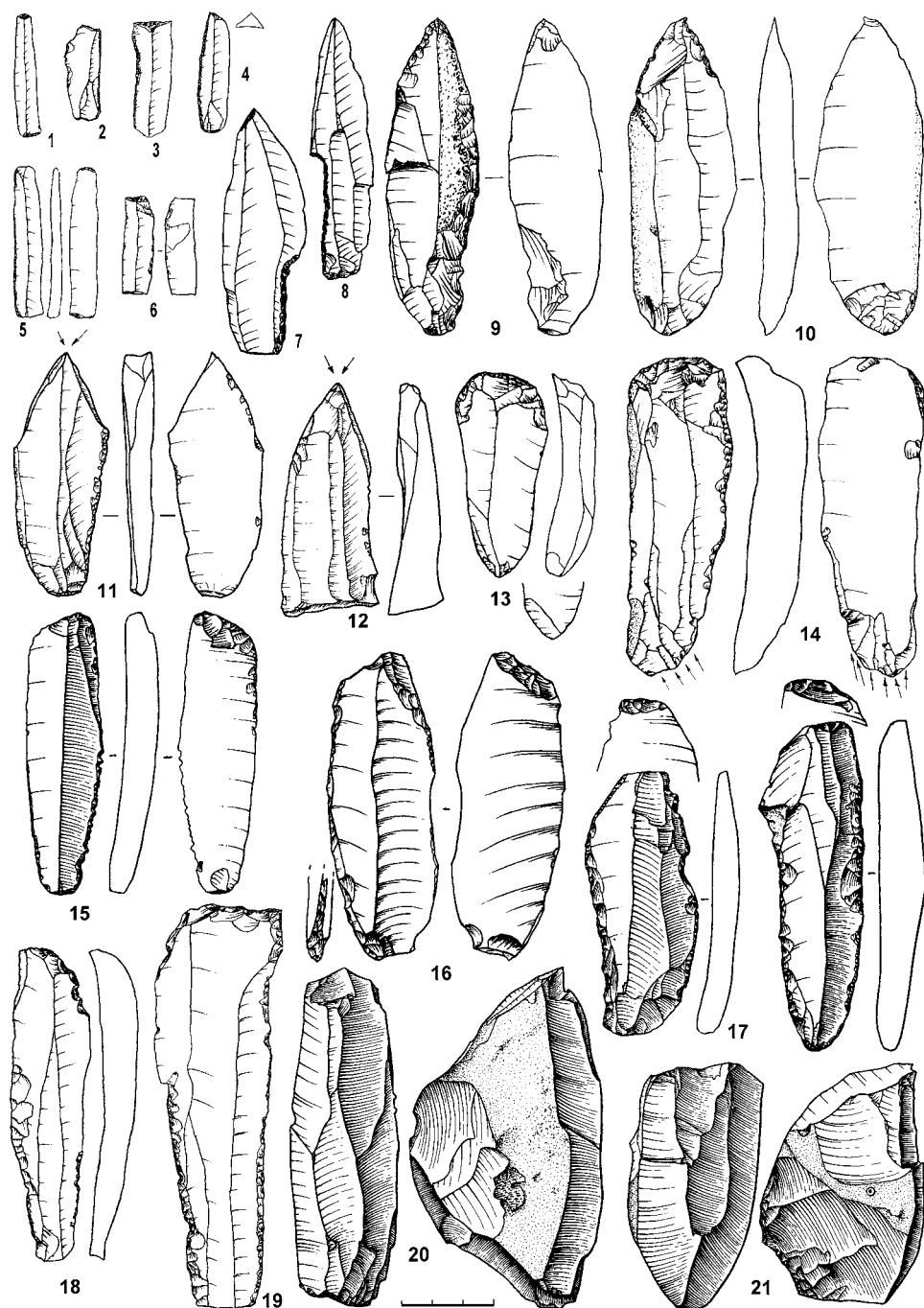

Рис. 4. Зарайск А. Кремневый инвентарь
(по: Амирханов и др., 2009, табл. 1–17)

Несомненной заслугой С. Ю. Льва является произведенный им детальный анализ скребков и резцов, приведший к важным выводам. Классификация этих орудий Зарайской стоянки построена им в виде иерархического дерева, с последовательным введением признаков различных уровней. В описании изделий делался упор на качественные, а не на количественные признаки.

Резцы (одноконечные и двуконечные) — одна из самых многочисленных категорий изделий с вторичной обработкой Зарайской стоянки. В коллекции насчитывается ~900 предметов (всего 1113 резцовых кромок), что составляет ~15% от общего числа орудий. Указанный процент вполне коррелируется с данными, имеющимися по Костёнкам 1/1 и Авдеево. Однако до сих пор на этих памятниках традиционно выделялись лишь три основные группы резцов. Классификация, разработанная С. Ю. Львом, включает 8 основных групп и 27 устойчивых разновидностей форм (Лев 2009: 86–91). «Кроме традиционного деления изделий по способу формирования площадки для последующих резцовых снятий, уделялось внимание форме резцовой кромки и целому ряду других признаков» (Там же: 129). Помимо традиционно выделяемых, обозначен целый ряд разновидностей, считающихся специфическими для Зарайской стоянки. «Однако, по личным наблюдениям автора, все эти формы присутствуют в коллекции 1 комплекса Костёнок 1, I...» (Там же: 130).

Скребки подразделены С. Ю. Львом на 3 основные группы — высокой формы, с тонким лезвием и с нормальным лезвием. За вычетом комбинированных изделий зарайская коллекция включает 250 предметов (277 скребковых лезвий). Среди них, в частности, выявлены формы, специфические для данного памятника (средние, с зауженным лезвием) (Там же: 91–102).

Таким образом, наблюдается значительная варибельность форм внутри традиционно выделяемых массовых категорий изделий. В контексте Костёнок 1/1 и Авдеево эти категории (резцы, скребки) обычно рассматривались как фоновые, не отражающие культурной специфики. «Однако сейчас уже понятно, что отмеченные на Зарайской стоянке устойчивые разновидности форм этих изделий не являются локальными. Аналогии большинству из них обнаруживаются в коллекции Костёнок 1/1, можно говорить о наличии некоторых из них на Авдеевской стоянке...» (Лев 2003: 21–22).

Закономерен и конечный вывод исследователя: «...основываясь на данных проведенного анализа каменной индустрии, вопрос о ее отнесении к костёнковско-авдеевской культуре можно считать решенным положительно...» (Там же: 22). Как будет показано ниже, этому выводу вполне соответствуют имеющиеся данные по зарайскому костяному инвентарю, украшениям и, в значительной мере, по искусству.

Немаловажно и другое заключение С. Ю. Льва, сделанное уже на основе анализа других комплексов виллендорфско-костёнковской АК. Выясняется, что эти индустрии, выступающие в литературе едва ли не как эталон «восточного граветта», при более детальном анализе оказываются не такими уж «граветтскими»: «...рассматриваемые памятники костёнковско-авдеевской культуры по трем индексам (IG, IGA, IB) выглядят как граветтийские, по двум (IBd, IBt) — как ориньякские и по одному (ILd) — как промежуточные. То есть их комплексы не являются ни ориньякскими, ни граветтскими в чистом виде...» (Там же: 23–24).

Особо отметим, что выводы, первоначально сделанные С. Ю. Львом на основе анализа лишь части коллекции, в дальнейшем нашли себе полное подтверждение. «Зарайская стоянка раскопана далеко не полностью, однако статистическая надежность представленных данных сомнений не вызывает. Во-первых, количественно рассматриваемая коллекция превосходит любую другую из сопоставляемых памятников. Во-вторых, случайная выборка материала, взятая с одного участка центральной части стоянки и проанализированная ранее, дала показатели, мало отличимые от представленных в данной работе. Можно предположить, что с расширением раскопанной площади соотношения категорий не будут меняться кардинально. Использование статистических методов позволило провести корректные сопоставления разных категорий изделий внутри памятника и выполнить сравнительный анализ с родственными памятниками...» (Лев 2009: 44).

2.2.2. Костяной инвентарь

До недавнего времени была опубликована сравнительно небольшая коллекция костяных поделок, собранных в раскопе 1995–1998 годов. С тех пор «коллекция расширилась в несколько раз... Открыты новые типы костяных изделий, выявлены не отмеченные ранее технические приемы и технологические особенности...» (Амирханов и др. 2009а: 187). Недавно опубликованный современный каталог находок обработанной кости Зарайской стоянки включает 116 изделий, считая обломки со следами обработки и износа. Однако качественный прирост информации коснулся в первую очередь предметов искусства и украшений из кости и рога и различного рода заготовок и фрагментов. Что же касается законченных орудий, то все их основные категории уже были отражены в списке, опубликованном Х. А. Амирхановым в 2000 г.

Необходимо учитывать, что остеологический материал памятника имеет плохую сохранность. Видимо, этим и объясняется отсутствие обработанных костей в верхнем культурном слое, связанном с погребенной почвой (Амирханов 2000: 175). Стоит отметить, что все костяные и бивневые орудия происходили исключительно из ям-хранилищ, относимых автором раскопок ко второму этапу заселения стоянки (т. е. третьему сверху культурному слою) (Там же: 116–148). Они представлены следующими изделиями:

1. Лопаточки из продольно расчлененных ребер мамонта (2 экз.). Одна почти целая, однако можно предполагать, что характерное для орудий этого типа головчатое навершие было обломано в древности. Вторая представляет собой крупный обломок концевой части.
2. Ложила (2 экз.). Одно оформлено на пластине бивня мамонта, второе изготовлено из продольно расчлененного ребра мамонта.
3. Бивневый наконечник с пазом (1 экз.). Нижняя часть обломана.
4. Двуконечное острие (1 экз.). Изготовленное из бивня мамонта, представлено двумя обломками. Аналогичные формы известны в Авдеево.
5. Стержневидные острия из бивня мамонта (3 экз.). Нижние концы обломаны.

6. Мотыга из бивня (1 экз.). В отличие от мотыг из Костёнок 1/1, рукояточная часть выделена не сплошным орнаментом, а двумя поперечными желобами.
7. Колотушка из бивня мамонта (1 экз.). Изготовлена из дистального конца бивня. Рукояточная часть, очевидно, приходится на сам дистальный конец. Он орнаментирован в рукояточной части. В целом, орнамент близок к типу косой сетки, хорошо представленной в Авдеево.

Помимо этого, в коллекции имеются шилья и одно игловидное острие из бивня мамонта. Многочисленны предметы со следами износа. К костяным орудиям Х. А. Амирханов относит также диафиз кости птицы с обрезанными концами (Амирханов 2000: 181).

Почти все описанные изделия из кости и бивня имеют прямые аналогии в Костёнках 1/1 и Авдеево (Амирханов и др. 2009а). Отличительной особенностью зарайских поделок является явная обедненность декора, впрочем, орнаментальные мотивы опять-таки имеют прямые аналоги в этих двух памятниках. В настоящий момент можно уверенно говорить о преемственном характере костяной индустрии двух первых этапов заселения стоянки. «Сходство проявляется, прежде всего, в единстве технологических приемов формообразования. Наиболее значимым является одинаковое оформление гравировочных элементов...» (Там же: 220).

2.3. Предметы символической деятельности

Коллекция предметов символической деятельности Зарайской стоянки, включая произведения искусства, состоит из двух женских статуэток из бивня, двух скульптурных изображений (бизона и метаподии зайца или песца), одного многофигурного гравированного изображения на фрагменте ребра мамонта, одного ожерелья, составленного из зубов песца (41 экз.), а также разрозненных зубов песца с прорезанными в корневой части отверстиями и целого ряда орнаментированных поделок из кости и бивня (Амирханов и др., 2009а; Амирханов, Лев 2007; 2009; Трусов, Житенёв 2008).

Исключительный интерес представляет собой фигурка бизона, найденная в 2001 г. в яме 71 раскопа 4, относящейся к первому, самому раннему этапу заселения стоянки (рис. 5). Фигурка представляет собой уникальное явление не только для виллендорфско-костёнковской АК, но и для всего верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы. «Это настоящая круглая скульптура, предназначенная для осмотра ее со всех сторон... Пропорции тела зверя переданы здесь чрезвычайно реалистично... Голова поставлена низко. Она массивная и короткая. Рога расходящиеся, короткие и толстые. Концы рогов не загибаются, что в реальности характерно для молодых особей бизона. Грива передана в виде невысокого валика, гравированного частыми поперечными нарезками, которые перечеркиваются короткими косыми линиями. В результате получается орнамент в виде «косоугольного креста». Начинается грива от затылочной части и заканчивается чуть ниже вершины горба. В верхней, зауженной части

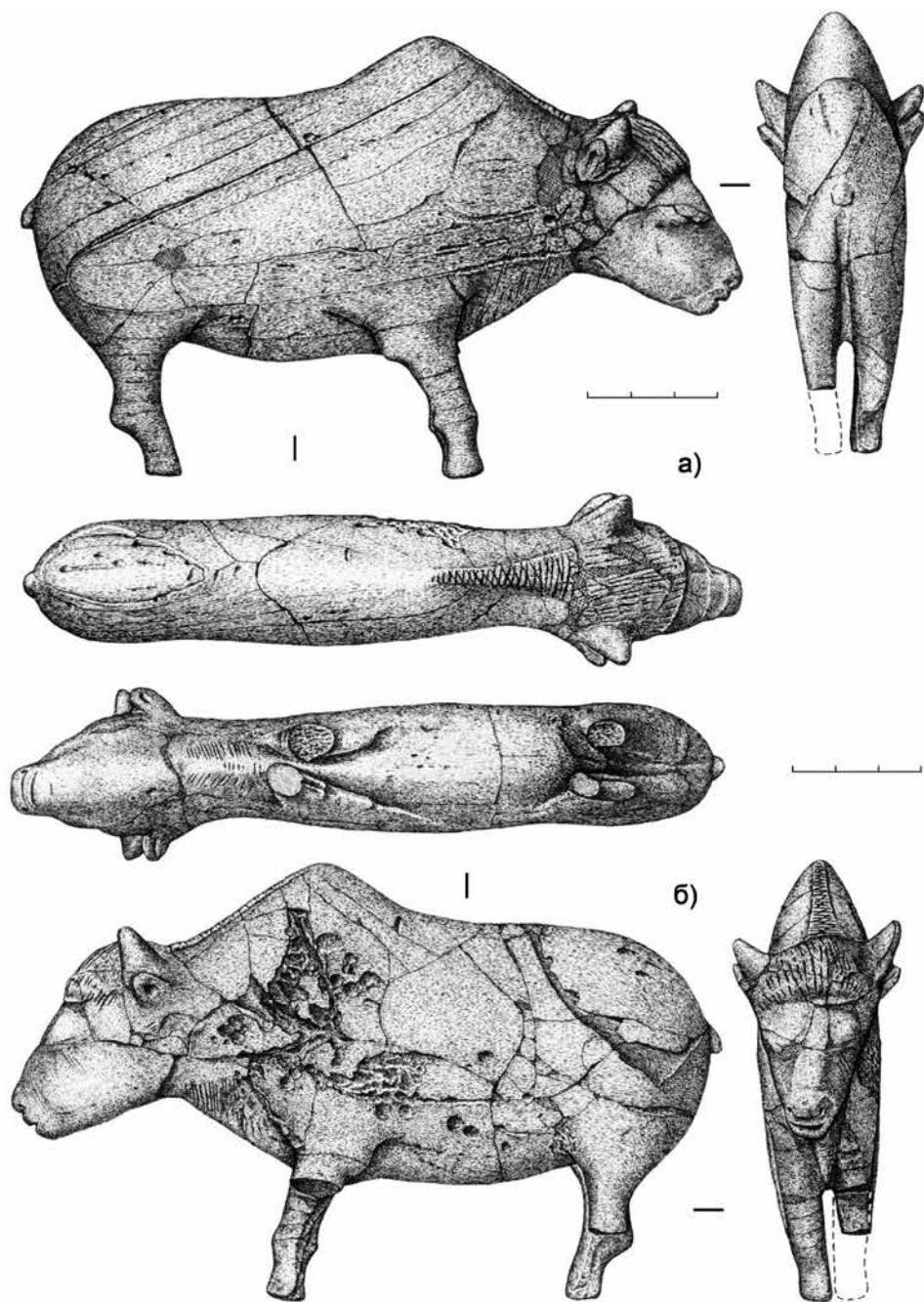

Рис. 5. Прорисовка статуэтки бизона со стоянки Зарайск А.
Рисунок А. Е. Кравцова. а — вид справа, сзади, сверху; б — вид спереди, слева, снизу (по: Амирханов, Лев 2009: 308–309)

крестообразный характер орнамента более регулярный. Здесь он воспроизводится двумя косыми перекрещивающимися резными линиями. Подобный орнаментальный мотив характерен для предметов искусства из памятников костёнковской культуры...» (Амирханов, Лев 2004б: 311).

Главную особенность зарайской статуэтки авторы определяют как «сочетание натурализма в изображении объекта в целом со стилизованной передачей отдельных, второстепенных [...] деталей экстерьера». Другая, более общая ее черта — «включение орнаментальных приемов в арсенал художественных средств... скульптуры» (Там же: 316).

По своим стилистическим характеристикам зарайский бизон не имеет прямых аналогов в зооморфных изображениях Центральной и Восточной Европы (за исключением, возможно, лишь одной находки — всемирно известной головки пещерной львицы из Костёнок 1/1, выполненной с исключительным реализмом) (см. рис. 22, 5). Зато в контексте искусства Западной Европы данное изображение находит себе точное место: оно соответствует второму солютрейско-мадленскому стилю по А. Брейлю, или первому этапу четвертого (классического) стиля по А. Леруа-Гурану.

Авторы публикации справедливо указывают: какой из этих классификаций ни придерживаться, все равно зарайская статуэтка оказывается на несколько тысячелетий древнее того периода, когда в Западной Европе получает широкое распространение упомянутый выше художественный стиль (Там же). На наш взгляд, это лишнее свидетельство тому, что стиль в искусстве — вовсе не есть синоним однолинейного, «прогрессивного» развития какого-то вида изобразительной деятельности. Тем более он не может использоваться для датировки памятника. Не менее важен и следующий вывод: «...произведения искусства не всегда отражают археолого-культурную специфику того или иного памятника. Это особенно справедливо для тех случаев, когда их отдельные образцы мы рассматриваем вне общего контекста культуры» (Там же: 318). В связи с этим закономерен и вопрос, поставленный соавторами в связи с наличием на зарайской скульптуре типично костёнковского орнаментального мотива: не является ли орнамент, с точки зрения культурных идентификаций в палеолите, более показательным, чем произведения мелкой пластики?

Чрезвычайно любопытны некоторые детали, отмеченные на скульптуре бизона, а главное — сам контекст находки. Исследователи считают, что: «...основным назначением фигурки было ее использование в религиозно-магических целях, а археологический контекст, в который она включена, является материализованным выражением какого-то отрезка охотничьего ритуального обряда. Последовательность действий, отразившаяся в указанных археологических остатках, предстает следующим образом. В момент включения статуэтки в обрядовое действие, которое, по-видимому, наступило спустя не слишком много времени после ее изготовления, у статуэтки были обломаны две ноги, и на левую сторону груди несколькими сильными ударами нанесены повреждения, символизирующие раны. С противоположной стороны на область груди была нанесена красная минеральная краска (охра), которая, как не трудно предположить, имитировала вытекающую кровь. После этого фигурку, изображаю-

щую убитого и истекшего кровью бизона, весьма заботливо уложили в боковую нишу, устроенную в придонной части подготовленной для этого заранее глубокой ямы. Причем, уложили не на само дно, а на сооруженное специально небольшое возвышение. Символическая церемония погребения статуэтки, а по существу, бизона, была завершена засыпкой ямы землей доверху» (Амирханов, Лев 2004б: 319).

На наш взгляд, это описание представляет собой редкий образец не надуманной, а научно обоснованной интерпретации того, что мы именуем «произведениями палеолитического искусства» и рассматриваем, в подавляющем большинстве случаев, вне археологического контекста⁷.

Отдельный интерес представляет собой имитация метаподии зайца или песка, выполненная из бивня мамонта. Этот предмет также относится к древнейшему этапу заселения Зарайской стоянки. Аналогии ему имеются пока только в Авдеево, где в первом жилом комплексе была найдена имитация метаподии зайца, выполненная в бивне и орнаментированная. Позднее в одной из ям второго жилого комплекса Авдеева была также обнаружена имитация в бивне метаподии волка (Гвоздовер 1983: 56, рис. 14, 5–6; Gvozdover 1995: 39–40, fig. 150, 151, 1,4).

Обе женские статуэтки Зарайской стоянки изготовлены из бивня мамонта (рис. 6, 7). Они были обнаружены в двух соседних ямках-хранилищах, относящихся ко второму этапу формирования культурных отложений памятника (Амирханов, Лев 2009: 317–330). При этом статуэтки находились в ямках в аналогичном контексте: обе в средней части заполнения, у стенки ямы; обе прикрыты сверху лопатками мамонта. Одна из фигурок не закончена (рис. 7), вторая же характеризуется теми особенностями, которые позволяют отнести ее к стилю, обозначаемому в специальной литературе как авдеевский (Гвоздовер 1985: 43–45; рис. 6).

Не менее интересно гравированное изображение трех перекрывающих друг друга фигур мамонтов, ориентированных слева направо, выполненное на фрагменте ребра мамонта длиной 18 см (рис. 8). Наиболее выразительным является первое, дальнее, изображение мамонта. Наличие композиции предполагает передачу обратной перспективы, т. к. мамонт на дальнем плане показан более

⁷ Критика не замедлила последовать (Григорьев, Булочникова 2005). Авторы соглашались с тем, что «Изображение и в самом деле — натуралистично» (Там же: 87). Однако все остальные выводы начисто отвергаются: преднамеренного слома ног не было, имитации ран и крови не было, преднамеренного захоронения не было, контекст находки определен неверно, стало быть, неверна интерпретация. Невольно приходит на ум отрывок из бессмертного романа Михаила Булгакова: «Нет это положительно интересно,— трясясь от хохота, проговорил профессор,— что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!». Мы со своей стороны полагаем, что о таких вещах лучше могут судить те, кто расчищал статуэтку в полевых условиях, на месте анализировал ее контекст, а впоследствии собирал ее по крупичкам. Несколько удивляет другое: длинные рассуждения оппонентов на тему, кого же изображает эта фигурка — бизона или быка? Кажется, для ответа на этот вопрос достаточно обратиться к ареалу распространения быков (*Bos primigenius*) чтобы убедиться: бассейн р. Оки в указанный ареал не входил.

Рис. 6. Зарайск А. Женская статуэтка из бивня мамонта (высота 16,6 см)
(по: Амирханов, Лев 2009: 318–319)

крупно, чем фигуры на переднем плане, и выглядит идущим впереди остальных. В стилистико-художественном отношении данное изображение относится ко второму стилю палеолитического изобразительного искусства по А. Леруа-Гурану (Амирханов, Лев 2007: 31–33). Показательно, что на гравированные изображения мамонтов была нанесена серия преднамеренных повреждений, по-видимому, имитирующих убийство зверей. Таким образом, эта гравировка может рассматриваться как свидетельство: а) наличия обрядов охотничьей магии; б) того, что мамонт являлся охотничьей добычей (Амирханов, Лев 2009: 333–335).

Украшения представлены на Зарайской стоянке подвесками из зубов песка с отверстиями, прорезанными в корневой части (рис. 9). Из 62 зубов 47 залежали отдельным скоплением в яме-хранилище и были обнаружены А. В. Трусовым в 1994 г. (Трусов, Житенёв 2008: 427). Подобное же скопление открыто и на Авдеевской стоянке (Gvozdover 1995: 84). То, что отверстие именно прорезалось, а не просверливалось, является опять-таки специфической чертой, свойственной виллендорфско-костёнковской АК.

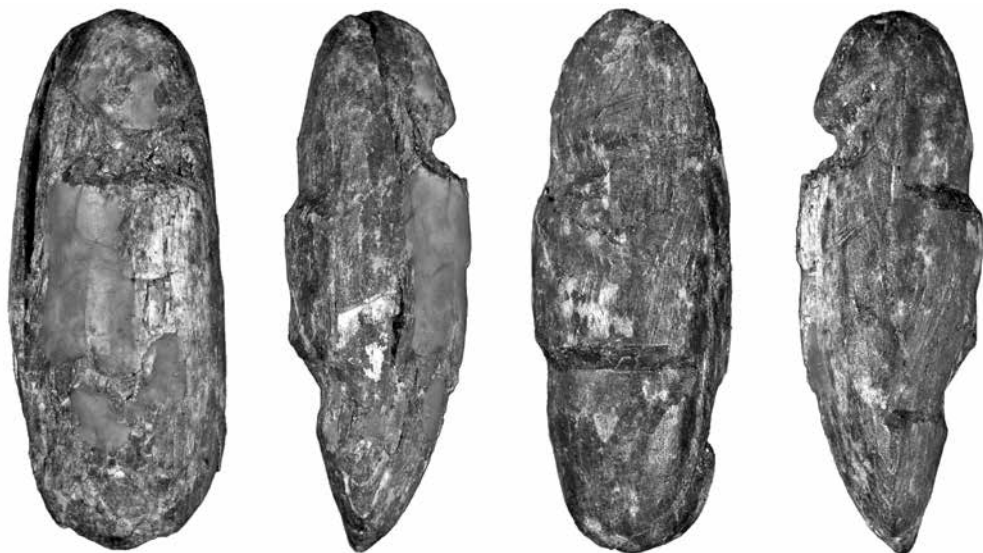

Рис. 7. Зарайск А. Женская статуэтка из бивня мамонта (высота 7,4 см)
(по: Амирханов, Лев 2009: 326)

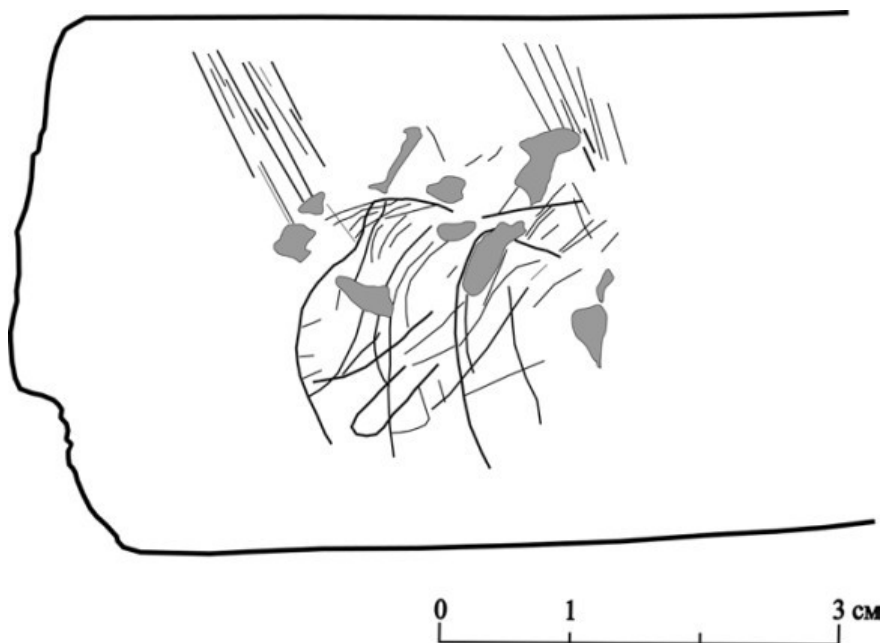

Рис. 8. Зарайск А. Фрагмент ребра мамонта с прорисовкой
изображения мамонтов и намеренными следами повреждения
(по: Амирханов, Лев 2009: 334)

Рис. 9. Зарайск А. Ожерелье из зубов песка (по: Трусов, Житенёв 2008)

Помимо описанных выше предметов, из которых практически каждый представляет собой выдающееся произведение палеолитического искусства, на стоянке найден еще целый ряд предметов с гравировками в виде параллельных нарезок или косо́го креста (рис. 10). Из них особого упоминания заслуживает предмет из бивня в виде усеченного конуса с отверстием, выполненным в технике встречного сверления на толщину 14 мм (рис. 11). Эта техника в принципе не характерна для виллендорфско-костёнковской культуры. Однако наличие упомянутого предмета в яме, относящейся к древнейшему этапу жизни на поселении, свидетельствует о том, что она была прекрасно известна населению этой культуры, причем в достаточно развитом виде (Амирханов, Лев 2009: 331).

Рис. 10. Зарайск А. Фрагмент трубчатой кости (птицы?) с гравировкой «косым» крестом (длина 2,2 см) (по: Амирханов, Лев 2009: 331)

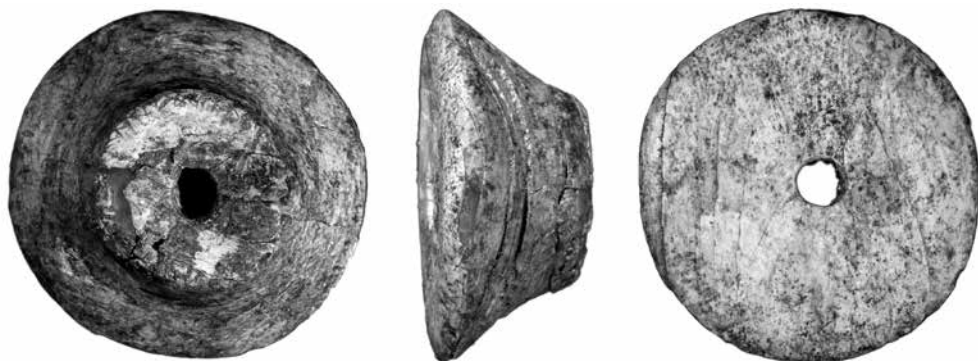

Рис. 11. Зарайск А. Предмет из бивня мамонта в виде усеченного конуса с просверленным в центре узким сквозным вертикальным отверстием (диаметр основания 3,7 см) (по: Амирханов, Лев 2009: 332)

2.4. Керамика (фрагменты глиняной массы)

На Зарайской стоянке было найдено то, что в Костёнковской экспедиции принято называть керамикой, а Х. А. Амирханов предпочитает именовать «фрагментами глинистой массы». Они действительно представляют собой бесформенные комки слабо обожженной глинистой массы. Специальный анализ, проведенный Ю. Б. Цетлиным, показал, что «в производственной и бытовой жизни обитателей Зарайской стоянки практиковалось изготовление и использование (пока с неясной для нас целью) особой глиняной смеси с добавкой жира» (Амирханов 2000: 182). Х. А. Амирханов предполагает, что эта смесь «могла храниться на протяжении какого-то времени, будучи завернутой во что-то или заключенной в мешочек из какого-то мягкого материала» (Там же). Ее назначение неясно. Находки такого рода малочисленны, а в верхнем культурном слое полностью отсутствуют. Однако в связи с подобными находками, сделанными ранее во втором жилом комплексе Костёнок 1/1 (см. ниже), их значение в качестве одного из культуроопределяющих факторов весьма велико.

2.5. Заключение

Значение уже имеющихся на сегодняшний день результатов по Зарайской стоянке трудно переоценить. Они не просто внесли новый штрих в старую проблему виллендорфско-павловско-костёнковского культурного единства, но заставили взглянуть на эту проблему под иным, во многом неожиданным углом зрения.

1. Ареал распространения виллендорфско-костёнковской АК простирается отныне на север, по меньшей мере до бассейна Оки. Еще важнее то, что хронологические границы культуры расширились, как минимум, на 5–6 тыс. лет В своей рецензии Г. П. Григорьев и Е. В. Булочникова пишут о времени существования на Русской равнине виллендорфско-костёнковской (костёнковско-авдеевской) АК следующее: «Как полагают теперь исследователи костёнковской культуры и восточного граветьена, костёнковская культура существовала непродолжительное время — около 22–21 000 лет от наших дней» (Григорьев, Булочникова 2004: 329). Однако именно *теперь*, после опубликования результатов исследования Зарайской стоянки, по крайней мере часть исследователей памятников костёнковско-авдеевского круга полагает совершенно иное: эта культура просуществовала на Русской равнине по меньшей мере до 17–16 тыс. л. н.
2. Сравнительные характеристики материалов Зарайской стоянки, разделенных по четырем хронологическим группам, показывают, что за период 23–16 тыс. л. н. в облике этой культуры действительно происходят серьезные изменения. В первую очередь они касаются структуры поселения. Типичные костёнковско-авдеевские жилые комплексы характерны только для первых двух этапов существования памятника (23–20 тыс. л. н.). На более поздних этапах (два верхних горизонта обитания; ~19–16 тыс. л. н.), структурные объекты меняют свой характер и, вероятно, организованы по-иному.
3. Вместе с тем, технико-типологические характеристики кремневого инвентаря на всех четырех этапах существования стоянки очень сходны и близки именно к костёнковско-авдеевскому, а не к павловско-хотылёвскому типу индустрий.

Таким образом, уже сейчас можно сделать вывод о необходимости коренного пересмотра прежних устоявшихся представлений на всю проблематику виллендорфско-павловско-костёнковского культурного единства на Русской равнине, а заодно и на целый ряд проблем, связанных с изучением и интерпретацией таких всемирно известных памятников, как Костёнки 1/1 и Авдеево. В первую очередь это касается вопроса о продолжительности их существования.

Приложение

Зарайская стоянка: радиометрические даты

С.Ю. Лев

Зарайская стоянка представляет собой группу памятников эпохи верхнего палеолита, разнесенных во времени (от 23 до 16 тыс. л. н.) и пространстве. Стоянки расположены на соседних мысах правого берега р. Осетр (правый приток р. Оки), и были обозначены буквами латинского алфавита от А до D (Амирханов и др. 2009). В наибольшей степени изучено многослойное поселение Зарайск А, известное находками палеолитического искусства. На значительной площади раскопана однослойная стоянка Зарайск В с четкой планиграфической струк-

турой. В 2016 г. в Зарайске были проведены масштабные разведочные работы, в результате которых выявлены два новых памятника.

На сегодняшний день по материалам стоянок было получено более 50 ¹⁴C и AMS дат, большая часть которых приходится на Зарайск А (Сулержицкий 2004). Основным материалом для датирования служил костный уголь, представленный на памятнике в большом количестве, а также фаунистические останки и верхняя погребенная почва (гумус), надежно привязанные к археологическому контексту. Большая часть образцов отбиралась из объектов культурных слоев (углубленные объекты — разные типы ям, очаги, полуземлянки, а также фиксируемые уровни обитания в виде линз угля и охры с определенным залеганием находок) с учетом особенностей стратиграфии и пространственного распределения. В редких случаях имеются стерильные прослойки, разделяющие эпизоды обитания, в остальных на помощь приходит комплекс методов, связанных с анализом интерстратификации объектов. Исследователи памятника исходят из принципа, что принадлежность любого объекта к тому или иному культурному слою необходимо доказывать.

Ряд объектов на Зарайске А (например, очаги) имеет по несколько дат. В некоторых случаях дата, полученная со дна очага, существенно более древняя, чем дата из верха заполнения. Это вполне объяснимо со стратиграфической точки зрения. Но есть также примеры, когда даты, с археологической точки зрения сильно «омоложенные», объяснить затруднительно. Очаги заполнены костным углем разной плотности, цвета, который зависит от степени прокала, и размерности обломков. В некоторых случаях выявлено несколько этапов использования очагов. На датирование брался как уголь после промывки заполнения, так и само заполнение без этапа промывки. Для этих двух типов образцов из одного контекста применялась различная методика: заполнение датировалось по щелочной вытяжке, костный уголь — согласно методике, описанной в (Гвоздовер, Сулержицкий 1979). Было установлено, что образцы, датировавшиеся по вытяжке, показывают значения моложе примерно на 3000 лет от ожидаемого и в ряде случаев полученного ранее из того же объекта результата. То есть образцы мелкодисперсного костного угля, происходящие из очагов и обработанные по методике щелочной вытяжки, рассматриваются как не валидные (Лев и др. 2019).

Таблица 1. Зарайская стоянка: радиометрические даты

№	Общие сведения	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	Зарайск-А, раскоп 3, 1989	КС IV, верх. погр. почва, кострище	Костный уголь	15 600±300	ГИН-6035	1, 2
2	Зарайск-А, раскоп 1, 1995	КС IV, верх. погр. почва, очаг № 1	То же	16 200±1 000	ГИН-8489	То же
3	Зарайск-А, раскоп 4, 2002	КС II, очаг № 10 (яма 79), кв. М, Л – 7, 8	Костный уголь (щел. вытяжка) ¹	16 410±190	ГИН-14451а	Не публ.

Продолжение табл. 1

№	Общие сведения	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
4	Зарайск-А, раскоп 4, 2004	КС I, очаг № 11 (яма 91), кв. Б, В – 2, 3, гл. -120/-125, нижняя углистость	Костный уголь (щел. вытяжка)	16 500±120	ГИН-14450	Не публ.
5	Зарайск-В, раскоп 5, 2011	КС IV, верх. погр. почва, углистое пятно, кв. Д-11', гл. -128/-133	Костный уголь	16 520±760	ГИН-14458а	4
6	Зарайск-А, раскоп 1, 1982	КС IV, верх. погр. почва, кострище	То же	16 700±1 200	ГИН-3726	2
7	Зарайск-А, раскоп 4, 2005	КС I, очаг № 13 (яма 110), кв. А-1, гл -130/-138	Костный уголь (щел. вытяжка)	17 080±210	ГИН-14456	Не публ.
8	Зарайск-А, раскоп 4, 2005	КС II, очаг № 12 (яма 108), дно, кв. Г, Д – 2'	Костный уголь (щел. вытяжка)	17 090±130	ГИН-14452	Не публ.
9	Зарайск-А, раскоп 4, 1997	КС III, очаг № 4	Костный уголь	17 100±330	ЛЕ-5346	2
10	Зарайск-А, раскоп 4, 1998	КС III, очаг № 6	То же	17 500±550	ГИН-9866	2
11	Зарайск-А, раскоп 4, 1998	КС III, очаг № 6	То же	17 600±200	ГИН-9865	1, 2
12	Зарайск-А, раскоп 4, 2000	КС I, очаг № 9 (яма 53)	То же	17 890±110	GrA-22038 (AMS)	Не публ.
13	Зарайск-В, раскоп 5, 1996	КС IV, верх. погр. почва	Гумус	17 900±200	ГИН-8865	2
14	Зарайск-А, раскоп 1, 1983	КС III (яма 4), кв. Л-2	Зуб мамонта	18 300±200	ГИН-3727	2
15	Зарайск-А, раскоп 4, 1994	КС III, углистая прослойка, связанная с очагом № 3	Костный уголь	19 000±200	ГИН-8487	2
16	Зарайск-А, раскоп 4, 2005	КС II, очаг № 14 (яма 111), кв. Б, В – 3'	То же	19 090±50	ГИН-14455	Не публ.
17	Зарайск-А, раскоп 4, 2005	КС II, очаг № 14 (яма 111), дно, кв. Б, В – 3'	То же	19 090±100	ГИН-14454	Не публ.

Продолжение табл. 1

№	Общие сведения	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
18	Зарайск-А, раскоп 4, 1994	КС III, углистая прослойка, связанная с очагом № 3	То же	19 100±200	ГИН-8397	1, 2
19	Зарайск-А, раскоп 4, 1996	КС III, очаг № 3	То же	19 100±260	ГИН-8975	1, 2, 3
20	Зарайск-А, раскоп 4, 1994	КС III (яма 33), кв. Н-3	То же	19 200±300	ГИН-8396	То же
21	Зарайск-А, раскоп 4, 2001	КС II (яма D), кв. Ж-11	То же	19 250±60	ГИН-14458	Не публ.
22	Зарайск-А, раскоп 4, 2005	КС II очаг № 12 (яма 108) кв. Г, Д – 2'	То же	19 500±60	ГИН-14453	Не публ.
23	Зарайск-А, раскоп 4, 2003	КС II (яма С), дно, кв. А, А' – 6-8	То же	19 870±220	ГИН-14457	Не публ.
24	Зарайск-А, раскоп 4, 1995	КС III, верхи красноватой супеси, кв. Н-2, край ямы	Зуб мамонта	19 900±260	ГИН-8486	1, 2
25	Зарайск-А, раскоп 4, 1997	КС II, очаг № 4, материал из промывки – мелкая «грязная» фракция	Костный уголь + обожженная кость	19 900±400	ГИН-9504	2
26	Зарайск-А, раскоп 4, 2000	КС I, очаг № 7 (яма 2)	Костный уголь	19 950±140	GrA-22039 (AMS)	Не публ.
27	Зарайск-А, раскоп 4, 2004	КС II, (яма E), дно, кв. А, Б – 4, 5	То же	20 210±70	ГИН-14459	Не публ.
28	Зарайск-А, раскоп 4, 1997	КС II, кв. Л – 3, 4, заполнение большого углубления	То же	20 400±600	ГИН-9506	1, 2
29	Зарайск-А, раскоп 4, 1997	КС II, очаг № 4, разборка заполнения	Мелкий уголь хорошо пропеченной кости	20 500±300	ГИН-9505	То же
30	Зарайск-А, раскоп 4, 2001	КС I (яма 72), дно	Костный уголь	20 570±150	GrA-22037 (AMS)	Не публ.

Окончание табл. 1

№	Общие сведения	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
31	Зарайск-А, раскоп 4, 1997	КС II, очаг № 6, верх заполнения углубления очага	То же	20 600±750	ГИН-9507	1, 2
32	Зарайск-А, раскоп 4, 1995	КС I, кв. Е-4, коричневатая супесь	Зуб мамонта	21 000±430	ГИН-8484	То же
33	Зарайск-А, раскоп 4, 2001	КС I (яма 71), дно	Костный уголь	21 150±220	GrA-22083 (AMS)	Не публ.
34	Зарайск-А, раскоп 4, 2000	КС I, очаг № 8 (яма 51)	То же	21 270±230	GrA-22072 (AMS)	Не публ.
35	Зарайск-А, раскоп 4, 2002	КС II, очаг № 10 (яма 79), кв. М, Л – 7, 8	То же	21 370±70	ГИН-14451	
36	Зарайск-А, раскоп 4, 1995	КС I, очаг № 2, золистое пятно, уровень коричневатой супеси	То же	21 400±500	ГИН-8488	1, 2
37	Зарайск-А, раскоп 4, 1994	КС I	Зуб мамонта	21 600±300	ГИН-8485	То же
38	Зарайск-А, раскоп 1, 1983	КС I (яма 7), уровень песка, перекрывающего верхний очажный прослой в яме	Зуб мамонта, обожженный	22 300±300	ГИН-3998	2
39	Зарайск-А, раскоп 4, 2001	КС I (яма 71), кв. Ж-9, дно, гл. -208	Фрагмент лапки песка	22 850±150	ОхА-26999	Не публ.
40	Зарайск-А, раскоп 4, 1995	КС I, кв. О-2, уровень красноватой супеси	Зуб мамонта	23 000±400	ГИН-8397а	2

Источники: 1 — Сулержицкий 2004; 2 — Амирханов 2000; 3 — Амирханов и др. 2009; 4 — Лев, Еськова 2016.

¹ Курсивом выделены даты, обработанные по методике щелочной вытяжки, которые ныне не рассматриваются как достоверные.

Глава 3

Виллендорфско-костёнковская археологическая культура на Среднем Дону: памятники Костёнок

3.1. Вводные замечания

В Костёнковско-Борщёвском районе данная АК представлена следующими памятниками: Костёнки 1/1; 13; 14/1; 18 (рис. 12). Обратим особое внимание на то, что все они локализуются в одном логу — Покровском. Стоянки Костёнки 1/1, 13 и 18 расположены на левом борту этого лога, ближе к устью, в непосредственной близости друг от друга. Они как бы составляют единый комплекс. Вопрос заключается в том, как же образовалось это единство?

А. Н. Рогачёв был склонен рассматривать все три памятника, как остатки некой обширной «палеолитической деревни», существовавшей более или менее одновременно (устные беседы, в печати не отражено). Х. А. Амирханов, опираясь на раскопки Зарайской стоянки, считает, напротив, что такая ситуация сложилась в Костёнках вследствие периодического переноса мест обитания с одного участка на соседний. Иными словами, он убежден не в одновременности, хотя бы и относительной, но в разновременности объектов, вскрытых на всех трех пунктах (Амирханов и др. 2001). На имеющихся в нашем распоряжении материалах окончательно решить этот вопрос невозможно.

Стоянка Костёнки 14/1 расположена в глубине Покровского лога на правом его борту (рис. 13, 14). Её принадлежность к виллендорфско-костёнковской АК, судя по типологии кремневого инвентаря, сомнений не вызывает (Рогачёв, Сидицын 1982: 147–148).

Более или менее развернутые характеристики всех перечисленных выше стоянок были даны в нашей последней монографии (Аникович и др. 2008: 190–193). Здесь мы ограничимся самыми общими сведениями о наиболее выдающемся, опорном памятнике этого круга — Костёнки 1/1. Отметим заодно, что соседняя стоянка Костёнки 18, расположенная ближе к долине Дона, возможно, имела культовый характер. Во всяком случае, там было обнаружено погребение ребенка и три довольно специфические ямы, которые А. Н. Рогачёв считал вотивными (Рогачёв, Беляева 1982: 188).

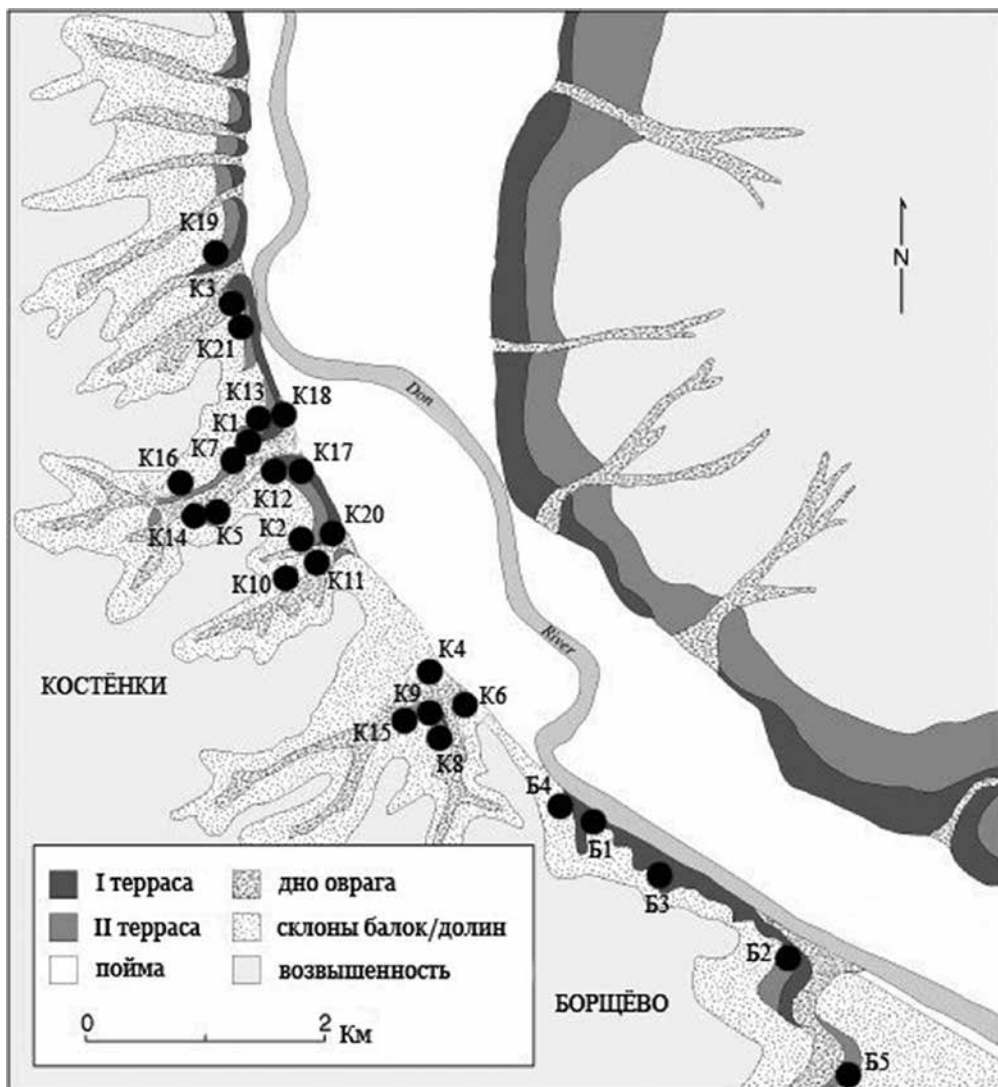

Рис. 12. Схема расположения верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района (по: Аникович и др. 2008: 7)

3.2. Костёнки 1/1: структура поселения¹

Бесспорно, самый богатый и выразительный материал по виллендорфско-костёнковской АК на Русской равнине дают материалы верхнего слоя Костёнок 1. Здесь открыты жилые комплексы, представляющие собой овальные в плане скопления культурных остатков, площадью свыше 500 м² каждый (рис. 15, 16).

¹ Раздел написан при участии Н.И. Платоновой.

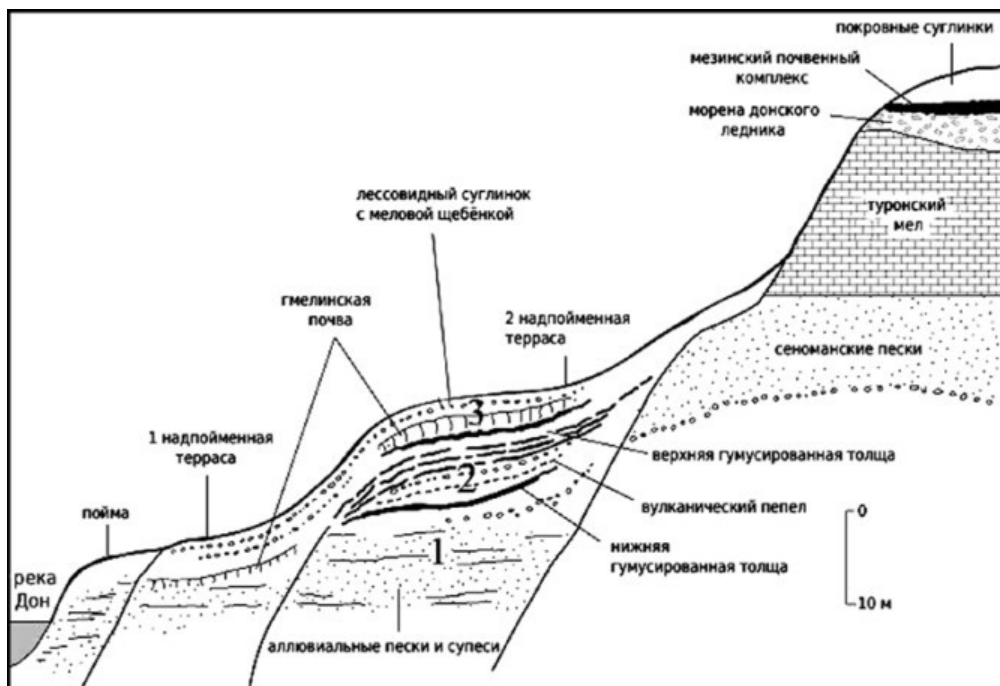

Рис. 13. Схема геолого-геоморфологического строения правобережья долины Дона в Костёнковско-Борщёвском районе. 1, 2, 3 — пачки отложений 1, 2, 3.

По: (Лазуков 1982: рис. 4), с дополнениями и уточнениями В. Т. Холлидея (Holliday, Hoffecker, Goldberg et al. 2007: fig. 2).

Пачка 1 (> 50 тыс. л. н.) — аллювий второй террасы и коллювий, перекрытые мелкозернистыми отложениями;

Пачка 2 (50–26 тыс. л. н.) — горизонты, связанные с верхней и нижней гумусированными толщами, разделенными прослойками вулканического пепла;

Пачка 3 (<26 тыс. л. н.) — переотложенные лессы с погребенной почвой (гмелинской), перекрытые ледниковым лессом и черноземом, слагающими поверхность второй террасы

По окружности овала располагаются восьмёркообразные полуземлянки, для перекрытия которых использовались крупные кости мамонта, а также ямы-кладовые, заполненные такими костями. Центральная часть жилых комплексов изрыта многочисленными ямками-хранилищами различной величины, глубины и конфигурации. По длинной оси овала расположен ряд очагов.

Как уже упоминалось выше, серьезных, целенаправленных попыток хроностратиграфического членения объектов в ходе раскопок не предпринималось. Хотя, безусловно, исследователи понимали, что далеко не все они могли функционировать одновременно. Так А. Н. Рогачёв предполагал, что землянка А (рис. 17) и небольшое округлое наземное жилище первого жилого комплекса Костёнок 1/1 представляют собой особый, более ранний строительный комплекс, которому принадлежат также очаги, выпадающие из общей центральной

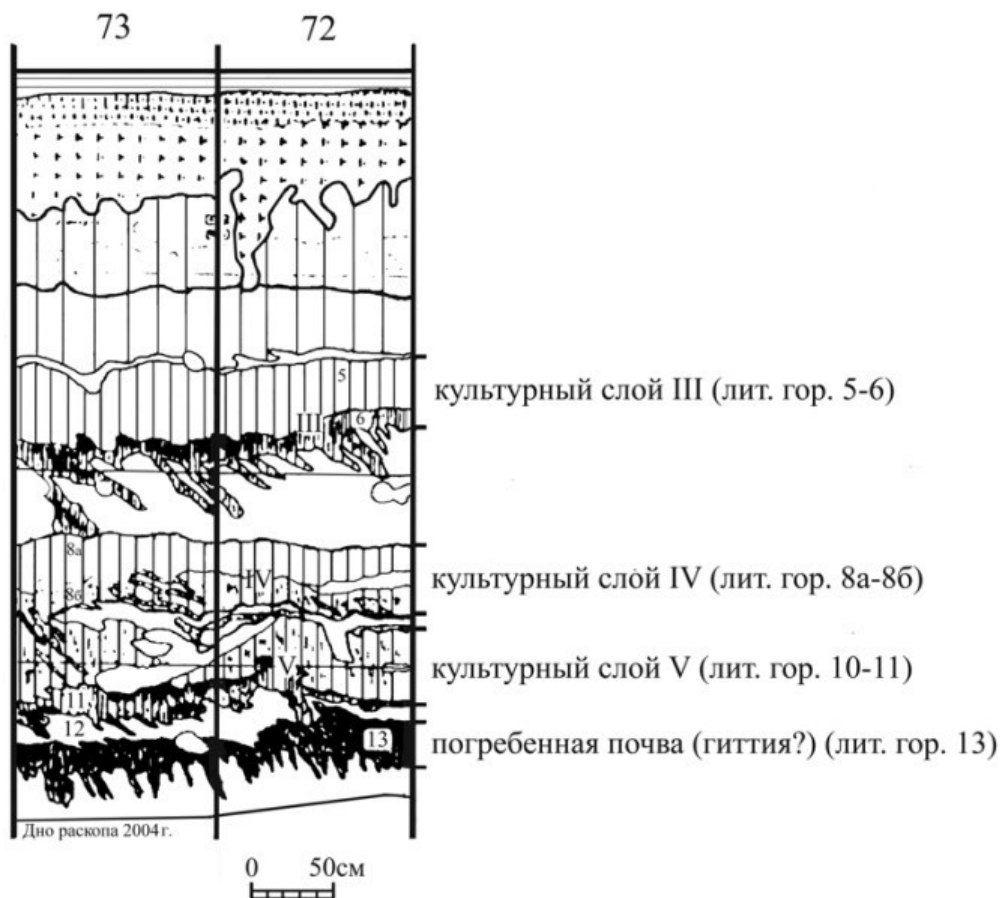

Рис. 14. Костёнки 1. Полный разрез западной части стоянки по линии Ь (по: Аникович и др. 2008: 95)

линии (Рогачёв и др. 1982: 47). Но все это осталось не более чем умозрительным предположением.

Столь же умозрительный характер вплоть до последнего времени носили и возражения. Одни исследователи считали упомянутое округлое наземное жилище «малодостоверным» (Сергин 1998: 151), другие — «результатом фантазии П. П. Ефименко» (Григорьев, Булочникова 2004: 332). Но, как уже было показано выше (см. разд. 2.1) в Зарайске второй сверху горизонт обитания действительно содержит округлые западины 3–3,5 м в диаметре, которые исследователи стоянки склонны интерпретировать, как жилища. Этот факт, на наш взгляд, говорит в пользу интерпретации П. П. Ефименко, с одной оговоркой: судя по материалам Зарайской стоянки, этот особый комплекс в Костёнках 1/1 скорее всего является не самым ранним, а самым поздним элементом культурного слоя.

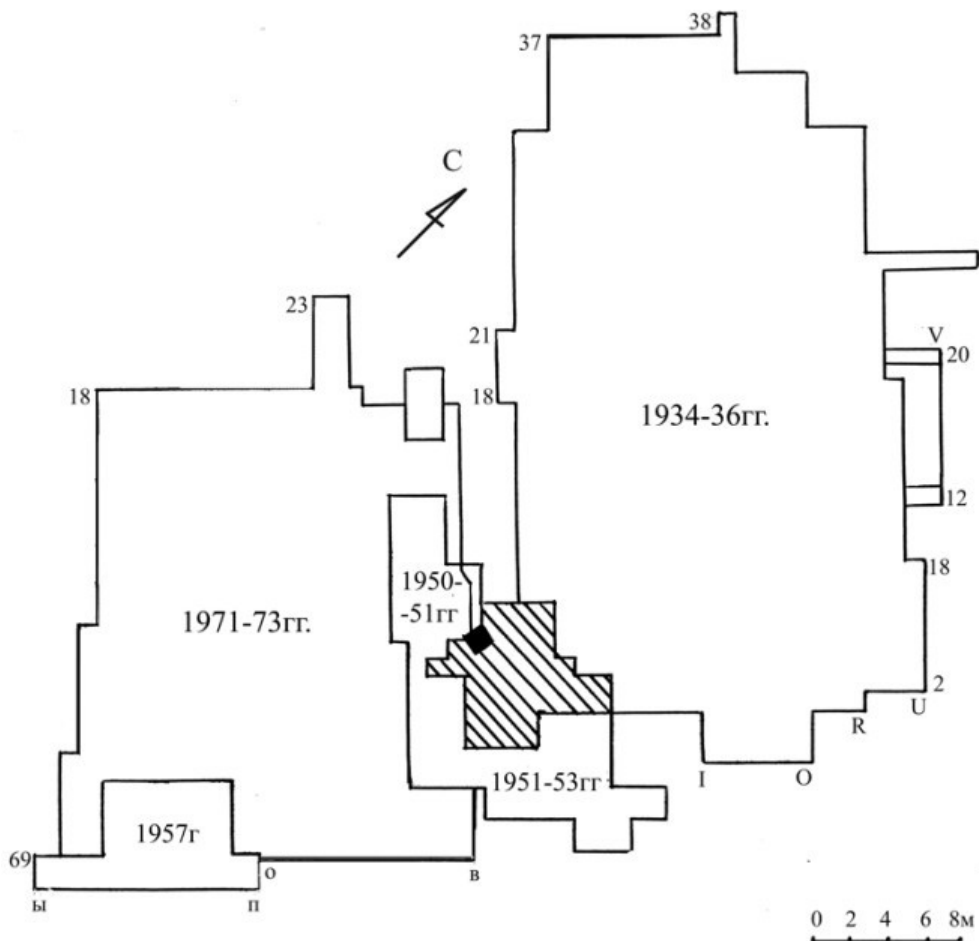

Рис. 15. Костёнки 1/1. Схематический план раскопов, заложенных на I жилом комплексе (1934–1936 гг.) и II жилом комплексе (1950–1951, 1957, 1971–1973 гг.). Косой штриховкой показан раскоп А. Н. Рогачёва, где были исследованы нижние слои стоянки и зафиксировано «округлое жилище» с очагом в центре в V культурном слое. Заливкой показан более ранний шурф А. Н. Рогачёва (по: Аникович и др. 2008: 176)

Вопрос об устройстве перекрытия над землянками далеко не ясен (при раскопках мы, естественно, имеем дело уже с развалинами кровли, рухнувшей в яму). В данном случае большое значение имеют наблюдения, касающиеся сортировки костей. Наличие такой сортировки зафиксировано с несомненностью при разборке заполнения землянок. Черепа мамонта и плоские кости (лопатки, тазовые) обычно располагались у входа, обращенного к центральной оси жилого комплекса. Бивни были сосредоточены в центральной части землянки.

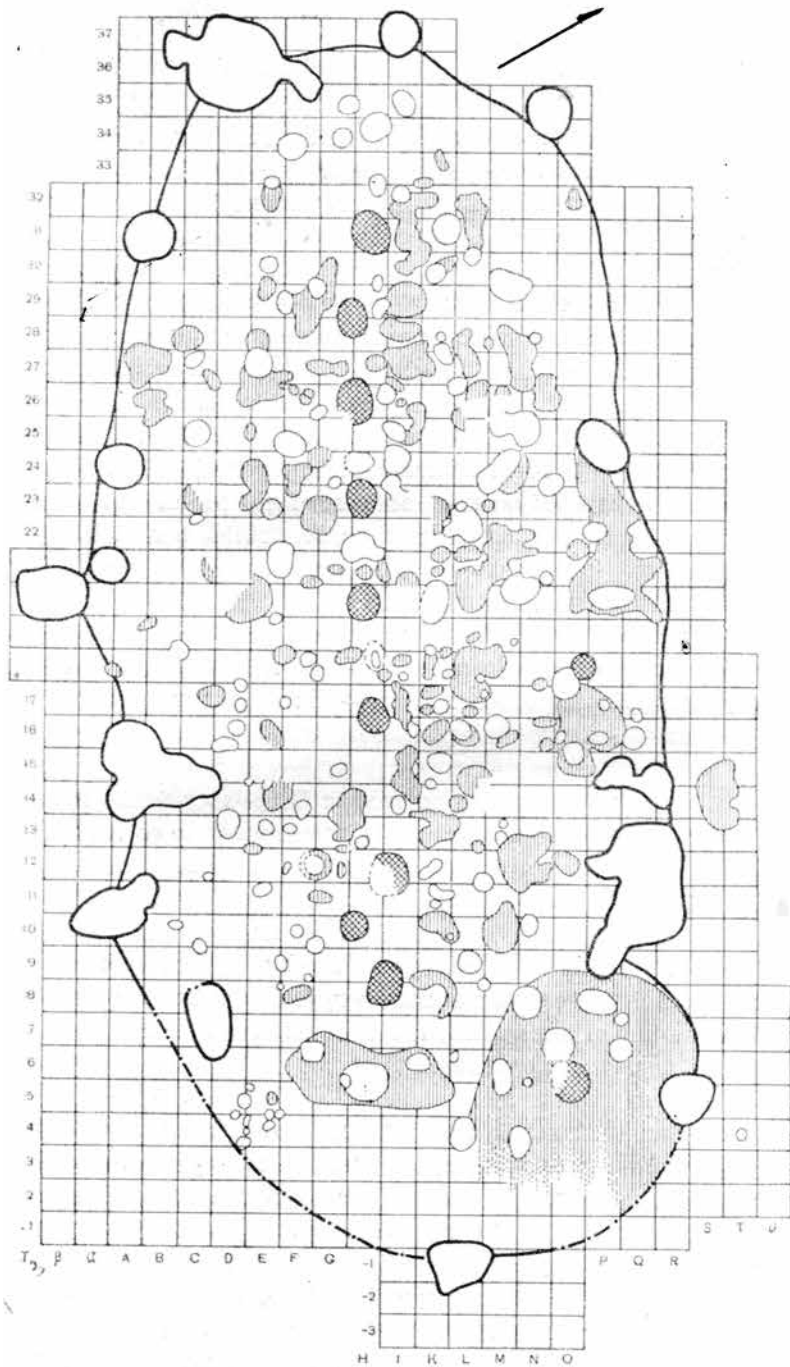

Рис. 16. Костёнки 1/1. Схематический план остатков жилого комплекса 1 (по: Ефименко 1958)

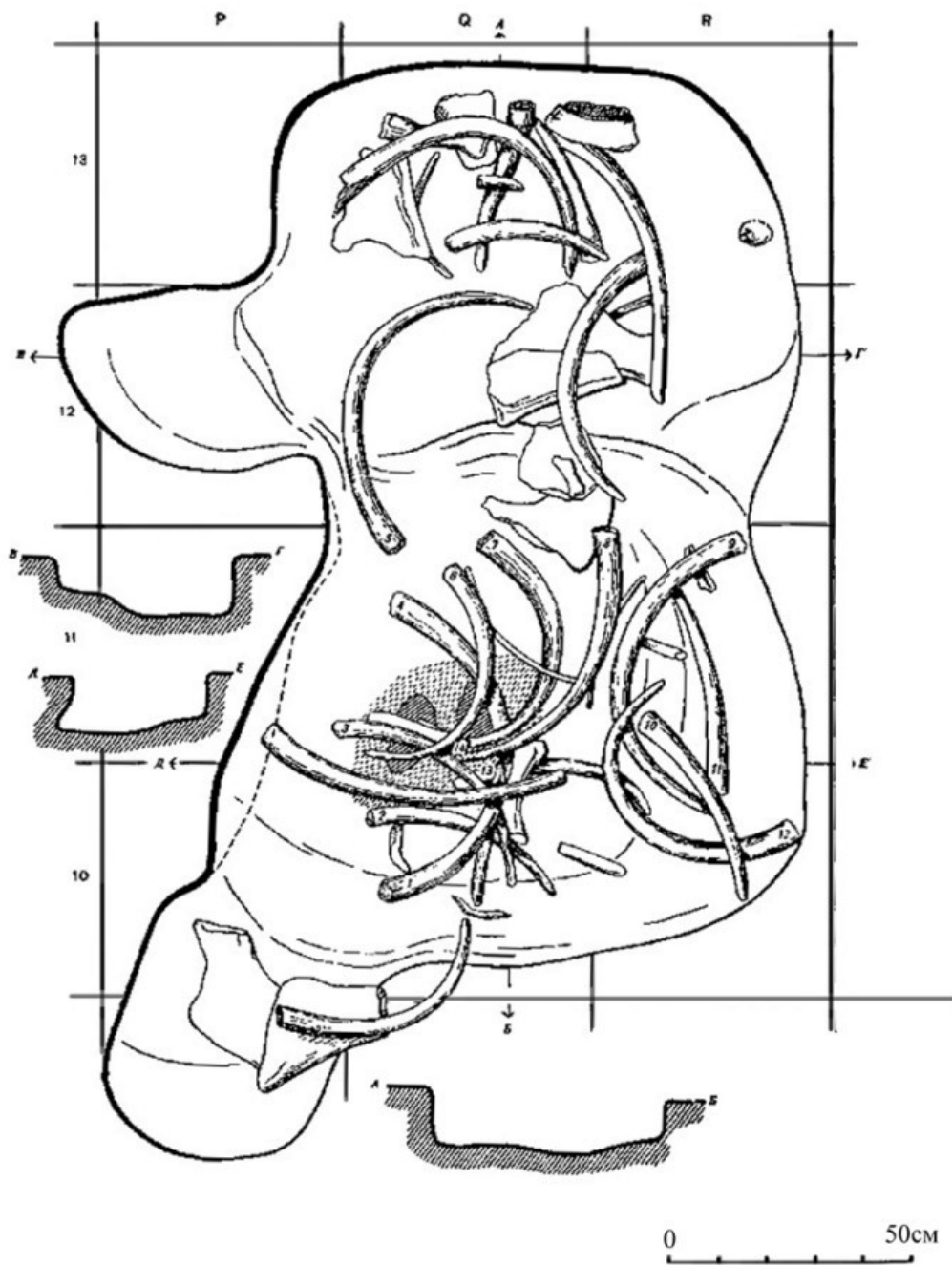

Рис. 17. Костёнки 1/1. Первый жилой комплекс. Землянка А. Скопление бивней на дне землянки (по: Ефименко 1958)

Вероятно, они образовывали куполообразную кровлю. Некоторые детали указывают на то, что наряду с костями в конструкциях использовалось дерево (конечно, не сохранившееся).

В. Я. Сергин отрицает возможность наличия такой куполообразной кровли на каркасе из бивней, ссылаясь на их изогнутость, размеры и тяжесть: «...бивни едва ли могли составлять остов перекрытия камеры какой-либо костёнковско-авдеевской полуземлянки...» (Сергин 1998: 160). Но как тогда объяснить наличие в верхней части заполнения костёнковских землянок целых скоплений «переплетенных» между собой бивней, обращенных дугами вверх, а концами вниз? На наш взгляд, столь неестественное положение бивней можно объяснить только одним — проседанием куполообразного сооружения внутрь заполнения землянки при ее естественном разрушении. На что концы этих бивней опирались первоначально — это особый вопрос, требующий специального анализа.

Глубина землянок и ям-кладовых ~1 м. По центральной линии овала располагался ряд крупных очагов до 1 м в диаметре. Очаги заполнены только костяным углем. Примечательная деталь: в полуземлянках нет следов очагов, однако на полу всегда фиксируется россыпь костяного угля. Н. Д. Праслов предположил, что горячий уголь из очагов целенаправленно рассыпался по полу и, видимо, прикрывался сверху шкурами для обогрева помещения. С такой интерпретацией согласились А. Н. Рогачёв и М. В. Аникович. По мнению В. В. Попова, уголь приносился для создания в жилище гидроизоляционного слоя. Но, в принципе, оба эти предположения вовсе не исключают друг друга. Уголь вполне мог выгребаться из очагов горячим, но не горящим. Будучи накрыт толстыми шкурами, он становился как гидроизоляцией так и длительным источником тепла в небольшом помещении. Несомненно, палеолитический человек, мало похожий на нашего современного горожанина, прекрасно умел находить способы предотвращать опасность возгорания или отравления угарным газом — точно так же, как умели это делать русские крестьяне, топившие «по-черному» свои избы и бани.

Костёнковские полуземлянки отнюдь не являлись отгороженными от внешнего мира тёмными спальными камерами. В них велась активная трудовая деятельность, о чем свидетельствуют находки, сделанные на полу этих землянок: орудия труда, фрагменты обрабатываемой кости и бивня и т. п. Вести подобную деятельность в кромешной тьме было бы невозможно. Помещения освещались жировыми лампами, изготовленными из головок бедренных костей мамонта. В 1971 г. в одной из краевых ям был обнаружен целый склад таких «ламп». По-видимому, многолетняя привычка позволяла человеку попросту «не замечать» отвратительного, на современный взгляд, запаха тлеющей костной ткани и жира.

На Костёнках 1/1 можно говорить о наличии четырех таких жилых комплексов. Третий и четвертый комплексы пока только разведаны шурфами. Первый был полностью раскопан еще в тридцатые годы. Результаты этих раскопок опубликованы монографически (Ефименко 1958).

Второму жилому комплексу повезло значительно меньше. Его исследования, начатые А. Н. Рогачёвым ещё в 1953 г., особенно активизировались в 1970–1980-х гг. До 1976 г. раскопками руководил А. Н. Рогачёв, позднее — Н. Д. Праслов. Первоначально в 1971 г. была предпринята попытка вскрыть

весь жилой комплекс целиком в сжатые сроки. Для этого задействовались силы лучших ленинградских палеолитоведов. Но довольно быстро стало ясно: задача невыполнима. Методические требования к изучению объектов такого рода значительно возросли по сравнению с тридцатыми годами. Достаточно сказать, что на изучение каждой полуземлянки стало уходить от трех до семи полевых сезонов.

К тому же второй жилой комплекс оказался во многих отношениях сложнее первого. Так, размеры первого жилого комплекса 36×14–15 м. Второй жилой комплекс крупнее. К 1994 г. в длину было вскрыто около 40 м, но второй конец овала так и не обнаружили (рис. 18). В первом жилом комплексе исследовано 4 землянки и 12 ям-кладовых. Во втором жилом комплексе землянок уже сейчас известно свыше десятка, и среди них имеются более сложные конструкции, чем те, что были прослежены П. П. Ефименко (Рогачёв и др. 1982: 45–48). Большее количество и сложность крупных краевых объектов второго комплекса свидетельствуют, что он существовал дольше, чем первый. Есть также основания полагать, что, по крайней мере, часть землянок функционировала не синхронно, а последовательно сменяя друг друга. К сожалению, в 1994 г. работы на памятнике были прекращены.

В настоящее время в археологической литературе представлено три основных варианта реконструкции жилых комплексов Костёнок 1/1:

Вариант 1. Восходит к представлениям П. П. Ефименко, считавшего, что раскопанный им первый жилой комплекс имел снаружи общее ограждение и общую кровлю. Краевые ямы и землянки находились внутри этого большого «длинного дома» (Ефименко 1958: 204–208).

Вариант 2. Предполагается, что перекрытой была только центральная, приотраженная часть жилого комплекса. Существование длинного жилища не отрицается, но границы его значительно сужены (Рогачёв 1970; Grigorjev 1967; Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 47).

Вариант 3. Внутреннее пространство жилого комплекса рассматривается не как «длинное жилище», но как «жилая площадка», место дневного обитания группы людей, использовавших землянки в качестве «спальных камер». При этом не исключается возможность перекрытия кровлей отдельных объектов, но подчеркивается: убедительными доказательствами существования общей кровли и стен над центральной линией очагов мы не располагаем (Сергин 1998; Беляева 1998).

До самого последнего времени вариант, предложенный П. П. Ефименко, представлялся многим наименее вероятным. В. Я. Сергин прямо назвал этот вариант «нереальной реконструкцией» (Сергин 1998: 163). Вплоть до 2007 г. и мы безоговорочно подписывались под этим заключением. Казалось само собой разумеющимся, что для перекрытия столь большой площади обитатели Костёнок 1/1 не располагали ни техническими возможностями, ни материалами. Ведь в указанный период территория Среднего Дона представляла собой открытые тундровые пространства с редкими островными лесами.

Так подсказывал здравый смысл. Однако наука XX в. (в первую очередь физика) неоднократно доказывала: здравый смысл — отнюдь не лучший помощник

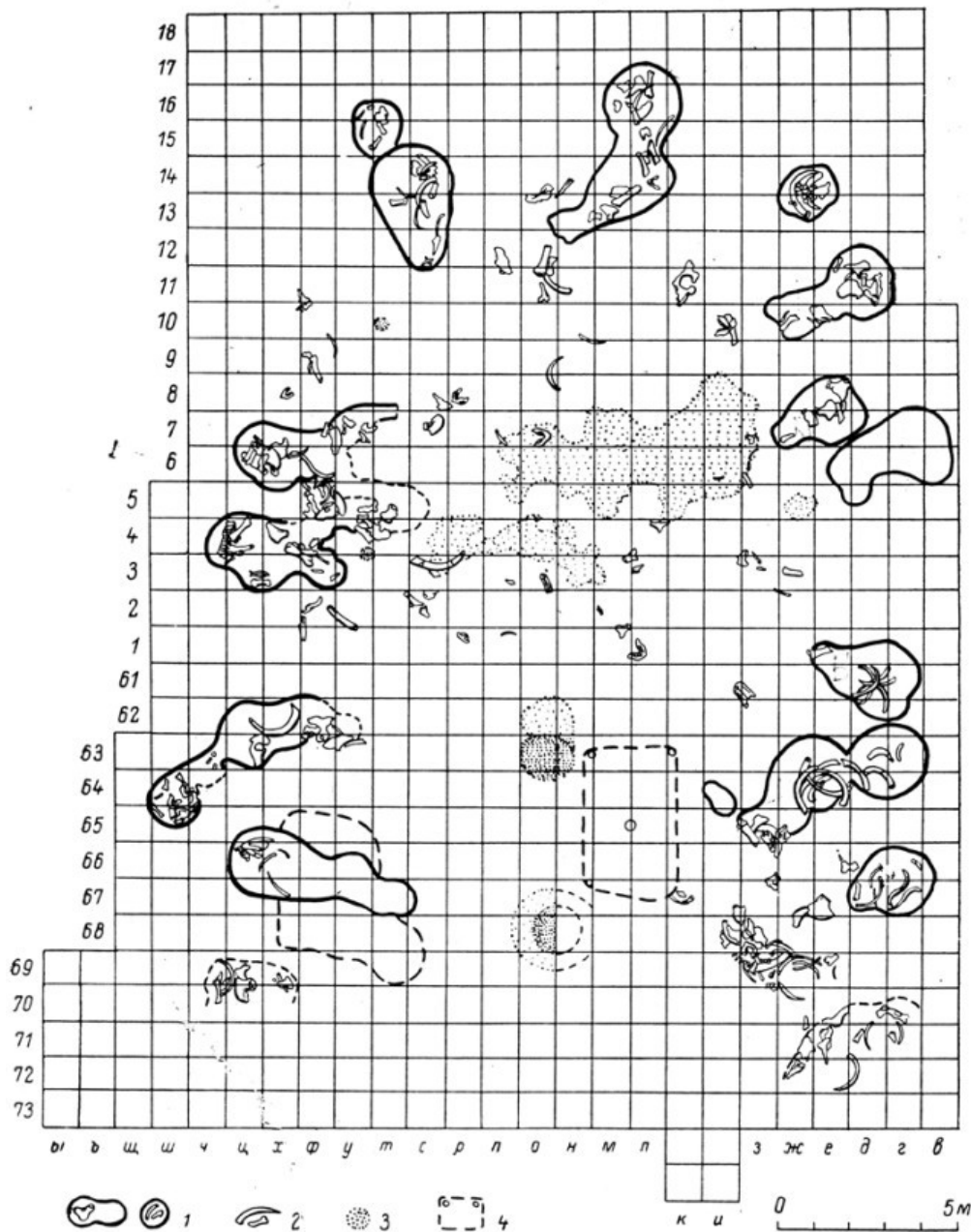

Рис. 18. Костёнки 1/I. Схематический план раскопанной части II жилого комплекса. Ситуация середины 1970-х гг. (по: Рогачёв и др. 1982: 45)

при построении научных обобщений. Так получилось и тут. В 2007 г. в Санкт-Петербурге была защищена кандидатская диссертация археологом из Уральского государственного университета О. В. Кардашем (Кардаш 2007; 2009). В ней, в частности, анализировалась планировочная структура и архитектура Надымского городка («острога») — места поселения аборигенного остячко-самодийского населения низовьев р. Оби, предков современных ненцев и хантов. Городок существовал в период с XI до первой трети XVIII в. Территория поселения, исследованного О. В. Кардашем в 1998–2005 гг., имела форму овала, вытянутого по оси северо-запад — юго-восток. Остатки построек и общественных сооружений конца XVI — первой трети XVIII вв. имели «оптимальную сохранность для достоверной реконструкции» (Кардаш 2007: 8). Анализ планировки и архитектуры Надымского городка привел автора раскопок к целому ряду неожиданных выводов:

«Реконструируемые общие размеры площадки городка составляют 80×40 м. Планировочная структура включала несколько функциональных зон оборонительно-жилого, хозяйственно-бытового, торгово-гостевого и ритуального назначения. В центре площадки находилась жилая зона — комплекс построек внутри оборонительного сооружения общими размерами 35×20 м.

...Сооружение имело единую кровлю. ...В условиях дефицита дерева конструкция ограждающей стены набиралась из удалённых друг от друга столбов. Пространство между ними заполнялось жердями или ветками. Дополнительно на всю высоту палисада была сделана насыпь из культурного слоя, который мог удерживаться путём замораживания...

Кровля оборонительно-жилого комплекса реконструируется на основе остатков дощатого настила, фрагментов закопчённых балок, индивидуальных берестяных крыш построек. Очень плотная застройка жилой зоны и чрезвычайно узкие проходы не могли эксплуатироваться в зимнее время без единого перекрытия всего комплекса. Логику единого перекрытия диктует не только защита построек от больших масс снега зимой, но и от штормовых ветров и дождей летом, когда основное население покидало городок. Для создания каркаса единой кровли, по-видимому, была применена система перераспределения нагрузки перекрытия через достаточно мощные балки (ригеля) и прогоны. В качестве гнёта кровли использовали дёрн.

...Хорошую защиту городка в зимнее время... обеспечивало использование льда, а в летнее, когда его покидали жители, защищала маскировка под сопку — естественный элемент ландшафта» (Там же: 8–10).

В целом О. В. Кардаш, на наш взгляд, вполне убедительно доказал, что люди, жившие в суровых условиях приполярной тундры, даже в условиях дефицита дерева могли перекрывать (и перекрывали!) единой кровлей площади, в два раза превышающие площадь первого жилого комплекса Костёнок 1/1. При этом ими использовались лишь весьма несовершенный (с нашей точки зрения) инструментарий и могучий эффект *замораживания*. О. В. Кардаш указывает, что очень плотная застройка жилой зоны и чрезвычайно узкие проходы просто не могли эксплуатироваться в зимнее время без единого перекрытия всего комплекса. Отметим, что для Костёнок 1/1 также наблюдается чрезвычайная насыщенность внутреннего пространства жилых комплексов различными структурными объектами.

Таким образом, реконструкция, предложенная П. П. Ефименко, вполне может оказаться верной. Разумеется, для окончательного принятия того или иного варианта решения удачных этнографических аналогий мало. Необходима строгая и убедительная археологическая аргументация, которую могут дать только новые раскопки. Однако до получения такой аргументации ясно лишь одно: ни один из предложенных выше трех вариантов реконструкции нельзя отбрасывать априорно.

3.3. Радиоуглеродный возраст Костёнок 1/1²

3.3.1. Радиоуглеродные даты второго жилого комплекса и их анализ

Мы не располагаем какими бы то ни было естественнонаучными данными о хронологии первого жилого комплекса Костёнок 1/1. В 1930-х гг. методика абсолютного датирования ещё не была разработана. Но в нашем распоряжении имеется, на первый взгляд, весьма представительная совокупность ¹⁴C дат, полученных для второго жилого комплекса.

По мнению А. А. Сеницына, «42 датировки для одного поселения представляют собой уникальное для археологии палеолита явление... Количественно представительные серии дат открывают новую возможность оценки их вариабельности, недоступную в условиях единичных датировок... Важность использования статистических методов оценки распределения определяется их самоценностью, действием без привлечения дополнительных источников информации...» (Сеницын, Праслов /ред./ 1997: 29). Однако при детальном анализе выясняется, что значительная часть дат ущербна, а в ряде случаев они просто не могут быть приняты к рассмотрению по методическим соображениям.

Анализ радиоуглеродных дат по второму жилому комплексу Костёнок 1/1 был недавно проделан, насколько это возможно, М. В. Аниковичем и Н. И. Платоновой (Аникович и др. 2008: 193–197). Несмотря на ущербность исходных данных (отсутствие в нашем распоряжении полевой документации), полученные результаты оказались весьма интересными³. Ввиду особой важности этого материала мы считаем необходимым привести на страницах настоящего издания не только основные выводы, но и весь ход наших рассуждений по данной проблеме.

Образцы типа «костный уголь из культурного слоя» (№№ 1, 7, 8, 9 по списку А. А. Сеницына, см.: [Сеницын, Праслов /ред./ 1997: 47]) следует сразу же исключать из рассмотрения (в табл. 2 это, соответственно, №№ 5, 11–13). Подобная характеристика допустима только в том случае, если в слое имеются лишь отдельные, растворенные в породе угольки. Однако, по словам А. А. Сеницына, в нашем распоряжении остаётся все же 35 образцов из раскопок 1980-х — нач. 1990-х гг., чье положение «строго документировано» (Сеницын, Праслов /ред./ 1997: 31). Так ли это?

² Раздел написан с участием Н.И. Платоновой.

³ Выражаем глубокую признательность Г. И. Зайцевой за предоставленную возможность ознакомиться с данными журнала лаборатории радиоуглеродного анализа ИИМК РАН.

Отбор образцов на памятниках типа Костёнки 1/1 должен вестись строго по объектам, с обязательным учетом их микростратиграфии. На Костёнках 1/1 этим условиям отвечает всего 9 образцов из упомянутых А. А. Сеницыным тридцати пяти «документированных» — а именно те, что были взяты из очагов, из ямок-хранилищ, с пола землянок: №№ 3, 4, 13, 14, 17, 19, 25, 27, 37. В приводимой ниже табл. 2 это, соответственно, №№ 7, 8, 17, 18, 21, 23, 29, 31, 41.

Остальные, даже при наличии общей планиграфической привязки, неизбежно вызывают вопросы. Что, например, означает: «Костный уголь. Кв. Р/78» (табл. 2, № 15)? — Из какой части культурного слоя взят этот уголь? — Неясно. Или что означает такой контекст: «Костный уголь. Землянка Т, У, Ф, Х/72–75» (№ 22/66/)? Откуда именно взят образец? С какой глубины? Из какой части заполнения? Ответа нет. И т. д.

Таблица 2. Костёнки 1, верхний слой, жилой комплекс 2:
радиометрические даты

№	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	Серо-коричневый лёссовидный суглинок со следами почвообр. (№ 2)	КС I	Костный уголь	8 700±270	ЛЕ-451	4
2	То же	То же	Кость	10 390±100	ЛЕ-1403	То же
3	То же	КС I, землянка А	То же	16 350±150	ЛЕ-1402	То же
4	То же	То же	То же	16 410±150	ЛЕ-1401	То же
5	То же	КС I	Костный уголь	18 230±620	ЛЕ-3280	1, 4
6	То же	КС I, кв. П-70	Зуб мамонта	18 400±3 300	ЛЕ-4351	То же
7	То же	КС I, кв. П, Р – 72, ямка-хранилище	То же	19 010±120	ЛЕ-2950	То же
8	То же	КС I, кв. Н-76, ямка	Костный уголь	19 540±580	ЛЕ-3292	То же
9	То же	КС I, кв. О-78	То же	19 620±460	ЛЕ-3281	То же
10	То же	КС I	Зуб мамонта	19 860±200	ЛЕ-2949	То же
11	То же	То же	Костный уголь	20 100±680	ЛЕ-3277	То же
12	То же	То же	То же	20 315±200	АА-4800	То же
13	То же	То же	То же	20 855±260	АА-4799	То же
14	То же	КС I, кв. О – 73, 74, яма	То же	20 800±300	ГИН-4851	1, 2, 3, 4
15	То же	КС I, кв. Р-78	То же	20 950±100	GrN-17120	1, 4
16	То же	КС I, кв. Р-73, яма	То же	21 150±200	ГИН-4231	1, 2, 3, 4

Продолжение табл. 2

№	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
17	То же	КС I, кв. Н-79, очаг	То же	21 180±100	GrN-17119	1, 4
18	То же	КС I, 1982	Ребро мамонта	21 200±200	SPb-672	5
19	То же	КС I, земл. А, северная камера, пол	То же	21 300±400	ГИН-2534	1, 2, 3, 4
20	То же	КС I, кв. Л-77	Зуб мамонта	21 680±700	ЛЕ-3279	1, 4
21	То же	КС I, объект со стенкой	?	21 800±200	ЛЕ-2801	То же
22	То же	КС I, кв. Н, О – 72, 73, очаг	Костный уголь	21 800±300	ГИН-4230	1, 2, 3, 4
23	То же	КС I	Зуб мамонта	22 000±300	ГИН-8041	1 ¹ , 2, 3, 4
24	То же	КС I, кв. К-78, ямка-хранилище	Зуб мамонта	22 020±310	ЛЕ-3282	1, 4
25	То же	КС I, кв. П-76	Кость	22 060±500	ЛЕ-3290	То же
26	То же	КС I, кв. В, Г, Д – 65-67, яма	Костный уголь	22 200±300	ГИН-3634	1, 2, 3, 4
27	То же	КС I, земл. в кв. Т, У, Ф, Х – 72-75	То же	22 200±500	ГИН-4903	То же
28	То же	КС I, земл. А, центр. камера	То же	22 300±200	ГИН-2533	То же
29	То же	КС I, кв. И-М – 5-6	То же	22 300±230	ГИН-1870	То же
30	То же	КС I, кв. Н-79, очаг	Древесный уголь	22 330±150	GrN-17118	1, 4
31	То же	КС I, кв. П-69	Зуб мамонта	22 600±300	ГИН-6249	1, 2, 3, 4
32	То же	КС I, кв. Н-62, очаг	Костный уголь	22 600±300	ГИН-3633	То же
33	То же	КС I	Зуб мамонта	22 700±250	ЛЕ-2969	1, 4
34	То же	КС I, кв. Ж-70	То же	22 760±250	ЛЕ-2800	То же
35	То же	КС I, земл. в кв. Ж	Костный уголь	22 800±200	ГИН-2530	1, 2, 3, 4
36	То же	КС I, земл. в кв. А	То же	22 800±300	ГИН-3632	То же
37	То же	КС I, земл. в кв. А, центральная камера	То же	23 000±500	ГИН-2528	То же

¹ В [1: 47] для образца с этим индексом указано значение: 21.950±250.

Окончание табл. 2

№	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
38	То же	КС I, кв. Л-78	Зуб мамонта	23 010±300	ЛЕ-3276	1
39	То же	КС I, земл. в кв. Т-Х – 72-75	То же	23 260±680	ЛЕ-3289	То же
40	То же	КС I, земл. в кв. Т-Х – 72-75	Костный уголь	23 490±420	ЛЕ-3286	То же
41	То же	КС I, земл. в кв. А, центральная камера	То же	23 500±200	ГИН-2527	1, 2, 3, 4
42	То же	КС I, земл. в кв. Е, Ж, 3 – 72-74, пол	Древесный уголь	23 600±410/400	GrA-5244	1, 4
43	То же	КС I, кв. К-78, яма	Бивень мамонта	23 640±320	ЛЕ-3283	То же
44	То же	КС I, земл. Т-Х – 72-75	Зуб мамонта	23 770±200	ЛЕ-2951	То же
45	То же	КС I, кв. П-74, яма	Древесный уголь	24 030±440/410	GrA-5243	То же
46	То же	КС I, земл. в кв. 3	Костный уголь	24 100±500	ГИН-2529	1, 2, 3, 4
47	То же	КС I, земл. в кв. И	Обломки зубов мамонта	24 570±3 930	ЛЕ-4352	1, 4

Источники: 1 — Сеницын, Праслов /ред./ 1997; 2 — Сулержицкий 2004; 3 — Праслов, Сулержицкий 1999; 4 — Аникович и др. 2008; 5 — Хлопачёв 2016.

Достаточно очевидно, что, имея дело с информацией такого рода, ни о каком её статистическом анализе, корректном с математической точки зрения, не может быть и речи. Более того, будь даже все 42 образца полноценны с точки зрения методики их отбора, применять здесь приемы статистического анализа было бы все равно некорректно. В математике принято, что использование таких приемов (включая даже простейший подсчет процентов!) допустимо при выборке *не менее 100 объектов, однородных по тому или иному признаку*. По этим причинам мы не можем принимать всерьез статистические выкладки А. А. Сеницына и все его выводы об «униmodalности» или «бимодальности» графического распределения дат (Сеницын, Праслов /ред./ 1997: 30–31) Любая попытка подобного распределения в данном случае является неправомерной.

Тем не менее археологический анализ результатов радиоуглеродного датирования памятника необходим. При этом мы вынуждены учитывать образцы, не вполне удовлетворяющие современным методическим требованиям отбора.

Планиграфическое распределение имеющихся на сегодняшний день дат показывает следующее:

- 1) наиболее древние даты (~24–23 тыс. л. н.) связаны исключительно с крайними землянками (табл. 2, № 36, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 46, в том числе с образцами, отобранными с пола землянок (№ 40). Два кажущихся

исключения из правила (№№ 42, 44) происходят из ям, по-видимому, связанных с теми же краевыми землянками.

- 2) все без исключения «молодые» даты (~20–19 тыс. л. н.) получены из объектов, расположенных по центральной линии второго жилого комплекса (костный уголь и кости мегафауны из слоя и ямок-хранилищ — №№ 6, 7, 8, 9, 14, 15).
- 3) «средние» даты (~22–21 тыс. л. н.) распределены более-менее равномерно по всей площади второго жилого комплекса⁵, включая центральную линию и краевые землянки. Образцы №№ 17, 22, 30, 32 получены из очагов; №№ 16, 19, 23, 24, 28, 30, 33 — по костному углю и костям мегафауны из слоя и из ямок-хранилищ; №№ 18, 25, 26, 34, 35 — из землянок.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема верхней хронологической границы культурного слоя Костёнок 1/1. А. А. Синицын совершенно справедливо отбросил т. н. чердынцевские даты⁶. Однако наряду с ними из рассмотрения были априорно исключены все «сверхпоздние» датировки, полученные в лаборатории ЛОИА АН СССР (ЛЕ), по причине их значительного отрыва от основной серии (? — *авт.*). Такое рассуждение зиждется на принципе интуитивной избирательности в подходе к радиоуглеродным датам. Как уже было отмечено выше, этот принцип не соответствует современным представлениям о методике анализа дат и вообще должен быть исключен из научного оборота. Результаты лабораторных анализов, в том числе «неудобные», можно исключать из рассмотрения только после специальной аргументации.

Из «сверхмолодых» датировок Костёнок 1/1, просто не включенных в список А. А. Синицыным и опубликованных нами впервые в 2008 г. (Аникович и др. 2008: 263, прил. 2, №№ 41–44), мы, в свою очередь, заведомо исключаем из рассмотрения голоценовые ~8–10 тыс. л. н. (табл. 2, №№ 1–2), поскольку они находятся в явном противоречии со стратиграфическим положением первого культурного слоя. Но вот с двумя датами ~16 тыс. л. н., полученными для землянки А (№№ 3–4) дело обстоит сложнее. Разумеется, эти даты находятся в противоречии с серией из четырех дат, полученных для той же землянки в лаборатории ГИН — ~21 тыс. л. н. для пола «северной камеры» (№ 18) и ~23–22 тыс. л. н. для «центральной камеры» (№№ 35, 36, 40).

Ошибка лаборатории ЛЕ в данном случае весьма вероятна, тем более что даты были получены на раннем этапе ее работы, когда методика несколько отличалась от современной. Но... мы не знаем, из какой части заполнения землянки А были взяты указанные два образца? К сожалению, сейчас уже не много людей помнят конкретные детали и особенности объектов второго жилого комплекса, а наши полевые дневники по-прежнему недоступны. Но, по-

³ Следует оговорить, что все имеющиеся даты, за двумя исключениями (табл. 2, №№ 28–34), происходят из центральной и южной частей раскопанной площади второго жилого комплекса. Из северной части, исследовавшейся в 1970-х гг., образцы взяты не были.

⁴ Первые датировки Костёнок 1/1 в лаборатории ГИН (Чердынцев и др. 1965) были получены с нарушением методики обработки образцов и исключаются из рассмотрения без обсуждения.

сколько один из нас был среди этих немногих, можем высказать предположение: если образцы взяты из верха т. н. воронковидного заплыва землянки А, то, не исключено, что на деле они верны и указывают на реальную верхнюю хронологическую границу культурного слоя за пределами землянок.

3.3.2. Предварительные выводы

Нельзя априорно утверждать «предпочтительность» тех или иных датировок. Все датировки в пределах 24–16 тыс. л. н. следует принимать как данность, подлежащую дальнейшему критическому рассмотрению. Это — предполагаемое время существования второго жилого комплекса Костёнок 1/1, косвенно подтверждаемое современными данными по хронологии однокультурной Зарайской стоянки (Амирханов 2000; 2005).

При отказе от принципа избирательного предпочтения «правильных» радиоуглеродных дат, мы приходим к неизбежному выводу: поселения виллендорфско-костёнковской АК на Русской равнине существовали на одном и том же месте не один год и не несколько десятилетий, а на протяжении многих тысяч лет. И, скорее всего, именно это способствовало тому, что остатки указанных стоянок вообще дошли до нас, а не канули в небытие, как, вероятно, многое другое в истории верхнепалеолитического человечества.

Безусловно, сказанное выше не следует понимать как непрерывное *тысячелетнее проживание* некоего палеолитического социума на одном месте. Речь идет, скорее, о присутствии на стоянках многочисленных горизонтов обитания — однокультурных, но достаточно далеких друг от друга хронологически. В условиях сухого и очень холодного климата, которые фиксировались на Русской равнине в период функционирования виллендорфско-костёнковских (костёнковско-авдеевских) памятников, накопление культурного слоя на стоянках шло очень медленно; его мощность оказывалась минимальной. С подобным явлением неоднократно сталкивались этнографы, изучавшие тундровые народы: путник, идущий по тундре, мог подойти к костру, потушенному и 10, и 100 лет назад, и обнаружить вещи, оставленные здесь когда-то, по-прежнему лежащими на поверхности. Именно здесь следует искать объяснение феномена стоянок со сложно построенным культурным слоем: их отложения представляли собой переслаивание «спрессованных», эфемерных или очень незначительных по мощности, но далеко разнесенных во времени горизонтов обитания людей, являвшихся носителями единой, устойчивой культурной традиции.

Допустить «кратковременность» существования этой традиции просто невозможно. Во-первых, ограниченность во времени (несколькими десятилетиями или даже столетиями) заведомо предполагает узко локальный характер явления. Между тем памятники виллендорфско-костёнковской культуры успели распространиться на огромные территории Центральной и Восточной Европы. Во-вторых, сама специфика развития культуры палеолита, ее уникальная, несопоставимая даже с неолитом, степень традиционности попросту исключала быстрое усвоение и столь же быстрое исчезновение принципиальных инноваций, затрагивавших самые основы жизни сообщества. Структура поселка,

конструкция жилищ, несомненно, относились к числу именно таких основ, всецело проникнутых традицией.

То, что памятники описанного типа представлены в раскопках не единично, а *серией*, свидетельствует об очень широкой распространенности, устойчивости и длительности функционирования данного культурного феномена. В большинстве случаев открытие новых местонахождений было сопряжено со случайными обстоятельствами. Вряд ли можно сомневаться, что до наших дней дошла лишь ничтожная часть открытых стоянок средней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Так что факт наличия даже небольшой серии однокультурных памятников в такой выборке говорит сам за себя.

Распределение дат в Костёнках 1/1 косвенно подтверждает гипотезу Г. П. Григорьева о существовании т. н. ямного периода для комплексов типа Костёнки 1/1 — Авдеево. Однако мы ни в коей мере не поддерживаем его предположение о том, что крупные кости мамонта были сброшены в эти ямы *post factum*. Для сотрудников старой Костёнковской палеолитической экспедиции, четверть века проработавших на этих объектах, совершенно очевидной представляется трактовка их в качестве деталей перекрытия. К сожалению, не имея доступа к полевой документации, мы лишены возможности доказать справедливость наших утверждений. Надеемся на грядущее поколение.

Обращаясь к материалам радиоуглеродного датирования других стоянок виллендорфско-костёнковской АК в Костёнках, можно отметить следующее: для Костёнок 13 данных пока не получено, но даты, имеющиеся для Костёнок 14/1 и 18 (табл. 3–4), приходятся на среднее и позднее значения датировок, полученных для Костёнок 1/1 (~22–17 тыс. л. н. Оценивая всю совокупность имеющихся сейчас данных, можно сделать следующие выводы:

- 1) Виллендорфско-костёнковская АК впервые появилась на Среднем Дону ~24–23 тыс. л. н.
- 2) Её расцвет и максимальное распространение приходится в данном районе на период 22–21 тыс. л. н.
- 3) Эта культура просуществовала в Костёнковско-Борщёвском районе по меньшей мере до 20–18, а, возможно, и до 17–16 тыс. л. н.

Таблица 3. Костёнки 14, слой I: радиометрические даты

№	Стратиграфич. горизонт	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	Суглинок бурый, нижняя часть (№ 3), 1998	Кость мамонта	19 700±1 300	ЛЕ-5567	2, 4, 7, 8, 9
2	Суглинок бурый... 1987	Ребро мамонта	19 900±850	ГИН-8024	1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9
3	Суглинок бурый... 1982	Кость	20 100±1 500	ЛЕ-5269	1, 2, 4, 7, 8, 9
4	Суглинок бурый... (?), 1982 (?)	Кость (?)	21 090±220	АА-91465	9
5	Суглинок бурый... 1994	Кость	22 500±1 000	ЛЕ-5274	1, 2, 4, 7, 8, 9

№	Стратиграфич. горизонт	Материал	Даты	Индекс	Источник
6	Суглинок бурый... 1987	Кость	22 780±250	ОхА-4114	То же
7	?	Древесный уголь	22 940±100	GrA-46676	9
8	?	Тот же образец	20 730±90	GrA-46677	9

Таблица 4. Костёнки 18: радиометрические даты

№	Стратиграфич. горизонт, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	Могильная яма, вырытая в сеноманском песке. Перекрытие погребения	Кость мамонта	17 900±300	ГИН-8028	1, 5, 7, 8
2	То же	То же	19 300±200	ГИН-8576	То же
3	?	?	19830±120	GrA-9304	6
4	Перекрытие погребения	Кость мамонта	20 600±140	ГИН-8032	1, 5, 7, 8
5	Могильная яма, вырытая в сеноманском песке. Погребение человека	Кость человека	21 020±180	ОхА-7128	1, 7, 8

Источники к табл. 3–4: 1 — Синицын, Праслов /ред./ 1997; 2 — Синицын 2002; 3 — Синицын и др. 2004; 4 — Haesaerts et al. 2004; 5 — Сулержицкий 2004; 6 — Sinityn 2004; 7 — Аникович 2005; 8 — Аникович и др. 2008; 9 — Синицын 2014а.

3.4. Каменный и костяной инвентарь

3.4.1. Каменная индустрия

В основу характеристики каменного инвентаря нами положены материалы первого жилого комплекса, вполне удовлетворительно опубликованные П. П. Ефименко. Всего здесь было собрано около 45 000 расщепленных кремней, в том числе свыше 3300 орудий и лишь ~150 нуклеусов (рис. 19–20). Основное сырье — меловой кремль высокого качества. Наряду с ним в очень небольших количествах использовался местный плитчатый кремль и кварцит.

Характеристику набора орудий уместно начинать с форм, традиционно определяющихся в литературе как наиболее типичные для рассматриваемой АК. Это наконечники с боковой выемкой (НБВ) и так называемые ножи костёнковского типа (НКТ), уже описывавшиеся в разделе, посвященном Зарайской стоянке.

Наконечники с боковой выемкой (свыше 460 экз.) представлены здесь двумя основными разновидностями, обычно описываемыми в литературе как «типичные» и «атипичные». «Типичный» костёнковский наконечник — это орудие, сделанное на массивной пластине. Край, противоположный выемке, дугообразно изогнут, второй, образованный выемкой черешка, прямой. Плоская ретушь, часто двусторонняя, оформляет оба конца орудия, обычно со стороны дугообразного края. «Атипичные» орудия отличаются меньшими размерами,

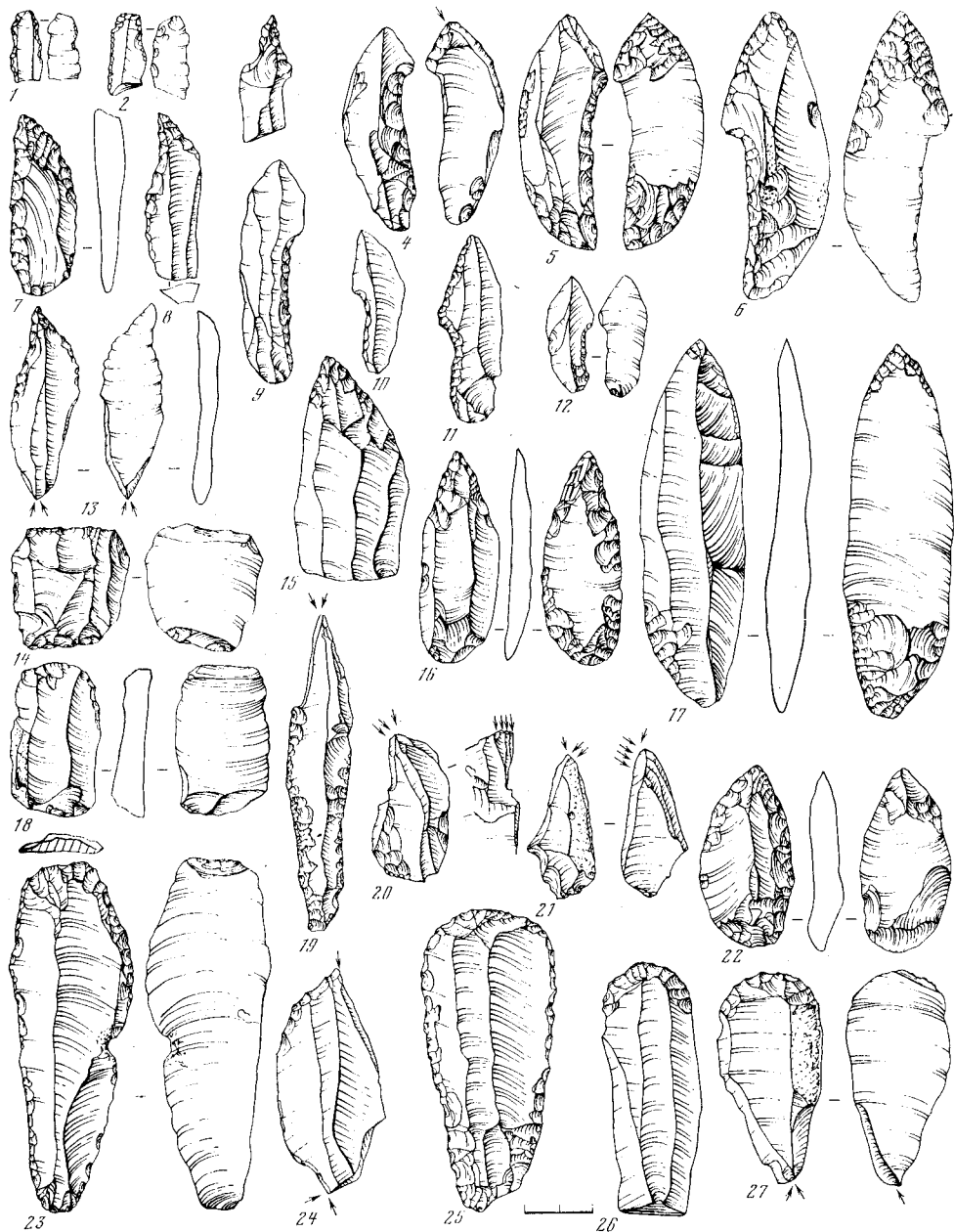

Рис. 19. Костёнки 1/1. Кремневые орудия I жилого комплекса:
 пластинки с ретушью — 1, 2; проколки — 3, 8; проколка-резец — 13;
 остря с боковыми выемками — 4–6, 9–12, ножи костёнковского типа — 13, 18, 23;
 резцы — 19–21; скребки — 25–27
 (по: Рогачёв, Аникович 1984: 256)

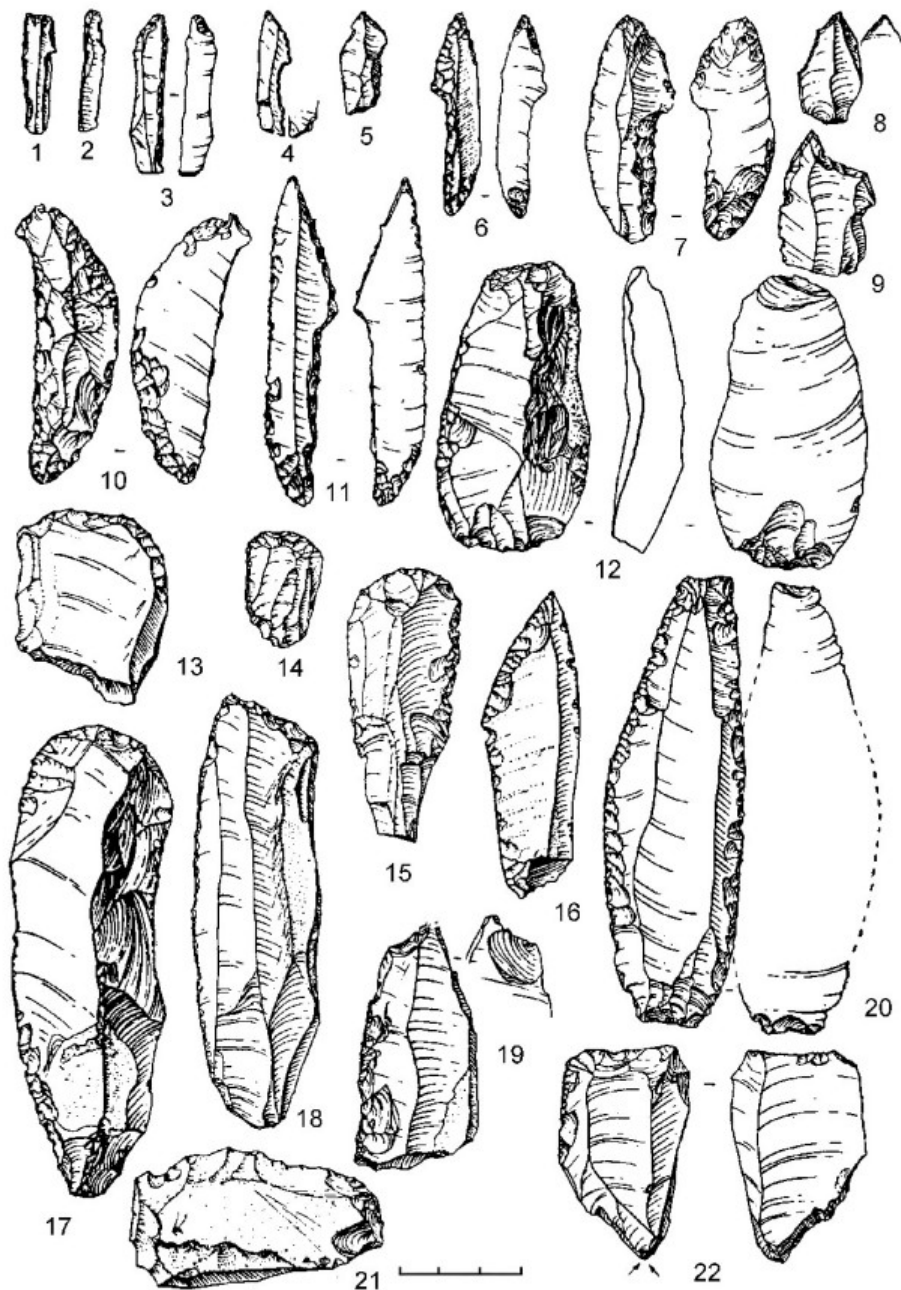

Рис. 20. Костёнки 1/1. Каменные орудия II жилого комплекса:
1–3 — пластинки с притупленными краями; 4, 5 — проколки;
6–14 — острия с боковыми выемками; 15–17 — ножи костёнковского типа
(по: Рогачёв и др. 1982: 53)

более упрощённой формой и обработкой. У них общая форма достигалась вертикальной ретушью одного из краев. Известны переходные формы.

«*Ножи костёнковского типа*» (свыше 650 экз.) представляют собой пластины, на концах которых фиксируются два основных элемента — усечение и серия плоских длинных снятий, направленная от усечения и утончающая дорсальную поверхность пластины. Можно выделить довольно много разновидностей этих орудий. Однако нужно иметь в виду, что здесь мы имеем дело с «технической формой», возникшей не в результате целенаправленного ретуширования, но как результат специфического использования конца пластины в процессе работы и специфического способа его подправки в процессе изнашивания. Эта специфика и определяет культурную значимость данных орудий (Рогачёв и др. 1982: 52; Беляева 1977; 2007; Беляева, Гвоздовер 1988; Бредли 1997).

Среди других орудий, в меньшей степени отражающих культурную специфику, наиболее представительной является группа *резцов* (~1000 экз.). Выполнялись они почти исключительно на пластинах. Преобладают резцы на углу сломанной пластины и срединные. Боковых — ~250 экз., прямо- и косоретушных, тесно связанных с типологически выразительной группой пластин с усеченными концами (~100 экз.). *Скребок* имеется ~250 экз., преобладают концевые на пластинах. Наряду с ними в сравнительно небольшом количестве имеются высокие нуклевидные и округлые скребки на отщепях (всего ~60 экз.). Как уже отмечалось в предыдущем разделе, более детальная классификация резцов и скребков данной АК выполнена ныне для Зарайской стоянки (Лев 2009: 91–102). Мы согласны с автором этой классификации: ее результаты вполне могут быть распространены на материалы Костёнок и Авдеево (Там же: 130).

Микропластинок с притупленным краем ~400 экз., причем абсолютное большинство составляют пластинки с одним притупленным краем и подработкой одного или двух концов — со спинки или с брюшка. Довольно выразительны проколки (40 экз.), часто имеющие клювовидную форму. Острий на пластинах 60 экз.; вполне вероятно, что значительная часть этих орудий является начальной стадией оформления наконечников с боковой выемкой.

Следует особо отметить несколько *листовидных орудий* подовальной формы: орудия этого типа хорошо известны на Авдеевской и Зарайской стоянках. Среди остальных изделий с вторичной обработкой имеется небольшое количество скреблообразных орудий и ~20 экз. зубчато-выемчатых.

3.4.2. Костяной инвентарь

Наиболее специфическими орудиями являются так называемые мотыги из бивня мамонта с уплощёнными лезвиями и богато орнаментированными рукоятями (рис. 21: 4, 6), лопаточки с фигурными рукоятями, украшенными орнаментом (рис. 21: 3, 5). В плоской головке с прорезанными «глазками», венчающей рукоять такой лопаточки, можно предположить стилизованное зооморфное изображение. Много различного рода стержней, острий, проколов, выполнявшихся как из осколков трубчатых костей, так и из бивня (рис. 21: 1, 2).

Украшения представлены многочисленными клыками песка с прорезанными

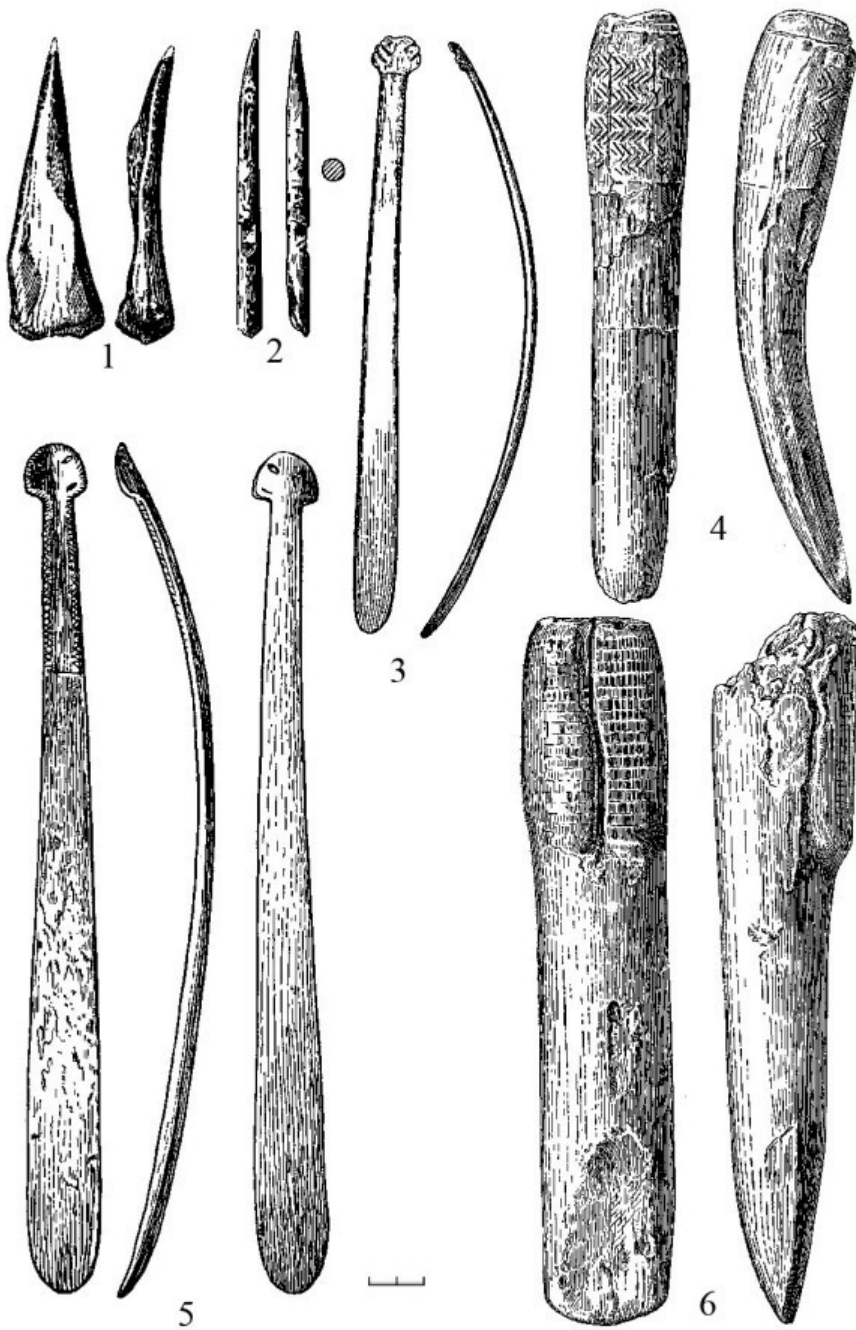

Рис. 21. Костёнки 1/1. Костяная индустрия, жилой комплекс 1
(по: Ефименко 1958)

ми отверстиями. Кроме них имеются специфические подвески из бивня мамонта, часто орнаментированные. Культуроопределяющими являются здесь своеобразные фибулы — так называемая «верблюжья ножка». Наконец, во втором жилом комплексе были впервые найдены диадемы, выполненные из бивня, богато орнаментированные по всей поверхности (Рогачёв и др. 1982: 58–59) (рис. 23: 3).

3.5. Керамика

В моравских памятниках, относящихся к павловской культуре или близких ей (см. выше), давно известны находки антропоморфных и зооморфных изображений из обожженной глины. В сущности, это и есть древнейшая в мире керамика! В первом жилом комплексе Костёнок 1/1 ничего подобного обнаружено не было. Однако при раскопках второго жилого комплекса Н. Д. Праслов впервые обратил внимание на комочки обожженной глины. К 1994 году на памятнике было собрано свыше 400 подобных фрагментов. Анализы этих фрагментов, проведенные в Институте географии РАН (Москва) проф. А. Г. Черняховским и в Смитсоновском институте (Вашингтон) доктором П. Вэндивер, показали, что собранные фрагменты глины, несомненно, обожжены, а сам материал их резко отличен по своему составу от суглинка, из которого они были извлечены. Предположительно, он содержит искусственные добавки — золу древесных и травянистых растений. Таким образом, эти кусочки действительно являются фрагментами керамики. К сожалению, только один из найденных фрагментов можно предположительно трактовать как «обломок плечевого пояса фигурки какого-то животного» (Праслов 1992: 29). В целом же, судя по сохранившимся оттискам веточек, можно предположить, что костенковская керамика, вероятно, представляет собой остатки непреднамеренно обожженной обмазки каких-то плетеных конструкций (от очагов?). Напомним, что находки такого рода были сделаны и на Зарайской стоянке.

Верхнепалеолитическая керамика представляет собой явление хотя и не исключительное, но всё же крайне редкое. Обнаружение её в верхнем слое Костёнок 1 и организация естественнонаучного анализа является несомненной заслугой Н. Д. Праслова. Это открытие не только лишнее раз подтвердило тесные связи этого памятника с близкими в культурном отношении стоянками Центральной Европы, но и значительно расширило наши представления об использовании данного искусственного материала, изобретенного носителями виллендорфско-костенковских культурных традиций.

3.6. Изобразительное искусство

Среди восточноевропейских верхнепалеолитических стоянок, давших науке яркие образцы «мобильного» искусства, Костёнки 1/1 по праву занимает первое место. Только в первом жилом комплексе собрано свыше 150 предметов, относящихся к этому разряду источников. Они детально описаны и пронумерованы (Ефименко 1958; Абрамова 1962). «Сюжетные» изображения здесь отражают

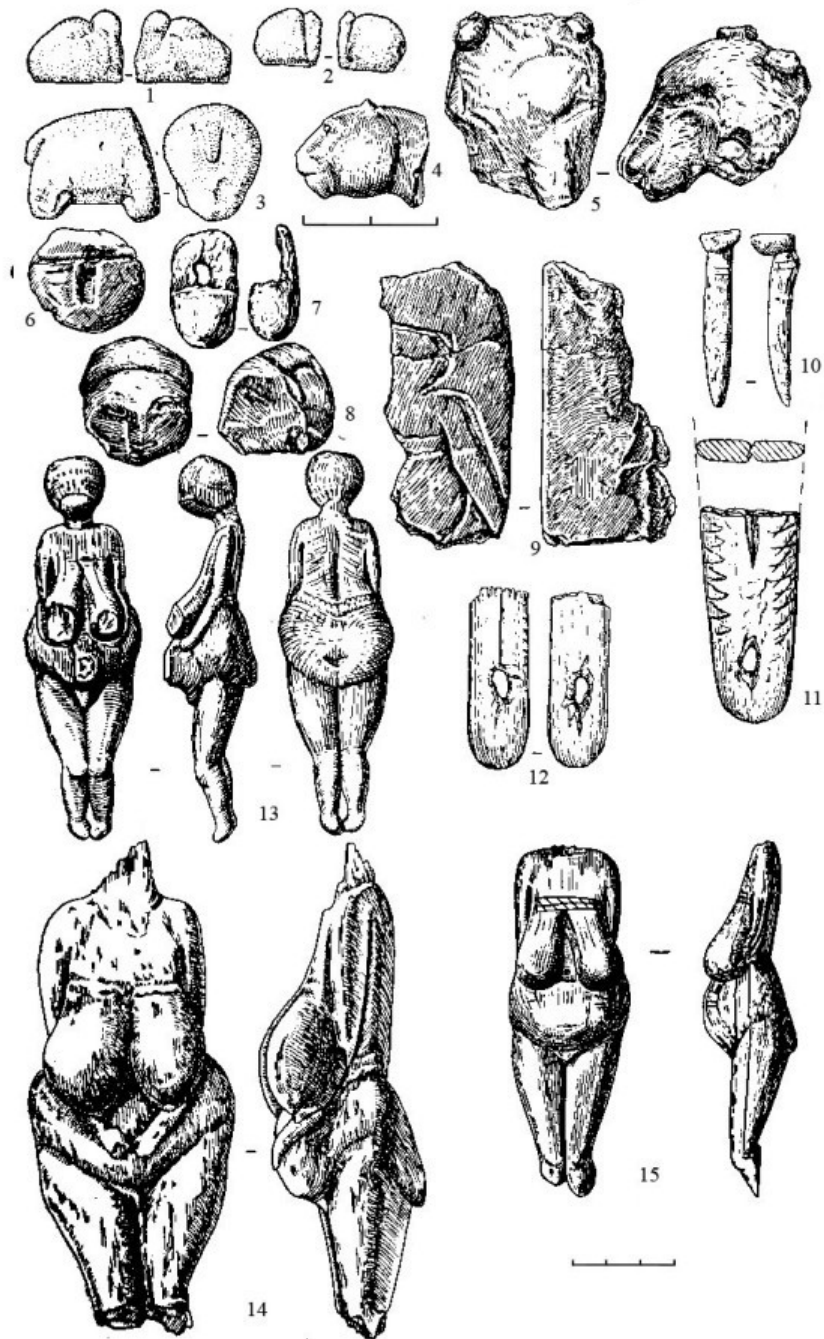

Рис. 22. Костёнки 1/1. Произведения искусства из I жилого комплекса (по: Ефименко 1958)

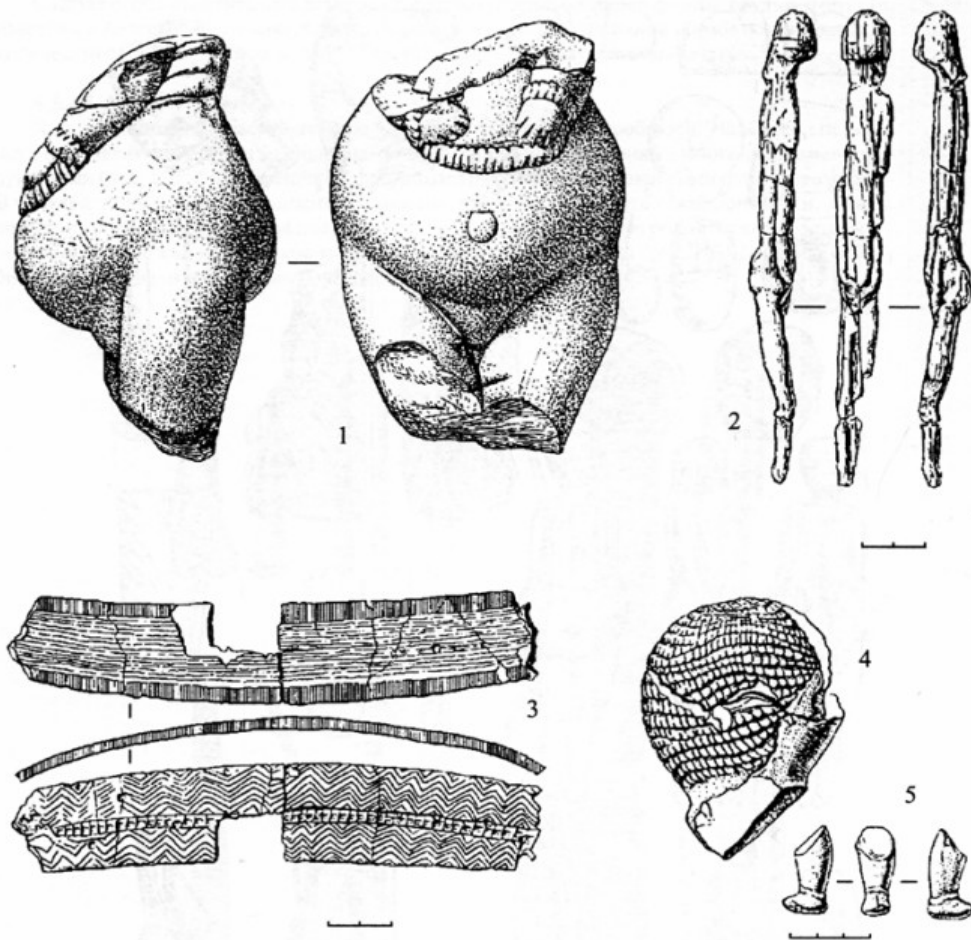

Рис. 23. Костёнки 1. Предметы искусства и украшения
(по: Аникович и др. 2008: 188).

две темы: женщина и зверь. Большой интерес представляют изображения фантастических существ, совмещающих антропоморфные и зооморфные черты, знаменующие собой третью тему, как бы вырастающую на стыке двух первых.

Антропоморфные изображения — это, прежде всего, женские фигурки, знаменитые «палеолитические вены», выполненные из бивня или мергеля (рис. 21: 13–15; 22: 1, 2, 4, 5). Обращает внимание сочетание достаточно определенного канона, свойственного только статуэткам виллендорфско-костёнковской культуры (опущенная голова, руки, сложенные на животе под грудью, ноги, сжатые в бедрах, с разведенными икрами и прижатыми друг к другу носками), с намеренным подчёркиванием индивидуальных черт — особенностей телосложения, причёски, украшений. Лицо изображалось крайне редко — лишь на одной стату-

этке из второго жилого комплекса (более подробно о проблематике, связанной с антропоморфной пластикой виллендорфско-костёнковской АК, см. главу 4)⁷.

Зооморфные изображения выполнялись исключительно из мергеля (рис. 22: 1–8). Это миниатюрные стилизованные фигурки мамонтов, аналогичные подобным же фигуркам (мамонт, носорог) из одновременных, но разнокультурных стоянок: Костёнки 4/1; Костёнки 11/II. Из мергеля же выполнялись отдельные головки, изображающие не только зверей, но, возможно, и птиц. Особенно выразительны голова медведя и голова пещерной львицы (рис. 22: 4, 5 соответственно). Подобные изображения головок животных имеются в Костёнках 4/1 и Костёнках 9.

Известно большое количество знаковых изображений. Только некоторые из них поддаются какой-то, пускай предположительной, расшифровке (знак женского пола). Очень интересен и специфичен орнамент из Костёнок 1/1. Обитатели этой стоянки щедро орнаментировали не только отдельные предметы искусства и украшения, но и орудия труда: «мотыги», лопаточки и пр. На материалах первого жилого комплекса З. А. Абрамова выделила 16 элементов орнамента, встречающихся в разных сочетаниях на 14 разновидностях предметов (Абрамова 1962: 22–23). Чаще всего встречается мотив в виде чередования коротких прямых и косых насечек, крестиков, углов, наносившихся по краям изделий. Иногда узор (параллельные зигзаги, «елочки», сетка) заполняет собой все орнаментируемое пространство: поверхность диадемы, рукоять «мотыги» и т. д.

Таковы известные на сегодняшний день основные характеристики одного из важнейших восточно-европейских памятников виллендорфско-костёнковской АК. На сегодняшний день их радиоуглеродный возраст мы с уверенностью определяем в пределах от ~24–23 до 19 тыс. л. н., не исключая возможности поднятия верхней границы до 17–16 тыс. л. н.

⁷ В настоящее время опубликовано новое исследование антропоморфной пластики Костёнок 1/1, выполненное на основе технологического и функционального анализа (Дююи 2014; 2016) (прим. ред.).

Глава 4

Виллендорфско-костёнковская археологическая культура в долине Сейма: Авдеевская стоянка

4.1. Проблема многослойности Авдеевской стоянки: за и против

Авдеевская палеолитическая стоянка была открыта в 1941 г. научным сотрудником Курского областного музея краеведения В. И. Самсоновым. Стоянка расположена на левобережном мысу р. Рогозны, правого притока Сейма (рис. 24). Культурные остатки залежали по большей части в основании горизонта 5 (по Авдеевской номенклатуре), представляющего собой коричневатый песок. Раскопки памятника производились в 1946–1948 гг. под руководством М. В. Воеводского. После его смерти они были завершены под руководством А. Н. Рогачёва, при участии М. Д. Гвоздовер (1949 г.). Материалы этого первого цикла исследований были очень оперативно опубликованы (Рогачёв 1953; Гвоздовер 1953; 1961). В те годы оказались вскрыты остатки I жилого комплекса¹.

С 1972 г. полевые исследования памятника возобновились под руководством М. Д. Гвоздовер (Москва) и Г. П. Григорьева (Санкт-Петербург). Эти раскопки 1970–1980-х гг. оказались сосредоточены на изучении нового, II жилого комплекса². Последующие полевые работы, производившиеся Е. В. Булочниковой (Москва) и Г. П. Григорьевым, по мнению самих авторов, были направлены на изучение т. н. межобъектного пространства и обоснование его самостоятельного значения в структуре поселения (рис. 25).

К сожалению, геоморфологическую приуроченность памятника до сих пор нельзя считать до конца обоснованной. Геолог А. И. Москвитин, работавший в Авдееве в 1940-х гг. вместе с М. В. Воеводским, полагал, что низкое геоморфологическое положение стоянки, возможно, связано с понижением участка, вызванным

¹ По терминологии исследователей Авдеево Г. П. Григорьева, М. Д. Гвоздовер, Е. В. Булочниковой, «Авдеево старый объект» или «Авд. ст.» (Гвоздовер 1983), «АСО» (Гвоздовер 1998: 234–235).

² По терминологии исследователей Авдеево — «новый объект» или «Авд. н.» (Гвоздовер 1998: 234–235).

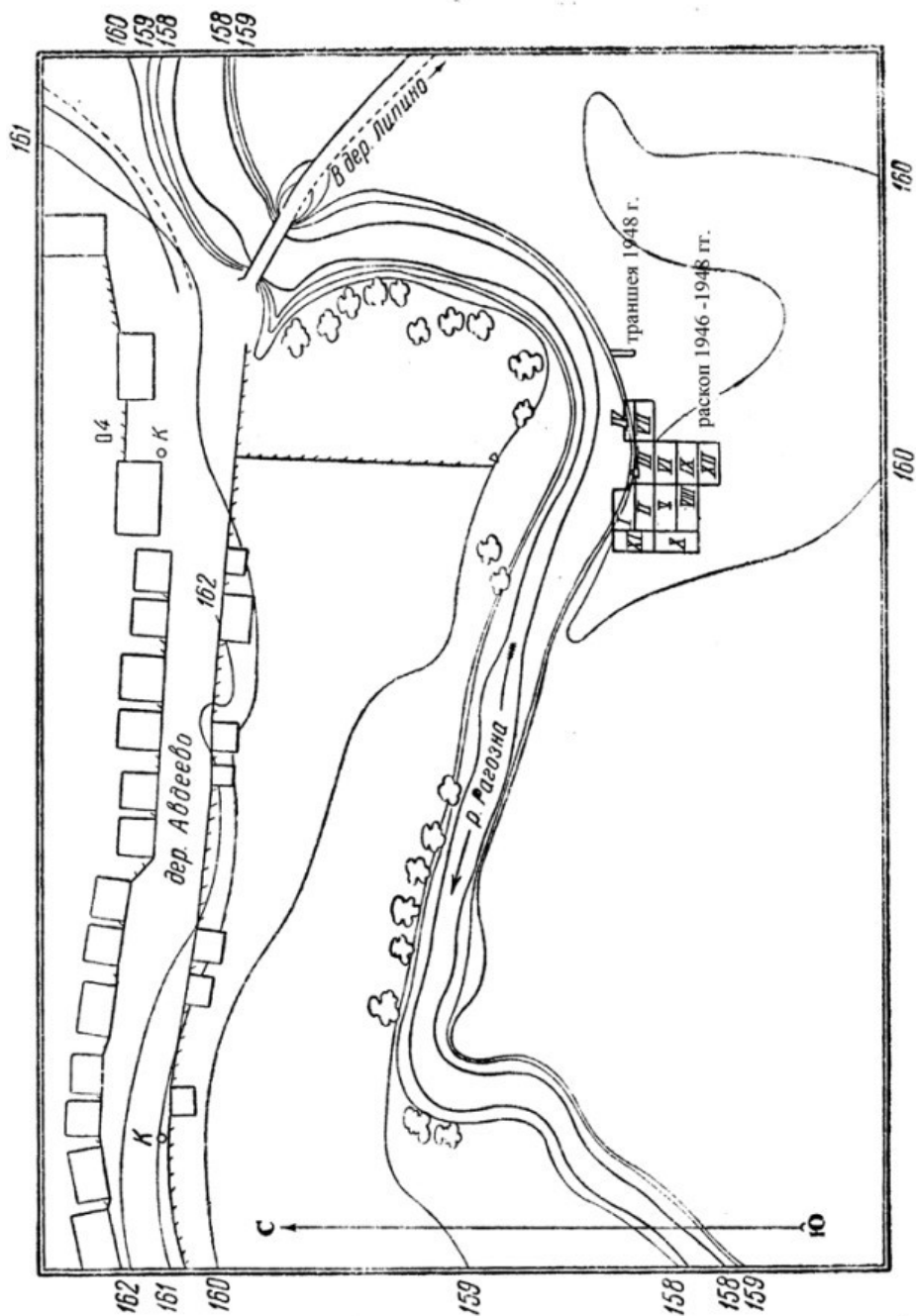

Рис. 24. План палеолитической стоянки Авдеево и раскоп 1946–1948 гг.
(по: Рогачёв 1953: 138)

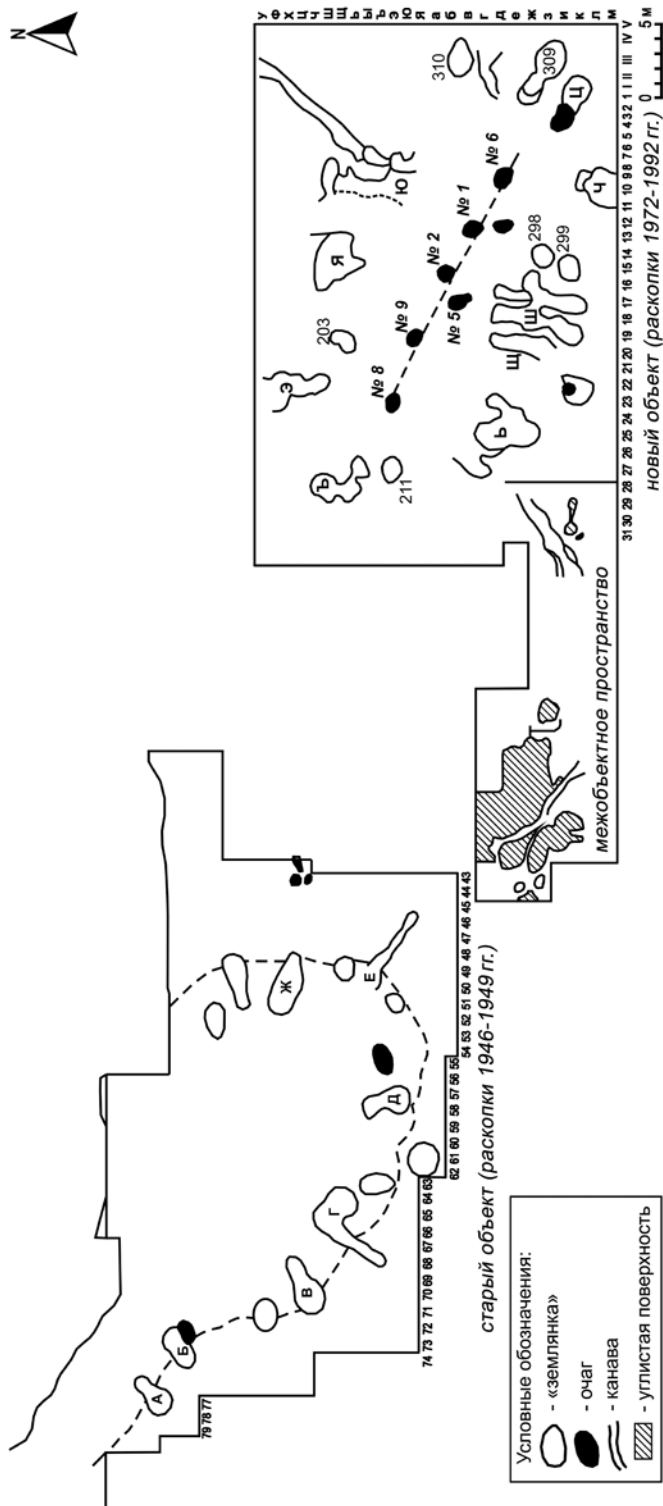

Рис. 25. Авдеево. Взаимное расположение раскопов на I («старом») и II («новом») объектах и «межобъектном пространстве» (по: Булочникова: 2006: 38)

карстовыми процессами (Москвитин 1950: 32; Воеводский, Алихова-Воеводская 1950: 7). В дальнейшем в публикациях высказывалось мнение о приуроченности Авдеева к первой береговой террасе (Рогачёв 1953; Величко 1961: 193). В дальнейшем это мнение было оставлено (Величко, Гвоздовер, Григорьев и др., 1981: 49). Однако, как замечает К. Н. Гаврилов: «...определение геологического возраста стоянки и по сей день не является окончательным» (Гаврилов 2008: 75).

По своим основным характеристикам оба авдеевских жилых объекта очень близки комплексам Костёнок 1/1 и двух нижних горизонтов обитания Зарайской стоянки. Споры ведутся относительно возможности их хронологического расчленения. Еще А. Н. Рогачёв писал о *неоднократном* заселении мыса, на котором расположен памятник (Рогачёв 1953: 139). А. И. Москвитину принадлежит заслуга первой фиксации и описания мерзлотных нарушений культурного слоя Авдеева, указывающих на то, что его обитатели были современниками вечной мерзлоты (Москвитин 1950: 31). Современная точка зрения геологов такова: «...Здесь выделяется ранний криогенный горизонт, который сформировался еще до заселения участка первобытными охотниками, и более поздний, формирование которого деформировало уже частично погребенный культурный слой. Особенности залегания культурных находок на участке раскопок последних лет и строение вмещающих отложений дают возможность предполагать *наличие здесь, по крайней мере, двух уровней культурных слоев, соответствующих разным уровням обитания...* (курсив мой. — Н. П.)» (Грибченко, Куренкова, Тимирева и др. 2002: 92–93).

К сходным выводам приходит и Х. А. Амирханов: «По моим наблюдениям, основывающимся на знакомстве с новыми разрезами Авдеево и частью коллекции каменного инвентаря, полученной в результате этих работ, для разделения толщи культурных отложений Авдеево существуют... основания. Это археолого-стратиграфические показатели, технико-типологические характеристики каменной индустрии и данные, относящиеся к особенностям сырьевой базы...» (Амирханов 2005: 97).

Но сами исследователи Авдеевской стоянки отвергают подобную аргументацию самым решительным образом. В статье с многообещающим названием «Новый взгляд на структуру верхнепалеолитических поселений Европы» Е. В. Булочникова утверждает: «Различие в стратиграфии, сырье, количественном соотношении орудий, организации жилого пространства не является абсолютным аргументом в пользу разновременности участков того или иного местонахождения...» (Булочникова 2008: 43). Вот уж воистину «новый взгляд»! Хотелось бы узнать: а что же в таком случае вообще можно считать аргументом в пользу разновременности? И возможны ли вообще какие-то «абсолютные аргументы» в области исторического познания?

Между тем в ходе раскопок Авдеева 1970–1980-х гг. самими его исследователями было установлено несколько видов нарушений культурного слоя, вызванных природными (мерзлотными) факторами: 1) мелкие трещины, образующие полигональную решётку; 2) клиновидные деформации, пересекающие материк и часть культурного слоя (верх клиньев прослеживается нечетко); 3) т. н. песчаные реки — трещины, прослеживаемые почти с самого верха культурного слоя и прорезающие его на всю глубину; 4) т. н. «канавы», запол-

ненные культурным слоем (Гвоздовер, Григорьев 1977; Величко и др. 1981). Однако при этом они продолжали отстаивать полное единство культурного слоя и утверждать, что все деформации возникли вскоре после его отложения (Величко и др. 1981: 56). Правда, в дальнейшем Г. П. Григорьев присоединился к точке зрения А. И. Москвитина, признав, что существовала более ранняя генерация мерзлотных трещин, возникшая до прихода людей на это место (Grigor'ev 1993). Однако на его представлениях о гомогенности самого культурного слоя и кратковременности процесса его накопления это никак не отразилось.

К. Н. Гаврилов, недавно рассмотревший вопрос об Авдееве в контексте общей проблемы хронологии Днепро-Деснинских стоянок СВП, отмечает, что, помимо различного характера самих мерзлотных деформаций, прослеживаемых *над* культурным слоем и *под* ним, необходимо брать в расчет еще один уровень этих деформаций, а именно: клиновидные структуры, *берущие свое начало прямо в толще культурного слоя*. Да и т. н. «канавы» явно возникли *до* того момента, как накопление слоя на стоянке полностью закончилось. «...Различное заполнение природных нарушений культурного слоя свидетельствует о том, что температурно-влажностный режим процесса осадконакопления на месте расположения стоянки менялся в ходе формирования отложений, вмещающих культурные остатки» (Гаврилов 2008: 76). На основании этих данных криостратиграфии, вкуче с большой серией дат лаборатории ГИН, он делает уверенный вывод о длительности обитания Авдеевской стоянки (Там же).

4.2. Радиоуглеродный возраст³

Обратимся теперь к радиоуглеродным датам. Мы постарались свести воедино весьма отрывочные данные о контекстах взятия образцов, содержащиеся в очередной, как всегда, краткой публикации Е. В. Булочниковой и Г. П. Григорьева (2005), с теми данными, которые содержатся в общей сводке А. А. Сеницына (Сеницын, Праслов /ред./ 1997) и сводке дат лаборатории ГИН Л. Д. Сулержицкого (2004). Это оказалось весьма интересным и поучительным занятием, ибо сведения в обеих указанных сводках и публикации несколько различались. Последнее связано главным образом с тем, что, по представлениям авторов раскопок, они имели полное право без специальной аргументации «отбрасывать» не понравившиеся им даты. В некоторых случаях даты, «исключенные» Е. В. Булочниковой и Г. П. Григорьевым тем не менее находились в сводке Л. Д. Сулержицкого. Но в трех случаях они отсутствовали и там, что позволило нам предположить, что эти даты, имеющиеся в сводке А. А. Сеницына действительно были признаны недостоверными по причинам технического порядка. Увы, полной уверенности в этом нет. Иногда в публикациях наблюдались расхождения в индексах, значениях или указаниях на контекст. Все эти моменты оговорены нами в примечаниях к Табл. 5.

В целом удалось собрать сведения о 35 датах, опубликованных в разное время для Авдеевской стоянки. При этом 19 датированных образцов более или

³ Раздел написан при участии Н.И. Платоновой.

Рис. 26. Авдеево. Разрез культурного слоя между линиями квадратов 70 и 71: 1 – чернозем; 2 – бурый суглинок; 3 – зеленоватый суглинок; 4 – культурный слой; 5 – песок; 6 – слоистые зеленоватые глины; 7 – синие глины (по: Рогачёв 1953: 140)

менее достоверно увязаны со стратиграфией (табл. 5). Если проанализировать именно эти 19 дат, то окажется, что почти все они укладываются в промежуток ~22–20 тыс. л. н. Лишь одна дата, происходящая из землянки «Ю» (неясно, с какого уровня?) оказалась несколько древнее: ~23 тыс. л. н. Из этого можно сделать вывод, что время функционирования второго жилого комплекса в Авдеево укладывается в пределы 22–20 тыс. л. н., хотя самое начало его формирования может относиться и к более раннему времени. Отметим также, что радиоуглеродные датировки Авдеева не подтверждают гипотезу о «ямном» и «послеямном» периодах обитания на втором комплексе.

О радиоуглеродном возрасте первого жилого комплекса свидетельствуют только две даты ~18–16 тыс. л. н. (табл. 5, №№ 3, 6). Учитывая данные, полученные по Зарайской стоянке, представляется вполне возможным, что эти даты отражают реальный временной разрыв между первым и вторым жилыми комплексами Авдеева, хотя ряд «молодых» дат присутствует и на «новом объекте» (табл. 5, №№ 4–5).

В заключение остается пожалеть, что радиоуглеродные даты и данные криостратиграфии Авдеева не были увязаны между собой, как это удалось сделать в Зарайске. Это сильно обогатило бы наши представления о характере заселения памятников такого типа в период функционирования виллендорфско-костёнковской АК. Именно датирование материала, отложившегося в трещинах разных генераций, позволило выделить на Зарайской стоянке отдельные горизонты обитания, которые в горизонтальной стратиграфии просто не могли быть прослежены (см.: 2.1). Между тем наличие нескольких генераций мерзлотных нарушений слоя в Авдееве и, соответственно, различный характер их заполнения в настоящий момент является установленным фактом.

«Признаки относительной длительности существования Авдеевского поселения хорошо коррелируется с аналогичными данными о Зарайской стоянке. И в этом случае существует прямая связь между сложной структурой, археологической стратиграфией, значительной мощностью культурного слоя и радиоуглеродными датировками Зарайска [Амирханов, 2000]. Таким образом, поселения костёнковско-авдеевского типа оказываются связанными между собой не только высокой степенью сходства материальной культуры и структурных особенностей культурных слоёв. Относительная долговременность существования, по всей видимости, также может быть отнесена к их отличительным чертам» (Гаврилов 2008: 76).

Таблица 5. Авдеево: радиометрические даты

№	Объект	Участок, контекст	Материал	Дата	Индекс	Источник
1	?	?	Зуб мамонта	11 950 ± 310	ИГАН-151	1
2	?	?	Зуб мамонта	13 900 ± 200	ИГАН-78	1
3	Авд. ст. (жилой комплекс 1), 1948	?	Кость	16 565 ± 270	QC-886	1
5	Авд. ст. (жилой комплекс 1)	Канавы	Мамонт	16 800 ± 1 200	ГИН-9863а	2, 3
6	Авд. ст. (жилой комплекс 1), 1948	?	Кость	18 500 ± 2 100	QC-887	1
7	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Канавы	Мамонт	18 500 ± 600	ГИН-9863	2, 3
8	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1978	?	Кость	16 960 ± 420	QC-621	1
9	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1986	?	Зуб мамонта	19 500 ± 500	ГИН-7727	1, 2, 3
10	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1972	Очаг № 2, средняя часть	Костный уголь	19 800 ± 1 200	ГИН-1570а ⁵	1, 3, 4
11	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Яма 316	Костный уголь	19 900 ± 400	ГИН-7723	2, 3
12	То же	Кв. 3-2, очаг в землянке Ц	Зола	20 100 ± 200	ГИН-6593	1, 2, 3
13	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1987	?	Зола ⁶	20 100 ± 300	ГИН-6592	То же
14	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Кв. Г-1, канава ⁷	Зола	20 100 ± 400	ГИН-6594	1, 2, 3
15	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1977	Очаг № 6	Губчатый костный уголь	20 100 ± 500	ГИН-1746 ⁸	1, 2, 3, 4
16	Межобъектное пространство	Кв. Д-45, углистая прослойка	Костный уголь	20 150 ± 350	ГИН-11470	2, 3
17	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Очажок на кв. Э, Ю – 16, 17	Костный уголь	20 200 ± 160	ГИН-7725г	2, 3
18	Межобъектное пространство	Углистая прослойка	То же	20 240 ± 100	ГИН-11471	То же
19	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Кв. Э-31, канава	Мамонт	20 600 ± 700	ГИН-9861	То же

⁴ Дата исключена Л.Д. Сулержицким из списка (как недостоверная). См.: (4).

⁵ Дата исключена Л.Д. Сулержицким из списка (как недостоверная) См.: (4).

⁶ В источнике (1) указано: «очаг».

⁷ В источнике (1) указано: «очаг».

⁸ В источнике (2) для данного образца указан индекс ГИН-7747. В источнике (3) указано: «омоложено по техническим причинам», что подтверждает источник (4): «из-за лабораторной оплошности они [даты ГИН 1748, ГИН 1747, ГИН 1746. — авт.] были неопределенно омоложены при получении карбида».

Окончание табл. 5

№	Объект	Участок, контекст	Материал	Дата	Индекс	Источник
20	То же	Канавы	Зуб мамонта	20 600 ± 800	ГИН-9862	То же
21	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1991	Землянка Я, бровка	Жженая кость	20 750 ± 350	ГИН-7727а	То же
22	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1977	Очаг № 6	Монолитный костный уголь	20 800 ± 200	ГИН-1747 ⁹	1, 2, 3, 4
23	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1972	Очаг № 1	Монолитный костный уголь	21 000 ± 200	ГИН-1748 ¹⁰	То же
24	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Кв. 3-7, черная поверхность	Костный уголь	21 000 ± 800	ГИН-2535	1, 2, 3
25	То же	Канавы у землянки Ю	Костный уголь	21 100 ± 700	ГИН-7726	2, 3
26	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1972	Очаг № 2, средняя часть заполн.	Костный уголь, вытяжка из фракции менее 0,5 мм	21 200 ± 200	ГИН-1569г	1, 2, 3
27	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Очажок на кв. Э, Ю – 16,17	Костный уголь	21 250 ± 600	ГИН-7725	2, 3
28	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1985	Очаг № 8	Костный уголь	21 600 ± 400	ГИН-4693	1, 2, 3
29	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1977	Очаг № 6	Монолитный костный уголь	22 400 ± 600	ГИН-1969	1, 2, 3, 4
30	То же	Пекарная яма 86 у очага № 6	Монолитный костный уголь	22 200 ± 700	ГИН-1970	1, 2, 4
31	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1986	?	Зуб мамонта	22 200 ± 700	ГИН-7729 ¹¹	2, 3
32	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Кв. Ж-28, канавы	Зуб мамонта	22 500 ± 900	ГИН-9860	2, 3
33	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1972	Очаг № 2, средняя часть	Костный уголь	22 700 ± 700	ГИН-1571г ¹²	1, 3, 4
34	Авд. н. (жилой комплекс 2)	Очаг № 9, кв. Э-18	Костный уголь	22 800 ± 160	ГИН-7724	2, 3
35	Авд. н. (жилой комплекс 2), 1991	Землянка Ю	Костный уголь	23 140 ± 430	ГИН-7728а ¹³	То же

Источники: 1 — Синицын, Праслов /ред./ 1997; 2 — Сулержицкий 2004; 3 — Булочникова, Григорьев 2005; 4 — Гвоздовер, Сулержицкий 1979.

⁹ В источнике (2) для данного образца указан индекс ГИН-7746. В источнике (3) указано: «омоложено по техническим причинам». Пояснение см. в (4) (см. сноску 5).

¹⁰ В источнике (3) указано: «омоложено по техническим причинам» Пояснение см. в (4) (см. сноску 8).

¹¹ В источнике (1) ошибочно показано значение: 23 400±700.

¹² Дата исключена Л. Д. Сулержицким из списка (как недостоверная). См.: (2, 4).

¹³ В источнике (3) индекс ошибочно показан, как ГИН-7727а.

4.3. Структура жилых комплексов Авдеева: о так называемом ямном периоде

Мы не будем приводить в деталях общие характеристики жилых комплексов Авдеева. Их разительное сходство с соответствующими структурами Костёнок 1/1 (а теперь и Зарайской стоянки) отмечалось неоднократно. Кроме того, в последнее время появились публикации, детально описывающие разновидности «больших ям» (землянок и ям-кладовых), в контексте постоянного сравнения их с костенковскими (Булочникова 2001; 2007; 2008). Можно надеяться, что в обозримом будущем научному сообществу будет представлен детальный и всесторонний анализ указанных структур.

Сейчас мы затронем лишь некоторые вопросы, касающиеся интерпретации и реконструкции остатков жилых комплексов. Это тем более необходимо, что представления участников Костёнковской палеолитической экспедиции, исследовавших второй жилой комплекс Костёнок 1/1, во многом разительно отличаются от тех выводов, к которым пришли исследователи Авдеева — Г. П. Григорьев и Е. В. Булочникова.

Как уже отмечалось выше, авторы раскопок выделяют в Авдееве два периода формирования жилых комплексов: «ямный» и «послеямный» (Гвоздовер, Григорьев 1990). То есть носители виллендорфско-костёнковской культуры вначале выкопали по периметру овала большие, глубокие краевые ямы. Затем пространство внутри этого овала стало жилой зоной, а в ямах начали то ли складировать, то ли сбрасывать туда за ненадобностью тушки песка, волка и даже крупные кости мамонта.

Подобные представления были распространены исследователями Авдеева и на костёнковские жилые комплексы: «В Костёнках 1/1 и Авдеево крупные кости выбрасывали не на «периферию», а в крупные ямы, выкапываемые по границам так называемых жилых объектов...» (Булочникова 2008: 42). «В некоторых случаях по характеру верхней части заполнения можно сделать достаточно уверенные предположения о намеренном засыпании ям. Скопления костей в заполнении ям (это могут быть целые или части скелетов песцов, волков, росомех) скорее говорят о том, что некоторые из них на каком-то этапе своего существования служили для помещения/сброса в нее тушек животных...» (Булочникова 2007: 177).

Подобная интерпретация краевых ям означает забвение всех прежних реконструкций и представлений исследователей Костёнок о сложной организации пространства внутри жилых комплексов и о землянках как отдельных жилых камерах, с перекрытиями на каркасе из крупных костей. На смену им приходят мусорные ямы, служившие исключительно «для помещения/сброса» костей и тушек животных.

На чем же базируются представления о «ямном» и «послеямном» периодах? В сущности, для такого заключения нет никаких фактологических оснований. Его не подтверждают ни радиоуглеродные датировки, ни прямая стратиграфия. Та же Е. В. Булочникова пишет: «...уровень, с которого яма выявлена — вещь зачастую условная и субъективная» (Там же: 176). Единственное указание на то, что функционирование жилых комплексов действительно начи-

налось с рытья землянок и краевых ям, содержится даже не в материалах Авдеева. Оно вытекает из наших собственных наблюдений над распределением радиоуглеродных датировок, полученных для второго жилого комплекса Костёнок 1/1 (см.: 3.3; см. также: Аникович и др. 2008: 195–196). Но эти данные, сами по себе, ещё нуждаются во многих перепроверках. Кроме того, если они и подтвердятся, это никоим образом не будет служить доказательством, что землянки и ямы-кладовые можно интерпретировать, как места мусорных свалок.

По нашим наблюдениям, землянки (или полуземлянки; терминологические расхождения неважны) представляли собой длительно существовавшие и неоднократно реконструировавшиеся объекты, внутри которых люди вели достаточно разнообразную деятельность, в том числе по обработке кремня и кости (рис. 27, 28). Эти объекты представляли собой сложные конструкции, относительно которых можно с уверенностью утверждать:

- а) наличие стен с подбоями, вероятно, укрепленных тем или иным способом;
- б) наличие между кровлей-перекрытием и жилым пространством некоего небольшого помещения («стрехи», чердачка), в которое по неизвестным (возможно, ритуальным) причинам помещались тушки песцов и волков, а иногда хранились некоторые элитные вещи;
- в) после того как поселение оставлялось людьми, разрушение этих конструкций происходило по определенным закономерностям, но отнюдь не одинаково. Как правило, в первую очередь обрушивались наклонные стены, что приводило к отложению между полом землянки и средней частью ее заполнения некоего практически стерильного слоя¹⁴. Далее внутрь ямы начинал смываться снаружи культурный слой, образуя так называемые воронковидные заплывы (костёнковская терминология). В конечном счете, обрушивалась сама крыша со «стрехой».

Иногда это обрушение происходило в самом начале процесса — в таких случаях тушки песцов и волков, засунутые под «стреху», оказывались почти на полу землянок. В иных случаях, наоборот, конструкция оказывалась достаточно прочной и выдерживала длительное время. Тогда схороненные в «стрехе» тушки являлись перед археологами уже при разборке верхней части заполнения землянки.

По мнению Е. В. Булочниковой, «придонный культурный слой может иметь разную мощность и интенсивность окраски, но он почти всегда покрывает всю площадь дна землянки, т. е. является общим для всех камер землянки, поднимаясь к стенкам и имея форму «блюдца». Данное наблюдение не согласуется с существующим представлением о том, что землянка могла быть результатом постепенного соединения нескольких ям...» (Булочникова, 2001: 46).

Однако с этим выводом, в свою очередь, не согласуются наши собственные наблюдения, сделанные, в частности, в процессе раскопок двухкамерной землянки А второго жилого комплекса Костёнок 1/1. Там пол второй камеры отличался от пола первой камеры по всем параметрам: высотным отметкам,

¹⁴ В связи с этим А. Н. Рогачёв неоднократно говорил о вероятности наличия в первом жилом комплексе Костёнок 1/1, раскопанном в 1930-х гг., ряда не доследованных землянок. Проверить эту гипотезу предстоит будущим исследователям.

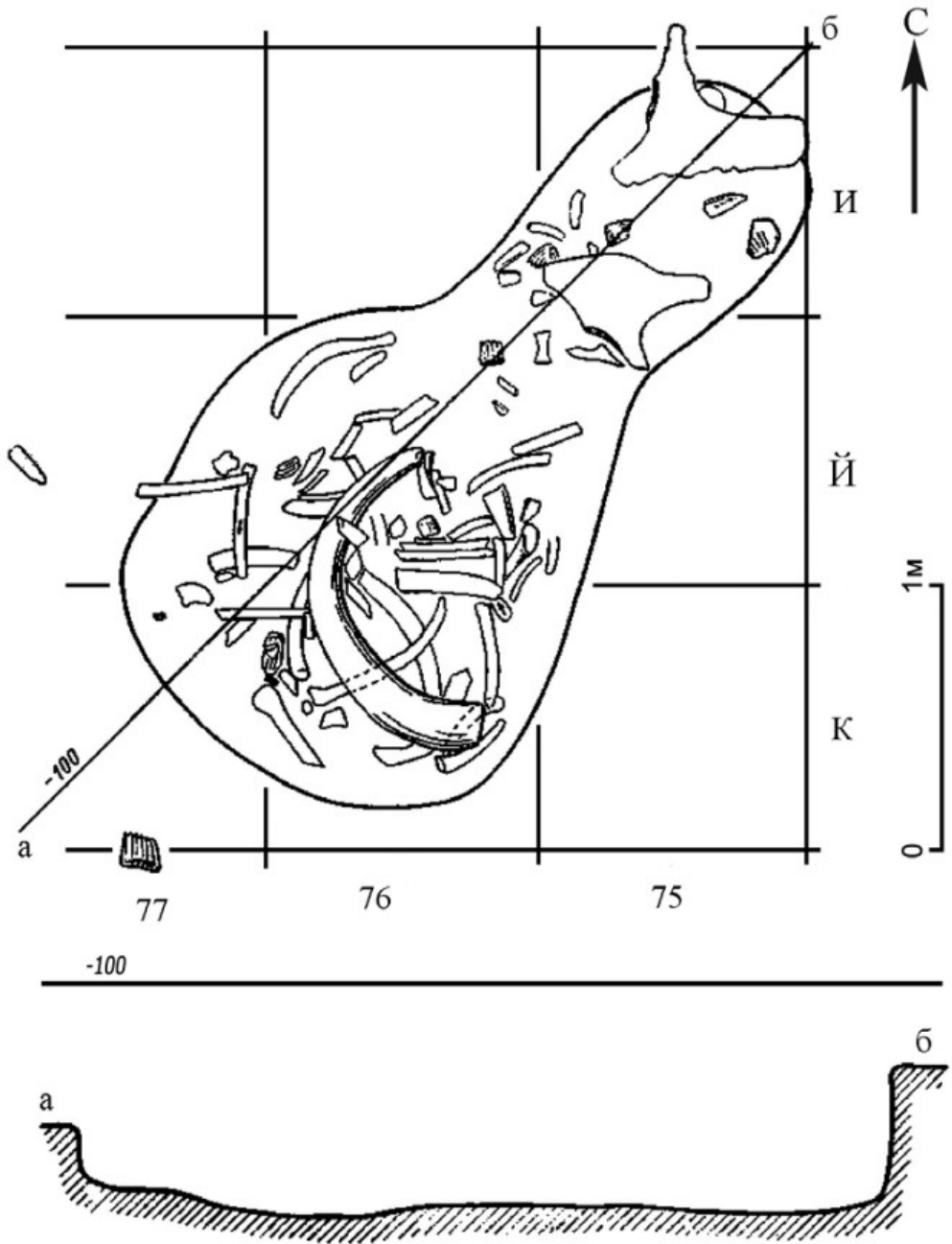

Рис. 27. Авдеево. План и профиль полуземлянки А
(по: Рогачёв 1953: 150)

содержанию культурных остатков и другим характеристикам. Показательно, что обе камеры отделялись друг от друга горизонтально лежащим крупным бивнем мамонта. Впрочем, мы вовсе не исключаем, что оба суждения, если их не абсолютизировать, могут оказаться верными — для конкретных ситуаций.

Что касается систематизации крупных костей мамонта, приуроченных к землянкам и ямам, то об этом уже говорилось выше, в связи с материалами Костёнок 1/1 (см.: 3.2).

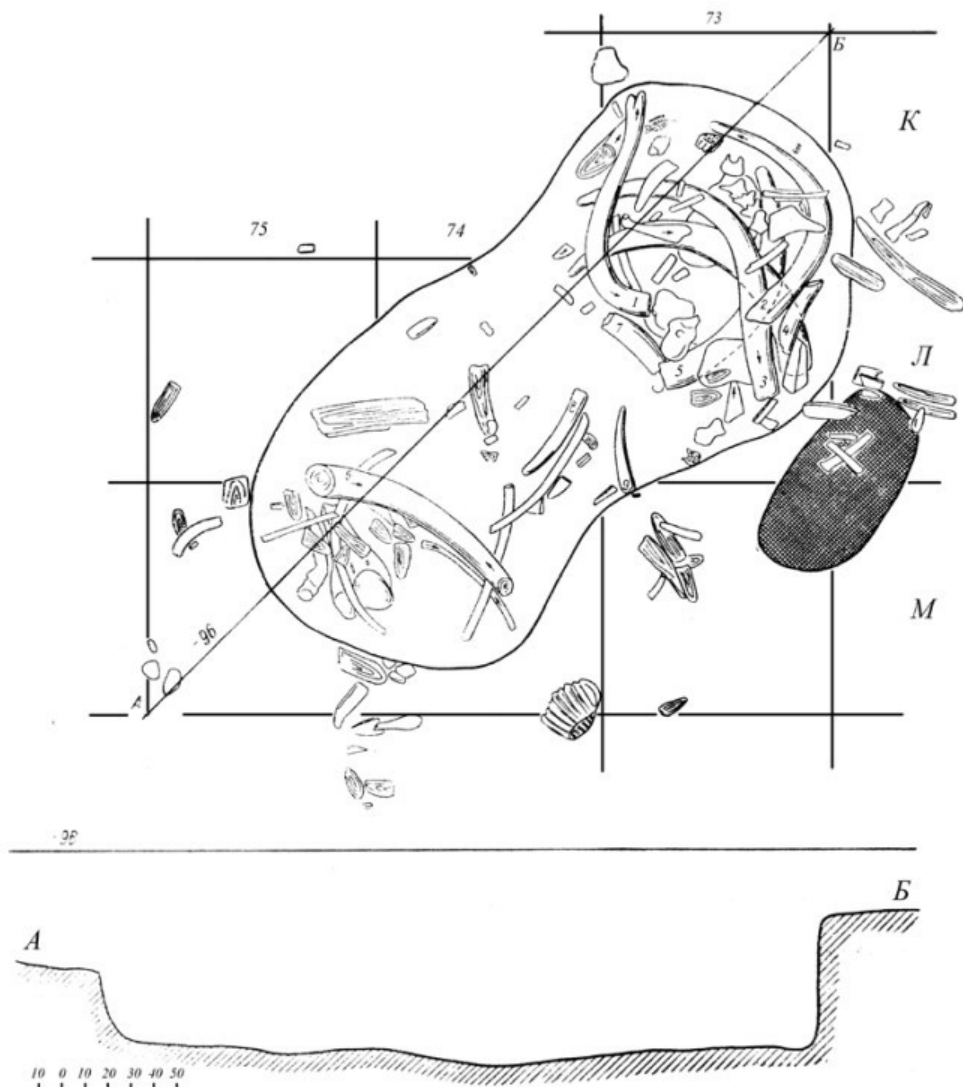

Рис. 28. Авдеево. План и профиль полуземлянки Б
(по: Рогачёв 1953: 153)

4.4. Каменный и костяной инвентарь

4.4.1. Каменная индустрия

Мы не будем приводить детального описания каменного и костяного инвентаря и произведений искусства Авдеевской стоянки: этот материал опубликован достаточно полно и на высоком профессиональном уровне (Гвоздовер 1953; 1961; 1983; 1985; 1998; Gvozdover 1995) (рис. 29–33). Культурные аналогии с Костёнками 1/1 и Зарайской стоянкой здесь совершенно очевидны. «Авдеевская стоянка обнаруживает поразительное сходство со стоянкой Костёнки 1 во всех проявлениях культуры, что нельзя объяснить только хронологической близостью, так как наблюдается сходство не только культуры в целом, но и второстепенных деталей» (Гвоздовер 1961: 118). «Полное сходство всех компонентов: тип поселения, кремневый и костяной инвентарь, искусство — свидетельствуют не просто о типологической близости стоянок, а скорее о полной их идентичности...» (Гвоздовер 1998: 234).

Сходство между Костёнками 1/1 и Авдеево начинается уже с особенностей сырьевой базы, ведущей к определенным последствиям. «...Авдеевцы, как и костенковцы, жили относительно далеко от источников кремневого сырья; на стоянки приносили либо отобранные по форме желваки, либо пренуклеусы, либо... еще и плитки кремня...» (Гвоздовер 1998: 237). В итоге наблюдается экономное расходование высококачественного приносного сырья, отразившееся в низком проценте нуклеусов и высоком проценте орудий, составлявших от 10,9 до 12,4%, а на отдельных (непериферийных) участках — до 30%, а также высоком проценте сколов оживления орудий (Там же: 238).

Тем не менее мы не можем согласиться с утверждением, что эти показатели характеризуют костёнковскую (в нашей терминологии — виллендорфско-костёнковскую) культуру как таковую (Гвоздовер 1998: 237–238, 242). На Зарайской стоянке, расположенной вблизи источников кремня, и насыщенность культурного слоя кремневыми изделиями, и процентное соотношение последних заметно отличаются от Костёнок 1/1 и Авдеева. Между тем, как выяснилось в последние годы, именно Зарайская стоянка является для Авдеева ближайшим аналогом как по типологическим характеристикам каменных орудий, так и по ряду специфических особенностей предметов символической деятельности. По этой же причине мы не можем согласиться с тем, что упомянутые характеристики отражают некий кратковременный этап существования данной АК. Как уже неоднократно отмечалось выше, эта культура со всеми своими специфическими особенностями существовала на протяжении нескольких тысячелетий — и в бассейне Оки, и на Среднем Дону, и на Сейме.

Детальный анализ каменных орудий, проведенный М. Д. Гвоздовер для двух жилых комплексов Авдеева, привел ее к следующим выводам: «Бросается в глаза, с одной стороны, своеобразие количественной представленности категорий для костёнковской культуры, по сравнению с другими культурами, а также устойчивость количественной представленности одних категорий и изменчивость или колебание представленности других по памятникам

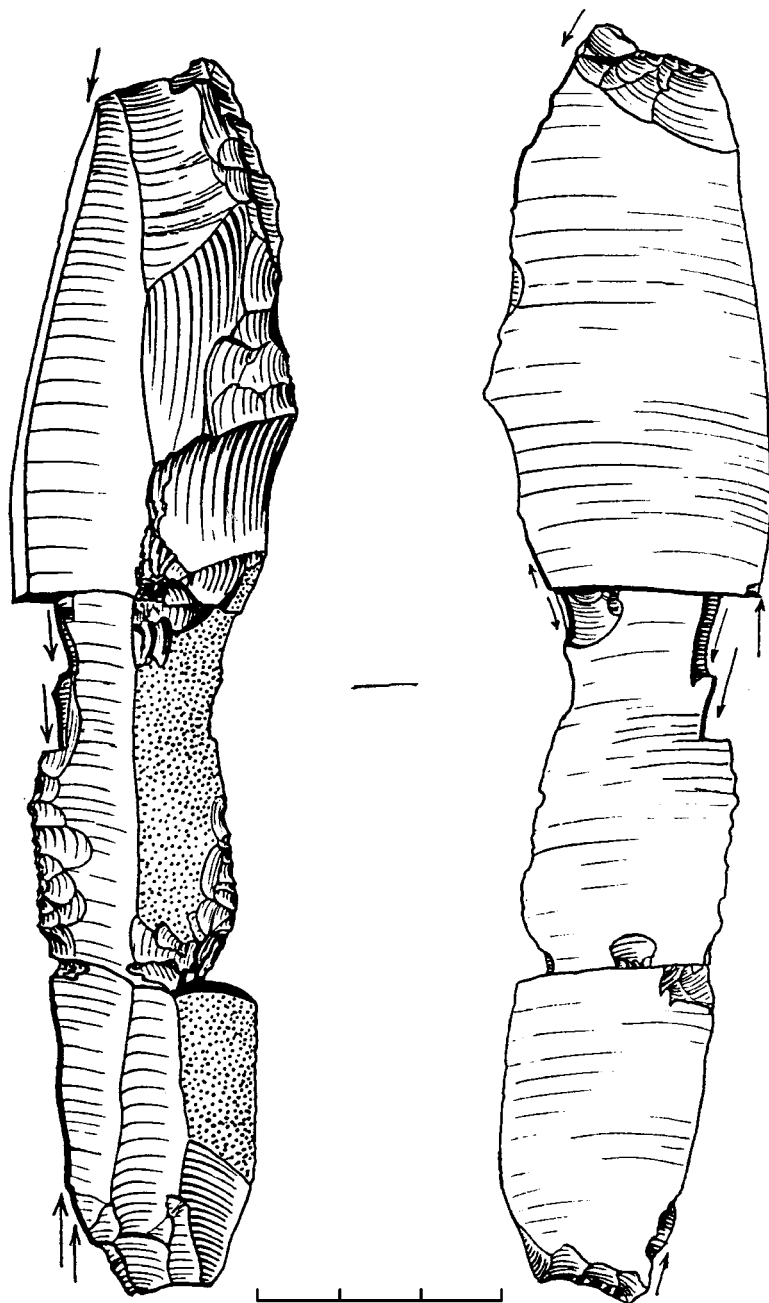

Рис. 29. Авдеево. Нож костёнокского типа на крупной пластине, представленной тремя фрагментами (по: Гвоздовер 1998: 238)

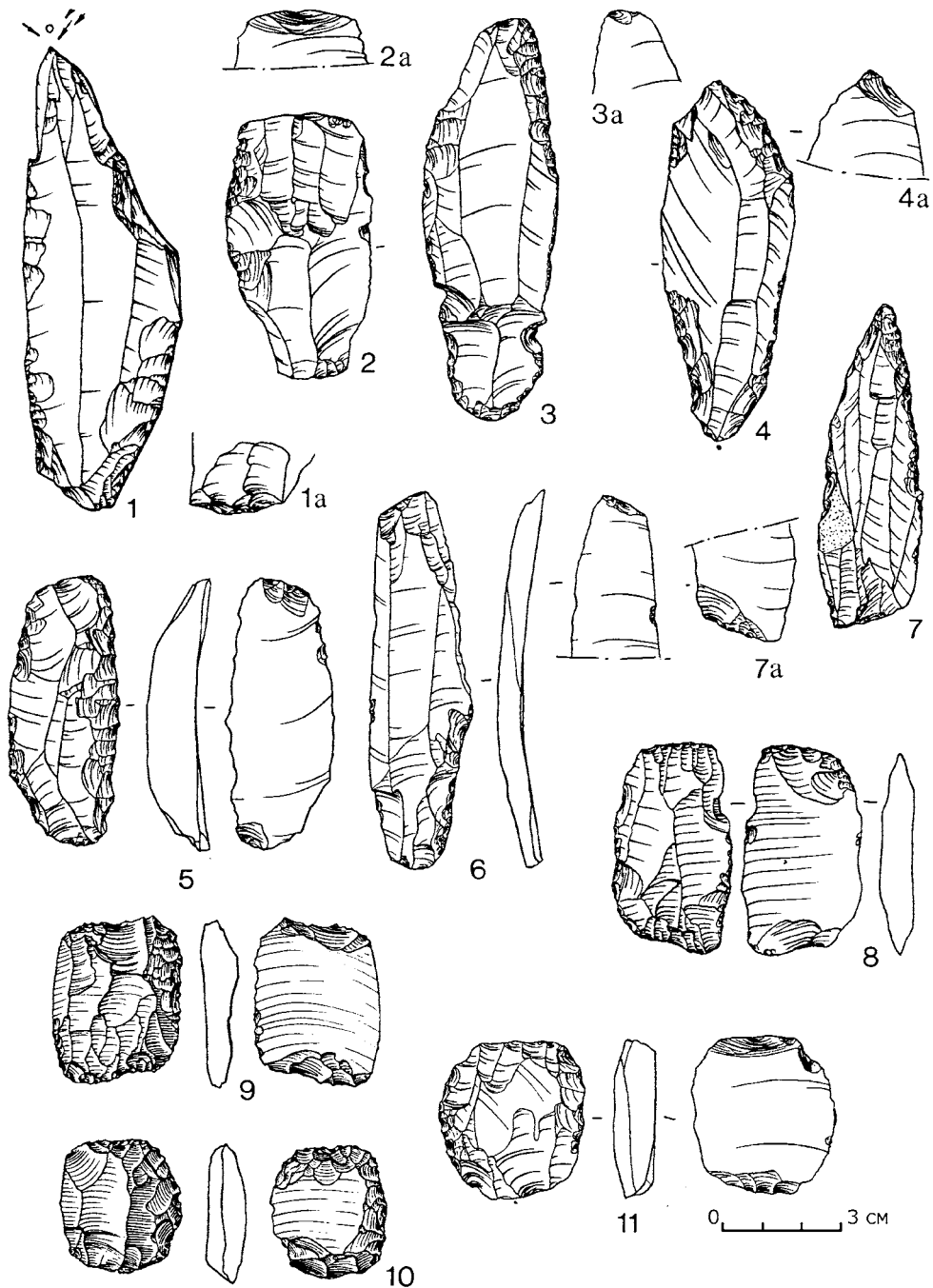

Рис. 30. Авдеево. Ножи костяного типа, включая комбинированные (1 — со срединным резцом, 7 — с острием) (по: Гвоздовер 1998: 250)

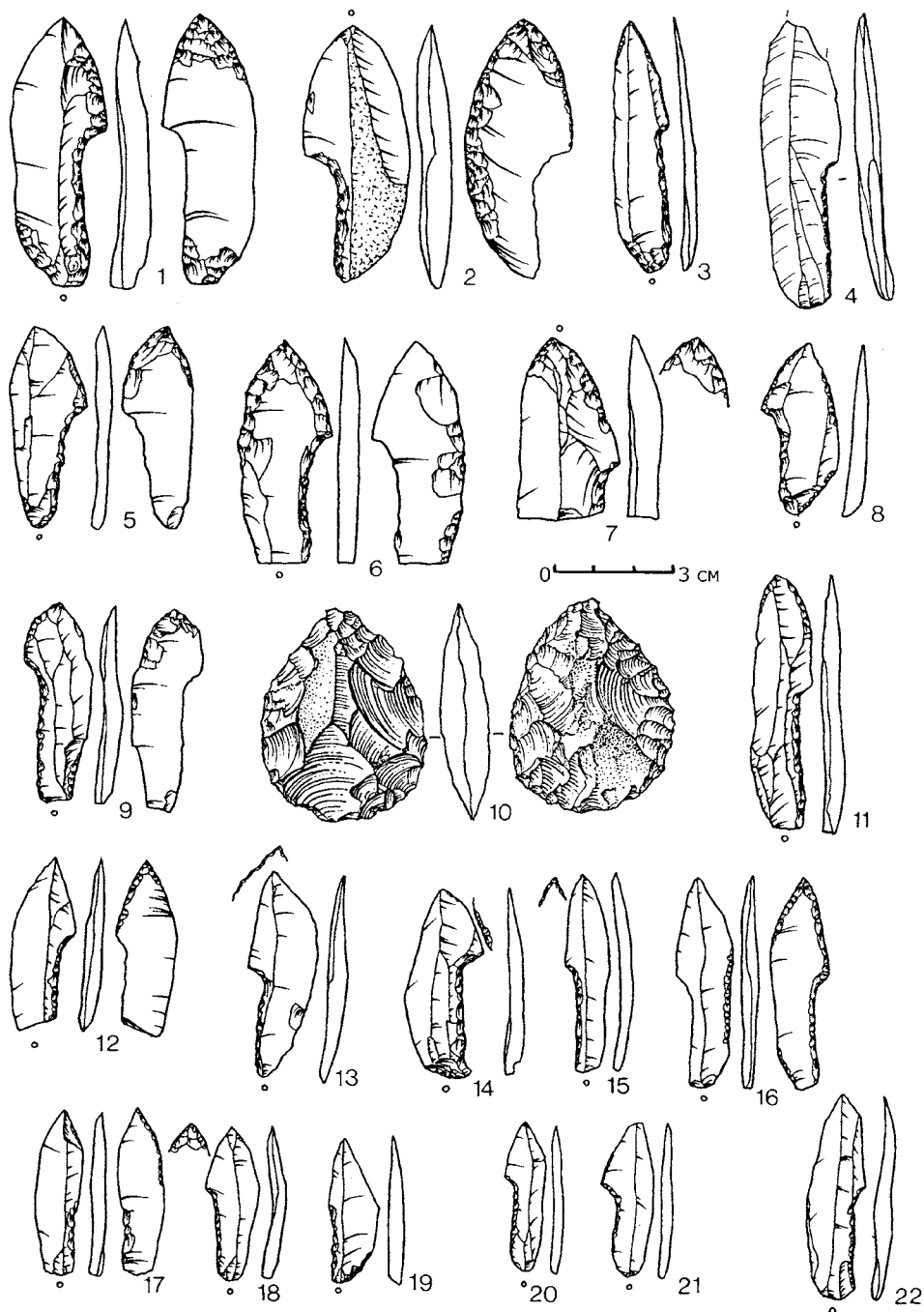

Рис. 31. Авдеево. Наконечники с боковыми выемками и листовидное острие (№ 10) (по: Гвоздовер 1998: 260)

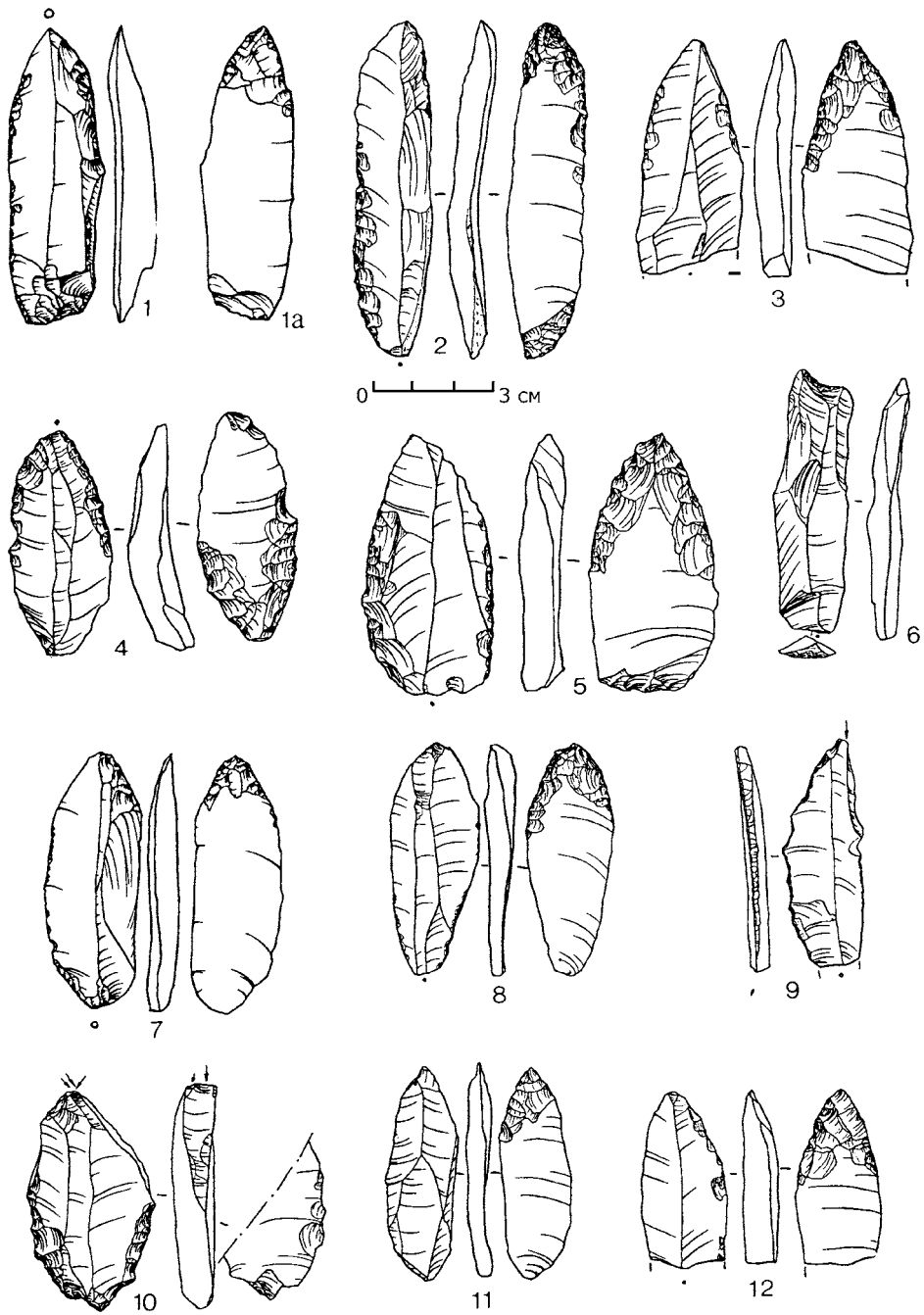

Рис. 32. Авдеево. Листовидные острия на пластинах, а также пластина с поперечной выемкой (№ 6) и боковой резец (№ 9) (по: Гвоздовер 1998: 264)

костёнковской культуры. Интересно, что ни одна категория не является преобладающей в инвентаре. Категории, составляющие свыше 30%, отсутствуют. Такая, обычно широко представленная, категория, как скребки, малочисленна. От 10 до 27% инвентаря на наших стоянках составляют ножи с подтеской концов, в других культурах или вообще отсутствующие, или малочисленные. Устойчива доля наконечников с боковой выемкой — от 6,5 до 12,5%, и почти одинакова на всех стоянках доля пластинок с притупленным краем — от 8,5 до 10%» (Гвоздовер 1998: 242).

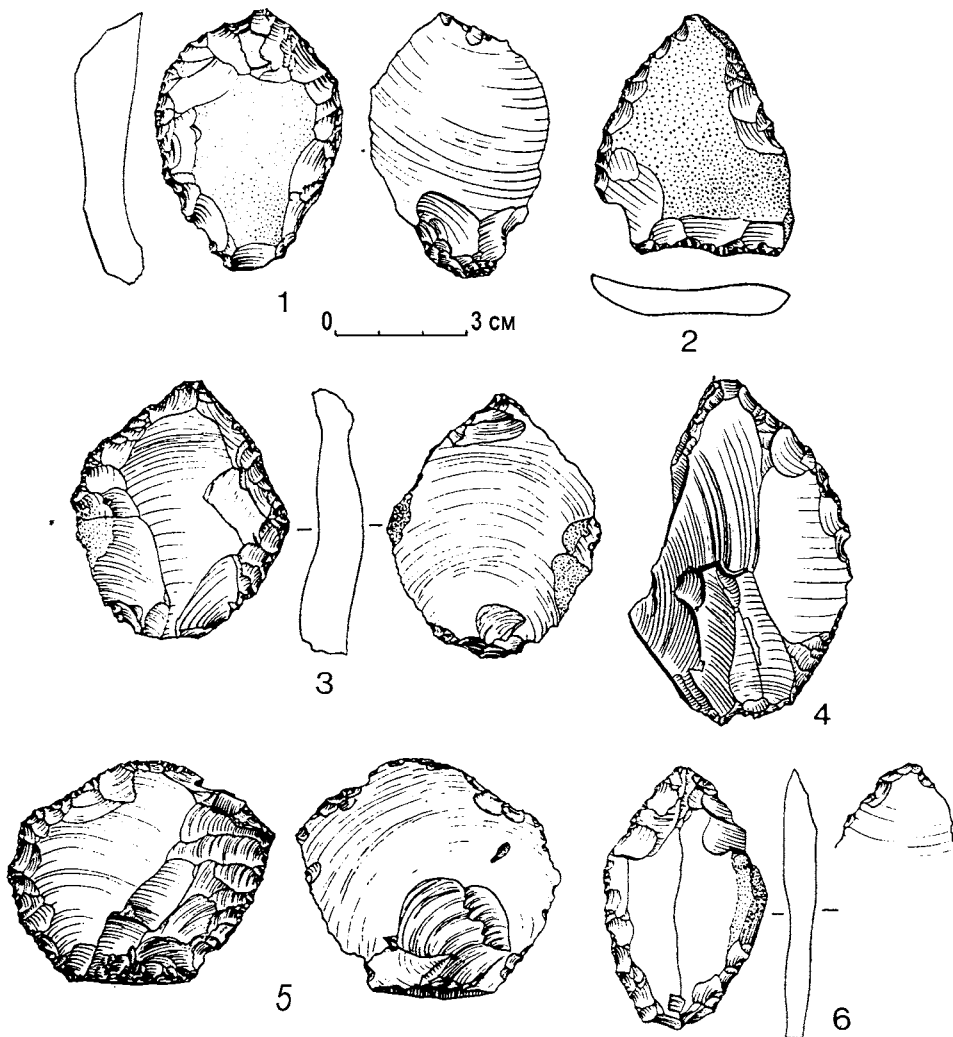

Рис. 33. Авдеево. Широкие острия или конвергентные скребла (по: Gvozdover 1995: 61)

Для Зарайской стоянки соответствующие подсчеты были проведены С. Ю. Львом, и полученные результаты оказались, в общем и целом, близки выводам М. Д. Гвоздовер. Наиболее заметные различия выявились в процентах наконечников с боковой выемкой и пластинок с притупленным краем (Лев 2003: 21). Но работы последующих лет существенно скорректировали эти расхождения (Лев 2009: 91).

4.4.2. Костяной инвентарь

Как уже отмечалось выше, в общем и целом костяной инвентарь Авдеевской стоянки аналогичен Костёнкам 1/1 (рис. 34, 35). По словам М. Д. Гвоздовер, «сходство в деталях поделок настолько велико, что любая из них может быть... перемещена из одной коллекции в другую и быть там «своей», не отличимой от других...» (Гвоздовер 1983: 59) (рис. 36). Различия, конечно, имеют

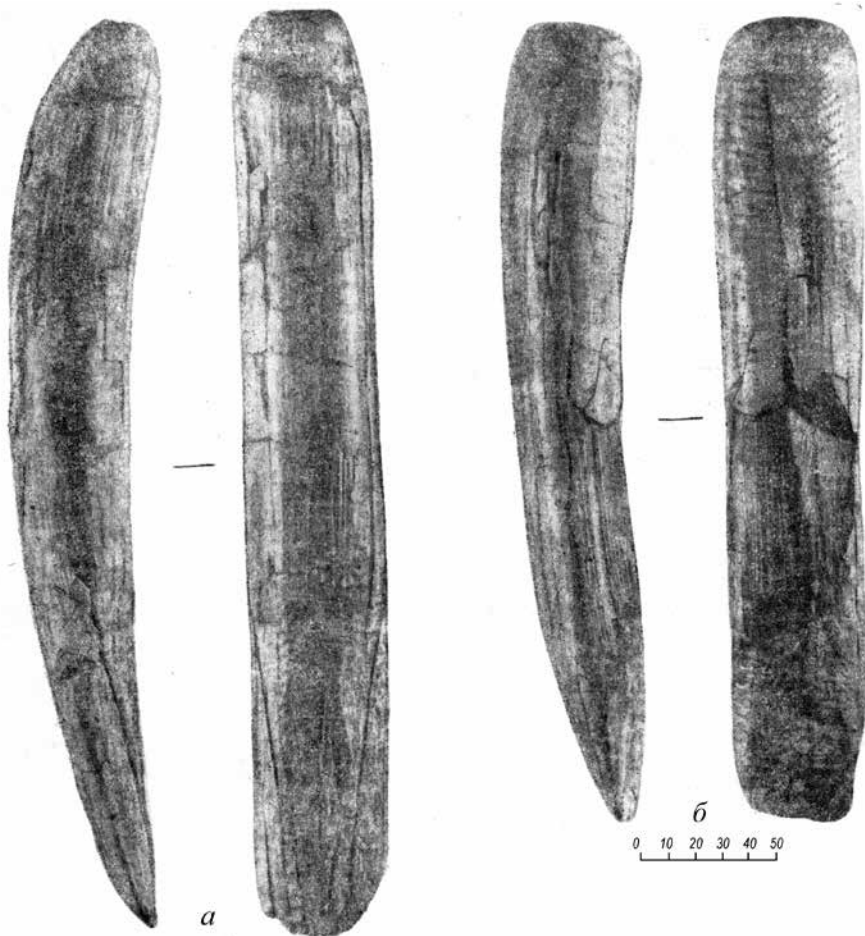

Рис. 34. Авдеево. Тесла из бивня мамонта (по: Гвоздовер 1953:200)

место, но они не существенны. Так, в частности, головки лопаточек из Авдеева иногда более вычурны, по сравнению с лопаточками из Костёнок 1/1. Разительные совпадения обозначились в самые последние годы и в коллекциях костяных изделий Авдеева и Зарайска. Речь идет о таких уникальных предметах, как имитации метаподиев зайца и волка, с нанесенным на них орнаментом, вырезанные из бивня мамонта. До последнего времени эти находки были известны только в первом жилом комплексе Авдеева (Там же: 56; Gvozdover 1995: 41–42).

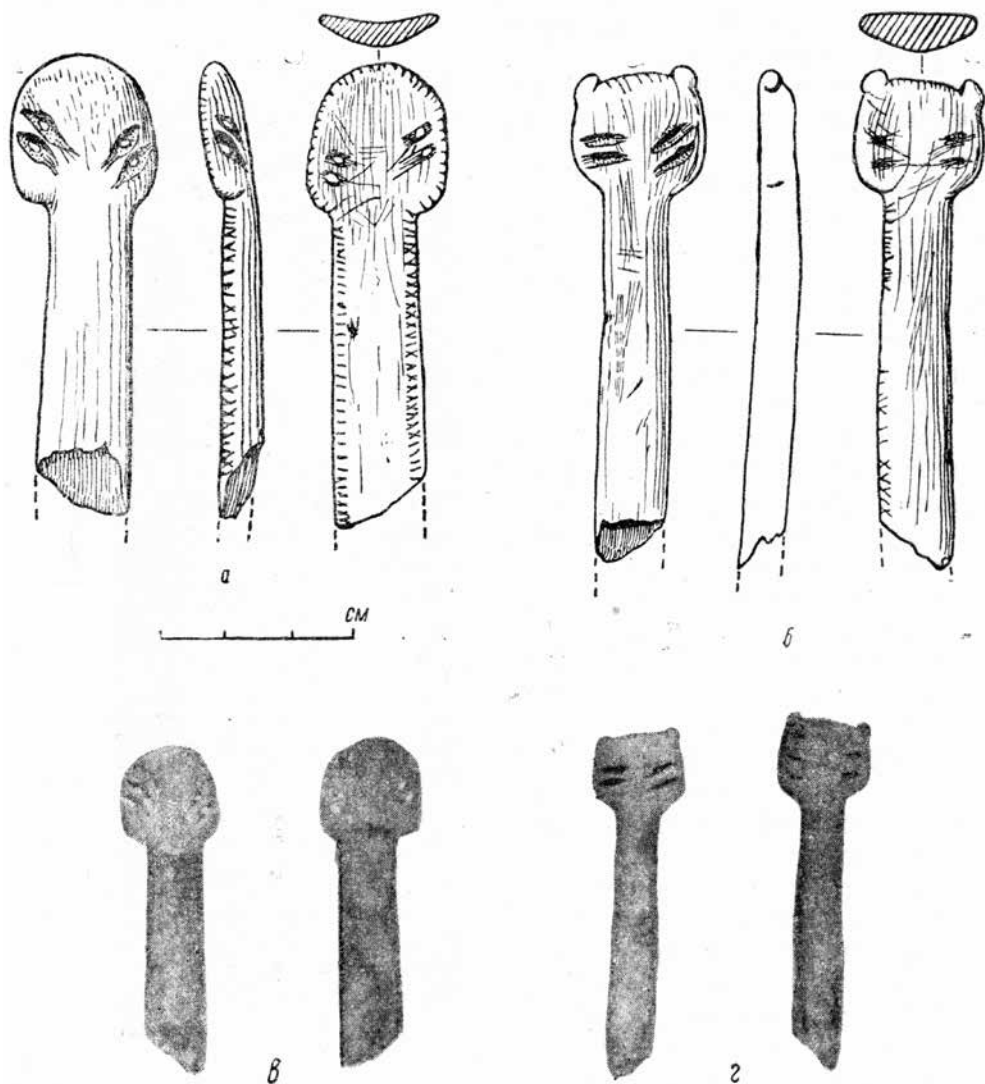

Рис. 35. Авдеево. Головки костяных лопаточек (по: Гвоздовер 1953:206)

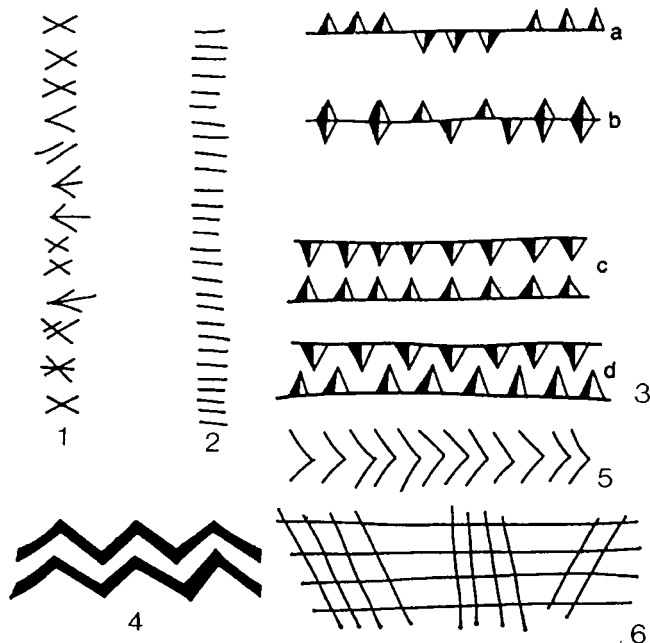

Рис. 36. Элементы орнамента, характерной для костёнковской культуры (по: Gvozdover 1995: 113)

4.5. Искусство и символическая деятельность¹⁵

4.5.1. Женские статуэтки: классификация и интерпретация

Детальное и всестороннее описание символической деятельности в Авдеево было дано М. Д. Гвоздовер в одной из её последних работ (Gvozdover 1995). Книга содержит подробный каталог всех соответствующих находок и сопровождается многочисленными иллюстрациями. Общие черты сходства такого рода изделий из Авдеево и Костёнок 1/1 отмечались многократно. В настоящий момент мы обратим основное внимание на ряд специфических характеристик материалов Авдеевской стоянки.

Лучшая, на сегодняшний день, классификация женских статуэток («палеолитических венер») была дана М. Д. Гвоздовер (Гвоздовер 1985). Основываясь на чётких морфологических и метрических признаках, исследовательница выделила четыре типа восточноевропейских палеолитических статуэток:

- I — костёнковский;
- II — авдеевский;

¹⁵ Раздел написан при участии Н.И. Платоновой.

III — обобщенный;

IV — гагаринско-хотылёвский (Там же: 42).

В свою очередь, в коллекции Авдеева представлены женские статуэтки костёнковского типа (5 экз.), авдеевского типа (2 экз.) и обобщенного типа (2 экз.). Статуэток гагаринско-хотылёвского типа на памятнике не найдено (Там же: 51, табл. 3) (рис. 37; 38).

Показательно, что статуэтка, обнаруженная на Зарайской стоянке, принадлежит к авдеевскому типу (Амирханов, Лев 2009: 325), в то время как в Костёнках наличие этого типа проблематично (Гвоздовер 1985: 51, табл. 3).

Что касается таких признаков, как «сухощавые» и «толстые», с выраженными чертами лица или безликие, то М. Д. Гвоздовер вполне убедительно показала их вторичность (Там же: 41). Стоит подчеркнуть особо, что исследовательница трактует статуэтки виллендорфско-костёнковской АК как изображения *конкретных женщин*, а не абстрактных символов («плодородия», «богиня очага» и т. п.), хотя изображения эти выполнялись по сходному канону. «Мы считаем, что в наших скульптурах отражены индивидуальные особенности женщин (более полная или худая, прямоспинная или выпуклоспинная, узкотазая или широкотазая) и т. д. Все эти особенности существовали внутри канона, не меняя его и подчиняясь каноническим нормам...» (Там же).

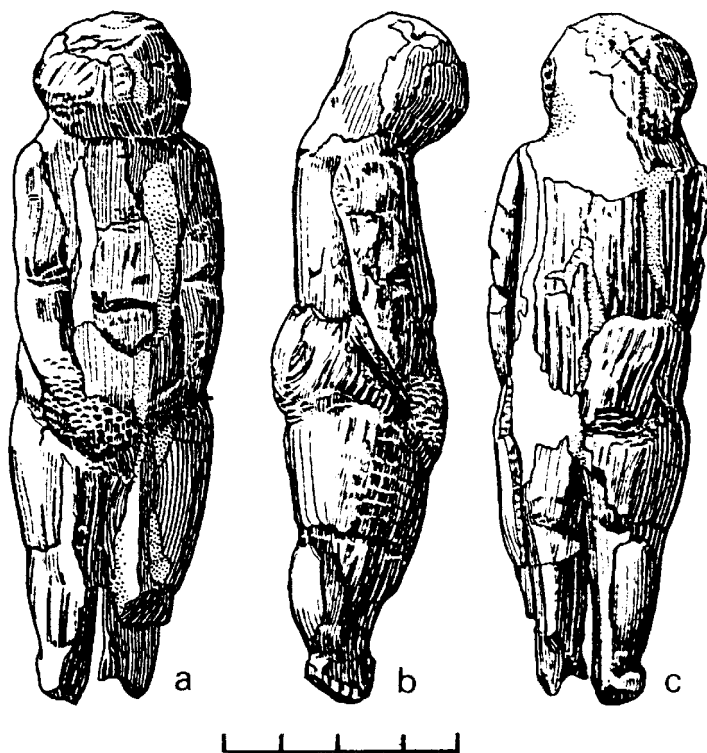

Рис. 37. Авдеево. Статуэтка из бивня мамонта (по: Gvozdover 1995: 131)

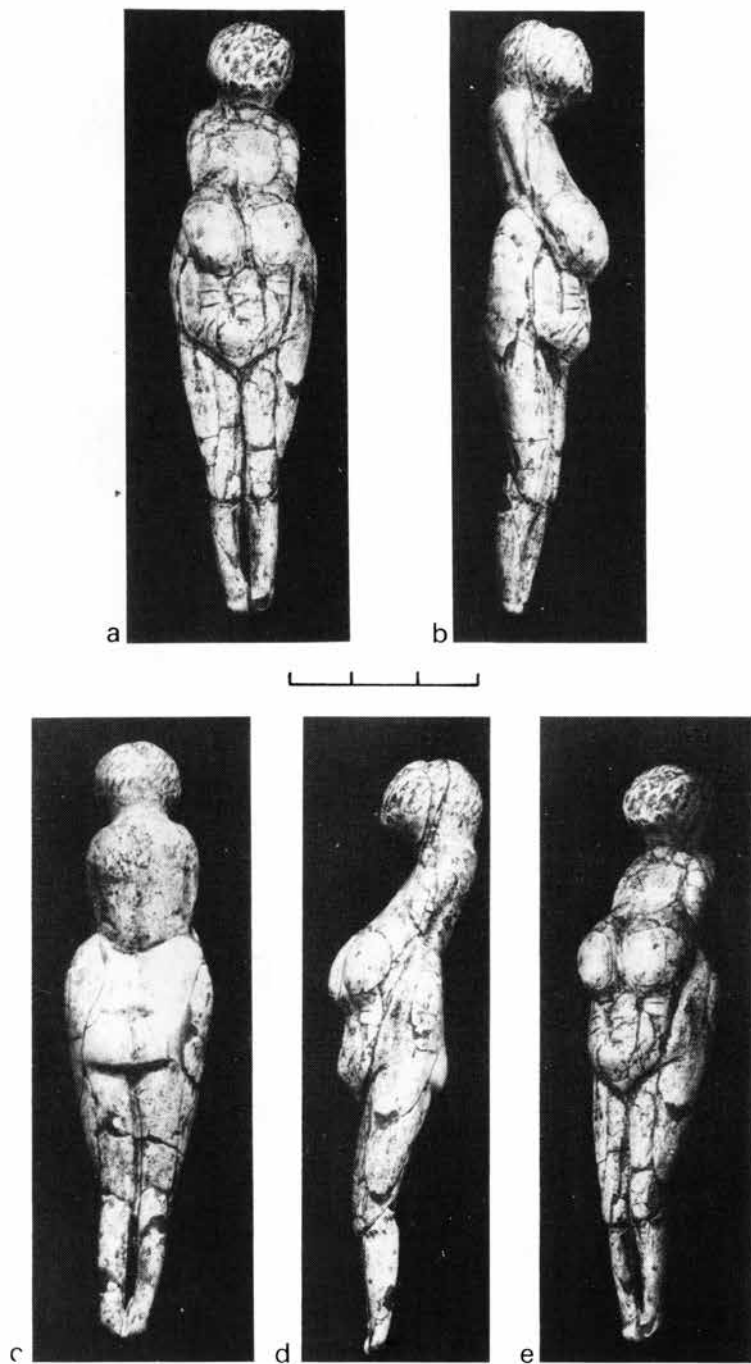

Рис. 38. Авдеево. Статуэтки из бивня мамонта (по: Gvozdover 1995: 142)

Интересны и другие наблюдения М. Д. Гвоздовер: «Мы вправе предположить, что выделенные нами варианты передают различные физиологические состояния женщины (например, беременность). ...В каноне тесно увязаны стиль, тип акцентировки, форма деталей, а также поза...» (Там же: 65)¹⁶.

Мы склонны полностью согласиться с М. Д. Гвоздовер, что облик «палеолитических венер» в высокой степени персонифицирован. В пределах каждой из двух основных разновидностей (полная невысокая коренастая, с одной стороны, худощавая грацильная — с другой) детали женской фигуры старательно индивидуализируются. То же наблюдается в орнаментике, передающей: а) украшения или татуировку; б) причёску или головной убор. Здесь опять имеют место не просто отдельные (неизбежные!) отклонения от единого канона, но явно преднамеренная индивидуализация.

Следовательно, какой бы ни была семантика образа «палеолитической вены», древние мастера воплощали ее персонифицированными средствами, ориентируясь, по-видимому, на известных им женщин — современниц и соплеменниц. В этом смысле можно говорить даже о «портретном сходстве» палеолитических женских фигур.

Однако конкретность и живые детали в изображении женского тела неизменно сопряжены с «канонической» позой, в которой изображено подавляющее большинство «венер»: наклонная голова, руки сложены под грудью, бедра до колен сведены, икры раздвинуты, носки соединены (вывернуты) и как будто вытянуты («на цыпочках»). Иногда наблюдаются отдельные «разночтения»: более или менее согнутые бедра и колени, более или менее разведенные голени.

М. Д. Гвоздовер определяет позы статуэток, как: «стоячую (с вариантом положения оси ног), полусидячую или сидячую и, наконец, позу «рожающей»...» (Там же: 42). Условность первого определения заключается в том, что *стоять* в такой позе — наклонившись вперед, прижав руки к животу, с полусогнутыми коленями и вывернутыми внутрь, вытянутыми носками — просто физически невозможно. О том же пишет сама М. Д. Гвоздовер: «Строение ног у них таково, что стоять на плоскости они не могли...» (Там же: 56). Правда, по мнению С. Н. Бибикова, все или подавляющее большинство фигурок изображают *танцующих женщин* (Бибиков 1981). Но мы не считаем эту точку зрения сколько-нибудь обоснованной и склонны согласиться с М. Д. Гвоздовер: в виллендорфско-костёнковской скульптуре фиксировались, в первую очередь, различные *физиологические состояния женщин*.

Со своей стороны, рискнем выдвинуть предположение, которое, по меньшей мере, заслуживает рассмотрения в контексте всех имеющихся данных

¹⁶ Мы не рассматриваем в этой связи большую статью Г. П. Григорьева, посвященную гагаринским статуэткам (Григорьев 2005). Суть ее можно свести к трем основным положениям: 1) С. Н. Замятин был слабым полевиком (это общеизвестно. — *Авт.*); 2) Л. М. Тарасов копал не лучше (это несправедливо. — *Авт.*); 3) «...нет разнотипных статуэток внутри одного памятника, да еще с такой небольшой площадью развалин жилища, как в Гагарине. Все статуэтки однотипны...» (Григорьев 2005: 82). Складывается впечатление, что вся статья написана исключительно ради этого последнего вывода. Но вместо логически построенной методики анализа статуэток, которую мы видим у М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев смог предложить только сумбурную риторику.

об архаических религиозных представлениях и того значения, которое придавалось в них половому акту и его символике. Суть нашей гипотезы, предлагаемой к обсуждению, заключается в следующем: в скульптурах «палеолитических венер», помимо позы роженицы (статуэтка из Костёнок 13), изображены три основных позы полового акта, возможно, принятые у носителей данной АК («на животе» — костёнковский тип, «на спине» — авдеевский тип, «на корточках» — гагаринско-хотылёвский тип по М. Д. Гвоздовер). В этом контексте находят себе объяснение и «неестественное» положение ног, и характерный наклон головы и торса вперед, и явный акцент на половые признаки, и исключительная устойчивость канона.

Требуется сказать хоть несколько слов о контексте нахождения статуэток на памятниках. По наблюдениям М. Д. Гвоздовер, подавляющее большинство находок обнаружено в ямках-хранилищах, в сопровождении костяного и/или каменного инвентаря либо специальным образом подобранных костей. В ряде случаев можно достаточно обоснованно предполагать, что ямы перекрывались сверху плоскими костями мамонта. По мнению исследовательницы, культовый характер этих комплексов прослеживался с очевидностью только дважды. Имеются в виду яма № 77 во втором жилом комплексе Авдеево, содержавшая 3 статуэтки, и яма № 123 в первом жилом комплексе Костёнок 1/1. Обе ямы явно изначально имели верхнее перекрытие. Уже после оползания и обвала первоначальных стенок ям они, по-видимому, вторично были использованы в ритуальных целях. В авдеевской яме в верхней части заполнения обнаружен череп пещерного льва, а на узком участке, прилегающем к ней, — большое скопление костей хищников (пещерного льва и росомах), очень редких на остальной площади стоянки. В костёнковской яме и дно, и лежащая на нем статуэтка были густо присыпаны охрой, а позднее в углубление в верхней части заполнения поместили новую «партию» артефактов, тоже присыпали охрой и прикрыли лопаткой мамонта.

Ныне количество статуэток, достоверно зафиксированных в ямках-хранилищах, в слоях, окрашенных охрой и перекрытых вдобавок лопаткой мамонта, возросло за счет двух зарайских находок, обнаруженных именно в таком контексте, в ямах № 116 и 117, расположенных в средней части жилого комплекса второго этапа жизни на поселении (Амирханов, Лев 2009: 317–330). В связи с этим стоит упомянуть и еще об одной весьма любопытной находке, сделанной в конце 1980-х гг. при раскопках центральной части второго жилого комплекса Костёнок 1/1. Там была обнаружена подквадратная неглубокая ямка с плоским дном, явно искусственного происхождения, заполненная охрой в сочетании с интенсивной углистой прослойкой. Сверху она была перекрыта плоскими костями мамонта, по образцу центральноевропейских верхнепалеолитических погребений. Но вместо костей скелета на дне этой ямки опять же лежала женская статуэтка, вырезанная из бивня мамонта. находка была сделана и всесторонне зафиксирована автором настоящей книги, но, к сожалению, при нынешней недоступности документации памятника ситуацию приходится восстанавливать по памяти.

4.5.2. Зооморфные изображения

Хотя в археологической литературе многократно подчеркивалось, что Авдеевская стоянка выступает едва ли не двойником Костёнок 1/1, это сходство далеко не так ощутимо, когда речь заходит о зооморфной скульптуре. Так, например, всемирно известная авдеевская фигурка мамонта, выполненная из кости, не имеет в Костёнках 1/1 никаких аналогов (рис. 39). Два других скульптурных изображения мамонта из Авдеево, выполненных из песчаника, по своим стилистическим особенностям гораздо ближе к соответствующей фигурке из Елисеевичей, нежели к предельно стилизованным статуэткам костёнокского круга (рис. 40).

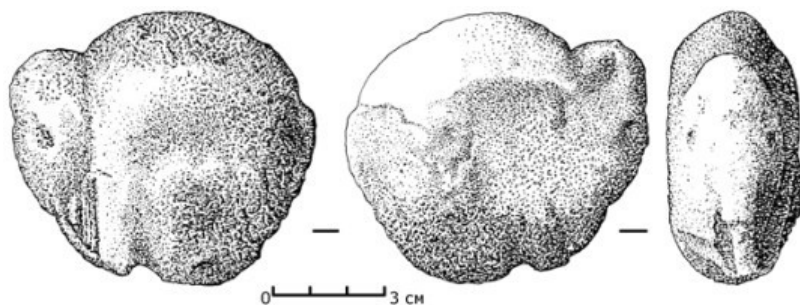

Рис. 39. Авдеево. Статуэтка из кости (позвонка?) мамонта. Прорисовка (по: Gvozdover 1995: 124)

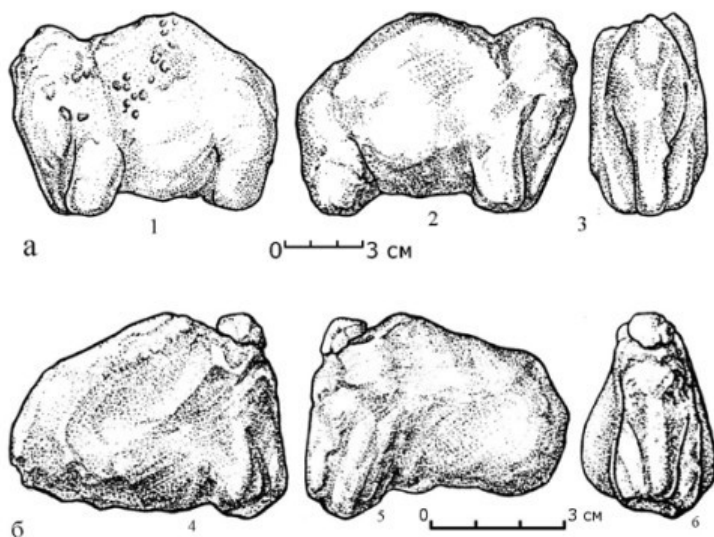

Рис. 40. Авдеево. Две статуэтки мамонта из песчаника. Прорисовка (по: Gvozdover 1995: 124, 127)

Глава 5

Виллендорфско-костёнковская археологическая культура в Белорусском Поднепровье: стоянка Бердыж

Памятник расположен на склоне балки, выходящей к реке Сож, левому притоку Днепра, сложенной склоновыми отложениями и залегающими на них без заметного перерыва песками, которые подверглись сильным мерзлотным нарушениям (рис. 41).

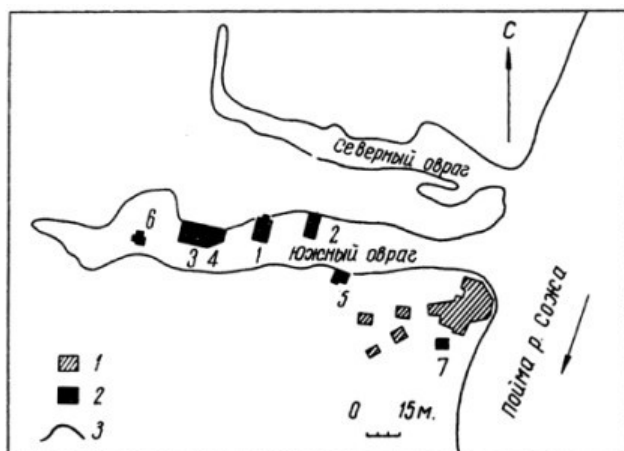

Рис. 41. Бердыж. План стоянки и место раскопок (по: Поликарпович 1968: 18).
Условные обозначения: 1 – места раскопок 1926–1939 гг.;
2 – раскопы 1953 года; 3 – границы северного и южного оврагов

Стоянка изучалась С. Н. Замятниным в 1927 г., М. К. Поликарповичем в 1936–1939 гг., а также В. Д. Будько в 1969–70 гг. (рис. 42). Позднее, в 1971 г., раскопки проводились Е. Г. Калечиц. Результаты раскопок трактовались исследователями весьма неоднозначно. Так, по мнению С. Н. Замятина, кости лежали беспорядочно на небольшой площади, несмотря на значительный склон. Их взаимное расположение одна на другой указывало, по мнению этого исследователя,

Рис. 42. Бердыж. Расчистка скопления костей (по: Поликарпович 1968: 30)

на искусственный характер укладки (Замятнін 1930: 481–482). Однако, по нашему мнению, права З. А. Абрамова, отметившая, что на таком крутом склоне никаких жилых сооружений быть не могло, а кости сползли вниз по склону в результате сольфлюкционных процессов (Абрамова 1997: 25–27).

К. М. Поликарпович, анализируя итоги своих раскопок, пришел к выводу, что вскрытая им крупная яма, длиной 9–10 м при ширине 3–4 м и глубиной до 3 м, является не искусственным сооружением, а промоиной, куда отчасти смывались, а отчасти сбрасывались людьми кости мамонта (Поликарпович 1968: 26) (рис. 43).

К прямо противоположным, воистину сенсационным выводам пришел В. Д. Будько. По его мнению, в раскопах К. М. Поликарповича можно выделить остатки двух жилищ и трех хозяйственных ям. Кроме того, в своих раскопах 1969–1970 гг. Будько выделяет еще два жилища и одну яму. Любопытно, что при явной принадлежности каменного инвентаря к костёнковско-авдеевской (т. е. виллендорфско-костёнковской) культуре он одновременно объявляет эти жилища принадлежащими и пушкарёвскому, и ановскому типам (Будько и др. 1970: 295; Будько, Ободенко 1974).

По мнению З. А. Абрамовой, ситуация несколько проясняется работами Е. Г. Калечиц (Абрамова 1997: 26). Ее раскопки 1971 г. выявили единство слоя

Рис. 43. Бердыж. План остатков жилища и больших ям в раскопе 1938-1939 гг. (по: Поликарпович 1968: 31).
 Условные обозначения: 1 — кости и бивни мамонта, 2 — границы жилища углубления; 3 — скопления зольной
 массы на месте очага; 4 — границы жилища. Составлен В.Д. Будько по полевым материалам раскопок
 К.М. Поликарповича

на всей площади, идентичность вмещающих слой отложений и несомненную переотложенность культурных остатков (Калечиц 1984: 74). Можно согласиться с Е. Г. Калечиц, что реконструкции В. Д. Будько хозяйственно-бытовых комплексов так же ошибочны, как и те, что были сделаны В. А. Городцовым для Тимоновки 1. Человек не мог обитать здесь после окончания солифлюкционных процессов. Впрочем, значительные скопления костей мамонта косвенно все же

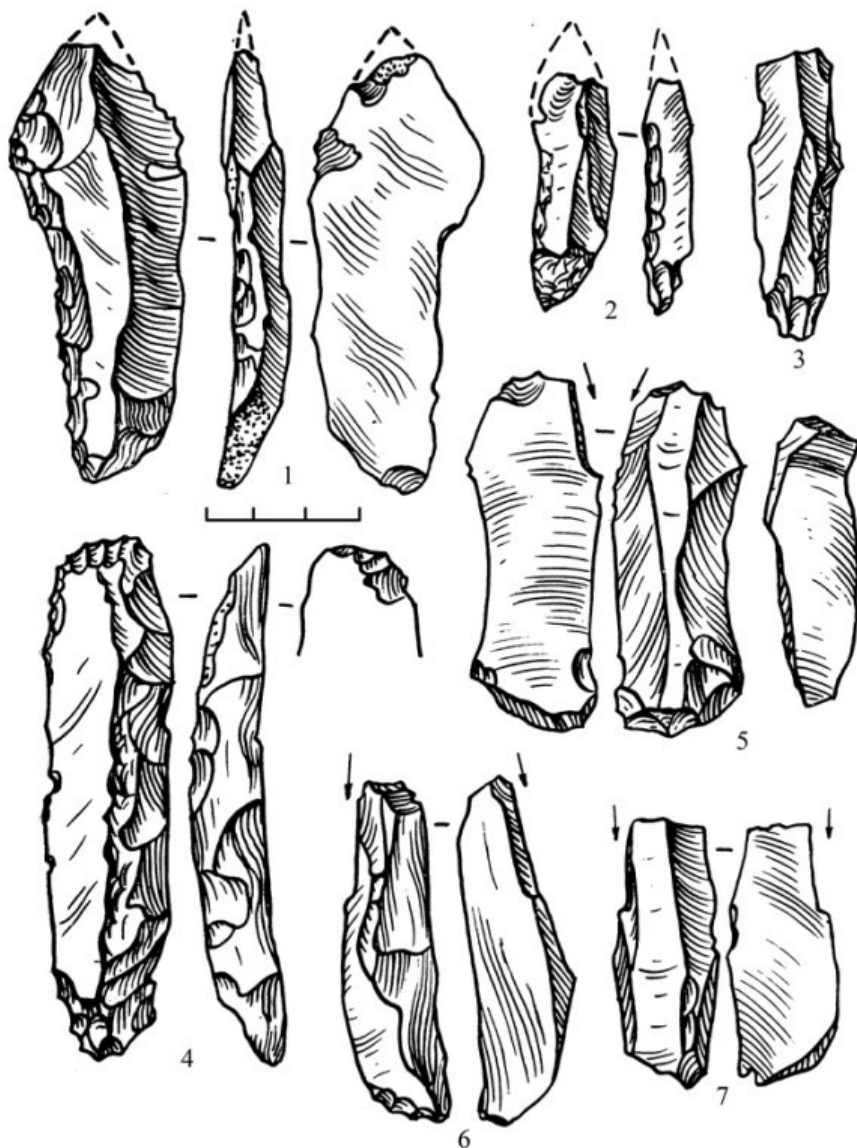

Рис. 44. Кремневые орудия: 1–3 — наконечники с боковой выемкой; 4–5 — ножи костёнокского типа; 6, 7 — резцы (по: Поликарпович 1968: 27)

свидетельствуют о наличии здесь жилых построек. «Но существовали они, бесспорно, до развития солифлюкционных процессов, а сама стоянка размещалась выше по склону, т. е. южнее. Последующая деструкция слоев, к сожалению, оставила нам лишь деформированные остатки поселения» (Там же: 90).

Что касается культурной принадлежности памятника, то кремневый инвентарь, содержащий типичные костёнковско-авдеевские наконечники с боковой выемкой (рис. 44: 1), не оставляют сомнений в его принадлежности к виллендорфско-костёнковской АК (рис. 44). Подтверждением этого служит и фауна, в которой абсолютно преобладает мамонт.

Геологический возраст памятника долгое время оставался не вполне ясным, ибо «...оставалась непоясненной картина соотношения балки, к которой относится культурный слой, и собственно долины Сожа. Л. Н. Вознячук в 1969 г. пришел к выводу, что образование оврага происходило в брянское время или несколько ранее, когда Сож врезался до цоколя 2-й надпойменной террасы [Будько, Вознячук 1969; Будько, Вознячук, Калечиц 1971]. Заполнение его осадками относится к началу максимальной стадии последнего оледенения [Калечиц 1984]. Другими словами, Бердыжская стоянка существовала в первую половину позднего Валдая...» (Гаврилов 2008: 74).

Радиоуглеродные даты лабораторий ЛУ и ГИН (~23–22 тыс. л. н.) подтверждают эту хронологию (табл. 6, №№ 2–3). Зато дата лаборатории ОхА (~15 тыс. л. н.) путает всю картину, указывая совершенно другой хронологический диапазон (табл. 1, № 1). По мнению К. Н. Гаврилова, комментировать столь явное расхождение довольно сложно, поскольку значительных серий дат оксфордской лаборатории для стоянок Русской равнины нет, и, вероятно, двум первым стоит отдать предпочтение (Там же).

Разумеется, при столь небольшой серии радиометрических дат, а также с учетом переотложенности слоя и непоясненности стратиграфических контекстов взятых образцов, мнения об абсолютном возрасте культурного слоя Бердыжа могут быть различными. Но, принимая во внимание наличие «молодых» дат ~16–15 тыс. л. н., полученных для верхней погребенной почвы на Зарайской стоянке (табл. 1, №№ 1–3), представляется все же преждевременным отбрасывать с порога дату, полученную в Оксфорде. Не исключено, что в Бердыже имелись горизонты обитания, относившиеся как к раннему, так и к наиболее позднему периодам функционирования виллендорфско-костёнковской АК на Русской равнине.

Таблица 6. Бердыж: радиометрические даты

№	Горизонт, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	?	Ребро мамонта	15 100 ± 250	ОхА-716	1
2	?	Ребро мамонта	22 500 ± 200	ГИН-2695	1, 2
3	?	Зуб мамонта	23 430 ± 180	ЛУ-104	1

Источники: 1 — Сеницын, Праслов 1997; 2 — Сулержицкий, 2004.

Глава 6

Павловско-хотылёвская археологическая культура в Брянском Подесенье: стоянка Хотылёво 2

6.1. Проблематика «павловьена»

Второй вариант виллендорфско-павловско-костёнковского культурного единства, появившийся на Русской равнине, назывался нами выше павловско-хотылёвской АК. Однако сложность проблемы заключается в том, что «павловьен» во всех отношениях отнюдь не так стабилен и единообразен, как виллендорфско-костёнковская (костёнковско-авдеевская) АК. Достаточно упомянуть, что Ф. Борд, один из величайших палеолитоведов XX в., решительно отрицал культурное единство Дольних Вестониц и Павлова. На весьма существенные различия стоянок так называемого павловьена обращает внимание и исследователь Хотылёва К. Н. Гаврилов: «Стоянки, относимые к павловьену, не обладают такой степенью типологического сходства кремневого инвентаря, какая наблюдается для костёнковско-авдеевских памятников. Таксономически индивидуальный характер павловских стоянок имеет тот же ранг, какой имеет уникальность типологической характеристики костёнковско-авдеевской культуры...» (Гаврилов 2004: 283).

«...Очень показательно совпадение в степени сходства между костёнковско-авдеевскими памятниками по костяному инвентарю и пространственной структуре поселений. Если сравнить по этому признаку павловские стоянки, то выяснится, что и в данном случае мы имеем дело с индивидуальным характером каждого поселения при сходстве отдельных структурных элементов. Скорее всего, это совпадение свидетельствует в пользу того факта, что в рамках восточного граветта мы имеем дело каждый раз с индивидуальным типом поселений и только один тип — костёнковско-авдеевский — распространён более широко на территории Восточной Европы после окончания брянского потепления...» (Там же: 78).

Спорить с этим заключением не приходится. Это факт. Несколько забегая вперёд, рискнем предположить: т. н. павловьен, в отличие от виллендорфско-костёнковской АК, имел не один, а несколько источников генезиса. Однако на сегодняшний день мы считаем возможным объединить все причисленные к нему памятники (от Дольних Вестониц и Павлова до Хотылёво и Гагарино) в определенную дефиницию, хотя и более расплывчатую, нежели виллендорфско-костёнковская АК.

Как уже говорилось выше, мы присвоили ей предварительное наименование «павловско-хотылёвская АК». Если же конкретизировать данную проблематику для памятников Восточной Европы, представляется уместным ввести и второе название — «гагаринско-хотылёвская АК». Это тем более уместно, что для памятников виллендорфско-костёнковской АК, обладающих заметно большим сходством, чем памятники «павловьена», в литературе применительно к Восточной Европе постоянно употребляется параллельный термин «костёнковско-авдеевская АК».

Важно подчеркнуть: с одной стороны, культурные традиции «павловьена» теснейшим образом смыкаются с виллендорфско-костёнковскими, с другой — демонстрируют явные отличия от этих последних. Рассмотрим указанную проблему на примере двух эпонимных памятников этой культуры на Русской равнине — Хотылёво 2 и Гагарино, каждый из которых по-своему уникален.

6.2. Стоянка Хотылёво 2: планиграфия и структура поселения

Стоянка Хотылёво 2 расположена на правом берегу р. Десны, в 25 км к северо-западу от г. Брянска. Памятник расположен на широком мысу, образованном двумя древними балками, выходящими устьями в долину р. Десны (рис. 45) (Заверняев 1974). «Культурный слой Хотылёво 2 зафиксирован в четырех пунктах, получивших обозначения в буквах славянского алфавита от А до Г, в пределах широкого мыса, расположенных в его центральной и западной частях. Однако подъемный материал встречен на всем протяжении площадки мыса между двумя балками...» (Там же: 6).

К сожалению, по целому ряду причин в ходе раскопок Ф. М. Заверняева 1960–1980-х гг. (рис. 46, 47) не было произведено удовлетворительного планиграфического и стратиграфического анализа объектов Хотылёво 2. К. Н. Гаврилов, по нашему мнению, сделал в данном направлении все от него зависящее. Однако его собственные раскопки производятся уже в периферийной части стоянки (Рис. 51). В то же время попытка восстановить структуру центральной части поселения (пункт А) по старым материалам сразу наталкивается на недостатки документации Ф. М. Заверняева.

Тем не менее анализ этих материалов, предпринятый К. Н. Гавриловым (1998; 2008), позволил сделать ряд выводов о структурных объектах центральной части стоянки. Среди них, в первую очередь, обращает на себя внимание т. н. «зольник», представляющий собой обширное скопление костного угля и золы, вытянутое полосой с ССЗ на ЮЮВ. Ширина «зольника» в северной части — до 6 м, в южной — до 9,5 м. Длина его исследованной части — около 21 м (южная часть объекта разрушена); мощность — до 18 см. «По всей толще этого скопления в большом количестве находились предметы из кремня, большей частью необожженные. На поверхности «зольника», как правило, располагались обломки и осколки различных костей, также необожженные» (Гаврилов 2008: 18) (Рис. 48, 49).

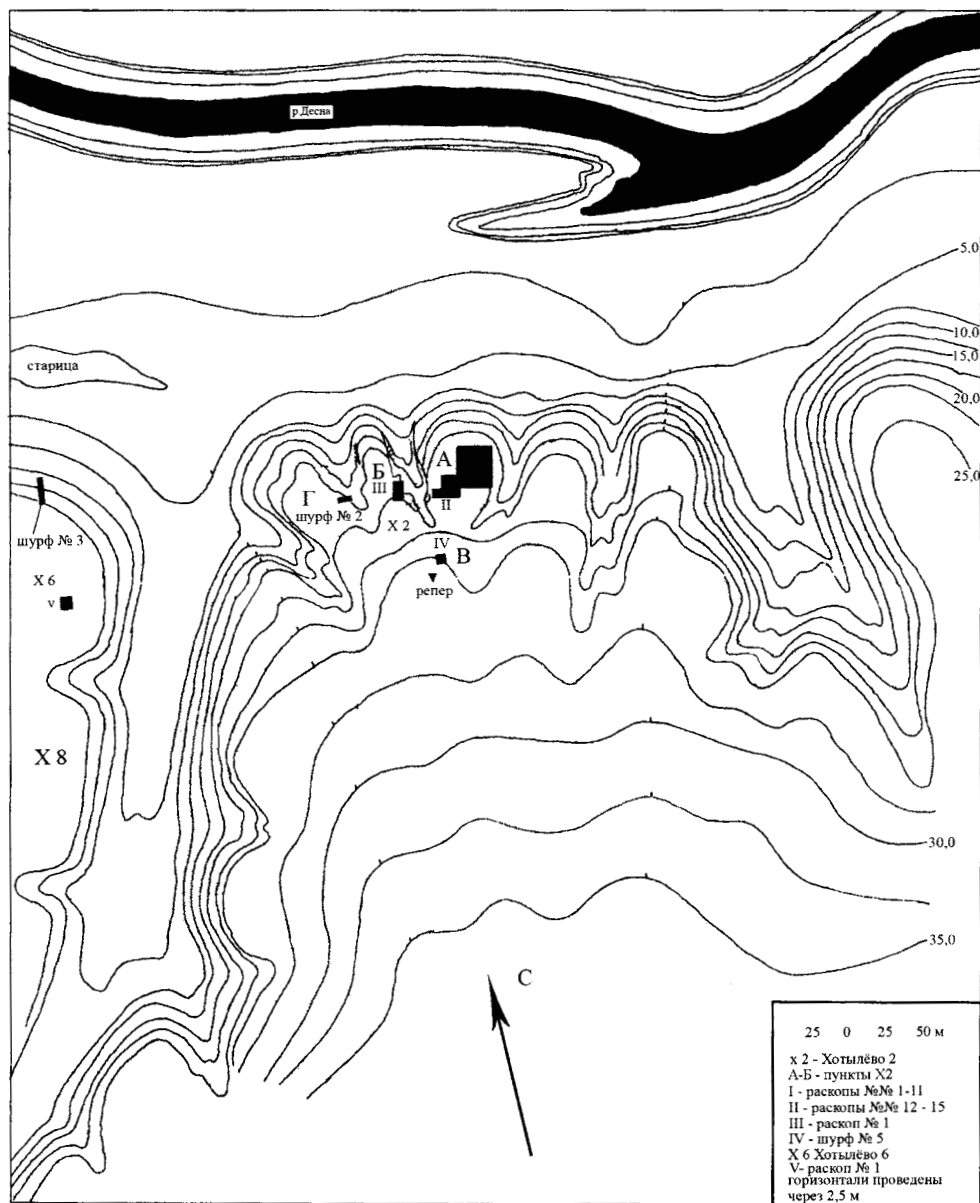

Рис. 45. Общий план стоянки Хотылёво 2 (по: Гаврилов 2008: 103)

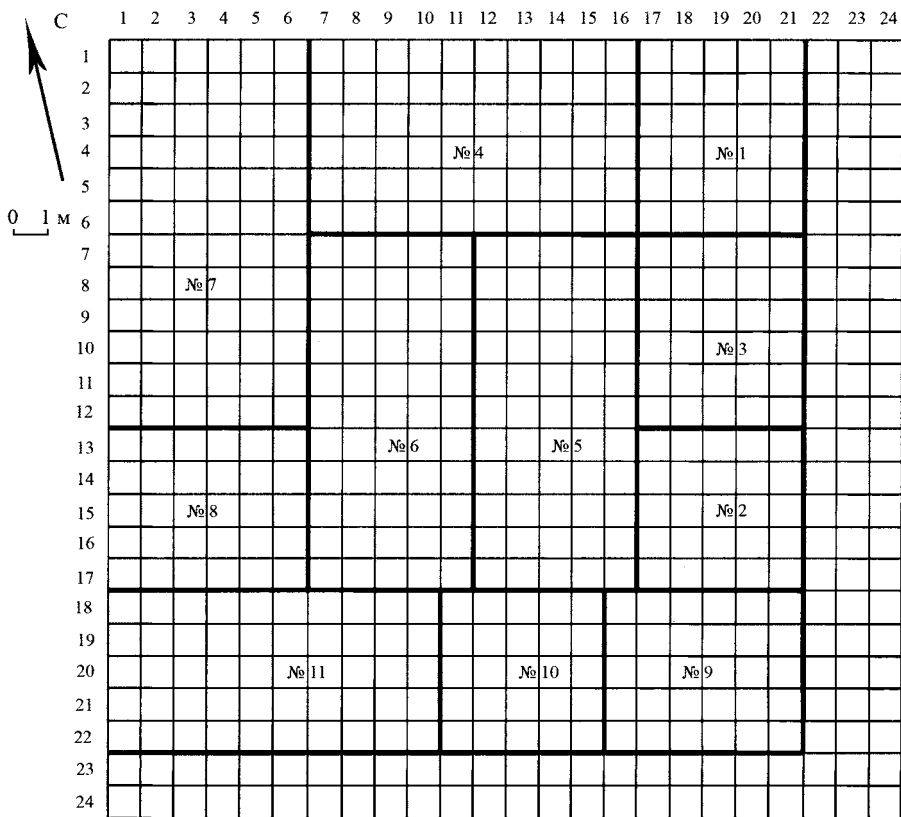

Рис. 46. Хотылёво 2. Схема расположения раскопов Ф. М. Заверняева (по: Гаврилов 2008: 108)

Ф. М. Заверняевым на данном участке реконструировалось два «зольника» — две обширных овальных линзы, соединенные узким «коридором» (рис. 48) (Заверняев 2000: 70–76). Но изучение отчетных материалов привело К. Н. Гаврилова к выводу, что указанный «коридор» был выделен искусственно, и мы в действительности «...имеем дело не с двумя, а с одним большим скоплением костного угля и золы, которое характеризуется неравномерной мощностью, неравномерной плотностью залегания кремневых изделий и фаунистических остатков, а также неодинаковой степенью окрашенности минеральной краской» (Там же) (рис. 50).

В пределах «зольника», в его северо-западной части, функционировал углубленный очаг. Тут же, на периферии золистой линзы, локализовалось несколько небольших ям и ямок, в том числе — с крупными скоплениями охры, а также скопления преднамеренно уложенных костей (комплекс 5). В силу этого Ф. М. Заверняев трактовал эту часть «зольника» (по его представлениям, отдельный «зольник 2») как остатки наземного жилища, окруженного объектами хозяйственно-бытового и культового назначения.

Рис. 47. Хотылёво 2, пункт А, раскопы 1–11. Нарушения культурного слоя: 1 — основания мерзлотных клиньев; 2 — граница склоновых разрушений (по: Гаврилов 2008: 109)

Рис. 48. Хотылёво 2. Пункт А, «зольники» и очаги (по: Гаврилов 2008: 110)

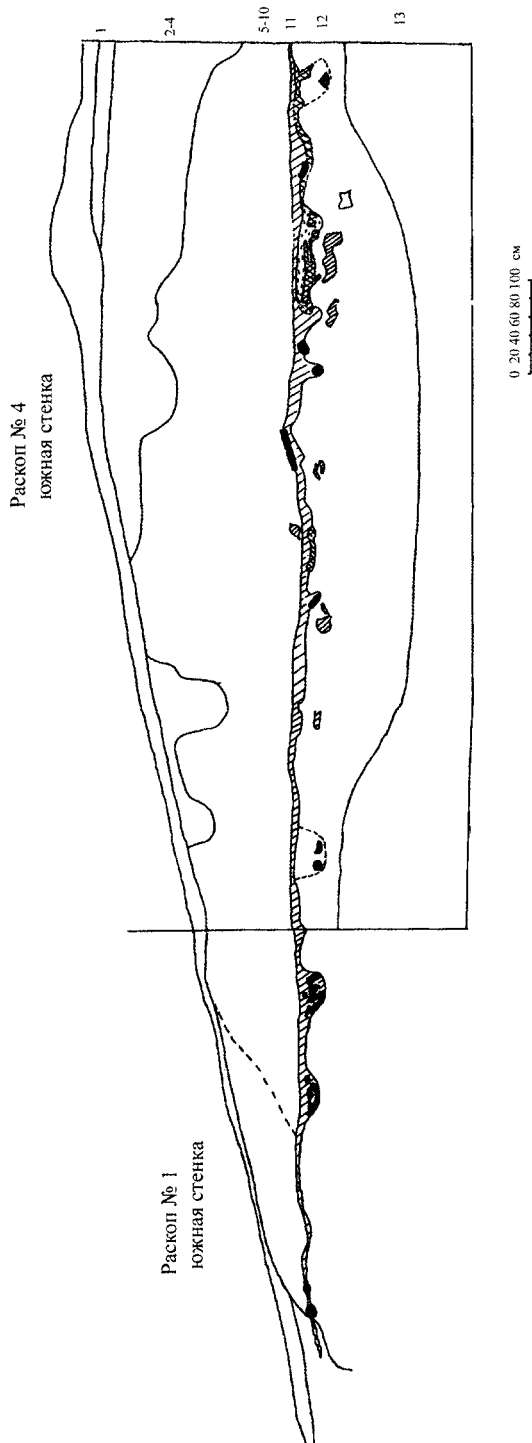

Рис. 49. Хотылёво 2. Пункт А, раскоп 1. Профили западной стенки и геологического зондажа
(по: Гаврилов. 2008: 111)

С запада и востока по сторонам большого «зольника» реконструируется ряд объектов, представляющих собой овальные площадки 3,5–6,5 м в поперечнике, по окружности которых в землю были вбиты преднамеренно расколотые крупные кости мамонта (комплексы 1–3). В одном случае в центре такой площадки зафиксирован углубленный очаг (комплекс 1), в двух других — отдельные

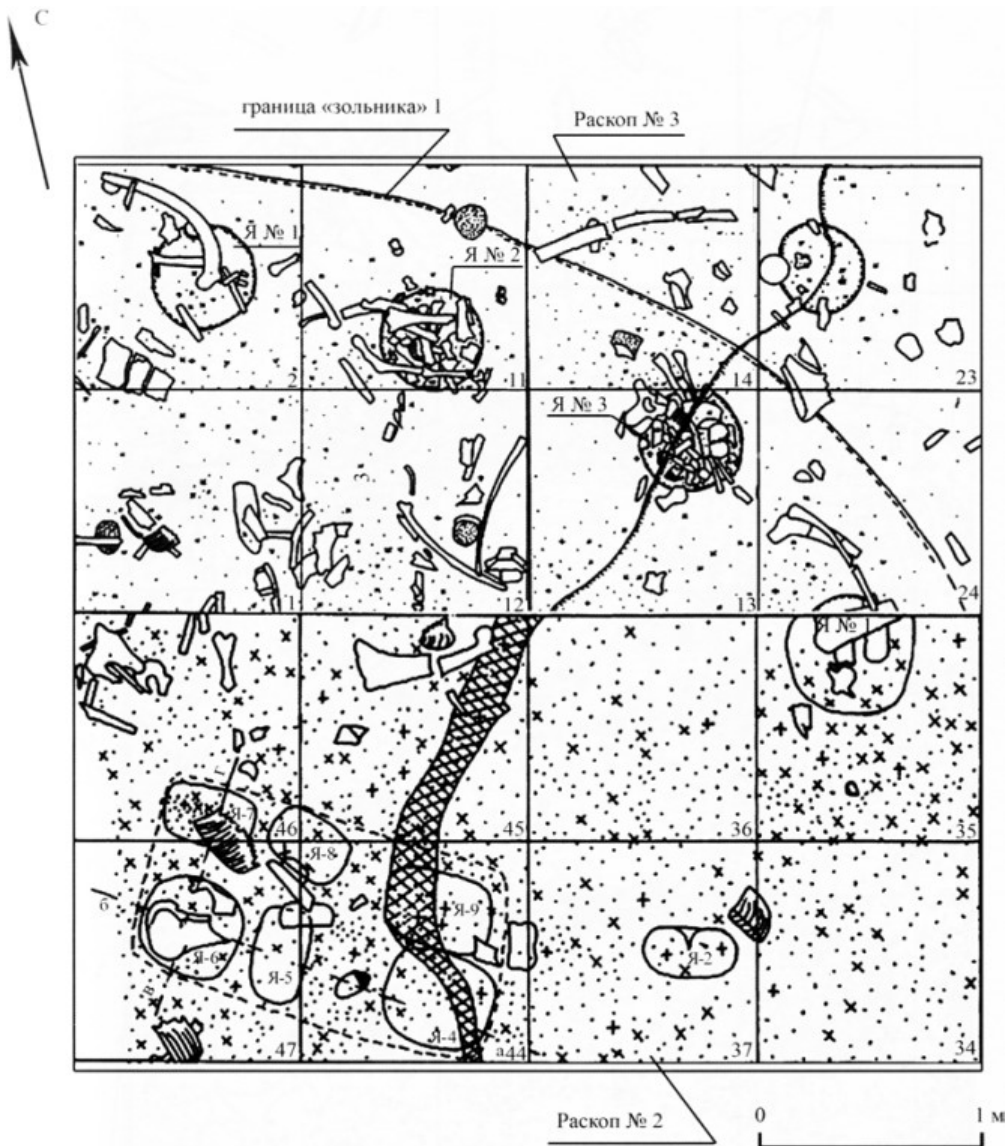

Рис. 50. Хотылёво 2. Пункт А. Ямы, перекрытые «зольником»
(по: Гаврилов 2008: 115)

скопления углистой массы или охры. Трубчатые кости мамонта со срезанными эпифизами вбивались группами по 2–3, что позволяет видеть в них элемент крепежа какой-то столбовой (деревянной?) конструкции. В одном случае кости не только маркировали собой овальную площадку (комплекс 2), но и дополнительно делили ее пополам.

По границам описанных площадок зафиксирован ряд ямок, заполненных специально отобранными костями, и несколько преднамеренно вкопанных черепов мамонта. Следует отметить приуроченность находок женских статуэток именно к этим комплексам. Одна из них была найдена на поверхности культурного слоя на границе комплекса 1, две других — в небольшом углублении в пределах комплекса 3.

По мнению К. Н. Гаврилова, есть основания предполагать, что «зольник» и прилегающие к нему объекты перекрывают собой более ранний хозяйственно-бытовой и культовый комплекс, впрочем, аналогичный позднему по своим струк-

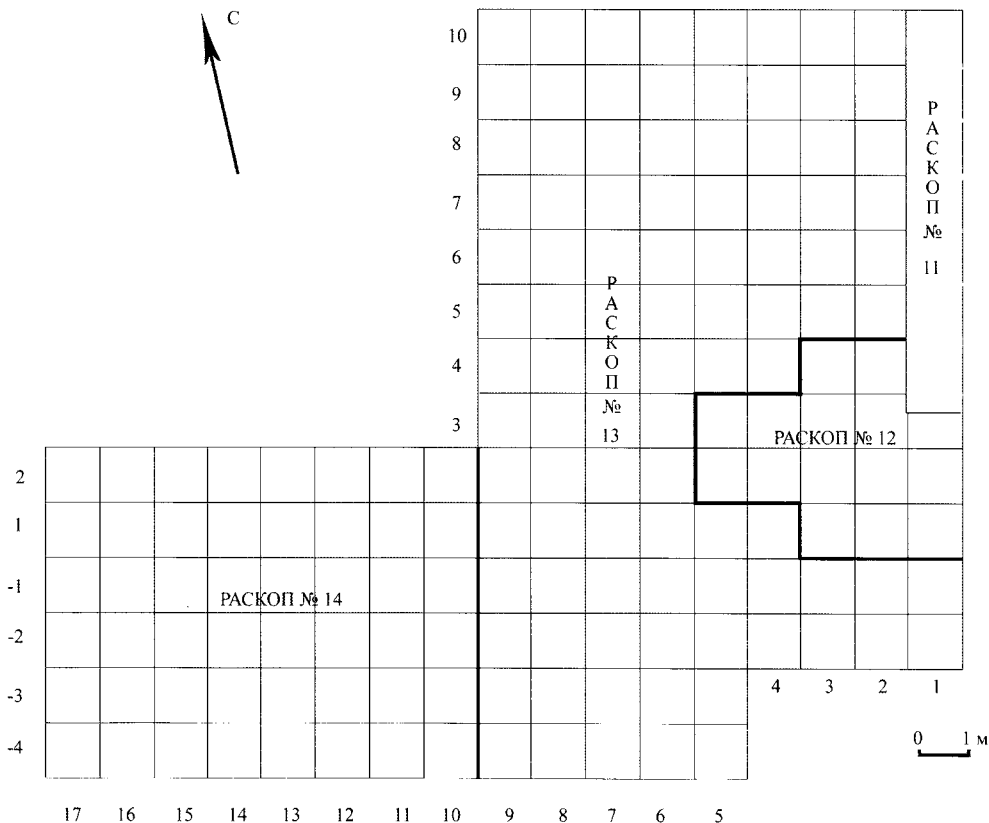

Рис. 51. Хотылёво 2. Пункт А. Схема расположения раскопов 12–14 (по: Гаврилов 2008: 136)

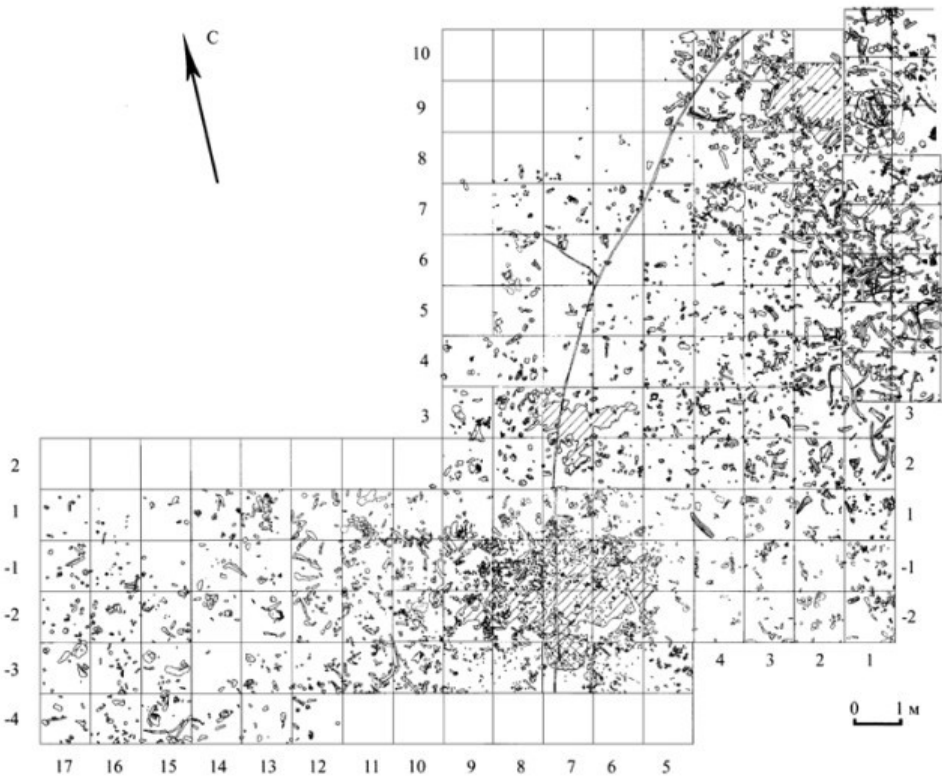
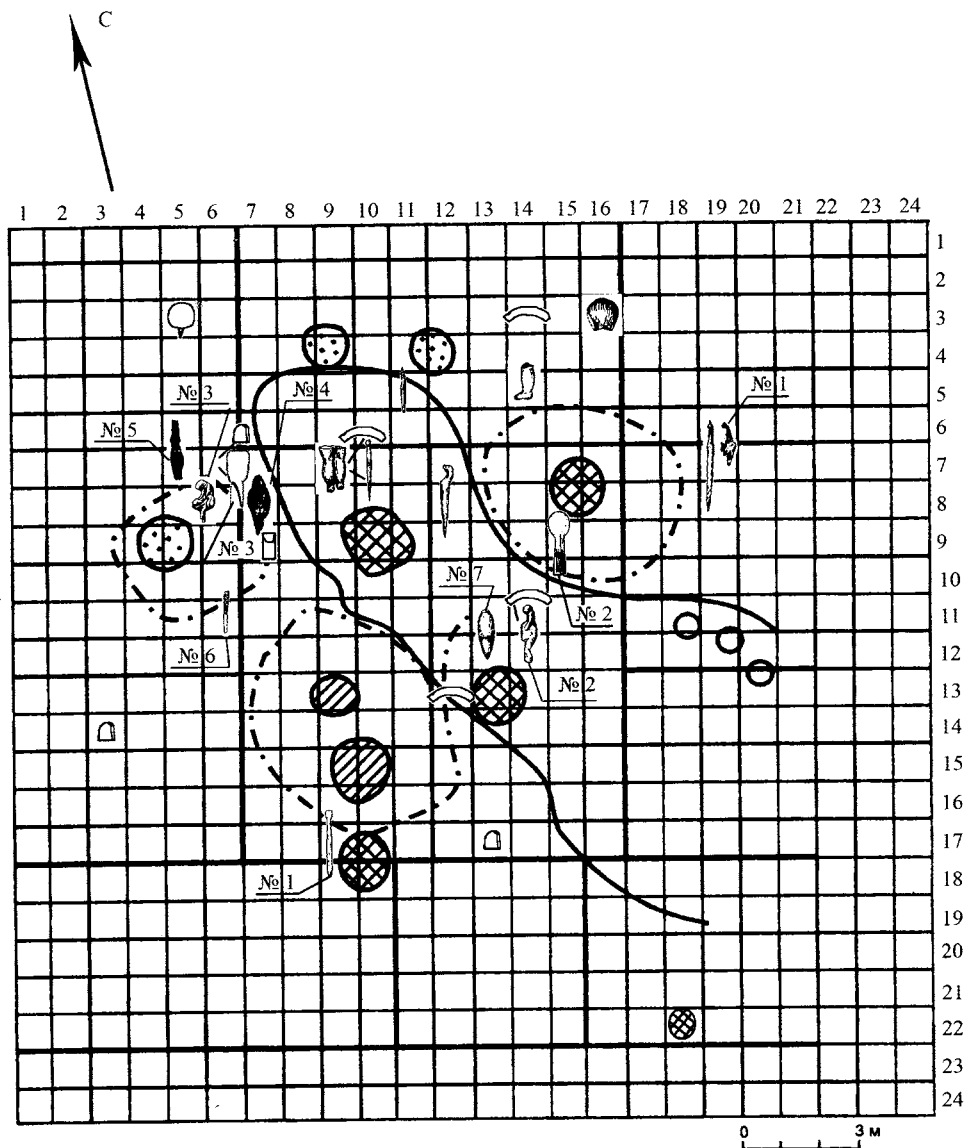

Рис. 52. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 12–14.
Сводный план расположения находок (по: Гаврилов 2008: 137)

турным особенностям. Этот последний также включает в себя два углублённых очага, остатки площадки, маркированной вбитыми костями, а также остатки вкопанного черепа мамонта. «Иными словами, мы можем говорить о весьма большой вероятности того, что в культурном слое Хотылёвской палеолитической стоянки... выделяются два этапа его формирования» (Гаврилов 2008: 34).

В конечном счете, планиграфический и стратиграфический анализ, произведенный К. Н. Гавриловым, показал, что структура Хотылёво 2 «позволяет рассматривать его как самостоятельный тип памятника, не имеющего пока общих аналогов среди стоянок верхнего палеолита Европы» (Там же: 35) (рис. 53). В общем и целом мы с этим согласны но все же заметим, что по основным структурным характеристикам (в частности, отсутствие больших краевых ям) Хотылёво 2 более тяготеет к «павловьену», нежели к памятникам виллендорфско-костёнковской АК.

Условные обозначения:

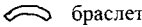

	шарик с шипом		ядро
	браслет		отщеп

Рис. 53. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11.
Схематический план расположения объектов
(по: Гаврилов 2008: 224)

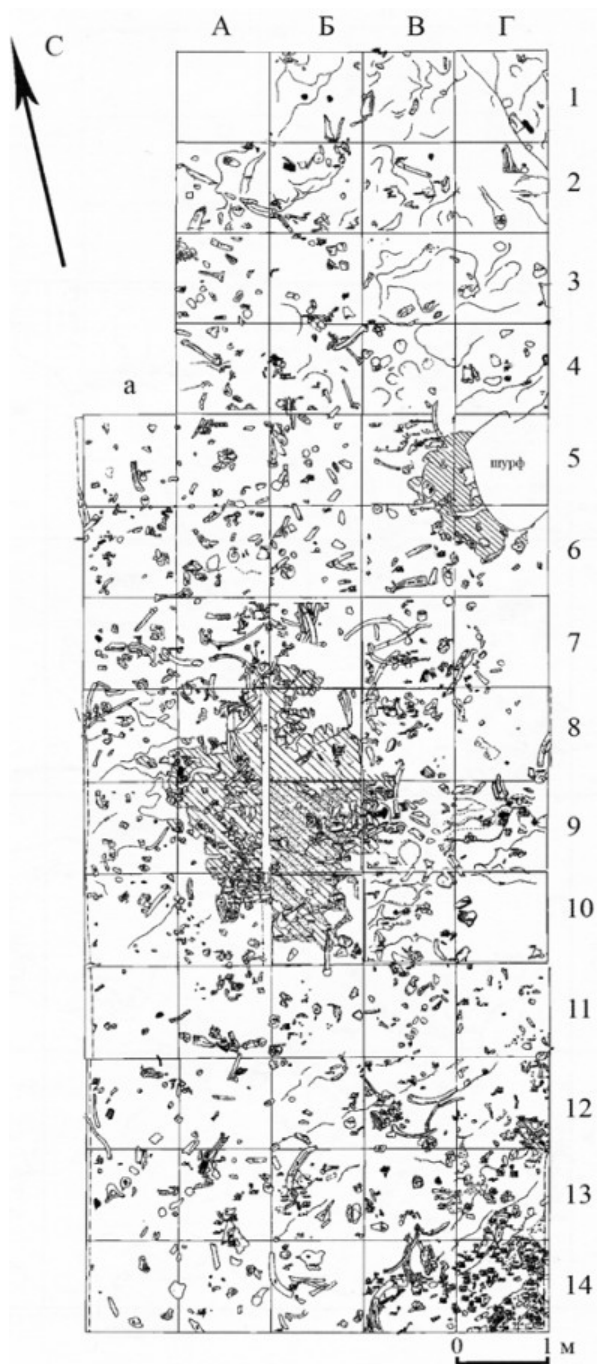

Рис. 54. Хотылёво 2. Пункт Б, раскоп 1. Сводный план расположения находок (по: Гаврилов 2008: 175)

6.3. Хронология

Геолого-морфологическое положение стоянки Хотылёво 2 было исследовано в 1970-х гг. коллективом под руководством А. А. Величко (Величко и др. 1977: 43). В настоящее время геологический возраст стоянки оценивается как постбрянский, связанный с первой половиной поздневалдайского оледенения (Гаврилов 2008: 73), что подтверждается и радиоуглеродными датами.

Радиоуглеродная хронология памятника недавно была проанализирована автором раскопок, и его основные выводы возражений у нас не вызывают. В настоящей работе мы лишь постарались ввести в таблицу те данные о контексте взятия образцов, которые нам удалось найти в тексте монографии К. Н. Гаврилова (табл. 7). Значения дат, полученных, к сожалению, исключительно по материалам старых раскопок Ф. М. Заверняева¹, имеют разброс от 24 до 21 тыс. л. н., что в принципе вполне соответствует периоду функционирования близких по типу стоянок на Русской равнине. Полученные значения дат «...хорошо коррелируются с особенностями Хотылёвской стоянки как археологического памятника. Даты ГИН-8406, 8495, 8496, 8497 получены по зубам мамонта из коллекции, собранной в результате раскопок Ф. М. Заверняева. Они отличаются от известных ранее дат ИГАН-73 и ЛУ-359 более молодыми показателями возраста Хотылёво 2. Дата ГИН-8886 получена по костному углю из скопления, расположенного к северо-востоку от комплекса причажных объектов на площади раскопа № 1. В свою очередь, даты ГИН-8497а², GrN-21899 и GrN-22216 получены по зубу мамонта и трубчатой кости бизона и относятся к периферийному участку пункта А. Образцы были взяты на площади раскопа № 12 с поверхности гумусированного слоя. Расстояние между ними составляло не более 4 м. Таким образом, центральная часть пункта А характеризуется большим разбросом значений радиоуглеродных датировок по сравнению с периферийной зоной. Общий характер культурного слоя, а также его структура в центральной части поселения позволяют рассматривать Хотылёво 2 в качестве стоянки, посещавшейся более одного раза...» (Там же).

Таблица 7. Стоянка Хотылёво 2: радиометрические даты (пункты А, Б, Г)

№	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	Пункт А, раскоп 13, 1998	?	Зуб мамонта	19 600±450	ГИН-12861	3
2	Пункт А, центральная часть, раскоп 12 (Ф. М. Заверняев)	?	Зуб мамонта	21 170±260	ГИН-8497	1, 2, 3

¹ В настоящем издании таблица 7 (радиометрические даты, полученные для Хотылёво 2, пункты А, Б, Г) дополнена данными, полученными в последние годы (по: Гаврилов 2015: 104–105). В приложении 1 к настоящей главе (см. ниже) помещена таблица 7а, с новыми радиометрическими датами пункта В (по: Гаврилов 2015: 104) (прим. ред.).

² Согласно уточнению, сделанному автором раскопок К.Н. Гавриловым, образец ГИН-8497а в действительности был взят из шурфа 2, заложенного в пункте Г (прим. ред.).

Окончание табл. 7

№	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
3	Пункт А, центральная часть, раскоп 12 (Ф. М. Заверняев)	?	Зуб мамонта	21 720±170	ГИН-8495	То же
4	Пункт Б. Раскоп I	Зольник. Скопление угля к северо-востоку от комплекса причажных объектов	Костный уголь	21 850±170	ГИН-8886	То же
5	Пункт А, центральная часть, раскоп 12 (Ф. М. Заверняев)	?	Зуб мамонта	22 660±170	ГИН-8496	То же
6	То же	?	Зуб мамонта	22 700±200	ГИН-8406	То же
7	Пункт Б. Раскоп I	Кв. В-12, гл. -10.79 / -10.85	Зуб мамонта	22 700±450	ГИН-12859	3
8	Пункт Б. Раскоп I 2002	Кв. В-4, гл. -1063	Кость мамонта	22 900±150	ОхА-27002	3
9	Пункт А, раскоп 13, 1997	Кв. 1.2, гл. -1028 / -1027,5	Кость мамонта	23 240±160	ОхА-27001	3
10	Пункт Г, 1995, шурф 2 ³	Образец взят с поверхности гумусированного слоя	Зуб мамонта	23 300±300	ГИН-8497а	1, 2, 3
11	Пункт А, периферийный участок, раскоп 12	Кв. 2.3. Образец взят с поверхности гумусированного слоя	Трубчатая кость бизона, фракция 1	24 220±110	GrN-21899	То же
12	То же	То же	Тот же образец, фракция 2	23 870±160	GrN-22216	То же
13	Пункт А, центральная часть (Ф. М. Заверняев)	?	Кость	23 660±270	ЛУ-359	То же
14	То же	?	Зуб мамонта	24 960±400	ИГАН-73	То же

Источники: 1 — Сеницын, Праслов /ред./ 1997; 2 — Гаврилов 2008; 3 — Гаврилов 2015.

³ В источниках 2 и 3 была допущена ошибка в обозначении пункта, откуда был взят данный образец. Настоящее уточнение сделано автором раскопок К. Н. Гавриловым (прим. ред.).

6.4. Каменный инвентарь

Кремнёвая индустрия Хотылёво 2 из раскопок кон. 1960-х — нач. 1980-х гг. долгое время изучалась Ф. М. Заверняевым (1991). Однако упомянутая публикация не вполне отвечает современным научным требованиям. В последние годы хотылёвские кремневые коллекции (как из старых, так и из новых раскопов) были детально и всесторонне проанализированы К. Н. Гавриловым (2004; 2008) (рис. 55–61).

Здесь мы остановимся только на самых общих характеристиках. Стоянка Хотылёво 2 расположена (как и Зарайская) в непосредственной близости от выходов сырья — в данном случае плитчатого мелового кремня «черного, серого и реже шоколадного цветов» (Селезнёв 1998: 215). Наиболее представительная коллекция кремневых изделий происходит из раскопов Ф. М. Заверняева (пункт А, раскопы 1–11). Отсюда происходит около 40 000 предметов, из них более 5500 изделий с вторичной обработкой. Однако К. Н. Гаврилов отмечает неполноту сбора материалов, из-за чего процент орудий в данной коллекции (~14%) оказался явно завышен (Там же). Более правдоподобными выглядят подсчёты процента орудий на участках № 12–14, раскопанных самим К. Н. Гавриловым: более 6%, что соответствует показателям Зарайской стоянки (Там же: 52).

Техника первичного раскалывания на Хотылёво 2 в общих чертах характеризуется следующим: «Во-первых, технология раскалывания кремня, применявшаяся обитателями Хотылёво 2, была направлена на получение в качестве основных заготовок крупных и, во вторую очередь, средних пластин, из которых изготовлено большинство предметов с вторичной обработкой. Во-вторых, собственно процесс раскалывания начинался с подготовки заготовок нуклеусов, которые представляли собой бифасиально обработанные плитки кремня...» (Гаврилов 2008: 43). В дополнение к сказанному можно указать, что для снятия микропластин, вероятнее всего, использовались так называемые нуклевидные резцы (Там же: 44).

Набор изделий с вторичной обработкой, по справедливому замечанию К. Н. Гаврилова, «обладает ярко выраженными особенностями, которые проявляются как в приемах вторичной обработки, так и в типологическом составе кремневого инвентаря» (Там же: 60). Наиболее специфичные для виллендорфско-костёнковской АК орудия — ножи костёнковского типа и наконечники с боковой выемкой — присутствуют и в Хотылёво 2, но в значительно меньшем количестве и со своей спецификой.

Ножей костёнковского типа здесь немного: даже в наиболее представительной коллекции из раскопов Ф. М. Заверняева их всего 22 экз. (рис. 59: 1–7). Тем не менее, «в хотылёвском инвентаре среди ножей костёнковского типа имеются те же варианты оформления площадок, которые встречаются на памятниках, относимых к костёнковско-авдеевской культуре» (Гаврилов 2008: 46). Отмечены и некоторые особенности предметов данной категории, связанные: «...с их менее интенсивным использованием обитателями Хотылёво 2 и, как следствие, единичностью форм, полученных в результате переоформления площадки или оживления режущего края» (Там же). Это вполне соответствует характеристике

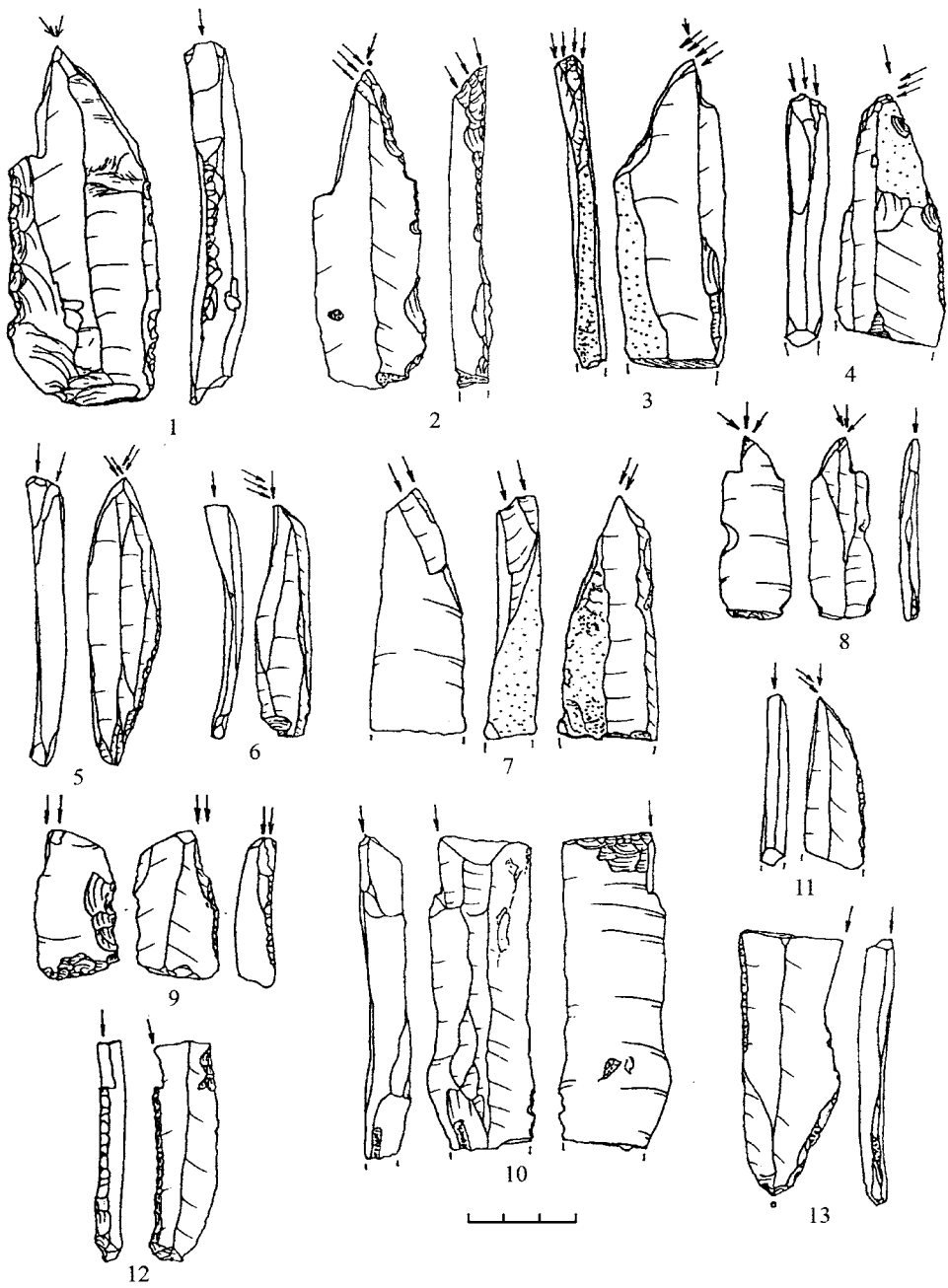

Рис. 55. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11. Резцы
(по: Гаврилов 2008: 187)

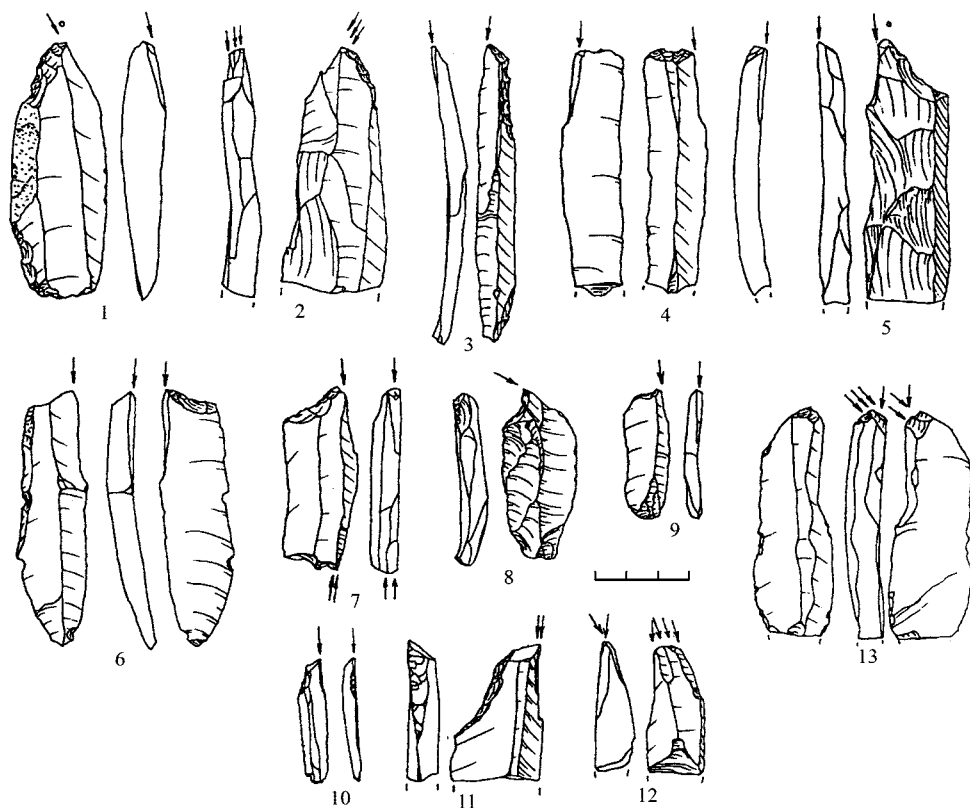

Рис. 56. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11. Резцы
(по: Гаврилов 2008: 188)

ножей костённого типа Зарайской стоянки и объясняется, по-видимому, близостью источников сырья, исключая необходимость экономии.

Наконечников с боковой выемкой в Хотылёво 2 и того меньше: 16 экз. (Рис. 60: 1–7). Однако даже на столь небольшой выборке К. Н. Гаврилов прослеживает сочетание различных типов наконечников, включая экземпляры, более характерные для Гагаринской стоянки, и так называемый гмелинский тип. Интересно его наблюдение относительно связей хотылёвских наконечников с наконечниками из Молодова 5/VII (Гаврилов 2008: 49)⁴.

В наибольшей степени специфику хотылёвского инвентаря отражает такая его выразительная категория, как *острия и пластинки с притупленным краем*

⁴ Как обычно, оригинальную позицию занимает в данном вопросе Е. В. Булочникова. По ее мнению, в Хотылёво 2 наконечники с боковой выемкой отсутствуют вообще (Булочникова 1998а). Вполне убедительное опровержение этой точки зрения дано К. Н. Гавриловым (2008: 48).

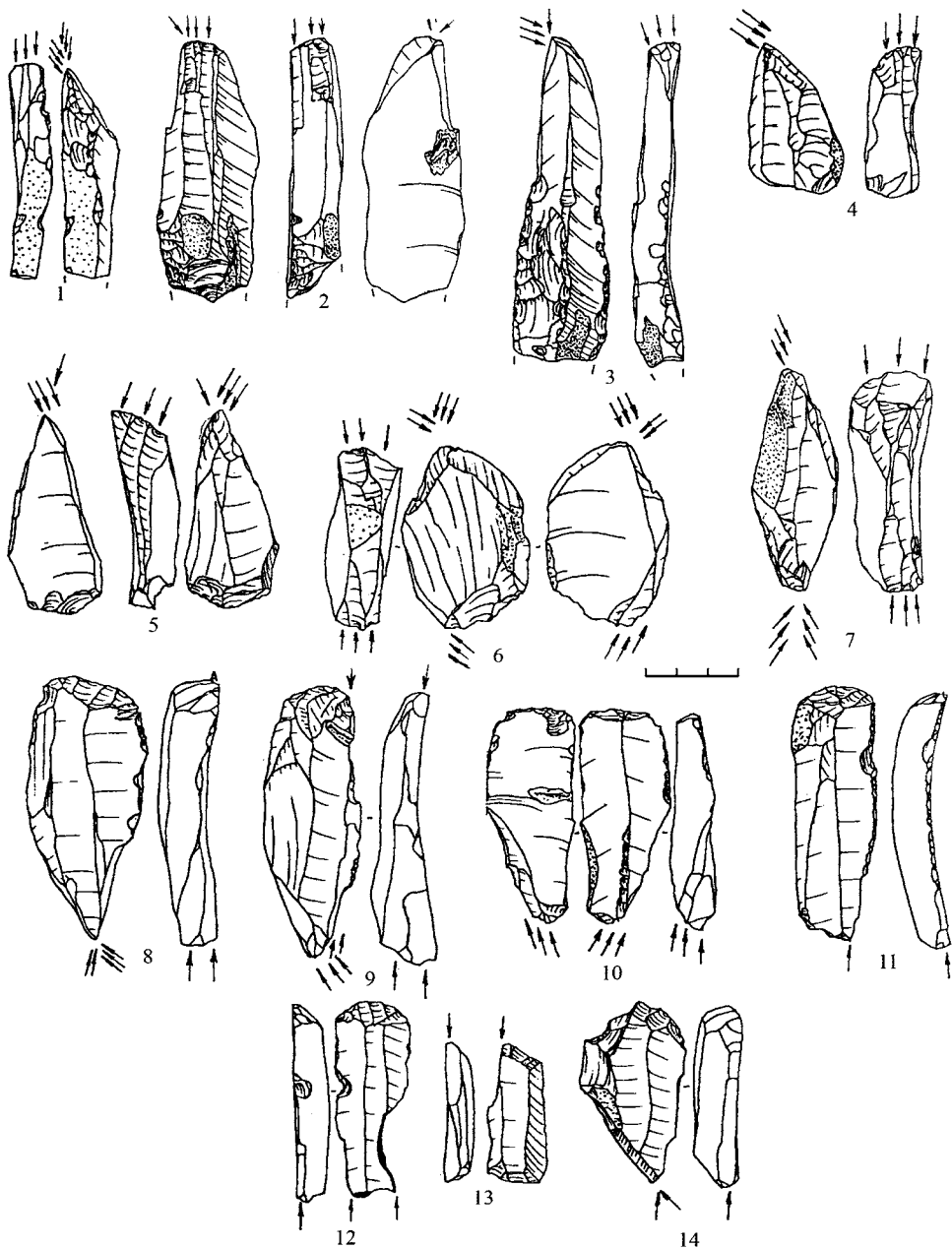

Рис. 57. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11.
Нуклевидные резцы и резцы-скребки
(по: Гаврилов 2008: 189)

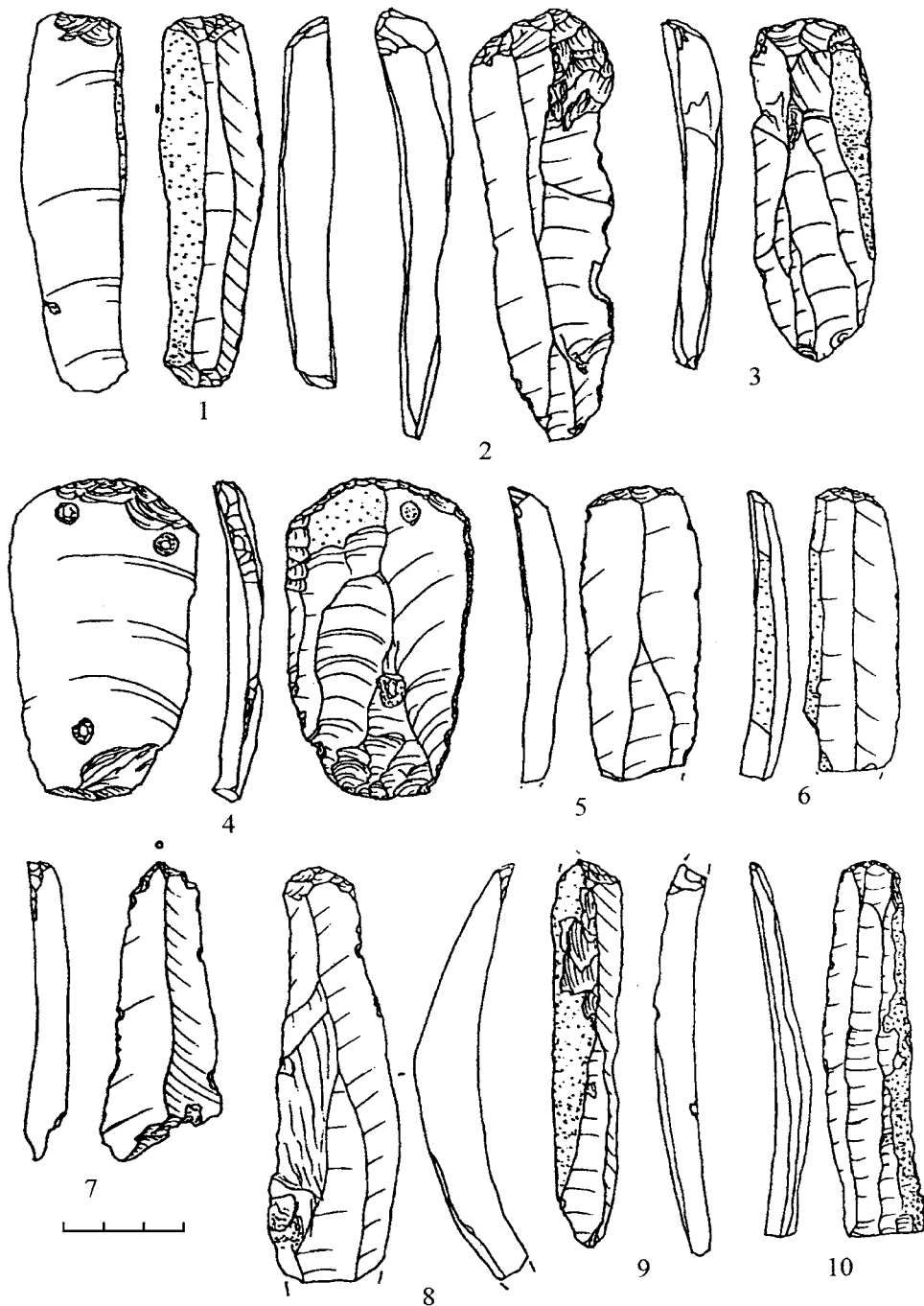

Рис. 58. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11. Скрепки
(по: Гаврилов 2008: 190)

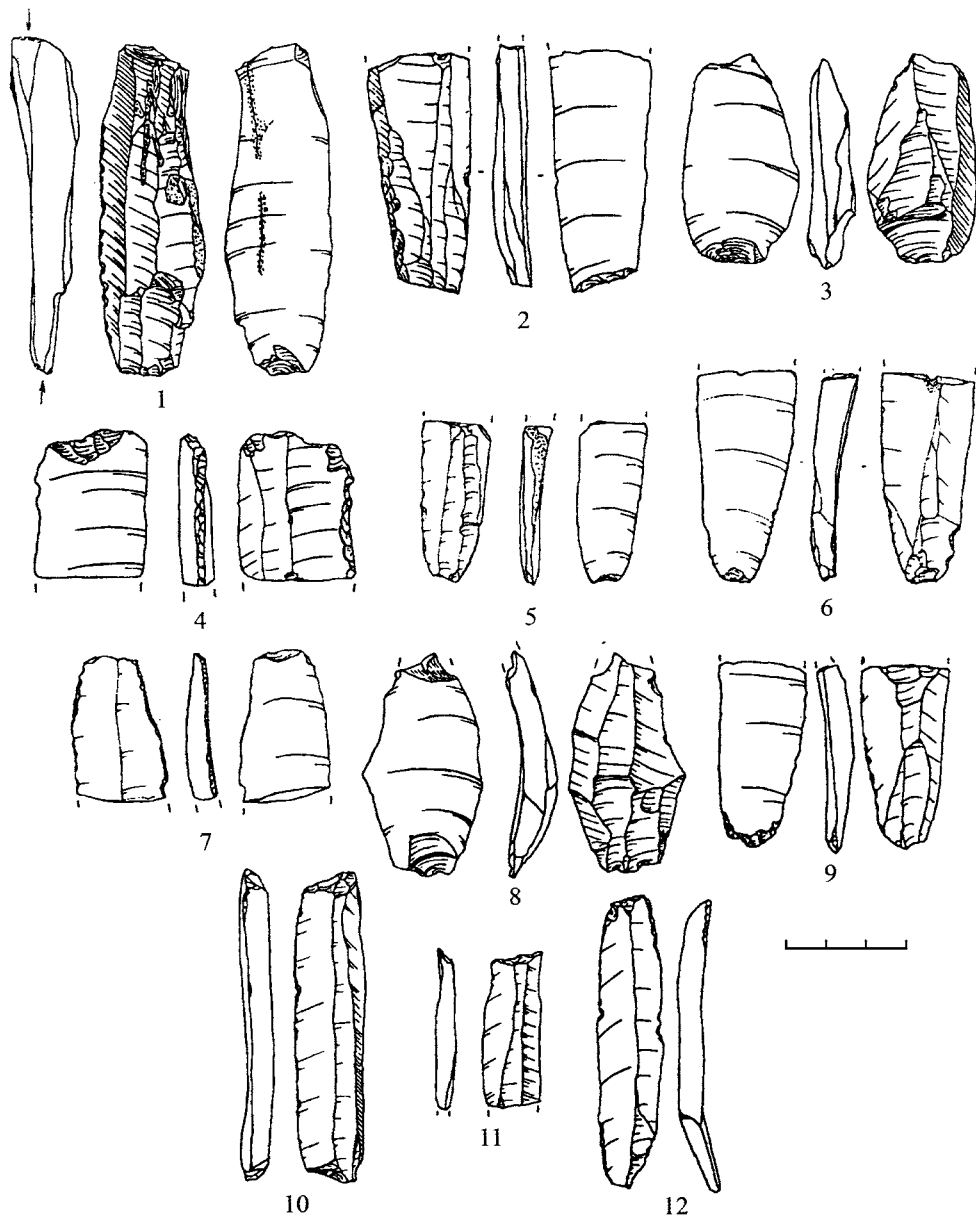

Рис. 59. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11.
 Ножи костяного типа (1–7), долотовидные орудия (8),
 тронкированные формы (9–12)
 (по: Гаврилов 2008: 192)

(ППК), в т. ч. микропластинки (МППК) (рис. 61). «Типологическое «лицо» Хотылёвской стоянки определяется, прежде всего, комплексом изделий с притупленным ретушью краем: острый микрограветт и вашон, а также ППК/МППК, среди которых выделяются «пилки», широкие ППК с симметрично ретушированными концами, МППК с заостренными концами и вентральной ретушью на них...» (Гаврилов 2008: 60). Только в материалах, собранных Ф. М. Заверняевым, этих изделий около 900 экз.

В количественном отношении самую представительную категорию орудий составляют *резцы* (в раскопах 1–11 их количество составляет 2354 экз., или 42,6 %) (рис. 55–57). Однако в том, что касается выражения специфических культурных традиций, резцы заметно уступают описанным выше категориям. По К. Н. Гаврилову, подавляющее большинство этих орудий относится к двугранным. Однако типологически наиболее выразительными являются ретушные (боковые) резцы, тесно связанные морфологически с пластинами с усеченным концом. Усечение, как правило, косоретушное, однако имеются орудия, у которых резцовый скол снимался с вогнутых концов.

Всего боковых резцов, по К. Н. Гаврилову, около 600 экз. Немногим меньше резцов на сломе (угловых). Единичны специфические формы (трансверсальные резцы, среди которых К. Н. Гаврилов выделяет три резца супоневского типа (Там же: 44). Что же касается так называемых нуклевидных резцов, то, как уже отмечалось выше, мы считаем их, скорее всего, нуклеусами для получения микропластин.

Скребки в Хотылёво 2, как и в других памятниках вилендорфско-павловско-костёнковского единства, заметно уступают резцам в количественном отношении. Так, в раскопах 1–11 их немногим более 700 экз. Преимущественно это концевые скребки на крупных, зачастую массивных пластинах; краевая ретушь нехарактерна (рис. 58). Следует отметить, что при более детальном типологическом анализе здесь фиксируется «небольшая серия так называемых приспособленных скребков (32 экз.) ... Эта группа изделий была отмечена в инвентаре Зарайской стоянки Х. А. Амирхановым [Амирханов 2000]» (Гаврилов 2008: 45).

Из орудий прочих группировок следует, пожалуй, упомянуть *острия на пластинах* (141 экз.), отличающиеся, несмотря на сравнительно небольшое количество изделий, заметным типологическим разнообразием (Там же: 46–47) (рис. 60: 8–24). Упомянем также довольно значительное количество *пластин с выемкой* (507 экз.).

Подводя итоги анализа кремневого инвентаря Хотылёво 2, К. Н. Гаврилов пишет: «Развитой микроинвентарь сближает Хотылёво 2 с памятниками Центральной Европы, традиционно относимыми к павловьену. Это, прежде всего, Дольни Вестоницы и Павлов. Практически все формы пластин и микропластин с притупленным краем, которые имеются в инвентаре Хотылёвской стоянки, встречены и в названных памятниках» (Там же: 60). С этим выводом вполне можно согласиться.

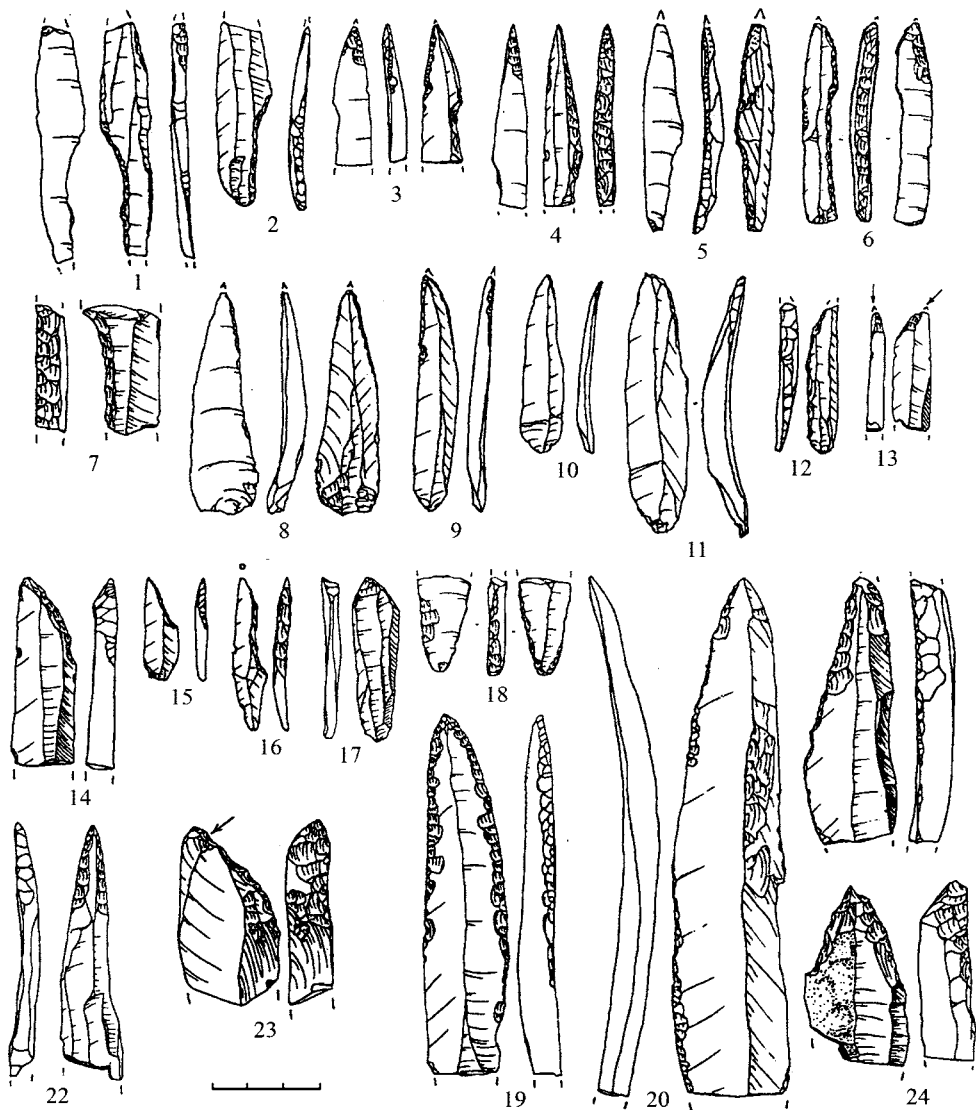

Рис. 60. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11.
Наконечники с боковыми выемками (1–7), остря на пластинах (8–24)
(по: Гаврилов 2008: 194)

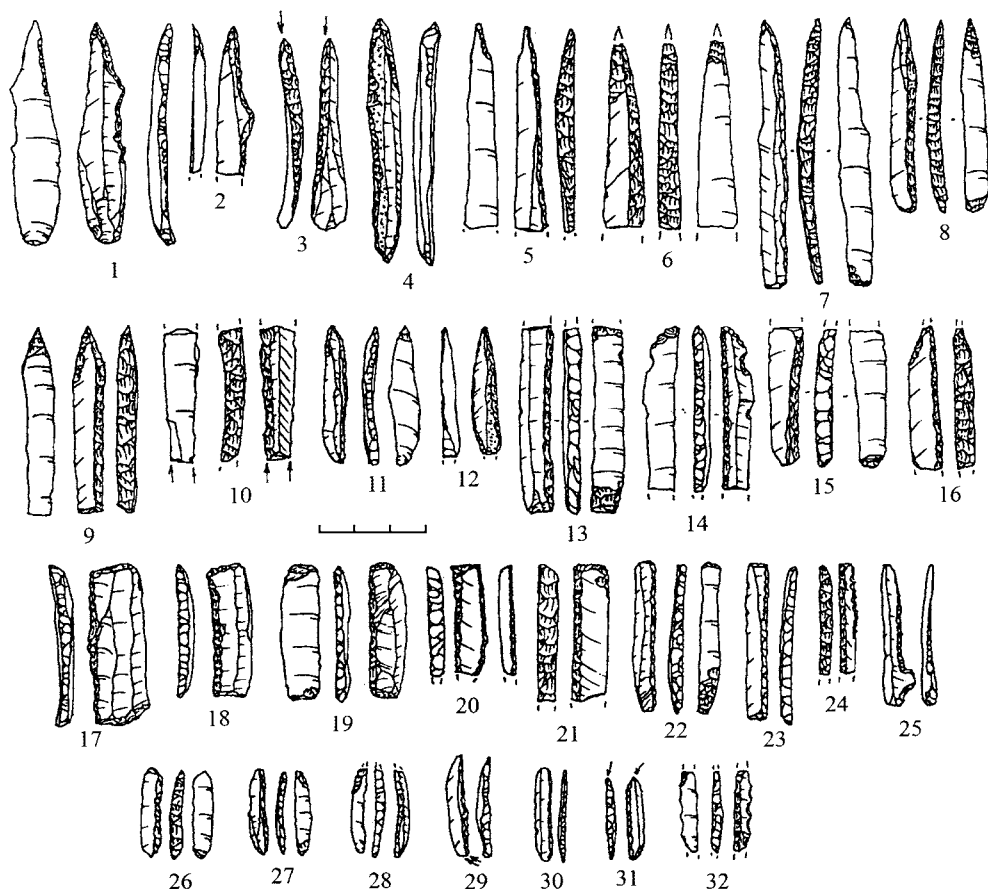

Рис. 61. Хотылёво 2. Пункт А, раскопы 1–11.
Острия, пластинки и микропластинки с притупленными краями
(по: Гаврилов 2008: 195)

6.5. Костяной инвентарь и искусство

В настоящее время костяной инвентарь, включая символические изображения (украшения, произведения искусства), а также технологии обработки кости и бивня на Хотылёво 2, детально проанализирован и опубликован (Заверняев 1978; 1981; Гвоздовер 1985; Гаврилов 2008; Хлопачев 2006). Здесь мы ограничимся общими характеристиками изделий, имеющих явные параллели в других памятниках вилендорфско-павловско-костёнковского круга. И костяная индустрия, и предметы символической деятельности Хотылёво 2 демонстрируют,

с одной стороны, близость к изделиям виллендорфско-костёнковской АК, а с другой — ярко выраженное своеобразие.

Женские статуэтки. По М. Д. Гвоздовер в Хотылёво 2 было найдено 6 женских статуэток. «Особый интерес для нас представляют статуэтки №№ 1 и 3, которые мы относим к IV — гагаринско-хотылёвскому типу...» (Гвоздовер 1985: 48). Однако, по мнению исследователя, статуэтки костёнковского и гагаринско-хотылёвского типов «принципиально однородны и различаются лишь приданной им позой: у костёнковского типа — стоячая, у гагаринско-хотылёвского — полусидячая. Отмечается также, что хотылёвские статуэтки хотя и изображены в той же позе, что и гагаринские, «но имеют несколько другой стиль и манеру — более условные» (Там же: 49).

По К. Н. Гаврилову, в Хотылёво 2 антропоморфные изображения подразделяются на женские фигурки, «выполненные в реалистической манере» (3 экз.), схематические фигурки, символизирующие женский образ (2 экз.), и антропоморфные фигурки, выполненные в условной манере (2 экз.)⁵. Одну из последних он трактует как изображение мужчины (Гаврилов 2008: 64) (рис. 62).

Лопаточки с навершием. Найдено 4 экз. Из них только один целый, остальные фрагментарны (Заверняев 1987: 129). С одной стороны, единственным их аналогом выступают лопаточки из Костёнок 1/1, Авдеево и Зарайской стоянки, а с другой — налицо своеобразие хотылёвских орудий. «Лопаточки костёнковско-авдеевского типа всегда сохраняют косые прорезы на плоскости наверший, тогда как у лопаточек хотылёвского типа их нет. Для них характерным признаком является наличие зубчатой насечки по краю ребра, либо оформляющей периметр изделия, либо выделяющей ушки на навершии. Лопаточки костёнковско-авдеевского типа могут иметь выделенный перехват у основания навершия и в верхней трети изделия, хотылёвский тип его не имеет» (Гаврилов 2008: 70).

Фибулы «верблюжья ножка». В Хотылёво 2 имеется по меньшей мере 2 экземпляра изделий подобного рода. У Ф. М. Заверняева они фигурируют под названием «шиловидные острия с головкой авдеевского типа» (Заверняев 1987: 124). У К. Н. Гаврилова — «острия с фигурными навершиями» (Гаврилов 2008: 65)

⁵ Публикации новых находок из Хотылёво 2 заметно обогатили наши представления о мобильном искусстве стоянки, по сравнению с моментом, когда был написан настоящий текст (см. Приложение). Отметим особо уникальную находку — двойную статуэтку из мела, изображающую объёмные торсы двух женщин, расположенные в одной плоскости (Гаврилов 2012). Современную публикацию антропоморфной скульптуры Хотылёво и Гагарино см. в: (Гаврилов, Хлопачёв 2018). Авторами выдвинута гипотеза о разделении всех известных женских статуэток из бивня мамонта, построенных по гагаринской конструктивной схеме, на две группы, условно соответствующие «хотылёвскому» (беременные «склоненные») и «гагаринскому» (тучные «сидящие») иконографическим канонам построения скульптурного женского образа. Найденная в 2016 г. новая статуэтка из Хотылёво 2 (Гаврилов, Лев 2017), изображающая тучную «сидящую» женщину, «...имеет близкую аналогию в виде глиняной «сидящей» фигурки, найденной в Южной Моравии при раскопках стоянки Павлов I [Абрамова 2010: 215, кат. 102,4], и может рассматриваться как более позднее проявление условного «павловского» ... иконографического типа/типов женской скульптуры восточного граветта...» (Гаврилов, Хлопачёв 2018: 22–23). (прим. ред.).

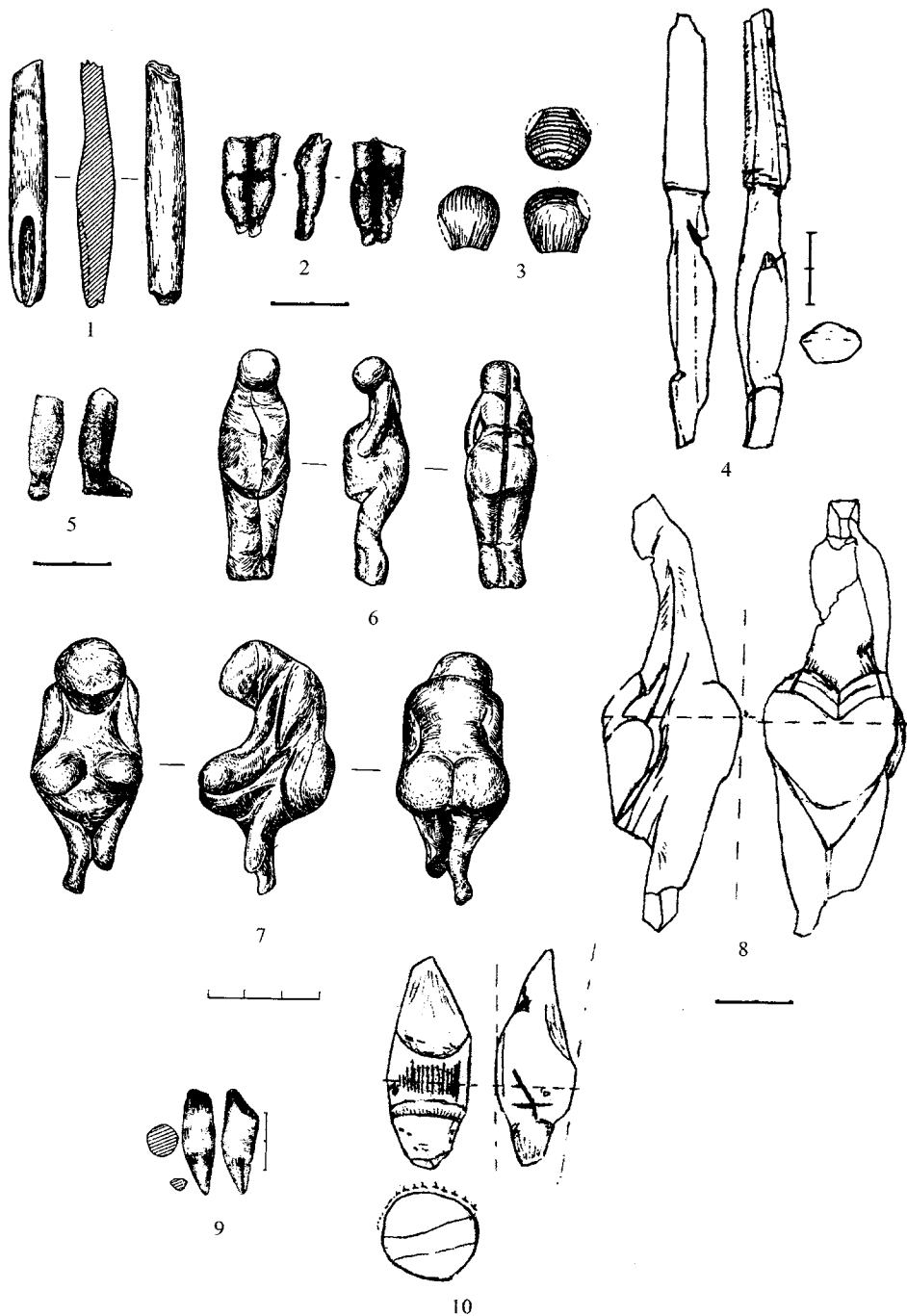

Рис. 62. Хотылёво 2. Пункт А. Антропоморфная скульптура
(по: Гаврилов 2008. С. 225)

(рис. 65). Это опять-таки не точные копии изделий из Костёнок и Авдеева, а наиболее близкие им аналоги. Показательно, что на этих изделиях орнамент (насечки) организован так же, как и в Костёнках и Авдеево: по краю предмета.

Бивневые имитации кости. К. Н. Гаврилов упоминает «две поделки из бивня, имитирующие фалангу (волка?)» (Гаврилов 2008: 62). В этой связи вспомним о подобных имитациях костей зайца, найденных в Авдеево и Зарайской стоянке. Аналогии очевидны.

Украшения. Стопроцентным аналогом соответствующих изделий виллендорфско-костёнковской АК являются подвески из клыков песца с прорезанными отверстиями. Отметим, что в данном случае прорезывание отверстий — признак культурного выбора, а отнюдь не свидетельство технической отсталости. Техника сверления была известна обитателям Хотылёво 2 и успешно практиковалась ими, но — в других случаях, не при изготовлении подвесок из клыков зверя (Заверняев 1987: 129). Можно отметить попутно: указанная техника была знакома населению Русской равнины задолго до СВП. Её применяли по меньшей мере за 15 тысяч лет до начала жизни в Хотылёво 2 (Костёнки 17/II).

Орнамент (рис. 64). Не вдаваясь в детальное рассмотрение данного вопроса, отметим главное. В Хотылёво 2 орнамент зачастую использовался иначе, чем в Костёнках 1/I и Авдеево. Однако включал он те же костёнковско-авдеевские орнаментальные мотивы.

В Хотылёво 2 найдены два округлых в сечении бивневых острия, богато украшенных довольно сложным рельефным зональным орнаментом (рис. 64: 1, 4). Прямых аналогий этим вещам в памятниках виллендорфско-костёнковской АК мы не знаем, однако составные элементы орнамента — те же самые крестики и удлиненные треугольники, которые мы наблюдаем в Костёнках 1/I и Авдеево.

Здесь мы не рассматриваем массовый материал: всевозможные острия, шилья, стержни, ретушеры, наковаленки и пр., поскольку они, как правило, не дают представления о культурной специфике. Ф. М. Заверняев справедливо отметил, что «аналогичные орудия характерны и широко распространены в памятниках костёнковско-авдеевской культуры» (Там же: 123). Это так, но подобные орудия встречаются и в инокультурных памятниках. Едва ли они могут служить культуроразличающим индикатором.

Мотыгообразные орудия из бивня, найденные в Хотылёво 2, имеют лишь очень отдаленное сходство с типичными костёнковско-авдеевскими «мотыгами».

Нами здесь также не рассматривается действительно очень важная проблема контекста находок. Ограничимся ссылкой на выводы, сделанные К. Н. Гавриловым: «Типологические отличия предметов костяного инвентаря Хотылёво 2 от аналогичных по категориальной принадлежности изделий Костёнок 1 и Авдеево хорошо коррелируются с характером отличий в орнаментации этих артефактов. В обоих случаях мы сталкиваемся с комбинацией общих структурных элементов, которые характеризуют индивидуальные особенности различных типов поселений. Схожая ситуация наблюдается и при сравнении археологического контекста изделий из кости и бивня. На всех поселениях Русской равнины, относящихся к костёнковско-авдеевскому типу, основным объектом, с которым связаны изделия из кости и бивня, включая произведения искусства, являются ямы-хранилища

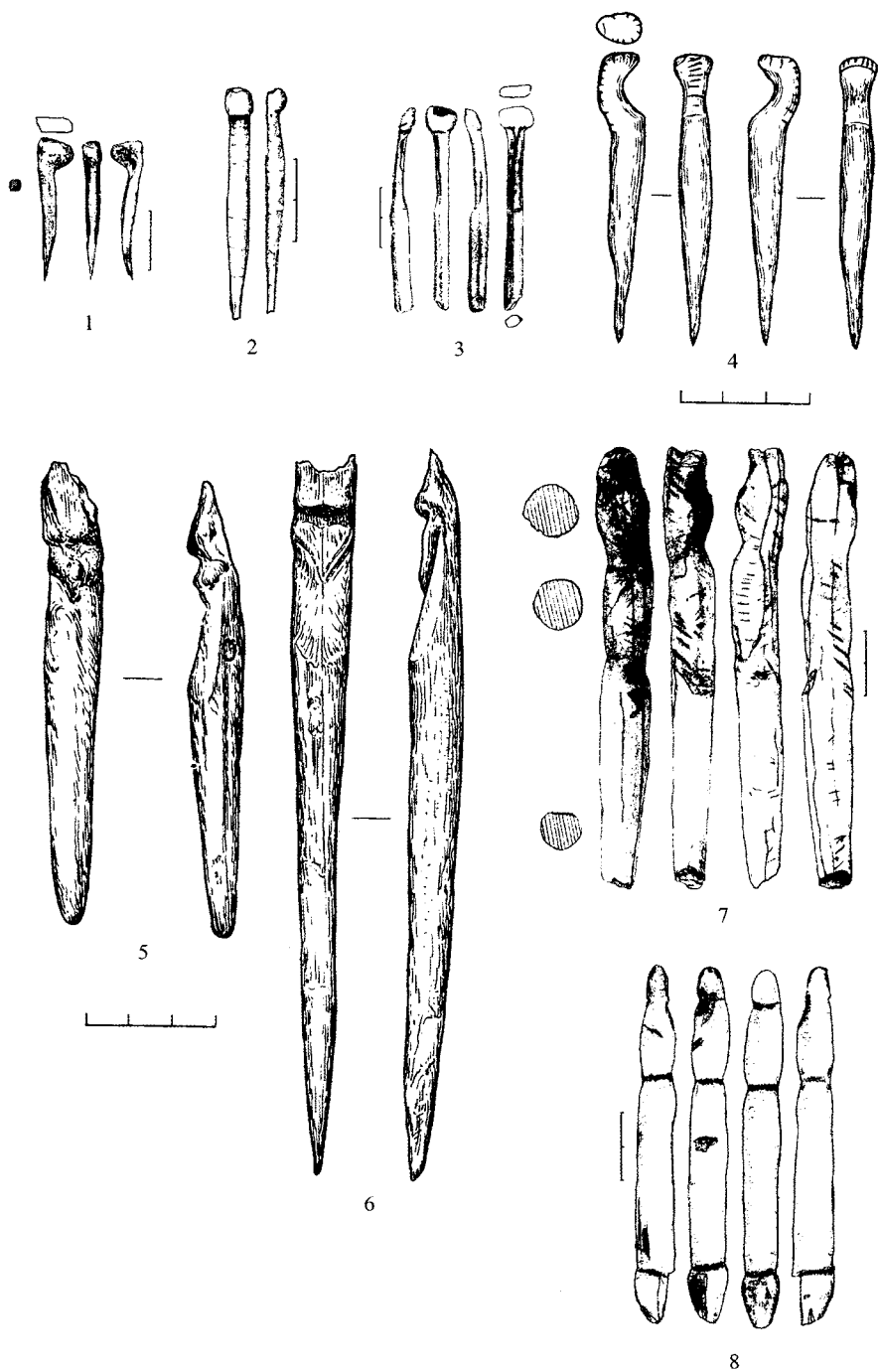

Рис. 63. Хотылёво 2. Пункт А. Острия и стержни с фигурными навершиями (по: Гаврилов 2008: 229)

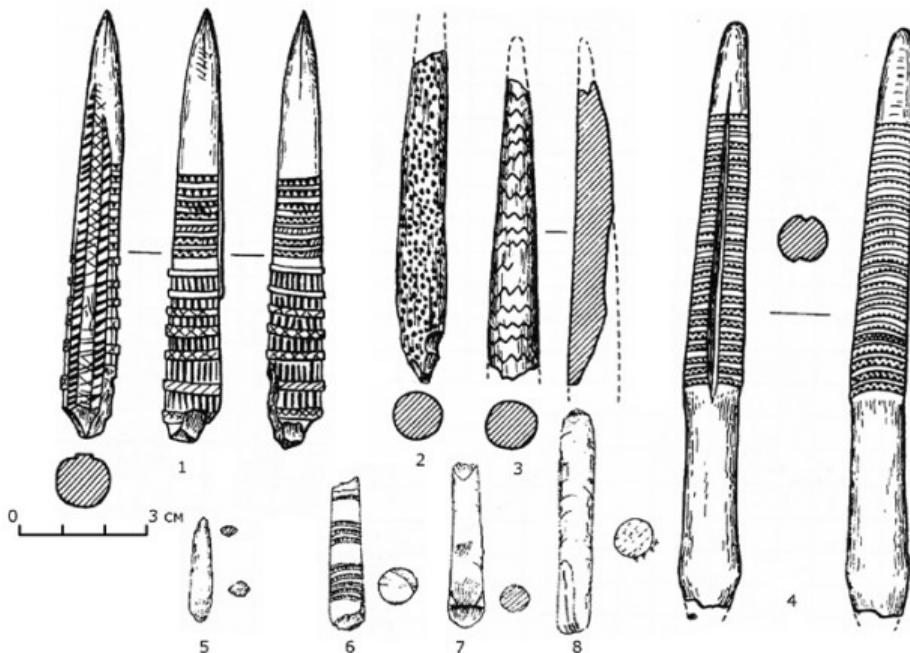

Рис. 64. Хотылёво 2. Фрагменты орнаментированных стержней и наконечников из бивня мамонта из коллекции Ф. М. Заверняева (по: Гаврилов 2008: 223)

(Ефименко 1958; Гвоздовер 1987; Амирханов 2000; Амирханов, Лев 2004б; Амирханов, Лев 2007). В случае с Хотылёво 2 картина совершенно иная, здесь главным «центром притяжения» подобных вещей являются комплексы взаимосвязанных объектов, охарактеризованные в предыдущих разделах. Это отличие носит системный характер и может быть использовано для характеристики типологических особенностей данных поселений...» (Гаврилов 2008: 70).

Отметим, что формального совпадения контекста здесь не может быть уже потому, что в Хотылёво 2 отсутствует его основной элемент: ямы-хранилища. Для неформального, семантического сравнения контекстов требуется ответить на весьма сложный вопрос: в чем заключается смысл и причина возникновения упомянутого контекста находок, хорошо прослеженного в памятниках виллендорфско-костёнковской АК? Однако это является темой отдельного археолого-культурологического исследования.

Приложение

Современные исследования стоянки Хотылёво 2

К.Н. Гаврилов

Современные исследования стоянки Хотылёво 2 ведутся на участке расположения пункта В. Он находится на некотором удалении от края высокого берега

Десны. Минимальное расстояние до раскопов Ф.М. Заверняева составляет 50 м вверх по склону плато. За все время раскопок было вскрыто 65 кв. м культурного слоя с учетом раскопок 2016 г. На этой площади зафиксировано два комплекса пространственно связанных археологических объектов.

Южный комплекс характеризуется крупными скоплениями преднамеренно уложенных костей мамонтов, структурную основу которых составляли черепа и плоские кости. С данными скоплениями были связаны ямы, в которых также находились преднамеренно уложенные кости мамонта. Кости в скоплениях, а также древняя дневная поверхность вокруг них и под некоторыми черепами были интенсивно окрашены охрой.

Северный комплекс представляет собой расположенные по дуге округлые в плане неглубокие ямы и вкопанные длинные кости мамонта, часть которых была преднамеренно расколота. В непосредственной близости от некоторых ям были зафиксированы черепа мамонтов. С двумя ямами были связаны группы из попарно уложенных лопаток мамонтов. В ямах и вокруг них были зафиксированы скопления охры. С внутренней стороны дуги, вдоль которой были расположены ямы, располагалось обширное скопление костного угля и золы, в южной части которого была зафиксирована еще одна яма, возможно, очаг.

С северным комплексом объектов связаны находки двух женских статуэток: двойной, вырезанной из мела (Гаврилов 2012) и классической, хотылёвского типа — из бивня (Гаврилов, Лев 2017). Каменный инвентарь — типичен для Хотылёво 2, однако в его составе встречены предметы, характерные для костёнковско—авдеевской культуры: фрагмент листовидного острия костёнковского типа и классическая форма ножа костёнковского типа. Пока не встречены здесь и характерные для Хотылёво 2 острия микрограветт и острия вашон (Gavrilov et al. 2015).

Таблица 7а. Стоянка Хотылёво 2: новые радиометрические даты (пункт В)

№	Стратиграфич. горизонт	Культурный слой, контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	Пункт В. Раскоп Б, 2010	X-2010, 51, РБ, кв. Г-4' (яма 6) гл. -876 / -889	Кость мамонта	22 720±150	OxA-27225	1
2	То же	X-2010, 51, РБ, кв. Г-4' (яма 6) гл. -876 / -889	Кость мамонта	23 020±210	OxA-X-2500-11	То же
3	То же	X-2010, 104, РБ, кв. В-3' (яма 4) гл. -877	Кость волка	23 050±150	OxA-27223	То же
4	То же	X-2010, РБ, кв. В-2' (яма 5) гл. -881	Кость птицы	23 160±160	OxA-27224	То же
5	Пункт В, раскоп А. 2005	ХАЭ-2005, Р-А, кв. Г-1, гл. -873	Кость мамонта	23 470±170	OxA-27000	То же

Источник: 1 — Гаврилов 2015.

Глава 7

Павловско-хотылёвская археологическая культура на верхнем Дону: стоянка Гагарино

7.1. Стоянка Гагарино: общие сведения

Гагаринская стоянка расположена в верхнем течении Дона, на левом берегу, в 5 км выше впадения в него р. Сосны, у д. Гагарино. Памятник был открыт в 1926 г. С. Н. Замятниным и раскапывался им в 1927 и 1929 гг. (рис. 65). Монографически опубликованные результаты исследований (Zamiatnin 1934; Замятин 1935) сразу поставили Гагаринскую стоянку в число опорных при изучении палеолита Восточной Европы. Раскопки были продолжены в 1960-х гг. Л. М. Тарасовым; их результаты существенно дополнили, а в ряде случаев по-иному осветили материалы Гагаринской стоянки. Итоги этих исследований также были опубликованы монографически (Тарасов 1979), что позволяет нам здесь ограничиться самой краткой характеристикой данного памятника.

7.2. Хронология, планиграфия и структура поселения

Культурный слой Гагаринской стоянки залегает непосредственно под современной почвой, в верхней части лёссовидных суглинков (рис. 66–67). Основным объектом, обнаруженным в этом слое, являются остатки округлого жилища, диаметром около 5 м, углубленного на 0,4–0,5 м, с очагом в центре (рис. 68). Это жилище раскапывалось С. Н. Замятниным (не очень квалифицированно) и впоследствии было доследовано Л. М. Тарасовым. Его детальная реконструкция вызывает определенные трудности, связанные отчасти с нарушениями центральной части более поздней хозяйственной ямой, отчасти с недостатками раскопок и публикаций самого С. Н. Замятина (Тарасов 1979: 55). Тем не менее об основных его характеристиках можно судить достаточно определенно. По краям жилища было обложено плитами известняка, в ряде случаев сохранившими вертикальное положение. Эти плиты, вероятно, укрепляли деревянный каркас. По мнению Л. М. Тарасова, судя по положению плит, стены жилища в нижней части должны были бы быть вертикальными, а перекрытие округлым (Там же).

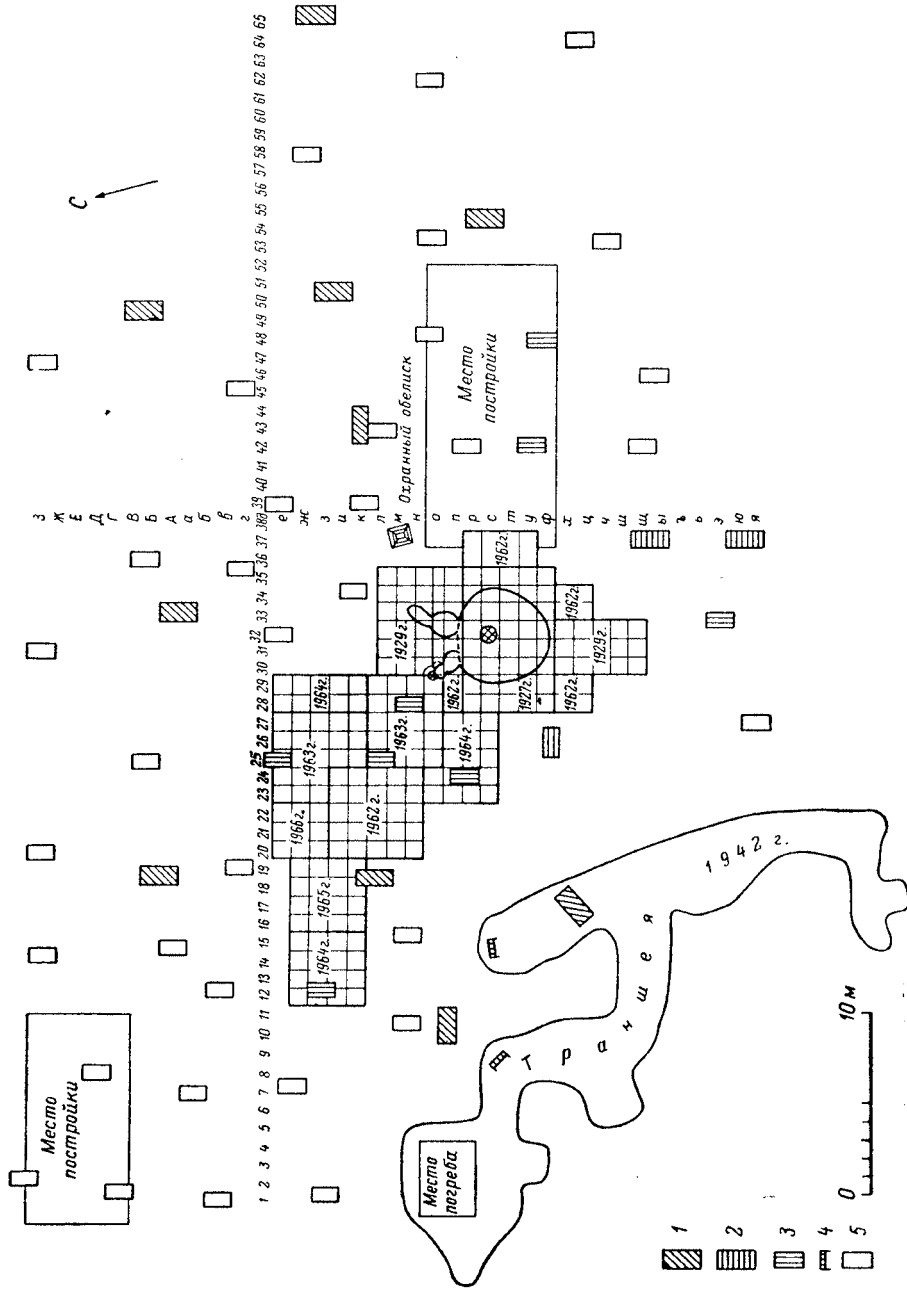

Рис. 65. Общий план раскопок стоянки Гагарино: 1 — шурфы 1929 г.; 2 — шурфы 1955 г.; 3 — шурфы 1961 г.; 4 — зачистки 1961 г.; 5 — шурфы 1962–1964 гг., 1968, 1969 гг. (по: Тарасов 1979: 11)

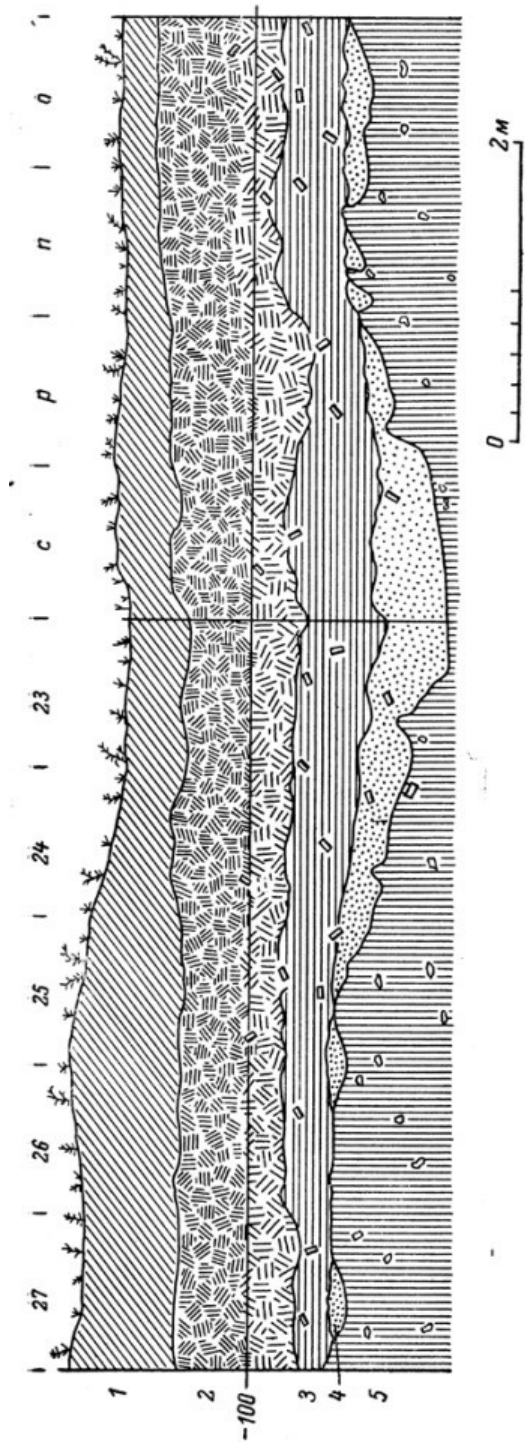

Рис. 66. Гагарино. Разрезы по южной и западной стенкам раскопа 1964 г. 1 — мешаный слой, 2 — чернозем; 3 — палевоый песчаный суглинок; 4 — оранжево-желтый песок; 5 — бурый суглинок с редкой щебенкой; а — кремневые артефакты; б — обломок кости (по: Тарасов 1979: 13)

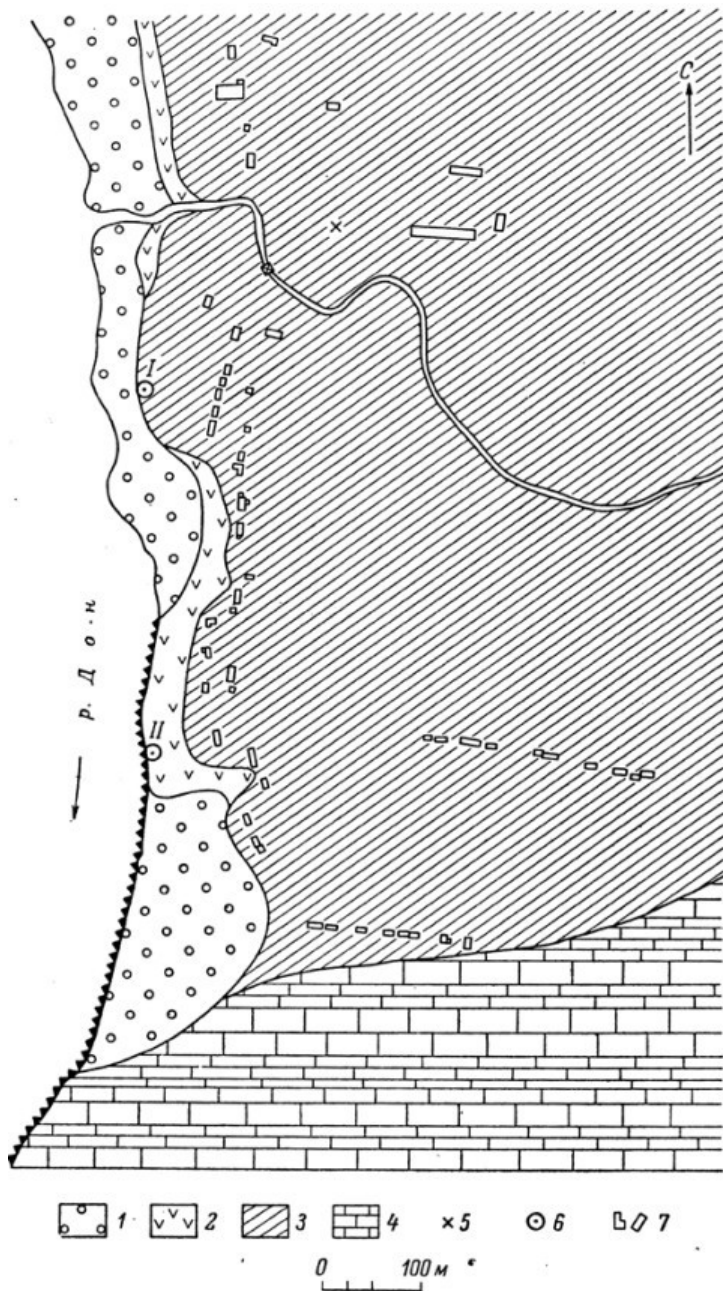

Рис. 67. Геоморфология стоянки Гагарино (по М. Н. Грищенко).
 1 — высокая и низкая поймы; 2 — I надпойменная терраса,
 3 — II надпойменная терраса, 4 — эрозионная терраса, 5 — палеолитическая стоянка, 6 — описанные обнажения, 7 — деревня Гагарино

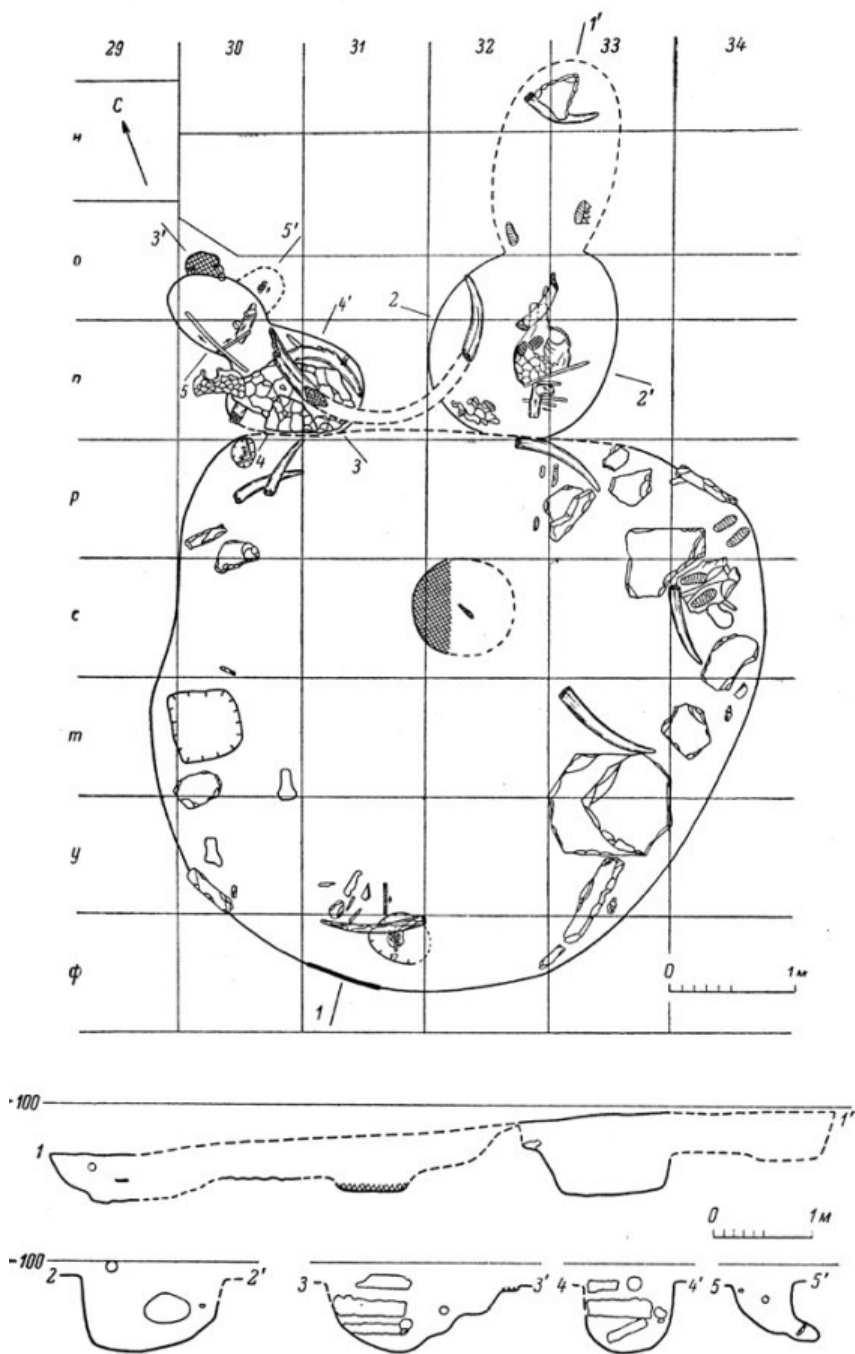

Рис. 68. Гагарино. План и разрезы жилого комплекса, по данным раскопок 1920-х и 1960-х гг. (по: Тарасов 1979: 54)

Заполнение жилища представлено мощной линзой культурного слоя. В распределении находок фиксируются определенные закономерности. Большая часть костяных изделий располагалась на периферийных участках. «И женские статуэтки тоже находились по краям линзы культурного слоя, и к тому же примерно на одинаковом удалении друг от друга. Такая же закономерность наблюдалась и в расположении ямок-хранилищ, в каждой из которых находилась искусственно отобранная группа вещей...» (Там же: 53).

Центральный очаг имел диаметр 1 м; основание его было углублено. По мнению Л. М. Тарасова, в процессе обитания этот очаг поддерживался постоянно. С севера к жилищу примыкали две двухкамерные ямы, глубиной до 0,75 м, отчасти напоминающие восьмеркообразные полуземлянки костёнковско-авдеевского типа (Там же: 56–57). Восточная (большая по размерам) имела в длину 3,15 м, в ширину 1,45 м. Культурный слой, расположенный на дне основной камеры, примыкающей к жилищу, аналогичен культурному слою самого жилища. В северо-западной части ее обнаружено скопление минеральной краски, а в средней части — скопление костного угля и обожженная кость. В верхней части заполнения фиксируются «череп и зубы мамонта, обломки бивней, ребра, массивная песчаниковая плита и мелкая известняковая» (Там же). Возможно, это остатки перекрытия.

Размеры западной ямы вдвое меньше. Ее южная камера (основная) заполнена конструкцией из плит и обломков известняка, бивней и черепа мамонта. Припольное заполнение темного цвета содержало анатомические группы костей песка, преимущественно лапок. Таких находок больше в северной камере. У северо-восточного края той и другой камер в специальных нишах-подбоях обнаружены женские статуэтки. У северного края ямы зафиксирована лунка небольшого очажка, огороженного камнями. И размеры ямы, и характер культурного слоя в припольной ее части не позволяют трактовать этот объект как остатки жилища. Скорее всего, он имел вотивный характер.

Ни планиграфия, ни охарактеризованные выше объекты Гагаринской стоянки не находят прямых аналогий в структурных характеристиках культурного слоя Костёнок 1/1, Авдеево и двух нижних «горизонтов обитания» Зарайской стоянки. Однако определенные черты сходства налицо. Это, во-первых, восьмеркообразные формы двух ям, примыкающих к жилищу. Во-вторых, анатомические группы костей песка, обнаруженные в припольной части западной ямы. В-третьих, наличие во втором сверху горизонте обитания Зарайской стоянки и в юго-восточном конце первого жилого комплекса Костёнок 1/1 округлых углубленных конструкций с очагом в центре, трактуемых рядом исследователей как остатки жилищ¹.

Гагаринское жилище с примыкающими к нему восьмеркообразными ямами не имеет прямых аналогий в Хотылёво 2. Однако по своим основным

¹ В свете новых данных по Зарайской стоянке, представляется неправомерным огульное отрицание гипотезы П. П. Ефименко о наличии в юго-восточной части первого жилого комплекса Костёнок 1/1 остатков округлого жилища. Однако в отличие от А. Н. Рогачёва, в своё время поддержавшего указанную гипотезу, мы склонны считать данный участок не древнейшим, а скорее *самым поздним* объектом первого жилого комплекса Костёнок 1/1.

характеристикам, гагаринское круглое жилище весьма близко жилым сооружениям, обнаруженным на Павловской стоянке.

По материалам раскопок в Гагарине получено 8 радиоуглеродных дат (из них, по-видимому, 2 — по одному образцу, см. табл. 8, №№ 4–5). Серия дат имеет разброс ~17–21 тыс. л. н. Дата № 8 имеет значительный отрыв от остальных значений, что, скорее всего, объясняется использованием зуба мамонта из какого-то древнего местонахождения. Остальные даты выглядят правдоподобно, с учетом специфики памятников данной культурной общности, однако более конкретный анализ их невозможен ввиду отсутствия данных о контексте.

Таблица 8. Стоянка Гагарино: радиометрические даты

№	Контекст	Материал	Даты	Индекс	Источник
1	?	Бивень	17 900±120	ГИН-7991	1
2	?	Зуб мамонта	17 930±100	ЛЕ-1432a	То же
3	?	Бивень	19 160±130	ГИН-7990	То же
4	?	Зуб мамонта	20 150±300	ЛЕ-1432	То же
5	?	То же	20 820±300	То же	То же
6	?	Бивень	21 600±140	ГИН-7989	То же
7	?	Костный уголь	21 800±300	ГИН-1872	То же
8	?	Зуб мамонта	30 000±1 900	ИГАН-83	То же

Источник: 1 — Синецын, Праслов /ред./ 1997.

7.3. Каменный инвентарь

Каменный инвентарь Гагаринской стоянки насчитывает около 11 тысяч изделий. В отличие от Хотылёво 2 основным сырьем здесь являлся не плитчатый, а цветной валунный кремь; изделий из кварцита мало, находки мелового кремня единичны (рис. 69–75). Техника первичного раскалывания, как и в Хотылёво 2, направлена на получение пластин и микропластинок и характеризуется сочетанием призматических и торцовых нуклеусов, включая вторичные ядрища. По данным Л. Н. Тарасова, нуклеусов найдено около 70 экз., из них большинство (52 экз.) — призматические, одно- и двуплощадочные. Клиновидных (торцовых) — 18 экз. К последним Л. Н. Тарасов справедливо присовокупляет так называемые массивные многофасеточные резцы. Вкупе с ними количество нуклеусов Гагарино приближается к 100 экз. (Тарасов 1979: 67–72).

Первичное расщепление, вероятно, производилось на территории стоянки, поскольку собранные нуклеусы позволяют проследить все стадии этого процесса. Размеры пластин составляют в среднем 5–7 см; более крупных пластин очень мало.

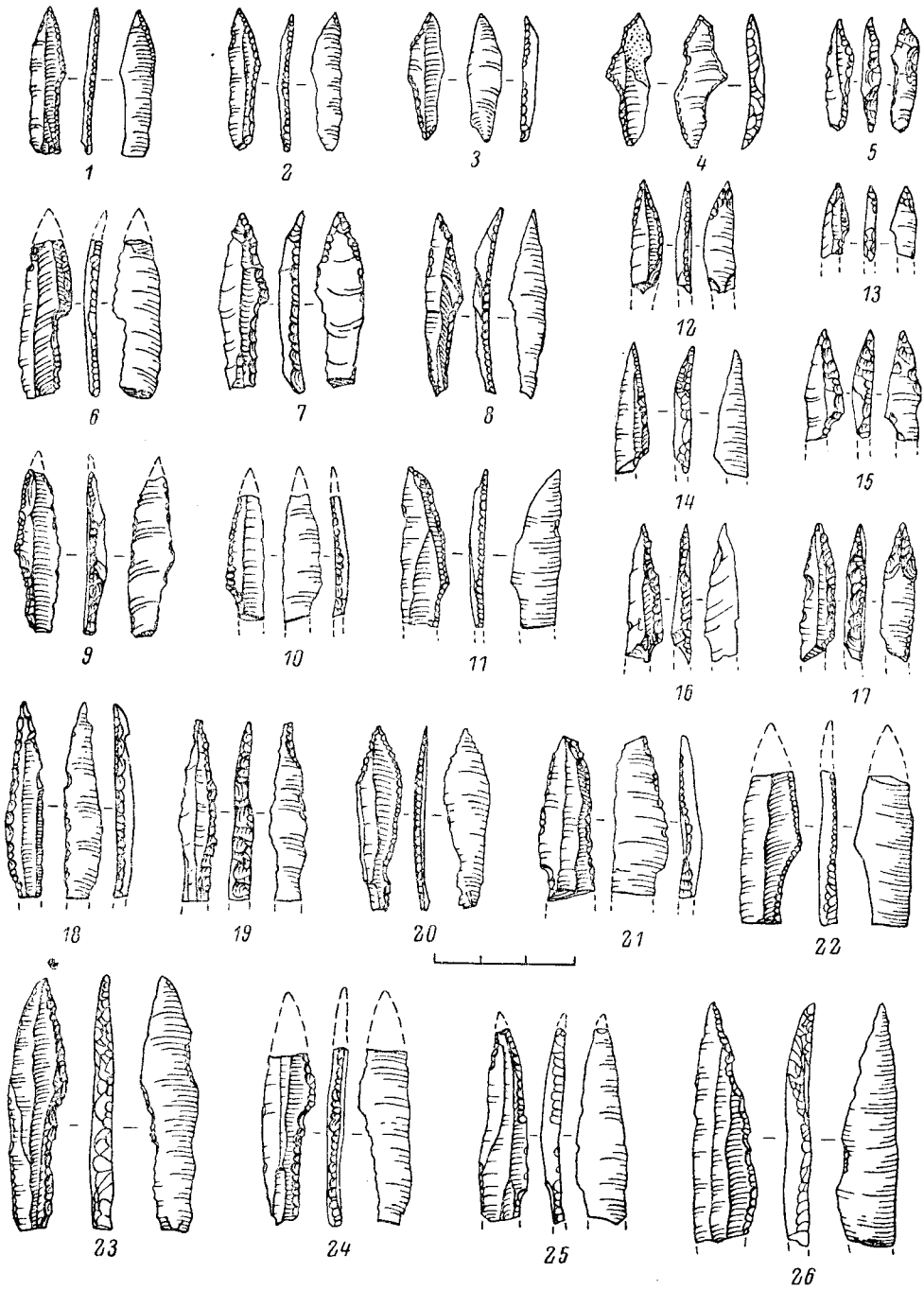

Рис. 69. Гагарино. Наконечники с боковой выемкой
(по: Тарасов 1979: 77)

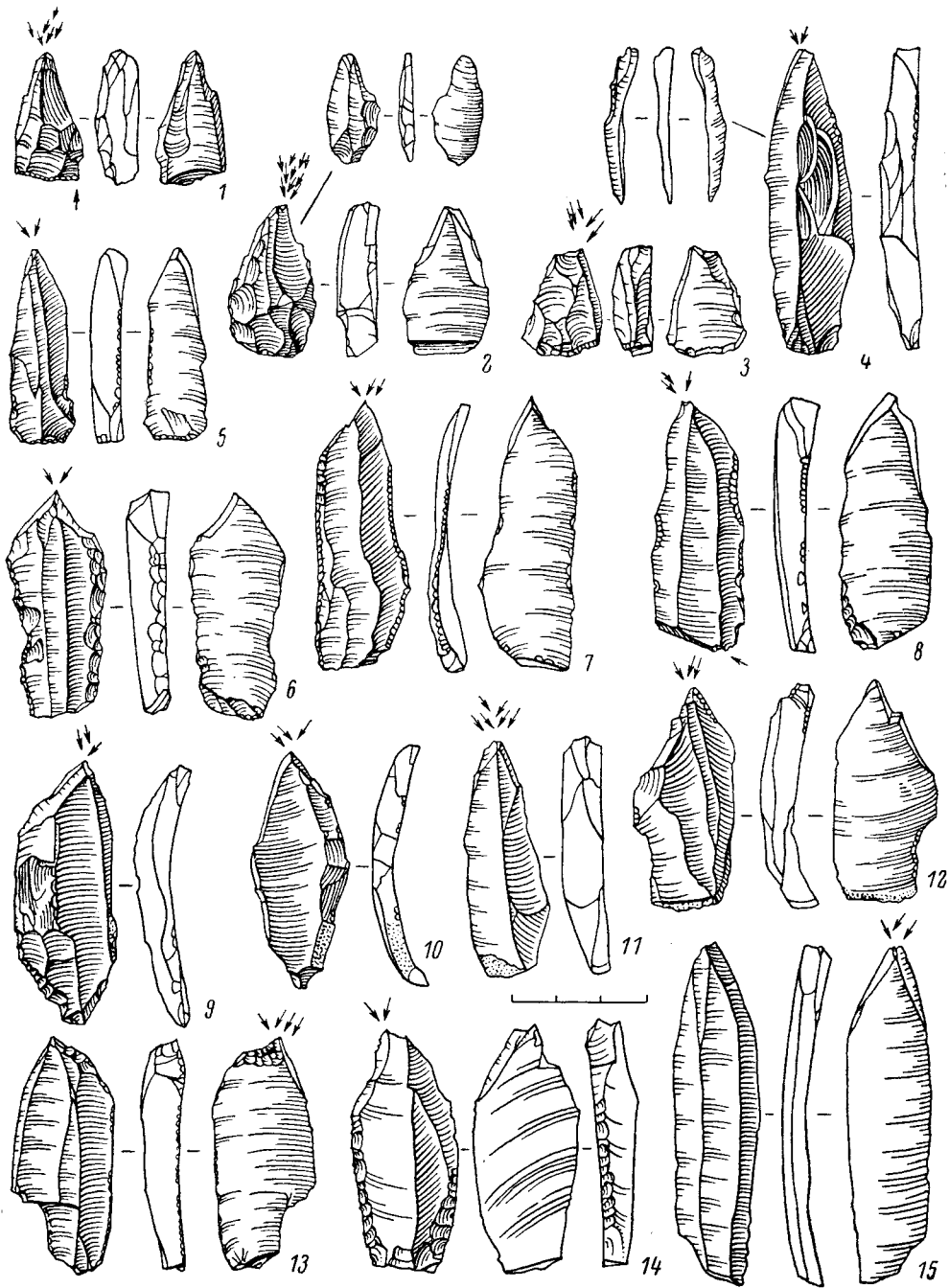

Рис. 70. Гагарино. Резцы срединные
(по: Тарасов 1979: 79)

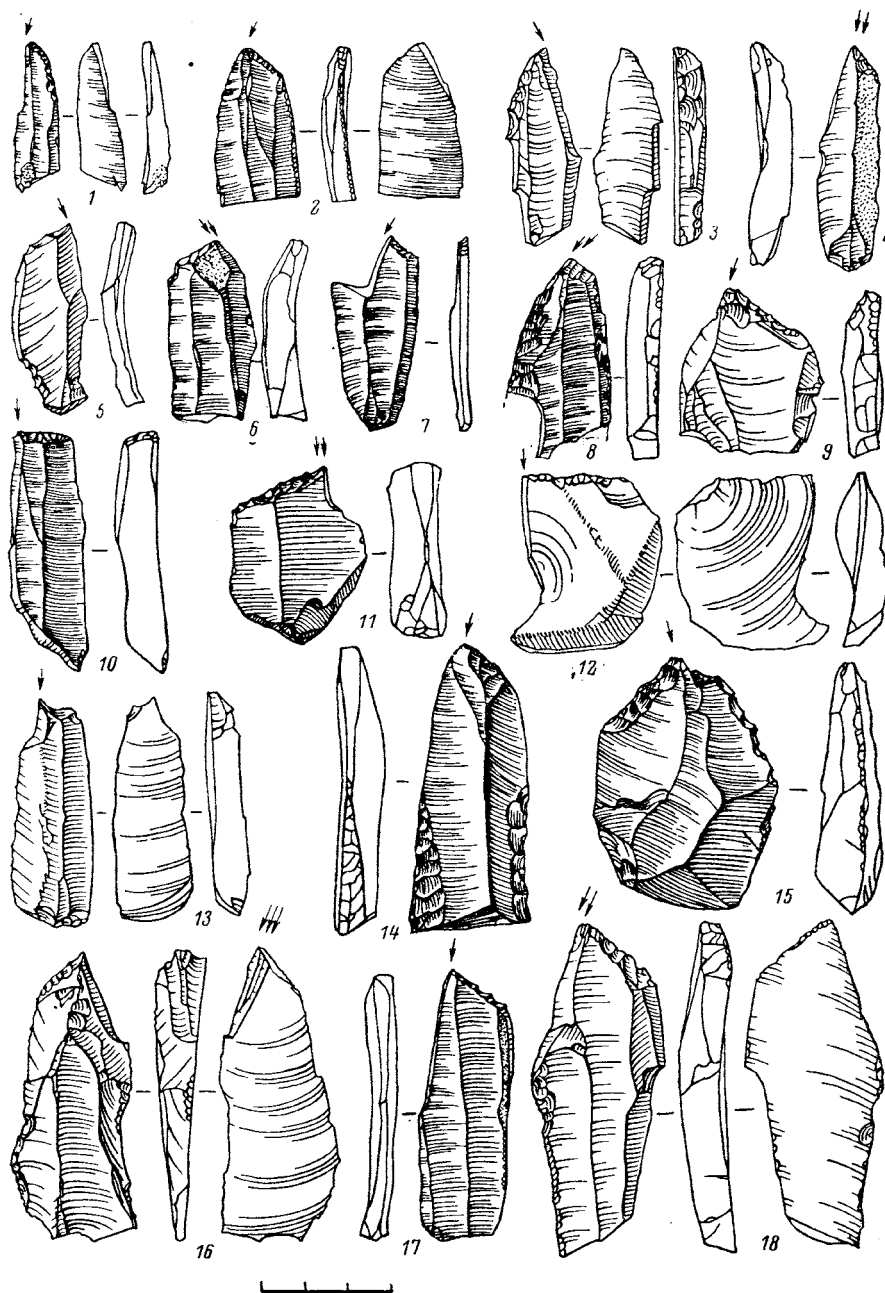

Рис. 71. Гагарино. Резцы различные: 1, 6 — боковые — угловые двойные; 2, 3 — боковые срединные; 4 — угловой боковой; 5 — боковой угловой, 7 — боковой двуконцевой; 8 — угловой тройной; 9, 10, 14 — угловые двойные; 10, 12, 13, 15 — угловые двуконцевые; 16 — срединный (по: Тарасов 1979: 87)

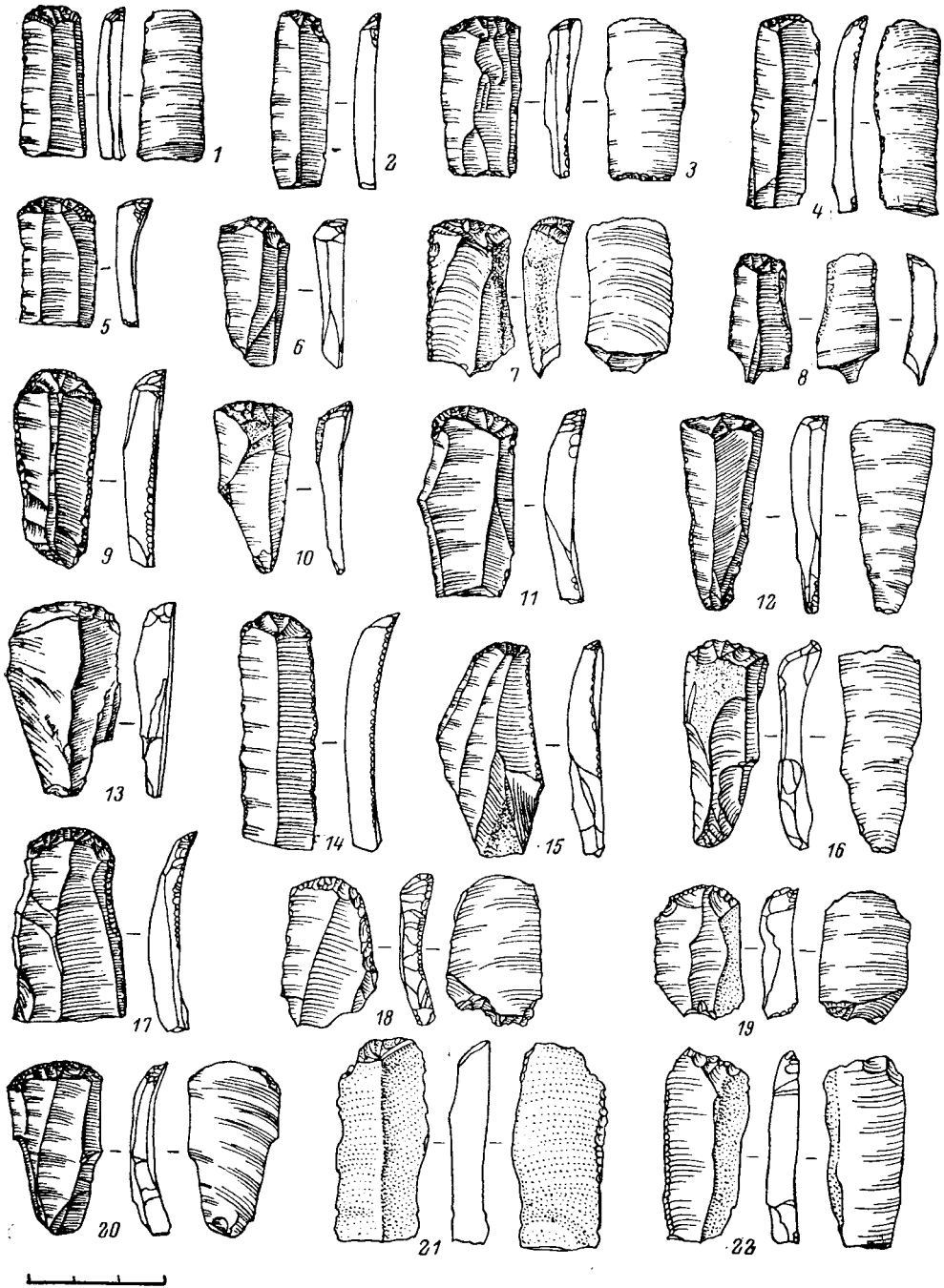

Рис. 72. Гагарино. Скрепки концевые (по: Тарасов 1979: 91)

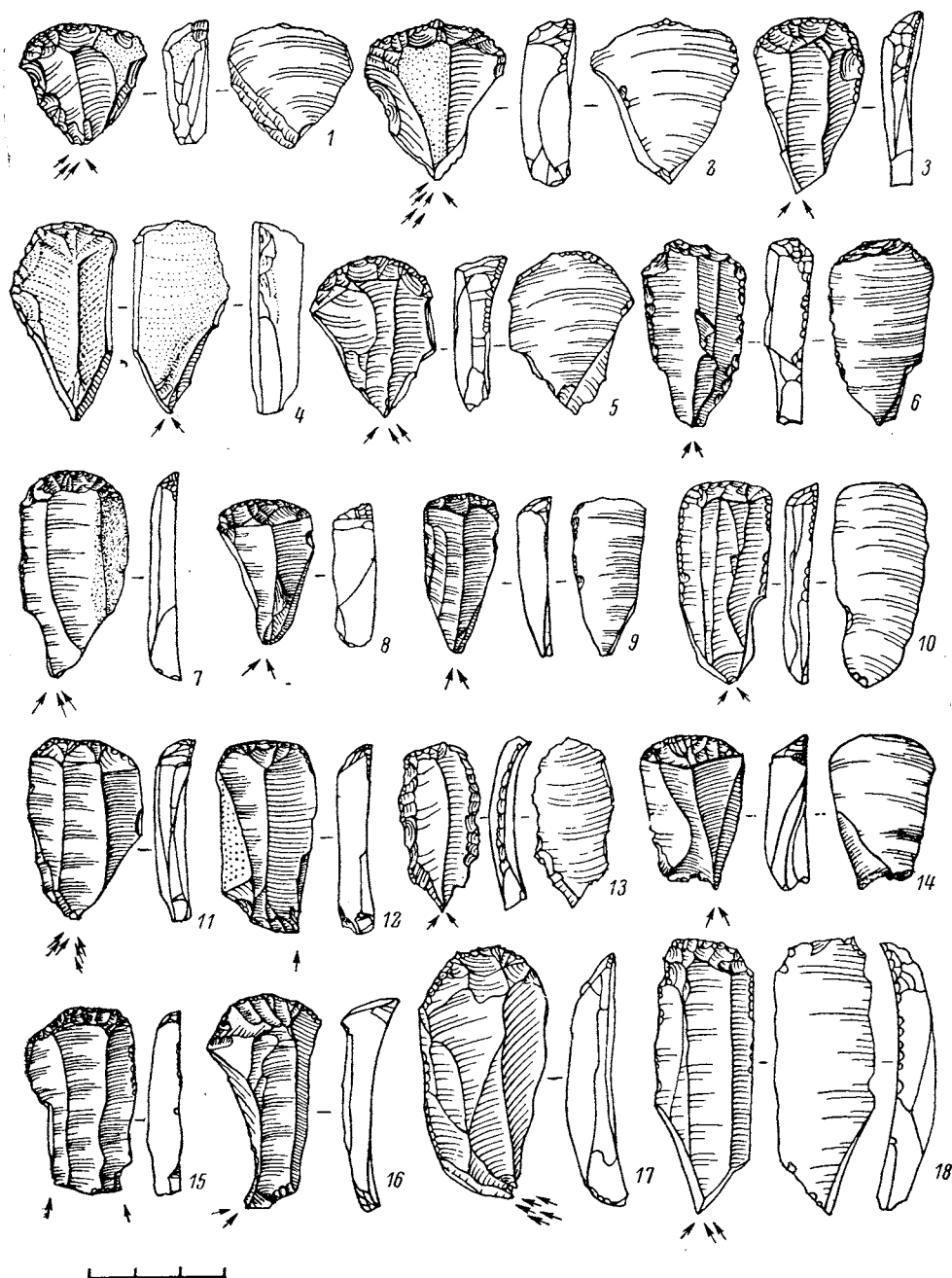

Рис. 73. Гагарино. Скребки-резцы (по: Тарасов 1979: 94)

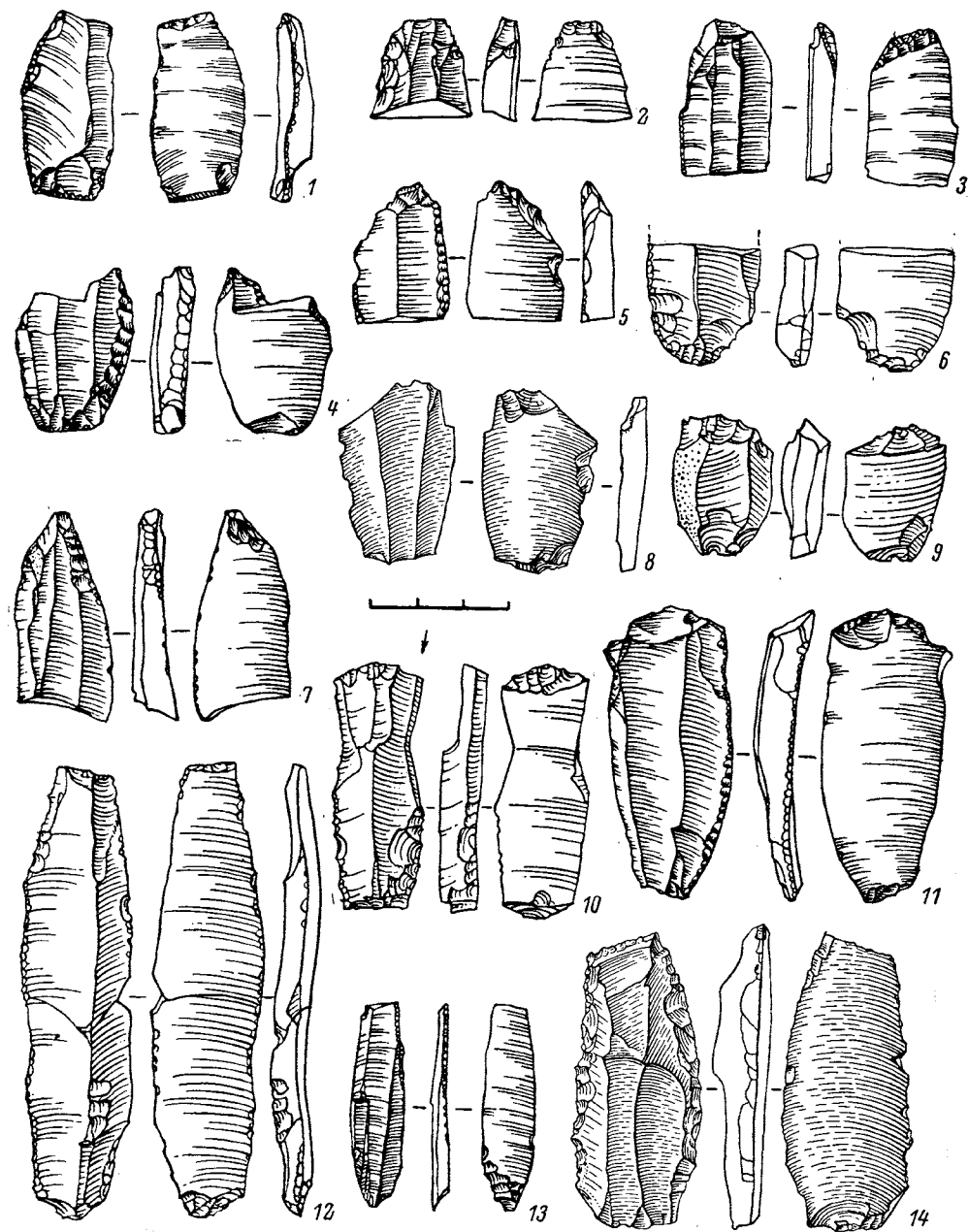

Рис. 74. Гагарино. Ножи костёнковского типа
(по: Тарасов 1979: 99)

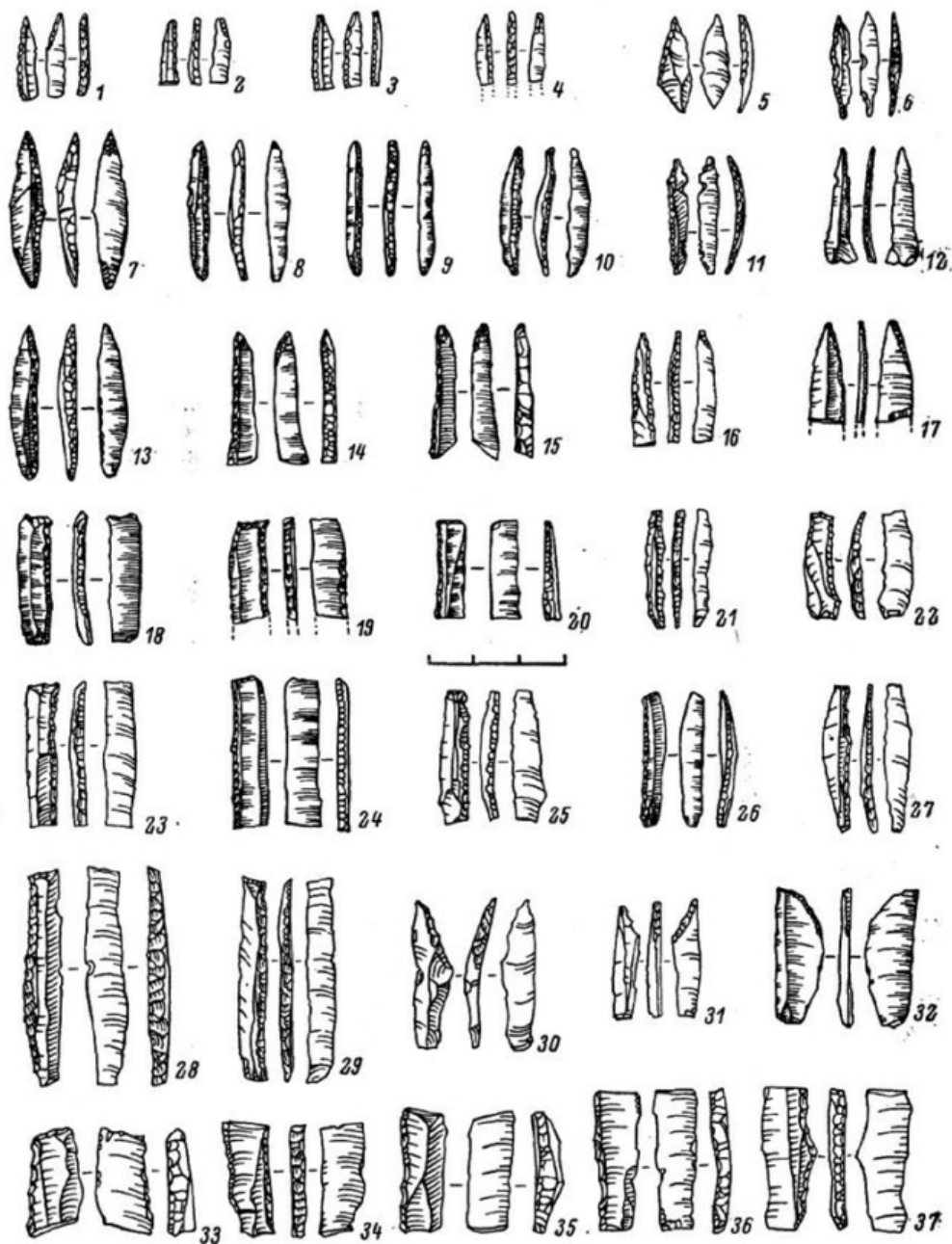

Рис. 75. Гагарино. Микроорудия: 1–17 — микроострия;
 18–29 — микропластинки с поперечной ретушью; 30–33 — микропластинки
 со скошенным концом; 33–37 — пластинки с затупленным краем
 (по: Тарасов 1979: 102)

Техника вторичной обработки и набор орудий в Гагарино менее разнообразны, чем в индустриях виллендорфско-костёнковской АК. Во многом они близки характеристикам каменного инвентаря Хотылёво 2. Здесь, как и в Хотылёво 2, присутствуют две характернейшие для виллендорфско-костёнковской АК группы орудий — *наконечники с боковой выемкой* и *ножи костёнковского типа*. Однако представлены они в значительно меньших количествах (соответственно, 39 и 20 экз.) и отличаются меньшей вариабельностью форм (рис. 69). Так, все гагаринские наконечники относятся к так называемым атипичным; типичные костёнковско-авдеевские формы здесь полностью отсутствуют. Напомним, что К. Н. Гаврилов обратил внимание на близость ряда наконечников из Хотылёво 2 именно к гагаринским.

Из 20 ножей костёнковского типа особенно выразительно одно двуконечное изделие, изготовленное из правильной ножевидной пластинки длиной 10 см. Края имеют следы интенсивной изношенности (рис. 74).

Общее количество *микроорудий* — около 270 экз. Как и в Хотылёво 2, именно эти изделия определяют «типологическое лицо» индустрии. Среди микроострий выделяются орудия с вентральной ретушью концов (рис. 75: 1–4, 6, 7, 14–17). Среди пластинок с притупленным краем выделяются «прямоугольники» (с притупленным краем и поперечной ретушью конца) и пластинки, у которых край притуплен встречной ретушью. Имеются пластинки с мелкой краевой ретушью. Большинство изделий фрагментарны, что не позволяет судить с уверенностью, принадлежат ли обломки таких орудий к пластинкам с притупленным краем, микрограветтским остриям или даже к наконечникам с боковой выемкой. Как и в Хотылёво 2, количественно наибольшую группу орудий составляют *резцы* (рис. 70, 71). По данным Л. М. Тарасова, всего резцов около 470 экз. Как и в Хотылёво 2, большинство составляют срединные (двугранные) резцы — свыше 260 экз, на втором месте угловые (125 экз.), боковых резцов около 80 экз. Имеются единичные резцы супоневского типа. Быть может, новый детальный анализ этих орудий, проведенный на уровне анализа резцов Зарайской стоянки (см.: 8.2.1), позволит выявить специфические культурно-диагностирующие характеристики, но пытаться провести подобную работу на основе имеющихся публикаций мы считаем некорректным.

То же самое можно сказать и о *скребках*. Всего их насчитывается свыше 130 экз. (включая скребки-резцы) (рис. 72, 73). Большинство изготовлено на пластинах с субпараллельными неретушированными или частично ретушированными краями. Имеются единичные двойные скребки, скребки на отщепе и один экземпляр округлого скребка. Скребковые лезвия в подавляющем большинстве случаев дугообразны, но имеются орудия с выступом, обычно в центральной части (более 10 экз.), или с выемкой (5 экз.). Двойные скребки единичны. Среди остальных изделий упомянем довольно выразительные орудия с двусторонней чешуйчатой подтеской (8 экз.), пластинки с усеченными концами (около 20 экз.), проколки (8 экз.), острия (9 экз.). Имеются выемчатые орудия (более 10 экз.) и два скребловидных изделия.

7.4. Костяной инвентарь, украшения, искусство

В отличие от Хотылёво 2 в Гагарино костяной инвентарь заметно обеднен. Он представлен преимущественно различного рода остриями, иглами, шильями, ложилами, бивневыми и костяными стержнями, т. е. орудиями, мало пригодными для культурной атрибуции (рис. 76, 77). Три фрагмента орудий, названных Л. М. Тарасовым «лопаточками» и служивших, вероятно, для землекопных работ (Тарасов 1979: 115) (рис. 76: 9, 10), мало чем напоминают изысканные лопаточки костёнковско-авдеевского типа. Действительно, культуруопределяющим аналогом является целиком сохранившееся изделие из крупной трубчатой кости птицы. Эпифизы обрезаны, один конец узкий, второй расширен, поверхность заполирована. В центральной части имеется вытянутое вдоль округлое отверстие, по-видимому, искусственного происхождения (Там же: 111) (рис. 76: 8). Подобные изделия известны в Костёнках 1/1 и Авдеево. Они интерпретируются как «манок» (Ефименко 1958: 318–321) или фрагмент музыкального инструмента «типа флейты» (Гвоздовер 1953: 208). Аналогичную интерпретацию своей находке дает и Л. М. Тарасов (Тарасов 1979: 111).

Более четко костёнковско-авдеевско-хотылёвская специфика проявляется в наборе украшений, впрочем, весьма обедненном. Это, прежде всего, клыки пещера с прорезанными у корня отверстиями (75 экз.), а также три подвески из бивня мамонта, имитирующие рудиментарный клык оленя (рис. 78). Напомним, что имитации костей, выполненные из бивня мамонта, известны в Зарайской стоянке, Авдеево и Хотылёво 2.

Фигуративное искусство в Гагарино представлено исключительно антропоморфными изображениями (рис. 79–81). По данным Л. М. Тарасова, всего в Гагарино обнаружено 14 антропоморфных изображений (Там же: 125). М. Д. Гвоздовер, выделившая 4 основных типа восточноевропейских антропоморфных статуэток, с некоторыми колебаниями относит три гагаринские к I, костёнковскому, типу, и три — к IV, гагаринско-хотылёвскому. Остальные преимущественно представлены фрагментами и незаконченными изделиями.

Особо отметим хорошо известную, многократно опубликованную двойную статуэтку (Тарасов 1972, Тарасов 1979: 135–137), впрочем, тоже не законченную (рис. 81). Это изделие пока не имеет аналогов. Проблема состоит в том, предполагалось ли впоследствии в процессе доработки расчленение этой скульптуры на две отдельные фигурки или она изначально замышлялась как единое целое? Л. М. Тарасов отстаивает второй вариант интерпретации и на этом основании сопоставляет гагаринскую двойную статуэтку с Сунгирским парным погребением детей (Тарасов 1979: 136–137). С нашей точки зрения, без дополнительной информации такой вариант интерпретации нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

М. Д. Гвоздовер отметила, что «...гагаринские статуэтки иногда менее статичны, чем костёнковско-авдеевские» (Гвоздовер 1985: 46). У статуэтки, найденной С. Н. Замятниным в 1927 году, движение передают поднятые вверх руки, а у статуэтки, найденной в 1962 г. Л. М. Тарасовым («шагающая» или «танцующая») — положением ног и всего корпуса (рис. 80). Впрочем, и так называемая статичность типично костёнковско-авдеевских статуэток отнюдь не бесспорна (Бибииков 1981).

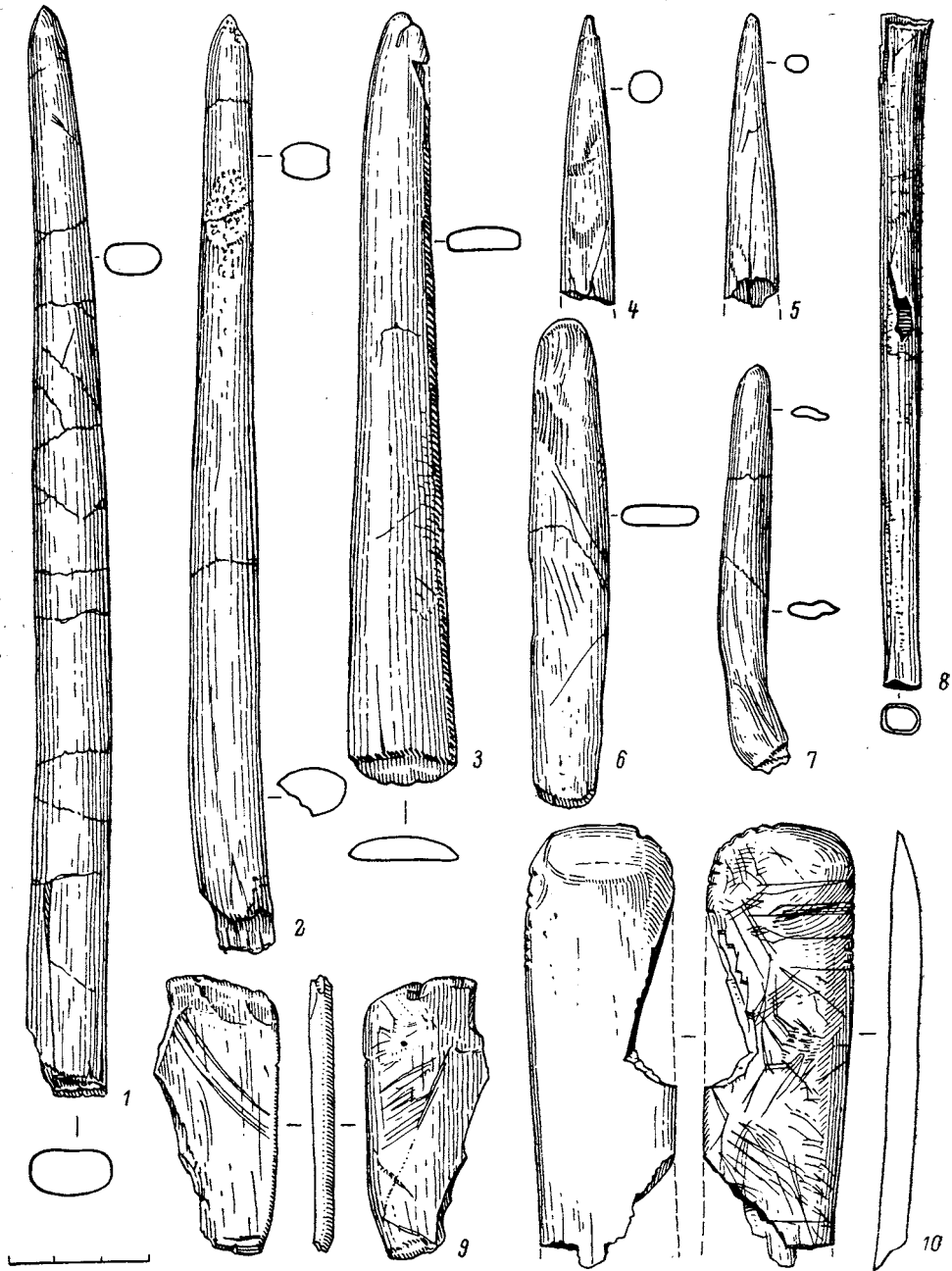

Рис. 76. Гагарино. Изделия из кости: 1-5 — наконечники; 6,7 — лоцила; 8 — «манок»; 9, 10 — лопаточки (по: Тарасов 1979: 110)

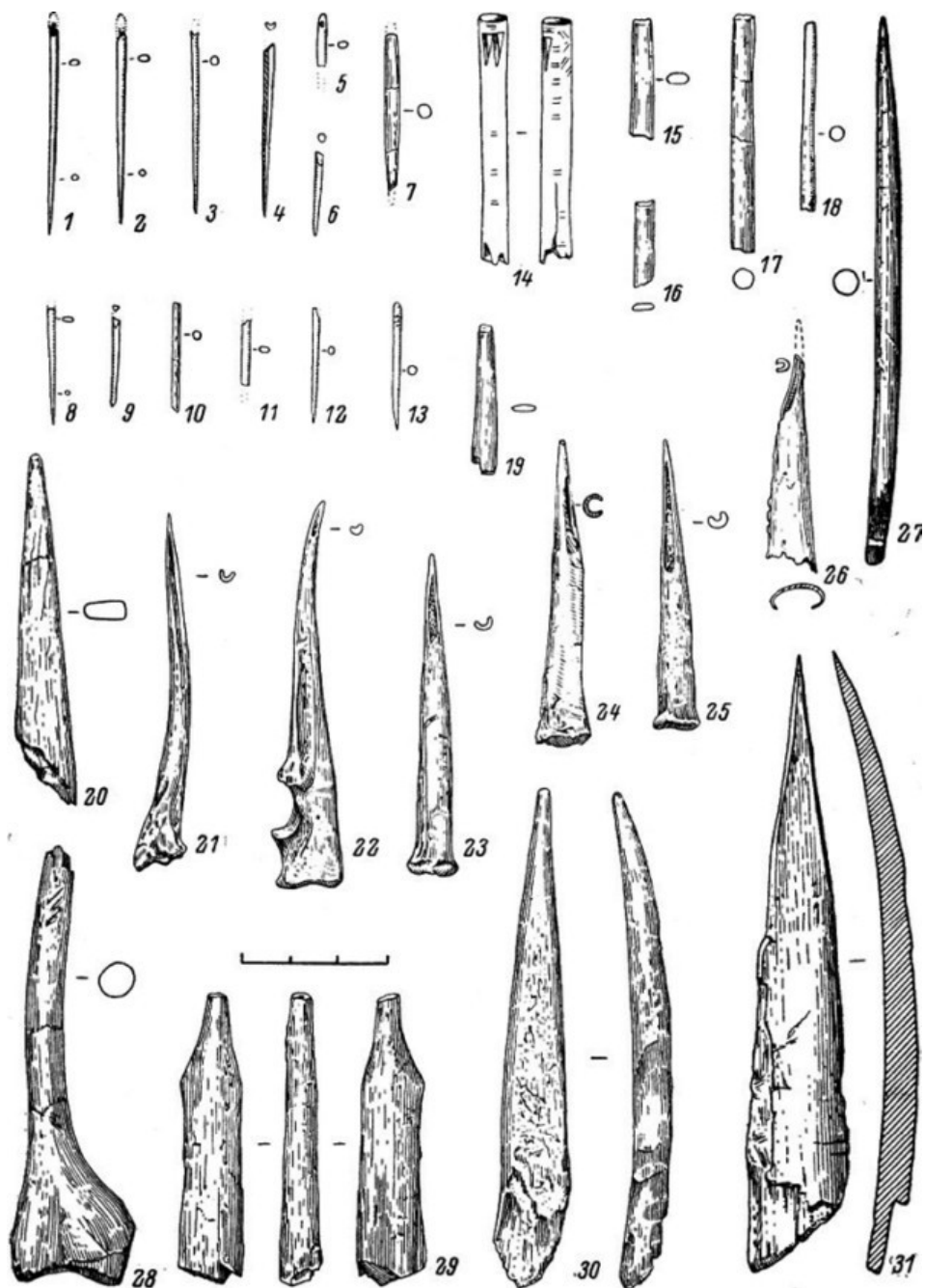

Рис. 77. Гагарино. Костяной инвентарь: 1–13 — иглы; 14 — игольник; 15–18 — стерженьки; 19 — острие; 20–26, 28–31 — шилья; 27 — наконечник (по: Тарасов 1979: 112)

Рис. 78. Гагарино. Украшения: 1 — ожерелье из клыков песца;
2, 3 — подвески из бивня мамонта
(по: Тарасов 1979: 119, 120)

Следует также упомянуть плохо сохранившийся стержень из бивня мамонта с приостренным концом и округлым навершием. Вне зависимости от того, следует ли причислять такого рода изделия к символическим антропоморфным изображениям или нет, этот стержень имеет явные типологические аналогии в Костёнках 1/1.

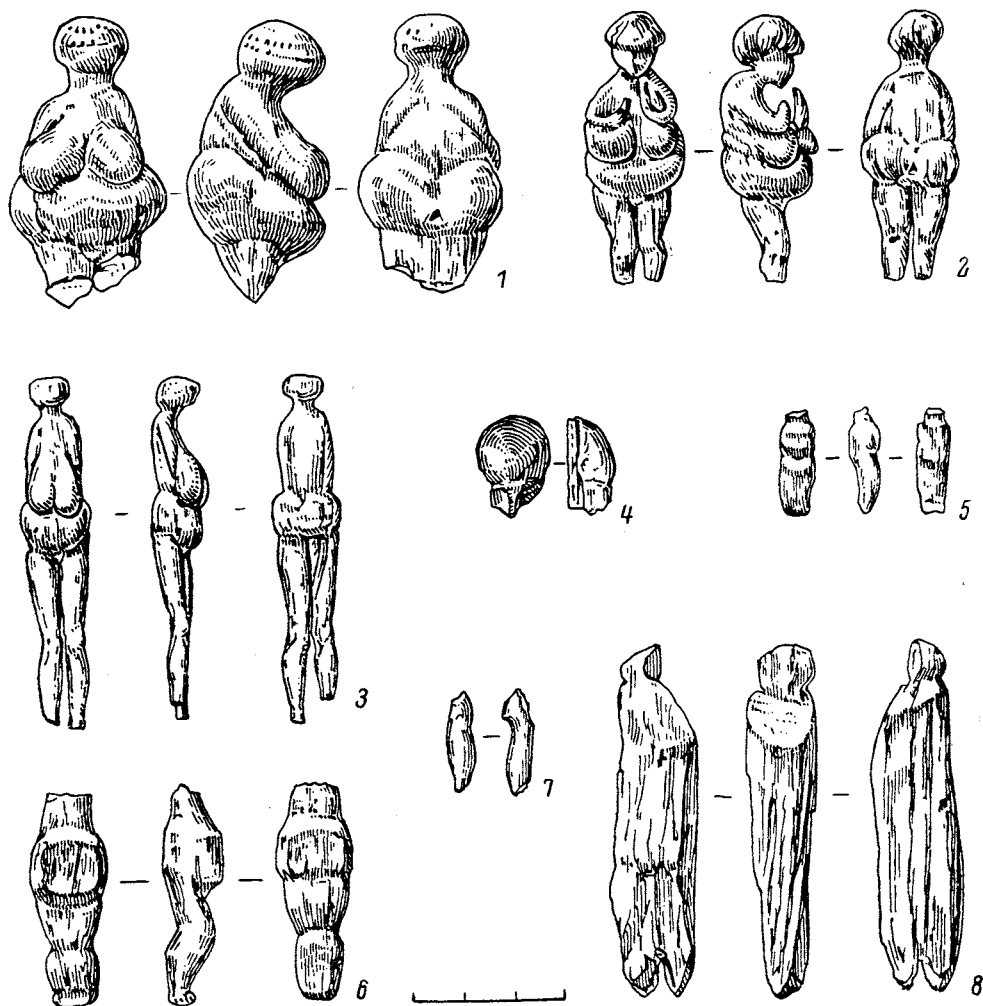

Рис. 79. Гагарино. Статуэтки: 1–3 — целые; 4, 5, 6, 8 — фрагментированные; 4, 7 — обломки (по: Тарасов 1979: 126)

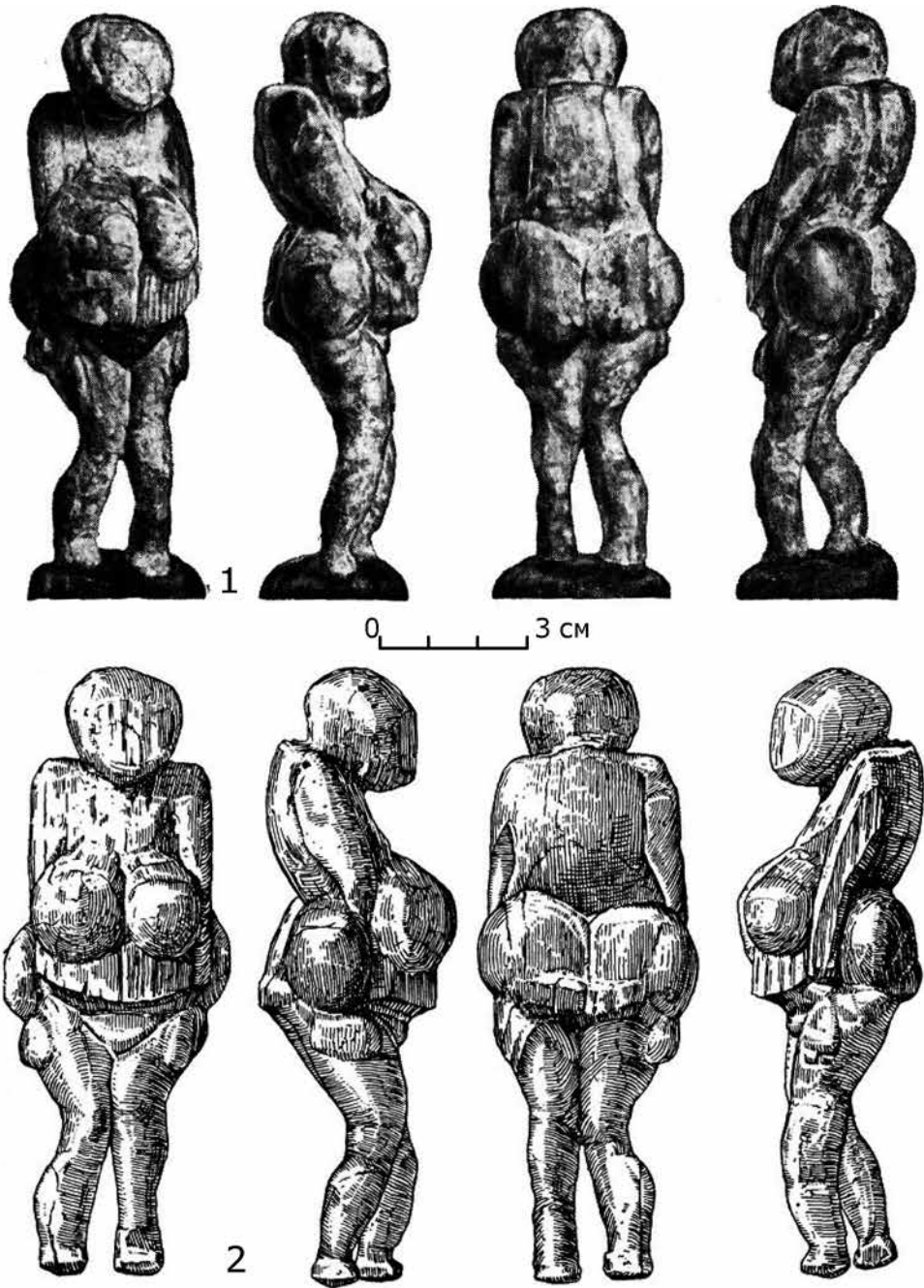

Рис. 80. Гагарино. Статуэтка IV из раскопок 1964 г. 1 — фотография, 2 — прорисовка (по: Тарасов 1979: 128)

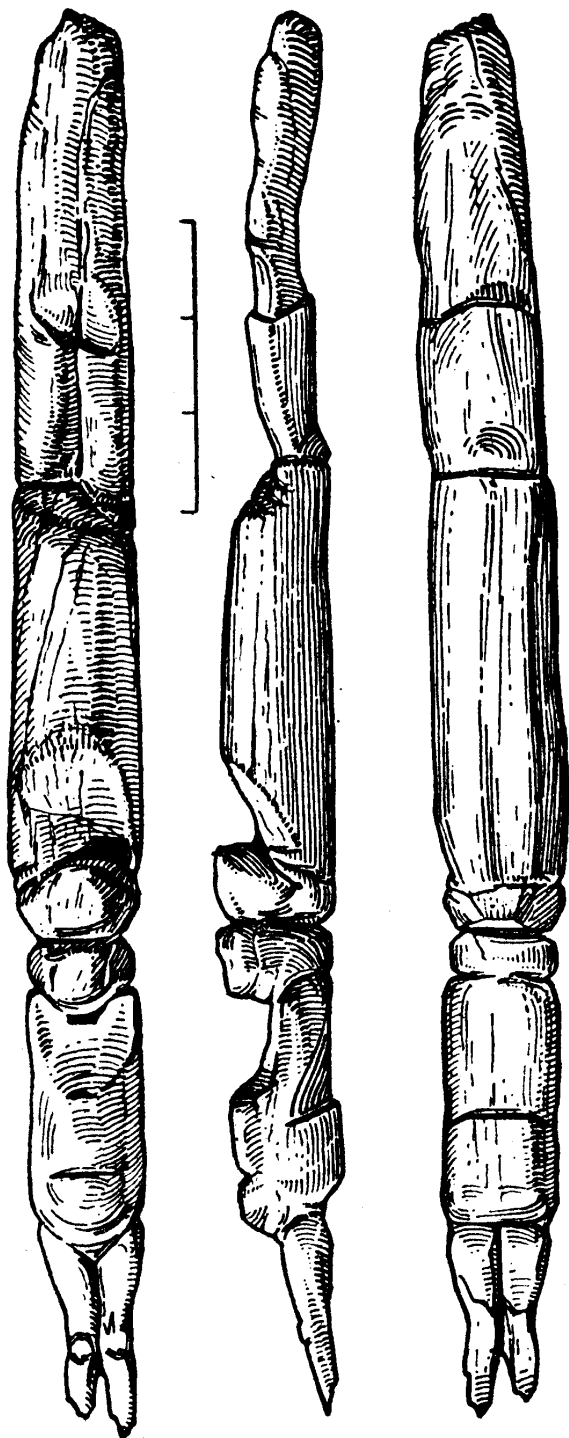

Рис. 81. Гагарино. Двойная статуэтка из раскопок 1968 г. (по: Тарасов 1979: 134)

Глава 8

Судьбы павловско-хотылёвской и виллендорфско-костёнковской археологических культур на Русской равнине

На основании приведенного краткого обзора материалов Хотылёво 2 и Гагарино можно сделать целый ряд выводов. Во-первых, каменные индустрии этих стоянок хотя и не тождественны, но все же достаточно близки друг к другу по основным показателям. Они, без сомнения, уже без всяких оговорок относятся к граветтоидному технокомплексу; близки они и по процентным соотношениям основных технико-морфологических групп орудий. Наиболее характерные для виллендорфско-костёнковской АК наконечники с боковой выемкой и ножи костёнковского типа представлены в Хотылёво 2 и Гагарино очень небольшими сериями; «типологическое лицо» этих индустрий характеризуется в первую очередь различными формами пластинок и острий с притупленным краем. При этом в Хотылёво 2 и Гагарино фиксируется особый тип статуэток, отсутствующий в памятниках виллендорфско-костёнковской АК (тип IV по М. Д. Гвоздовер).

На основании того, что мы знаем о структурах гагаринского и хотылёвского поселений, можно сделать вывод: они также не тождественны, однако явно ближе друг к другу, нежели к «классической» структуре поселения виллендорфско-костёнковской АК. Вместе с тем и в Хотылёво 2, и в Гагарино прослеживаются параллели с целым рядом специфических черт, характерных для виллендорфско-костёнковской АК. А именно:

- 1) в Хотылёво 2 и в Гагарино, хотя и в небольшом количестве, но все же присутствуют наконечники с боковой выемкой и ножи костёнковского типа;
- 2) и в Хотылёво 2, и в Гагарино присутствуют женские статуэтки как таковые; при этом в Гагарино наряду со статуэтками типа IV наличествуют статуэтки типа I по М. Д. Гвоздовер (костёнковский тип); как уже было сказано выше, этот тип характерен для Костёнок 1/1 и Авдеево;
- 3) и в Хотылёво 2, и в Гагарино присутствуют подвески из клыков пещца с прорезанными (не просверленными) отверстиями, характерные для восточноевропейских памятников виллендорфско-костёнковской АК;

- 4) и в Хотылёво 2, и в Гагарино присутствуют выполненные из бивня имитации костей других животных. Подобного рода изделия известны в Зарайской стоянке и Авдеево;
- 5) в Хотылёво 2 присутствуют такие специфические для виллендорфско-костёнковской АК формы, как лопаточки с головчатым навершием и фибулы «верблюжья ножка». При этом хотылёвские изделия обладают некоторой спецификой: они не являются точными копиями костёнковско-авдеевских, оставаясь тем не менее их ближайшими аналогами;
- 6) хотылёвский орнамент хотя и обладает своей спецификой, но, тем не менее, состоит из элементов, характерных для орнамента стоянок виллендорфско-костёнковской АК;
- 7) в планиграфии Гагаринского поселения наблюдаются структурные элементы, характерные для Костёнок 1/1, Авдеево и двух нижних слоев Зарайской стоянки: восьмеркообразные ямы. С другой стороны, насколько можно судить по раскопанному участку, второй сверху культурный слой Зарайской стоянки по своим структурным характеристикам (округлая западина с очагом в центре, небольшие очажки) обнаруживает близость к Хотылёво 2 и Гагарино;
- 8) в Гагарино найдено изделие из крупной трубчатой птичьей кости («манок», «музыкальный инструмент типа флейты»), имеющее прямые аналоги в Костёнках 1/1 и Авдеево.

Таким образом мы видим, что Хотылёво 2 и Гагарино по целому ряду специфических характеристик находят прямые аналогии в Зарайской стоянке, Костёнках 1/1 и Авдеево. Причем зачастую такого рода аналогии в Хотылёво 2 и в Гагарино различны. При этом по кремневому инвентарю, специфическому типу (IV) женских статуэток и отчасти по планиграфии Хотылёво 2 и Гагарино явно ближе друг другу, нежели к «классическим» памятникам костёнковско-авдеевского типа. На наш взгляд, этого достаточно для отнесения их к особой гагаринско-хотылёвской АК. Упомянутые параллели с классическими памятниками костёнковско-авдеевской (виллендорфско-костёнковской) АК говорят о том, что эти культуры существовали в теснейшем симбиозе, хотя, возможно, имели различные генетические корни.

Такая же ситуация имела место и в Центральной Европе (виллендорфская и павловская АК). Это, в свою очередь, позволяет говорить о существовании в Центральной и Восточной Европе двух тесно взаимосвязанных культурных традиций: виллендорфско-костёнковской (костёнковско-авдеевской) АК и павловско-хотылёвской (гагаринско-хотылёвской) АК. Прослеживающиеся между ними параллели настолько специфичны, что позволяют говорить не о влиянии, а именно о тесном культурно-историческом симбиозе. Последнее обстоятельство оправдывает введение понятия «культурное единство», предложенное Г. П. Григорьевым еще в 1960-х гг. (Григорьев 1968; 1989).

Выше мы уже затрагивали в общих чертах проблему «павловьена» в связи с проблематикой виллендорфско-костёнковской АК. Вернемся еще раз к трактовке, предлагаемой К. Н. Гавриловым. С одной стороны, он признает, что хотылёвская кремневая индустрия действительно ближе к индустриям «павловьена»,

нежели к виллендорфско-костёнковским: «...своеобразие хотылёвского комплекса проявляется в оригинальном сочетании приемов вторичной обработки и типов орудий, более характерных для павловьена, чем для костёнковско-авдеевской культуры» (Гаврилов 2004: 283; 2008: 77). В то же время он отрицает возможность отнесения Хотылёво 2 к павловской культуре (как, впрочем, и саму павловскую культуру): «Однако отнесение Хотылёво 2 к павловьену... не отвечает исчерпывающим образом на вопрос о культурной принадлежности этого памятника» (Там же). При этом К. Н. Гаврилов опирается на рассмотренные им самым скрупулезным образом индивидуальные, специфические черты каменного и костяного инвентаря Хотылёво 2 и других стоянок. Конечные выводы его весьма неожиданны. Непонятно, что имеет в виду автор, когда пишет о «степени типологического сходства» и «таксономическом ранге»? Если встать на предлагаемый им путь, нетрудно будет доказать, что и памятники костёнковско-авдеевского типа не так уж близки друг к другу. Спецификой и в планиграфии («структуре»), и в наборе инвентаря отличаются не только самые близкие в культурном отношении памятники — Костёнки 1/1 и Авдеево, — но и разные жилые комплексы Костёнок 1/1. Еще более специфичны структурные и типологические характеристики двух верхних культурных слоев Зарайской стоянки, не говоря уже о памятниках виллендорфской АК в Центральной Европе.

Наша трактовка понятия «археологическая культура» (АК) (Аникович 1989; [2005]) направлена именно на то, чтобы *объединять и группировать* памятники, не тождественные друг другу, но проявляющие единство культурных традиций в целом ряде специфических характеристик. В то же время наши методические разработки понятия АК призваны *не допускать смешения всего со всем* на основании отдельных сходных признаков. При таком взгляде наибольшим сходством между собой обладают стоянки Костёнки 1/1, Авдеево, Зарайск (два нижних культурных слоя). Эта группа памятников достаточно узка как в пространственном, так и в хронологическом отношении, но входит при этом в более широкую группировку, именуемую виллендорфско-костёнковской АК. В сущности, речь идет о локальной костёнковско-авдеевской группе данной АК.

К. Н. Гаврилов убежден, что «...Решение проблемы культурной принадлежности Хотылёво 2 невозможно для исследователя без ответа на вопрос, а что же такое представляет собой восточный граветт как историческое явление...» (Гаврилов 2008: 78). Сходного мнения придерживается и Е. В. Булочникова, совершенно справедливо заметившая: «О восточном граветьене много говорят и пишут в последнее время. Однако понимание того, что стоит за этим термином, остается туманным и противоречивым...» (Булочникова 1998а: 67). Тем не менее в своих собственных работах она стремится преодолеть эти противоречия и определить термин «восточный граветт» на уровне понятия, едва ли не важнейшего для СВП Восточной Европы (Булочникова 1997; 1998б). В этом отношении она следует по стопам своего учителя Г. П. Григорьева (Григорьев 1997). Заметим однако: уже год спустя после выхода в свет тезисов 1997 г., публикуя развернутую статью под тем же заглавием («Отношение восточного граветьена к Западу»), Г. П. Григорьев ни разу не употребил термина «восточный граветьен» (Григорьев 1998).

Можно констатировать, что на сегодняшний день все попытки определить термин «восточный граветт» на понятийном уровне успехом не увенчались. На наш взгляд, это неслучайно. В данном вопросе мы вполне солидарны с Х. А. Амирхановым: «Само понятие «восточный граветт», главное, и, может быть, единственное достоинство которого заключается в его краткости, остается, согласно выражению С. Н. Замятина, наименованием, заменяющим объяснение...» (Амирханов 2000: 216). В своей работе конца 1990-х годов я пришел к аналогичному выводу: «...нет никакой необходимости пытаться определить эти термины на понятийном уровне: *специфика* восточноевропейских индустрий, содержащих острия и пластины с притупленным краем (в том числе и комплексов виллендорфско-костёнковского типа) по отношению к западноевропейским прекрасно выражается через понятие «археологическая культура», а их известное *сходство* — через понятие «технокомплекс»...» (Аникович 1998: 64).

Сейчас мы вполне убеждены в том, что термин «восточный граветт» имеет не реально историческое, а исключительно историографическое содержание, в настоящее время вполне устаревшее. Нетрудно заметить, что при рассмотрении проблемы виллендорфско-костёнковской и павловско-хотылёвской АК мы прекрасно обошлись без этого термина.

Что касается проблемы существования виллендорфско-костёнковской АК² на Русской равнине, то еще недавно она решалась сравнительно просто: эту культуру характеризовали преимущественно три памятника — Костёнки 1/1, Авдеево и Гагарино. К ним присовокуплялись в целом малоинформативные материалы Бердыжа.

Общепринятая в среде археологов методика отбора «правильных» радиоуглеродных дат³ приводила к выводу, что указанная культура просуществовала на территории Восточной Европы в течение короткого промежутка времени: ~23–21 тыс. л. н. (причем подразумевалось, что реальное время ее функционирования еще короче). За это время она значительно изменила свой облик, что и отразилось в материалах самой «молодой» Гагаринской стоянки. Потом культура внезапно и бесследно исчезла.

Материалы Хотылёво 2 и Зарайской стоянки, при различной их трактовке (однокультурность? культурное влияние?), в общем вписывались в ту же схему. Напомним ещё раз: некоторые исследователи придерживаются ее до сих пор: «Как полагают теперь исследователи костёнковской культуры и восточного граветьена, костёнковская культура существовала непродолжительное время — около 22–21000 лет от наших дней» (Григорьев, Булочникова 2004: 329).

Однако на самом деле результаты полевых работ на Зарайской стоянке и Хотылёво 2, вкупе с переосмыслением данных по Костёнкам 1/1, Авдеево и Гагарино, привели к тому, что число приверженцев этой точки зрения резко сократилось. Как мы постарались показать выше, проблема трактуется в наши дни совершенно по-иному.

² Чаще использовался термин «костёнковско-авдеевская культура».

³ В основе такого отбора лежала исключительно интуиция; предпочтение, как правило, отдавалось наиболее древним датам.

К костёнковско-авдеевской группе виллендорфско-костёнковской АК относятся на Среднем Дону материалы стоянок Костёнки 1/1; 13; 14/1; 18; в бассейне Десны — Авдеевская стоянка; на Соже — Бердыж, а в бассейне Оки — фактически четырехслойная Зарайская стоянка⁴. Таким образом, границы распространения этой культурной традиции на территории Восточной Европы значительно продвинулись на север.

Еще более важным явился апробированный на материалах Зарайской стоянки новаторский подход к хроностратиграфическим исследованиям памятников такого рода. Было убедительно доказано, что у археологов нет никаких объективных оснований рассматривать всю толщу сложно построенных отложений, включающих остатки человеческой деятельности, как единый культурный слой, и на этом основании априорно отбрасывать так называемые молодые радиоуглеродные даты. Отсутствие или слабая выраженность стерильных прослоек между разными горизонтами обитания, скорее всего, объясняются климатическими условиями существования виллендорфско-костёнковской АК на Русской равнине. За незначительным потеплением, пришедшимся на период около 22–21 тыс. л. н. (отложение «гмелинской почвы» в Костёнках), наступил «пик холода» 20–18 тыс. л. н. Условия опустыненной степи и тундры не способствовали накоплению новых отложений на поселениях, временно оставленных людьми. Поэтому разновременные однокультурные слои оказались предельно «спрессованы». Требуется поистине ювелирный анализ как археологических остатков, так и геоморфологических условий их залегания, чтобы разделить эти горизонты. Эта задача блестяще решена Х. А. Амирхановым на Зарайской стоянке.

Отказ от избирательного подхода к ¹⁴C датам позволил сделать вывод, что виллендорфско-костёнковская АК существовала на Русской равнине в пределах от 23–22 тыс. л. н. до 19–16 тыс. л. н. В течение указанного периода данная культура весьма существенно меняла характер структуры поселений, но при этом оставалась стабильной в том, что касается технологических и типологических характеристик кремневого инвентаря. Анализ археологических материалов подтверждает, что указанные характеристики оказывались наиболее консервативными. Насколько можно судить по имеющимся данным, в Зарайске во всех четырех культурных слоях (или «горизонтах обитания» — это, в сущности, неважно) они не претерпели существенных изменений, тогда как структурные характеристики поселения, прослеженные во втором сверху горизонте обитания, уже существенно отличаются от типично костёнковско-авдеевских особенностей планиграфии двух нижних горизонтов. Отметим также, что наиболее яркие параллели с Костёнками 1/1 и особенно с Авдеевской стоянкой, прослеженные в костяном инвентаре, украшениях и произведениях искусства, характерны именно для двух нижних горизонтов обитания Зарайской стоянки.

Итак, действительно, наиболее яркое костёнковско-авдеевское ядро этих традиций, отличающееся близкими специфическими характеристиками

⁴ Х. А. Амирханов стратиграфически расчленяет материалы этого памятника на два основных культурных слоя и четыре «горизонта обитания». Мы полагаем, что есть все основания трактовать последние как самостоятельные культурные слои.

кремнёвого и костяного инвентаря, украшений, произведениями искусства, структурными особенностями поселений, прослеживается до климатического минимума: в период 23–21 тыс. л. н. в Костёнках 1/1, Авдеево и двух нижних горизонтах Зарайской стоянки. Тем не менее можно считать доказанным, что на территории Восточной Европы виллендорфско-костёнковские культурные традиции отнюдь не обрываются внезапно и бесследно. Видоизменяясь, они переживают климатический минимум (20–18 тыс. л. н.) и продолжают существовать в позднеледниковье.

По мнению Х. А. Амирханова, «длинная хронология» виллендорфско-костёнковских традиций в Поочье может быть прослежена на протяжении всего финального палеолита. В своих построениях он опирается на детально проанализированные Е. Ю. Гирей и Б. Брэдли (Girya, Bradley 1998) специфические особенности техники скалывания широких пластин как основного вида заготовки, применяемые в индустриях виллендорфско-костёнковской АК, в частности, на Зарайской стоянке (Амирханов 2002; 2004). В этом отношении Зарайскую технологию «наследуют» более молодые индустрии Трегубово и Колтово 7. Эти же традиции связывают данные индустрии с раннемезолитическими индустриями иеневской культуры. «Все отмеченное выше представляется достаточным для заключения о том, что в Среднем Поочье наблюдается преемственность восточнограветтской технологической традиции от Зарайска через Трегубово и Колтово 7 к раннемезолитическим материалам Умрышенки 3 и других синхронных с ними раннемезолитических иеневских памятников» (Амирханов 2004: 16).

Заметим, что речь идет не о существовании виллендорфско-костёнковской АК вплоть до мезолита, а об её культурной трансформации с сохранением наиболее консервативного элемента: техники скола.

Материалы Хотылёво 2 и Гагарино не свидетельствуют о «культурном влиянии» или «развитии виллендорфско-костёнковских культурных традиций во времени». Это иная АК, уходящая своими корнями в павловьен, но существовавшая от начала и до конца в теснейшем культурном симбиозе с виллендорфско-костёнковской АК. Вполне правомерны поиски продолжения хотылёвско-гагаринских традиций во времени. В этой связи А. Н. Сорокиным была высказана идея о развитии хотылёвско-гагаринской традиции населением рессетинской культуры (Сорокин 2008: 116).

Аргументацию А. Н. Сорокина оспаривает Х. А. Амирханов: «...можно указать на попытку обоснования генетической связи рессетинской культуры с индустрией Хотылёво-Гагарино на основе такого выразительного типа, как накопчик с боковой выемкой [Сорокин 1990: 84–86]. Однако реализация данного подхода на практике оказывается уязвимой как теоретически, так и с точки зрения конкретного типологического анализа. Общее сходство морфологии изделий в памятниках разных эпох и разных территорий вне общего контекста индустрии не выглядит достаточным основанием для заключений о наличии культурной и, тем более, генетической связи между сравниваемыми памятниками. В таких случаях существует опасность принять похожее внешне за тождественное по сути...» (Амирханов 2004: 6).

Со своей стороны заметим: поднятая проблема находится в самой начальной стадии исследования — как в методологическом, так и в конкретно-историческом аспектах. Тем не менее можно предположить: пришедшие из Центральной Европы и закрепившиеся в центре Русской равнины виллендорфско-павловско-костёнковские культурные традиции не исчезли вдруг и бесследно, но трансформировались, породив на данной территории новое социокультурное явление. Наиболее консервативным элементом в процессе этой трансформации явилась техника скола.

ЧАСТЬ II

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Глава 9

Культурная дифференциация и периодизация граветта Костёнковско-Борщёвского района на Дону¹

С. Н. Лисицын

9.1. Проблема граветта в работах М. В. Аниковича

Среди научных интересов Михаила Васильевича Аниковича граветтийская проблематика занимала почетное второе место после темы культуригенеза в раннем верхнем палеолите. Еще в составе Костёнковской экспедиции А. Н. Рогачёва, будучи горячо заинтересованным в исследованиях нижнего стрелецкого культурного слоя Костёнок 1, он много времени провел на раскопках верхнего, граветтийского слоя этой уникальной стоянки. В результате консервации последнего доступ к нижележащим слоям стоянки оказался ограничен. Спустя многие годы М.В. Аникович вернулся на этот памятник для исследования древнейших слоев на новом участке. Он сохранил нетронутым второй жилой комплекс эпохи граветта, хотя это серьезно затрудняло корреляцию основных разрезов. Бережное отношение к археологическому наследию и работам предшественников, а также новые открытия, сделанные в плодотворном сотрудничестве

¹ Глава подготовлена в рамках реализации ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде», а также при поддержке РФФИ, проект № 18-00-00837 КОМФИ «Культурная география верхнего палеолита центральных районов Русской равнины: восточный граветт и эпиграветт».

с Костёнковским музеем-заповедником, позволили М. В. Аниковичу подготовить коллективную монографию «Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы» (Аникович и др. 2008). Монография носила концептуальный характер и стала первым крупным обобщением костёнковского палеолита после вышедшей почти за 30 лет до того публикации материалов (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982). Значительная часть этого труда касается проблематики граветта в целом и восточного граветта в частности.

Различным аспектам изучения средней поры верхнего палеолита посвящено и большое число публикаций М.В. Аниковича разных лет (Аникович 1992; 1994; 1998; 2005; 2013; Аникович и др. 2010; 2011). Несомненным достижением можно считать то, что обсуждение граветтийского феномена в технико-типологическом контексте («граветтоидный технокомплекс»), так же, как в историческом («ранний этап Днепро-Донской ИКО охотников на мамонтов»), было поставлено М.В. Аниковичем на принципиально новую аналитическую основу. Пожалуй, без учета вопросов, впервые поставленных и подробно рассмотренных именно в его работах, сегодня нельзя представить себе ни одно серьезное исследование, посвященное граветту Русской равнины.

9.2. Граветтийская проблема сегодня: вводные замечания

Памятники граветта в Костёнковско-Борщёвском районе на Дону (далее КБР) с их разнообразием типологического набора каменного и костяного инвентаря, самобытными примерами домостроительства, а также предметами мобильного искусства по праву считаются классикой верхнего палеолита Восточной Европы (рис. 82). Исследования граветтийской проблематики в историко-культурном и археологическом ключе долгое время были преимущественно сконцентрированы на интерпретации феномена памятников костёнковско-авдеевского типа, что выразилось в появлении терминов: «виллендорфско-костёнковское единство», «костёнковская культура», «восточный граветт» или «восточный граветьен», обозначающих, по сути, одно и то же явление. Костёнковско-авдеевские памятники, благодаря широкому распространению от бассейна Дуная до Оки, богатству археологических материалов, составили стержень концепции культурного единства населения Центральной и Восточной Европы, сложившегося на граветтийской основе в среднюю пору верхнего палеолита. Емкая формулировка для характеристики эпохи — «граветтийский эпизод» — была предложена Г. П. Григорьевым (Григорьев 1994) и благосклонно воспринята большинством отечественных палеолитоведов.

О появлении на Русской равнине восточного граветта среди большинства исследователей сейчас практически не осталось разногласий — так называемый граветтийский эпизод ассоциируется с миграцией группы населения из Центральной Европы (виллендорфско-костёнковский феномен *sensu stricto*). При этом дискуссия о статусе этой археологической культуры или общности, которая территориально охватывала современные территории Австрии (Виллендорф 2/IX),

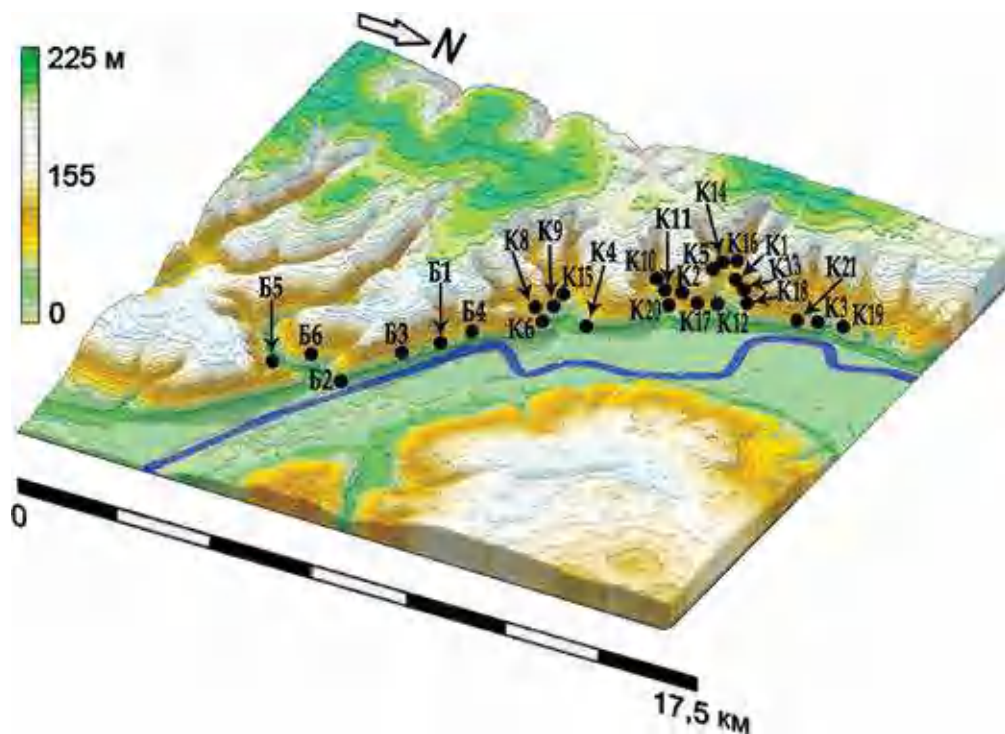

Рис. 82. Расположение памятников эпохи граветта в группе верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района (обозначены стрелками). Картографическая модель выполнена М.В. Маруниным

Моравии (Петржковице), Южной Польши (Краков-Спадзиста), бассейна Днепра (Бердыж, Авдеево) и Дона (Костёнки 1/1, 13, 14/1, 18 и др.), а также бассейна Оки (Зарайск), так и не привела к выработке однозначного решения о хронологической последовательности заселения разных территорий или варибельности внутри самой культурной общности. По поводу трактовки внешних археологических связей и динамики всей совокупности граветтийской общности имеется еще большее разнообразие мнений (Булочникова 1998). Например, среди относительно синхронных памятников накануне ледникового максимума на Русской равнине известны комплексы, относящиеся к граветтийскому технокомплексу, но не принадлежащие собственно к «восточному граветту» в узком смысле. Таковыми из числа датированных могут считаться, например, Молодова 5/VII на Днестре, Хотылёво 2 и Пушкари 1 на Десне, Гагарино на Дону, ряд многослойных стоянок с граветтийскими слоями в Костёнках: Костёнки 4, Костёнки 8 и 9, Костёнки 11 и Костёнки 21. В последние годы на Русской равнине открыты новые граветтийские памятники, также не вписывающиеся в виллендорфско-костёнковскую индустрию, такие как Борщёво 5, Трояново 4, Озерово и др. (Лисицын 2004; Залізняк и др. 2007; Залізняк, Ветров 2011). Культурно-хронологическая позиция таких памятников не вполне ясна, и прежде всего

потому, что, в отличие от виллендорфско-костёнковских, они не обладают типологической монолитностью: каждый из комплексов фактически уникален по набору признаков и не имеет полных аналогов ни в каменной, ни в костяной индустрии, не говоря уже об искусстве и домостроительстве.

9.3. Систематизация и вариабельность граветта на Русской равнине

Вопросами культурно-археологической систематизации граветта Русской равнины занимались многие исследователи. Классификацию основных граветтоидных комплексов по степени типологической близости произвел Х. А. Амирханов (1998). На кластерной дендрограмме, построенной им на основании характеристик ведущих типов орудий (наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и ножи костёнковского типа), памятники фактически сгруппировались попарно. Так, Х. А. Амирхановым были выделены костёнковско-авдеевская, хотылёвско-гагаринская, костёнковско-борщёвская и костёнковско-александровская группы памятников. Но среди всех вышеперечисленных лишь собственно костёнковско-авдеевские памятники рассматриваются как монокультурные в общепринятом смысле. Избыточная вариабельность инвентаря остальных граветтоидных комплексов, даже на уровне ведущих типов орудий, долгое время не позволяла строить культурную периодизацию внутри граветтийской общности, от чего в свое время отказался последовательный сторонник выделения локальных культур в палеолите Г. П. Григорьев (Григорьев 1998).

Двухчастную периодизацию граветтийских памятников на Украине безотносительно рассмотрения вопросов культурогенеза предложил Д. Ю. Нужный, разделив восточноевропейский граветт на раннюю (30–26 тыс. л. н.) фазу (Межигирцы, Молодова 5/IX–X, Оселивка 1/III–II, Вороновица 1/II) и позднюю (25–22 тыс. л. н.) фазу (Молодова 5/VIII–VII, Кормань 4/VII–VI, Молодова 1/I, Вороновица 1/VI, и Бабин 1). Украинский исследователь при этом отметил отличия местных комплексов от костёнковских и от Гагарино и их сходство на поздней фазе с павловскими памятниками Моравии и Хотылёво 2 на Десне (Nuzhnyi 2009).

М. В. Аникович в 2000-е гг. модифицировал концепцию восточнограветтийского культурного единства и предположил субпараллельное развитие из одного дунайского корня двух вариантов центральноевропейского граветта на Русской равнине: «виллендорфско-костёнковско-зарайского» и «павловско-хотылёвско-гагаринского» в широких общих хронологических пределах 24–16 тыс. л. н. (Аникович 1998; Аникович и др. 2008: 175). При этом им дополнительно было обосновано сосуществование с костёнковско-авдеевской культурой на Дону родственной ей *аносовско-гмелинской* археологической культуры (Костёнки 11/II, Костёнки 21/III, Костёнки 5/III). К поздним граветтоидным памятникам с выраженными ориньякскими чертами в Костёнках им были также отнесены Костёнки 4/I, Костёнки 9 и Борщёво 5/I. Особняком от остальных комплексов, согласно М. В. Аниковичу, также стоят позднеграветтийский комплекс Костёнки 4/II и раннеграветтийский Костёнки 8/II.

В работе А. А. Сеницына (2013), посвященной граветту Костёнок, была сделана попытка комплексно оценить граветтийскую систематику с точки зрения доминант в каменном инвентаре, искусстве, элементах домостроительства — как сочетаний, определяющих культурную идентификацию. Наиболее граветтийскими по общеевропейским понятиям (дифференцированная по заготовкам индустрия, наличие граветтийских острий и пластинок с притупленным краем) были признаны им стоянки Костёнки 4/II, Костёнки 21/III, Борщёво 5/I. Наименее соответствующим данным критериям оказался комплекс второго культурного слоя Костёнок 11 (Аносовка 2) с остриями, более напоминающими тип федермессер, чем граветт (аносовские острия). За скобки собственно восточного граветта был вынесен А. А. Сеницыным второй слой Костёнок 8 (Тельманская стоянка) — как наиболее ранний комплекс (28–27 тыс. л. н.), имеющий скорее западноевропейский или даже средиземноморский облик. К тому же тельманский комплекс оказался отделен временным hiatusом от остальных памятников в Костёнках, что исключает между ними непосредственную культурную преемственность. В то же время памятники костёнковско-авдеевского круга древностей А. А. Сеницын предложил вовсе исключить из граветта — из-за явного преобладания специфических типов орудий (наконечники с боковой выемкой, ножи костёнковского типа) над общими граветтийскими (Сеницын 2013: 14). Следовательно, по мнению А. А. Сеницына, граветт на Среднем Дону имеет дискретную динамику распространения — сначала в виде единичного факта появления раннего граветта типа Костёнок 8/II и затем как минимум трех местных видов позднего граветта. Следствием такой позиции стало неприятие концепции граветтийского эпизода как объединяющего события культурной истории Центральной и Восточной Европы, т. к. смысловое наполнение последнего, с исключением эпонимных костёнковско-авдеевских комплексов, теряется.

К. Н. Гаврилов в недавней обзорной статье, сравнивая развитие граветта в Восточной и Центральной Европе, проследил некоторые общие черты граветтийских комплексов, которые, как считается, по технико-типологическому облику между собой имеют гораздо больше отличий, чем сходств (Гаврилов 2016). В частности, он отметил близость так называемых игловидных микроострий комплекса Костёнки 8/II к микропластинам с приостренными концами, обработанным плоской вентральной ретушью по краю, противолежащему притупленному, которые зафиксированы в 10-м слое стоянки Молодова V и на некоторых участках стоянки Дольни Вестонице II и в Дольни Вестонице I, а также в раннеграветтийских комплексах Швабской Юры. Кроме того, в инвентаре Костёнок 8/II присутствуют как павловские элементы (асимметричные трапеции), так и типично ориньякские (изделия карене, микролиты-сегменты с изогнутым профилем). На этом основании К. Н. Гаврилов делает вывод, что оторванность костёнковско-тельманской индустрии от массива раннего граветта Восточной и Центральной Европы преувеличена.

Также К. Н. Гаврилов полагает, что для памятников позднего граветта важными объединяющими их признаками являются диагностические элементы костёнковско-авдеевской культуры. Например, даже в граветтийском комплексе —

Борщёво 5/1, специфика которого была изначально определена как раз через отсутствие таковых (Лисицын 2011; 2014), к общим восточнограветтийским характеристикам отнесены единичные ножи костёнковского типа и сколы с них, а также некоторые формы микропластин с притупленным краем и вентрально усеченными концами. Наиболее близкие типологические аналогии Костёнкам 1/1 и Авдееву внутри восточного граветта прослеживаются с комплексами Хотылёво 2 и Гагарино. Их дополняет целостность изобразительного ряда женских статуэток, лопаточек с фигурным навершием, бивневых острий-заковок со шляпкой типа «верблюжья ножка», орнаментальных мотивов и т. п. Единство разнокультурных памятников, при очевидном инвентарном разнообразии, объясняется К. Н. Гавриловым значительной вариабельностью восточного граветта как сообщества древних охотников, обитавших на Русской равнине. То есть восточный граветт понимается в широком смысле — как весь восточноевропейский граветт. Рассматривая сквозные аналогии граветтийских комплексов, исследователь делает вывод, что можно «допустить возможность формирования восточного граветта на Русской равнине в результате сложных процессов развития культуры автохтонного населения в сочетании с влиянием или взаимными контактами, связанными с культурой/населением Центральной Европы» (Гаврилов 2016: 45)

Таким образом, культурная вариабельность граветта является в настоящее время наиболее сложным вопросом, далеким от разрешения. Граветтийские памятники Костёнковско-Борщёвского района играют первостепенную роль в понимании общеевропейской проблематики эпохи верхнего палеолита вследствие необычайного сочетания их внутреннего культурного разнообразия с концентрированным расположением в пределах локального участка Дона. Причем если памятники костёнковско-авдеевского круга древностей, представленные целой серией стоянок (Костёнки 1/1, 13, 14/1, 18), изучены достаточно подробно, то дифференциация остальных комплексов с граветтийскими чертами по-прежнему остается проблемно-дискуссионной.

9.4. Культурная дифференциация граветта КБР: дискуссия

В целом, безотносительно типологических аналогий в инвентаре, все граветтийские костёнковские памятники обладают сходными чертами, а именно: долговременный характер стоянок со сложным устройством жилых и хозяйственных площадок, отсутствие явных различий в сезонной или функциональной специализации памятников, преобладание высокого качества кремневого сырья из удаленных источников и, наконец, важная роль мамонта как поставщика сырья для хозяйственных и промысловых нужд.

Следует признать, что вышеперечисленные черты являются признаками, свойственными по отдельности, а также в том или ином сочетании большому числу разновременных и разнокультурных палеолитических стоянок Русской равнины в бассейнах рек Днепра, Десны, Оки и Дона. Однако лишь в Костёнковско-Борщёвском районе такие черты проявляются в комплексе и составляют

собственную локальную костёнковскую модель (Синицын 2006). Особая роль мамонта всегда оценивалась как специфическая, отличная от западноевропейского граветта черта, которая во многом определяла и культурную специфику местного палеолита. В частности, последняя стала основой для разработки М. В. Аниковичем концепции Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонтов, хронологически охватывавшей всю вторую половину верхнего палеолита (Аникович, 1998; Аникович и др. 2010). С формальной точки зрения, археологическое единство граветтийских памятников носит синстадиальный характер, обусловленный общностью признаков инвентарного сходства, идентичностью технологической и сырьевой базы, а также, вероятно, типом хозяйственной адаптации к природным условиям в конце среднего валдая — похолоданием накануне наступления ледникового максимума.

Группировка граветта Костёнковско-Борщёвского района по культурным комплексам или археологическим культурам, проводившаяся разными исследователями, включала разные (обычно парные) сочетания комплексов (костёнковско-авдеевская, костёнковско-борщёвская и костёнковско-александровская группы у Х. А. Амирханова, виллендорфско-костёнковская и ановско-гмелинская археологическая культура у М. В. Аниковича, и др.). Тем не менее представление о структуре внутренней организации костёнковского граветта всегда оставалось схематично простым: в качестве содержательного ядра граветтийского эпизода Костёнок рассматривалась костёнковско-авдеевская культура, а остальные комплексы сравнивались с ней по степени культурной близости — признакам сходства/несходства. «Радиальная» схема представлений о взаимоотношениях внутри граветтийской общности в настоящее время не может удовлетворять критериям достаточности объяснения для столь сложного культурного феномена. По-видимому, именно негибкость такой конструкции привела к тому, что для костёнковского граветта, по сути, так и не была разработана периодизация.

В настоящей работе предпринята попытка ревизии граветта в Костёнковско-Борщёвском районе не только с точки зрения классификации по группам, но также в свете появления новых материалов раскопок и новых ¹⁴C датировок, позволяющих переосмыслить прежние материалы. Классификация каменных индустрий граветтийских памятников КБР по культурно обособленным группам и памятникам в целом устоялась, хотя и нуждается в некоторой корректировке. С моей точки зрения, можно выделить пять таких культурных единиц.

9.4.1. Тельманский комплекс (Костёнки 8/II)

Комплекс на сегодняшний день представлен единственным памятником — Костёнки 8, второй культурный слой. Костёнки 8 (Тельманская стоянка) была открыта в 1936 г. А. Н. Рогачёвым и исследовалась в 1937 и 1949–1950 гг. на широкой площади, в результате чего были получены материалы верхнего культурного слоя, который залегал в верхах лессовидного суглинка (Ефименко, Борисковский 1957). Второй культурный слой на памятнике был открыт А. Н. Рогачёвым в 1950 г. (Рогачёв 1957: 47–56) и стал главным объектом исследований в 1958–1959,

1962–1964, 1976 и 1979 гг. (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 92–108). Находки залегали в нижней и средней части верхней гумусированной толщи, которая выделяется своим строением на фоне других многослойных памятников второй террасы в Костёнках — здесь она значительно тоньше и вмещает прослойку ожелезненного суглинка, отощенную карбонатными конкрециями. На раскопанной площади, превышающей 530 м², было локализовано три скопления находок. Два из них имели округлые очертания с очагом в центре, а третье имело вид сильно вытянутого овала с тремя кострищами. Все скопления рассматривались как остатки легких наземных жилищ (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 101).

Кремневый инвентарь второго культурного слоя Костёнок 8 из раскопок А. Н. Рогачёва насчитывает порядка 23 тысяч предметов, согласно подсчетам Л. М. Литовченко (Челидзе), которая и предложила выделить на данных материалах костёнковско-тельманскую археологическую культуру (Челидзе 1968, Литовченко 1969). Недавними работами 2005–2007, 2009 и 2011–2013 гг. Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН и ГАМЗ «Костёнки» изучение второго культурного слоя памятника было продолжено под непосредственным руководством В. В. Попова, А. Ю. Пустовалова и А. Е. Дудина. Сначала шурфовкой, а потом большим раскопом 56 м² ими оказалось изучено еще одно скопление находок с двумя очагами и дополнительно получена коллекция более 4 тыс. предметов (Дудин и др. 2016). Подробное описание материалов в публикациях избавляют нас от необходимости перечислять состав коллекции, позволяя ограничиться спецификой комплекса. Инвентарь отличается чрезвычайно выраженным пластинчатым и даже микролитовидным обликом: практически все изделия с вторичной обработкой выполнены на правильных и тонких пластинах и микропластинах (рис. 83). Среди орудий преобладают острия с притупленным краем, а также резцы всех типов, в том числе многофасеточные, которые могли использоваться как нуклеусы для микропластин. Скребки малочисленны и представлены преимущественно простыми концевыми типами на пластинах, хотя есть несколько кареноидных форм. Обращает на себя внимание доминирование в инвентаре миниатюрных и узких микрограветтов с интенсивно притупленным краем и чуть изогнутым профилем, у которых вентральной ретушью оформлены один или оба ассиметричных конца (игловидные острия). Листовидные острия отсутствуют. Своеобразие комплексу придает наличие геометрических микролитов — 9 трапеций и 14 сегментов, изготовленных на микропластинках. Изделия из кости включают обычный набор: шилья, ложила из ребер и бивня. Украшения представлены цилиндрическими пронизками из мелких полых косточек, украшенных орнаментом из параллельных насечек, а также бивневыми круглыми нашивками с двумя отверстиями и подвесками из бивня различной морфологии.

Аналогии материалам слоя II Костёнок 8 отмечались среди раннего европейского граветта пещерных памятников Пайличчи (23а слой) в Италии, Гайсенклерле (слой Ic) в Германии, Абри Пато (слой 5) во Франции, стоянок Виллендорф 2 (слой 5) в Австрии и Молодова 5 (слои 9–10) на Украине, которые имеют ¹⁴C датировки в пределах 27–31 тыс. л. н. uncal BP (Moreau 2010; 2012; Синицын 2013; Гаврилов 2016). Внутри массива костёнковских памятников

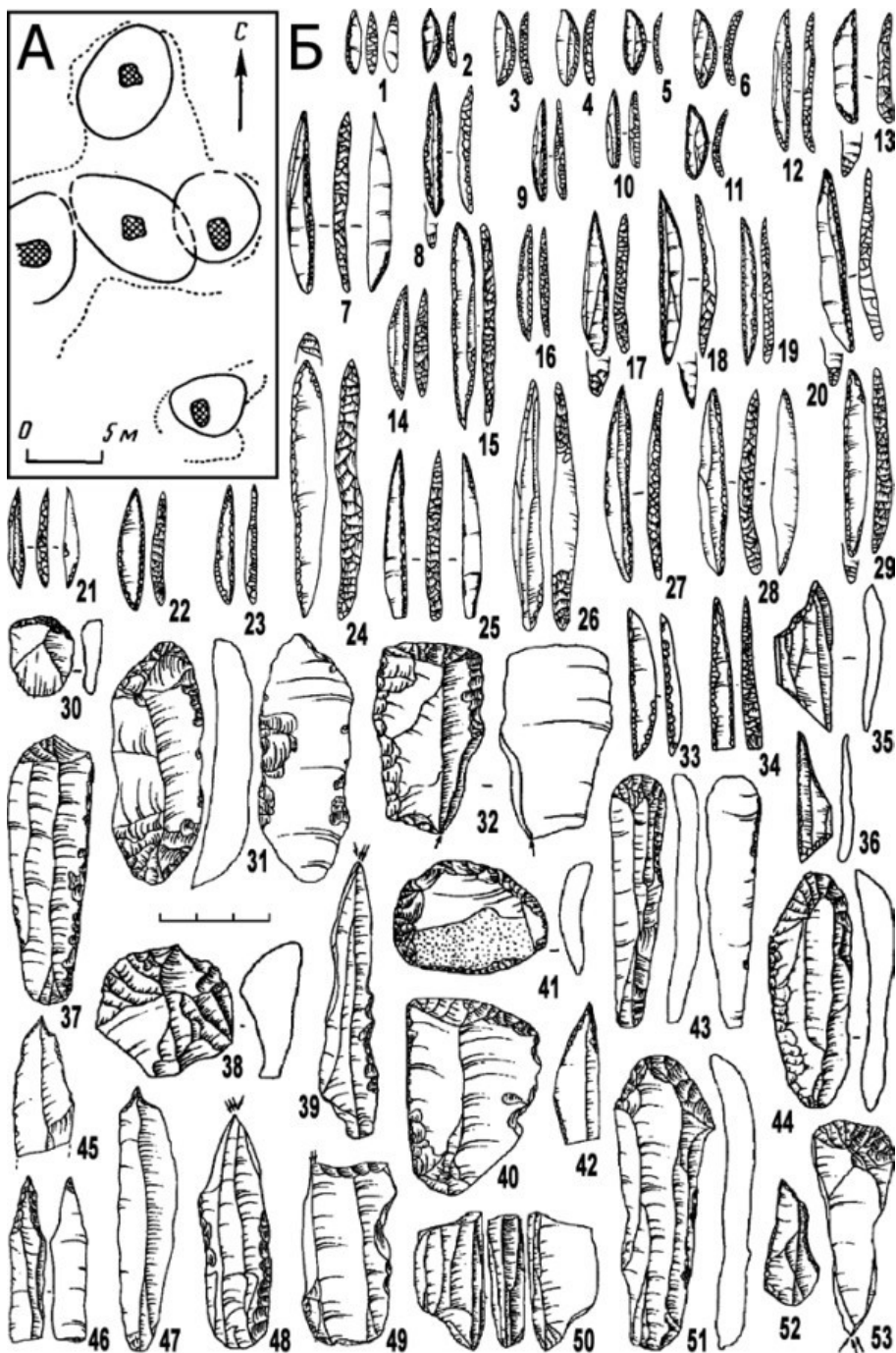

Рис. 83. Тельманский комплекс. Костёнки 8, слой II. А — контуры жилищ (по: Сергин 1988); Б — каменный инвентарь (по: Синицын 2013)

М. В. Аникович был склонен сближать II слой Костёнок 8 с материалами IV слоя Костёнок 11 и с Северным пунктом того же памятника, объединив все материалы в одну граветтоидную археологическую культуру (Аникович и др. 2008: 128). На мой взгляд, имеющихся данных для такой прочной связки, как в стратиграфическом контексте, так и в типологическом, пока недостаточно.

9.4.2. Александровский комплекс (Костёнки 4, Борщёво 5/1, Костёнки 9)

Костёнки 4 (Александровская стоянка)

Двухслойный памятник, оба культурных слоя (горизонта, по А. Н. Рогачёву) которого содержат острия с притупленным краем граветтийского облика. Памятник приурочен к мысу левого борта Александровского лога непосредственно в его устье. Находки залегают на первой террасе в отложениях лессовидного суглинка. Стоянка была открыта С. Н. Замятниным в 1927 г. Далее она исследовалась в 1928 г. П. П. Ефименко, а в 1937–1938 гг., 1953 и 1959 гг. А. Н. Рогачёвым. Общая вскрытая площадь превышает 900 м². А. Н. Рогачёв исследовал остатки поселения, состоявшего из двух (северного и южного) протяженных и расположенных параллельно друг другу жилых объектов с линией очагов по центральной оси (рис. 84: А-Б). К северному объекту примыкали два частично перекрывавших его круглых жилища ~6 м в диаметре с очагом в центре, находки из которых были ассоциированы с верхним культурным горизонтом памятника. Соответственно, находки в обоих длинных жилищах были отнесены к нижнему горизонту. Оба слоя Костёнок 4 с жилищами разных типов по простиранию сливались, и лишь на двух локальных участках раскопа 1938 г. А. Н. Рогачёву удалось стратиграфически проследить их расслоение.

Следует отметить, что разделение инвентаря на два разновременных культурных горизонта было произведено А. Н. Рогачёвым почти полтора десятилетия спустя после завершения масштабных раскопок Костёнок 4, поэтому чистота каждого из них является относительной (рис. 84). Например, это заметно при покатегориальном сопоставлении опубликованных данных. При четырехкратно различающемся статистическом весе коллекций верхнего (14,5 тыс. предметов) и нижнего (~60 тыс. предметов) культурного слоя, бросается в глаза нетипичное для средней поры верхнего палеолита соотношение отдельных категорий орудий. Так, для меньшего по объему инвентаря верхнего слоя Костёнок 4 количество резцов (260 экз.) в полтора раза превышает их количество для нижнего (158 экз.). А число скребков (76 экз.), напротив, уступает (212 экз.) почти в три раза. Все отбойники и терочки (43 экз.), микропластинки и миниатюрные микроострия с притупленным краем и краевой ретушью (404 экз.), а также ядрища на сколах (~179 экз) были отнесены к верхнему слою, а все пластинки и острия на пластинках с притупленным вертикальной ретушью краем (2604 экз.), а также долотовидные орудия (1210 экз.) — к нижнему.

Помимо диспропорций в категориях инвентаря, специфика орудийного набора для верхнего и для нижнего культурного слоя Костёнок 4 определяется отличиями в конкретных типах изделий. Среди микропластинок с притупленным краем к верхнему слою А. Н. Рогачёв отнес микроострия с одним прямо

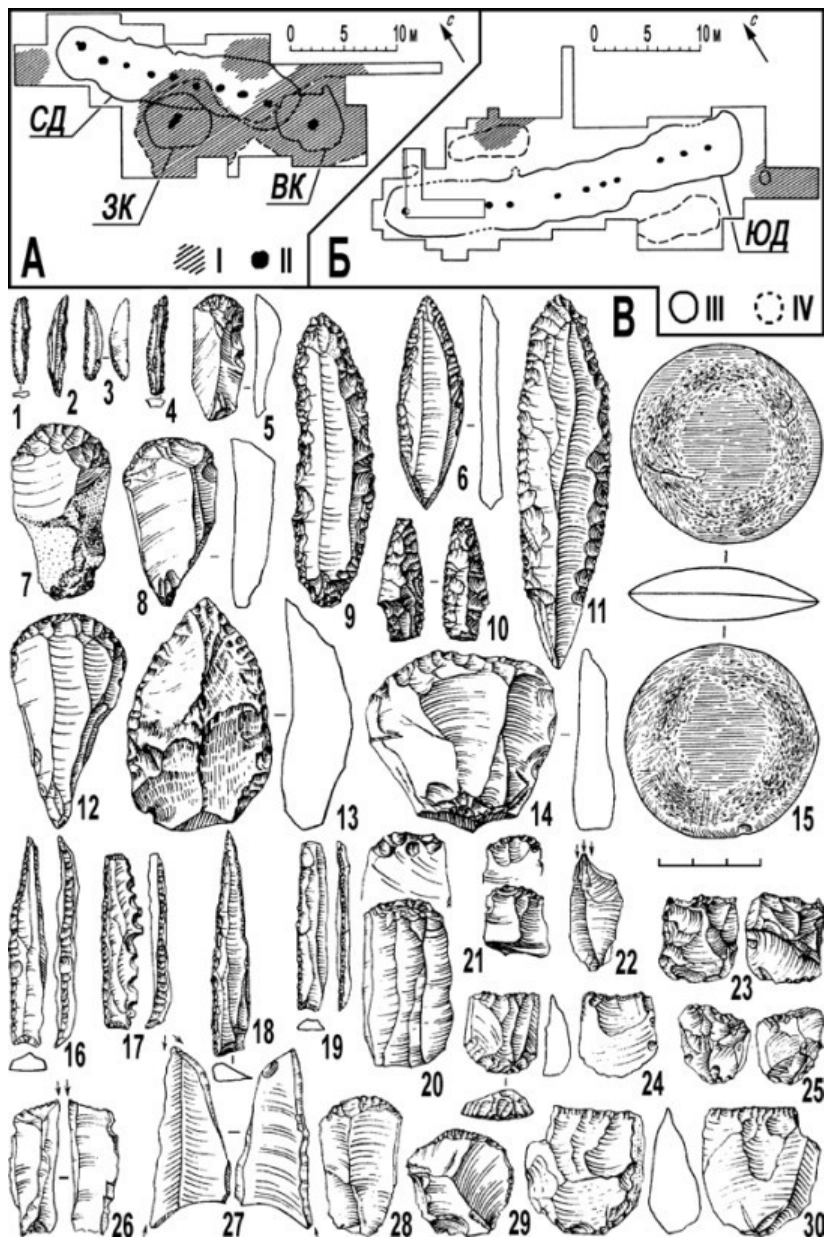

Рис. 84. Александровский комплекс. Костёнки 4. А: СД — северное длинное жилище (культурный слой II), ЗК и ВК — западное и восточное круглые жилища (культурный слой I); Б: ЮД — южное длинное жилище (культурный слой II). I — распространение I культурного слоя; II — очаги; III — контуры жилищ; IV — границы скопления находок. В: каменный инвентарь: 1–15 — культурный слой I; 16–30 — культурный слой II (по: Рогачёв 1955)

притупленным и вторым слегка выпуклым краем, у которых один или оба конца обработаны вентральной ретушью (рис. 84, В: 1–4). Такие изделия он сопоставлял с игловидными остриями из второго культурного слоя Костёнок 8. Ко второму слою Костёнок 4 были отнесены острия граветт, «шиловидные острия» с дорсально ретушированным острым концом и пластинки с притупленным краем, у которых ретушью поперечно тронкированы 1–2 конца. Среди последних выделяется небольшая серия (25 экз.) пластинок «с зубчиками» — с регулярной крупнофасеточной зубчатой ретушью края, противоположного притупленному (рис. 84, В: 16–19). Очевидно, что категория изделий с притупленным краем отчетливо разделяется по двум разным культурным слоям в соответствии с размерами заготовок (микропластины и пластинки) и приемам оформления концов (двусторонняя и дорсальная ретушь).

В серии листовидных острий верхнего слоя (191 экз.), обработанных контурной краевой ретушью, особое место А. Н. Рогачёвым отводилось изделиям, у которых насад оформлен в виде двугранного резца («александровские острия»). Два из них были трасологически определены С. А. Семёновым как строгальные ножи (Семёнов 1957: 135). М. Н. Желтова, подробно изучившая эту категорию, отметила, что, с исключением обломков и слабо диагностических фрагментов, к классическим остриям этого типа можно отнести не более десятка предметов. Причем все они морфологически неоднородны и полифункциональны (строгальные ножи, наконечники дротиков, ножи по мясу, резцы). Несмотря на то, что все многочисленные обломки и даже мелкие фрагменты подобных орудий отнесены исключительно к верхнему слою, по крайней мере, два целых острия из этой небольшой группы оказались достоверно связаны не с верхним, а с нижним культурным слоем памятника (Желтова 2011).

Каменный инвентарь верхнего культурного слоя Костёнок 4 отличается от коллекции нижнего слоя также присутствием 4 экз. бифасиальных наконечников метательного вооружения (Рогачёв 1955: 51–54). Наиболее внешне эффективным из них является массивный лавролистный наконечник, который был атрибутирован как солютрейский (Рогачёв 1955: 52, рис. 21). Три других представляют собой подтреугольные фрагменты наконечников в стадии крайней утилизации или переоформления в ножи со следами характерной заполировки лезвий. Один из них считается наконечником с боковой выемкой, хотя с точки зрения формообразования и технологии изготовления он имеет мало общего с наконечниками восточного граветта (рис. 84, В: 10).

Необходимо подчеркнуть, что наконечники Костёнок 4 отличаются от большинства известных бифасиальных наконечников верхнего палеолита тем, что являются так называемыми толстыми бифасами, в отличие, например, от тех же костёнковско-стрелецких наконечников, имеющих технико-морфологические признаки тонких бифасов (Гирия 1997: 158). Тот факт, что морфологически совершенный «солютрейский» наконечник Александровской представлен единичной формой, а остальные фрагментарны и не сопровождаются находками преформ, свидетельствует о том, что бифасы являются чужеродным элементом в индустрии памятника. Объяснение такой ситуации, возможно, кроется в залегании на Костёнках 4, выше находок эпохи палеолита, культурного слоя селища

эпохи бронзы. Кремневые орудия, выполненные в технике толстого бифаса, типичны для периода энеолита — бронзового века. Единственный аргумент, который до сих пор позволял рассматривать александровские наконечники в качестве палеолитических, — это наличие у них интенсивной патины. Однако сырье, из которого изготовлены наконечники, — меловой кремль, бывший в употреблении и в палеолите, и в эпоху металла, подвержен быстрой патинизации при залегании в условиях обводнения. Необычайно низкий уровень террасы (~10–11 м над уровнем р. Дон), которая периодически подтапливается старицей в устье Александровского ручья, а также малая мощность рыхлых отложений способствовали неоднократному сезонному затоплению территории памятника. Поэтому появление патины закономерно, особенно для неглубоко залегающих к поверхности кремней. Вполне вероятно, что и некоторые другие особенности состава находок в Костёнках 4 тоже были связаны с близким стратиграфическим соседством культурных остатков эпохи бронзы и палеолита. Например, в целом не характерное для граветта Костёнок многообразие разновидностей каменного сырья, которое было отмечено А. Н. Рогачёвым в коллекции памятника (Рогачёв 1955: 37), отчасти может быть связано с примесью поздних артефактов, особенно в дебитаже. Кроме того, ямы селища с уровня чернозема настолько глубоко прорезали верхи лессовидного суглинка, что в составе определяемой фауны Костёнок 4 оказались кости таких нехарактерных для палеолита животных, как кабан, корсак, бобр и благородный олень (Желтова, Бузова 2014).

Верхний культурный слой Костёнок 4 на фоне коллекции нижнего слоя выделяется наличием серии предметов из мягкого камня, обработанных с помощью шлифовки (рис. 84, В: 15). К таким изделиям относятся кварцевые плиты-абразивы, терочки, сланцевые двояковыпуклые диски, бруски, «граненые» стержни и пулевидные острия. Большинство их были найдены в заполнении круглых жилищ или рядом с ними в северном длинном жилище. Но по меньшей мере один фрагмент шлифованного орудия и 17 сланцевых отщепов, вероятно, связанных с изготовлением подобного рода изделий, найдены в южном длинном жилище, где, как считается, залегали лишь находки нижнего слоя (Желтова 2013; 2014).

Костяной инвентарь Костёнок 4 включает в себя шилья, ложила, стержни, острия, диск из бивня мамонта и ряд фрагментов изделий неясного назначения. Украшения представлены объемными пуговицами-застежками с перехватом, бивневой орнаментированной фибулой с округлым перфорированным навершием, подвеской из стенки трубчатой кости и несколькими подвесками из мергеля. Произведения искусства насчитывают четыре орнаментированных удлиненных изделия из бивня (два целых и два фрагмента), включая схематичную антропоморфную фигурку с точечной орнаментацией по туловищу, семь схематичных фигурок животных из мергеля, головку животного и фрагмент лица человека из известняка. Подавляющее большинство этих изделий отнесено к верхнему культурному слою.

Как видно из описания материалов Костёнок 4, спустя годы после окончания раскопок вопрос о четком разделении инвентаря из раскопок 1920-х — 1930-х гг. на два отдельных культурных слоя не имеет однозначного решения.

Вероятная интрузия артефактов эпохи бронзы, с учетом огромного объема коллекции и неглубокого залегания находок, наложила отпечаток на интерпретацию А. Н. Рогачёвым результатов собственных работ на Александровской стоянке (Рогачёв 1940; 1955). Строго говоря, материалы Костёнок 4, с позиции сегодняшнего дня, не прошли бы процедуру критики чистоты источника. Очевидно, что деление коллекции на два типологически оппозиционных массива каменного инвентаря по отдельным категориям, которые обладают культуроопределяющей спецификой (заготовки, формы нуклеусов, отбойники, острия, долотовидные изделия и т. п.) по современным меркам выглядит не актуально. Даже среди относительно диагностичных видов изделий с притупленным краем такая дихотомия проблематична в силу известной вариабельности этой категории в граветтских индустриях. В большинстве их присутствуют притупленные формы на микропластинках/пластинках и с вентральной, и с дорсальной обработкой концов в разнообразных вариантах (Лисицын 1998). Для остальных орудий, с допустимым исключением находок шлифованных предметов для верхнего слоя и пластинок с зубчиками для нижнего слоя, специфические разнокультурные типы не могут быть определены в принципе.

В конечном счете, проблема разделения двух культурных слоев на памятнике сводится не к типологизации находок, а к планиграфической привязке отдельных категорий артефактов к жилищам разных видов — длинным многоочажным и круглым одноочажным. Как видно из работы, проведенной М. Н. Желтовой, такая привязка тоже не приводит к однозначным результатам (Желтова 2013; 2014; 2015). При этом необходимо учитывать, что форма круглых одноочажных жилищ распространена на верхнепалеолитических памятниках практически повсеместно — она соответствует этнографически описанным легким конструкциям из жердей. Длинные александровские жилища фактически не имеют аналогов для первобытной эпохи ни по своему устройству, ни по размерам. Интерпретация южного (32×5,5 м) и северного (23×5,5 м) жилищ Костёнок 4 в качестве полуназемных сооружений предполагает у них наличие сложного устройства опорных и распределяющих вес конструкций для поддержания сплошной кровли длиной несколько десятков метров, включая использование массы строительных материалов (древесины прежде всего). Если принять точку зрения, что в эпоху верхнего палеолита такое строительство было функционально оправдано и технически осуществимо, внутри длинных жилищ в таком случае обязаны быть обнаружены следы установки несущих опор. Между тем, среди множества ям, исследованных в полу южного жилища, А. Н. Рогачёв зафиксировал лишь четыре достаточно глубоких (15–30 см) и округлых в сечении углубления, пригодных для вкапывания опорных столбов, а в северном жилище таковые вовсе не были отмечены (Рогачёв 1955: 97–98). Большинство ям и в длинных, и в круглых жилищах тяготеет к зоне очагов и имели бытовое назначение, мало отличаясь в деталях между собой.

Исследователь памятника, видимо, хорошо понимал проблемы, связанные с реконструкцией устройства длинных жилищ, т. к. предположил, что они состояли из трех конструктивно обособленных секций, соединенных между собой (Рогачёв 1955: 89–113). Подробно сравнив длинные и круглые жилища по полевым материалам из раскопок, М. Н. Желтова пришла к выводу, что восточное круглое

жилище верхнего слоя Костёнок 4 либо представляет собой еще одну секцию северного длинного, удлиняя его еще на 6 м, либо построено на его руинах (Желтова 2009). Таким образом, лишь круглое западное жилище выбивается из общего контекста жилых объектов Костёнок 4, да и то лишь потому, что планиграфически оно локализуется не с торца, а сбоку от длинного северного жилища. На мой взгляд, Александровскую стоянку нужно рассматривать в контексте изучения многокомпонентной поселенческой структуры со следами многократного обитания. Частичное наложение друг на друга легких одноочажных жилищ способствовало образованию длинных в плане «многоочажных» образований. Вытянутость жилых площадок на десятки метров параллельно кромке береговой террасы хорошо согласуется с приуроченностью граветтийских поселений в Костёнках к прибрежным элементам рельефа, связанных с интенсивной паводковой активностью на локальном участке течения р.Дон (Лисицын 2016). Аналогичное наложение разновременных легких жилищ вместе с прилегающей хозяйственной зоной было подробно рассмотрено И. И. Разгильдеевой на палеолитической стоянке Студёное 2 в Забайкалье (Разгильдеева 2016). Как и в Костёнках 4, в едином литологическом контексте здесь была зафиксирована многоочажная структура, вытянутая параллельно берегу р. Чикой, которая в ходе раскопок рассматривалась как одно «большое жилище» (Константинов 2001: 96–110). Планиграфический анализ показал, что комплексы артефактов связаны с отдельными очагами, которые получили асинхронные ¹⁴C-датировки и соответствуют разным чумам.

Во времена раскопок А. Н. Рогачёва на Костёнках 4 залегание сразу нескольких культурных слоев на памятнике уже само по себе было открытием, позволявшим строить периодизацию костёнковского палеолита на надежных стратиграфических и археологических основаниях. Александровская стоянка явилась одним из основных памятников, на материалах которых А. Н. Рогачёв сумел подвергнуть сомнению стадильную теорию П. П. Ефименко и разработать новаторскую концепцию археологических культур в палеолите. Вместе с тем еще не было известно, что могут быть обнаружены и идентичные по археологическому материалу уровни обитания в составе поселения со сложным по строению культурным слоем. Теперь, благодаря дальнейшему углублению методики раскопок (заложенной собственно П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёвым), известны таковые уже в Зарайске, Пушкирях, Юдиново, Гонцах, Каменной Балке и на других стоянках.

Таким образом, логично полагать, что оба культурных слоя Костёнок 4 в совокупности относятся к поселению, содержащему в себе остатки нескольких эпизодов обитания единого в культурном отношении населения. Подтверждение такой интерпретации можно найти в исследованиях Н. К. Анисюткина, который производил раскопки Северного пункта памятника по заданию А. Н. Рогачёва в 1959 г. (Анисюткин 2006) и зафиксировал единственный слой с материалами нижнего культурного комплекса Костёнок 4, который включал также орудия, характерные для верхнего слоя (микроострия, микропластинки с мелкой ретушью и вторичные торцовые ядрища). Неудивительно, что находки каждого из двух выделенных А. Н. Рогачёвым культурных слоев Костёнок 4 долгое время относились к специфическим индустриям, не имеющим параллелей

ни в Костёнковско-Борщёвском районе, ни за его пределами. Лишь относительно недавно были намечены культурные связи, причем были прослежены аналогии артефактам сразу из обоих культурных слоев Костёнок 4. Так, в инвентаре Борщёво 5/1 и Костёнок 9 в совместном залегании были встречены граветтийские микроострия, крупные листовидные острия на пластинах, в том числе комбинированные острия-резцы, долотовидные изделия и пластинки с притупленным краем — ассиметричные и четырехугольники, а также шлифованные предметы из сланца — двояковыпуклые диски и пулевидные острия.

Борщёво 5/1

Стоянка Борщёво 5 открыта в 1998 г. и исследуется автором с 2002 г. Памятник приурочен к балочному мысу второй террасы в приустьевой части Борщёвского лога. Верхний граветтийский слой Борщёво 5 стратиграфически делится на два уровня залегания Ia и Ib, соответствующих двум палеопочвам, залегающим в толще лессовидного суглинка. Нижняя почва залегает *in situ*, а верхняя имеет признаки смещения сверху вниз по склону. По-видимому, материалы верхнего горизонта, по крайней мере, частично перекрыли нижний в результате склонового смещения почвы с наиболее возвышенной части мыса.

На памятнике шурфами и раскопами вскрыто порядка 140 м² площади. На центральной площадке мыса тремя раскопами в 2003, 2009 и 2013–2014 гг. был изучен хозяйственно-бытовой объект — круглое в плане скопление находок диаметром 5,5 м с остатками открытого очага посередине. Объект может быть интерпретирован как остатки легкого неуглубленного жилища (рис. 85, А).

Каменный инвентарь верхнего культурного слоя суммарно за все годы исследований насчитывает более 3 тыс. предметов — примерно равное количество среди них составляют коллекции предметов Ia и Ib горизонтов (Лисицын 2011). Практически все артефакты концентрировались в заполнении жилища, а за его пределами находки и того и другого горизонта единичны. Состав находок обоих горизонтов идентичен вплоть до процентного соотношения основных типов орудий (Lisitsyn 2015). Индустрия пластинчатая, но не микролитовидная (рис. 85, В). Среди изделий с вторичной обработкой количественно преобладают микропластины с притупленным краем, с необработанными и поперечно ретушированными вентральной ретушью концами, а также микроострия. Последние представлены микрограветтами и флешеттами с плоской подтеской насада и реже пера. Резцы, среди которых преобладают двугранные и угловые варианты, численно доминируют над скребками, которые не образуют специфических типов. Серийно представлены долотовидные изделия и крупные листовидные острия на узких пластинах с ретушированными по контуру краями, в том числе комбинированные на одной заготовке с резцами.

Своеобразие комплексу придает наличие шлифовальных плит из кварцита и 5 предметов, обработанных шлифовкой. Из кремневого доломита изготовлены топор и тесло с забитыми от удара лезвиями со следами интенсивной шлифовки по всей поверхности (рис. 85, Б: 2–3). Из сланца сделаны сильно поврежденный двояковыпуклый диск (рис. 85, Б: 1) и четырехугольный в сечении стержень со следами использования в качестве наковальни, состоящий из двух

Рис. 85. Александровский комплекс. Борщёво 5, слой I.
 А — скопление находок в жилище; Б — шлифованные изделия;
 В — каменный инвентарь

аплицирующихся частей (рис. 85, Б: 4). Еще один предмет, изготовленный из плоско-выпуклой кварцевой гальки овальных очертаний, имеет пикетажную обработку, поверх которой произведена шлифовка по всей поверхности (рис. 85, Б: 5). Шлифованные изделия в целом аналогичны предметам, найденным на Костёнках 4. Изделия из кости немногочисленны: мотыжка из ребра мамонта и обушковая часть мотыжки из бивня, простые шилья из стенок трубчатых костей. Из бивня изготовлены пулевидные острия, ложило, пуговицы с перехватом, два кинжала и антропоморфная статуэтка, которая морфологически полностью повторяет статуэтку из Костёнок 4 (Лисицын 2017).

Наиболее полным аналогом комплекса находок на Борщёво 5/1 следует признать материалы стоянки Костёнки 9 (Бирючий Лог) и мало изученный культурный горизонт Ia на соседней Тельманской стоянке (Костёнки 8), возможно, являющийся ее периферией (Лисицын 2004: 71; Аникович и др. 2008: 169).

Костёнки 9

Стоянка Костёнки 9 приурочена к слабо выраженному в рельефе мысу склона второй террасы Дона, при слиянии двух балок: Александровского лога и Бирючьего лога. Памятник был открыт в 1937 г. П. П. Ефименко, который заложил 7 шурфов с целью определения западной и северной границ распространения культурных остатков на периферии стоянки Костёнки 8. В 1959 г. А. Н. Рогачёв исследовал на Костёнках 9 глинокопную яму и расширил ее до раскопа размерами 5×10 м. В раскопе была зафиксирована линза культурных остатков с замкнутым восточным контуром, которые концентрировались вокруг зольного кострища в центре. А. Н. Рогачёв интерпретировал объект как наземное жилище, вероятно округлое в плане, диаметром 5–6 м (рис. 86, А). В 2006–2007 гг. экспедицией Государственного археологического музея-заповедника «Костёнки» под руководством В. В. Попова и А. Ю. Пустовалова на стоянке Костёнки 9 были проведены небольшие охранные раскопки в связи с установкой опор воздушного газопровода, что позволило более точно определить положение культурного слоя в системе напластований мыса. Была вскрыта линза культурного слоя, в верхней части лессовидного суглинка, возможно приуроченная к слабо выраженной палеопочве, и получена небольшая коллекция артефактов, в том числе шлифованный сланцевый диск — полный аналог находкам из Костёнок 4 и Борщёво 5 (рис. 86, Б: 24)². Основная коллекция из раскопок 1937 г. и 1959 г. (~3000 предметов) опубликована Л. М. Литовченко (Літоучанка 1966). Практически все орудия Костёнок 9 выполнены на пластинах и микропластинах (рис. 86, Б). Исключения составляют лишь несколько концевых скребков на пластинчатых отщепках. Резцы представлены угловыми и двугранными формами и в меньшей степени — ретушными, изготовленными на крупных пластинах или их сечениях. Серийно присутствуют долотовидные изделия на отщепках. Типологическую специфику орудийному комплексу Костёнок 9 придают острия и вкладыши. Среди острий типологически выделяются крупные листовидные на длинных чуть изогнутых в профиле пластинах с краевой ретушью по контуру. Острия

² Автор выражает признательность А. Ю. Пустовалову за предоставленную возможность изучить материалы из шурфов 2006–2007 гг.

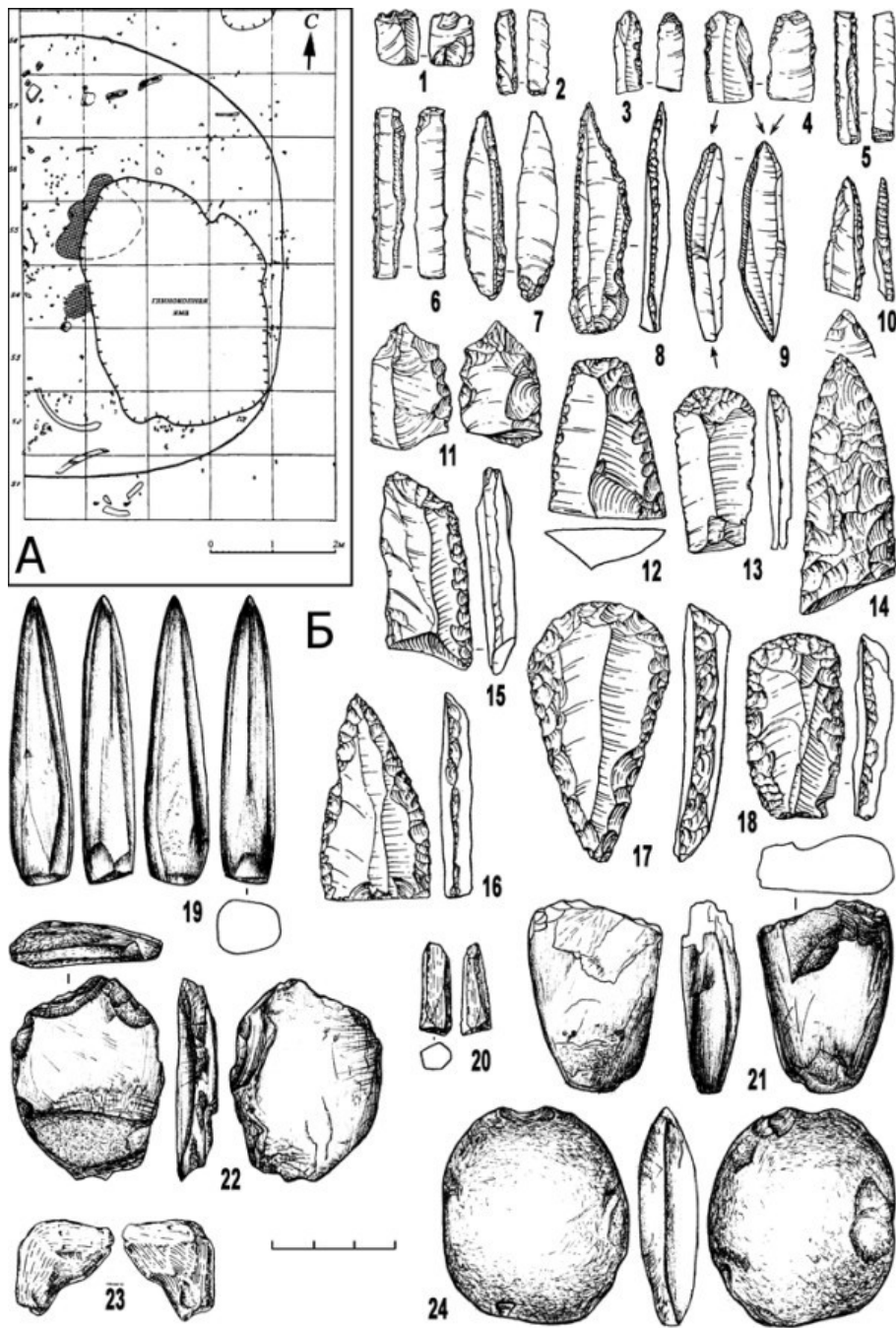

Рис. 86. Александровский комплекс. Костёнки 9.
 А — жилище в раскопе А. Н. Рогачёва 1959 г. Б — каменный инвентарь
 (по: Праслов, Рогачёв /ред./ 1982, с добавлениями)

с притупленным краем — микрограветты, выполненные на микропластинах, у которых вентральной ретушью оформлен насад, а также флешетты, аналогичные борщёвским. Микропластины с притупленным краем имеют характерный вид удлиненных прямоугольников, преимущественно с вентральной микроподтеской одного или обоих концов. Помимо кремневых артефактов, были найдены четыре фрагмента изделий из сланца со следами интенсивного шлифования. Кроме того, из раскопа 1959 г. происходят два конусовидных стержня из сланца, подчетыреугольные в сечении и шлифованные по всей поверхности, а также вырезанная из мергеля зооморфная поделка нечеткой морфологии (рис. 86, Б: 23). Полные аналоги данным предметам имеются в Костёнках 4. Костяные изделия немногочисленны: ложило из ребра мамонта и два бивневых стержня в обломках (Литоучанка 1966).

Приуроченность культурного слоя Костёнок 9 к верхам лессовидного суглинка и типологический набор каменного инвентаря, находящий полные аналогии на Борщёво 5 и Костёнках 4, позволяют говорить об их относительной геологической синхронности и однокультурности. У комплексов полностью совпадают особенности первичного расщепления, направленного на получение тонких (но не микролитовидных) правильных пластин и микропластин. Среди орудий в коллекциях памятников преобладают микропластинки с притупленным краем и мелкие граветтийские острия симметричных и ассиметричных очертаний (микрограветты и флешетты). Причем для данного микроинвентаря часто характерно вентральное тронкирование ретушью концов. В целом аналогичны и не составляющие единообразную группу резцы на крупных и средних пластинах, среди которых представлены угловые, двугранные и ретушные. Выразительна группа крупных листовидных острий на пластинах со сплошной краевой ретушью, а также серия долотовидных изделий. Объединяет памятники присутствие предметов из мягких пород камня со следами обработки шлифовкой, в особенности специфических двояковыпуклых дисков. Показательна типологическая лакуна для всех трех памятников атрибутов классического восточного граветта — серий наконечников с боковой выемкой и ножей костёнковского типа, возможные единичные находки которых не выходят за рамки вариативности категории граветтийских острий и долотовидных изделий.

М. В. Аникович отмечал отдельные ориньякоидные элементы в граветтийских по облику комплексах Борщёво 5 и Костёнок 9. В частности, он усматривал использование «ориньякской» краевой ретуши на скребках и остриях, а среди орудий особо выделял мелкие долотовидные изделия городцовского типа (Аникович и др. 2008: 169). С моей точки зрения, контурная обработка орудий на пластинчатых изделиях, а также наличие мелких чешуйчатых орудий, при абсолютной лакуне иных ориньякских форм (выемчатых пластин, скребков высокой формы, дюфуров и др.) едва ли может свидетельствовать о каком-то ориньякском наследии.

Наиболее перспективным в плане типологических аналогий мне представляется сопоставление комплексов типа Борщёво 5/1, Костёнки 9 и Костёнки 4/1–II с развитым павловьеном Центральной Европы, в частности с хронологически наиболее поздним (25–22 тыс л. н.) граветтийским комплексом в павловской последовательности — верхним культурным слоем стоянки

Миловице 1 в Моравии (Milovice... 2009). Комплекс Миловице дает полный артефактный набор, характерный для Борщёво 5/1 и Костёнок 4 и Костёнок 9, хотя и отличается гораздо большим типологическим разнообразием инвентаря. Те же аналогии находкам в Миловице, на мой взгляд, прослеживаются и на других территориально намного более близких, но не столь ярких памятниках развитого павловьена с датировками моложе 26–25 тыс. л. н. Например, к такому можно отнести граветтийский слой восточнословацкой стоянки Кашов (Novak 2004) и польскую стоянку Якшице 2 (Wilczynski 2015), 3–4-й слои стоянки Груб/Кранветберг в Австрии (Nigst, Antl-Weiser 2012) и, возможно, некоторые другие центральноевропейские памятники (Svoboda 2007; Polanska et Hromadova 2015). Особенностью александровского культурного комплекса, находящей параллели только в павловьене, является широкое использование шлифовки для формообразования специфических изделий типа дисков, брусков и острий (Желтова, Лисицын 2017). Производство шлифованных орудий в целом является культуроопределяющим атрибутом павловьена, выделяющим его на фоне остальных граветтийских комплексов. Наиболее полная коллекция изделий подобного рода имеется в коллекции самой стоянки Павлов 1 (Skrlida 1997). Эпонимный памятник павловьена после получения новых ¹⁴C датировок (Svoboda et al. 2016) считается поселением неоднократного заселения — от позднего ориньяка (31–30 тыс. л. н.) до раннего (28–27 тыс. л. н.) и среднего граветта (26–25 тыс. л. н.) включительно. В таком случае еще более поздние датировки (25–22 тыс. л. н.) граветтийских памятников со шлифованными орудиями в КБР могут интерпретироваться как свидетельство распространения павловьена на Русскую равнину — по аналогии с расселением из Подунавья виллендорфско-костёнковского населения уже в эпоху позднего граветта (23–22 тыс. л. н.).

9.4.3. Костёнковско-авдеевский (виллендорфско-костёнковский) комплекс (Костёнки 1/1, Костёнки 13, Костёнки 14/1, Костёнки 18)

Все четыре памятника приурочены к отложениям второй террасы Покровского лога и относятся к стоянкам с насыщенным культурным слоем, на которых были исследованы следы долговременного обитания — остатки долговременных объектов (очагов, ям, жилищ); на Костёнках 18 найдено погребение ребенка. Наиболее богатым из исследованных поселений остается верхний культурный слой Костёнок 1 (стоянка Полякова), который планомерно на протяжении последних 80 лет исследовался ленинградской экспедицией под руководством П.П. Ефименко, А. Н. Рогачёва, затем Н. Д. Праслова, а в последние годы — М. В. Аниковича (Ефименко 1958; Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 42–62; Аникович и др. 2008: 176–190). Верхний культурный слой был изучен на площади более 1000 м². В нем были вскрыты остатки двух овальных в плане жилых комплексов, располагавшихся параллельно друг другу, каждый из которых состоял из серии очагов по центральной линии, а также ям и землянок по внешнему контуру (рис. 87, А).

Материальная культура памятников костёнковско-авдеевского типа достаточно подробно описана, поэтому здесь можно ограничиться тезисным

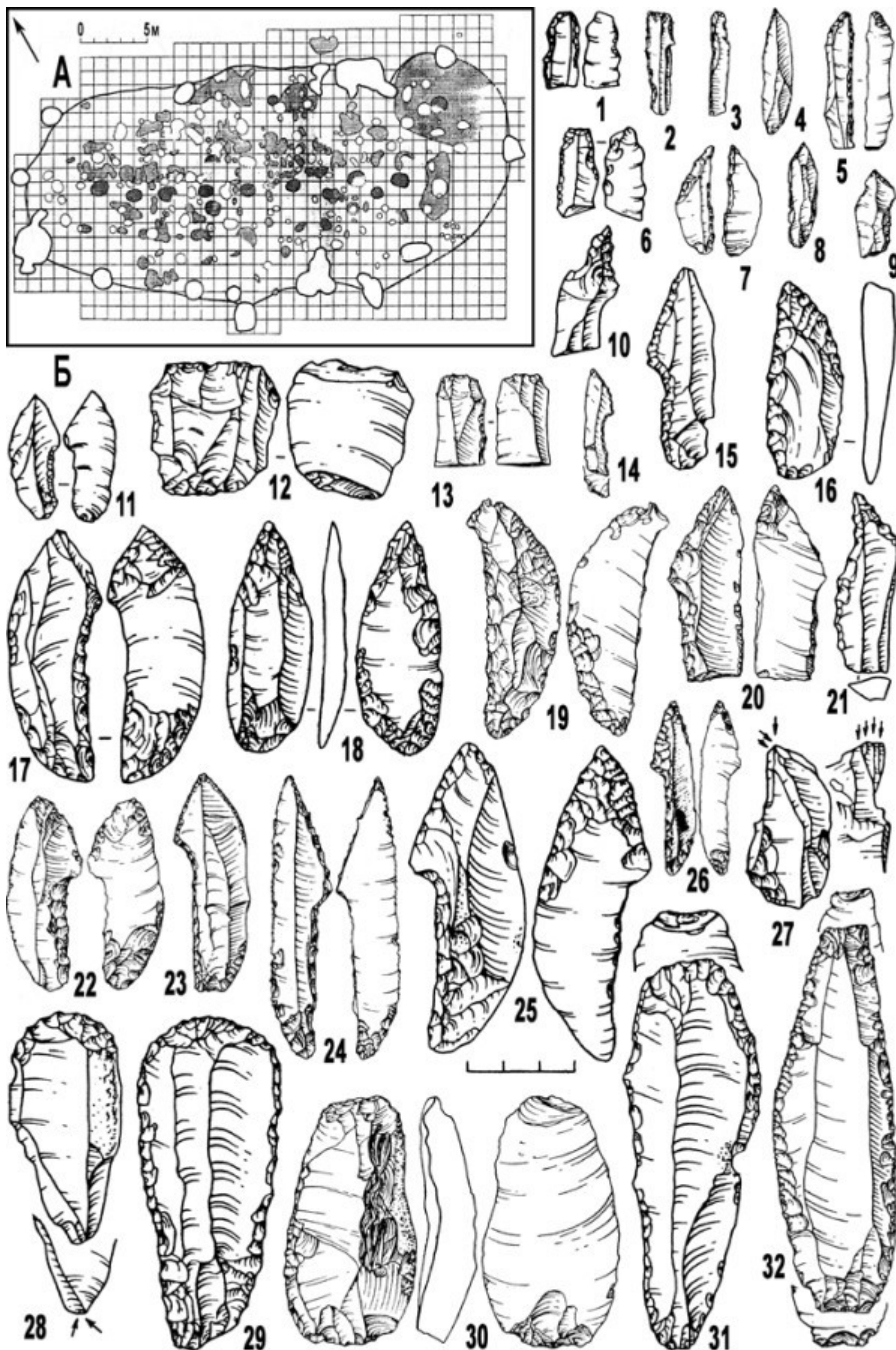

Рис. 87. Костёнковско-авдеевский комплекс. Костёнки 1, слой I.
 А — жилой комплекс I (по: Ефименко 1958); Б — каменный инвентарь
 (по: Праслов, Рогачёв /ред./ 1982)

изложением лишь основных характеристик (рис. 87, Б). Почти все орудия изготовлены на пластинчатых заготовках, причем вариabельность последних варьирует от очень массивных длинных пластин до весьма миниатюрных микропластинок. Типологическое узнавание орудийному комплексу придает сочетание трех категорий изделий: наконечники с занимающей 2/3 длины боковой выемкой в двух вариантах: крупные «клинки» и микролитовидные, ножи костёнского типа, а также микропластинки с притупленным краем — прямоугольники с поперечно ретушированными дорсально и реже вентрально концами (Ефименко 1958; Беляева 1979). Костяной и бивневый инвентарь чрезвычайно богат и включает множество типов изделий. Наиболее характерны лопаточки из ребер с антропоморфным навершием, бивневые мотыги, наконечники, различные острия. Украшения представлены орнаментированными диадемами, подвесками, фибулами (Громадова 2012). Предметы искусства включают в себя канонические по исполнению женские статуэтки из бивня и мергеля, а также зооморфные мергелевые фигурки (Абрамова 1962).

9.4.4. Аносовский комплекс (Костёнки 11/II, Костёнки 21/III — жилые комплексы)

Многослойная стоянка Костёнки 11 (Аносовка 2)

Памятник был открыт А. Н. Рогачёвым в 1951 г. и исследуется с перерывами до сегодняшнего дня (Рогачёв 1953; 1957; 1961; Праслов, Рогачёв /ред./ 1982; Попов, Пустовалов 2004). Памятник расположен на второй террасе в приустьевой части Аносова лога; он приурочен к оконечности мыса, который разделяет два ответвления лога. Второй культурный слой был вмещен в среднюю часть толщи лессовидного суглинка и залегал отдельными скоплениями. Его культурные остатки были исследованы в двух раскопах и также в девяти шурфах на разных участках памятника.

Раскопами 1956, 1960 и 1966 гг. в составе второго культурного слоя были изучены остатки двух наземных жилищ в виде линз гумусированного суглинка с плотной концентрацией находок. Жилища располагались в 16 м одно от другого (рис. 88, А). Остатки южного жилища представляли собой линзу удлинённо-овальной формы размерами 12×6,5 м с заполнением из костного угля и золы. Внутри жилища были обнаружены два углубленных очага и собрано порядка 13,5 тыс. артефактов. Северное жилище, тоже маркированное линзой гумусированности, было исследовано в раскопе 1966 г. Оно приблизительно имело размеры 6×7 м, но, в отличие от южного жилища, не содержало концентрации зольно-углистой массы. Вследствие того, что жилище частично оказалось под постройкой здания музея, оно было изучено не полностью. Собрание находок из северного жилища насчитывает порядка 3 тыс. артефактов. С учетом материалов шурфов общая коллекция второго слоя Костёнок 11 составляет около 20 тыс. изделий, из которых почти 1 тыс. — предметы с вторичной обработкой (Попов 1983, 1989; Попов, Пустовалов 2004). В орудийном наборе преобладают пластины с усеченным дорсальной ретушью концом, часто имеющие контурную ретушь по одному или обоим краям (рис. 88, Б). Такие пластины, судя

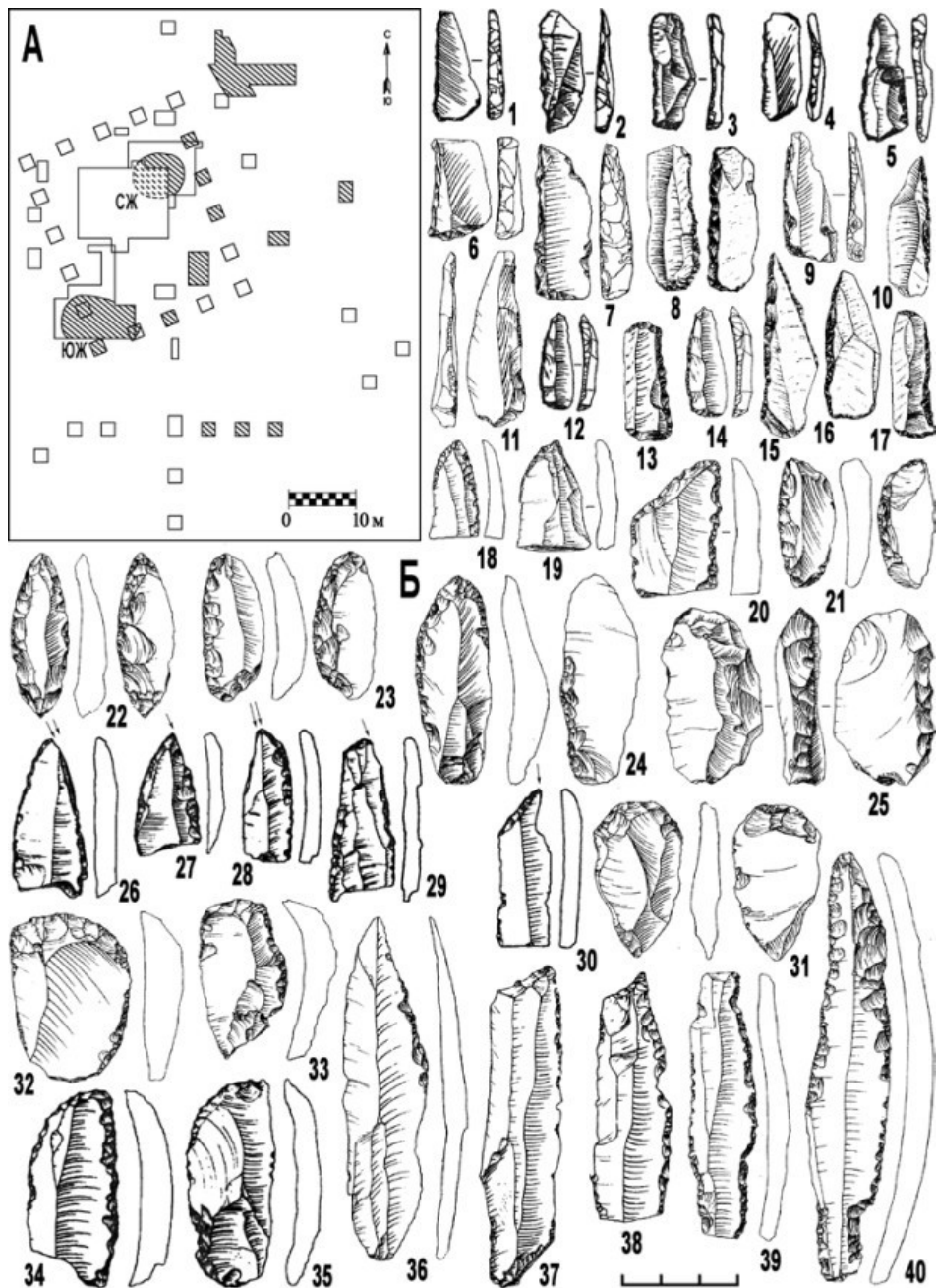

Рис. 88. Аносовский комплекс. Костёнки 11, слой II. А — схема расположения раскопов и шурфов. Участки культурного слоя II обозначены штриховкой. СЖ — северное жилище, ЮЖ — южное жилище. Б — каменный инвентарь (по: Синицын 2013; Попов, Пустовалов 2004)

по интенсивному износу лезвий, служили ножами, а также использовались как заготовки для ретушных резцов. Последние в коллекции многократно преобладают над двугранными и угловыми резцами, — специфическая черта, которая выделяет комплекс на фоне большинства костёнковских памятников средней поры верхнего палеолита. Скребки редки и невыразительны. Листовидные острия невыдержанной морфологии также единичны. Своеобразие комплексу придает серия пластинок и мелких ланцетовидных острий с притупленным краем, у которых дорсальной ретушью прямо- или дугообразно усечен один из концов (аносовские острия). Характерной особенностью таких изделий является то, что они изготовлены на укороченных подтреугольных пластинках и пластинчатых отщепках и в большинстве своем имеют небольшую длину ~3 см (рис. 88, Б: 3–10). Такая усредненная размерность связана не со стандартизацией размеров заготовок, а с интенсивным притуплением края в сочетании с ретушированием базальной части изделий. Довольно часто остройная часть у них расположена не на дистальном, а на проксимальном конце заготовки. По сути, такие изделия технико-морфологически должны быть определены как геометрические микролиты.

Костяные изделия представлены двумя остриями с навершиями, напоминающими морды животных. Визитной карточкой комплекса второго слоя Костёнок 11 являются предметы искусства, а именно серия миниатюрных изделий из мергеля (более 100 экз.) — схематические фигурки животных с уплощенным основанием, некоторые из которых в профиле узнаваемы по контуру круп (мамонт, носорог, бизон).

Комплекс Костёнок 11/II не находит полных аналогий в граветтийских индустриях, но по отдельным элементам имеет сходство с разными восточно-европейскими памятниками. Так, по зооморфной пластике из мергеля среди памятников КБР прослеживаются параллели с Костёнками 1/I, Костёнками 4, Костёнками 9 (Абрамова 1961; 1962; Рогачёв 1961; Аникович 1983), а по типологии орудий с притупленным краем и/или тронкированными ретушью концами — с Костёнками 21/III, а также Пушкарями 1 и Ключами в Подесенье (Синицын 2014б). Спецификой инвентаря Костёнок 11/II является отсутствие технологического контекста производства микропластин-заготовок в сочетании с серийным изготовлением микролитов. По данному критерию аносовский комплекс подобен индустрии стоянок Быки 1 и Быки 7/I–Ia в Посеймье с микролитами-треугольниками, которые относятся к начальному этапу поздней поры верхнего палеолита (17–15 тыс. л. н.). Следует отметить, что Н. Б. Ахметгалева быковскую индустрию позиционирует не в граветтийском, а в мадленском культурном окружении (Ахметгалева 2015: 182–184). С учетом раннего («протомадленского») возраста Аносовки и лакуны типичных мадленских памятников к востоку от бассейна р. Вислы аносовский комплекс следует по формальным причинам отнести к раннему эпиграветту. Параллели в Пушкарях и Ключах свидетельствуют о синхронизации памятников данного типа с начальным периодом LGM. Ледниковый максимум, таким образом, не только в целом определяет дискретность последовательности граветт/эпиграветт, но также отделяет ранний LGM–эпиграветт от развитого поздневалдайского эпиграветта. Непосредственная

преемственность последнего с граветтийским культурным наследием тем самым становится еще менее очевидной (Лисицын 1999). В КБР наибольшее соответствие аносовскому инвентарю по совокупности признаков прослеживается в материалах третьего слоя Костёнок 21, однако парадоксальным образом эти аналогии ограничены рядом локальных участков данного памятника и не находят отражения на других.

Костёнки 21 (Гмелинская стоянка)

Трехслойный памятник, открыт Н. Д. Прасловым в 1956 г.; исследовался 1957-1958, 1971, 1976–1979 гг. Н. Д. Прасловым и в 1960, 1964, 1967, 1969 гг. — А. Н. Рогачёвым. Общая вскрытая площадь составляет более 500 кв. м. Стоянка расположена на первой террасе Дона, непосредственно на берегу, в излучине реки. В разрезе террасы, сложенной лессовидными суглинками, было выявлено залегание трех культурных слоев, из которых нижний слой, вмещенный в погребенную почву, является наиболее насыщенным и лучше всего изученным (Праслов 1964; Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 198–200).

Остатки поселения нижнего культурного слоя памятника распространялись неравномерно вдоль берега Дона ~200 м (рис. 89, А). В соответствии с их локализацией по отдельным концентрациям находок и золистому заполнению были выделены шесть хозяйственно-бытовых комплексов I–VI. Четыре из них, по мнению авторов раскопок, являются остатками жилищ. Комплекс I, исследованный в 1956, 1957, 1964 гг., а также исследованный работами 1970-х гг. «второй южный комплекс» трактуются как производственные центры, где производилось расщепление кремня и изготовление орудий. Комплексы были разделены участками культурного слоя с относительно редкими находками. Инвентарь аносовского облика оказался связан исключительно с жилыми объектами.

Остатки жилищ были представлены линзами скоплений зольной массы, каменных артефактов, костей и охры (Иванова 1981). В плане они имели округло-овальную форму, площадь — 10–16 кв. м. В трех из них выявлены углубленные очаги. Около одного из жилищ (северный комплекс) находилась вымостка из плиток известняка, оконтуривавшая остатки сооружения с восточной и с южной стороны. Коллекция каменного инвентаря, обнаруженная в жилищах, в совокупности насчитывает около 2,7 тыс. предметов, в том числе 271 орудие (рис. 89, Б). Наиболее многочисленными и выразительными типами орудий являются острия и пластинки с притупленным вертикальной ретушью краем (аносовские острия) и ножевидные пластины с поперечно- и косоусеченными концами. Следующими по численности следуют резцы, в том числе ретушные и многофасеточные, а также скребки. Костяной инвентарь представлен тремя наконечникам в обломках и украшениями в виде овальных подвесок из бивня мамонта. В целом инвентарь идентичен находкам Костёнок 11/II, за исключением того, что здесь не были обнаружены произведения мергелевой скульптуры.

Состав артефактов в «производственных» комплексах Костёнок 21/III резко отличается и от орудийного набора жилищ памятника, и от инвентаря Костёнок 11/II по технике расщепления, а также по типологическому облику основных категорий орудий. Коллекция находок имела выраженный граветтийский

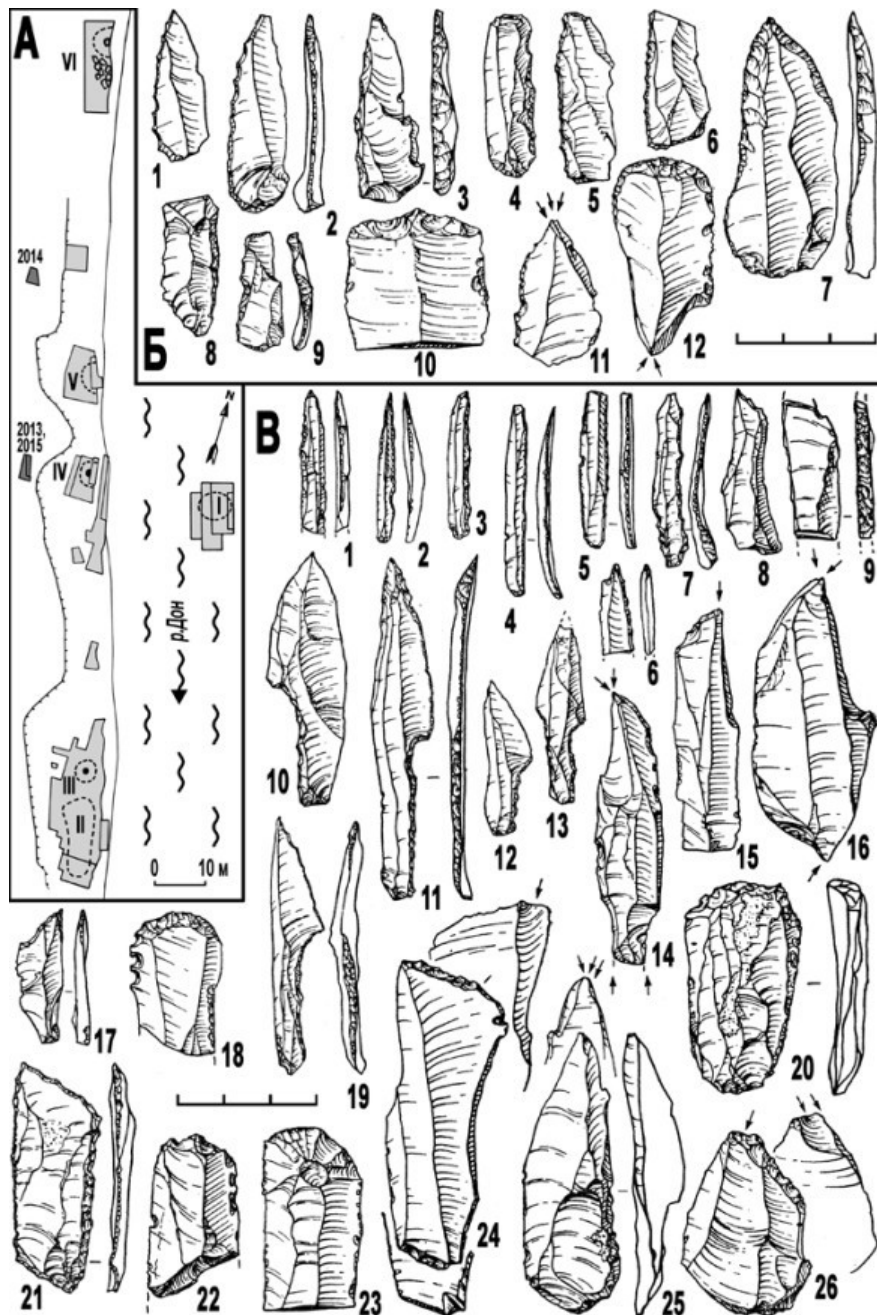

Рис. 89. Гмелинский комплекс. Костёнки 21, слой III. А — схема расположения раскопов и шурфов. I–II — «производственные» комплексы, III–VI — «жилье» комплексы. Б — каменный инвентарь комплекса IV; В — каменный инвентарь комплекса II (по: Праслов, Рогачёв /ред./ 1982)

облик с большим количеством микропластин и изделий из них, с наконечниками с боковой выемкой и богатым инструментарием из бивня и кости. Объяснение данной ситуации было предложено авторами раскопок и в окончательном виде сформулировано М. А. Ивановой в ее кандидатской диссертации, посвященной Костёнкам 21 (Праслов, Иванова, 1979; Иванова, 1981: 37–42; 1985). Оно заключается в том, что хозяйственная деятельность в жилищах и производственная деятельность на хозяйственных площадках настолько различались, что это способствовало формированию двух типологически противоположных наборов инвентаря, которые тем не менее составляли единство материальной культуры обитателей поселения.

Я полагаю, что вопрос об интерпретации функционального профиля того или иного объекта как факторе, целиком определяющем облик инвентаря, является спорным. Необходимо отметить, что последовательность расщепления нуклеусов и производства орудий имеет вид законченного цикла для каждого из двух типов выделенных комплексов Гмелинской стоянки. Кроме того, «жилые» и «производственные» объекты в третьем культурном слое Костёнок 21 имеют расхождения в конструктивных особенностях, в частности, в таких элементах, как использование камней в качестве вымостки, устройство очагов, которые не связаны напрямую с каким-либо родом хозяйственной деятельности. Нельзя не упомянуть, что их фаунистический состав также отличается. В комплексах с округлыми жилищами преобладают кости северного оленя, лошади и мамонта. В производственных комплексах, особенно в наиболее крупном южном комплексе, доминируют заяц и мамонт и не отмечено присутствие северного оленя (Reynolds et al. 2019).

М. В. Аникович и В. В. Попов объединили находки второго культурного слоя Костёнок 11 и нижнего слоя Гмелинской стоянки, а также малочисленный инвентарь Костёнок 5/III в *аносовско-гмелинскую археологическую культуру*, предложив еще одну трактовку типологических расхождений между памятниками. По их мнению, различия связаны с сезонностью обитания — зимнее поселение на Костёнках 11/II и летнее на Костёнках 21/III (Аникович и др. 2008: 205–206). С моей точки зрения, такое объяснение также не может быть принято, так как основано исключительно на наличии большого количества костного угля в жилищах Костёнок 11/II, в отличие от Костёнок 21/III, где преобладал древесный уголь. Фаунистические находки двух типов объектов Костёнок 21/III, проанализированные М. В. Саблиным, показали, что охотничья активность на них была связана с двумя разными эпизодами — с поздней весной/началом лета и с концом осени/началом зимы (Reynolds et al. 2019).

Необходимо признать, что раскопками 1960–1970-х гг. в третьем культурном слое Костёнок 21 было зафиксировано чересполосное распределение обособленных и отличных друг от друга разнокультурных компонентов, облик которых, в принципе, совершенно не связан с проблемой наличия/отсутствия различных по назначению хозяйственных объектов или сезонностью обитания. Отложение в аллювиально-делювиальных отложениях культурных слоевопалимпсестов с разнесенными в плане скоплениями, которые оставлены разноили однокультурными группами населения, является обыденной ситуацией

для памятников мезолита-неолита. Именно такая картина может наблюдаться в Костёнковско-Борщёвском районе на стоянках первой террасы р. Дон, приуроченных к открытому речному берегу (Костёнки 4, Костёнки 21, Борщёво 1 и 2).

Таким образом, материалы нижнего слоя Гмелинской стоянки необходимо делить на два культурных комплекса — ановский и гмелинский. Лишь в таком варианте каждый из них обретает типологическую завершенность и может быть вписан в определенный культурно-археологический контекст.

9.4.5. Гмелинский комплекс (Костёнки 21/III — производственные комплексы)

Производственные комплексы третьего культурного слоя Костёнок 21 — I и II («южный») — характеризуются большой площадью (40 и ~80 м² соответственно). Они представляли собой протяженные линзы культурного слоя с золистыми пятнами, интенсивно насыщенные находками (рис. 89, А). По крайней мере одно кострище открытого типа было зафиксировано в комплексе I, во втором очаги не отмечены. Коллекция каменного инвентаря I комплекса составляет около 7,5 тыс. предметов, II — около 24 тыс., включая чуть более 1 тыс. изделий с вторичной обработкой. В производственных комплексах, в отличие от жилых, основными заготовками служили преимущественно пластинки и микропластинки, на которых выполнено более половины орудий (рис. 89, В). Такие орудия, как резцы и скребки, изготавливались на относительно крупных пластинах и их сечениях. Среди резцов доминируют ретушные и двугранные. Острия с притупленным краем миниатюрны и обладают микролитовидным обликом. Микропластины с притупленным краем, как правило, имеют острый или естественное завершение концов. Наконечники с боковой выемкой (более 100 экз.) составляют выразительную категорию. В отличие от костёнковско-авдеевских наконечников, выемка занимает у них не две трети, а не более половины длины заготовки (рис. 89: 10–13, 19). Костяные изделия разнообразны, особенно в южном комплексе: серия бивневых наконечников, шилья, иголка с ушком, несколько «камбаловидных» подвесок и подвеска из клыка северного оленя. К редким предметам относится бивневый «жезл начальника» с елочным орнаментом, а также предмет, который интерпретируется как рукоять. Уникальны две гравировки на каменных дисках с зооморфными изображениями (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 204–209).

В недавнее время работы на Костёнках 21 были возобновлены под руководством А. А. Бессуднова. В целях спасательных раскопок им были поставлены зачистки на осыпающихся обрывах террасы, размываемой р. Дон. В результате оказались выявлены остатки еще двух линз «производственных центров» с соответствующим кремневым инвентарем (Бессуднов 2015). Широкое распространение находок гмелинского облика, в том числе на новых вскрытых участках, на мой взгляд, служит дополнительным аргументом в пользу того, что они носят не узкофункциональный, а самостоятельный культурный характер.

Подбор аналогий гмелинскому комплексу всегда вызывал определенные затруднения, так как ранее он неизменно воспринимался как составная часть

«аносовско-гмелинского единства». Между тем в КБР есть еще один памятник, где могут обнаружиться похожие материалы. В частности, в инвентаре стоянки Борщёво 1 присутствуют микролитоидные изделия с притупленным краем, в том числе наконечники с боковой выемкой на микропластинах, включая абсолютно аналогичные по оформлению гмелинским (Векилова 1953: 130). Однако на Борщёво 1 был найден также набор форм, характерных для поздневалдайских памятников Днепро-Деснинского бассейна: скребки и косоретушные резцы на пластинках укороченных пропорций, в том числе двойные и их комбинированные варианты. Типологические особенности таких изделий хорошо согласуются с полученными по костям мамонта поздними датировками по ^{14}C : 15 140±100, 15 200±100, 15 200±200 и 17 200±200 (Синицын и др. 1997; Аникович 2005). Данное обстоятельство позволило М. В. Аниковичу отнести Борщёво 1 к мезинской археологической культуре (Аникович и др. 2008: 230–232). Однако с учетом проблем в определении инсидентности залегания в шурфах разных лет отдельных скоплений культурных остатков (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 211–214), а также достоверности их связи между собой, я считаю преждевременным восприятие совокупности находок на Борщёво 1 как единого комплекса. Скорее всего, точно так же, как на других стоянках КБР, связанных с низким террасовым уровнем, Борщёво 1 представляло собой место неоднократного и одновременного обитания.

Другой ближайший памятник, который обнаруживает наиболее явные аналогии гмелинскому комплексу, — восточнограветтйская стоянка Гагарино на верхнем Дону в Липецкой области. Гагаринская стоянка была открыта в 1926 г. и раскапывалась С. Н. Замятниным, а впоследствии Л. М. Тарасовым, который монографически опубликовал материалы этого памятника (Замятнин 1929; Тарасов 1979)³. С гагаринской индустрией гмелинский комплекс сближает ярко выраженная микролитоидность кремневого инвентаря, использование пластин и их сечений для изготовления орудий, сочетание ретушных и двугранных резцов сходной морфологии, а также серия наконечников на микропластинах с боковой выемкой, занимающей половину длины заготовки. Однако промеры гагаринских и гмелинских наконечников показали, что они лишь внешне схожи, но не идентичны (Reynolds et al. 2019).

Те же самые черты объединяют Костёнки 21/III и памятник Хотылёво 2 на Десне, с которым у Гагаринской стоянки еще гораздо больше родственных черт: ножи костёнковского типа, общие типы изделий из кости, бивня и предметы искусства. в том числе характерные женские статуэтки (Гаврилов 2004; 2008; 2016). Различия между гмелинским и хотылёвско-гагаринским инвентарем — преимущественно негативного свойства. Так, в материалах Костёнок 21/III практически не использовалась вентральная ретушь на орудиях всех категорий и гораздо меньше применялась краевая дорсальная ретушь. В орудийном наборе недостает ряда ведущих для восточного граветта типов, таких как ножи костёнковского типа, микропластинки с притупленным краем и поперечными концами. Различие усиливает лакуна ряда специфических типов и элементов оформления костяного и бивневого инвентаря. Тем не менее, гмелинский комплекс стоит ближе к классическим памятникам восточного граветта, чем все остальные комплексы гравет-

³ См. главу 7 настоящего издания (прим. ред.).

та в Костёнках, непосредственно не относящихся к костёнковско-авдеевской культуре. В гмелинской индустрии ведущими «ископаемыми» формами артефактов выступают миниатюрнее наконечники с боковой выемкой, явно имеющие прототипы в восточном граветте. Поэтому допустимо полагать гмелинский комплекс своеобразным эпигоном в граветтийской последовательности КБР, обозначающим рубеж, который отделяет в широком смысле граветт от эпиграветта.

9.5. Стратиграфическая и геоморфологическая корреляция

Условия залегания археологических находок в КБР, подкрепленные данными абсолютной хронологии, позволяют надежно коррелировать культурные слои многослойных памятников. Периодизация верхнего палеолита Костёнок по праву считается эталонной для Восточной Европы. Однако внутри костёнковской периодизации остается много нерешенных проблем и лакун (Синицын 2014а). Локальная периодизация костёнковского граветта, который соответствует средней поре верхнего палеолита, до сих пор детально не разработана, что связано с не до конца решенными вопросами корреляции отложений, вмещающих граветтийские культурные слои.

Стратиграфическое положение культурных слоев граветтийских памятников КБР имеет одну общую черту — они все связаны с залеганием в так называемой покровной толще лессовидного суглинка, которая завершает локальную колонку плейстоценового осадконакопления. Единственным исключением, возможно, является второй культурный слой стоянки Костёнки 8, вмещенный в горизонт редуцированной костёнковской верхней гумусовой толщи, которая непосредственно перекрывается лессовидным суглинком. Верхняя гумусовая толща, зафиксированная на ряде многослойных памятников, обычно коррелируется с брянской палеопочвой и в КБР относится к изохрону 32–28 тыс. л. н. Однако, по результатам последних исследований на Костёнках 8, в связи с получением новых омоложенных датировок 23,3 и 25,6 тыс. л. н. по второму культурному слою памятника, высказываются осторожные сомнения в столь ранней литологической атрибуции культуровмещающего горизонта (Дудин и др. 2016). Заполнение второго сажисто-черного культурного слоя, состоящее из углистых и прокаленных линз литологически сливается с гумусом до степени неразличения. С моей точки зрения, «гумусированность» может быть объяснена и наличием на поселении серии размытых кострищ с древесным углем и золой, а не ассоциацией с самой этой толщей. Так или иначе, можно утверждать, что большинство граветтийских поселений в КБР существовали в период холодного цикла лессового осадконакопления, соответствующего заключительной фазе среднего валдая.

Дополнительными стратиграфическими маркерами для членения лессовидной толщи могут выступать погребенные почвы. Эпизоды палео-почвообразования, с которыми связаны культурные слои граветтийских памятников, зафиксированы на нескольких памятниках. В частности, в лессовой пачке

Костёнок 14 выделяется до четырех эфемерных погребенных почв, из которых как минимум одна или две нижних связаны с граветтскими находками (Седов и др. 2010; Синецын 2015). На Борщёво 5 зафиксировано два горизонта почвообразования, оба вмещают граветтские артефакты. По меньшей мере, одна четко выраженная палеопочва (гмелинская) выделяется на уровне залегания слоев эпохи граветта на Костёнках 1, Костёнках 21 и, возможно, на Костёнках 11 (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982; Попов, Пустовалов 2004; Hoffecker et al. 2016). Следовательно, по крайней мере на ряде памятников эпохи граветта, периоды обитания были связаны с эпизодами стабилизации дневной поверхности, благоприятными с точки зрения почвообразования.

В контексте разработки вопросов периодизации важной представляется геоморфологическая привязка стоянок. Согласно классической схеме Г. И. Лазукова (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 13–37), верхнепалеолитические памятники КБР приурочены к I, II и III террасам Дона, причем граветтские культурные слои зафиксированы на всех трех террасах (табл. 9).

Таблица 9. Геоморфологическая привязка памятников граветта в КБР

Памятник	Высота над ур. м (м)	Высота над р. Дон (м)	Терраса	Привязка к рельефу
Костёнки 14	124	41	II	Мыс на правом борту балки
Борщёво 5	122	39	II	Мыс на правом борту балки
Костёнки 18	118	35	III	Левый приустьевой мыс балки
Костёнки 13	116	33	III	Левый борт балки
Костёнки 1	110	27	II	Левый борт балки
Костёнки 11	108	25	II	Мыс на правом борту балки
Костёнки 8	100	17	II	Левый борт балки
Костёнки 9	100	17	II	Мыс на левом борту балки
Костёнки 4	94	11	I	Левый приустьевой мыс балки
Костёнки 21	92	9	I	Берег Дона

С точки зрения современной теории развития речных долин памятники должны относительно последовательно располагаться в хронологическом порядке от ранней террасы к поздней. Однако для культурных слоев эпохи граветта, залегающих в лессовидной пачке, данная схема, судя по всему, не является абсолютной. Так, раннеграветтский памятник Костёнки 8/II располагается на II террасе совместно с рядом памятников позднего граветта. В то же время на очень низкой I террасе расположены разнокультурные комплексы Костёнок 21/III и Костёнок 4, а родственные им Костёнки 11/II и Борщёво 5/I расположены на высоких отметках II террасы. Наконец, на останце древнейшей III террасы локализуются два памятника поздней — костёнковско-авдеевской группы памятников (Костёнки 13 и Костёнки 18).

Раскопки граветтских памятников в КБР показали, что почти все они оказались стоянками-поселениями, на которых были зафиксированы остатки жилых сооружений и/или углубленные объекты и очаги. Поэтому нельзя утверждать, что

выбор разновысотных участков для палеолитических охотников связан каким-либо иным функциональным назначением типа места охоты, мастерской и т. п. В связи с этим наиболее важным, с моей точки зрения, является фактор привязки мест поселений к элементам локального рельефа. Можно выделить несколько вариантов размещения граветтийских стоянок в пределах КБР (рис. 90):

А — размещение внутри балки на высоком мысу при впадении лога-отвершка (Костёнки 9, Костёнки 11, Костёнки 14 и Борщёво 5);

В — размещение внутри балки на слабо выраженном в рельефе пологом участке борта (Костёнки 1, Костёнки 8 и Костёнки 13);

С — размещение на высоком приустьевом мысу балки (Костёнки 18);

Д — размещение на слабо выраженном в рельефе пологом приустьевой мысе балки, при ее впадении в долину р. Дон (Костёнки 4);

Е — размещение непосредственно на открытом берегу долины р. Дон (Костёнки 21).

При распределении памятников по элементам рельефа вне контекста их геоморфологической, хронологической и культурной группировки, высотная позиция поселений обретает относительную упорядоченность. Наиболее высотные памятники (А, В и С) оказываются приуроченными к внутренней части крупных балок и связаны с локальными формами рельефа их бортов. Низко расположенные стоянки Костёнки 4 и Костёнки 21 (соответственно Д и Е) фактически имеют привязку непосредственно к речной долине Дона. Наличие относительно синхронных и даже однокультурных памятников, приуроченных к гипсометрически разным элементам рельефа, и, наоборот, локализация разнокультурных комплексов на одинаковых террасовых уровнях нуждаются в логичном объяснении, так как, в отличие от памятников граветтийской эпохи, культурные слои как ранней, так и поздней поры верхнего палеолита в КБР имеют соответствующую геоморфологическую привязку. Наиболее древние из них (стрелецкий, спицынский комплексы) связаны с III и II террасой, а самые поздние (Костёнки 19, Борщёво 2) — с I террасой (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 37–41).

Несмотря на то, что место расположения палеолитических памятников на изрезанном балками правом берегу Дона мало чем отличается от участков речной долины выше и ниже по течению, положение КБР является уникальным. Противоположный левый берег Дона на данном участке сложен обширной свитой флювиогляциальных песков днепровского оледенения, которые протянулись сплошной полосой с севера от границы Липецкой и Воронежской областей на юг — приблизительно до пос. Лиски. В средней части данного массива, в районе расположения КБР, песчаная свита имеет максимальную мощность. В то же время именно здесь долина Дона имеет сильное сужение (с ~6 км до 0,9 км), образуя «бутылочное горлышко» в месте чуть ниже по течению с. Борщёво.

Костёнковский участок долины обладает развитой системой старичных палеорусел и пойменных озер, которые свидетельствуют о былой активности речного стока. Учитывая тот факт, что на Дону позднеплейстоценовый сток превышал современный не менее чем в 3–4 раза (Сидорчук и др. 2008), песчаные отложения неизбежно подвергались мощному размыву, следы которого сохранились в виде многочисленных песчаных гряд в высокой пойме. Наиболее

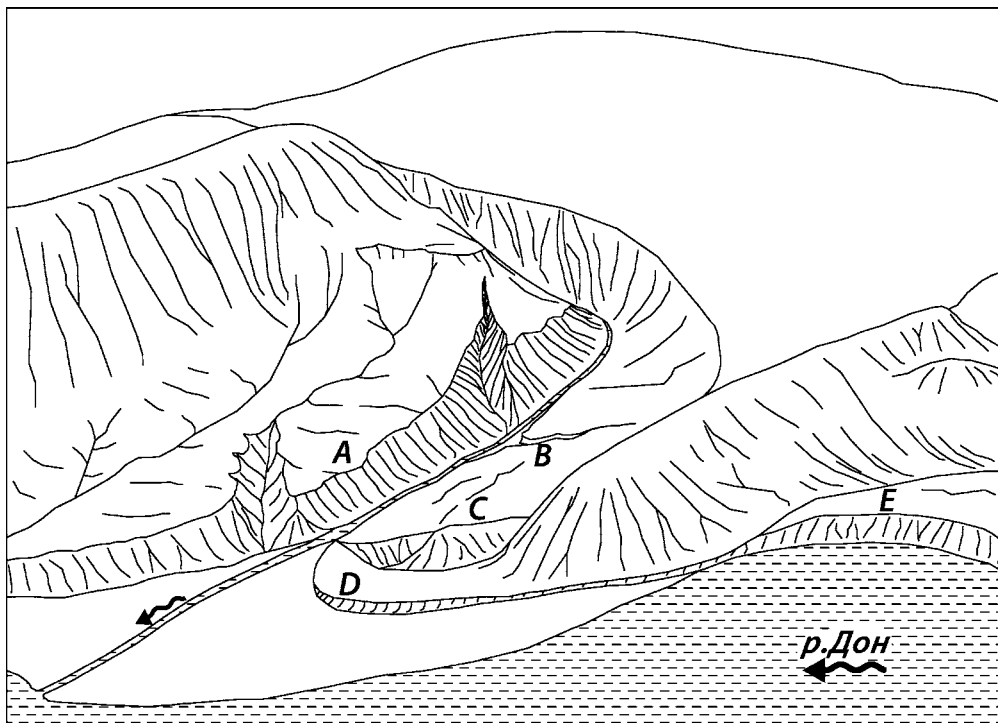

Рис. 90. Локальные элементы рельефа поселений граветта в Костёнковско-Борщёвском районе на Дону. А — высокий мыс во внутренней части балки; В — слабо выраженный в рельефе участок борта балки; С — высокий приустьевой мыс балки; D — слабо выраженный в рельефе приустьевой мыс балки, при ее впадении в долину Дона; E — открытый берег Дона

узкий борщёвский фрагмент долины должен был с паводковой периодичностью регулярно перекрываться наносами, в результате чего на участке КБР могли возникать условия подпорного водоема.

Современные весенние паводки на Дону в КБР достигают отметок до +7 м над урезом воды. При этом заливается вся обширная пойма реки и часть первой надпойменной террасы. Следовательно в палеолите в разы более мощный разлив Дона способен был проникать довольно высоко в устья балок и покрывать их борта примерно до тех отметок, на которых расположены стоянки КБР, приуроченные к высотным террасовым уровням. Скорее всего, горизонты почвообразования, зафиксированные на граветтских памятниках, были связаны с формированием локальных аккумулятивных форм микрорельефа внутри балок, которые соответствуют берегам периодически возникавших палеоозер. В маловодные (зимние?) и беспаводковые периоды подобные же образования должны были сформироваться на низких береговых уровнях уже непосредственно в речной долине, подтверждением чему могут служить позиции стоянок Костёнки 4 и Костёнки 21, расположенных на низкой первой

террасе. Дополнительным аргументом в пользу периодического подтопления участка КБР являются речные моллюски, достоверно зафиксированные на костёнковских стоянках (Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 232–233)

По-видимому, фактор изменчивости речного стока оказывал огромное влияние на необычно высокую продуктивность местной экосистемы в палеолите, что в целом может объяснить феномен концентрации стоянок первобытного человека в КБР. Многочисленность поселений средней поры верхнего палеолита, составляющих значительную часть костёнковских памятников (рис. 82), свидетельствует о том, что в эпоху граветта условия для проживания человека здесь были наиболее благоприятными (Лисицын 2014).

9.6. Хронология и периодизация

К настоящему времени получено более сотни дат по образцам из культурных слоев памятников граветта в КБР (не все опубликованы), причем почти половина из них — из верхнего культурного слоя Костёнок 1. В основном определения сделаны по костным образцам и не всегда имеют точную привязку. Имеющиеся ¹⁴C датировки по памятникам в усредненных некалиброванных значениях определяют существование граветта в КБР в рамках от ~27 (Костёнки 8/II) до ~21 тыс. л. н. (Костёнки 21/III). При этом практически для каждого памятника в серии датировок имеется разброс значений, предоставляющий широкое поле для хронологических предпочтений и, соответственно, для определения места в периодизации. Наиболее достоверной возможностью для разработки периодизации костёнковского граветта является рассмотрение тех или иных комплексов на фоне граветтских памятников других регионов и их взаимная корреляция. В соответствии с общеевропейскими представлениями о периодизации верхнего палеолита граветт КБР может быть разделен на ранний 27–25 тыс. л. н., средний 25–24 тыс. л. н. и поздний 23–21 тыс. л. н. Учитывая общий археологический контекст выделенных культурных групп граветта КБР с памятниками Восточной и Центральной Европы, а также наличие согласующихся датировок, можно установить культурно-хронологическую последовательность культурных комплексов (табл. 12).

Таблица 12. Периодизация и хронология памятников граветта в КБР

Периодизация	Культурные комплексы	Памятники	Датировки ¹⁴ C uncal. BP	Культурные аналогии
РАННИЙ ГРАВЕТТ (27–25 тыс. л. н.)	<i>Тельманский</i>	Костёнки 8/II.	27 700±750 (GrN-10509) ¹ 27 670±270 (OxA-30198) ² 27 620±270 (OxA-30197) ² 25 640±210 (CURL-15797) ³ 24 500±450 (GIN-7999) ⁴ 23 340±150 (CURL-15816) ³ 23 020±320 (OxA-7109) ⁴ 21 900±450 (GrA-9283) ⁵	«ГРАВЕТЬЕН»: Пайличчи/23а Гайссенкклерле/1с Абри Пато/5

Периодизация	Культурные комплексы	Памятники	Датировки 14С uncal. BP	Культурные аналогии
СРЕДНИЙ ГРАВЕТТ (25–24 тыс. л. н.)	Александровский	Костёнки 4/I–II	25 290±210 (ОхА-30194) сл. I/II ² 24 790±190 (ОхА-30193) сл. I/II ² 24 710±200 (ОхА-30196) сл. I/II ² 23 000+300 (ГИН7994) сл. I ⁴ 22 800+120 (ГИН7995) сл. I ⁴ 20 290+150 (ОхА8310) сл. I/II ⁶ 14 210±70 (ОхА-30195) сл. I/II ²	«ПАВЛОВЬЕН»: Павлов 1 Миловице
		Костёнки 9	—	Якшице 2
		Борщёво 5/I	25 110±200 (ОхА-30200) гор. Ia ² 24 720±190 (ОхА-30199) гор. Ia ² 22 500±700 (ГИН-10239) ⁷ 20 000±300 (ЛЕ-6947) ⁷ 17 400±2000 (ЛЕ-5571) ⁷ 14 060±110 (ЛЕ-6809) ⁷	Кашов Груб/Кранветберг
ПОЗДНИЙ ГРАВЕТТ (23–21 тыс. л. н.)	Костёнковско-Авдеевский	Костёнки 1/I	>45 дат в интервале 24 570–8 700 л. н. с концентрацией датировок 23–22 тыс. л. н. ⁸	«ВОСТОЧНЫЙ ГРАВЕТТ»:
		Костёнки 13	—	Виллендорф 2/IX
		Костёнки 18	23440±150 (ОхА-Х-2666-53) ¹¹ 21 020±180 (ОхА-7128) ⁴ 20 600±140 (ГИН-8032) ⁴ 19 830±120 BP (GrA-9304) ⁵ 19 300±200 (ГИН-8576) ⁴ 17 900±300 (ГИН-8028) ⁴	Краков-Спадзиста Мораваны
		Костёнки 14/I	22 940 ± 100 (GrA-46676) ⁹ 22 780±250 (ОхА-4114) ⁴ 22 500±1000 (ЛЕ-5274) ⁴ 21 090±220 (AA-91465) ⁹ 20 730±90 (GrA-46677) ⁹ 20 100±1500 (ЛЕ-5269) ⁴ 19 900±850 (ГИН-8024) ⁴ 19 700±1300 (ЛЕ-5567) ⁹	Авдеево Зарайск Бердыж
РАННИЙ ЭПИГРАВЕТТ (~21 тыс. л. н.)	Аносовский	Костёнки 21/III жилые объекты	22 860±320 (GrN-24968) ⁶ 22 270±150 (GrN-7363) ¹ 22 230±100 (GrN-14669) ⁶	Гагарино Хотылёво 2
			Костёнки 11/II	21 780±90 (ГИН-9668) ¹⁰ 21 260±340 (GrN-10513) ¹ 16 960±300 (ЛЕ-1043) ¹ 21 800±200 (ГИН-2531) ¹ 15 200±300 (ТА-34) ¹

¹ Праслов, Рогачёв /ред./ 1982; ²Reynolds et al. 2015; ³Дудин и др. 2016; ⁴Синицын и др. 1997; ⁵ Sinitsyn 2004; ⁶Желтова 2007; ⁷Лисицын 2004; ⁸Аникович и др. 2008; ⁹Синицын 2014а; ¹⁰Синицын 2014б; ¹¹Reynolds et al. 2017.

9.7. Заключение

Эпоха граветта в Костёнковско-Борщёвском палеолитическом районе на Дону нашла отражение в разнотипных памятниках, относящихся к граветтийскому (граветтоидному) технокомплексу. Памятники КБР содержат богатый набор источников для изучения и реконструкции истории групп населения, населявших Русскую равнину накануне ледникового максимума. Культурная дифференциация костёнковского граветта, с учетом помещения комплексов в общеевропейский контекст, приобретает вид относительно стройной периодизации. Выделяются культурные комплексы, отличающиеся спецификой материальной культуры. Они имеют привязку к разным хронологическим эпизодам и находят соответствующий культурно-археологический контекст среди памятников Восточной и Центральной Европы.

- 1) Ранний граветт: Костёнки 8/II (27–25 тыс. л. н.).
- 2) Средний граветт: Борщёво 5/I, Костёнки 9, Костёнки 4 (25–24 тыс. л. н.).
- 3) «Восточный» граветт: Костёнки 1/I; 13; 18; 14/I (23–22 тыс. л. н.).
- 4) Поздний граветт гмелинского облика — Костёнки 21/III (22–21 тыс. л. н.) и аносковский комплекс — Костёнки 11/II (~21 тыс. л. н.).

Первое проявление граветта ~27–25 тыс. л. н. было связано с проникновением в бассейн Дона группы населения с индустрией типа Костёнок 8/II. Вторая волна поселенцев 25–24 тыс. л. н., ассоциирующаяся с павловьеном, сформировала группу типа Александровка-Борщёво. И наконец, третья волна 23–22 тыс. л. н. была связана с виллендорфско-костёнковской общностью. Не исключено, что начавшееся похолодание 21–20 тыс. л. н. привело к изменениям природной обстановки, следствием которого стало появление местных индустрий аносковского и гмелинского типа. При этом гмелинский комплекс в большей степени наследует граветтийским традициям, а аносковский явным образом демонстрирует иную линию культурного развития.

Я полагаю, что причины необычайного культурного разнообразия памятников граветта КБР, в условиях наступления похолодания ледникового максимума, нужно связывать с благоприятными экологическими условиями для устройства стоянок-поселений на данном локальном участке долины Дона. КБР был своеобразным местом притяжения для граветтийских племен, осваивавших пояс перигляциальных тундростепей, протянувшийся от Центральной до Восточной Европы. Отсутствие признаков смешения и гибридизации различных генераций граветта в Костёнках может указывать на то, что обитание этих групп населения на Дону было относительно последовательным. Вопрос об их непосредственных контактах между собой остается открытым.

Глава 10

Второй этап функционирования Днепро-Донской ИКО: основные проблемы

М. В. Аникович

Приблизительно с начала валдайского климатического минимума (~20 тыс. л. н.) в центре Русской равнины (среднее и верхнее Поднепровье, бассейн Десны, Средний Дон) широко распространяются новые культурные традиции. Их носители использовали крупные кости мамонта для сооружения иных конструкций — округлых наземных жилищ. Развалины таких жилищ зафиксированы на целом ряде восточноевропейских стоянок: Мезин, Межиричи, Добраничевка, Юдиново, Гонцы, Костёнки 11/1а, Костёнки 2 и др. По совокупности радиоуглеродных дат эти памятники датируются в пределах 20–14 тыс. л. н. Отдельные, более древние и более молодые, датировки могут быть оспорены.

Данный специфический тип сооружения первым выделил и описал А. Н. Рогачёв (1962: 12–17). Впоследствии он не раз уточнял содержание термина (1964: 12; 1970: 72). Окончательное определение конструкции *аносовско-мезинского типа* («округлое в плане наземное костно-земляное жилище с двумя-четырьмя окружающими его ямами-кладовыми») появилось, когда А. Н. Рогачёвым и М. В. Аниковичем была разработана типология верхнепалеолитических жилищ Восточной Европы (Рогачёв, Аникович, 1984: 163, 189–192).

В дальнейшем З. А. Абрамова уточнила и дополнила это определение. По ее мнению, ямы-кладовые имеют отношение не собственно к жилищу, но к целому жилому комплексу. Жилища различаются как по размерам, так и по форме скопления костей, а также по количеству костей мамонта, использованных для их сооружения; наличию/отсутствию углубленности в землю (и степени ее); расположению очага (внутри или снаружи); существованию входа. Количество черепов в конструкции колеблется от 7 до 46, всего костей от 80 до 500 и более, а численность особей мамонта — от 11 до 95. При общем сходстве всех жилищ каждое из них обладает своими конструктивными особенностями (Абрамова, 1997: 55–62).

Аносовско-мезинский тип жилых конструкций представляет собой один из важнейших элементов материальной культуры второго этапа существования Днепро-Донской ИКО. При этом уже давно было отмечено: типы жилых

комплексов и отдельные АК в рамках данной ИКО не совпадают между собой. «Культурное своеобразие группы памятников, отражающее традиции, с наибольшей полнотой прослеживается на основании анализа кремневого инвентаря. При этом памятники одной культуры могут представлять собой поселения с различными типами жилых комплексов, а памятники разных культур — один тип жилого комплекса...» (Рогачёв, Аникович, 1984: 197).

В то время как для каменных индустрий характерна ориентация на повторение некогда заданных (традиционных) форм и технологии их изготовления, а также относительно медленные темпы их развития, то жилые конструкции как результат хозяйственной деятельности человека отражают процесс и механизм его приспособления к данному биогеоценозу и цикличности природных процессов. Типы жилых конструкций в наибольшей степени отражают особенности ландшафта и обусловленной им системы природных адаптаций человеческих сообществ, в конкретном месте и в конкретное время. В другом месте тот же коллектив мог бы возвести постройку иной конструкции... Таким образом, существование аносовско-мезинского типа жилищ на широких территориях Среднего Поднепровья, бассейнов Десны и Среднего Дона, в рамках различных АК, указывает на однородность моделей природопользования и экономической ориентации позднепалеолитического населения региона. Но при этом округлые костно-земляные жилища все же являются неповторимой характеристикой, если не отдельных культур в рамках Днепро-Донской ИКО, то самой этой ИКО в целом. Нигде в других местах обитания мамонта подобных жилищ не встречено.

Культуры с округлыми костно-земляными жилищами не обнаруживают прямых связей ни с виллендорфско-костёнковской, ни с другими, более ранними индустриями ориньякоидного и граветтоидного облика на территории Восточной Европы. Указанные памятники возникают на Русской равнине внезапно, как бы из ничего. Стоит отметить, что появление новых культурных традиций не означало полного исчезновения стоянок виллендорфско-костёнковской культуры. Наличие памятников этой культуры в бассейне Оки в период 20–16 тыс. л. н. (Зарайская стоянка) можно считать твердо установленным фактом. Правда, при этом стоянок с жилищами аносовско-мезинского типа в Поочье не обнаружено, поэтому здесь пока нельзя говорить о *сосуществовании* различных культурных традиций на одной территории. Однако в бассейне Среднего Дона виллендорфско-костёнковские и аносовско-мезинские традиции, по-видимому, именно *сосуществовали* в течение нескольких тысячелетий.

Большинство археологов попросту игнорируют так называемые молодые радиоуглеродные даты (~20–16 тыс. л. н.), полученные для восточноевропейских памятников виллендорфско-костёнковской АК (Костёнки 1/1, Костёнки 14/1, Костёнки 18, Авдеево, Бердыж, Гагарино). До недавнего времени так поступал и один из авторов настоящей книги (Аникович 1998). Однако результаты исследования Зарайской стоянки, а также проведенный нами анализ весьма представительной совокупности дат, полученных для Костёнок 1/1, второй жилой комплекс (Аникович и др. 2008: 193–199), заставили отказаться от такого подхода и допустить принципиальную возможность, что, за отдельными

(обоснованными) исключениями, *все даты в пределах указанной выше совокупности объективно отражают время существования данных памятников.* Таким образом, в Костёнках в течение нескольких тысячелетий периодически сосуществовало разнокультурное население: в Покровском логоу — носители виллендорфско-костёнковских культурных традиций, а в соседнем Аносовом логоу — строители округлых костно-земляных жилищ из крупных костей мамонта.

На территории Восточной Европы культуры второго этапа Днепро-Донской ИКО, с их высокоразвитым домостроительством, совершенной техникой обработки кости, рога, бивня и кремня, с исключительными по разнообразию и своеобразию произведениями мобильного искусства, бесспорно, представляли собой одну из вершин развития палеолитической культуры как таковой. Встает естественный вопрос: *за счет чего, на основе какого рода деятельности возникли и развивались эти культуры, функционировавшие в центре Русской равнины по крайней мере в течение 10 тысяч лет?*

Глава 11

Позднепалеолитические округлые жилища: проблемы реконструкции

В. В. Попов

11.1. Введение

Жилище для человека является «второй природой» — искусственно созданной средой обитания и формой адаптации к определенным условиям внешней среды. «Взамен того, чтобы приспособлять свой организм к разным условиям и ее постоянным изменениям, человек избрал другую форму отношений с внешним миром — подгонку компонентов среды к своим особенностям и потребностям, создав, таким образом, качественно новый тип адаптации — адаптивную инверсию, которая определяла ход ускоряющего прогресса на уровне рода *Homo*» (Зубов, 2004: 28). Вместе с тем жилые сооружения в качестве результата деятельности людей представляют собой один из первостепенных элементов материальной культуры. Одновременно они являются свидетельством социального взаимодействия людей, ибо только коллектив способен построить жилище.

Важнейшим компонентом материальной культуры является изготовление орудий труда, их формы, номенклатура и т. д.; в археологии палеолита это основной, а зачастую единственный источник. Однако в каменных индустриях господствует ориентация на повторение некогда заданных (традиционных) форм и технологии их изготовления, а также относительно медленные темпы их развития. Все это создает специфический облик каменного инвентаря и служит одним из оснований для выделения археологических культур.

В отличие от инвентаря жилые конструкции, являющиеся результатом хозяйственной деятельности человека, выражают процесс и механизм его приспособления к данному биогеоценозу и к цикличности природных процессов. Тем не менее для верхнего палеолита в настоящее время они не могут являться культурно-определяющим показателем. Остатки жилищ являются материальным ингредиентом конкретной археологической культуры, отражающим палеогеографию ландшафта в конкретное время и в конкретном месте. В другом месте могло быть построено жилище иной конструкции.

По мнению этнографов, жилища и тесно связанные с ними хозяйственные постройки, определяющие характер поселения, являются одним из основных элементов материальной культуры, созданной людьми в процессе коллективного труда; преобразования окружающей естественно-географической среды и активной адаптации к ней. Жилище выражает собой наиболее очеловеченную часть искусственной среды. При этом влияние среды обитания на материальную культуру, в том числе и на жилище, обусловлено способом производства и социально-экономическим уровнем развития каждой конкретной общности (Чебоксаров, Чебоксарова 1984: 34). Вместе с тем типы жилых построек опосредствованы образом жизни этой самой общности; от степени оседлости или подвижности. Определены следующие категории образа жизни: оседлый, полuosедлый, полукочевой, кочевой и бродячий. «Для оседлых и в меньшей степени полuosедлых народов характерны стабильные (постоянные) дома; для полукочевых, и особенно для кочевых этносов — переносные разборные жилища; для бродячих этнических общностей — разнообразные временные шалаши, навесы, ветровые заслоны и другие конструкции, сооружаемые на каждом очередном стойбище из имеющихся под рукой материалов» (Там же: 35–36). Данные категории жилых сооружений существуют во всех географических поясах, но, естественно, в различной соразмерности, в зависимости от времени и пространства.

Экстраполируя этнографическую информацию о жилищах на исследованные остатки верхнепалеолитических сооружений, можно констатировать, что они являются источником для следующего. Во-первых, жилые конструкции служат материалом для суждений о взаимодействии человека с природной средой, его адаптации. Во-вторых, о социальной организации и структуре, а также образе жизни и степени оседлости. В-третьих, о природно-климатических условиях, существовавших в период сооружения жилища, также возможного сопоставления с региональными хроностратиграфическими схемами.

11.2. Типы жилищ по материалам этнологии

В качестве аналогии для суждений о верхнепалеолитических жилищах и соответственно поселениях, существовавших в перигляциальной зоне (КИС 3 и 2), необходимо использовать этнографические материалы о жилых постройках жителей степей умеренного пояса, лесотундры и тундры. В названных зонах существовали следующие типы: конусообразный чум; яранга; юрта; землянка «валкарон» (дом из челюстей кита); полuzемлянки, обложенные корой и дерном; вежа и тупа лопарей; балаган; корякская и ительменская полuzемлянка; свайные пирамидальные постройки ительменов; летние палатки эскимосов (каркас составлялся из распаренных оленьих рогов); иглу — снежная хижина.

Среда обитания оказывала влияние как на конструкцию (устройство и взаимное расположение строительных элементов), так и на форму жилища. Совершенно очевидно, что при недостатке дерева в безлесных районах формировались каркасно-столбовые постройки. В них крыша представляла собой основную несущую конструкцию и собиралась из горизонтальных и вертикальных или

наклонных балок, шестов. Стены несущими не являлись и составлялись самыми различными материалами. При этом у конусообразных конструкций скаты кровли становились и стенами.

Как писал известный исследователь жилищ народов Северной Евразии А. А. Попов: «Жилые постройки народов Сибири, как по архитектурным формам, так и по конструкциям различны и тесно связаны с климатическими условиями и окружающей географической средой, доставляющей строительные материалы. Географическая среда в условиях примитивной техники оказывала большое влияние на конструкцию и архитектурные формы жилищ, придавая им большое разнообразие. Меньшее влияние, чем это можно представить, оказывала на архитектурные формы хозяйственная деятельность человека» (Попов 1961: 131).

Таким образом, на основании этнографических материалов можно заключить, что: а) среда обитания определяла форму, конструкцию и строительный материал жилищ; б) конструкция жилища зависела, в том числе, и от образа жизни населения. Более или менее капитальные сооружения создавались при оседлом и полуседлом образе жизни. Разборные, переносимые — при кочевом. Временные — при бродячем. К этому, наверное, следует добавить еще одну дефиницию — сезонность (то есть для какого времени года строилось жилище).

В этнографии жилые сооружения аборигенов Северной Азии подразделяются на следующие виды: укрытия — для проживания в течение нескольких дней; временные — несколько летних месяцев; постоянные — рассчитанные на долгое проживание. Однако последние два термина используются условно, ибо в большинстве случаев у населения было два жилища: летнее и зимнее, которые значительно отличались между собой по конструкции (Там же: 131, 132).

Соответственно, сами поселения также различались между собой. *Постоянные поселения* — с фундаментальными зимними жилищами, в которых люди проживали на протяжении жизни нескольких поколений или даже столетиями. В летнее время в них оставались старики, дети и часть женщин. Трудоспособное население уходило на *летние поселения* — приближенные к местам охоты и рыболовства; там оно обитало до конца летнего сезона и затем возвращалось в постоянные поселения.

Позволю себе, по возможности кратко, охарактеризовать типы жилых сооружений обитателей тундры, лесотундры и холодной степи.

Юрта. По мнению многих археологов и этнографов, появилась только в середине I тыс. до н. э. и преобразовалась из шалаша «хуннского типа». В качестве промежуточного этапа ее генезиса указывают на шалаши полусферической формы, известной у скифов (Нечаева 1975: 13–16, 23–24). Подобный же тип постройки существовал и у кочевников Центральной и Южной Сибири во второй половине I тыс. до н. э. (Вайнштейн 1991: 57). Они сооружались «... из ... жердей, верх которых укреплялся в скрещивании конически установленных (трех. — В. П.) жердей в центре жилища» (Вайнштейн 1976: 45).

Более совершенной, но в целом близкой формой являлись постройки этнографической группы «тюрк» в Узбекистане: каркас составлялся из перекрещи-

вающихся составных деревянных дуг. Нижняя часть покрывалась камышовой циновкой, а верх — кошмой. Диаметр сооружения от 4 до 15 метров (Кармышева 1960: 17). Впрочем, некоторые ученые полагают, что процесс развития юрты не был таким прямолинейным (Кузьмина, Лифшиц 1967; Флёров 1996).

Опоры из двух, трех или более установленных под конусом, скрещивающихся сверху жердей, представляют собой основания каркасов яранг — оленьи чукчи, коряки; у эвенов они называются «чарома-дю». Яранги, видимо, также относительно поздний тип жилого сооружения (Чебоксаров, Чебоксарова 1984: 62), возникший в местах с сильными ветрами (Попов 1961: 147–149, 159) и, вероятно, представляют собой дальнейшее развитие конструкции чума в направлении увеличения его вместимости (Семёнов 1968: 226).

Иглу — «снежная хижина». Является узкоспециализированным типом жилой постройки, возникшей ввиду недостатка не только дерева, но и костей. Возведение ее возможно только из правильной формы стандартных снежных блоков (Файнберг 1991: 54–57). Из костей мамонта подобного рода жилище не построишь. Теоретически вполне возможно, что остатки некоторых жилищ, выявленные на памятниках только по концентрации и локализации культурных остатков и определяемые как «легкие и временные жилища без «очага», представляют собой остатки пола «снежных хижин». Впрочем, иглу, вероятно, также поздний тип жилого сооружения. По мнению Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой, им предшествовали такой же конфигурации каменные постройки с углубленным в землю полом. «Стены над землей строились из камней и китовых ребер, дуги которых ставились у стен так, что их концы пересекались. Все жилище покрывалось тюленьими шкурами, на которые клали толстый слой толстый слой мелкого верескового кустарника, а поверх него — еще слой шкур (Чебоксаров, Чебоксарова 1984: 62).

Чум. Постройки этого типа под различными самоназваниями известны у следующих народов: долган, кетов, коряков (оленеводов), нганасан (тавгийцев), ненцев (самоеды), негидальцев, орков, орочей, северных якутов, саамов (лопари, остяки), чукчей (оленеводов), эвенков (тунгусы), энцев, юкагиров. Как мне представляется, такие жилища конусообразной формы являются не только наиболее простыми, но, вероятно, и наиболее древними конструкциями. Вместе с тем они максимально адаптированы к климату тундры, лесотундры и холмных степей.

Поскольку подобного рода жилые сооружения принадлежат народностям, живущим в природных условиях, близких к перигляциальным областям позднего плейстоцена Восточной Европы, есть смысл более детально проанализировать их конструкцию. При этом, возможно, проявятся еще более древние, первозданные основы элементов конструкций округлых в плане жилищ.

В остове чума, состоящем из жердей, выделяются 2–3 основных шеста, которые соединялись сверху над центром (очагом). «Одна из них имеет на верхнем конце два или три отверстия, другие столько же зарубок, соответствующих размерам отверстий первой жерди... Обе основные жерди, соединенные таким образом, устанавливаются, образуя как бы арку с острой вершиной. К этой вершине приставляются затем по кругу (внешнему). — В. П.) остальные жерди чума

(от 20 до 60. — В. П.), образующие его конусообразный остов. В верхней части остова оставляют отверстие для выхода дыма» (Попов 1948: 79). Подножия шестов располагались по окружности диаметром от 2,5 до 9 м. Как правило, основание чумов небольших размеров было эллипсовидным, у построек более значительных оно приближалось к правильному кругу. Перед установкой чума летом на этом месте снимался слой почвы, зимой снег утрамбовывался или полностью расчищался до поверхности почвы. Таким образом, по длине окружности образовывался снежный или земляной вал. В нем против входа делали отверстие, обеспечивающее вентиляцию. В ряде случаев от очага в центре чума прорывали канавку за пределы жилища. В связи с этим следует вспомнить, что подобного рода очаги исследованы на ряде верхнепалеолитических памятников, в частности на стоянке Костёнки 19 (Борисковский 1963: 145–149). В каждом чуме проживало от двух до пяти семейств (Богораз 1991: 102, 103, 112; Васильевич 1969: 109–114; Вербов 1936: 65; Долгих, 1949: 86; Долгих 1971: 93–103; Левин, 1936: 72; Линденау 1983: 24, 25, 58, 82, 108, 109; Попов 1948: 79–88; Симченко 1992: 93–103; Файко 1960: 144; Харузин 1895: 8, 9; Хомич 1966: 101–113; Чернецов 1937: 85–92).

Данный тип жилой постройки у вышеназванных народностей являлся переносным (каркасным), что обуславливалось характером хозяйственной деятельности: оленеводство и/или охота на «диких» северных оленей. Тем не менее это вовсе не означает, что их следует противопоставлять постоянным (непереносным) ярангам «для распознавания постоянных зимних жилищ и временных летних» (Пидопличко 1969: 15). Нет никаких оснований считать чум «временным» жилищем, а одну из его специфических разновидностей — ярангу — называть постоянным, зимним. В этой связи представляет интерес свидетельство И. С. Гурвича о том, что эвены-тюгясиры зимой жили в конусообразном чуме, а летом — в коническо-цилиндрическом, т. е. в яранге (Гурвич 1956: 47). Чум и яранга являлись каркасными переносными жилищами, в которых жили как летом, так и зимой, в том числе и по несколько лет на одном и том же месте.

Обычно различают летние и зимние чумы и яранги. Отличия между ними малосущественны: зимний покрывался двумя рядами меховых покрышек, летний — одним рядом или берестяными полотнищами; в каркасе использовалось меньшее количество шестов и т. д. Основание яранги на зиму иногда обкладывали дерном или камнями на высоту 0,70–1,0 м. Если семья проживала на одном месте продолжительное время, то постройку несколько раз передвигали на 20–30 м в сторону (Долгих 1971: 95, 96; Хороших, Чемуев 1980: 174).

По мнению вышеназванных этнографов, чумы и яранги имеют целый ряд ценных атрибутов: простота конструкции; минимальное использование такого дефицитного в тундре материала как лес; устойчивость к атмосферным осадкам и к ветрам с разных направлений и любой силы.

Вежи саамов Кольского полуострова имели форму усеченного конуса или усеченной 4–8-гранной пирамиды. Основные жерди вверху прикреплялись к горизонтальной четырехугольной раме. К этому остову прислонялись шесты покрытия, на них наваливали хворост, а затем обкладывали дерном. Вероятно, усовершенствованным вариантом являлся другой вид постройки. В ее

основании лежал сруб из тонких бревен, в два-три венца. Каркас покрывался берестой, а затем обкладывался дерном. Основание же жилища углублялось в землю на 15–20 см. В этом же регионе зафиксирован довольно интересный способ защиты входа от ветра. Перед ним, снаружи, сооружали шалаш, зимой же эти «сени» делали из снега (Лукьянченко 1971: 100–104).

Как мне представляется, для данного типа жилых сооружений характерно следующее: а) углубление в почву; б) более капитальное подножие (цоколя), в виде сруба; в) использование большого количества насыпной земли и дерна в качестве стройматериала; г) минимальное использование дерева (несмотря на то, что, к примеру, вепсы проживали в лесной зоне).

К сожалению, в этнографической литературе мне не удалось найти детального описания жилищ, построенных с использованием костей кита. Разумеется, нельзя сравнивать размеры костей кита и мамонта, однако важна сама реальность практического использования или точнее приспособления костей в качестве строительного материала. О подобных жилищах на Чукотском полуострове сообщает С. И. Руденко: «Особенно показательны в этом отношении жилища в Сирэник, где для постройки одного, хотя, быть может, многосемейного жилища использовались до восьмидесяти одних только черепов кита, не считая нижнечелюстных костей, ребер и позвонков кита» (Руденко 1947: 70).

11.3. Остатки верхнепалеолитических жилищ и проблемы их реконструкции

11.3.1. Вводные замечания

В 1927 г. С. Н. Замятнин исследовал стоянку Гагарино (Замятнин 1929; 1935). В результате раскопок 1927 и 1929 гг. впервые в палеолитоведении оказались опознаны остатки долговременного жилища. Данное событие радикально изменило представления о степени развития общества в эпоху верхнего палеолита. Палеолитический памятник стал восприниматься уже не как временное стойбище, но как долговременное поселение с жилищами. Эти изменения в суждениях о культурном слое привели к разработке новых методических принципов его изучения. Основополагающим становится планиграфическое изучение культурного слоя как остатков поселения с жилищами, очагами и иными хозяйственными структурами, фиксацией расположения каменного инвентаря и т. д. П. П. Ефименко разрабатывает принципиально иную методику производства полевых исследований. В том числе вскрытие культурного слоя на широкой площади с расчисткой на месте значимых объектов. На раскрытой площади проводится анализ комплексов культурных остатков и их взаимосвязь.

Как отметила З. А. Абрамова: «Одним из наиболее существенных достижений советского палеолитоведения является открытие палеолитических жилищ и связанная с ними разработка проблем повседневной и социальной жизни» (Абрамова 1997: 5). Исследование палеолитических жилищ и поселений «обеспечило превращение палеолитоведения в раздел исторической науки»

(Рогачёв, Аникович, 1984: 163). Соответственно, начали создаваться варианты типологии палеолитических жилищ, исследованных в Восточной Европе.

Чаще всего такие типологии носили достаточно общий, умозрительный характер (см.: Борисковский 1958, 1989; Sklenář 1975; Чубур 2011: 293–298). В этом ряду классификация А. Н. Рогачёва отличалась тем, что, не претендуя на всеобщность, всецело основывалась на археологической конкретике. Автор отталкивался от конкретных археологических материалов, в том числе жилищ, исследованных им самим в Костёнках. В конечном счете были выделены следующие типы: аносовско-мезинский; костёнковско-авдеевский; александровско-пушкарёвский; александровско-тельманской; аносовско-гмелинский. При этом оговаривалось, что данная схема не является окончательной. Некоторые формы жилых сооружений — Гагарино, Костёнки 1/V, Костёнки 8/II, Пушкари 1, Вороновица 1 — не были определены (Рогачёв, Аникович 1984: 189).

11.3.2. Жилища аносовско-мезинского типа: проблемы реконструкции

Одной из наиболее сложных является конструкция жилищ *аносовско-мезинского типа* — «округлое в плане наземное костно-земляное жилище с двумя-четырьмя окружающими его ямами-кладовыми» (Там же). Заметим: вопрос использования костей мамонта при сооружении жилищ сам по себе является дискуссионным. Вместе с тем именно кости, как сохранившиеся элементы постройки, позволяют попытаться ее реконструировать.

Остатки жилых комплексов — «жилища аносовско-мезинского типа» — исследованы в Костёнковско-Борщёвском районе и на ряде стоянок Приднепровья. Данный тип сооружения обозначил А. Н. Рогачёв (1962: 12–17). Впоследствии он уточнял содержание термина (Рогачёв 1964: 12; 1970: 72). Окончательная формулировка появилась позднее: «округлое в плане наземное костно-земляное жилище с двумя-четырьмя окружающими его ямами-кладовыми» (Рогачёв, Аникович 1984: 189–192).

З. А. Абрамова внесла ряд дополнений в это определение А. Н. Рогачёва и М. В. Аниковича (Абрамова 1997: 55–62). По ее мнению, ямы-кладовые имели отношение не собственно к жилищу, но к целому жилому комплексу. Жилища различались как по размерам, так и по форме скопления костей; по количеству костей мамонта, использованных для их сооружения; по наличию/отсутствию углубленности в землю; существованию входа; расположению очага (внутри или снаружи). Количество черепов в конструкции колеблется от 7 до 46, всего костей от 80 до 500 и более, а численность особей мамонта от 11 до 95. При общем сходстве всех жилищ каждое из них обладает своими конструктивными особенностями.

В настоящее время известно более двух десятков таких построек, из них 16 изучено вполне совершенно: Костёнки 11 (Ia) — 1 (второе жилище вскрыто на 1/3), Костёнки 2–1, Супонево — 1, Мезин — 1, Юдиново — 4, Межиричи — 4, Добраничевка — 4 (Там же: 30).

Жилища, построенные с использованием большого количества костей мамонта, окруженные ямами-кладовыми, представляют значительный интерес

в качестве доказательства сложной социальной, производственной и хозяйственной (экономической) деятельности первобытных коллективов. Вместе с тем сугубо утилитарный характер вторичного использования биологических ресурсов (костей мамонта) является свидетельством возможностей человека в адаптации к среде обитания. Существование подобного типа жилищ (аносовско-мезинских) на территории Среднего Поднепровья, бассейнов Десны и Верхнего Дона, принадлежавших различным археологическим культурам, указывает на однородность моделей природопользования и экономической ориентации.

Ныне в музеях экспонируются в расчищенном состоянии, *in situ*, остатки трех жилищ аносовско-мезинского типа: одно на Костёнках 11 (рис. 96–97) и два — в Юдиново. Как мне представляется, сохранение подобных археологических объектов имеет важное значение. Как бы тщательно ни документировались исследования памятника, его описания в том или ином виде являются отражением точки зрения исследователя и производятся на уровне развития науки своего времени. Сохранение же объекта предоставляет возможность вернуться к нему и оценить на новом научном уровне.

В палеонтологическом музее АН Украины И. Г. Пидопличко реконструировал мезинское и первое межричское жилища (рис. 91–94). Весь костный материал он подразделил на следующие конструктивные элементы: цоколь, обкладка цоколя, забутовка цоколя, надцокольная обкладка, кости покрытия крыши,

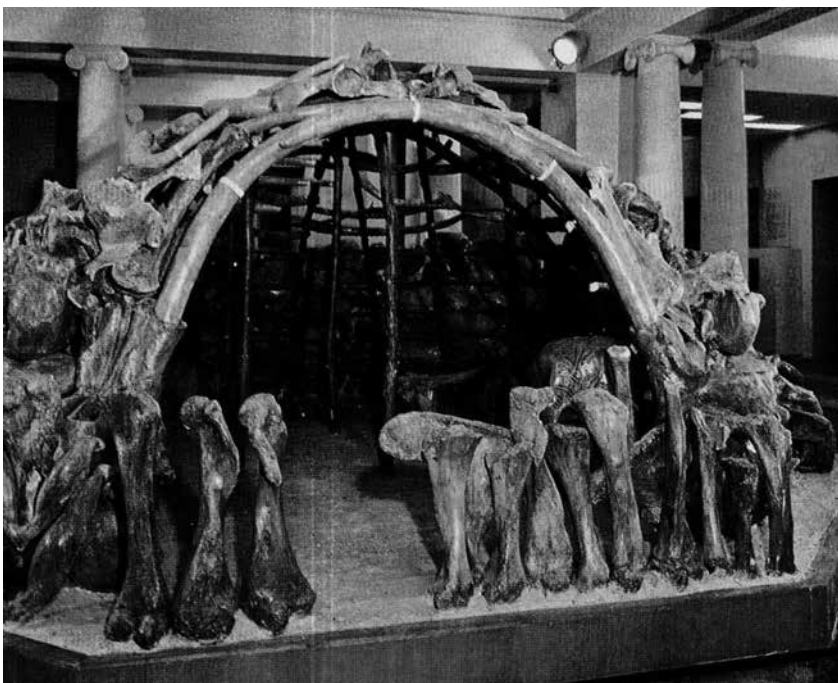

Рис. 91. Каркас первого межричского жилища в реконструированном виде в Палеонтологическом музее НАНУ. Вид спереди. На первом плане — «забор» из трубчатых и тазовых костей мамонта (по: Пидопличко 1976: 105)

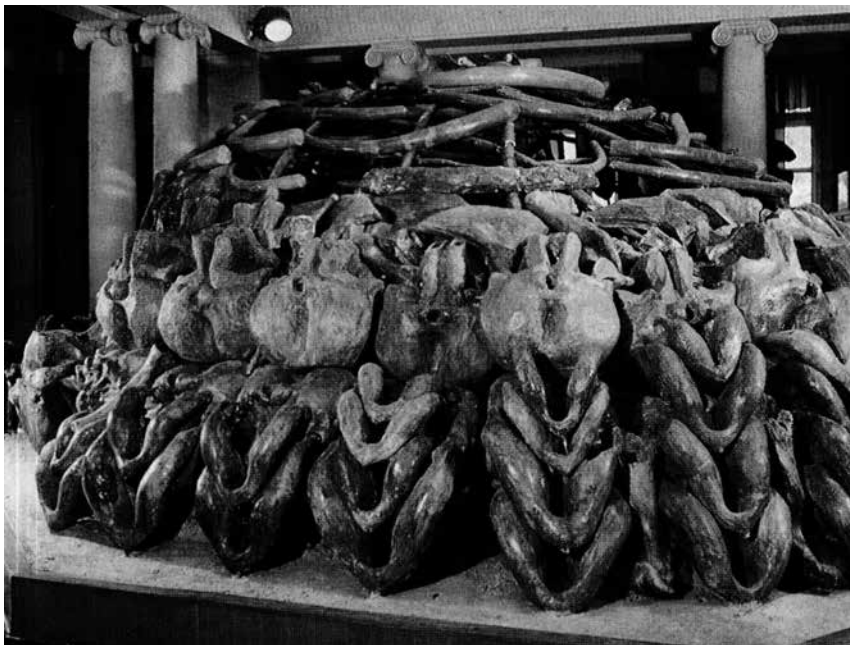

Рис. 92. Каркас первого межиричского жилища в реконструированном виде в Палеонтологическом музее НАНУ. Вид с тыла (на месте раскопок — с ЮВ). Видна обкладка цоколя из нижних челюстей мамонта (по: Пидопличко 1976: 105)

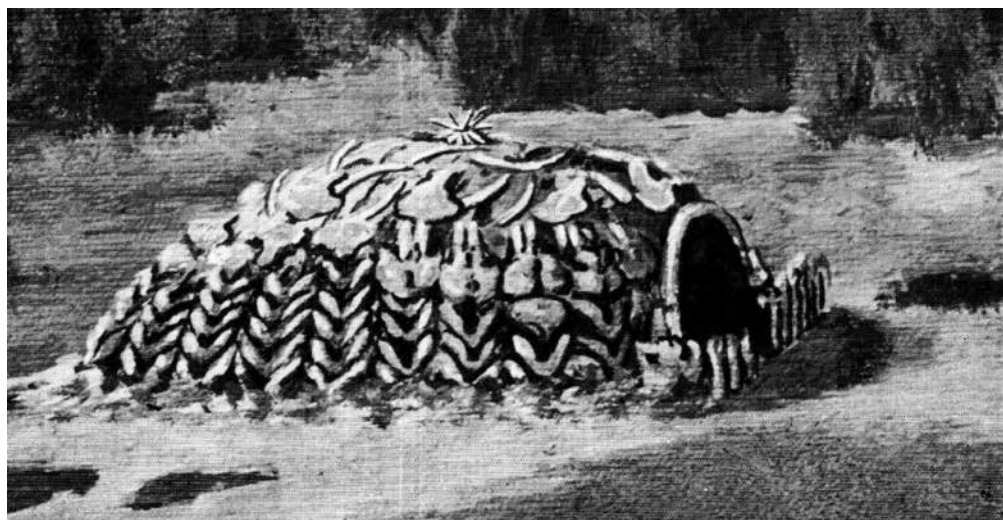

Рис. 93. Межиричи 1. Предполагаемый общий вид первого межиричского жилища (по: Пидопличко 1976: 108)

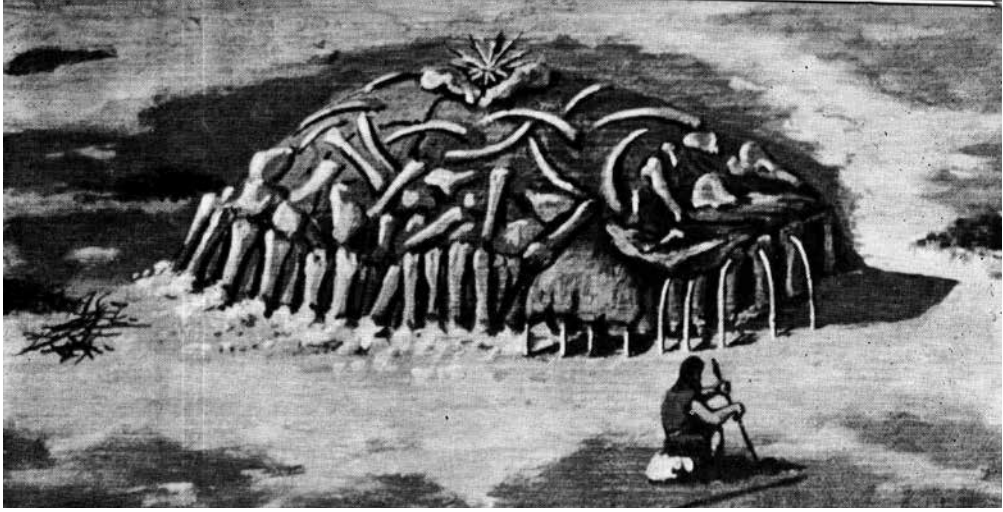

Рис. 94. Межиричи 2. Предполагаемый общий вид второго межиричского жилища (по: Пидопличко 1976: 109)

Рис. 96. Костёнки 11 (Аносовка 2). Остатки округлого костно-земляного жилища аносовско-мезинского типа (I жилой комплекс) и перекрытого им жилища аносовско-гмелинского типа. Музейная экспозиция. Фото 2005 г.

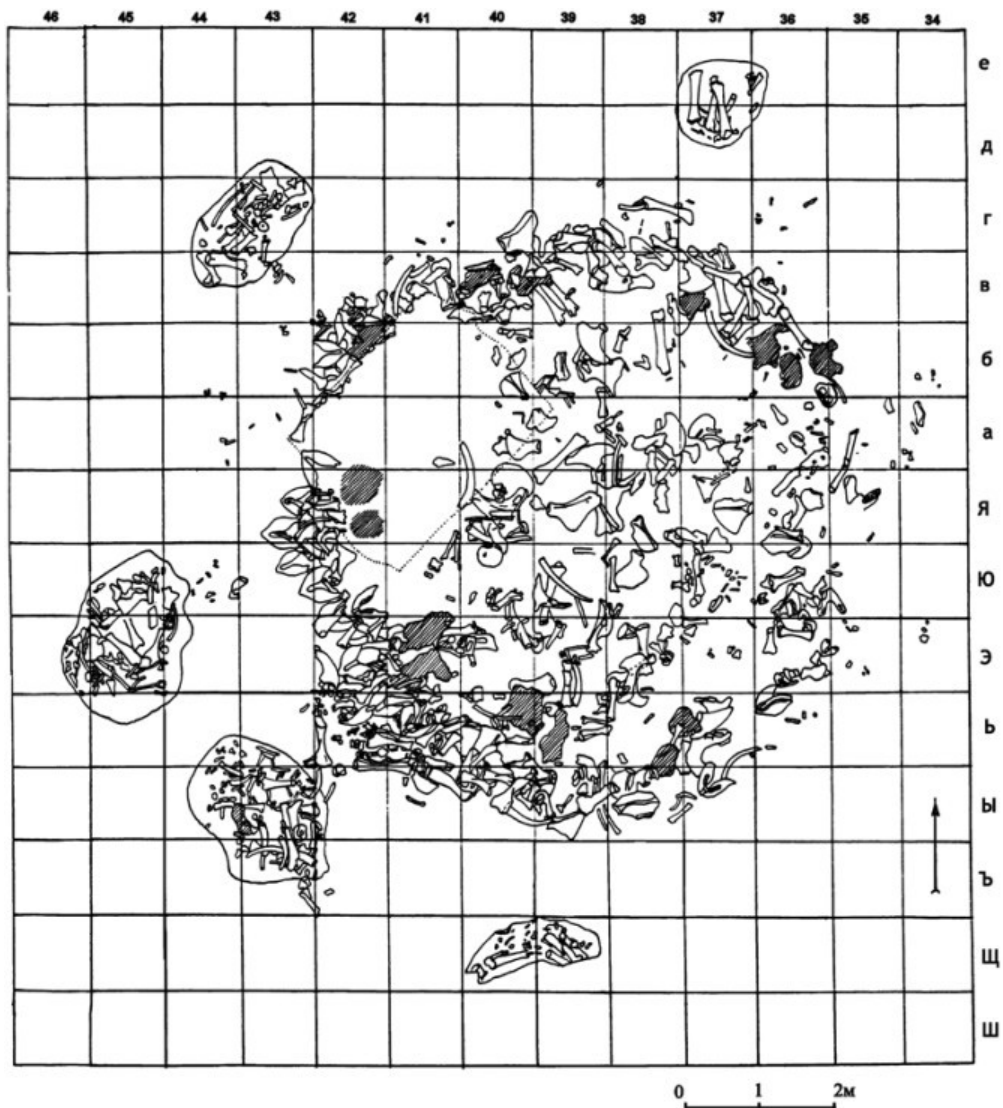

Рис. 95. Костёнки 11/1а. План округлого костно-земляного жилища аносовско-мезинского типа (I жилой комплекс). Штриховкой обозначены черепа мамонтов

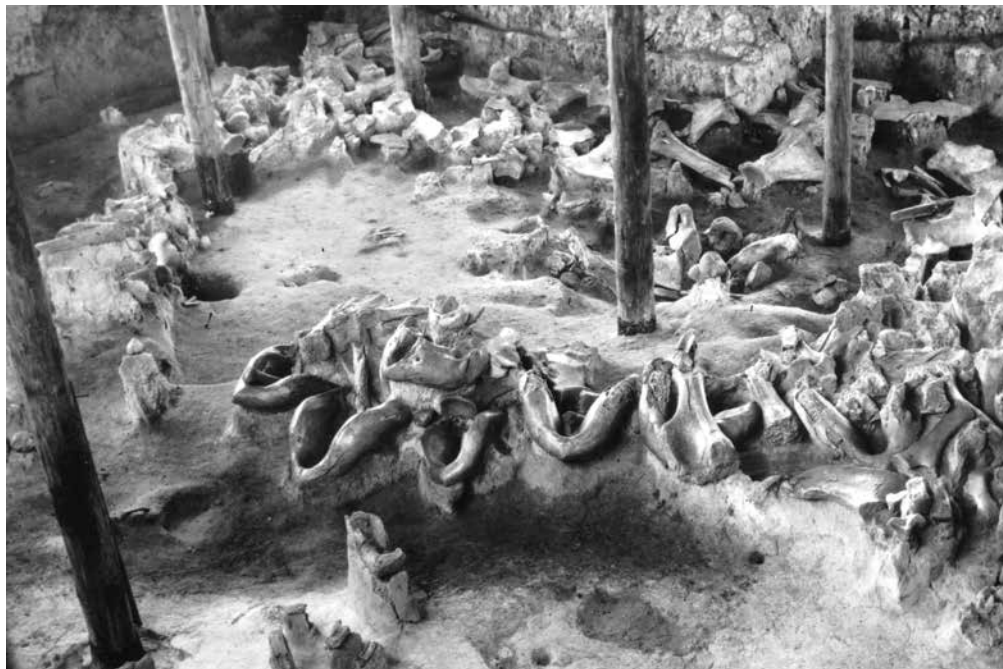

Рис. 97. Стоянка Костёнки 11/1а: первая музейная экспозиция (жилой комплекс 1). Вид с юго-запада. 1960-е годы

кости входа и забора у входов (Пидопличко 1969: 88–95; 1976: 92–112). Значительного внимания заслуживают суждения ученого о вкапывании в землю черепов мамонта, о высоте засыпки землей костей (по степени сохранности их верхних концов), о вероятности покрытия жилищ шкурами мамонта (на основании находок в развалинах жилищ пальцевых фаланг), и др. Наибольший интерес вызывает анализ анатомического и возрастного состава животных по костям, использованным в процессе строительства межиричских жилищ.

В опубликованных рецензиях произведен детальный анализ описаний и реконструкций И. Г. Пидопличко (Сергин 1972; 1978). Наиболее обстоятельно разобрала проблему межиричских жилищ З. А. Абрамова, высказавшая серьезные сомнения в наличии там «надцокольной обкладки» (Абрамова 1997: 37–45). На мой взгляд, необходимо высказать несколько дополнительных замечаний относительно формы жилища и положения костей в их конструкции.

В описаниях останков жилищ И. Г. Пидопличко постарался аргументировать свои представления о том, что черепа мамонта вкапывались в грунт (затылочными частями в Мезине, ростральными — в Межиричах и Добраничевке) на глубину до 50 см, а не прислонялись к каркасу постройки. Эти черепа составляли цоколь, который дополнительно обкладывался снаружи костями и засыпался землей. В первом межиричском жилище обкладка состояла из 95 нижних челюстей, уложенных друг на друга зубами вниз, «колонками» от двух до пяти экземпляров в каждой. Жерди каркаса постройки диаметром 5–6 см упирались

в черепа либо вкапывались между ними. Согнутые в виде полудуг, связанные между собой кольцевой обвязкой и внутренними подпорками, жерди каркаса образовывали сфероидной формы купол и удерживали на себе шкуры покрытия жилища, кости надцокольной обкладки и кости покрытия крыши.

Как мне представляется, подобная конструкция жилища едва ли возможна. Жерди каркаса, дугообразно согнутые, уже именно поэтому должны были испытывать чрезмерно большую нагрузку. В сыром виде они еще кое-как могли бы держаться, но, высохнув под нагрузкой, неизбежно сломались бы. Следует особо подчеркнуть: в конструкциях чумов и яранг, описанных этнографами, никогда не использовались *изогнутые* жерди.

Далее: едва ли было возможно выложить (без цементирующего состава) сложнофигурные и разномерные черепа, лопатки, тазовые, трубчатые и другие кости в виде вертикальной стенки, которая не только ни на что не опиралась, но воспринимала нагрузку костей надцокольной обкладки. Возможно, кости и удалось бы выложить в виде вертикальной стенки цоколя, опирающегося на поверхность почвы, не оказывая при этом давления на жерди каркаса. Но, обложенная снаружи костями «обкладки цоколя» и засыпанная землей, стенка цоколя из костей неизбежно стала бы: а) чрезмерно давить на каркас; б) нуждаться в подпорках изнутри жилища.

При наличной длине окружности жилища и высоте засыпки 1 м (Пидопличко 1969: 124) объем грунта был равен примерно 9 куб. м. Соответственно, вес его составлял не менее 5 тонн. Кости надцокольной обкладки общим весом около 1 тонны, согласно подсчетам И. Г. Пидопличко (Там же: 122), должны были оказывать не *частичное давление* на жерди каркаса, как полагал автор, но абсолютное. В противном случае они не только не прижимали бы к каркасу шкуры покрытия жилища, но сами нуждались бы в дополнительном закреплении. Если к вышеперечисленным нагрузкам прибавить вес шкур мамонта и костей покрытия крыши — около 2 тонн (Там же), то становится ясным, что *такую нагрузку жерди каркаса диаметром 5–6 см выдержать не смогут*, даже при наличии внутренних опор.

В помещении музея остов реконструированного жилища выдерживает нагрузку костей (при поддержке внутренних опор). Но ведь он не испытывает пятитонной нагрузки грунта засыпки и веса шкур покрытия! Кости мамонта здесь высохшие, весят значительно меньше. К этому следует добавить, что «жилище» в музее не испытывает никаких атмосферных воздействий (рис. 91–92).

Как мне представляется, при реконструкции жилищ анововско-мезинского типа следует основываться прежде всего на полевых наблюдениях. Вкратце они сводятся к следующему: 1) хорошая сохранность костей мамонта в скоплениях; 2) четкая их локализация, сохранение определенной системы выкладки, близкой к первоначальной; 3) концентрация внутри скоплений культурных остатков — расщепленных кремней, костных углей и т. д. (Попов 2002: 4–12). Подобное состояние объясняется тем, что основание сооружений состояло из земли, которая и способствовала консервации костей конструкции жилища и культурных остатков внутри его. Практически все исследователи отмечают это обстоятельство, однако не придают ему должного значения.

Перейдем теперь к вопросу, в каких конструктивных элементах жилища могли быть использованы кости мамонта в качестве строительного материала.

«Фундамент — подземная часть сооружения, служащая для передачи и распределения давления на грунт» (Кильпе 1984: 91–93). Поскольку кости мамонта залегали на древней дневной поверхности, а пол жилищ аносовско-мезинского типа находился на том же уровне или был слегка углубленным в землю, то необходимости в нем не было.

«Стены бывают несущими, если, кроме собственной, воспринимают нагрузку от перекрытий, самонесущими, если несут нагрузку только от стен, и ненесущими — навесными» (Там же). В первых двух случаях кости не могут использоваться в виду выраженной разнофигурности своих форм. В литературе высказывалось мнение о том, что обкладка костями (навесные стены) придавали жилищу красивый вид (Пидопличко, 1969: 118; 1976: 102). Но подобная обкладка возможна только у постройки, имеющей куполообразную (полусферическую) форму или форму низкого конуса. В этих случаях обкладка фактически становилась бы перекрытием. Но, как уже упоминалось выше, нагрузка от костей на жерди каркаса в данном виде стены превышала предельно допустимые.

Довольно часто используется термин «завалинка», понимаемый как нижняя утепленная часть стены (Шовкопляс 1965: 40). Однако завалинки, как внутренние, так и наружные, устраивались для удержания тепла в домах, где пол *приподнят* над землей (Бломквист 1956: 76–77), а не наоборот. Гораздо более вероятно, что в конструкции аносовско-мезинских жилищ кости в сочетании с землей использовались по типу возведения современных «земляных плотин из сухой кладки». Такие сооружения «имеют почти симметричный профиль со сравнительно крутыми откосами. При сухой кладке каждый камень (камни составляли тело плотины. — В. П.) подбирался по месту и укладывался отдельно» (Моисеев 1962: 10). В нашем случае кости мамонта как раз и являлись кладкой, скрепляющей земляную насыпь. «Для обеспечения равномерного давления на основание плотины (т. е. чтобы она не рассыпалась. — В. П.) ее теоретический профиль должен удовлетворять равнодействующей всех сил через центр основания плотины ... этому условию удовлетворяет равнобедренный треугольный профиль» (Там же: 16–17).

В скоплении костей остатков жилища Ia слоя на стоянке Костёнки 11 четко выделяется внешнее кольцевое нагромождение костей, залегающих по длине окружности, шириной около одного метра, подразделенной на 8 секций (рис. 95–97). Аналогичные кольцевые нагромождения выявляются и среди остатков жилищ ряда других стоянок. Каждая из секций состоит преимущественно из набора однотипных костей, уложенных в качестве «стандартных элементов».

Особенно показательно здесь назначение стоящих с наклоном внутрь и лежащих поперек скопления трубчатых костей, находящихся в каждой секции. Эти кости, установленные вертикально (стойки, колоны) и уложенные горизонтально (прогоны, ригеля) в теле земляной насыпи, являлись ее стоечно-балочной (каркасной) системой. Высота насыпи могла быть около 70 см — исходя из расчетов современных плотин, по ширине основания, а также длины торчащих трубчатых костей со сгнившим верхним концом. Подобные кости

фиксировались также и на стоянках Костёнки 2, Межиричи, Мезин и др. (Борисковский 1963: 27; Пидопличко 1976: 93; Шовкопляс 1965: 35–51).

Поскольку основание культурного слоя внутри скопления костей залегает в среднем на 50–30 см глубже древней дневной поверхности, общая высота земляного ограждения составляла около одного метра от пола жилища. Это позволяло в максимальной степени оградить обитателей от холода и одновременно сохранить тепло внутри. Данную часть сооружения можно назвать «цоколь».

В архитектуре под этим термином понимается более массивная нижняя часть или подножие (основание) здания, обычно несколько выступающее вперед по отношению к верху, с особым характером обработки или строительного материала (Кильпе 1984: 92, 102). Потребное количество грунта на отсыпку насыпи, возможно, было извлечено при углублении пола строящегося жилища. Всего при рытье котлована должно быть извлечено около 11,5 м³, на отсыпку же насыпи, без учета объема костей, необходимо 9,2 м³.

Выше уже упоминалось о насыщенности культурного слоя внутри кольцевого нагромождения костным углем и золой. Такая насыщенность, не связанная с очагами, фиксировалась и на ряде других верхнепалеолитических жилищ. Как мне представляется, костный уголь и зола употреблялись в качестве вяжущего и изоляционного материалов в земляной насыпи и на полу жилища. Известно, что зола использовалась в слоевых основаниях под каменными стенами домов в античное время (Крыжицкий 1982: 36, 155). Они же рекомендовались в качестве цементирующих веществ в начале XX века (Рошефор 1912: 33). Зола — отходы теплоэлектростанций — используется и сейчас в строительной индустрии.

11.3.3. Жилище на стоянке Костёнки 1/1а: вариант реконструкции

Детальное описание жилого комплекса на стоянке Костёнки 11, слой 1а, дано мною в целом ряде публикаций (Попов 2002; 2005), а также в монографии (Аникович и др. 2008: 208–215). Поэтому здесь мы сразу перейдем к вопросам его интерпретации.

Конструкция жилища представляется мне следующей. Округлое основание, диаметром (внутри) около 7 метров, углублено примерно на 50 см в верхней и на 30 см в нижней по склону частях жилища. По длине окружности котлована возвышался вал, шириной по основанию около 1 м, высотой до 70 см, состоящий из извлеченного при углублении основания грунта. В процессе отсыпки вала, для его укрепления, дабы он не расползлся, последовательно, секциями укладывали кости мамонта, добавляя при этом золу и костный уголь. Пара черепов с внутренней стороны являлась ядром каждой секции. Вокруг них группировались в основном однотипные кости, в качестве набора относительно стандартных элементов: лопатки и тазовые или нижние челюсти зубами вверх и вниз и др. Вертикально стоящие трубчатые кости являлись стойками, трубчатые же, уложенные горизонтально, служили связями между ними. Вместе с тем использовались и другие кости — бивни, ребра, позвонки и т. д. Секции, возможно, сооружались последовательно одна за другой; данное может служить объяснением того, что скопление костей в плане имеет вид многоугольника

со сторонами разной длины. В качестве экрана насыпи, с внутренней стороны, для предотвращения сползания грунта вниз, использовались плоские кости. Пол жилища, видимо, был также покрыт слоем костного угля в качестве изоляционного материала. Не исключено и то, что некоторые плоские кости употреблялись в этом же качестве.

В описании В. Г. Богоразом чукотских жилищ, в конструкции которых использовались кости кита, сообщается: «Пол, по крайней мере передняя часть его, выстилается гладкими кусками кости» (Богораз 1991: 115). Н. Н. Диков, исследовавший памятники пережиточного неолита на морском побережье Чукотки, обнаружил в жилище: «...ложе из двух слоев китовых лопаток малого размера» (Диков 1977: 174–175).

Бытует суждение, что костный уголь на полу жилых сооружений свидетельствует о том, что он «...приносился из очага для отопления» (Рогачёв и др., 1982: 47). Однако после такого «отопления» пришлось бы проветривать помещение от угарного газа, т. е. охлаждать его. К тому же костный уголь нередко покрывает и пол ям-кладовых¹.

Жерди каркаса могли устанавливаться по-разному. В случае, если основания деревянных стоек размещались по периферии углубленного пола, костно-земляной вал был бы подобен земляному или снежному валу вокруг чумов энцев и нганасан (Долгих 1971: 102). Другой аналогией могут служить жилые постройки приилийских казахов; на зиму они вкапывали основание жилища в землю и окружали его валом из дерна (Баскаков 1971: 105). Однако валы вокруг построек, очевидно, сооружались только в регионах с сухим климатом, ибо в случае дождей вся влага с кровли и с вала проникала бы внутрь жилища.

Второй возможный вариант конструкции заключается в том, что основания деревянных стоек могли крепиться среди костей в основании земляного вала. В этом случае подножие жилища, естественно, было более устойчивым. Углубленный относительно дневной поверхности пол и костно-земляная насыпь составляли стену общей высотой до 1 метра. Практически получалась полуземлянка. Конусовидной формы каркас, расположенный выше насыпи, по сути, уже являлся крышей постройки. Можно сравнить это с описанием, которое дает эскимосским постройкам Л. Шренк:

«Каменные и костяные юрты не уходят в землю как настоящие землянки: здешним эскимосам, за недостатком строительных орудий, было бы трудно углубить свои юрты в почти всегда мерзлую почву, которая у них, если когда и оттаивает, то разве только на самой поверхности. Нижняя часть юрты тем не менее состоит из кругообразной каменной или земляной стены, на которой покоится остов крыши из китовых и моржовых костей, соединяющихся вверху в одну определенную точку. Щели этого остова и вообще все сооружение покрывается снаружи землей, торфом, дерном...» (Шренк 1899: 36).

Аналогией описанному варианту могут также служить тип жилого сооружения эскимосов Америки. Другим сходным типом жилища являются жилые постройки на Чукотке «племя керек, не имеющее достаточного количества дерева или шкур для сооружения соответствующего жилища, пользуются снегом

¹ Дискуссию по этому вопросу см. в разделе 3.2 (прим. ред.).

в качестве строительного материала. Остов их полуподземного жилища делается из тех жердей и кусков дерева, которые удается найти на морском берегу. Изогнутые ветви низкорослого ивняка или березы употреблялись для заполнения промежутков, а все в совокупности покрывается изнутри случайно добытыми шкурами, снаружи — дерном и землей. Длинный низкий коридор, сделанный из такого же, образует вход в жилище. [...] Такой вид жилище имеет летом и весной. С осени оно покрывается толстым слоем снега в несколько футов толщины, ему придается круглая или прямоугольная форма, что делает его похожим на эскимосский снеговой дом» (Богораз 1991: 117). По свидетельству В. В. Леонтьева, пол в таких жилищах выкладывался плоскими плитами песчаника или засыпался галькой, чтобы не было сырости (Леонтьев 1976: 200).

Я. И. Линденау, участник Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.), весьма кратко описывал жилища аборигенов. Однако всюду упоминается о засыпке их землей. Зимние жилища ламаутов (пешие тунгусы) он описывает так: «Они круглой формы и кругом обсыпаны землей. Вход сверху, крыша плоская, а посередине жилища — очаг. Существует другой вид зимнего жилища — Dju — из дерева, оно кругом обсыпано землей» (Линденау 1983: 58).

Существует мнение, что кости мамонта использовались в конструкции жилищ для изоляции деревянного каркаса от земли, тем самым предохраняя его от гниения (Рогачёв, Праслов 1982: 262). Между тем в этнографических описаниях жилых построек подчеркивается, что *деревянные элементы конструкций оснований непременно обсыпались землей*. Очевидно, что процесс гниения дерева в холодной земле, продолжавшийся в течение десятка лет и более, вполне позволял проживать в данном жилище одному поколению людей. Последующее же поколение в условиях присваивающего хозяйства в любом случае перемещалось на другую территорию по причине ее полной утилизации.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Только существованием земляной насыпи, телом которой являлись кости мамонта, можно объяснить хорошую сохранность этих самых костей, их положение в скоплении, близкое к первоначальной выкладке. Этим же объясняется и локализация культурных остатков в пределах данного скопления. После того как люди покидали жилище, со временем основания жердей сгнивали и перекрытие обрушивалось внутрь. Однако костно-земляной вал, как очень устойчивое сооружение, довольно долго сохранялся, препятствуя переотложению культурных остатков. Естественно, постепенно он все-таки размывался, оплывал. Поскольку в центре было понижение, то земля с содержащейся в ней золой и костным углем именно туда и смывалась.

Во внутреннюю же часть скопления сносились и кости мамонта, залегавшие в верхней части тела насыпи. Тот факт, что плоские кости внутри остатков сооружения лежат горизонтально, на культурном слое пола жилища и над ним, можно объяснить именно таким плоскостным смывом. Если бы они лежали наверху, прижимая шкуры к каркасу постройки, как полагают многие авторы, то после падения вниз они залежали бы в самых причудливых положениях, особенно тазовые кости. Большинство костей в насыпи оставались на месте, проседали, уплотнялись, концы некоторых вертикально стоящих трубчатых обнажались и сгнивали.

Предлагая данную реконструкцию, я стремился доказать практическую возможность строительства жилищ подобным образом. Конечно же, человек верхнего палеолита не занимался вычислениями «давления на основания», «равнодействующей всех сил», «вязкости раствора» и т. д. Все эти сведения он получал эмпирически; их познание и применение являются, пожалуй, более простыми относительно познания и использования свойств камня. Известно, что крестьяне многих стран испокон веков сооружали валы и насыпи плотин, в которых в качестве кладки или арматуры использовали хворост, пни, короткие бревна и т. д., и также в качестве связующего материала добавляли золу с углем.

11.3.4. Ямы-кладовые: проблемы интерпретации

Суждения о реконструкции краевых ям представляются затруднительными, поскольку на поселении Ia культурного слоя Костёнки 11 почти все они расчищены частично (рис. 95). Тем не менее полностью изученная яма возле второго жилища, а также исследованные хозяйственные ямы и полуземлянки на поселении верхнего культурного слоя стоянки Костёнки 1, позволяют интерпретировать кости мамонтов в их заполнении как провалившуюся кровлю². Кости здесь, очевидно, использовались несколько в ином качестве, нежели в жилище. Иное назначение костей в ямах следует из анализа анатомического состава костей в ямах и жилища Костёнок 11 (табл. 11–12).

Таблица 11. Анатомический состав костей мамонта, использованных при строительстве жилища № 1 на стоянке Костёнки 11/Ia

Наименование	Кол-во	%	Примечание
Череп (без нижних челюстей)	16	4,06	3 черепа принадлежало полувзрослым особям
Нижние челюсти	33	8,37	3 — полувзрослым
Бивни	19	4,82	1 — полувзрослому
Лопатки (правые)	23	5,83	2 — полувзрослым
Лопатки (левые)	27	6,85	3 — полувзрослым
Плечевые (правые)	16	4,06	2 — полувзрослым, 2 — сосункам
Плечевые (левые)	26	6,59	2 — полувзрослым, 1 — сосунку
Локтевые (правые)	9	2,28	1 — полувзрослому
Локтевые (левые)	9	2,28	1 — полувзрослому
Лучевые	5	1,26	
Тазовые (правые)	16	4,06	2 — полувзрослым
Тазовые (левые)	16	4,06	2 — полувзрослым
Бедренные (правые)	17	4,31	2 — полувзрослым
Бедренные (левые)	14	3,55	1 — полувзрослому

² Суждения различных исследователей о назначении ям на поселениях достаточно подробно рассматриваются в статье В. Я. Сергина (1983: 23–31) (прим. авт.). См. также раздел 4.3 наст. изд. (прим. ред.).

Окончание табл. 11

Наименование	Кол-во	%	Примечание
Б.берцовые (правые)	14	3,55	
Б.берцовые (левые)	11	2,79	
Коленная чашечка	1	0,25	
Таранные кости	1	0,50	
Позвонки (атланты)	21	5,32	
Ребра	65	16,49	
Зубы	5	1,26	
Метаподии	5	1,26	
Фаланги	2	0,50	
Неопределенные	2	0,50	
Всего	394	100	

Таблица 12. Анатомический состав костей мамонта, расчищенных в 5 краевых ямах жилища № 1 на стоянке Костёнки 11/1а

Наименование	Кол-во	%	Примечание
Нижние челюсти	3	1,67	
Бивни	18	10,05	
Лопатки (правые)	8	4,46	2 — полувзрослым
Лопатки (левые)	7	3,91	2 — полувзрослым
Плечевые (правые)	18	10,05	3 — полувзрослым
Плечевые (левые)	8	4,46	
Локтевые (правые)	5	2,79	
Локтевые (левые)	6	3,55	
Лучевые	8	4,46	
Тазовые	12	6,70	
Бедренные (правые)	11	6,14	
Бедренные (левые)	4	2,23	
Б. берцовые (правые)	6	3,35	
Б. берцовые (левые)	5	2,79	1 — полувзрослому, 1 — сосунку
Таранные кости	2	1,11	
Позвонки (атланты)	8	4,46	
Ребра	27	15,08	
Зубы	2	1,11	
Запястья	4	2,23	
Фаланги	3	1,67	
Метаподии	6	3,35	
Неопределенные	8	4,46	
Всего	179	100	

Как видим, в жилище обнаружено 16 черепов мамонта, в ямах — только отдельные фрагменты; в жилище — 33 нижние челюсти, в ямах — только 3; однако в ямах преобладают протяженные кости — трубчатые и бивни, которые в сумме составляют почти 50% от всех костей. Это соотношение объясняется тем, что в ямах, имеющих относительно небольшие размеры, данные кости могли служить конструктивными элементами перекрытия: стропилами, опорными столбами и т. д. В свою очередь размеры ям, очевидно, были сопряжены с длиной трубчатых костей. Так, например, полностью изученная краевая яма второго жилища Костёнок 11 имела округлую форму, 1,65 м диаметром, глубиной 0,80 м (Рогачёв и др. 1979: 79–80). В ее заполнении находилось 58 крупных костей мамонта, которые залежали тремя ярусами. Сверху находились крупных размеров плечевые и бедренные кости — 18 экз. Они залежали горизонтально или в наклонном положении. Вдоль северного края ямы залежали два бивня, у южного — половина черепа мамонта и крестец. С восточной и западной сторон было по одному бивню, проксимальные концы которых находились в глубине ямы. Этот ярус залегал на плоских костях: лопатках — 7 экз., тазовых — 8 экз. Плоские кости залежали на двух продольных бивнях, ориентированных с юго-запада на север, через середину ямы и поперечного к ним бивня, вытянутого с запада на северо-восток. Бивни залежали на дне ямы. На дне залежало большое количество обломков ребер и фиксировалась слабая гумусированность суглинка мощностью 3 см.

По моему мнению, все эти кости являются остатками конструкции перекрытия ямы-кладовой, которая имела куполообразную форму. Основными ее несущими элементами служили три бивня, перекрывающих вдоль и поперек углубление, и два бивня с восточной и западной сторон. Проксимальные концы бивней находились в яме, а дистальные — наверху, у ее краев. На них в качестве связей были уложены ребра мамонта. Эта своеобразная балочная клетка перекрывалась сверху плоскими костями. Трубчатые кости, залежавшие вверху, были уложены по краям ямы в качестве кладки в земляной насыпи вокруг углубления. Два бивня с северной стороны, а также череп и крестец с южной, очевидно, использовались с этой же целью.

Вероятно, из небольших веток можно было бы соорудить более простое перекрытие, и в этом случае можно думать об ином назначении ям и костей в них. Однако, по моему мнению, кости мамонта в перекрытии использовались в качестве теплоизоляционного материала, как каменные блоки в современных погребках. Поскольку охота на мамонтов происходила в конце февраля — мае (об этом ниже), то сохранение мяса в летнее время, равно как и сохранение костей от высыхания, являлось животрепещущей проблемой. Подобного рода ямы для хранения мяса, сооруженные с использованием костей китов и моржей, существовали у эскимосов и чукчей (Арутюнов и др. 1982: 36–45).

Предложенные реконструкции жилища аносовско-мезинского типа и перекрытия ямы-кладовой стоянки Костёнки 11, конечно, не являются окончательными. Естественно, их нельзя распространять на все остатки сооружений подобного рода. Данное изложение обусловлено стремлением привлечь внимание исследователей, имеющих иной взгляд на проблему, к проведению

новых наблюдений именно под этим углом зрения. Последнее может помочь выявить новые факты, способные подтвердить или наоборот опровергнуть наши реконструкции.

Так или иначе, использование костей в сооружении наземных жилищ, полужемлянок и ям-кладовых представляется вполне целесообразным. В Костёнках отсутствовал бутовый камень, который можно было бы использовать для укладки в земляную насыпь, чтобы она не расползлась. Вот для этой цели и служили крупные кости; они являлись объемным строительным материалом, укрепляющим насыпь. Кроме того, их можно рассматривать и как теплоизоляционным материал — они препятствовали поступлению холода внутрь и оттоку тепла из жилища.

11.4. Человек и мамонт на втором этапе существования Днепро-Донской ИКО

Вопрос о добывании костей мамонтов путем охоты и/или собирательства дискутируется уже много лет (см. Аникович и др. 2008: 232–235; 2010). Как мне представляется, ключевую роль в ее решении также должны играть полевые наблюдения.

Вышеупомянутая хорошая сохранность костей наблюдается в ямах или в земляных насыпях. Сохранность костей, залежавших на поверхности, значительно хуже. В. Е. Гарутт, изучавший в музее-заповеднике «Костёнки» кости мамонтов в жилище аносовско-мезинского типа (Костёнки 11/1а), полагал, что нижние челюсти укладывались в землю *свежими*. Если бы челюсти находились на поверхности, то зубы вывалились бы из альвеол. Следовательно, это были остатки недавно разделанных туш.

Культурные слои поселений средней поры верхнего палеолита содержат большое количество костного угля. Уголь находится не только в очагах, но и на полу жилищ. Кости горят (точнее тлеют) благодаря наличию некоторого количества органики в костной ткани, но более всего костного жира (костного мозга) в трубчатых костях. Соответственно для топлива также могли использоваться только *свежие* кости. Предположение об утилизации костей мамонта в качестве топлива озвучил в археологии впервые А. А. Спицын (1915: 16). Современные данные полностью его подтверждают.

Отмечу особо: использование костей мамонта в качестве строительного материала служит основанием для предположения о *дефиците или отсутствии других материалов*, пригодных для возведения долговременного жилища иной конструкции. Это указывает на особенности среды обитания данных верхнепалеолитических сообществ.

Существует мнение, что кости мамонта употреблялись для строительства лишь потому, что они являлись побочным (бросовым) продуктом охоты, который скапливался на стоянках и был всегда под рукой. Однако мамонтов, в отличие от современных свиней, «забивали» не на поселениях, но на определенном, может быть значительном, расстоянии от них. Убойный вес мяса мамонта

составлял около $\frac{1}{3}$ живой массы, а суммарный вес костей (до 40% от общей массы) у крупных особей мог достигать 1800 кг (Пидопличко, 1969: 152; Семенов, 1968: 286). Поэтому, естественно, разделка туш животных должна была производиться на месте охоты или находки ослабевшего и околевшего зверя.

Следовательно, верхнепалеолитическим охотникам требовалось принести на поселение от 800–1000 до 1800 кг мяса от одного убитого мамонта, а, кроме того, два десятка костей — трубчатых, лопаток, тазовых, бивней, нижнюю челюсть, череп и др. Вес бедренной или плечевой кости взрослой особи — до 20 кг, черепа — до 100 кг, бивня — до 100 и более кг (Верещагин, 1979: 28–31). Таким образом, доставка на стоянку около 600 костей от 40 особей мамонта, общим весом более 5 тонн, использованных при строительстве первого жилища Ia культурного слоя Костёнок 11, являлась довольно трудоемкой операцией. Посему и приносили в основном только те кости, которые намеревались утилизировать в качестве строительного материала. В их числе: черепа; нижние челюсти; бивни; крупные трубчатые; лопатки; тазовые. Поэтому же так редко на поселениях находят суставные кости, метаподии, фаланги и т. д. Туши более мелких животных — лошадей, северных оленей, и пр. — очевидно, приносили либо расчлененными на несколько частей, либо даже целиком. Оттого на стоянках и находят порой группы костей этих животных в анатомической связи.

Естественно, убить сразу 40 мамонтов и утилизировать их туши представляется нереальным. Разумеется, при строительстве жилищ использовались кости с «мамонтовых кладбищ», а точнее — с мест расположения мамонтовых остатков, хорошо известных охотникам, обитавшим на этой территории. Вследствие этого можно с достаточной долей уверенности предполагать, что кости мамонта предварительно сортировались на месте охоты или гибели мамонта («кладбища»). Приносили их на поселение исключительно для строительства жилищ и «отопления». Для примера: обитатели поселения Костёнки 11/II (культурного слоя, подстилающего жилище аносовско-мезинского типа) сооружали свои жилища из иного стройматериала. Вероятно, поэтому костей мамонта в этом слое обнаружено сравнительно мало (1/21). Хотя многочисленные скульптурные изображения этого животного свидетельствует о его большой роли в жизни и мировоззрении данного сообщества (Рогачёв, Попов, 1982: 125–128)³.

Заслуживает внимания следующая информация Ю. Б. Симченко о потреблении мяса нганасанами. Каждому человеку «...необходимо в течение года употреблять до 25 оленей, что соответствует необходимому для жизнедеятельности в высоких широтах минимуму калорий» (Симченко 1976: 81, 82). Масса северного оленя составляет 110–220 кг, в среднем 170 кг. Вес мышц, т. е. мяса, составляет 30–40% от общей массы, или 51–68 кг (Сыроечковский 1986). Таким образом, в год человек съедал 1275–1700 кг, или 3,5–4,6 кг мяса в день. Соответственно производственный коллектив 50 человек «потреблял» в год 1250 оленей. По расчетам биологов, для сохранения биологического сохранения популяции возможны потери 7% в год от общего числа диких оленей (Мичурин 1965).

³ Кости для топлива (костного угля в обоих слоях было громадное количество) также отбирали. Использовались, как правило, свежие трубчатые кости, содержащие большое количество костного жира.

В итоге для жизнеобеспечения промыслового коллектива численностью 50 человек на его охотничьей территории должно обитать около 18 тыс. оленей.

Если экстраполировать нормы потребления мяса в год нганасанов на верхнепалеолитическое население, то получится, что первобытный коллектив численностью 50 человек съедал в день 175–230 кг. Как уже упоминалось выше, если вес мышц у мамонта (по аналогии с современными африканскими слонами) составлял $\frac{1}{2}$ от общей массы, то вес мяса от добытой взрослой особи достигал 1500–1800 кг. Этого количества первобытному коллективу хватало на 8–10 дней. За год данный коллектив «съедал» 36–45 мамонтов.

Изучение видового состава костёнковской фауны производилось с начала 1950-х гг. (Верещагин, Кузьмина, 1977: 77–110; 1982: 223–232). На основании анализа возрастного и полового состава костёнковской популяции мамонтов и сравнения их с сибирскими авторы предполагают следующее:

1. По сравнению с берележскими мамонтами в Костёнках относительно меньше сосунков и полувзрослых особей. Очевидно, мамонты появлялись в Костёнках в зимнее время, и во время сезонной миграции происходил отсев ослабевших молодых особей. В Костёнках найдены кости еще не родившихся (1,4%), сосунков (4,1%) и полувзрослых (16,5%) особей (Там же). Для сравнения: на стоянке Межиричи костей утробных и новорожденных, до двух лет — не менее трех особей, молодых, 2–9 лет — не менее 49, полувзрослых, 9–20 лет — не менее 47. Кости взрослых, 20–35, и старых, старше 35 лет, принадлежали только 12 особям. В Добраничевке из 28 черепов мамонта 3 принадлежали молодым особям до 5 лет, 20 — полувзрослым. В Мезине большинство костей принадлежало молодым особям и эмбрионам. В Елисеевичах также большинство костей полувзрослых, есть также кости эмбрионов. В Радомышле из 47 особей мамонта 16 принадлежало молодым и полувзрослым.

Появление на свет мамонят происходило в мае-июне (по аналогии с травоядными животными тундры и лесотундры). На основании этого следует предположить, что охота на мамонтов происходила в период конца зимы — весной. В это время животные ослабевали после зимы от недостатка корма. Естественно, в это же время происходил падеж более слабых животных. Очевидно, именно в это время человек и охотился на ослабевших мамонтов, которых было легче забить. Вместе с тем, вероятно, человек подбирал и туши животных, павших от недоедания. В итоге он запасался мясом и костями для построек и топлива. Использование костей мамонта в перекрытии ям-кладовых, как уже упоминалось выше, одновременно служило двум целям. Во-первых, кости мамонта служили теплоизоляционным материалом; в теплое время под куполом из костей сохранялось мясо. Во-вторых, одновременно под земляной насыпью сохранялись в свежем виде сами кости мамонта, которые могли использоваться как при строительстве жилищ, так и в качестве топлива.

В статье А. А. Величко и Э. М. Зеликсон рассмотрены ландшафтно-климатические условия обитания мамонтов на Русской равнине в период КИС 2 (Величко, Зеликсон 2006: 9–25). В это время на месте современных тундры, лесов и степей образовалась гиперзона перигляциальных ландшафтов. Авторы выделяют три пояса: северный, средний и южный. Оптимальными для существования

мамонтов являлся средний пояс перигляциальной гиперзоны, от 57–56° до 48–49° с. ш. Здесь была распространена перигляциально-степная растительность. Кормовая ценность данной растительности сравнима с современными пойменными лугами. Растительность же южного пояса не могла обеспечить пищевыми ресурсами стада травоядных животных.

Долины Дона и Десны с их широкой поймой являлись естественными пастбищами и маршрутами сезонных миграций для стад травоядных, в том числе и мамонтов. В зимний сезон растительность поймы и балок Дона и Десны являлась главным ресурсом жизнеобеспечения для стад мамонтов. Однако в итоге увеличивалась нагрузка на пищевые ресурсы долин рек, которые в зимнее время не возобновлялись. Это приводило к гибели части мамонтовых стад и делало их сравнительно легкой добычей человека.

Глава 12

Третий костно-земляной жилой комплекс стоянки Костёнки 11/1а

А. Е. Дудин, И. В. Федюнин

12.1. Введение

Стоянка Костёнки 11 (Аносовка 2) представляет собой классический пример многослойных памятников КБР. Она расположена на оконечности центрального мыса Аносова лога — древней разветвленной балки, пролегающей в толще меловых отложений, верховьями прорезающей морену и покровные суглинки (рис. 98). О местоположении стоянки стало известно в 1949 г. Полевые исследования производились, с перерывами, с 1951 по 1975 гг. (Рогачёв, Попов 1982). В дальнейшем, в связи со строительством на территории памятника здания музея и благоустройством прилегающей местности, в 1979 и 1981 гг. на памятнике закладывались лишь разведочные шурфы. Более широкие исследования возобновились в 2003 г. и продолжались в 2004 г. объединенными силами ИИМК РАН и музея-заповедника «Костёнки» (Попов и др. 2004). В результате была собрана представительная коллекция кремневых изделий, особенно для слоя северного пункта стоянки (Там же: 16–17, рис. 7). Однако монотонный, в целом, характер стратиграфии на этом участке не позволил отобрать образцы на абсолютное датирование. В результате раскопки были прекращены.

12.2. Современный период исследования стоянки

В 2013 г. исследование памятника возобновилось (В.В. Попов, А.Е. Дудин). Шурфом 4×2м (квадраты ФХЦЧ — 60, 61) были вскрыты два верхних культурных горизонта. На уровне верхнего горизонта были зафиксированы две планиграфически локализованные группы находок фаунистического материала (мамонт), которые предварительно были интерпретированы как неглубокие ямы.

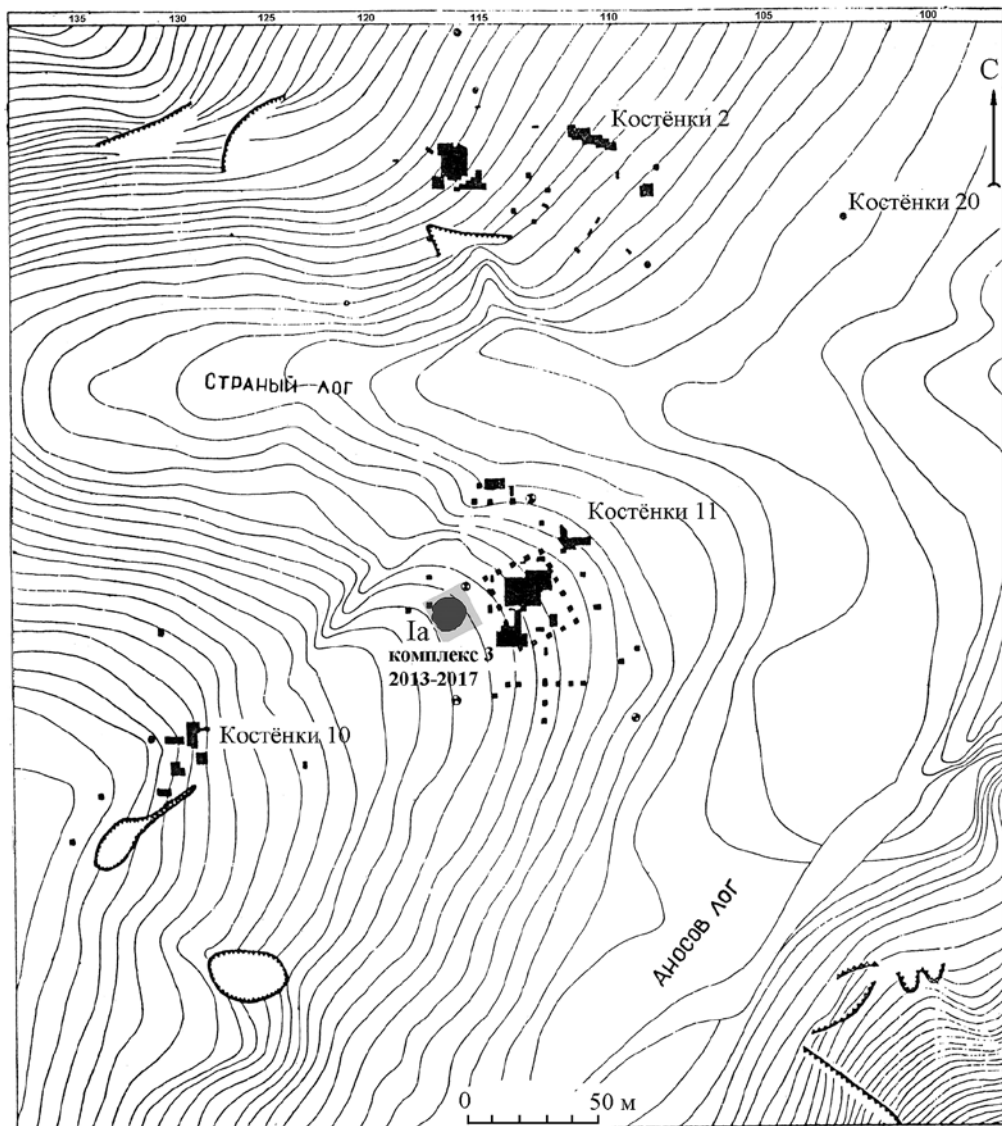

Рис. 98. Геоморфологическая схема Аносова лога и расположение стоянок

К которому из верхних культурных слоев (Ia или Ib) они принадлежали, по итогам раскопок определить не удалось.

В 2014 г. на стоянке Костёнки 11 был заложен раскоп общей площадью 150 м² и проведено исследование всего «пласта» культурных отложений памятника (И.В. Федюнин, А.Е. Дудин). Наиболее важным результатом исследований 2014 г. можно считать открытие остатков еще одного (как минимум

третьего по счету) костно-земляного комплекса (жилища) Ia культурного слоя, вскрытого сектором в западной части площади раскопа. Одновременно было доказано отсутствие находок Ib культурного слоя на площади к западу от здания музея. Еще одним важным результатом раскопок 2014 г. стало выявление признаков наличия еще одного (нижнего) культурного горизонта в прослойке «нижнего гумуса».

В 2015 г. исследования на площади нового комплекса Ia культурного слоя были продолжены (И.В. Федюнин, А.Е. Дудин). Наиболее важным результатом стало определение внешних границ центрального скопления остатков жилого комплекса костно-земляного типа Ia культурного слоя и выявление локальных объектов как в пределах всего комплекса, так и на площади центрального скопления. Проведенная в 2015 г. работа позволила определить общую планиграфическую и объектную структуру комплекса.

В 2016–2017 гг. исследование памятника осуществлялось силами археологической экспедиции музея-заповедника «Костёнки» (А.Е. Дудин). Работы проводились на Ia (верхнем) культурном слое. Их результатом стало открытие трех новых объектных составляющих в пределах площади локализации остатков открытого в 2013–2014 гг. третьего жилого комплекса Ia культурного слоя, а также получение содержательной коллекции каменного инвентаря и обработанной кости, включая орнаментированные орудия и украшения.

Следует отметить, что в настоящее время сложно однозначно определить количество представленных здесь культурных слоев. Ниже приведен перечень культурных слоев стоянки с краткой оценкой их актуального статуса:

1. Ib культурный слой. По итогам полевых работ 2013–2014 гг. требуется новая доказательная база, подтверждающая его наличие.
2. Ia культурный слой. Стратиграфически локализован. Наибольшая площадь вскрытия. Представлен остатками «жилых» комплексов костно-земляного типа. Пластинчатая индустрия. Большое количество микропластин.
3. II культурный слой. Стратиграфически локализован. Пластинчатая индустрия. Орудия и пластины с притупленным краем. Отсутствие микропластин.
4. III культурный слой. Стратиграфически рассеян в двух литологических горизонтах. Его единство проблематично.
5. IV культурный слой. Стратиграфически локализован. Слабо изучен. Культурный горизонт.
6. V культурный слой. Стратиграфически локализован. Слабо изучен. Культурный горизонт. Присутствуют стрелецкие формы — наконечники с вогнутым основанием и один веерообразный скребок.
7. Горизонт находок в «нижнем гумусе». Слабовыраженный культурный горизонт. Отдельные находки расщепленного кремня. Пластинчатых форм нет.

Все вышеперечисленные слои пространственно сконцентрированы вдоль гребня мыса местоположения стоянки, что в известной мере облегчает их стратиграфическую корреляцию. Отдельно от них, к северу, фактически у края мыса,

локализируются находки отдельного культурного слоя, получившего обозначение «Северный пункт»:

8. Северный пункт. Стратиграфически локализован в пределах выявленной площади распространения, коррелируется с уровнем залегания IV культурного слоя. Пластинчатая индустрия. Высокий процент микропластин.

В настоящее время в пределах площади стоянки, включая здание музея, для осмотра и ознакомления доступны остатки двух жилых комплексов Ia культурного слоя (из трех достоверно известных). Первый из них является центральным объектом экспозиции в здании музея. Второй, открытый в 2013–2014 гг., находится в стадии исследования. Музейный и открытый в 2013–2014 гг. комплексы расположены на расстоянии 17 м друг от друга по линии запад–восток вдоль гребня мыса, с небольшим смещением к северу от него (рис. 99). При общем типологическом единстве и структурно-планиграфическом сходстве между ними в то же время наблюдается целый ряд отличий. Они проявляются как на макроуровне — в размерах центральных объектов (собственно остатков кольцевых конструкций), локализации и характере объектов периферии комплексов, так и в их конкретных структурных составляющих.

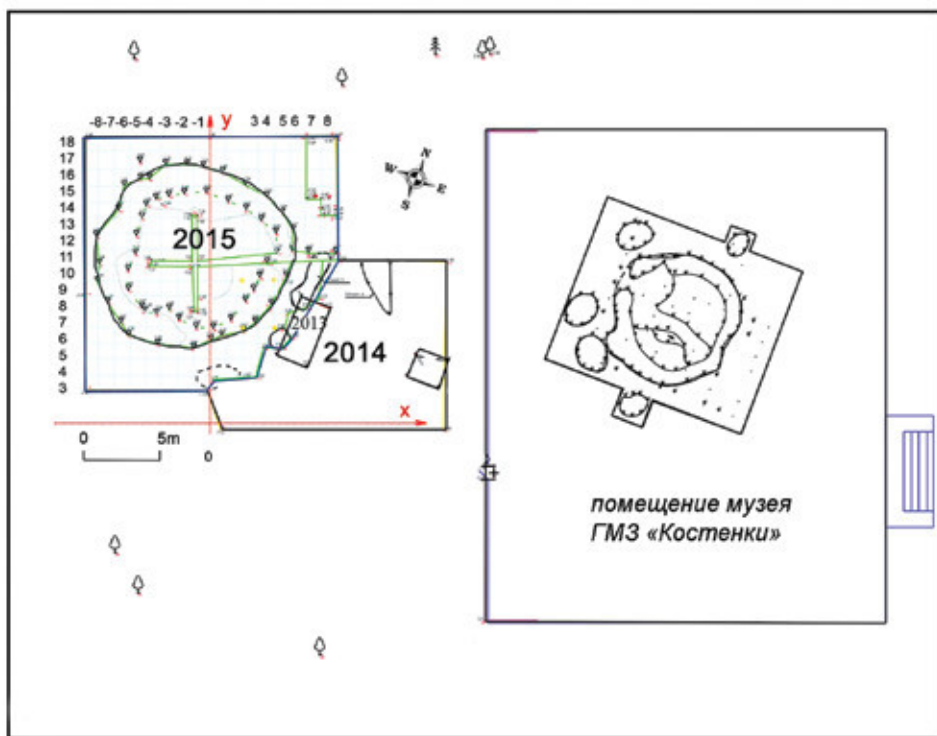

Рис. 99. Стоянка Костёнки 11/Ia. Взаимное расположение раскопов на жилых комплексах 1 и 3

Площадь первого комплекса была полностью вскрыта и локализована в течение 1960–1965 гг. (Аникович и др. 2008: 208). Площадь второго вскрыта частично в 1970 г. (Там же). Исследование остатков третьего комплекса, начавшееся с достаточно неожиданного факта открытия в 2013 г. краевых ям, свидетельствовавших о его наличии, находится в активной фазе.

12.3. Третий комплекс Ia слоя: стратиграфия и планиграфическая структура

Находки третьего комплекса Ia культурного слоя связаны с основанием переходного горизонта современной почвы (литологический горизонт 1с) и верхней частью отложений покровных лессовидных суглинков (литологический горизонт 2). Культурные остатки, формирующие заполнение ям периферийных участков комплекса, могут захватывать среднюю и частично нижнюю часть горизонта. В каждом конкретном случае это определяется глубиной ямы. Среднее значение падения склона в пределах площади объектов комплекса составляет 10–12 см на 1 линейный метр (по верхам лессовидных суглинков).

Общая планиграфическая структура комплекса была определена в результате полевых работ 2015 г. Она включает в себя:

- *центральное скопление* округлой формы, размерами 12×11м, слегка вытянутое в плане в направлении на восток, вниз по склону мыса местоположения (квадраты х7–х5 / у6–у17) (рис. 100–101);
- *объекты периферии* комплекса, расположенные по внешнему периметру центрального скопления на удалении 1–1,5 метров от его внешних границ к югу и востоку (рис. 100).

Главными структурообразующими элементами центрального скопления являются кости мамонта. Они формируют *внешний пояс обкладки* и в значительной мере определяют заполнение *внутреннего, второго пояса*, который ограничивает своим внутренним периметром *площадь центра скопления*. Объекты периферийных участков, как правило, связаны с искусственными углублениями, заполненными костями.

Группировка костей внешнего пояса центрального скопления комплекса, формирующая его контур, планиграфически наблюдается как единая составляющая. Ее внешние границы предельно резкие и четкие. Контур практически замкнутый, с двумя локальными разрывами по северо-западной и восточной сторонам. Но она неоднородна структурно (в том числе по плотности, характеру выкладки и составу костей). Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении этой составляющей конструкции, — большое количество мелких и средних размеров костей мамонта, в том числе фрагментированных, участвующих в ее сложении (ребра, позвоночные, эпифизы).

Создается впечатление, что обитатели комплекса не испытывали проблем с дефицитом сырья и при необходимости использовали любой костный материал, источник которого был в непосредственной близости. Наибольшая часть «несортированного» материала сосредоточена в секторах, связанных

Рис. 100. Общий вид на третий комплекс Ia культурного слоя с востока. Маркерами отмечены участки, с которых получены серии дат: красным — места отбора и номера образцов 2014 г. (Л. В. Лбова); желтым — места отбора и номера образцов 2015 г. (Алекс Прайор)

с верхними позициями рельефа месторасположения объекта — юго-западном и северо-западном. Структурообразующими элементами внешнего пояса выступают крупные кости мамонта, формирующие группы связок как из однотипных, так и разнотипных составляющих (сочетания трубчатых, плоских, трубчатых и плоских, с включением черепных и редких бивней). Анатомических связок относительно немного, до 25 на настоящее время, с преобладанием групп костей позвоночного отдела скелета. Ширина пояса внешней обкладки центрального скопления различна на разных участках его периметра. Средние значения — от 0,80 до 1,20 м. Мощность культурного заполнения определяется фактически мощностью залегающих фаунистических остатков. По внешним границам скопления она, в целом, минимальная. На отдельных участках, где наблюдается наложение костей, она может достигать 20–25 см.

Определение «внутреннего пояса» скопления достаточно условно в том отношении, что он не формирует сплошного контура по признаку общего заполнения. Его «целостность» в планиграфическом отношении определяется сочетанием групп локальных концентраций фаунистического материала, ограничивающих центральную часть скопления и своеобразных «карманов»-разрывов между ними, свободных от крупных костей мамонта. Его основные характеристики:

- сосредоточение большого количества черепных костей мамонта;
- большая изменчивость в характере укладки костей и мощности заполнения на разных участках площади распространения;
- хорошо прослеживаемая структурная граница с костями, формирующими заполнение внешней обкладки и с площадью центра скопления.

В своей западной части (верхние позиции рельефа) ширина пояса достигает 3 м. Восточная часть (вниз по склону мыса) более компактная по мощности простираения (1,5–2,5 м). Очевидно, что второй, внутренний пояс скопления не является единым конструктивным элементом, а включает в себя несколько разнотипных составляющих. Наибольшая мощность культурного заполнения, по аналогии с поясом внешней обкладки, связана с группировками костей (до 40–45 см по открытым черепным костям мамонта).

Центральная (срединная) площадь скопления в плане — неправильной формы по своим внешним границам, относительно точки центра смещена к востоку. Наиболее плавно-ровный, дугообразный контур границы — на юго-востоке, относительно ровный — по северо-западной стороне. Геометрию границы на востоке формирует мощный «врез» костей внутреннего пояса. По южной и юго-западной стороне контур границы определяет сегментированный характер скопления костей внутреннего пояса, формирующего своеобразные «карманы» в заполнении. Общая площадь центральной зоны — ~20 м². Характер поверхности плавно-ровный, слегка выпуклый в центральной части, уклон — в сопряжении с направлением склона мыса местоположения (на СВ-В).

Центральная площадь скопления характеризуется наличием по верхнему уровню культурного заполнения не сплошной по простираению прослойки. Ее западная граница захватывает отдельные кости внутреннего пояса скопления. На севере — северо-востоке и юго-востоке она замещается по верхним позициям линзами прокаленного суглинка. Мощность линз, формирующих горизонт прослойки в центре скопления, составляет от 7–8 до 10–12 см. Цвет ее, как правило, сероватый, с оттенками до серого и темно-серого, в зависимости от преобладающего характера содержания. По характеру основного заполнителя определяется как «углистая прослойка». Ее состав — смешанный, включающий в себя:

- комковатые, пористые, неплотные отдельности лессовидного суглинка; отдельности и линзовидные концентрации костного угля мелко-средних фракций, с включениями пылеватого, в том числе зольного, материала и супесей;
- фрагменты частично пережженной и прокаленной, твердой и хрупкой (белого цвета) кости; в большом количестве присутствуют мелкие фрагменты (0,3–2,5 см) черепных костей мамонта;
- чешуйки и мелкие фрагменты кремня, по большей части — необожженные; но все же значительное количество их (на отдельных участках — большинство) имеют признаки теплового воздействия;
- отдельные включения охры (темно-красного цвета);
- несколько планиграфически локализованных участков с комочками пережженного суглинка;

- отдельные редкие комочки мергеля;
- небольшая линза древесного угля (обнаружена в 2015 г.).

Все эти составляющие формируют своеобразный «микс» — неструктурированный, «взвешенный» характер прослойки. Можно констатировать присутствие в заполнении ее линз «полигенетических» составляющих, которые являются продуктами разных процессов, но *без признаков самих процессов*. Одним из рассматриваемых вариантов формирования углистой прослойки (в настоящее время) является представление о намеренном переносе материала.

К юго-восточному краю углистой прослойки примыкает участок с мощным неоднородным заполнением, определяемый как кострище (открыт в 2014 г.). Он локализуется на площади $\sim 1,5 \text{ м}^2$ и имеет мощность культурного заполнения до 20–25 см. Определяющим заполнителем является прокаленный суглинок оранжевого цвета, который формирует верхне-средний уровень заполнения объекта (до 15 см). В него включены линзы-«стаканы» зольности и участки со смешанным заполнением. По вскрытому в 2014 г. профилю ниже залегает горизонт костного угля (до 8–10 см). В основании — лессовидный материковый суглинок с легкими признаками прокала. В плане объект подовальной формы, вытянутый по линии юго-запад — северо-восток (квадраты х1, х2 / у9, у10). В 2–2,5 м от кострища к северу, по северной и северо-восточной границе углистой прослойки центра локализуется второй участок с прокаленным суглинком по верхнему уровню заполнения, но структурированный несколько иначе. В 2017 г. здесь были определены три хорошо локализованные в плане своеобразные «шапки» с прокалом, расположенные в пределах отрезка 2,2 м с примерно равным интервалом друг от друга по линии юго-запад — северо-восток (квадраты х1, х2 / у12, у13) (рис. 101). Характер заполнения этих объектов такой же, как по профилю кострища 2014 г., то есть верхние позиции — прокаленный суглинок, ниже — углистость.

Открытые к настоящему времени объекты периферии комплекса концентрируются к востоку и югу от внешних границ центрального скопления, на удалении 1–1,5 м. Они представлены как минимум тремя локальными ямами, сложно построенным, т. н. «южным объектом» и шлейфами культурного заполнения невысокой мощности с присутствием фаунистических остатков. Есть признаки наличия локальных участков культурного слоя к западу от границ центрального объекта.

Показательным в планиграфическом отношении является характер распространения в пределах площади комплекса предметов каменного инвентаря. Можно выделить два основных центра их локализации — центральное скопление и «южный объект». В пределах центрального скопления предметы каменного инвентаря рассредоточены от внешних границ до его центральной площади включительно. Исключение составляет участок с кострищем (квадраты х1, х2 / у9, у10), где находки каменных предметов связаны с верхним уровнем культурного заполнения, а по всей мощности объекта — предельно редки.

Отличительной характеристикой костей, открытых на площади третьего комплекса Ia культурного слоя, является наличие на части их следов поверхностных

Рис. 101. Срединная площадь центрального скопления.

1 — углистая прослойка, 2 — площадь кострища, 3 — «шапки» прокала

деформаций в результате воздействия человеком или животными. Следы от погрызов животных обнаружены на костях как в пределах площади центрального скопления, так и периферийных объектов. Известная часть этих повреждений связана с деятельностью норных животных. В то же время существенное число следов воздействия животных на кости есть результат экспонирования фаунистических остатков комплекса на поверхности в течении протяженного отрезка времени. Другим основанием, указывающим на это, является степень сохранности костей верхнего уровня заполнения в пределах площади комплекса. Для них характерны такие показательные симптомы, как хрупкость, растрескивание компакты, выкрошенность, обнажение губчатой массы. Антропоморфные следы, преимущественно в виде нарезок и врубок, зафиксированы на площади центрального скопления и «южного объекта».

12.4. Каменная индустрия

В настоящий момент детально проанализирована только часть коллекции каменного инвентаря, собранной в ходе раскопок третьего комплекса, а именно — материалы 2014–2015 гг. (Федюнин 2017). Ниже мы приводим краткую информацию о результатах проведенного анализа.

Коллекция 2014–2015 гг. включает 1929 единиц каменного инвентаря, из которых 203 являются орудиями (11%). Сырье представлено в основном

качественным меловым кремнем оскольского либо донецкого происхождения (70%), в меньшей степени — галечным кремнем (14%) и кварцитом (9%), В очень небольшом количестве встречены цветной валунный (1,65%) и плитчатый (0,5%) кремнь, песчаник (1,56%), алевролит (1,4%), гранит (1%). Отчетливо преобладает серый меловой кремнь. Точные количественно-типологические данные основных категорий находок приведены в табл. 13, которая может быть основанием для реконструкции процесса расщепления и вторичной обработки камня.

Таблица 13. Костёнки 11. Каменный инвентарь из раскопок 2014–2015 г.

Находки	Кол-во	Процент от коллекции	Процент от категории
<i>Заготовки и отходы, средства производства</i>			
неиспользованное сырье	24	1,2	1,4
пренуклеус	1	0,1	0,1
нуклеусы	58	3,0	3,4
сколы переоформления ударных площадок	3	0,2	0,2
«таблетки»	2	0,1	0,1
толстые сколы с нуклеусов	4	0,2	0,2
ребристые сколы	21	1,1	1,2
осколки	79	4,1	4,6
обломки	109	5,7	6,3
отщепы	992	51,4	57,5
чешуйки	8	0,4	0,5
резцовые сколы	46	2,4	2,7
пластины	296	15,3	17,1
проксимальные фрагменты пластин	36	1,9	2,1
медиальные фрагменты пластин	31	1,6	1,8
дистальные фрагменты пластин	16	0,8	0,9
<i>всего</i>	<i>1726</i>	<i>89</i>	<i>100</i>
<i>Орудия</i>			
отщепы с ретушью	18	0,9	8,9
скребки концевые	25	1,3	12,3
трапецевидный скребок	1	0,1	0,5
скобель	1	0,1	0,5
пластины с ретушью	26	1,3	12,8
пластины с притупленным основанием и уплощенным краем	2	0,1	1,0
пластина с торцевой выемкой	1	0,1	0,5
пластина с противоположащей ретушью	1	0,1	0,5
пластины со скошенными ретушью концами	5	0,3	2,5

Окончание табл. 13

Находки	Кол-во	Процент от коллекции	Процент от категории
микропластины с притупл. ретушью краем	2	0,1	1,0
резцы двугранные симметричные	19	1,0	9,4
резцы двугранные асимметричные	15	0,8	7,4
резцы на сломе заготовки	34	1,8	16,7
резец поперечно усеченный ретушью	1	0,1	0,5
резец трансверсальный	1	0,1	0,5
резцы выемчаторетушные	3	0,2	1,5
косоретушные резцы	6	0,3	3,0
резчики	2	0,1	1,0
орудия с плоской подтеской	12	0,6	5,9
ножи с «естественным» обушком	2	0,1	1,0
двустороннеобработанные орудия	5	0,3	2,5
псевдомикрорезец	1	0,1	0,5
асимметричное острие	1	0,1	0,5
симметричные острия	3	0,2	1,5
долотовидные орудия	6	0,3	3,0
фрагменты проколок	2	0,1	1,0
обломки камня с пришлифовкой	4	0,2	2,0
неопределимые обломки орудий с ретушью	3	0,2	1,5
рубящее орудие	1	0,1	0,5
<i>всего</i>	<i>203</i>	<i>11</i>	<i>100</i>
<i>итого</i>	<i>1929</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Весь цикл расщепления на имеющихся материалах реконструировать невозможно: налицо отсутствие нуклеусов, соответствующих крупным пластинам и орудиям из них (Там же: рис. 3). Экономия качественного мелового кремня выражалась в его предельной утилизации: подавляющее большинство нуклеусов имеет размеры менее 4×4 см, истощенные ядрища многоплощадочные. Начальные операции процесса расщепления производились преимущественно за пределами изученного участка.

Большая часть выявленных орудий изготовлены на пластинах (44%) и отщепах (25%). Если исключить из анализа орудия случайных форм, индустрию памятника можно назвать пластинчатой. Ассортимент орудий, выявленный в ходе исследования, достаточно разнообразен (рис. 102).

Резцы являются самой многочисленной категорией. Среди них преобладают орудия, изготовленные на углах сломанных площадок отщепов или пластин.

Все *скребки*, за единичными исключениями, — концевые, длинные или укороченные, с лезвиями правильной арочной формы.

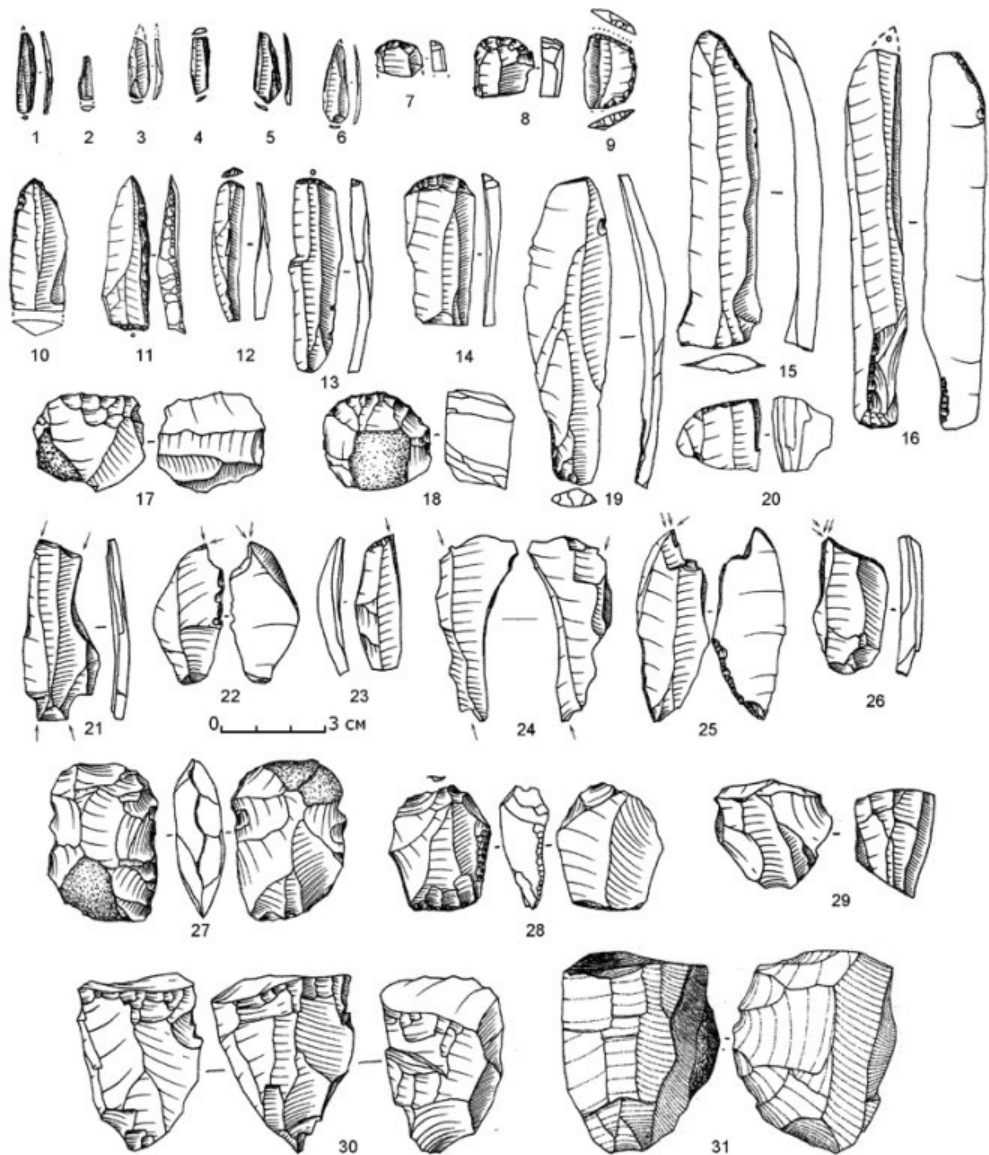

Рис. 102. Стоянка Костёнки 11/1а. Каменный инвентарь третьего комплекса (из раскопок 2014–2015 гг.). Рис. И. В. Федюнина.

1–30 — меловой кремьнь; 31 — кварцит

1–6, 10–11, 15–17, 19, 27–28 — орудия разных типов;

7–9, 12–14, 18 — орудия с ретушью, скребки, комбинированные орудия;

21–26 — резцы; 20, 29, 30–31 — дебитаж

Комбинированные орудия представлены в основном сочетанием скребка и резца на противоположных концах орудия.

Долотовидные орудия изготовлены из отщепов и пластин, выделяются тонким профилем, двусторонней обработкой поверхности, следами забитости рабочего края.

Другие орудия представлены единичными находками симметричных и асимметричных острий и их обломков, иногда со следами макроизноса, плоской подтески, обломками проколов из пластин или отщепов с асимметричным расположением жальца, а также микропластинами с притупленным ретушью краем. Группа микроострий включает в себя изделия с асимметричным расположением кончика, выделенного мелкой краевой, возможно, абразивной ретушью.

В целом вторичная обработка орудий в каменной индустрии характеризуется преобладанием приемов крутой ретуши, резцового скола, реже — плоской подтески и двусторонней оббивки, в единичных случаях — шлифовки.

Поверхностный взгляд на коллекцию может привести к мысли о деградации технологии обработки кремня по сравнению с более древними материалами из Костёнок, однако более точным будет определение индустрии как предельно рациональной технологии, базировавшейся на принципах максимально полного и эффективного использования импортного мелового кремня в условиях его дефицита. Высказанное предположение подтверждается преобладанием истощенных нуклеусов, серией комбинированных орудий, документированными попытками освоения технологий раскалывания местного сырья (кварцит, галечный, валунный, плитчатый кремень, гранит и т. д.) и реутилизации ряда изделий.

12.5. Хронология

В течении последних трех лет по третьему комплексу 1а слоя стоянки Костёнки 11 получены две серии датировок.

В 2014 г. Л.В. Лбовой (НГУ, Новосибирск) были отобраны 8 образцов, из которых 7 были связаны с 1а культурным слоем (кость, жженая кость, костный уголь). Образцы отбирались с площади только что вскрытого юго-восточного сектора центрального скопления и двух периферийных участков. Шесть из них — с верхне-средних уровней культурного заполнения, один — с уровня основания периферийной ямы. Датировки по пяти корректно выполненным образцам (см. Приложение, табл. 14), выполненные в ИАЭТ СО РАН (В.С. Панов, В.В. Пархомчук) в целом дают консолидированный диапазон в 19 500–20 800 л. н. (некалиброванных). Дата в 13 854±139 л. н. резко выпадает из этой серии.

В 2015 г. Алексом Прайором (Великобритания) была отобрана новая серия образцов с нескольких участков центральной площади скопления, в том числе с целью определения в них наличия частиц древесного угля. Такие образцы были получены методом флотации с трех участков, связанных с углистыми прослойками и зоной прокала центрального скопления. Они явились источни-

ком серии из трех дат, полученных в университете Колорадо Дж. Ф. Хоффекером (США). Эта небольшая серия получилась достаточно компактной, в диапазоне 20 200–20 830 л. н. (некалиброванных).

12.6. Заключение

В рамках данного информационного обзора не ставилось задачи исчерпывающей характеристики всех аспектов открывающейся ситуации в пределах исследованной площади третьего костно-земляного комплекса Ia слоя (каменный инвентарь, костяная индустрия, палеонтология и т. д.). Акцент был целенаправленно сделан на планиграфическо-структурное описание основных выявленных объектов с контекстной привязкой первых серий датировок по памятнику, дополненное общей характеристикой индустрии.

Если подвести самые краткие общие итоги первых лет исследования нового комплекса Ia культурного слоя стоянки (в том числе в сравнении с комплексами 1 и 2), то его можно свести к следующим промежуточным тезисам:

- остатки третьего костно-земляного комплекса Ia культурного слоя представлены объектами *in situ* с рядом признаков локальных постдепозиционных изменений в пределах конкретных объектных контекстов;
- при общем планиграфическом и структурном сходстве с комплексами 1 и 2 на макроуровне третий костно-земляной комплекс Ia слоя стоянки отличается наличие большего числа структурных составляющих в пределах центрального скопления и, в известной степени, периферийных объектов;
- по занимаемой площади, размерам центрального скопления, общему количеству остатков фауны, по количеству представленных особей мамонта рассматриваемый комплекс Ia слоя — самый мощный из открытых в пределах стоянки;
- основным формообразующим и структурно определяющим заполнителем культурного слоя являются кости мамонта;
- наибольшая мощность культурного заполнения связана с ямами южной — юго-восточной периферии комплекса;
- в пределах центра (срединной площади) центрального скопления выявленная мощность культурного слоя (за исключением площади кострища) незначительна (даже с учетом того, что кости мамонта не являются здесь основным заполнителем);
- находки каменного инвентаря планиграфически рассредоточены по всей площади центрального скопления без выраженных изолированных зон (с важной поправкой на то, что на площади кострища они относятся к верхнему уровню культурного заполнения);
- фаунистические остатки, представляющие верхний уровень культурного заполнения, имеют характерные признаки нарушения целостности структуры, вызванного, вероятно, фактом продолжительного экспонирования их поверхностей.

Достаточно разнообразный ассортимент орудий из коллекции третьего комплекса позволяет уточнить и расширить перечень характеристик замятинской археологической культуры, к которой М. В. Аникович отнес в последних своих работах культурный слой Костёнки 11/1а (Аникович и др. 2008: 224). Исследователи, работавшие в последние годы с коллекциями памятников, причисленных к замятинской культуре, уже отмечали некоторые разногласия в интерпретации имеющихся находок (Родионов 2013: 220; Федюнин 2015: 370–372). Вполне возможно, в рамках этого понятия объединены одновременные и/или разнокультурные материалы. Последнее, впрочем, не означает, что от понятия замятинской культуры следует отказаться. Скорее, требуется уточнение ее специфики путем новых исследований.

Приложение. Радиометрические даты

Таблица 14. Костёнки 11/1а, костно-земляной комплекс 3:
радиоуглеродные даты

*А. Е. Дудин, Л. В. Лбова, А. Прайор, Дж. Ф. Хоффекер,
В. С. Панов, В. В. Пархомчук, В. Т. Холлидэй*

№	Год, раскоп, примечание	Контекст	Материал	Даты не калиброванные	Даты калиброванные	Индекс
Серия 1. ИАЭТ СО РАН						
1	Комплекс 3, 2014	Кв. х5 у9, в 0,5 м к востоку от края центрального скопления	Кость	20 728±316	—	NSKA-00886
2	То же	Кв. х3 у7, внешний пояс костей центрального скопления	Кость	2133±508	—	NSKA-00889 [±]
3	Комплекс 3, 2014 (повторное измерение)	Кв. х3 у7, внешний пояс костей центрального скопления	Кость	20 006 ± 319	—	NSKA-00889
4	Комплекс 3, 2014	Кв. х2х3 у6, южный край внешнего пояса центрального скопления	Кость	20 838 ± 519	—	NSKA-00890
5	То же	Кв. х6 у8, восточная периферия, яма, уровень основания	Кость	23 258 ± 446	—	NSKA-00891

Окончание табл. 14

№	Год, раскоп, примечание	Контекст	Материал	Даты не калиброванные	Даты калиброванные	Индекс
6	Комплекс 3, 2014	Кв. х3 у10, верхний уровень по краю линзы со смешанным заполнением	Жженная кость	19 514±257	—	NSKA-00885
7	То же	Кв. х3 у10, выпил из лопатки мамонта	Кость	18 147 ± 3592	—	NSKA-00888
8	То же	Кв. х2 у3, южная периферия, над южным объектом	Костный уголь	13 854±139	—	NSKA-00892
<i>Серия 2. University of Colorado at Boulder</i>						
9	Комплекс 3, 2015	Кв. х2 у12, флотация	Древесный уголь, 0,56мг	20 670 ± 160	25,348–24,424 calBP ²	CURL-21040
10	То же	Кв. х2 у14, флотация	Древесный уголь; 0,55мг	20 360 ± 150	25,007–24,077 calBP	CURL-21043
11	То же	Кв. х1 у9, флотация	Древесный уголь; 0,59мг	20 620 ± 150	25,277–24,399 calBP	CURL-22804

¹ Образцы № 2, 5, 7 выполнены некорректно по техническим причинам. Требуется повторное измерение.

² IntCal 13 (OxCal 4.2).

Глава 13

Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирательство? Или...¹

М. В. Аникович

Все согласны с тем, что предлагаемая теория безумна. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться еще и верной?
Нильс Бор

Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей...

Карл Маркс

При обсуждении проблемы «человек и мамонт» в литературе традиционно фигурируют две концепции или модели — «охотничья» и «собираТЕЛЬская». Согласно первой скопления костей мамонта в культурных слоях стоянок представляли собой результат удачных охот, интенсивной добычи этих животных, производившейся на протяжении многих тысячелетий. Вторая концепция, напротив, рассматривает присутствие костей мамонта на памятниках исключительно, как результат эксплуатации естественных скоплений останков животных (отдельных погибших особей или т. н. мамонтовых кладбищ).

Разумеется, наряду с «крайними» точками зрения всегда существовали и «промежуточные», стремившиеся, в той или иной мере, свести факты воедино и объяснить существующие противоречия. Так, в частности, в работах М. В. Аниковича и Н. К. Анисюткина материал впервые был четко распределен

¹ Текст главы воспроизведен по изданию: М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Н. И. Платонова. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // *Stratum plus*. № 1. 2010. *Неандертальцы: альтернативное человечество*. С. 99–136. Публикуется часть «Введения» (с. 100) и разделы 4–6 полностью (с. 120–135). Нумерация разделов приведена в соответствии со сквозной нумерацией в настоящем издании. Заголовок повторяет первоначальное название, которое М. В. Аникович дал своему тексту в 2009 г. (см.: Аникович 2010) (прим. ред.).

хронологически и территориально. При этом для одних эпох и культур признавалась справедливость «собирательской» трактовки, для других — «охотничьей» (Аникович 1998; 2010; Аникович, Анисюткин 1995; 2001; 2004; Аникович, Кузьмина 2001).

13.1. Концепция собирательства

13.1.1. Общие замечания

Начнем анализ именно с этой, возрождаемой ныне концепции, которая еще недавно, в 1950–1970-х гг., казалась окончательно сданной в архив. Посмотрим, какими доказательствами располагают ее нынешние приверженцы? Правда, современные сторонники собирательства (за редким исключением) уже не столь безоговорочно основывают эту концепцию на общих представлениях о «примитивности» палеолитического человека, а стремятся к более серьезной аргументации.

Так, например, О. Соффер явно понимает слабые места концепции массового собирательства мамонтовых остатков, по крайней мере, применительно к верхнепалеолитическим стоянкам с большим количеством костей мамонта. Явно склоняясь к этой точке зрения, она предпочитает все же избегать безапелляционных высказываний. Так, по ее мнению, имеющиеся данные «...не позволяют решить вопрос о том, отражают ли Спадзиста и Межиричи охоту людей на стада или на отдельные особи, а также определить, какую роль играла естественная гибель...» (Соффер 1993: 106).

Но есть и непримиримые сторонники «собирательства». Наиболее ярким их представителем выступает А. А. Чубур. В данном вопросе он не допускает никаких оговорок. Он готов утверждать, что «мамонтовое собирательство» (выражаясь без обиняков — трупоедство) являлось фундаментальной основой развития культур, распространившихся в центре Русской равнины в среднюю пору верхнего палеолита. Предположение о существовании здесь массовой охоты на мамонтов он отвергает решительно и бесповоротно (не отрицая, в принципе, что верхнепалеолитический человек, живший в центре Русской равнины, мог при удаче забить одиночного зверя). Каковы же его аргументы?

13.1.2. Попытка экологического обоснования

А. А. Чубуру представляется, что его взгляды согласуются с концепцией московского геолога А. Л. Чепалыги, привлекающей в последнее время все большее внимание научного сообщества. Согласно этой концепции «в позднем плейстоцене в связи с деградацией и таянием последнего (валдайского) оледенения наступила Эпоха Экстремальных Затоплений. Значительные обводнения склонов, междуречий и речных долин привели к сверхполоводьям в руслах рек и морским трансгрессиям в приморской зоне бассейнов Понто-Каспия...» (Чепалыга, Садчикова и др. 2006: 340; см. также: Чепалыга, Пирогов 2005).

Кратко охарактеризовав эту концепцию, в соответствии с которой пик половодий падает на период 16–15 тыс. л. н., А. А. Чубур всеми силами старается доказать, что период функционирования стоянок с большим количеством костей мамонта фактически совпадает с указанным отрезком времени. Он утверждает следующее: «Именно на этот период в центре Русской равнины приходится расцвет костно-земляной архитектуры...» (Чубур 2006: 350). С датировками памятников с жилищами аносовско-мезинского типа А. А. Чубур обращается весьма вольно. Утверждая, что расцвет домостроительства с использованием костей мамонта связан именно с периодом сверхполоводий, он согласен считать единственным исключением две стоянки Костёнковско-Борщёвского района: Костёнки 2 и Костёнки 11/1а. По его мнению, именно отсюда традиции строительства округлых наземных жилищ распространились в другие регионы (Чубур 2006: 350).

Мы, со своей стороны, вполне разделяем концепцию А. Л. Чепалыги. Однако в том, что касается памятников центра Восточной Европы с большим количеством костей мамонта, наши выводы из этих материалов будут прямо противоположными. Сверхполоводья, действительно возникшие в результате таяния последнего ледника, *не стимулировали, а разрушили культуру, основанную на симбиозе с мамонтом, подорвали саму ее основу*. В частности, исчезновение населения из бассейна среднего Дона на рубеже 15 тыс. л. н. объясняется тем, что упомянутые сверхполоводья сделали непригодными для обитания защищенные крутыми склонами балочные мысы, столь привлекательные для людей в предшествующие периоды. Да и мегафауна частично погибла во время половодий (яркий пример этого процесса — Севское местонахождение), частично покинула районы широких разливов тающих ледников. Это подтверждается радиоуглеродными датами — если, конечно, не подходить к ним предвзято, отбирая «правильные» и отбрасывая неудобные (Аникович и др. 2008: 39–67, 260–276).

Таким образом, аргументация А. А. Чубура, в сущности, строится на двух посылах:

- 1) Прекрасно понимая, что памятники виллендорфско-костёнковской и павловско-хотылёвской АК значительно древнее времени таяния последнего ледника, он пытается «лишить их статуса» стоянок с большим количеством костей мамонта, фактически ограничивая эту группу памятников стоянками с жилищами аносовско-мезинского типа.
- 2) Хронология указанной группы строится так, чтобы она казалась совпадающей с тем же периодом половодий. Радиоуглеродные даты отбираются по известному принципу: «правильные» (т. е. подтверждающие точку зрения автора) и «неправильные» (противоречащие ей).

Рассмотрим теперь, насколько подтверждаются материалом обе ключевые посылки.

13.1.3. О количестве костей мамонта на стоянках Днепро-Донской ИКО

Итак, по А. А. Чубуру, говорить о настоящем развитии костно-земляной архитектуры можно только применительно к стоянкам с жилищами аносовско-мезинского типа. В более ранний период крупные кости мамонта использовались

спорадически, лишь «как элемент, а не основа архитектурной конструкции» (Чубур 2006: 350). Очевидно, и в количественном отношении их должно быть значительно меньше.

Здесь налицо явное недоразумение, происходящее, возможно, от слабого знания материала, и, безусловно, — от методических пробелов раскопок прежних лет, когда даже для таких важнейших памятников, как Костёнки 1/1 и Авдево, точное число особей мамонта в жилых комплексах не было установлено. В этом плане раскопки 1930–1980-х гг., пожалуй, уступают даже рекогносцировочным исследованиям И. С. Полякова. Тот еще в поле подсчитал минимальное количество особей мамонта в своем небольшом раскопе 1879 г. (не менее 10 экз.) (Поляков 2008: 253).

И. С. Поляков совмещал в одном лице археолога и профессионального зоолога. В XX в. в этом плане больше «повезло» украинским стоянкам с жилищами аносовско-мезинского типа, ибо их раскапывали профессиональные палеозоологи И. Г. Пидопличко и Н. Л. Корниец. Там, по меньшей мере, весь остеологический материал оказался профессионально обработан.

Впрочем, даже имеющиеся на сегодняшний день данные красноречиво свидетельствуют, что количество костей мамонта на памятниках виллендорфско-костёнковской культуры вполне сопоставимо с цифрами, приводимыми для более поздних памятников с жилищами аносовско-мезинского типа. Только по материалам раскопок 1970-х гг., когда было вскрыто *не более трети* общей площади второго жилого комплекса Костёнок 1/1, В. Е. Гарутт и Е. В. Урбанас насчитали в нем не менее 55 особей мамонта (Гарутт, Урбанас 1979; см. также: Сергин 2001: 346). Для сравнения, на тот момент исследований во всех межиричских жилищах было определено 110 особей мамонта (Пидопличко 1976: 41), в Мезине — 116 особей (Пидопличко 1969: 82), в Гонцах — 93 (Там же: 51), в Киево-Кирилловской стоянке — более 70 (Там же: 30–31), в Добраничевке — 28 (Там же: 67). Точные сведения о количестве особей и половозрастном составе мамонта из раскопок конца 1970-х — начала 1990-х гг. в Костёнках никогда и никем не были учтены.

Между тем возникновение и развитие той же виллендорфско-костёнковской АК приходится отнюдь не на период Экстремальных Затоплений, хотя, как показали новейшие исследования, памятники этой культуры какое-то время продолжали существовать и тогда, доживая по крайней мере до 16 тыс. л. н. (Амирханов 2000: 49–53; 2005; Аникович и др. 2008: 193–196).

13.1.4. Сохранность мамонтовых костей на стоянках Днепро-Донской ИКО

Ранее мы писали о мустьерских стоянках Днестровско-Прутского региона с большим количеством костей мамонта, где собирательство как основной их источник не вызывает никаких сомнений. В этой связи обратим внимание на то, что характеристики самих мамонтовых костей Днепро-Донской ИКО по всем параметрам резко отличны от соответствующих характеристик мустьерских стоянок Днестровско-Прутского региона (Аникович и др. 2010: 114–115; 2011: 57–70).

Уже упоминалось, что на мустьерских стоянках указанного региона наблюдается *разная степень сохранности* костей мамонта, отличная от сохранности костей иных видов животных. В своих работах О. Соффер неоднократно отмечает разную степень выветрелости мамонтовых костей и на вилендорфско-павловских памятниках Центральной Европы, и на поселениях Днепро-Донской ИКО. Однако наши наблюдения, сделанные за годы раскопок второго жилого комплекса Костёнок 1/1, показывают, что основную роль играли здесь условия погребения костей после того, как стоянка была покинута людьми.

Те кости, что оказались в ямах, сохранились значительно лучше тех, что оставались на поверхности. По нашим наблюдениям, здесь нет того заметного контраста между степенью сохранности костей мамонта и иных видов, который отмечался для мустьерских стоянок. Конечно, наблюдения такого рода следует проводить более систематично. Необходима более серьезная аргументация, нежели личные впечатления. Определение содержания коллагена здесь бы очень помогло, но пока дело ограничивается ссылками на устные сообщения (Соффер 1993: 106).

13.1.5. Еще раз о радиоуглеродных датах

А. А. Чубур согласен отнести к периоду, предшествующему Эпохе Экстремальных Затоплений, только две стоянки Костёнковско-Борщёвского района с костно-земляными жилищами — Костёнки 2 и Костёнки 11/1а. Так ли это? Невозможно согласиться с тем, что даты, полученные для указанных памятников, представляют собой некое исключение из правила.

Как же быть в таком случае с наиболее ранними датами, полученными для многих других стоянок (Синицын, Праслов /ред./ 1997: 54–56)? Для Межиричей и Елисеевичей I они составляют ~20–17 тыс. л. н. Для Киево-Кирилловской, Новгород-Северской и Радомышля — ~20–19 тыс. л. н. Можно ли игнорировать такие памятники, как Пушкари 1 (~21–16 тыс. л. н.) и Погон (~18 тыс. л. н.)? Можно ли просто замалчивать еще более древние даты, полученные для Мезинской стоянки (29–21 тыс. л. н.), игнорируя при этом как дату полученную в киевской лаборатории, так и результат, полученный в ГИН (21 600±2 200)?

Да, практически во всех этих сериях присутствуют и более молодые даты, но, как опять-таки показали новейшие исследования, это указывает лишь на продолжительность существования стоянок². Еще совсем недавно функционирование верхнепалеолитического памятника на протяжении нескольких тысяч лет (пусть даже с перерывами) казалось исследователям невероятным. Однако после всесторонне аргументированных результатов исследований Зарайской стоянки с этим приходится считаться как с установленным фактом или, во всяком случае, как с наиболее верифицированной гипотезой.

² Разумеется, автор подразумевает здесь не тысячелетнюю и более продолжительность жизни на одном месте, а наличие на стоянках множественных горизонтов обитания, материалы которых зачастую не различаются в культурном отношении и вплоть до конца XX в. очень редко опознавались раскопщиками как различные горизонты (прим. ред.).

Таким образом, имеющиеся на данный момент радиометрические даты указывают на *неразрывную хронологическую связь* стоянок с костно-земляными жилищами анововско-мезинского типа и появившимися на Русской равнине в более раннее время памятниками с большим количеством костей мамонта. Наиболее яркими представителями последних выступают памятники виллендорфско-костёнковской и павловско-хотылёвской АК.

13.1.6. Естественные кладбища мамонтов и человеческая деятельность

*Чтобы приготовить рагу из зайца,
нужно иметь как минимум кошку.*

Народная мудрость

*А был ли мальчик-то?.. Может,
мальчика-то и не было?..*

А. М. Горький

Концепция мамонтового собирательства не как спорадического занятия, а как *основы культуры* закономерно требует наличия *постоянных* источников такого собирательства. Ведь жизнь человеческих сообществ не может в течение многих тысячелетий основываться на чисто случайном факторе, каковым является гибель одного или нескольких животных вблизи стойбища. Необходим стабильный источник разработки туш и скелетов — естественное кладбище мамонтов. Подобные местонахождения в Евразии действительно известны. Это Берелех, Волчья Грива, Гари и Шестаково в Северной Азии, Севское местонахождение в центре Русской равнины (Брянская обл.).

В целом памятники такого рода (по крайней мере достоверно зафиксированные) крайне малочисленны. Но важнее другое: связанные с ними бесспорные следы человеческой деятельности разительным образом отличаются от того, что мы наблюдаем на стоянках Днепро-Донской ИКО (Верещагин 1977: 40–41; Лавров 1992: 66). В этом плане особенно показательна западносибирская многослойная стоянка Шестаково, тесно связанная с естественным кладбищем мамонтов, образовавшимся, по мнению исследователей, в результате регулярного посещения этими животными выходов минеральных солонцов (Деревянко и др. 2000). На данном местонахождении зафиксированы:

- 1) остатки скопления костей мамонтов («кладбища»), образовавшегося в результате естественных процессов; налицо утилизация этого скопления древними людьми;
- 2) остатки целого ряда стоянок (8 культурных слоев), оставленных этими людьми в период от верхнего плейстоцена до голоцена.

Анализ показывает, что «наибольшая активность в освоении территории приходится на финал каргинского и начальный этап сартанского времени» (Там же: 50). В общем и целом этот возраст соотносится с первым этапом существования стоянок Днепро-Донской ИКО. Но, в отличие от последних, шестаковские стоянки — это типичные кратковременные стойбища, не имеющие ничего общего с долговременными, сложными по структуре поселениями

Русской равнины. Кости мамонта в культурных слоях Шестаково абсолютно преобладают, но и по отбору, и по положению в культурном слое мамонтовая кость использовалась здесь исключительно в качестве поделочного сырья и топлива. Конструкции из крупных костей отсутствуют. Ситуация вполне ясна: на протяжении тысячелетий здесь регулярно гибли мамонты, и их естественное кладбище столь же регулярно использовалось специально приходившими сюда людьми.

Относительно других местонахождений подобного рода, включая знаменитый Берелех, напомним, что их радиоуглеродный возраст значительно моложе — ~13 тыс. л. н. (Лавров 1992: 65). Возможно, люди усилили внимание к подобным местам именно тогда, когда стада живых зверей стали заметно сокращаться.

Что же касается открытого в конце 1980-х гг. и пока единственного достоверного «кладбища мамонтов» на Русской равнине (Севского), то характер его настолько отличается от всех ранее известных естественных захоронений мамонтовой фауны, что даже ставить их в один ряд невозможно. Автор открытия прямо говорит об уникальности этого местонахождения в мире (Maschenko et al. 2006: 164). В Севске мы имеем не «кладбище» длительного накопления, связанное с выходом солонцов или естественной «ловушкой», где время от времени погибали животные, а место единовременной гибели одной семейной группы мамонтов от природного катаклизма.

Как можно предположить, водный поток, связанный с сильнейшим наводнением, преградил мамонтам выход из речной долины. Это яркий пример того, что происходило на Русской равнине в период экстремальных затоплений (радиоуглеродная датировка Севска — ~14 тыс. л. н.), но никакого отношения к проблеме восточноевропейских стоянок с большим количеством костей мамонта этот пример не имеет. Хронологически он относится к периоду, когда указанные стоянки по большей части уже прекратили свое существование.

Впрочем, нечто похожее на естественные скопления костей мамонтов наблюдается в ряде случаев в Центральной Европе, причем как раз на памятниках виллендорфско-павловского культурного единства, сыгравшего важнейшую роль в формировании Днепро-Донской ИКО. Геоморфологически эти памятники располагались на значительной высоте от уреза рек (~200–250 м), на склонах холмов с выходами известняка (Соффер 1993: 108). Все они отличались специфической особенностью: места обитания (т. е. собственно стоянки) оказывались пространственно связаны с находящимися в 30–100 м от них завалами костей мамонта (Дольни Вестоницы 1 и 2; Миловице). Характерно, что, в отличие от фаунистических остатков, собранных на самих местах обитания, кости из завалов принадлежат почти исключительно мамонту. Их связь с оглееными отложениями показывает, что кости завалов какое-то время находились в мелкой воде (Соффер 1993: 108).

Разумеется, если бы речь шла исключительно о результатах старых раскопок XIX — начала XX в., «завалы» было бы легко списать на несовершенство методик и непонятые исследователями конструкции. Ведь даже в конце 1930-х гг., уже

после раскопок первого жилого комплекса Костёнок 1/1, П. П. Ефименко еще отмечал: «...в лессовых стоянках... скопления костей мамонта в виде огромных куч... составляют вполне обычное явление» (Ефименко 1938: 379). В пример же приводились те же Костёнки 1 и Борщёво, Кирилловская стоянка и т. д. — все по результатам раскопок, производившихся до открытия жилых структур на памятниках этого типа. Однако в ряде случаев «завалы костей» зафиксированы вполне достоверно.

Судя по опубликованным чертежам раскопок Дольних Вестониц 1940–1950-х гг., указанное костеище весьма мало напоминает мамонтовое кладбище. Здесь присутствует действительно гигантское скопление сильно перемешанных, переломанных костей мамонта от самых разных частей скелета. Никаких анатомических связей не наблюдается (Klima 1963: 89–104, obr. 33–35). Скопление вытянуто широкой полосой вдоль поселения, на некотором расстоянии от жилищ. Судя по приведенной реконструкции, оно находилось в низине (Op. cit.: 207, obr. 69). В археологической литературе подобные находки, как правило, интерпретируются как «кухонные отбросы». Неслучайно даже приверженцы идеи собирательства относятся к интерпретации костеищ такого рода весьма осторожно.

Но предположим на миг, что костеища на центральноевропейских памятниках действительно представляют собой естественные образования, из которых население Дольних Вестониц, Миловиц и т. д. по мере необходимости черпало материалы для строительства, поделок и топлива. Что же в таком случае заставило его бросить далеко не исчерпанные сокровища, щедро оставленные природой, и двинуться неведь куда, на северо-восток — за стадами живых мамонтов?

13.1.7. Днепро-Донская ИКО: куда же исчезли кладбища мамонтов?

В конце концов, для нас важно не то, представляли ли описанные выше завалы костей места естественной гибели мамонтов или они имеют какое-то иное объяснение. Важнее другое: *почему на территории Днепро-Донской ИКО ни с чем подобным археологи до сих пор не сталкивались?*

Первооткрыватель Севска Е. Н. Машенко в одной из своих последних работ пишет: «Представленные... данные об особенностях биологии мамонта свидетельствуют о потенциальной возможности формирования больших естественных скоплений костей этих млекопитающих в непосредственной близости от стоянок верхнего палеолита» (Машенко 2009: 422). Но вот беда! «Потенциальная возможность» была, а самих естественных скоплений в районе памятников Днепро-Донской ИКО — не зафиксировано.

Здесь нет хоть сколько-нибудь убедительных следов «мамонтовых кладбищ» типа Берелеха и Шестаково. Завалов костей, представленных в ряде однокультурных памятников Центральной Европы, — и тех нет. В Костёнковско-Борщёвском районе на многослойных стоянках Костёнки 1 и 11 верхние культурные слои — это типичные долговременные поселения со сложными конструкциями из костей мамонтов. Но каких бы то ни было следов естественно образовавшегося костеносного горизонта не зафиксировано ни на них, ни вблизи их. Нет подобных следов и в нижележащих слоях, где находки мамонтовых

костей вообще редки. Ситуация, как видим, разительно отличается от тех случаев, когда стоянки древнего человека достоверно связываются с «кладбищами мамонтов» (Шестаково).

Это обстоятельство — зияющая «прореха» в концепции «тотального собирательства» мамонтовой кости, по крайней мере применительно к Днепро-Донской ИКО. Сторонники указанной концепции это осознают и пытаются, так или иначе, объяснить сложившуюся ситуацию. Однако все объяснения представляются малоубедительными. О. Соффер связывает отсутствие на Русской равнине «мамонтовых кладбищ» с отсутствием вечной мерзлоты. «В то время как вечная мерзлота Северо-Восточной Сибири сохранила такие скопления мамонтов до наших дней, на Русской равнине... не найдено других кладбищ мамонтов. Их отсутствие вполне закономерно, так как в конце плейстоцена исчезла вечная мерзлота, способствовавшая их сохранению...» (Соффер 1993: 107).

Странное объяснение! Во-первых, сибирские «кладбища мамонтов» отнюдь не ограничиваются Берелехом. Уже упомянутые выше местонахождения Западной Сибири (Волчья Грива, Гари, Шестаково) находятся значительно южнее зоны вечной мерзлоты. Во-вторых, если завалы мамонтовых костей, обнаруженные на стоянках Центральной Европы, действительно образовались естественным путем, то почему же отсутствие вечной мерзлоты не помешало их сохранению? В-третьих, если население Днепро-Донской ИКО действительно выбирало места для своих поселений исключительно вблизи «кладбищ мамонтов», то почему впоследствии такой природный фактор, как отсутствие вечной мерзлоты, действовал столь избирательно? Ведь кости на самих стоянках прекрасно сохранились. Почему же тогда полностью исчезли предполагаемые естественные скопления тех же костей, расположенные рядом? Ведь знаменитое Севское кладбище мамонтов, никогда не находившееся в зоне мерзлоты, тем не менее, дождалось своих исследователей.

А. А. Чубур поступает очень просто. Он «обнаруживает» следы мамонтовых кладбищ едва ли не на каждой из известных стоянок Днепро-Донского региона. Здесь мы не будем рассматривать каждое из подобных открытий; ограничимся несколькими примерами, связанными с Костёнковско-Борщёвским районом.

А. А. Чубур картировал находки костей мамонта в долинах рек Русской равнины и высказал предположение, что концентрация их связана не с местами расширения долин (удобные и обширные пастбища), а, напротив, с их сужениями — там лучше «улавливались» трупы погибших животных и образовывались «кладбища». Именно с этими местами он сопоставляет и большие группы палеолитических памятников (Чубур 1998). В. Я. Сергин, в целом вполне сочувственно оценивающий построения А. А. Чубура, в данном случае все-таки отмечает: «...карты, возможно, в силу принятых условных обозначений, не содержат четкого подкрепления приводимых суждений» (Сергин 2001: 346). С нашей точки зрения, это сказано даже слишком мягко. Достаточно посмотреть на карту-схему стоянок Костёнковско-Борщёвского района (Аникович и др. 2008: 7, рис. 1) с точки зрения геоморфологии логов, чтобы убедиться в надуманности данной трактовки.

По мнению А. А. Чубура, образование «мамонтовых кладбищ» в этом регионе происходило следующим образом: «Река сильно меандрирует: налицо все признаки так называемого района концентрации. Особенно уловистыми для мамонтовых туш могли быть устья балок, куда во время половодий ветровым прибоем и турбулентными завихрениями течения могло заносить влекомых им мертвых мамонтов» (Чубур 1998: 321). Вначале эти туши скапливаются в Покровском логу, затем в Аносовке, затем в Борщёво. Где же конкретно образуются гипотетические «кладбища»? Невнятно сообщается о том, что «в районе Костёнок имеется множество находок остатков мамонтов, напрямую не связанных с культурными слоями, в том числе костище, осмотренное еще С. Гмелином» (Чубур 1998: 322).

Мне, проработавшему в Костёнках почти 40 лет, ничего не известно о «множестве находок» такого рода. Но вначале скажем несколько слов о костище, раскопанном в 1768 г. акад. С.-Г. Гмелином. Раскоп был заложен им на первой надпойменной террасе Дона. По описанию, «...как скоро начали копать, то на песчаном берегу Дона немедленно оказались беспорядочно рассеянные слоновые кости. Зубы, челюсти, рёбра, лбы, стегна и берцы, неокаменелые, но в естественном своем состоянии, ...лежали на три локтя в глубину и около 40 сажен в длину. Кроме слоновых остатков, не мог я найти никаких костей от других животных, и... совсем невозможно... было собрать полный скелет...» (Гмелин 1771: 53).

Точное место раскопок С.-Г. Гмелина неизвестно, но предположительно его связывают с устьем Попова лога, где в 1879 г. И. С. Поляков зафиксировал, казалось бы, аналогичное по типу местонахождение (Поляков 2008: 251). А уже в XX в. там же были открыты верхнепалеолитические стоянки — Костёнки 3 и 21. В связи с этим встает вопрос о соотношении описанных фаунистических остатков с местами обитания палеолитического человека.

Теоретически можно предположить, что С.-Г. Гмелин в своем раскопе попал на развалины жилищ из костей мамонта или на заполнения ям-хранилищ. Однако до сих пор на костёнковских стоянках, приуроченных к первой надпойменной террасе, ничего подобного не встречалось. Кроме того, в описаниях указывается, что «помянутые кости лежат, покрыты песком, без примесу иной земли». Сам автор склонялся к тому, что найденные им кости были принесены водой: «речные берега обыкновенно бывают местом погребения для слонов...» (Там же).

Локализация костей на периферии стоянки, где отсутствовал насыщенный культурный слой в принципе не противоречит трактовке их, как остатков животных, вынесенных на берег рекой, тем более что устье Попова лога действительно приурочено к очень крутому изгибу Дона. Настораживает лишь указание С.-Г. Гмелина на явный некомплект и совершенно разрозненный характер этих костей. Но, предположим, перед нами именно место выноса остатков мегафауны рекой. В какой период река их выносила?.. 20 тыс. л. н.? 15 тыс. л. н.? 10?.. Если наш уважаемый оппонент располагает хоть какими-то дополнительными сведениями, позволяющими дать на это однозначный ответ, — исследователи костёнковского палеолита были бы ему чрезвычайно признательны за их публикацию.

Пока же более или менее внятный ответ на вопрос «где они, мамонтовые кладбища Костёнковско-Борщёвского района?!» дается А. А. Чубуром только для Аносова лога. Там за остатки такого «кладбища» принимается так называемый комплекс II стоянки Костёнки 2. Он представляет собой скопление костей мамонта (абсолютно преобладают ребра), залегающее в древней ложбинке. Его размеры: 14 м в длину, 1,5–1,7 м в ширину, мощность не более 0,20–0,25 м (Борисковский 1963: 64–65).

Исследователь Костёнок 2 П. И. Борисковский считал несомненным, «что в углубление в древней поверхности суглинка кости были сложены или сброшены людьми... Скорее всего, в этом месте складывались или сваливались кости или части туш мамонтов, а затем обитатели поселения брали отсюда кости и бивни мамонтов для сооружения жилища, для изготовления орудий и т. п.» (Борисковский 1963: 66). «К тому же результату, однако, — возражает А. А. Чубур, — привело бы и простое изъятие костей для строения из естественного скопления...» (Чубур 1998: 322). И В. Я. Сергин, к нашему удивлению, даже находит это возражение «резонным» (Сергин 2001: 346).

Что ж, при подобном подходе (особенно учитывая размеры данного скопления!) открываются поистине безграничные возможности для выделения на Русской равнине «мамонтовых кладбищ». Остатками таковых можно объявлять даже самые незначительные скопления мамонтовых костей! А. А. Чубур именно так и поступает в отношении множества других памятников Днепро-Донской ИКО (Мезин, Межиричи, Юдиново, Пушкири, Тимоновка, Супонево, Елисеевичи и пр.).

Что же касается предлагаемого А. А. Чубуром механизма выноса целых туш мамонтов в глубину Покровского и Аносова логов, то нужно учитывать, что в Костёнках в период существования памятников костёнковско-авдеевского типа первая надпойменная терраса Дона уже формировалась и обживалась людьми (Костёнки 21/III). Ко времени появления культурных слоев на Костёнках 2 и 11/1а она была уже достаточно хорошо сформированной и прочно обжитой: там локализовались стоянки Костёнки 3, Костёнки 19, Костёнки 21/I–II. Что бы осталось от них, если вообразить бурные паводки, услужливо подносящие многочисленные трупы мамонтов прямо в район Костёнок 1, Костёнок 13, Костёнок 11, расположенных на возвышенных мысах по берегам балок, в глубине?

И где следы всех этих страшных половодий? Судя по аллювиальным отложениям первой надпойменной террасы, Дон, конечно, бывал полноводнее современного, но отнюдь не в раннеосташковское время, а в предшествующий период (финал среднего валдая). В начале позднего валдая, не говоря уже о климатическом минимуме 20–18 тыс. л. н., уровень Дона, как и рек Центральной Европы, в долинах которых расположены стоянки виллендорфско-павловского типа, едва ли намного отличался от современного.

Тем не менее легенды о существовании мамонтовых кладбищ вблизи соответствующих стоянок Русской равнины возникают снова и снова. В своем увлечении авторы подчас преподносят домыслы как вполне установленный факт. Так, с полной уверенностью рассуждает о «мамонтовых кладбищах» вблизи стоянок В. Я. Сергин. По его мнению, концепция «преимущественного собирания костей мамонта на естественных местонахождениях... *подкрепляется*

расположением поселений в районах вероятного образования мамонтовых «кладбищ» и возможным отождествлении с «кладбищами» пониженных участков с костями... расположенных на краю некоторых поселений... (курсив наш. — Авт.)» (Сергин 2001: 350).

О том, что представляя собой эти «пониженные участки на краю поселений», уже говорилось выше, применительно к Дольним Вестоницам и Костёнкам 2. Никаких других материалов для суждений о «естественных скоплениях» костей вблизи стоянок у нас попросту нет. Напомним, что Севское местонахождение *никогда не разрабатывалось и не утилизировалось древним человеком* (Мащенко 2009: 407). Таким образом, один домысел попросту «подкрепляет» другой.

Но, пожалуй, самая оригинальная концепция взаимодействия человека и вымиряющего мамонта была предложена Н. А. Шило. По его мнению, «первобытный человек стал продвигаться с юга на север, т. е. к ареалу обитания мамонтовой фауны, вслед за вымиранием мамонтов, используя для этой цели его замороженные трупы. Человек как бы заполнял освобождавшуюся в силу изменения природных условий нишу, ставшую экологически губительной для мамонтовой фауны и более благоприятной для человека» (Шило 2001: 313).

Вымирание мамонтовой фауны, по мнению автора, «растянулось почти на 30 тыс. лет» и было «сопряжено с потеплением и увлажнением климата в Северном полушарии. В течение этого времени в ареалах их расселения стал появляться человек и пользоваться «благами» природной катастрофы — замороженными трупами животных и охотой на ослабевших мамонтов» (Там же: 314). Примечательно, что «период наиболее интенсивной гибели мамонтов» определяется автором в рамках 45–25 тыс. л. н. (Там же). Непонятно, какие факты говорят в пользу такого предположения? Что касается археологических данных, то никаких свидетельств картины, рисуемой Н. А. Шило, в них нет. Трупоеды, двигавшиеся на север в поисках падали, кажутся сошедшими со страниц литературы сер. XIX в., когда ученые только начинали сбор информации о палеолитическом периоде истории.

Напротив, теперь можно считать установленным, что именно в период 45–25 тыс. л. н. мамонты не интересовали палеолитического человека ни как охотничья добыча, ни как продукт собирательства продуктов питания. В качестве мясной пищи люди РВП предпочитали диких лошадей, бизонов, оленей, зайцев и т. п. (Аникович и др. 2011: 73-74). Тесная зависимость человека от ресурсов мамонтовой фауны возникает в истории лишь однажды — причем на весьма ограниченном пространстве (центр Русской равнины) и в ограниченный период времени (24–14 тыс. л. н.). Значительная часть этого отрезка связана отнюдь не с «потеплением», а с климатическим минимумом, чрезвычайно благоприятным для мамонтовой популяции³.

³ Самое удивительное, что Берелех, детально проанализированный крупнейшими специалистами в этой области, и признанный ими местонахождением, где мамонтовые останки накапливались в течение десятков тысяч лет, трактуется в статье Н. А. Шило, как место «где одновременно погибло, вероятно, не менее 10 тыс. особей» (Шило 2001: 314). Нет, новая интерпретация — это всегда интересно. Но ведь нужны доказательства!

Нас не перестает удивлять то обстоятельство, что при полном отсутствии фактологических данных идея о связи восточноевропейских стоянок с большим количеством костей мамонта с мифическими «естественными скоплениями» начинает восприниматься как почти непреложная истина. Даже такой серьезный исследователь, как Е. Н. Машенко, прекрасно разбирающийся в проблеме мамонтовых кладбищ, тем не менее считает возможным детально характеризовать *условия формирования того, чего нет*, а именно — естественных скоплений костей мамонтов вблизи стоянок Днепро-Донской ИКО.

«Экологическая привязанность мамонтов к речным долинам является одним из объяснений преимущественного нахождения именно здесь их остатков. — читаем мы в одной из последних его работ. — Массовые скопления костей мамонтов в речных долинах не всегда являются следствием катастроф, приводящих к гибели целых групп, или результатом сноса трупов отдельных мамонтов, погибающих в долинах рек, в старичные русла. Образования скоплений остатков мамонтов могут быть и результатом естественной смертности в местах, которые группы мамонтов регулярно посещали...» (Машенко 2009: 416).

Характерно, что о «массовых скоплениях» мамонтовых остатков в речных долинах говорится тут как о вполне установленном факте — разумеется, со ссылками на А. А. Чубура. Однако, в отличие от последнего, автор не акцентирует внимания на периоде экстремальных затоплений как объяснении тотального «мамонтового собирательства». Ведь Е. Н. Машенко детально проработал палеозоологические материалы Зарайской стоянки, которые, на наш взгляд, напрямую противоречат концепции А. А. Чубура.

Хронологически этот памятник никак невозможно «втиснуть» в рамки периода таяния последнего ледника. Значительная часть его функционирования достоверно приходится на климатический минимум 20–18 тыс. л. н., а отчасти и на более ранний период. Традиции костно-земляной архитектуры (жилые комплексы костёнковского типа) фиксируются тут с самого начала жизни на памятнике. В свою очередь, речка Осётр, протекающая неподалеку от Зарайской стоянки, никак не подходит на роль бурной стихии, регулярно губившей и «сплавлявшей» трупы мамонтов к самому поселению людей. И, несмотря на все это, одним из результатов работы Е. Н. Машенко с материалами стоянки стала констатация: «Правильнее было бы отметить, что на Зарайской стоянке, *кроме мамонта, вообще не представлено других млекопитающих* (курсив мой. — Авт.)» (Машенко 2009: 403).

Таким образом, материалы Зарайска как нельзя лучше показывают: основные посылки А. А. Чубура совершенно несостоятельны и являются результатом неправомерной «подгонки» фактов. Именно мамонт, задолго до начала бурных паводков, служил единственной основой жизнедеятельности зарайского населения. Но объяснять это охотой, с точки зрения Е. Н. Машенко, тоже неправомерно (эти его аргументы будут детально рассмотрены ниже, в соответствующем разделе). В итоге следует открытие, правда, носящее вполне умозрительный характер — вывод о наличии в районе Зарайской стоянки кладбища мамонтов длительного накопления: «В случае, если здесь имелся незамерзающий источник воды и в случае доступного для мамонтов участка с минеральными веществами, следует предполагать, что в районе Зарайской стоянки имелось

естественное местонахождение костей мамонтов с относительно быстрыми условиями захоронения костного материала (трупов?)» (Там же: 422).

Подводя итог всему сказанному, хочется опять вспомнить известную побасенку: трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. В самом деле: а был ли мальчик-то (то бишь, мамонтовые кладбища на стоянках или вблизи)? Может, мальчика-то и не было?

13.1.8. Общие выводы

Итак, даже в новейшей интерпретации мы не можем принять концепцию тотального мамонтового собирательства по следующим причинам:

- 1) Отсутствует фактологическая основа для этой концепции: естественные кладбища мамонтов, расположенные вблизи стоянок с большим количеством костей этих животных. Все, что написано до сих пор по этому поводу, есть не более чем результат умозрительных построений или откровенного фантазерства.
- 2) Отсутствует теоретическая основа построений такого рода. Никем не предложено концепции, обосновывающей массовую и регулярную гибель мамонтов на протяжении минимум 10 тысяч лет — при сохранении, тем не менее, их продуктивности и достаточно высокой численности на Русской равнине. Никем даже не поставлено вопроса: каким образом эта массовая гибель животных способствовала созданию и развитию наиболее высокоразвитых культур эпохи верхнего палеолита в Восточной Европе?

Имеющиеся на этот счет отдельные высказывания выглядят в теоретическом плане куда более беспомощными, чем построения В. В. Докучаева — А. И. Кельсиева 150-летней давности (см.: Аникович и др. 2010: 104–110; 2011: 11–20). Эти последние по крайней мере отталкивались от новейшей для своего времени философской и историософской базы — вульгарного материализма и его детища — однолинейного эволюционизма. Вдобавок в их распоряжении не было и сотой доли той информации, которая накоплена палеолитоведением в наши дни.

Все это заставляет нас самым решительным образом отбросить концепцию собирательства и трупожорства, признав ее абсолютно несостоятельной как с позиции теории культуры, так и, в особенности, с фактологической точки зрения.

13.2. Концепция охоты

13.2.1. О чем свидетельствуют фаунистические материалы стоянок Днепро-Донской ИКО?

Прежде всего, они свидетельствуют о том, что вся жизнедеятельность населения, оставившего эти стоянки, основывалась на мамонте и только на мамонте. Ничем другим оно просто не могло прокормиться. На ряде памятников

встречены немногочисленные кости лошадей, оленей, зайцев и т. п. — однако в ничтожном количестве. Довольно часто обнаруживаются остатки мелких хищников — в первую очередь песцов. Однако, судя по их характеру (нерасчлененные скелеты, их фрагменты в анатомической связи), в пищу их явно не употребляли, а использовали шкурки для изготовления теплой одежды.

В качестве одного из дополнительных аргументов в пользу того, что на верхнепалеолитических стоянках Русской равнины с большим количеством костей мамонта кости эти преимущественно собирались, приводится то, что нарезки на мамонтовых костях резко отличаются от нарезок на костях травоядных, явно употреблявшихся в пищу (лошадь, бизон, олень). Но, во-первых, сколько-нибудь систематизированных данных по этому вопросу не существует. Во-вторых, нужно учитывать, что способы срезания мяса с костей крупных млекопитающих (мамонт, шерстистый носорог) могли существенно отличаться от способов обработки туш более мелких животных (лошадь, олень, заяц и пр.).

Стоит отметить такой важный момент: на стоянках Днепро-Донской ИКО, как и на соответствующих центральноевропейских стоянках с большим содержанием костей мамонта, не наблюдается отбора костей. Присутствуют практически все кости скелета мамонта, хотя их пропорции на разных стоянках и участках различны (Соффер 1993: 105–106).

Важно и другое: в памятниках Днепро-Донской ИКО присутствуют *все возрастные группы мамонтов* — от старых особей до детенышей и эмбрионов (Гарутт, Урбанас 1979; Сергин 2001: 351). То же самое отмечается и для соответствующих стоянок Центральной Европы. Ряд памятников Русской равнины — Радомысль, Мезин, Добраничевка — дает так называемые катастрофические профили — т. е. профили с множеством молодых особей и прогрессивным уменьшением особей более старых возрастных категорий (Корниец 1962; Соффер 1993: 101–102).

Долгое время считалось, что демографический состав межиричской и костёновской популяций мамонтов с меньшим процентом детенышей создает картину стада, в котором присутствуют все возрастные группы (Пидопличко 1976, Верещагин, Кузьмина 1982; Soffer 1985); различия интерпретировались как сезонные (Верещагин, Кузьмина 1982: 225). Между тем анализ современных слоновьих популяций показывает, что слоновье *стадо* как такового, в которое бы входили все половозрастные группы — от старых самцов до детенышей — никогда не существовало в природе (см. напр.: Дуглас-Гамильтон А., Дуглас-Гамильтон О. 1981). Большая заслуга Е. Н. Машенко заключается в том, что он не только обратил на это внимание археологов, но и доказал приложимость данного заключения к ископаемой популяции мамонтов (сравнительный анализ Севского и ряда близких по типу североамериканских местонахождений) (Машенко 2009).

Е. Н. Машенко первым указал, что так называемая типичная картина стада, на которую ссылались археологи, требует уточнений. Как у африканских, так и у азиатских слонов существуют семейные группы, состоящие из самок и детенышей. Половозрелые самцы образуют особые группы. Достаточно часто встречаются и самцы, ведущие одиночный образ жизни. Обратим внимание на то, что, по имеющимся на сегодняшний день данным, состав мамонтов,

представленных на стоянках Днепро-Донской ИКО, включал представителей обеих групп. Уже одно это вызывает вопрос: а на кого же, в сущности, охотились насельники Днепро-Донской ИКО, истребляя не единичных мамонтов, а целые группы? Судя по имеющимся данным, и на тех, и на других. Но необходимо признать: эти данные не точны и не полны.

Не так давно считалось, что катастрофические профили однозначно указывают на применение загонной охоты, в процессе которой гибнет целое стадо (Соффер 1993: 101). Дальнейшие исследования, проведенные в различных местах естественной гибели животных, показали, что ни катастрофические, ни аттриционные профили нельзя однозначно считать признаком исключительно человеческой охоты. Ту же картину мы имеем и в случае естественной гибели животных (Там же: 102; см. также: Сергин 2001: 350). Необходимо ввести лишь одну важную оговорку: в случае единовременной гибели семейной группы мамонтов (как, например, в Севске) мы получаем картину, резко отличную от той, что дают: а) мамонтовые кладбища длительного накопления; б) материалы стоянок, где представлены все половозрастные группы, вплоть до утробных мамонят, но взрослые и старые особи, как правило, преобладают.

В. Я. Сергин, анализируя половозрастной состав ряда стоянок Русской равнины, отмечает, что в Радомышле, Мезине, Пушкарях, а также в сборной коллекции Костёнок, «сопоставленной Е. В. Урбанас с Берелехом, ... преобладают остатки взрослых животных» (Сергин 2001: 346). Однако далее следует неожиданное и, на наш взгляд, неправомерное заключение: «Отсюда напрашивается вывод, что и костёнковское, и берелехское скопления мамонтовых костей, отражавшие половозрастной состав семьи и стада [Урбанас 1980] погибли по естественным причинам. Тот же вывод может быть сделан относительно Мезина, Радомышля и Пушкарей» (Там же: 346–347).

На наш взгляд, логичнее предположить иное объяснение вышеупомянутого сходства. Оно — результат чрезвычайно длительного, растянувшегося на сотни и тысячи лет, накопления костей мамонта, обусловленного в одном случае естественными причинами (Берелех) (Верещагин 1977), в других — результатами активной человеческой деятельности. Этот вывод подкрепляется и хронологией стоянок, построенной на основании радиоуглеродных датировок.

13.2.2. О возможности загонной охоты на мамонтов

Проанализированные археологические данные, на наш взгляд, недвусмысленно свидетельствуют о том, что индивидуальная охота на хоботных практиковалась еще в ашельское время (Аникович и др. 2010: 112–114; 2011: 46–56). В отношении памятников Днепро-Донской ИКО проблема состоит в другом: трудно представить, что гигантское количество костей мамонта на стоянках этой ИКО являлось результатом охот подобного рода. Тем не менее следует признать: прямыми, недвусмысленными свидетельствами специализированной, массовой охоты на мамонтов мы не располагаем. Обнаруженный Н. Д. Прасловым в верхнем культурном слое Костёнок 1 фрагмент грудного ребра молодого мамонта с застрявшим в нем обломком кремневого наконечника (Праслов 1991: 44) —

находка хотя и в высшей степени интересная, но единичная⁴. К ее рассмотрению мы еще вернемся ниже.

Представлениям о загоне стада мамонтов к краю обрыва соответствует геоморфология большинства стоянок, входящих в Днепро-Донскую ИКО. Большинство, но не всех. Так, например, в окрестностях стоянки Юдиново (Брянская область; правый берег р. Судость) крутых обрывов нет, сам же памятник — типичное поселение второго этапа этой ИКО, с округлыми жилищами из костей мамонта. Впрочем, в таких случаях зверей вполне могли гнать не к обрыву, а на тонкий лед или в болото (Верещагин 1979).

Было бы важно обнаружить хотя бы одно место загонной охоты на мамонтов, подобное месту массового истребления диких лошадей в Солютре (Франция) или диких бизонов в Амвросиевке (Украина). В Костёнках имеется по крайней мере одно местонахождение, заставляющее серьезно задуматься на эту тему. Это малоизвестный памятник Костёнки 5/III, расположенный в глубине Покровского лога, около его правого борта. Там в траншее 7,5×2 м, заложенной П. П. Ефименко в 1928 г., на глубине 2,8–3,5 м обнаружено мощное (до 0,7 м) скопление костей мамонта, приуроченное к меловому галечнику, подстилаемому переотложенным сеноманским песком. Кремневых изделий, собранных в траншее и более позднем шурфе А. Н. Рогачёва, насчитывается ~160 экз., в т. ч. 30 — с вторичной обработкой. Переотложенность материала сомнений не вызывает (Рогачёв 1957: 94; Праслов, Рогачёв /ред./ 1982: 87), но весь вопрос в том, что именно переотлагалось? Стоянка? Естественное «кладбище мамонтов»? А может быть, искомый kill-site? Без новых целенаправленных раскопок ответить на этот вопрос невозможно. Обращаем внимание лишь на то, что механизм образования «мамонтовых кладбищ», предложенный А. А. Чубуром, здесь совершенно неприемлем.

Итак, следует признать, что в пользу представлений о загонной охоте на мамонтов свидетельствуют пока только косвенные данные. Тем не менее гипотеза об истребительных охотах как источнике появления огромного количества костей мамонта на стоянках долгое время представлялась нам наиболее правдоподобной.

Приведенные в предыдущем разделе данные о половозрастном составе мамонтовых остатков на стоянках заставляют весьма серьезно рассматривать возможность их попадания в слой в результате массовых охот. Вполне надуманными представляются однотипные возражения на этот счет А. А. Чубура и В. Я. Сергина. Первый уверенно заявляет, что «...истребление мамонтовых стад можно было бы допустить при участии в нем больших групп людей», однако «...население типичной базовой стоянки региона было невелико и составляло, видимо, 20–35 человек...» (Чубур 1998: 320). В. Я. Сергин вообще ограничивает количество мужского населения стоянок десятью представителями, которые, конечно, «не могли позволить себе такого риска», как загонная охота на мамонтов (Сергин 2001: 350).

⁴ Мы не упоминаем здесь находку наконечника, застрявшего в позвонке мамонта, на стоянке Мамонтовый ручей (Лутовское) (см.: Сериков 2003; 2007), поскольку этот памятник не имеет никакого отношения к Днепро-Донской ИКО. Данная находка свидетельствует лишь о том, что индивидуальная охота на мамонта в разных регионах время от времени имела место (прим. авт.). О дискуссии по этой проблеме см. в разделах 14.1, 14.8–9 наст. изд. (прим. ред.)

Тут загадочно все. Во-первых, из чего следует, что население базовых стоянок не превышало то ли 10, то ли 20–35 человек? Из количества жилищ? Но откуда известно, как эти жилища обживались? И где методико-методологическая основа для однозначного решения вопроса о синхронности/диахронности тех же жилых комплексов на Костёнках 1/1 и Авдеево? Да и можно ли назвать в Днепро-Донской ИКО хотя бы одну полностью исследованную стоянку?

Во-вторых, откуда А. А. Чубуру и В.Я Сергину известно хотя бы приблизительное количество людей, потребное для загона стада мамонтов? И каково их количество? А вдруг это дело было не столь многотрудным и опасным, как представляется нашим кабинетным ученым?

В действительности некоторые особенности поведения слонов (а на что еще мы можем опираться, рассуждая о поведении мамонтов?) показывают, что при необходимости загонную охоту на стадо хоботных было не так уж трудно осуществить даже небольшими силами. Оказывается, эти могучие и очень умные животные чрезвычайно подвержены массовой панике. Вот только один из примеров.

«По склону обрыва двигалась группа слонов; я следил за ними в бинокль. Все было спокойно, но вдруг один из слонов ногой вывернул камень, и тот, прыгая по склону, пролетел мимо молоденького самца. Последний с подозрением поднял голову и, явно испугавшись, кинулся вниз по склону, помахивая задраннным хвостом. Его настроение мгновенно передалось другим, и вот уже вся семейная группа ринулась через кустарник вниз. Шум испугал их еще больше, и вскоре началась настоящая паника: все слоны, и молодые, и взрослые, в беспорядке бежали через лес, с ревом круша деревья и кустарники. Их охватил слепой ужас, а ведь причина была самой безобидной — случайное падение камня...» (Дуглас-Гамильтон А., Дуглас-Гамильтон О. 1981: 253).

Так ли было трудно палеолитическим охотникам подметить эту черту слоньего характера и использовать ее в своих интересах? Вспомним, что тысячелетия спустя обученные боевые слоны армии эпирского царя Пирра, вначале наведшие ужас на римлян, уже во втором сражении были горящими факелами обращены против своих (знаменитая «Пиррова победа» при Аускуле). Нет сомнения, палеолитические охотники знали повадки мамонтов несравненно лучше, чем римские солдаты — повадки слонов, с которыми они впервые столкнулись.

Еще 10 лет назад я выражался по указанному поводу совершенно безапелляционно: «...если люди, жившие на стоянках с большим количеством костей мамонта, дающем картину стада, *действительно охотились* на мамонтов, — то их охота *была загонной, приводящей к одновременной гибели целого стада или значительной его части*» (Аникович 1998: 63).

Сейчас я не столь категоричен. Во-первых, как уже упоминалось выше, накопление костей мамонта на стоянках Днепро-Донской ИКО происходило в течение куда более длительного отрезка времени, чем это представлялось ранее. Данное обстоятельство не могло не отразиться на фаунистическом составе.

Во-вторых, сама возможность применения загонных охот на мамонтов (чего мы не отрицаем и сейчас) отнюдь не означала, что охоты такого рода производились на Русской равнине регулярно и повсеместно. В этом отношении мы

не можем не считаться с доводами Е. Н. Машченко, по сути, доказавшего, что характер поведения хоботных («стратегия выживания») совершенно исключает возможность систематических облавных охот на стада мамонтов, будь то семейная группа или группа самцов. «В результате успешной охоты на семейную группу оставшиеся в живых слоны покидают старую территорию... и никогда на нее не возвращаются. ... В случае убийства вожака, нескольких членов группы или гибели во время массовой охоты всей группы мамонтов в радиусе 150–180 км от Зарайской стоянки в течение 5–10 лет вообще не было бы мамонтов. При появлении новой семейной группы или особей, уцелевших после массовой охоты... животные были бы крайне осторожны и агрессивны... Установлено, что время в 10–12 лет достаточно для восстановления прежней численности в популяции слонов даже при 90% смертности... Однако, даже при полном восстановлении популяции за 5–9 лет, группе охотников на мамонтов, безусловно, пришлось бы использовать другие ресурсы для выживания...» (Машченко 2009: 425).

Таким образом, в случае удачного истребления всей семейной группы охотникам требовалось либо на несколько лет искать другие ресурсы для выживания, «либо оставлять стоянку и переходить на другую территорию, за 170–250 км» (Там же). Но этому противоречат археологические данные.

13.3. Заключение

13.3.1. Где же выход?

К приведенной выше аргументации хочется добавить еще одно обстоятельство: во всех случаях, когда собирательство костей мамонта можно считать твердо установленным фактом (Днестровско-Прутский регион, Крым, вероятно, Северный Кавказ), налицо *избирательный* отбор костей на памятниках. Ничего подобного на стоянках Днепро-Донской ИКО не зафиксировано. Так что же, многотонные туши без всякой разделки каким-то образом доставлялись на стоянку то ли с места загонной охоты, то ли с предполагаемого, но нигде в данном регионе не зафиксированного кладбища мамонтов?

Остатки таких кладбищ в непосредственной близости от стоянки существуют, как мы постарались показать, только в воображении некоторых наших коллег. Предположение, что массовая охота на мамонтов могла вестись в непосредственной близости от стоянки, совсем невероятно, учитывая, на что способен разъяренный слон. Таким образом, *анализ археологических материалов приводит нас к тому, что формирование Днепро-Донской ИКО невозможно объяснить ни гипотезой собирательства, ни гипотезой облавных охот на стада мамонтов.*

Даже такой убежденный сторонник концепции загонных охот, как я, под давлением новых аргументов вынужден существенно скорректировать свою позицию. Впрочем, это отнюдь не обелило в моих глазах концепцию собирательства и трупоедства. Как же быть в этом случае? Возможен ли третий путь? Да, возможен.

13.3.2. Сосуществование мамонта и человека — не борьба, а симбиоз

Взятые для этой статьи эпитафии показывают, что столь непохожие друг на друга люди, как Нильс Бор и Карл Маркс, тем не менее сходились в одном: простой здравый смысл — весьма несовершенное подспорье для решения сложных научных проблем. Вот с одной из таких проблем мы столкнулись сейчас.

В настоящий момент можно констатировать: указанные выше непримиримые противоречия ликвидируются лишь в одном случае — если предположить, что взаимоотношения между верхнепалеолитическим человеком и мамонтом не сводились к противостоянию *охотник — дичь*, но являлись определенного рода симбиозом или «мирным сосуществованием».

Если население Днепро-Донской ИКО каким-то образом помогало стадам мамонта выжить в трудные периоды, стремилось не допустить их перемещения на удаленное расстояние, а мамонты, в свою очередь, не видели в человеке истинного врага, то ситуация может стать вполне понятной. По историко-этнографическим наблюдениям известно, что прирученного слона, доверяющего человеку, убить довольно легко.

Если предположить, что мамонт доверял человеку и подпускал его к себе, то отдельные животные могли умерщвляться таким или каким-то иным подобным образом непосредственно на самой стоянке. Как и И. С. Поляков, мы вполне отдаем должное «сообразительности палеолитического человека». Как «обстоялось» умерщвление животных палеолитическим сообществом, на кого из них падал выбор и по какой причине, мы, конечно, не можем знать. Однако, вероятнее всего, человек умел произвести это так, чтобы не напугать и не обозлить остальное стадо. Факт остается фактом: на стоянках Днепро-Донской ИКО присутствуют кости представителей всех половозрастных групп, характерных как для семейных сообществ, так и для стада самцов.

В связи с этим имеет смысл вернуться к немногочисленным наблюдениям, связанным с находками кремневых наконечников, застрявших в костях мамонта, на стоянке Костёнки 1/1. Сведения о них, исходящие от Н. Д. Праслова (Праслов 1991; Праслов Н. Д., устное сообщение), недавно были проанализированы Е. Н. Мащенко. В одном случае речь идет о наконечнике, «застрявшем в центре лобной кости черепа взрослого мамонта. В другом случае кремневый наконечник переломился при попадании в среднюю часть ребра молодого мамонта» (Мащенко 2009: 422). Положение указанного обломка свидетельствует, что удар производился в область сердца из положения снизу вверх. Однако, по мнению Е. Н. Мащенко, «невозможно представить, как был нанесен такой удар, если животное стояло. Поскольку высота особи... не превышала 160–170 см, подобный удар метательным оружием можно нанести только в случае, если само животное или его труп уже лежит на земле» (Там же: 423).

Положение наконечника, застрявшего в черепной кости мамонта, также «не может свидетельствовать об охоте, поскольку использование метательных орудий с каменными наконечниками исключает их броски в голову. Кости черепа слишком толсты для того, чтобы их можно было пробить даже ... металлическим

наконечником» (Там же). Однако *застрявший в лобной кости* наконечник сам по себе должен свидетельствовать об огромной силе удара, нанесенного, безусловно, не на излете, а из удобного, достаточно близкого положения. Хотя, разумеется, для того, чтобы использовать эту находку без оговорок, она должна быть описана и опубликована.

По мнению Е. Н. Машенко, обе находки могут свидетельствовать «о культовом или церемониальном использовании трупов уже мертвых мамонтов» (Там же). По нашему мнению, с тем же успехом приведенные данные могут подкреплять предположение об одурманивании и последующем умерщвлении зверей прямо на стоянке. Заметим также, что представить себе транспортировку целого трупа мамонта на поселение с церемониальной целью является не менее смелым предположением.

Изложенное предположение в настоящий момент представляет собой только заявку, требующую дополнительной аргументации. На сегодняшний день ее главное достоинство заключается в снятии слабых сторон обеих утвердившихся в специальной литературе концепций. Стоит особо подчеркнуть: речь ни в коем случае не идет о *доместикации* мамонта. Мы предполагаем другое: специфическую форму регуляции поведения между людьми и животными, впоследствии утраченную. Впрочем, некое подобие ее все же сохранилось — у оленеводов Крайнего Севера, чьи условия жизни весьма напоминают те, в которых должно было существовать население центра Русской равнины в период валдайского оледенения. Как известно, северный олень является полуприрученным, но отнюдь не доместичированным животным. Поэтому дальнейшая разработка проблемы, безусловно, должна включать углубленные исследования этих историко-этнографических материалов.

Глава 14

Симбиоз человека и мамонта в верхнем палеолите: модель М. В. Аниковича и ее развитие

Н. И. Платонова

14.1. Дискуссия о системе жизнеобеспечения населения Русской равнины в СВП

К проблеме позднепалеолитических стоянок со структурами из костей и бивней мамонта — жилыми и/или сакральными — М. В. Аникович возвращался периодически на протяжении 30 лет. Он подходил к ней с разных сторон — и как археолог-источниковед, прекрасно владевший актуальной информацией о памятниках, и как культур-антрополог, ставивший вопрос о том, какие социокультурные реалии скрываются за группировками археологического материала? Важно сразу указать: спор о принципиальной *возможности* охоты на мамонтов в палеолите не представлял для него ключевой проблемы. Периодическое убийство отдельных особей рогатинами и копьями ученый считал практически доказанным — то есть вполне осуществимым технически и подтвержденным этнографическими аналогиями (Аникович 2004: 107–112 и др.).

Конечно, материалы этнографии Африки служили лишь косвенным указанием на то, что для архаических сообществ охота на хоботных являлась вполне реальным делом. Однако на их фоне появление прямых свидетельств такой охоты в палеолите¹, в том числе находок костей мамонта с застрявшими в них обломками наконечников (цельных и наборных), выглядит не случайностью, а, скорее, закономерностью (Аникович и др. 2010: 130, 133; 2011: 18).

В настоящее время в Восточной Европе речь может идти о двух таких находках из Костёнок1/1 (Праслов 1991; Нужный и др. 2014; Нужный 2016)² и двух

¹ Археологические находки, подтверждающие факт охоты на хоботных в нижнем палеолите (ашеле), были подробно описаны и проанализированы в первом выпуске нашей монографии (Аникович и др. 2011). Возвращаться к ним более мы не будем.

² О находке второго наконечника, вонзившегося в черепную кость мамонта, в слое Костёнки 1/1 можно говорить лишь на основе устного сообщения Н. Д. Праслова (Мащенко 2009: 422).

находках из Карачарова, упомянутых А.С. Уваровым как кремневые «ножи», «воткнутые» в кость мамонта (Уваров 1881: 116). К этой серии примыкает кремневый наконечник, застрявший в ребре мамонта, обнаруженный на стоянке Краков-Спадзиста (Польша) — (Wojtal et al. 2019: 162–163). Указанные находки относятся к средней и поздней поре верхнего палеолита, однако недавно появилось прямое свидетельство охоты на мамонта, относящееся к РВП. Это находка ребра мамонта, пробитого бивневым наконечником, из горизонта ниже вулканического пепла на стоянке Костёнки 14 (Синицын и др. 2019).

Аналогичная серия находок выявлена на памятниках Северной Азии. Здесь, в первую очередь, надо упомянуть позвонок мамонта с вонзившимся в него наконечником, происходящий со стоянки Луговское (Зенин и др. 2006; Сериков 2003; 2007), а также две недавних находки из слоя Янской стоянки (Nikolskiy, Pitulko 2013).

Помимо оружия, застрявшего в костях, свидетельством индивидуальной охоты на мамонта могут, с большой вероятностью, считаться наконечники или детали наборных наконечников, обнаруженные среди костей мамонтов. Находки такого рода известны на позднепалеолитической стоянке Шикаевка 2 (Западная Сибирь) (Петрин 1986: 23–34; Нужный и др. 2014: 115) и на эпиграветтской стоянке Семёновка 2 (Киевская обл., Украина) (Нужный и др. 2014: 115). Скорее всего, при целенаправленном рассмотрении таких находок окажется много больше.

Перечисленные археологические факты определенно свидетельствуют: убийство мамонтов копьями и/или стрелами (ср.: Сериков 2012; 2013: 22; Нужный и др. 2014: 110) имело место в разные эпохи верхнего палеолита — от ранней поры до финальной, причем практически на всех территориях, где мамонты соседствовали с человеком. Неоднократно отмечавшееся противоречие, связанное с кажущейся легкостью и «несмертельным» характером ранений (ср.: Сериков 2013: 22), в значительной степени снимается, если допустить, что, во-первых, попаданий могло быть много, во-вторых, сами наконечники были смазаны быстродействующим ядом.

Принимая указанные данные (известные на тот момент) как вполне достоверные свидетельства индивидуальной охоты на мамонтов, М. В. Аникович отнюдь не отрицал значения «мамонтового собирательства» в хозяйственном укладе верхнепалеолитических сообществ. Не пытался он и отыскивать «охотников на мамонтов» всюду, где на стоянках обнаруживались кости этого зверя. Напротив, был убежден: в большинстве случаев человек добывал мамонтовую кость сборами и, уж конечно, охотно потреблял мясо случайно погибших животных. Однако ни спорадическая охота, ни столь же спорадическое обнаружение туш околелых мамонтов не могли, с его точки зрения, служить *стабильной основой хозяйства* верхнепалеолитических сообществ.

Стратегия выживания человека в Днепро–Донском регионе в указанную эпоху была ориентирована на добывание, в первую очередь, *мамонтовых ресурсов*. Данная система хозяйства функционировала стабильно, в течение нескольких тысячелетий (см. Часть I наст. изд.). Попытки представить дело так, что преобладание костей мамонта на стоянках объясняется сбором их на мамонтовых кладбищах, в то время как в пищевом рационе человека в действительности

доминировали другие промысловые виды (Сериков 2013: 24), встречаются достаточно веские возражения. В частности, происхождению костей из естественных захоронений противоречит то, что многие из них оказываются расколотыми для добывания мозга. Последнее означает: они были свежими в момент употребления. А «...сходная сохранность всех костей, исключая те, которые дольше других оставались обнаженными при захоронении, указывает на одинаковое происхождение костей...» (Сергин 2014: 228). Кроме того, для некоторых памятников (напр. Юдиново) ныне уже осуществлены детальные тафономические исследования обнаруженных на них скоплений мамонтовых остатков. Результаты анализа оказались вполне однозначными: а) стоянка не была местом естественной гибели животных; б) наличие костей, собранных из естественных костеносных горизонтов, можно исключить; в) кости мамонтов были получены при разделке свежих туш (Жермонпре и др. 2008: 107).

Среди фаунистических остатков на большинстве стоянок Русской равнины зафиксированы (пусть в меньшем количестве) кости других видов животных (северного оленя, дикой лошади, овцебыка, бизона, зайца и др.). Это позволяет предполагать, что их обитатели практиковали охоту на разные виды зверей. Несомненно, охотники-собиратели, населявшие зону с достаточно суровым климатом, использовали *любую* возможность пополнить свои пищевые запасы. Однако не следует забывать: в ареале Днепро-Донской ИКО, помимо стоянок, где кости мамонта просто количественно *преобладают*, имеются и такие, где остатков других животных (за исключением грызунов) *не встречено вообще*.

К примеру, на Зарайской стоянке, маркирующей собой северный рубеж данного ареала, «кроме мамонта, вообще не представлено других млекопитающих» (Мащенко 2009: 403). Учитывая многолетние детальные исследования памятника, этот последний факт никак нельзя объяснить случайностью или недостаточно тщательным сбором фаунистических находок. Поэтому отрицать ведущую роль мамонта в пищевом рационе человека той эпохи никак не приходится, хотя, возможно, в разных частях Русской равнины доля его несколько различалась в зависимости от местных условий.

Таким образом, если определить самый предмет дискуссии, в которой Михаил Васильевич активно участвовал до конца своих дней, то таковым не являлись для него ни сама *возможность* индивидуальной охоты на мамонта, ни утилизация туш недавно павших зверей. На оба эти вопроса ученый отвечал однозначно утвердительно, считая, что здесь необходимо лишь уточнение известных данных. Главным предметом исследования и, соответственно, спора была для него *система жизнеобеспечения населения средней-поздней поры верхнего палеолита в центре Русской равнины* и ее существенные отличия от других территорий. Неповторимыми особенностями контекста находок на стоянках этого периода являлись:

- а) очень большое количество мамонтовых остатков в слое;
- б) значительное процентное превышение этих остатков над остальными фаунистическими находками;
- в) исключительное многообразие видов использования мамонтовых ресурсов;

- г) наличие особой «костно-земляной архитектуры», структурных объектов, представлявших собой цоколи наземных сооружений (округлые «жилища» ановско-мезинского типа), каркасы перекрытий небольших помещений (костёнковско-авдеевские землянки) и т. д. Ни ранее, ни потом, ни в одной точке нашей маленькой планеты человек не практиковал ничего подобного.

Важнейшей предпосылкой формирования хозяйственного уклада, основанного на мамонтовых ресурсах, послужили природные условия Русской равнины в эпоху СВП — присутствие там весьма значительного поголовья мамонтов и наличие условий для развития их популяции. Но это была именно предпосылка, не исчерпывающая и не объясняющая самой сути культурного феномена, возникшего на ее основе. Отметим: как в палеолите, так и в последующие эпохи, на разных континентах не однажды создавались ситуации, в которых поголовье хоботных разрасталось до огромных размеров (ср.: Арманди 2011: 37–44). Точно так же на разных территориях, в силу местных условий (наличие естественных «ловушек», природные катастрофы и т. д.), периодически образовывались мощные естественные скопления остатков этих видов. Однако ни то, ни другое обстоятельство сами по себе нигде не породили культуру, ориентированную, всецело или преимущественно, на эксплуатацию ресурсов хоботных. Нигде связь с этими животными не проявилась столь разнообразно и изощренно решительно во всем — в устройстве быта, в домостроительстве, в искусстве, в области сакрального — как на Русской равнине в эпоху верхнего палеолита — от средней поры до финала.

В работах коллег, отстаивающих гипотезу «мамонтового собирательства» как основы хозяйства Днепро-Донского региона в указанный период, этот последний зачастую рассматривается в едином контексте с материалами Северной Азии и Нового Света, без всякого учета его специфики³. В свою очередь, М. В. Аникович подчеркивал качественные отличия стоянок Русской равнины от синхронных им памятников других территорий и считал необходимым введение для них дополнительного обобщающего понятия: *Днепро-Донской историко-культурной области (ИКО)*.

14.2. Днепро-Донская историко-культурная область: концепция М. В. Аниковича

Вводя в науку понятие Днепро-Донской ИКО, М. В. Аникович имел в виду не только и не столько общность генетических корней каменных индустрий, но, в первую очередь, единство сложившегося на данной территории

³ Например, в одном из недавних коллективных трудов на эту тему говорится, как бы мимоходом: «Кстати, западносибирские исследователи позднего палеолита также придерживаются представлений о том, что древний человек обладал лишь пассивными способами охоты на мамонтов [Деревянко и др., 2000, 2003]...» (Лаврушин и др. 2015: 7). Никаких различий в условиях нахождения, количестве, археологическом контексте мамонтовых остатков на западносибирских и восточноевропейских стоянках коллеги, по-видимому, не замечают.

хозяйственно-культурного типа, те «сходные явления человеческой деятельности, которые лишь частично проявляются в технико-типологических показателях» (Аникович 1998: 36). Близость между собой ряда археологических культур и отдельных памятников, сосуществующих в рамках одной ИКО, в его трактовке имела в основе «какие-то глубинные причины, не ограничивающиеся одной-единственной сферой изготовления каменных орудий» (Аникович и др. 2010: 32). Они находили отражение в составе охотничьей добычи (кости мамонта составляют на раскопанных стоянках от 65 до 90 и более процентов остеологического материала), в структурной организации стоянок и жилых объектов (костно-земляная архитектура), в признаках, свидетельствующих о продолжительности их существования и т. д. (Там же).

Данный уровень сходств М. В. Аникович считал отражением в археологическом материале некой социальной общности, в основе которой лежало не родство по происхождению (биологическое, культурное, и т. п.), а достаточно узкая специализация в рамках охотничье-собирабельского уклада, овладение специфическим комплексом приемов и навыков добывания ресурсов. И как следствие этого — закрепление в различных по происхождению сообществах единых моделей и стереотипов поведения.

Развивая далее эти представления М. В. Аниковича, можно предположить (по аналогии с историко-этнографическими ареалами более поздних времен), что в рамках позднепалеолитических ИКО функционировали этнолингвистические группы различного генезиса, чья культурная близость могла быть как исходной, так и «благоприобретенной», но при этом достаточно ощутимой. Она имела в основе регулярные контакты, осуществлявшиеся в контексте адаптации к единым природным и социальным условиям, при сходстве ведущего направления хозяйственной деятельности.

Появление культурных связей такого рода ученый считал результатом значительных социальных сдвигов, происшедших в палеолитических сообществах на переходе от РВП к СВП и, по-видимому, расширивших возможность контактов и культурного обмена между гетерогенными социумами. С другой стороны, он всегда подчеркивал: контакты в верхнем палеолите отнюдь не вели к полному стиранию различий, обусловленных происхождением. Мы практически не наблюдаем здесь фактов гибридизации и ассимиляции различных комплексов — того, что станет важнейшей, неотъемлемой чертой культурного процесса в более поздние эпохи. Вероятно, обогащение традиций новыми элементами имело свои достаточно узкие пределы, а возможность прямых заимствований была ограничена. Сама долговременность функционирования верхнепалеолитических культурных традиций (с трудом вмещающаяся в сознание современного человека) свидетельствует о том, что в палеолитических сообществах действовали весьма эффективные социальные механизмы контроля и блокирования «нежелательных» инноваций и проявлений агрессии (ср.: Платонова и др. 2015). Нарушение этих механизмов произошло значительно позднее, в результате глобального кризиса первобытной экономики и ломки всей системы социокультурных адаптаций на переходе от палеолита к мезолиту (ср.: Лисицын 2017б).

Именно специфика хозяйственного уклада Днепро-Донской ИКО долго побуждала М. В. Аниковича, во всех других случаях исключавшего специализированную охоту на мамонтов из числа объяснительных моделей, тем не менее оставаться ее сторонником применительно к данному региону. Гипотеза регулярных загонных охот виделась ему наиболее вероятным объяснением стабильности этого культурного феномена.

14.3. Парадоксы «мамонтового собирательства»

Обращаясь к проблеме «мамонтового собирательства», важно оговорить: когда это понятие подразумевает «собирательство» костей мамонта для поделок и/или потребление людьми мяса отдельных, случайно погибших зверей (спорадическое дополнение к основным видам промысла), то ни малейших возражений оно не вызывает. И первое, и второе, вероятно, имели место в разные эпохи, в различных культурах.

Совсем другое дело, когда «мамонтовое собирательство» начинает рассматриваться как добыча *основного пропитания* — что нередко подразумевается при анализе материалов Днепро-Донской ИКО под соответствующим углом. Поскольку мамонт однозначно доминирует среди фаунистических находок на большинстве стоянок, кажется вероятным, что именно его мясо служило основой питания их обитателей. Долгое время вопрос стоял однозначно: либо регулярная охота, либо безальтернативное поедание падали. Вполне допуская, что мясо погибших животных служило *дополнением* к пищевым ресурсам палеолитического человека, М. В. Аникович решительно протестовал против объявления его *ведущей стратегией жизнедеятельности*. По его убеждению, хозяйственно-культурный тип, устойчиво существовавший тысячелетиями и породивший сложную высокую культуру, не мог всецело базироваться на случайном факторе, каковым являлся размер падежа зверей.

Для сторонников модели хозяйства, основанного на «мамонтовом собирательстве», ключевым является тезис о естественных кладбищах мамонтов как «природных кладовых» мамонтовых ресурсов для человека верхнего палеолита (Соффер 1993: 108). Однако достоверных местонахождений такого рода на Русской равнине открыто немного, а те из них, что имеют достоверные даты, приурочены к периоду около 14–13 тыс. л. н. Еще важнее другое: именно эти бесспорные кладбища человек *не разрабатывал*, там имеются следы лишь спорадических, скорее всего, случайных посещений. Так, например, на всей обширной площади Севского местонахождения, полностью исследованного и содержавшего останки не менее 33 мамонтов, обнаружено всего 15 отщепов и пластинок кремня (Лавров 1992: 66). На Каменском местонахождении (левобережье Северского Донца) следы разработки человеком не зафиксированы (Байгушева 1980). То же самое наблюдается, по-видимому, на местонахождении Новые Бобовичи (Брянская обл.), принятом К.М. Поликарповичем в начале 1950–х гг. за палеолитическую стоянку (см.: Чубур 2011: 211–213). Четвертичные отложения на этом памятнике «...были пройдены до морены днепровского

ледника, но найдено лишь несколько переотложенных кремневых отщепов, возможно, и не бывавших в руках человека...» (Там же: 211).

Отсутствие следов разработки на естественных кладбищах мамонтов в центре Русской равнины, вкупе с поздней их датировкой, переводит их интерпретацию как якобы «природных кладовых» мяса и костей мамонта для населения эпохи СВП в разряд чисто умозрительных конструкций. Жидетса она исключительно на догадках (а скорее — фантазиях) людей новейшего времени, что «кладбища» эти были *легко доступны* для разработки и, следовательно, не могли не использоваться. Своеобразной «классикой жанра» указанного направления стали труды А. А. Чубура, считающего, что стоянки КБР с большим количеством костей мамонта локализуются именно там, куда туши регулярно приносились половодьями и задерживались в «ловушках», коими служили приустьевые части логов (Чубур 1993; 1998; 2006; 2011: 208 и др.).

Красочное описание А. А. Чубуром технологии речного переноса мамонтовых туш по Дону к стоянкам КБР приведено в разделе 13.1.7 (см. выше). Там же изложена развернутая критика М. В. Аниковичем собственно археологических оснований этой концепции. Здесь мне хотелось бы обратить внимание на чисто гидрологическую сторону дела. Конечно, современные археологи редко являются специалистами в области инженерной гидрологии. Но сравнительно недавно в печати, наконец, появилась оценка концепции «ловушек», исходящая не от археолога, а от профессионала-геолога. Очень важно, что этим профессионалом оказался Ю. А. Лаврушин, сам убежденный сторонник модели «мамонтового собирательства». По его словам, попытка А. А. Чубура связывать образование мамонтовых «кладбищ» в устьях крупных балок с «...ветровым прибоем, турбулентными завихрениями течения во время половодий ... звучит, хотя и красиво, но совершенно не убедительно с позиции известных закономерностей гидрологии и аллювиального седиментогенеза... (курсив мой. — Н. П.)» (Лаврушин и др. 2015: 5). На мой взгляд, к мнению специалиста в данном случае стоило бы прислушаться.

14.4. Идея «Третьего пути»

К мысли о научной несостоятельности не только модели «мамонтового собирательства» как основы хозяйства населения Днепро-Донской ИКО, но и альтернативной модели истребительных охот на мамонтов М. В. Аникович пришел в 2009 г., после выхода в свет детальной публикации новых материалов Зарайской стоянки (Амирханов и др. 2009). Помимо других достоинств, Михаил Васильевич обладал одним редкостным, по нашим временам, качеством — умением слушать своих противников и не становиться рабом собственных предвзятых идей. Продумав аргументы Е. Н. Машенко, приведенные в главе, посвященной палеозоологическим остаткам в Зарайске, он сам обратился к литературе по этологии слонов и убедился, что в данном случае его оппонент прав.

Честный вывод, сделанный Михаилом Васильевичем на этой основе, вначале показался парадоксальным ему самому: «Характер поведения хоботных

(«стратегия выживания») совершенно исключает возможность систематических... охот на стада мамонтов, будь то семейная группа или группа самцов... [...] Анализ археологических материалов приводит нас к тому, что формирование Днепро-Донской ИКО невозможно объяснить ни гипотезой собирательства, ни гипотезой облавных охот на стада мамонтов...» (см. выше: разд. 13.2.2; 13.3.1). Впрочем, неожиданным этот вывод явился лишь в той мере, в какой всегда бывает неожиданным отказ от привычной схемы, от старой парадигмы, в которую конкретный материал уже не вмещается.

В основу новой концепции М. В. Аниковича легла идея *симбиоза человека и мамонта* в рамках Днепро-Донской ИКО. К сожалению, автор не успел развить ее детально. Сам он подчеркивал, что выдвинутые им тезисы требуют дальнейшей проработки и уточнения. В общих чертах гипотеза была изложена в печати трижды (Аникович 2010; 2010а; Аникович и др. 2010) и дважды озвучена на весьма представительных конференциях — XV ЗСАЭК (Томск, май 2010 г.) и Международной конференции «История археологии: личности и школы» (Киев, октябрь 2010 г.).

Согласно этой концепции, взаимоотношения человека и мамонта в рамках Днепро-Донской ИКО включали специфическую форму регуляции поведения между людьми и животными (впоследствии утраченную), которую можно определять термином «полуприручение». Подобная стратегия предполагала владение специфическим комплексом знаний, приемов и навыков, позволявшим человеку устанавливать контакт с мамонтом и управлять некоторыми его реакциями. Ученый предположил, что палеолитический человек вполне мог найти способ периодически умерщвлять отдельные особи для своего пропитания, но делать это так, чтобы не испугать и не обозлить остальную группу. При умении приготавливать и дозировать одурманивающие и снотворные средства (а таким умением, судя по данным этнографии, охотники-собиратели обычно обладали), выработка соответствующих приемов добывания мамонтов не представляла собой чего-то невероятного.

Намеченное М. В. Аниковичем направление исследований достаточно быстро получило продолжение, но сам он, к сожалению, об этом уже не узнал. Гипотеза «Третьего пути» оказалась развита в работе коллеги, которого он ранее считал оппонентом в данном вопросе — В. Я. Сергина. Однако в действительности каждый из них, следуя своим путем, независимо пришел к заключению о несостоятельности обеих «традиционных» гипотез и к мысли о том, что *контакт с мамонтами* (у М. В. Аниковича — «симбиоз») вполне мог служить залогом их успешного *добывания* палеолитическим человеком (Сергин 2014).

Параллельно в печати появилась и критика данной концепции (Сериков 2013), а также новые работы, основанные на «классических» объяснительных моделях — «охотничьей» (Нужный и др. 2014; Нужный 2016) и «собирательской» (Лаврушин и др. 2015). В ряде современных публикаций оказалась дополнена и заново проанализирована информация об охоте на мамонтов в разных точках Евразии (Сериков 2012; 2013; Нужный и др. 2014; Нужный 2016; Сеницын и др. 2019). В ходе дискуссии неоднократно повторялись старые аргументы, однако выявились и принципиально новые аспекты исследования. К их рассмотрению мы сейчас переходим.

14.5. «Не научились распознавать кладбища...»: критические замечания Ю.Б. Серикова

Первое по времени критическое рассмотрение новой концепции М. В. Аниковича содержится в обширной статье Ю. Б. Серикова «Луговская находка и дискуссия о возможности охоты на мамонтов» (2013). Уже из названия статьи отчетливо видно, что автор рассматривает материал под совершенно иным углом зрения, нежели М. В. Аникович. Тем не менее критику Ю. Б. Серикова можно признать полезной: она обнажает слабые места новой концепции и заостряет имеющиеся противоречия.

Так, например, безоговорочно справедливым является упрек в необоснованности приложения к материалам палеолита варианта убийства мамонта посредством клина, загнанного в основание черепа. Правда, в нашей совместной статье вовсе не утверждалось напрямую, что указанные действия совершались палеолитическим человеком (Аникович и др. 2010: 132). Речь шла о средневековых боевых слонах. Но сам контекст фразы действительно мог ввести читателя в заблуждение. Следует сразу оговорить: на костях мамонтов, обнаруженных в ходе раскопок, следы подобных повреждений не встречены. Способ убийства, подобный этому, применим лишь к прирученному животному, на спине которого сидит погонщик. Ссылка на него в данном контексте была неуместной, и эту ошибку сегодня следует признать мне, как соавтору данной работы.

С другой стороны, не могу не отметить: в подаче Ю. Б. Серикова вся новизна гипотезы как бы исчерпывается одной указанной ошибкой: «Он [т. е. М. В. Аникович. — *Н. П.*] предлагает третий путь: взаимоотношения человека и мамонта представляли своего рода симбиоз, “мирное сосуществование”. Доверчивого мамонта можно было убить прямо на стоянке, как и вышедших из подчинения боевых слонов, загнав ему в основание черепа мощный клин (оказывается, все очень просто)...» (Сериков 2013: 20).

Даже чересчур просто! В изложении нашего уважаемого оппонента одна неудачная аналогия перечеркивает, сводит на нет всю идею симбиоза человека и животного, предполагающую специфические способы его добывания, более изощренные, чем считалось ранее. Вот с этим я никак не могу согласиться.

Ю. Б. Сериков в своей статье не смог пройти мимо старых аргументов М. В. Аниковича в защиту концепции загонных охот на мамонта в Днепро-Донском регионе. В результате он спорит как бы одновременно «на два фронта» — и с теми тезисами, которые Михаил Васильевич выдвинул в последние годы, и с теми, которые он отверг. Временами это производит странное впечатление. Впрочем, ряд положений, изложенных в работах М. В. Аниковича первой половины 2000-х гг., остаются актуальными до сих пор. В первую очередь это аргументация против гипотезы А. А. Чубура о том, что речные «ловушки» мамонтовых трупов якобы приводили в КБР к формированию обширных кладбищ мегафауны — своеобразных «кладовых» или «холодильников», к которым палеолитический человек мог обратиться в любой момент и которые обеспечивали его пищей и строительными/подделочными материалами.

По мнению Ю. Б. Серикова, «уничтожающая критика положений О. А. Соффер и А. А. Чубура» М. В. Аниковичем совершенно не объясняет, куда же делись кладбища мамонтов? «...Мамонты перестали погибать естественным путем? На других территориях кладбища мамонтов есть, а в центре Русской равнины они исчезли!? Может, проблема заключается в том, что *исследователи не научились распознавать эти кладбища?*.. (курсив мой. — Н. П.)» (Сериков 2013: 23).

Вопрос не праздный! Однако стоит иметь в виду: во все эпохи существования жизни на земле огромное количество биомассы постоянно переходило и переходит из мира живой природы в мир минералов — и растворяется в нем практически бесследно. Этот процесс мы наблюдаем постоянно: к примеру, встретить в дикой природе труп животного, скончавшегося «естественным путем», можно лишь при редком стечении обстоятельств. Хотя животных на земле неисчислимо множество, и каждое из них, разумеется, умирает рано или поздно. Но для того, чтобы останки зверей образовали собой «кладбище», в котором их биомасса (или хотя бы кости) сохраняется веками и тысячелетиями, необходимы как раз не естественные, а исключительные условия, способствующие очень быстрому захоронению останков. В дикой природе это чаще всего результат всевозможных катаклизмов и катастроф.

Именно катастрофы приводят к тому, что животных заживо погребают под собой береговые обвалы, что их накрывают селевые потоки, засасывают зыбучие отложения и т. п. Во всех упомянутых случаях останки оказываются в земле или под водой без доступа воздуха, закрытыми от животных-падальщиков... но и от человека тоже. К вопросу о весьма относительной доступности (точнее — недоступности) этих «природных кладовых» для людей каменного века мы еще вернемся ниже.

Ответ на вопрос нашего уважаемого оппонента об умирании мамонтов в центре Русской равнины представляется мне довольно простым: мамонты, конечно, умирали там в свой черед, как и везде. Однако в эпоху СВП, когда условия существования популяции были еще благоприятными, они гибли в результате природных катастроф значительно реже, чем в последующий период таяния ледника. Это означало, что туши их оставались на поверхности земли, быстро обнаруживались как зверьями, так и людьми, и столь же быстро ими утилизировались. Отметим заодно, что в литературе по этологии слонов рассказы о существовании особых мест, куда слоны целенаправленно приходят умирать, числятся по разряду мифов. И. Дуглас-Гамильтон свидетельствует, что останки умерших слонов обнаруживались им поодиночке по всей территории национального парка Маньяра (Танзания), нигде не образуя никаких скоплений. Для фактического исчезновения этих останков с лица земли в результате гниения, растаскивания, деятельности животных-падальщиков и т. д. в жарком климате Африки требовалось немногим более 10 дней (Дуглас-Гамильтон И., Дуглас-Гамильтон О. 1981: 244). Разумеется, в холодном поясе процесс шел намного медленнее, но все-таки шел. Длительная сохранность останков была возможна лишь при условии их быстрого захоронения.

Известные нам достоверные кладбища мегафауны на Русской равнине образовались в период таяния ледника («эпоху экстремальных затоплений»,

по А. Л. Чепалыге) (Чепалыга, Пирогов 2005; Чепалыга и др. 2006). В предшествующий период, когда, собственно, и сложилась Днепро-Донская ИКО, основным фактором, способствовавшим образованию скоплений животной биомассы и их длительной сохранности, являлись отнюдь не природные катаклизмы, а сам человек, его целенаправленная деятельность. Именно благодаря этой деятельности на верхнепалеолитических стоянках центра Русской равнины образовались мощные искусственные скопления органических остатков, в первую очередь — мамонта. Часть их служила основой надземных, полужемляночных, цокольных конструкций, часть целенаправленно закладывалась в ямы, часть просто сбрасывалась в низинки, используемые для свалки отходов — и, в конечном счете, «уходила в землю» еще в период функционирования стоянки. Таким образом, поселения верхнепалеолитического человека Днепро-Донской ИКО являют собой отдельный вариант захоронения мамонтовых остатков — не природный, а антропогенный.

По предположению Ю. Б. Серикова, указанные скопления в районе стоянок могли образовываться естественным путем, а сами стоянки, возможно, представляют собой полностью «переработанные» мамонтовые кладбища. Наш оппонент пишет: «...Регулярное посещение людьми близлежащих кладбищ мамонтов [в Костёнковско-Борщёвском районе. — Н. П.] способствовало формированию на них весьма представительных комплексов каменных и костяных изделий. В результате этого данные кладбища могут восприниматься археологами как стоянки палеолитического населения... (курсив мой. — Н. П.)» (Сериков 2013: 23).

Сама по себе эта идея не нова: нечто подобное высказывалось сторонниками «модели собирательства» очень давно (Кельсиев 1883; Громов 1948: 404; Соффер 1993: 108; Чубур 1998: 321–328). Но все же следовало бы определить точнее, какой смысл вкладывается Ю. Б. Сериковым в понятие «мамонтового кладбища»? Если понимать под ним место гибели одного или нескольких мамонтов, с разделки которых, предположительно, началось функционирование стоянки на этом месте, то принципиальных возражений данная гипотеза не вызывает. Хотя в каждом отдельном случае указанная трактовка все равно требует доказательств.

Сходная идея высказывалась недавно Дж. Ф. Хоффекером, применительно к стоянкам РВП Костёнковско-Борщёвского района (Hoffecker et al. 2010). Исследователь разделил местонахождения на типы, исходя из их предположительных функциональных особенностей, обусловивших, по его мнению, различия в орудийном наборе и качестве изделий. Эта классификация, в частности, включает: *kill-butchery localities* (места гибели и первичной разделки мегафауны) и *kill-butchery and habitation sites* (места гибели и разделки мегафауны, на которых в дальнейшем возникли жилые зоны). В дальнейшем Дж. Ф. Хоффекер распространил указанные представления на РВП Восточной Европы в целом (Hoffecker 2011).

Несмотря на некоторую односторонность трактовки культурной принадлежности памятников как исключительно функциональных различий, в подходе

Дж. Ф. Хоффекера, несомненно, присутствует рациональное зерно⁴. Но даже если удастся доказать наличие участков первичной разделки погибших/убитых зверей в основании культурных слоев стоянок, это не будет объяснением феномена Днепро-Донской ИКО как такового. В конце концов, следы разделки мамонта присутствуют и в основании культурного слоя Костёнки 1/V (стрелецкого) (Аникович и др. 2006; Hoffecker et al. 2010; 2015), относящегося к первой (древнейшей) хронологической группе памятников КБР (Аникович 2005а). Но ничего похожего на костно-земляную архитектуру там не возникло.

Учитывая действительно огромное количество костей мамонта в отложениях стоянок Днепро-Донской ИКО, следует все же полагать, что в статье Ю. Б. Серикова речь идет не о местах естественной кончины и/или убийства и последующей разделки мамонтов, а о более или менее обширных *естественных кладбищах*, якобы полностью освоенных человеком. В этой связи возникает встречный вопрос: имеется ли на всей территории Старого и Нового Света хоть один пример достоверного, *полностью переработанного* мамонтового кладбища? И какой процент залежей настоящих кладбищ, открытых учеными, был реально освоен человеком каменного века?

Конечно, можно допустить, что наивные исследователи палеолита Русской равнины (в первую очередь КБР) все, как один, оказались неспособны отличить естественные группировки костей от структурированных остатков жизнедеятельности человека. Или что в Костёнках вообще не начаты те «комплексные исследования», которые, по мнению Ю. Б. Серикова, могут прояснить характер памятников (Там же). Однако, на мой взгляд, и то, и другое крайне сомнительно. Впрочем, самые результативные комплексные исследования, как показывает практика, зачастую бессильны против предвзятых идей. Иначе, вероятно, исследователи с большим вниманием отнеслись бы к заключениям М. Жермонпре и соавторов о характере мамонтовых остатков в Юдиново, включая, разумеется, вывод о невозможности трактовки их как материалов из естественных залежей (см. выше: 14.1). На мой взгляд, это служит иллюстрацией того, что «традиционные» объяснительные модели феномена Днепро-Донской ИКО действительно зашли в тупик.

Следует рассмотреть тот единственный пример, который служит в работе Ю. Б. Серикова аргументом в пользу интерпретации ряда стоянок КБР как исходных мамонтовых кладбищ, а именно результаты работ палеозоологов

⁴ М. В. Аникович, высоко оценивая ряд наблюдений Дж. Ф. Хоффекера, категорически возражал против его однозначного объяснения «однокультурности» стоянок их «однофункциональностью». Тем не менее, исследователи договорились изложить свои представления в совместной монографии. В личном письме от 24.05.2011 Аникович писал американскому коллеге: «...по ряду позиций наши взгляды на РВП достаточно близки, а те расхождения, которые есть, надо не заглушивать, а, напротив, детально рассматривать и анализировать. В этом случае книга получится вдвойне интересной и богатой идеями. Я далек от того, чтобы считать собственное мнение истиной в последней инстанции. По сути, мы предлагаем несколько моделей, и каждая из них, вероятно, содержит что-то рациональное. Доходчиво описать их, взвесить все «за» и «против» — цены нашей книге не будет!...». К сожалению, осуществить этот план не удалось. Полемику М. В. Аниковича и Дж. Ф. Хоффекера см. на с. 307–317 наст. издания.

на стоянке Костёнки 14/1. По словам нашего уважаемого оппонента, «...детальный анализ фаунистического материала на памятнике Костёнки 14 позволил его исследователям прийти к выводу, что данный памятник образовался в результате естественной гибели животных [Бурова, Петрова, 2011. С. 30, 31]. По всей видимости, это не единственное кладбище мамонтов в данном регионе...» (Сериков 2013: 23–24).

Детальный анализ палеозоологических данных, конечно, можно только приветствовать. Но все-таки маленькая заметка, опубликованная в материалах III (XIX) Археологического съезда (Бурова, Петрова 2011), вряд ли дает основания для столь ответственных выводов. Интерпретация памятника не может базироваться исключительно на палеозоологических данных, без учета их археологического контекста. К тому же в самом изложении имеется ряд шероховатостей, затрудняющих понимание смысла.

Чего стоит хотя бы такая фраза: «Возрастной и половой состав мамонтов из I слоя схож с таковым у современного африканского слона [? — Н. П.]» (Бурова, Петрова 2011: 30)! Можно только гадать, что это значит. Вероятно, имело место неудачное сокращение текста, и на самом деле подразумевался возрастной и половой состав *одной семейной группы* мамонтов и слонов? Такой вариант вправду возможен — с учетом того, что количество особей, зафиксированных в слое Костёнки 14/1, совсем невелико (минимально — 12, включая остатки эмбрионов и новорожденных) (Там же).

Далее читаем: «...по сохранности, по набору элементов скелета, по распределению в толще отложений, по наличию анатомических групп правых и левых костей передних и задних конечностей» данное скопление «наиболее схоже с естественным местонахождением Севск» (Там же). Более детальные обоснования столь ответственного вывода, в силу тезисного характера публикации, отсутствуют. Но аналогия с Севском явно призвана подтвердить, что в Костёнках 14/1 также имела место единовременная гибель животных (одной семейной группы?) от естественных причин — непосредственно на месте стоянки. Весь вопрос в том, насколько уместным является такое заключение?

Для Севского местонахождения сам характер катастрофы и последовательность событий восстановлены с максимальной полнотой. Группа мамонтов, совершавшая кочевку, была застигнута мощным водным потоком, который преградил ей выход из долины на плато. «...Кости мамонтов залежали на размытой поверхности тонкозернистых песков, высланной среднезернистым песком с дресвой, галькой и отдельными валунами. Их покрывали переслаивавшиеся мелкозернистые пески, супеси, заиленные пески и суглинки. *Трупы животных при высоком стоянии воды были занесены в старицу или заболоченную устьевую часть балки... Трупы мамонтият залегли в западинах dna водоема, благодаря чему сохранились их скелеты... Захоронение основной массы костей произошло за один сезон...* (курсив мой. — Н. П.)» (Сергин 2014: 229).

Данная картина очень мало напоминает ситуацию в Костёнках 14/1, где останки мамонтов залежали не в логу, не в древней пойме и тем более не на месте старичного водоема, а на возвышенном мысу, который периодически обживался людьми, начиная с инициальной поры верхнего палеолита. Радио-

углеродные даты свидетельствуют, что гибель животных имела место отнюдь не в период таяния ледника и обусловленных этим экстремальных изменений природной обстановки (как в Севске), а на несколько тысячелетий ранее.

Многослойная стоянка Костёнки 14 насчитывает не менее восьми разновременных культурных слоев и горизонтов обитания, из которых слой 14/I является самым верхним (Синицын 2015: 43–54). В то же время один из горизонтов средней части стратиграфической колонки (14/IVa), с невыразительной индустрией, не поддающейся однозначной атрибуции, признан типичным *kill-butchering site* — местом забоя и первичной разделки лошадей (Там же: 51). Можно не сомневаться: ландшафтные условия в период РВП (и, вероятно, СВП) вполне позволяли использовать данный мыс как место загона. Но вот факт единовременной *естественной гибели* целой семейной группы мамонтов именно на площадке мыса, с последующим (?) появлением жилой зоны стоянки в том же литологическом горизонте, на мой взгляд, требует дополнительных обоснований — и геоморфологических, и археологических.

Культурный слой Костёнки 14/I действительно отличается по ряду параметров от наиболее известных стоянок костёнковско-авдеевской культуры. В частности, в нем отсутствуют бесспорные следы костно-земляных сооружений. Насыщенность слоя находками значительно ниже, чем в Костёнках 1/I, Зарайске, Авдеево и пр. Не обнаружены и предметы мобильного искусства, характерные для этой культуры. И все же кремневый инвентарь стоянки представляет собой не горстку отщепов неясной культурной принадлежности, наподобие найденных в Севске или Новых Бобовичах. Это вполне определяемая индустрия с «выраженными технико-типологическими показателями костёнковско-авдеевской культуры, включая серию типичных наконечников с боковой выемкой» (Синицын 2015: 43).

Лет 15–20 назад данный памятник обычно трактовался как часть «...обширной зоны активности, совместно с одновременно существовавшими поселениями левого борта Покровского лога: Костёнками 1 (I слой), Костёнками 13, Костёнками 18» (Синицын и др. 2004: 46). В настоящее время не приходится сомневаться в наличии в культурном слое 14/I настоящей жилой зоны с остатками отопительных сооружений. Как уже говорилось выше, в самом факте возникновения жилой зоны на месте разделки недавно погибших животных ничего невозможного нет. Однако ее появление и хронологическое соотношение с мамонтовыми остатками становится проблематичным, если имел место природный катаклизм, приведший к единовременному *погребению* животных под обрывом.

Можно догадываться, что изложенная гипотеза Н. Д. Буровой и Е. А. Петровой сформировалась в русле концепции «экстремального равнинного селевого седиментогенеза», выдвинутой недавно Ю. А. Лаврушиным. Согласно этим представлениям, отложения костёнковских балок относятся не к аллювиальным или делювиальным образованиям, как это считалось традиционно, а представляют собой результат многократно сходявших селевых потоков. Такую трактовку получили у Ю. А. Лаврушина и отложения разреза стоянки Костёнки 14 (Лаврушин и др. 2015: 23–24). С подобных позиций, конечно, можно предполагать

и гибель животных на мысу в результате мощного «заплеска» водно-грязевых масс на пологие части склона (см. ниже: 14.6). Однако стоит иметь в виду: указанная смелая концепция сама нуждается в обосновании! В настоящий момент она встретила достаточно веские возражения (Сергин 2018). А количество рождаемых ею вопросов намного превышает число удовлетворительных ответов — особенно когда речь идет об интерпретации культурных отложений. Поэтому брать ее за основу, на мой взгляд, преждевременно.

Напоследок отметим: гипотеза Н. Д. Буровой и Е. А. Петровой о генезисе культурного слоя Костёнки 14/1 как естественного кладбища мамонтов явно не рассматривается как правдоподобная автором раскопок А. А. Синицыным. По его мнению, на памятнике выделяются «...два участка повышенной концентрации находок: в западной части с остатками двух очагов и в восточной — с *мощным скоплением костей мамонта, возможно, представляющим развал (жилой) конструкции в смещенном по склону состоянии...* (курсив мой. — Н. П.)» (Синицын 2015: 43).

14.6. Концепция экстремального равнинного селевого седиментогенеза как причины возникновения стоянок с большим количеством костей мамонта

Как ни странно, но ни описанная выше трактовка верхнего слоя Костёнок 14, ни многие другие новейшие разработки по данной тематике (включая тафономические исследования М. Жермонпре, статьи Ю. Б. Серикова и т. д.) даже не были упомянуты в брошюре, посвященной механизмам «экстремального равнинного селевого седиментогенеза» и причинам возникновения кладбищ мамонтов (Лаврушин и др. 2015). Последнее наводит на невеселые размышления о том, что развитие предвзятых идей в новой информации попросту не нуждается.

Первый автор книжки, Ю. А. Лаврушин, весьма критически оценивший гидрологические реконструкции А. А. Чубура (см. выше: 14.3), сам однако не допускает и мысли о том, что мамонты служили для палеолитического человека объектом промысла. По его мнению, стоянки устраивались *непосредственно на кладбищах*, а причиной образования «костищ» являлось «динамически-ударное воздействие активных высокой плотности водно-грязево-щебенчатых селевых потоков», приводившее к гибели встречавшиеся на его пути группы мамонтов (Там же: 8)⁵. Позволю себе привести из этой книги обширную цитату, чтобы прояснить позицию автора гипотезы:

«...Есть все основания полагать, что поселения древнего человека находились скорее всего непосредственно на костищах. Это позволяет избежать

⁵ Автором данной гипотезы, несомненно, является именно Ю. А. Лаврушин, хотя в книге, к сожалению, не оговорено различие его позиций с единственным археологом, присутствующим в авторском коллективе, — А. Н. Бессудновым. Некоторые различия заметны, однако, по тем публикациям, в которых А. Н. Бессуднов излагает собственную точку зрения на исследуемые им памятники Дивногорья (ср.: Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А. 2010; Бессуднов и др. 2012).

обсуждения вопросов о собирательстве и массовом приносе крупных костей из каких-то виртуальных костниц, и транспортировки значительных по размерам и весу фрагментов туш из скоплений погибших животных. Вместе с тем, наличие в костницах групп костей, расположенном в близком к анатомическому порядку, по нашему мнению, однозначно свидетельствует об их первоначальном местоположении и отсутствии какой-либо транспортировки. Поэтому наша позиция состоит в том, что древний человек использовал уже существовавшие костницы... В этом плане следует напомнить, что даты, полученные по костному углю, характеризуют возраст кости, а не время ее сжигания, что нередко не учитывается исследователями.

Тем не менее, очевидно, что в ходе строительно-хозяйственной деятельности древнего человека могли быть значительно изменены первоначальные особенности геологического строения костниц. Более того использование позднепалеолитическими сообществами костей определенных типов для различных хозяйственных целей, можно отнести к первично-примитивной разработке месторождений костного материала и их поискам... (курсив мой. — Н. П.)» (Лаврушин и др. 2015: 7).

Здесь сразу следует выделить несколько ключевых положений. Во-первых, еще раз отметим фактическое признание того, что вопрос об использовании человеком туш мамонтов, скончавшихся на «кладбищах», удаленных от стоянок, окончательно зашел в тупик, даже в кругу убежденных противников концепции охоты. Факты наличия на долговременных стоянках костей в анатомических связях (включая крупные фрагменты туш) действительно плохо согласуются с представлениями об их транспортировке откуда-то издалека (палеолитический человек не располагал ни колесным транспортом, ни тягловой силой животных). Но отсутствие *рядом* со стоянками объектов, хотя бы отдаленно напоминающих «кладбища», также вполне очевидно, вопреки утверждениям А. А. Чубура, готового признать таковым любое самое незначительное скопление кухонных отходов на периферии стоянок. Именно эти последние получают у Ю. А. Лаврушина недвусмысленную квалификацию: «какие-то виртуальные кладбища...». Его собственные положения сводятся к следующему:

- а) люди селились «непосредственно на костнице»;
- б) образование «костниц» происходило в результате «локальных катастроф» главным образом оползней и селевых потоков;
- в) имеющиеся ^{14}C даты по костям и костному углю дают нам время образования «кладбища», а не время поселения на нем человека;
- г) «в ходе строительно-хозяйственной деятельности» первоначальное геологическое строение «костниц» изменялось до полной неузнаваемости.

Принципиально важными являются здесь вопросы датировки и — в не меньшей степени — вопрос о «преобразовании» костниц в ходе деятельности человека. Выше уже говорилось, что нам пока не известно ни одного настоящего (не «виртуального») кладбища мегафауны, которое человеку удалось бы преобразовать, утилизировав практически целиком. Все известные сибирские кладбища (Берелех, Луговское, Шестаково, Волчья Грива, Гари и т. д.) дают картину весьма ограниченного использования их залежей людьми. Что касается

достоверных кладбищ мамонтов в Восточной Европе, то они не только не были утилизированы целиком, но практически даже *не посещались* палеолитическим человеком (см. разд. 14.3).

Между тем на стоянках средней-поздней поры верхнего палеолита Днепро-Донской ИКО, материалами которых Ю. А. Лаврушин пытается иллюстрировать свои рассуждения, в ходе раскопок не обнаружено, по сути, ни одного участка, где бы мамонтовые кости не носили следов воздействия человека. Последнее не обязательно проявляется в их обработке, использовании для построек или раскалывании с целью добывания мозга, хотя все это также присутствует. Но даже просто в расположении и группировке костей в слое прослеживаются заметные отличия от соответствующих ситуаций в естественных залежах. Трактовка указанных местонахождений как мест массовой гибели животных оказывается весьма проблематичной.

Однако наибольшую проблему представляет сам факт концентрации костей отнюдь не в низинных участках, куда их могло заносить разрушительным потоком, а на сравнительно возвышенных пологих склонах, прилегающих к руслам логов. Возникает закономерный вопрос: почему на протяжении многих тысячелетий «очередные» катастрофы заставляли все новые стада мамонтов на одних и тех же пятачках — именно там, где локализовались многослойные стоянки человека? Почему животные без конца попадали в ловушку именно там? Ю. А. Лаврушин и сам задается этим вопросом, но не находит другого ответа, кроме «генетической памяти» мамонтов (памяти *чего???* — Н. П.) (Там же: 34). Вряд ли подобный аргумент выглядит убедительно.

Приводимая Ю. А. Лаврушиным топосхема Аносова лога и стоянки Костёнки 11 (рис. 98) абсолютно не проясняет, почему же мамонты, влекомые селевым потоком, неизменно оказывались именно в районе стоянки, в середине пологого склона? Никакими особенностями древнего рельефа это не обусловлено. А для того, чтобы доказать гипотезу локализации стоянок на «костищах многократного накопления», необходимо дать убедительный ответ именно на этот вопрос. Причем — для всех стоянок, на которых имеются соответствующие слои (в КБР это Костёнки 1/1; 2; 11/1а; 13; 14/1; 18), а не только для двух памятников, вырванных из общего ряда (Костёнки 2 и 11).

Критический разбор гипотезы Ю. А. Лаврушина о «селевом» генезисе скоплений костей мамонта на стоянках был осуществлен недавно В. Я. Сергиным. Автор привлек для этого обширную специальную литературу, касающуюся природы и условий возникновения селевых потоков значительной мощности как в горной местности, так и в низкогорье (Сергин 2018: 104–107). В частности, он специально проанализировал предложенное в книге понимание механизма образования «заплесков» селевых масс на склоны логов, якобы происходивших вблизи их устьев, там, где движение потока замедлялось:

«...Решающей деталью, приводившей к гибели мамонтов, считается [по мнению Ю. А. Лаврушина. — Н. П.] резкое замедление потока в приустьевой части оврага или балки, где менялся уклон продольного профиля. Именно здесь предполагается появление сложных гидродинамических процессов с накатом на склон губительных заплесков. В горах они должны иметь значительно

большую мощность. Но в обобщающей и справочной литературе упоминания о них мне не встретились... При резком уположении русла несвязный поток [т.е. водокаменный или жидкий грязекаменный. — Н. П.] освобождается от камней, а связный [грязевой средней густоты или тестообразный. — Н. П.] останавливается. Что же касается конкретной ситуации Костёнок 2 и 11, днище Аносова лога возле них не меняет свой наклон [рис. 1], поэтому течение по руслу могло оставаться таким же, как перед ними...

Негустые потоки сметанообразной консистенции сохраняют способность двигаться при уклоне поверхности 0,06–0,07 (5,4–6,3°). До 10 см толщи потока уходит в осадок. Грязевые потоки средней густоты... еще двигаются при уклонах положе 0,08–0,1 (7,2–9,0°), но значительная часть их массы остается в остаточном слое. Для движения тестообразных селей уклон должен быть круче 0,1 (9,0°). Уклон днища Аносова лога, а с ним и русла водотока, уже за сотни метров до Костёнок 11 становится еле заметным.

Таким образом, если бы в Аносовом логу возникали сели, они не могли бы производить предполагаемые заплески, поскольку уклон днища лога возле поселений не менялся. Вместе с тем уклон настолько незначителен, что даже очень разжиженный связный поток потерял бы способность двигаться, еще не дойдя до поселений. Но если даже допустить (не считаясь с этими обстоятельствами), что он двигался, *избыточная масса потока распласталась бы тонким слоем по днищу лога и лишилась бы разрушительной силы...* (курсив мой. — Н. П.» (Там же: 106).

Исходное предположение Ю. А. Лаврушина о периодическом возникновении селевых потоков в период с ~23–22 до ~14–13 тыс. л. н. также рождает массу вопросов. Указанный им интервал представляет собой не что иное, как диапазон радиоуглеродных дат культурного слоя Костёнки 11/1а. Окончание его действительно приурочено к эпохе таяния ледника, когда и затяжные дожди, размывавшие склоны, и прорывы речных плотин, образованных оползнями, и прорывы моренных, ледниковых и пр. озер (т. е. общеизвестные причины возникновения селей — ср.: Перов 1996: 20, 23) являлись безусловной реальностью. Однако первая половина интервала падает на эпоху валдайского оледенения. Ю. А. Лаврушин разрешает эту проблему весьма радикально: он отрицает на Среднем Дону наличие вечной мерзлоты как таковой. По его мнению, «природная обстановка, благоприятная для проявления селеобразования, возникла неоднократно» на протяжении всего указанного периода (Лаврушин и др. 2015: 34).

Решать вопрос о наличии/отсутствии вечной мерзлоты в Костёнках в период пика холода я, конечно, не компетентна. Но хочется подчеркнуть противоречия и натяжки в интерпретации собственно археологических данных. Вопрос о хронологии стоянок с костно-земляной архитектурой является тут одним из ключевых. Как уже говорилось выше, время их функционирования лишь отчасти синхронно периоду таяния ледника и частых наводнений. По материалам раскопок получена серия значительно более ранних дат. Но далеко не всегда их можно объяснять тем, что наивные археологи путают время жизни мамонта со временем использования его костей человеком.

Вопрос о том, существует ли на стоянках Днепро-Донской ИКО систематическое, отчетливое расхождение в датах, полученных по костному и древесному углю, конечно, должен быть рассмотрен. Если человек использовал кости с «кладбищ», последние однозначно окажутся древнее, чем само поселение. Конечно, сравнение затруднено, во-первых, тем, что многие даты получены еще в начальный период освоения метода; во-вторых — трудностью получения образца древесного угля для стоянок, существовавших в условиях тундры. Но материал для суждений все же имеется.

Одним из примеров служат результаты радиоуглеродного датирования уже многократно упоминавшегося культурного слоя Костёнки 14/1. Его хронология установлена в настоящее время на основании ^{14}C дат, полученных как по кости, так и по древесному углю. Полученные значения тех и других достаточно близки между собой (~22.000 л. н. *uncal.*) (Синицын 2015: 43).

Второй показательный пример приурочен к той самой стоянке Костёнки 11, материалы которой составляют основу рассуждений Ю. А. Лаврушина. Одна серия дат для нового объекта № 3 в слое Ia (в плане представляющего собой типичное округлое жилище анововско-мезинского типа) получена по древесному углю, другая по мамонтовым костям (см.: 12.5; табл. 14). Обе серии дали *очень близкие значения*, указывающие на функционирование данного комплекса ~20 000–19 000 л. н. *uncal.*, т. е. в период климатического минимума, далеко отстоящего хронологически от эпохи «глобального потепления» и экологических катастроф. Только один образец, отобранный в яме к югу от жилища, дал заметно более позднюю дату ~14 000 л. н. *uncal.* С учетом того, что жизнь на стоянке, скорее всего, возобновлялась неоднократно, можно предположить использование этой ямы в более поздний период. А вот «локальную катастрофу» в виде селевого потока и затопления в период климатического минимума представить трудно.

По мнению Ю. А. Лаврушина, «валообразные неровности», фиксируемые во многих разрезах костёнковских стоянок (рис. 103), связаны с динамическими изменениями поверхности текущего селевого потока на переходе от крутой к пологой части русла — т. е. все с теми же «заплесками», вызывавшими якобы

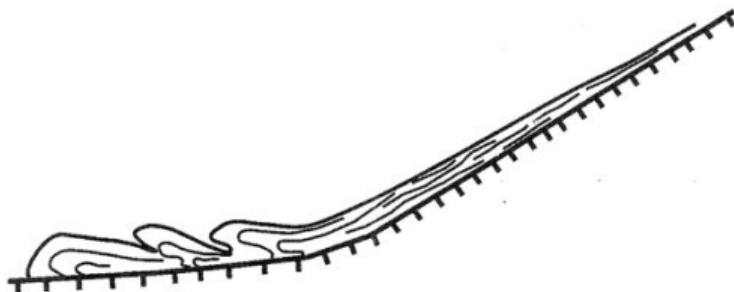

Рис. 103. Схема вероятного возникновения валообразных неровностей в рельефе поверхности селевого потока на перегибе продольного профиля склоновой эрозионной формы рельефа (по: Лаврушин и др. 2015: 25, рис. 11)

«природные палеозоологические катастрофические события» (Лаврушин и др. 2015: 26). Автору этих строк довелось достаточно долго работать в поле с протяженными разрезами Костёнок 12 и Костёнок 1, поэтому данное явление мне знакомо не только по литературе. В частности, очень выразительными являются «валообразные неровности» литологического горизонта, перекрывающего и частично вмещающего культурные остатки слоя Костёнки 12/1 (городцовская культура, ~28 000–26 000 л. н. *uncal.*). В отдельных местах этот горизонт имеет отчетливо «ступенчатое» залегание. Связь данного явления с процессами интенсивного размыва склонов, их оползания и сноса археологических материалов на нижние уровни представляется вполне очевидной (Аникович и др. 2005: 66–67, 77, рис. 86–87). Однако и в этом, и во многих других случаях склоновые процессы приводили лишь к *частичному* переотложению культурных остатков — последние продолжали залегать вполне компактно, в составе связанных гумусированных линз. Подвижки слоя носили ограниченный характер, а место первоначального залегания располагалось, вероятно, совсем недалеко. В такой ситуации, конечно, можно говорить об оползнях (скорее всего, множественных), но нет оснований видеть в них разрушительные селевые потоки.

В этой связи отметим важное замечание В. Я. Сергина: «В специальной литературе внезапное появление мощных пльвуннов связывают с промачиванием рыхлых отложений на *крутых* склонах и с *явлениями, спровоцированными, в конечном счете, деятельностью человека*: сооружением насыпей, выкапыванием котлованов, каналов, разработкой карьеров, взрывными работами. Приводимые в книге (со ссылкой на: Ларионов, Комиссарова 1986) указания на *грязевые пльвунные потоки как раз связаны с такого рода нарушениями ландшафтов*. Однако в той же работе сообщается, что исследование водонасыщенных стоков в природных условиях Смоленско-Московской возвышенности не обнаружили текучих разностей... (курсив мой. — Н. П.) (Сергин 2018: 109). Таким образом, предположение о регулярном возникновении селей в низкогорье и на равнинах — при отсутствии антропогенных нарушений ландшафта и экстремальной климатической обстановки — нельзя считать обоснованным.

В. Я. Сергин справедливо отмечает, что «ключом» к пониманию Ю. А. Лаврушиным стоянок с большим количеством костей мамонта служат материалы Дивногорья (Там же: 112). Указанное местонахождение, явившееся местом гибели лошадей, приурочено к финалу плейстоцена, когда «локальные катастрофы» в виде береговых обвалов и потоков местного масштаба стали как раз вполне вероятны. Для памятников Дивногорья опубликована представительная серия из 11 дат, приуроченных к хронологическому периоду ~13,9–12,9 тыс. л. н. (Бессуднов и др. 2012: 151). Трактовка данного костяка как результата природной катастрофы кажется вполне обоснованной, хотя многократность события и явное присутствие где-то рядом человека делают возможным и периодическое использование обрыва в качестве kill-site. Автор раскопок А. Н. Бессуднов подобного варианта не исключает: «...местонахождение приурочено к основанию склона борта древнего оврага — приустьевой части более молодого овражного вреза, что является удобным для загонной охоты. Подобная геоморфологическая ситуация характерна для ряда памятников Центральной и Западной Европы, где

место забоя расположено на высоких (обрывистых) склонах, а место разделки (охотничий лагерь) — на низком участке...» (Там же: 154). По большому счету, могли иметь место оба сценария: они вовсе не противоречат друг другу.

Тем не менее, следует подчеркнуть: именно в Дивногорье никакого догвременного поселения для разработки естественных залежей не возникло. Там наблюдаются следы спорадического присутствия человека, не более. Ни по структуре, ни по количеству культурных остатков местонахождения Дивногорья несопоставимы с памятниками Костёнок. Подгонять их под один шаблон и одну объяснительную модель явно неправомерно. В то же время проведенный В. Я. Сергиным сравнительный анализ геоморфологической ситуации ряда позднепалеолитических стоянок Днепро-Донской ИКО (включая Костёнки 2, 11, Елисеевичи 1, Юдиново) привел его к однозначному выводу: предположения о связи скопления костей мамонтов на данных поселениях с пльвинными процессами полностью лишены оснований (Сергин 2018: 111)⁶.

На сегодняшний день следует констатировать: гипотеза о том, что стоянки человека Днепро-Донской ИКО устраивались непосредственно на мамонтовых «костищах» с целью их дальнейшей разработки, выглядит ничуть не правдоподобнее, чем рассуждения А. А. Чубура о «турбулентных завихрениях течения», легковесность которых очевидна самому Ю. А. Лаврушину, как профессионалу-естественнику.

14.7. Тафономические характеристики «кладбищ мамонтов»: разработки В. Я. Сергина

В решении проблемы соотношения кладбищ мамонтов и стоянок человека на Русской равнине ключевое значение имеют тафономические характеристики залегания костных остатков на «мамонтовых кладбищах». Их обобщение

⁶ Приведу также заключение Н.К. Анисюткина, ставшее результатом обсуждения настоящего текста: «Опора на материалы всего нескольких стоянок, использованных к тому же дилетантски, при полном игнорировании данных по планиграфии и литологии, — недостаточна для ответственных выводов. Хорошо известно, что практически все памятники палеолита привязаны к мысам с источниками воды. Эти участки обычно расположены заметно выше уровня рек. Естественно, что никакая сила не может создать селевый поток на ровном месте. С другой стороны, синхронные стоянки Приднестровья имеют аналогичную с костёнковскими геоморфологическую и литологическую ситуацию. Мамонты в округе там тоже присутствовали. Однако на этих памятниках кости мамонта всегда случайны или отсутствуют вообще — культурная традиция была иной! Явные скопления мамонтовых костей на стоянках представлены тут лишь в эпоху мустье, но отсутствуют в средней и поздней поре верхнего палеолита. Аналогичная ситуация наблюдается и на более западных территориях, исключая комплексы виллендорфско-павловской культурной общности. При этом кости мамонта в большом количестве встречены в гротах Крыма, в комплексах мустьерского времени! Там они сопутствуют микокским индустриям. Таким образом, решительно везде за фактом их наличия и использования стоят определенные культурные традиции и хозяйственный уклад, а вовсе не сход селей. В общем, идея эта не выдерживает основательной проверки на базе всего массива источников» (автор выражает признательность Н. К. Анисюткину за консультацию).

недавно было представлено в небольшой, но емкой статье В. Я. Сергина. Эта работа вышла из печати незадолго до цитированной книжки Ю. А. Лаврушина и соавторов, но, скорее всего, также осталась ему неизвестной.

Детально рассматривая вопрос о возможном использовании «кладбищ» человеком, В. Я. Сергин подчеркивает чисто техническую сложность добывания ресурсов на местонахождениях, подобных Севскому, Берелехскому и Луговскому, отражающих, по его мнению, «основной характер и важные тафономические варианты наиболее распространенных пойменных мамонтовых «кладбищ» конца плейстоцена» (Сергин 2014: 231). Описывая ситуацию на Севском местонахождении, автор замечает:

«Чтобы собрать количество костей, соответствующее числу их на одном поселении [т. е. на одной стоянке Днепро-Донской ИКО. — Н. П.] потребовалось бы несколько местонахождений, подобных Севску. ...[Но] кроме количественной стороны вопроса имеется качественная сторона, которой не касаются, говоря о «кладбищах» как источнике костей для поселений: *можно ли было воспользоваться костями, имевшимися на естественных местонахождениях?* В данном случае *ответ будет отрицательный*. Разлагавшиеся трупы животных практически не были видны над поверхностью воды, и кости, по всей видимости, полностью оголялись от мягких тканей, будучи покрыты донными осадками... (курсив мой. — Н. П.)» (Там же: 229).

Разбирая тафономическую ситуацию на Берелехском местонахождении, вблизи которого, в отличие от Севска, хотя бы имелись отчетливые следы пребывания человека, В. Я. Сергин констатирует:

«Судя по... относительной малочисленности [погрызов хищников], *даровая добыча не была легкодоступной*. [...] Незначительной была и возможность доставать кости, в подавляющем большинстве случаев покрытые водой в короткий летний период и замороженные в лед и грунт зимой. Если же стоянка появилась после того, как кости перешли в погребенное состояние, сборы зависели от масштабов нарушений местонахождения высокими половодьями, ручьями, оползнями и др. Работа палеозоологов в Берелехе показала, что в этом случае *получить значительный комплекс костей можно лишь с использованием технических средств...* (курсив мой. — Н. П.)» (Там же: 230).

Случаи, когда материалы, связанные с естественными захоронениями мамонтовых остатков, несут на себе более или менее заметные следы активности палеолитического человека, очень немногочисленны. Связываются они, как правило, с особыми условиями погребения этих остатков. К примеру, в Луговском местонахождении знаменитая находка позвонка мамонта с застрявшим каменным наконечником, а также кости со следами срезания мяса и т. д. связаны, собственно, не с «кладбищем», а с периодом, «когда долина ручья только начала заполняться глинистыми осадками и еще не представляла собой природной ловушки...» (Там же: 231). Здесь, безусловно, имело место убийство охотниками мамонта, пришедшего к воде или источнику минералов. А вот фаунистические материалы, погребенные тут позднее — уже вследствие образования «ловушки» — не несут на себе следов воздействия человека. Ее зыбучие отложения представляли для людей не меньшую опасность, чем для животных.

Несколько выбиваются из общего ряда сибирские местонахождения Шестаково и Волчья Грива, ибо на них залежи мамонтовой кости оказываются сравнительно доступными. Однако природные характеристики именно этих кладбищ, по мнению В. Я. Сергина, не имеют аналогий на Русской равнине: «...в Восточной Европе нет областей, по геоморфологическим и палеогеографическим условиям сходных с Барабой, и присутствие здесь местонахождений того же генезиса и тафономии маловероятно...» (Там же).

Таким образом, попытки представить кладбища мамонтов такими природными кладовыми, «естественными складами с изобилием костного сырья» (Соффер 1993: 108), где палеолитический человек мог легко запастись доступным «товаром» на любой вкус, оказываются на поверку наукообразной фантастикой. Указанные представления задержались в литературе исключительно в силу недостаточного внимания к тафономии самих «кладбищ» и природным условиям, в которых они образовывались.

В свете приведенных данных, немногочисленные места естественных скоплений остатков мегафауны, достоверно известные в Восточной Европе, чаще всего являлись непригодными для поселений человека. Сколько-нибудь значительная добыча на них костей и бивней (не говоря уж о тушах) тоже представляла собой сложную, а порой и непосильную задачу. Объявлять же «кладбищами» *сами стоянки* можно только от безысходности, ибо никаких «естественных складов», годных на роль источника огромного массива костей, обнаруженных в культурных слоях, в Восточной Европе упорно не находится.

14.8. Контакт с мамонтами как способ их добывания: развитие концепции «Третьего пути»

Исследование вопроса о конкретных приемах добывания мамонтов палеолитическими сообществами — то, что М. В. Аниковичем было лишь намечено, но отнюдь не раскрыто — ныне получило интересное развитие в работе В. Я. Сергина. По его мнению, «альтернативой собирательства костей является не облавная охота, а охота во всех разнообразных предполагаемых видах», причем облавная охота «ввиду своей разрушительной сущности была наиболее глубоким тупиком» (Сергин 2014: 229). Исследователь отнюдь не отрицает, что в *отдельных случаях* мог иметь место и загон (Там же: 233). Не отрицал этого, кстати, и М. В. Аникович, считавший, что к отказу от истребительных охот палеолитический человек мог прийти только путем *многократного неудачного опыта*, последствиями которого становились либо человеческие потери, либо голод, вызванный резкой убылью поголовья мамонтов и их уходом из округи стоянок. В любом случае накопление знаний об образе жизни и психологии животных, а также о способах взаимодействия с ними и манипулирования их поведением, должно было происходить постепенно. Можно предположить, что самым сильным стимулятором для выработки новых приемов добывания, основанных на контакте с мамонтами, служил недостаток в регионе других промысловых зверей, добыча которых могла бы обеспечить питание человеческого коллектива.

Отмечая, что сохранность костей на стоянках свидетельствует об их одинаковом происхождении и о том, что изначально куски туш были свежими, В. Я. Сергин констатирует: «...По-видимому, мамонты добывались человеком и, судя по наличию множества костей, не имевших значения для строительства и производства изделий и не относящихся к мясистым частям туши, это происходило вблизи поселений (курсив мой. — Н. П.)» (Сергин 2014: 228). Данный вывод также совпадает с заключением М. В. Аниковича, который считал, что умерщвление мамонтов (не «охота» на них!) происходило непосредственно на стоянках, ибо костный материал, представленный в культурных слоях, включает совершенно не функциональные части туш, которые никто не стал бы транспортировать издалека.

Большая склонность хоботных к употреблению алкогольных и наркотических напитков подтверждается историческими источниками. Человек более поздних эпох, научившийся приручать слонов, широко пользовался этим их свойством, чтобы «регулировать» состояние животного для своих нужд. В Европе с такой целью использовалось «вино, ароматизированное или приправленное ладаном, на Востоке — напиток, полученный путем брожения из риса и сахарного тростника, куда примешивали ладан и мирру, на Цейлоне их [слонов] опьяняли опиумом...» (Арманди 2011: 173).

Проработка литературы по этологии стадных животных и тундровым биоценозам позволила В. Я. Сергину перейти от умозрительных догадок к вполне конкретным заключениям. Позволю себе привести обширную цитату, иллюстрирующую ход мыслей исследователя:

«Слоны, в отличие от других животных, не боятся соседства крупных хищников, не покидают при их появлении удобные водопой и кормные пастбища. Они посещают интересующие их места, несмотря на присутствие хищников и других животных, лишь предпринимая несложные меры для защиты юных особей. Эти вполне стереотипные особенности поведения современных хоботных, не рискуя допустить большую ошибку, можно перенести и на поведение мамонтов в присутствии человека. Если люди не проявляли видимой агрессивности, мамонты могли не только безбоязненно перемещаться вблизи поселений, но и заходить на их края, чтобы воспользоваться тем, что могло их привлечь...

Подобные условия, как представляется, должны были вести к непосредственным контактам человека с мамонтами в простейшем их виде. Мамонтам могли предлагать то, к чему они проявляли повышенный интерес, кладя прямо перед ними. Через некоторое время возникала возможность манипулировать поведением животных. С помощью тех же средств несколько человек могли разъединять группу животных в пределах небольшого участка или отводить от нее отдельных ее членов. При многократном повторении такие действия становились привычными, не вызывавшими у животных опасений. Конечной целью было овладение намеченной особью. Сделать это требовалось так, чтобы особь показалась мамонтам жертвой случайного стечения обстоятельств или собственной неосторожности.

...На основании изучения состава пищи шандринского, киргильяхского и юрибейского мамонтов по ее остаткам в желудочно-кишечном тракте установлено,

что грибы входили в рацион их питания [Горлова, 1982. С. 67]. Характерно отношение к грибам оленей в тайге и тундре Северной Евразии. В грибную пору олени, по словам пастухов, «дуреют». От грибов у них пропадает основной инстинкт, заставляющий оленей держаться в стаде. Они разбредаются, чем пользуются волки. Сбить оленей в массу и управлять общим движением становится чрезвычайно трудно. Но благодаря грибам олени быстро нагуливаются [Симченко, 1993. С. 41–43].

Особое место среди грибов занимают мухоморы, использовавшиеся в повседневном обиходе и ритуальной практике многих народов. Мухоморы содержат токсины с нейротропным действием, вызывающим прежде всего нарушение деятельности центральной нервной системы... Олени, надеясь мухоморами, пьянеют и впадают в глубокий сон. Содержащиеся в грибах алкалоиды вызывают привыкание... Сходные реакции должны были возникать от грибов и у мамонтов. Очевидно, *грибы обладают рядом свойств, которые могли быть использованы палеолитическим человеком: особой пищевой ценностью, ослабляющим действием на внутривидовые связи, приведением животных в беспомощное состояние, эффектом наркотического привыкания...*

Мухоморы могли служить наиболее эффективным средством при добыче мамонтов. Давая небольшое количество грибов определенным особям, можно было вызвать у них повышенный интерес к приманке, привыкание к ней и готовность следовать за человеком, не ощущая изоляции от группы...» (Сергин 2014: 232–233).

В африканских национальных парках новейшего времени для «изъятия слонов из популяции», помимо огнестрельного нарезного оружия, применялись луки, из которых стреляли шприцами с усыпляющими препаратами. «Наркотизированный крупной дозой слон погибал за 30 минут, не вызывая паники в стаде...» (Насимович 1975: 50). По мнению В. Я. Сергина, палеолитические охотники были вполне способны действовать в том же направлении и «...овладевать добычей, не торопя события и без ущерба для себя. Мамонты не могли слишком долго задерживаться возле члена своей группы, а забить беспомощное животное было несложно...» (Сергин 2014: 233).

Было бы интересно проанализировать под этим углом зрения имеющиеся данные о поражении мамонтов дротиками и/или стрелами — те самые широко известные ныне находки, которые порою ставят исследователей в тупик кажущейся бессмысленностью и совершенно неоправданным риском стоявших за ними действий. Действительно, *убить* такого зверя, как мамонт, стрелой, вонзившейся под лопатку или в плечо, совершенно немыслимо. Даже десяток таких попаданий не уложил бы его сразу. Конечно, стрелы могли быть отравлены, но в любом случае для того, чтобы яд подействовал на разъяренное животное, требовалось время. И где в это время прятались охотники?.. Вблизи стоянки или непосредственно на ней подобные действия были бы самоубийственны. Между тем, судя по последним реконструкциям, выстрел в костёнковского мамонта производился именно из лука и *с очень близкого расстояния*:

«Животное в результате выстрела получило удар под лопатку почти в упор с дистанции около метра, если оно стояло или двигалось, и охотник при этом

находился сзади, под углом около 45 градусов по отношению к продольной оси тела животного. Если человек сидел, дистанция может быть увеличена до полутора метров...» (Нужный 2016: 353).

В недавних публикациях эта находка названа первым свидетельством успешной охоты на мамонта в Восточной Европе (Нужный и др. 2014). «...Это был не самострел, поскольку выверенный удар под лопатку в область сердца был достаточно точно рассчитан охотником. Несмотря на несмертельный характер ранения (попадание в ребро), животное все же было убито, что в какой-то мере позволяет говорить об участии в этом процессе других людей, т. е. о коллективной охоте» (Там же: 116). Смертельная опасность подобного «ближнего боя» с мамонтом, даже при условии, что охотников было несколько, авторами никак не оценивается. Вопрос, позволяли ли людские ресурсы верхнего палеолита *регулярно* проводить подобные мероприятия, тоже остается без ответа.

Ю. Б. Сериков, проанализировавший ранение, полученное луговским мамонтом, также приходит к выводу, что тот был поражен стрелой, но отказывается верить в то, что здесь имела место серьезная охота. Он пытается трактовать это действие как забаву или мужскую игру: «Выстрел из лука в сторону мамонта мог означать своеобразный вызов столь крупному животному...» (Сериков 2013: 22). Однако признать данную трактовку научной трудно в силу полной произвольности. С луговским мамонтом имел место не просто «выстрел в сторону». Наконечник (предположительно из бивня), пробил позвонок: «...Сильный удар выбил из оправы каменные вкладыши и оставил их в пораженном остеопорозом позвонке мамонта. Сила удара и вылет вкладышей свидетельствуют о прямом ударе, без вибрации. Именно это позволяет предполагать короткое древко, т. е. стрелу. Учитывая угол пробоины, можно предположить, что выстрел из лука был произведен по стоящему мамонту со среднего расстояния. Рана не могла быть смертельной...» (Там же).

Бросать мамонту такой «вызов», рискуя попусту обозлить его, вызвать ответную агрессию или, еще хуже, оставить его подранком мог только безумец. Охотники XX века, знавшие повадки африканских слонов, предупреждали, что в случае убийства одного члена группы *желательно уничтожить всю группу*, «так как уцелевшие животные в дальнейшем будут чрезвычайно пугливы и своим поведением информируют других слонов о грозящей им опасности... Нельзя оставлять подранков, так как [один] раз раненый слон становится опасным для людей...» (Насимович 1975: 50). О том, что хоботные обладают редкой способностью взаимной коммуникации и передачи достаточно сложной информации, писали и супруги Дуглас-Гамильтон, отмечавшие, что слоны, испытывавшие на себе агрессию человека в начале XX в., «передали свое защитное поведение по наследству... даже слонятам третьего-четвертого поколений, на которых никогда люди не нападали...» (Дуглас-Гамильтон И., Дуглас-Гамильтон О. 1981: 264).

Сразу оговорим: убийство хоботных метательным оружием или стрелами не представляло собой на практике ничего невозможного, если охотников было много и они занимали выгодные позиции. Тот же И. Дуглас-Гамильтон упоминает, что в ходе колонизации земель близ Маньяры «многие слоны нашли свою смерть от копий вамбулу», защищавших свои посева (Там же: 252). Однако,

во-первых, это были именно спорадические столкновения с целью *отогнать* животных, а вовсе не охота на слонов. Во-вторых, в XX в. черное население Танзании могло уже не заботиться ни о своей безопасности, ни о гармонии с окружающей дикой природой. Гармония давно была нарушена. А в случае эксцессов появлялись люди с нарезным огнестрельным оружием и убивали особо агрессивных слонов.

Ситуация в верхнем палеолите была, несомненно, иной. Архаические сообщества той далекой эпохи могли рассчитывать только на себя. Разумеется, они знали повадки хоботных и правила поведения в их обществе не хуже, а лучше белых охотников Африки XX в. Трудно поверить, что кто-то из них стал бы практиковать бездумное, глупое молодечество, тем самым подставляя под удар и себя, и своих сородичей. И вряд ли следует сомневаться: в Луговском (а, скорее всего, и на других известных местонахождениях Сибири) мы имеем дело именно со следами *охоты* — скорее всего, спорадической, предпринимавшейся от случая к случаю, но при этом вполне успешной.

По-иному стоит вопрос для стоянок Днепро-Донской ИКО. Здесь мамонт составлял основу хозяйства и пищевой базы. Его добывание просто не могло не носить регулярного характера — однако процесс этот никак не должен был превращать человека в объект постоянной агрессии мамонтов или приводить к полному истощению ресурсов окружающей территории. Как формулирует В. Я. Сергин, «...охотники должны были снизить до минимума не только риск для жизни, но и риск получить увечье, иначе община быстро теряла бы свою жизнеспособность [Сергин, 1974. С. 6; Питулько, 2005–2009. С. 291]. Едва ли это было осуществимо в многочисленных схватках со зверем с использованием колющего оружия. Другая сторона промысла должна была заключаться в таком его ведении, которое не вынуждало бы животных навсегда покидать район поселения. [...] Устойчивость промысла и обитания могли существовать, вероятно, в том случае, если животных не убивали в открытой схватке, а как бы «похищали» из стада...» (Сергин 2014: 231).

Таким образом, в ходе промысла требовалось соблюдать по меньшей мере три условия: проводить его вблизи стоянки или непосредственно на ней и обеспечивать «относительную безопасность промысла для людей и минимизацию пугающего эффекта в отношении животных. В связи с этим обитатели поселений должны были выработать некую систему мероприятий, в ряду которых овладение мамонтами являлось отложенным результатом...» (Там же: 233).

Допустив, что верхнепалеолитический человек Днепро-Донской ИКО научился наркотизировать отдельных мамонтов с целью их регулярного добывания, мы совершенно по-новому можем оценить ситуацию, в которой зверю наносились глубокие раны с очень близкого расстояния, причем, по разным вариантам реконструкций, животное в это время могло уже лежать на земле (Мащенко 2009: 423; Нужный 2016: 353). Предположение, что эти удары наносились уже *мертвому* мамонту якобы «с церемониальной целью», трудно рассматривать в научной плоскости. С одной стороны, его нельзя ни доказать, ни опровергнуть, с другой — оно не объясняет и не снимает ни одного противоречия в имеющейся системе фактов.

14.9. Заключение

Как говорил когда-то М. В. Аникович, «...при построении научной теории апелляция к «здоровому смыслу» не имеет ни малейшего значения. Теория может быть сколь угодно фантастичной и абсурдной, пока она поддается проверке...» (Аникович 2010б: 7). Действительно, самая «безумная», на первый взгляд, идея может оказаться верной, если она логично встраивается в парадигму, способную рационально и непротиворечиво объяснять факты.

Разумеется, симбиоз предполагает обоюдную значимость взаимных контактов, хотя при этом польза, получаемая одной из сторон, может быть реальной, а другой — обманчивой. То, что мамонты были нужны людям — это понятно всем, но вот зачем мамонтам понадобились люди?

На мой взгляд, путь, на котором следует искать ответы на этот вопрос, намечен в статье В. Я. Сергина, высказавшего предположение, что приманкой для мамонтов могли служить не только наркотизирующие вещества (грибы), но и минеральные подкормки (древесная и костная зола из кострищ, специально расчищенный доступ к естественным выходам минеральных грунтов и незамерзающим источникам и т. д.). Высокая потребность хоботных в минеральной подкормке является давно установленным фактом, как и факты поглощения ими с этой целью золы и различных грунтов (Насимович 1975: 30). «Если в холодное время года водные источники переставали функционировать или доступ к ним слишком затруднялся, мамонтам приходилось пользоваться влагой, содержащейся в поглощаемом с растениями снеге, либо заглатывать сам снег. В снегу минеральные вещества почти отсутствуют, и длительное его потребление вызывает у растительноядных млекопитающих острое минеральное голодание и ослабление организма... *Мамонты, имея роговые пластинки-копытца, не были способны отбивать и крошить мерзлую землю, подобно лошадям и оленям. Не могли они делать это и с помощью бивней* [Бгатов и др., 1989. С. 29, 30]. Возможность восполнить недостаток минеральных веществ появлялась у них лишь при оттаивании почвы... (курсив мой. — Н. П.)» (Сергин 2014: 233).

Можно предположить, что в деле обеспечения минеральной подкормкой в зимне-весенний период человек способен был оказать животному вполне реальную помощь и обрести немалый кредит доверия. О том, что помощь эта отнюдь не бескорыстна, ни один даже самый высокоразвитый зверь догадаться не мог. Иллюстрацией тому служит вся последующая история взаимоотношений человека с животным миром. По большому счету *ни одному из видов, впоследствии одомашненных, человек был не нужен*. Приносимая им польза всегда оказывалась мнимой; реальной являлась только эксплуатация. Но сами животные были людям нужны — и неизменно оказывались покоренными.

Поскольку прямая откровенная эксплуатация мамонта человеком (отношения «охотник — дичь») была чревата большой опасностью, она не могла носить регулярного характера. Можно предположить: палеолитическое население тех областей, где без привлечения мамонтовых ресурсов выжить было трудно, нашло способ расширить диапазон своих отношений с этим зверем и выстроить их по-особому, с максимальной пользой для себя.

В настоящий момент идея симбиоза (контакта) человека и мамонта на Русской равнине в период существования Днепро-Донской ИКО объясняет факты сложения и последующей устойчивости системы хозяйства, основанного на мамонтовых ресурсах, куда более правдоподобно, чем иные подходы. На мой взгляд, она вообще является единственной, которая способна удовлетворительно объяснить этот уникальный культурный феномен, — выявить его основу и историческую логику. При всей кажущейся экстравагантности концепция симбиоза человека и мамонта помогает выстроить вполне реалистичную модель развития сообщества палеолитических «мамонтоведов» и «мамонтоводов»⁷. Дальнейшая работа в этом направлении представляется весьма актуальной.

⁷ Прошу прощения у А.В. Головнёва за откровенное заимствование и приложение к другому материалу красочного определения, данного им древним обитателям о. Жохова: «...жители Арктики преодолевали громадные расстояния, охотясь на северных оленей и белых медведей. По аналогии с пещерными медвежатниками палеолита ... жоховские люди были умудренными *медведеведами* и умелыми *медведеводами*...» (Головнёв 2010: 67).

ЧАСТЬ III

Ad Memoriam

О моем первом учителе археологии¹

М. В. Аникович

Воспоминания М. В. Аниковича о его первом наставнике в археологии, профессоре Томского (позднее Омского) университета В. И. Матющенко, были написаны в 2007 г. для сборника, посвященного памяти Владимира Ивановича. Этот очерк, построенный во многом на материалах их многолетней переписки с В. И. Матющенко, представляет собой, увы, единственный образец «автобиографической прозы» М. В. Аниковича. По большому счету, он характеризует ученика в не меньшей степени, чем учителя. Поэтому его републикация в книге, посвященной памяти самого Михаила Васильевича, представляется вполне уместной и оправданной.

То, что я предлагаю читателю, — не биографический очерк и, уж конечно, не анализ трудов Владимира Ивановича Матющенко. Я хочу поделиться некоторыми воспоминаниями о человеке, который не только стал для меня первым учителем археологии, но и сыграл в моей жизни исключительно важную роль. При этом использую отрывки из нашей многолетней, хотя и крайне неровной, переписки.

Первая моя встреча с В. И. состоялась, если мне не изменяет память, в 1964 г. Организовала ее моя мама, Галина Тимофеевна Аникович, работавшая тогда в библиотеке Томского университета. С раннего детства я бредил археологией, а в старших классах 8-й средней школы (с математическим уклоном) твердо заявил родителям, что намерен стать археологом и только археологом. Однако любовь моя к этой науке была чисто платонической. Никаких археологических кружков для детей в Томске не было и в помине. В экспедиции я не ездил, не ходил даже в модные в те времена турпоходы. Все мои знания о будущей профессии были почерпнуты из популярной литературы и, в особенности,

¹ Воспроизведено по изданию: *Аникович М. В. О моем первом учителе // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья.* — Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 38–50.

из замечательной книги Л. Успенского и К. Шнейдера (1958). Вот мама и решила, что неплохо бы ее сыну, витавшему в облаках книжной романтики, познакомиться для начала хоть с одним живым археологом.

Помню, с каким трепетом поднимался я куда-то ввысь в том помещении, где впоследствии был организован археолого-этнографический музей ТГУ. Пробирался в полутьме по узкому проходу среди стеллажей, заставленных горшками и лотками, и очутился, наконец, перед огромным письменным столом, за которым в кресле сидел человек с веселыми карими глазами и обаятельной улыбкой. Его внешность, его манера держаться и говорить сразу располагали к себе. Состоялось знакомство, рукопожатие, и трясущийся от волнения старшеклассник опустился на стул перед мэтром археологии, которому самому-то едва исполнилось 35.

Беседа была непродолжительной. В. И. говорил о трудностях и тяготах профессии археолога, о неизбежной оторванности от семьи и дома, о сложности найти работу по специальности. О том, что романтика археологии — во многом иллюзия, создаваемая журналистами и популяризаторами науки. В действительности же археолог тратит уйму времени на скучнейшую повседневную работу, на возню с черепками, каменными осколками, на их склеивание, подсчеты и т. д., и т. п. «Подумайте, Миша, крепко подумайте! — заключил свою речь В. И. — И учтите, кстати: те, от кого зависит дальнейшая судьба выпускника университета, не очень-то любят нашего брата...» Но я уже окончательно все решил. После этого разговора для меня не могло быть и речи о какой-то другой профессии, кроме археологии.

Поступив на первый курс историко-филологического факультета ТГУ, я взялся за дело рьяно. Сразу стал посещать и семинарские занятия по археологии, и заседания студенческого археологического кружка. Штудировал работы А. П. Окладникова, склеивал из черепков неолитические сосуды (что оказалось отнюдь не скучно!). В общем, старался как мог. В первой экспедиции, куда наш курс поехал на практику (раскопки Еловского курганного могильника), проявлял не меньшее рвение. В результате мне было позволено не только расчищать, но и зарисовывать некоторые погребения. По окончании практики, когда большинство моих однокурсников радостно разъехались по домам, я с несколькими товарищами отправился с В. И. под Омск, на раскопки Ростовкинского могильника. И там уже оказался принят, как говорят у нас, «в офицерский состав» экспедиции.

Археологическую практику здесь проходили студенты Омского пединститута. Объявив о распорядке дня, дисциплине и пр., В. И. особенно строго предупредил: «В экспедиции — сухой закон!» А ближе к вечеру Юра Кирюшин, с которым мы тогда особенно сдружились (ныне ректор Алтайского ГУ, доктор, профессор, лауреат и прочая, и прочая), предложил мне отправиться в село за водкой. Я несколько удивился, однако пошел. На обратном пути нас встретил начальник. «А что это вы несете? Ну-ка давайте ко мне в палатку!» — приказал он. Ни тон, ни хорошо знакомая мне улыбка разноса не предвещали. И действительно, в палатке нас уже поджидал весь закаленный в многолетних экспедициях «офицерский состав» — студенты-старшекурсники, аспиранты и молодые преподаватели, вырвавшиеся ненадолго «на свободу». Так началась моя экспедиционная жизнь.

Здесь неуместно предаваться долгим воспоминаниям о моих занятиях археологией в ТГУ. Скажу лишь одно: у нас с В. И. установились теплые, доверительные

отношения. Относительно моей персоны у него были, как я теперь понимаю, далеко идущие планы. В университете я специализировался по неолиту, но В. И. Матющенко думал о разработке в Томске и палеолитической проблематики. Было хорошо известно, что самая сильная школа палеолитоведения в нашей стране — это сектор палеолита ЛОИА АН СССР. И когда однажды (кажется, в 1969 г.) в Томск приехали в командировку такие известные палеолитоведы, как П.И. Борисковский и З.А. Абрамова, мой учитель обратился к ним с просьбой помочь мне. Речь шла об организации стажировки в Ленинграде при секторе палеолита. Поскольку ЛОИА как академическое учреждение, естественно, не мог официально принять на стажировку студента, необходимые документы были подготовлены и посланы в Ленинградский университет. А потом... потом мы с В. И. по наивности стали ждать вызова, удивляясь, что это он так долго не приходит?

Не видать бы мне Ленинграда, как своих ушей, если бы не два человека. Мой друг Юра Кирюшин, к тому времени уже окончивший университет и официально стажировавшийся в ЛОИА, после нескольких моих отчаянных писем обратился за советом к Л.С. Клейну. Мудрый Лев Самойлович² сказал примерно следующее: «Никакого вызова ваш друг не дождется. Пусть садится на самолет, прилетает сюда и прямиком является в деканат. Никуда они не денутся. Поворчат, но устроят!» Так оно и получилось. В результате последние полтора года я только числился студентом ТГУ, а реально учился в Ленинграде, специализируясь по палеолиту.

Следует отметить одно интересное обстоятельство. По вполне понятным причинам уровень археологической специализации на кафедре археологии ЛГУ был неизмеримо выше, чем в Томске. Я вполне отдавал себе в этом отчет и всеми силами старался восполнить пробелы. Красота Северной столицы, ее особая атмосфера тоже не оставили меня равнодушным. Тем не менее, окунувшись в питерскую жизнь, я ни минуты не ощущал себя провинциалом, попавшим в иную — незнакомую и непонятную — культурную среду. Чего не было, того не было! Все же не зря Томск называют порой культурным и духовным центром Сибири.

В 1971 г. я дважды защитил свою дипломную работу — сперва в ЛГУ, перед лицом комиссии, во главе с М.И. Артамоновым (чем и сейчас горжусь!), потом в родном Томске. Как выпускник с «красным дипломом», я счастливо избежал и армейской службы, и участи школьного учителя. Стараниями В. И. Матющенко меня оставили при ТГУ младшим научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Впрочем, пробыть там пришлось недолго. Уже год спустя, после хлопот В. И., с одной стороны, и П.И. Борисковского, с другой, я успешно сдал экзамены в целевую аспирантуру при секторе палеолита ЛОИА. В результате моим научным руководителем стал выдающийся российский палеолитовед А. Н. Рогачёв, а моей судьбой — возглавляемая им Костёнковская палеолитическая экспедиция.

Ныне, оглядываясь назад, я прихожу к выводу: все это было тем, что одни называют Судьбой, а другие — Божьим промыслом. Ведь впервые я «заболел»

² Профессор Л. С. Клейн сам всегда называл себя «Львом Самойловичем». Именно так обращались к нему все его ученики. Не случайно ученый выбрал себе литературный псевдоним «Лев Самойлов». — *прим. редактора.*

археологией, когда, шести лет от роду, прочел в журнале «Огонек» о палеолитических погребениях, найденных А. Н. Рогачёвым в Костёнках. А по окончании университета уже более 35 лет Костёнки неизменно остаются в центре моих научных интересов.

В 1970-х гг. мы с В. И. виделись довольно редко, но переписывались регулярно. Он внимательно следил за ходом моей аспирантской подготовки и всегда был готов поддержать, хотя бы добрым словом. Вот выдержка из его письма от 08.03.1974:

«Миша, здравствуйте, дорогой! Очень жаль, что у Вас какие-то неприятности и вообще какой-то минорный тонус. Надеюсь, что Ваш природный ровный оптимизм все-таки одолеет эту напасть. Очень надеюсь.

Что, не получается работа? Что, она пухнет? Что, ей и конца-края не видать? Эти проблемы пусть Вас не тревожат. Не знаю, прав я или нет, но если есть, что сказать, есть, что написать, то надо писать, надо говорить, а там, при отработке рукописи, станет ясно, что лишнее, без чего можно обойтись, что можно сказать короче и т. д. Вот почему мне думается, что эта проблема пусть Вас не тревожит. Хуже, если нечего писать, голова пуста и прочее. Жаль, что, вероятно, до лета мы с Вами не увидимся».

К сожалению, причина моего «минорного тона» заключалась в ином. И я очень долго не решался высказать ее В. И. напрямую. С диссертацией все обстояло благополучно. Работа шла легко, полным ходом, и не вызывала никаких беспокойств ни у меня, ни у Александра Николаевича. Однако к 1974 г. сама мысль о необходимости возвращения в Томск стала меня удручать. Я уже понимал, что такое сектор палеолита ЛОИА, и вполне осознавал, как узок мой кругозор в области палеолитоведения, при всей внешней «успешности» моей юношеской карьеры. Понимал я и другое: этих недостающих знаний за пределами Ленинграда мне не восполнить — нигде и никогда. Никакое чтение литературы не заменит живого общения со специалистами мирового уровня. В Томске же мне не только специалистов — и новейшей литературы по палеолиту не найти. Кроме того, я все больше и больше углублялся в проблематику верхнего палеолита Европы. А вот «поднять» соответствующую проблематику Северной Азии — тут требовался совсем другой человек, не я. Низкой самооценкой я отнюдь не страдал, но всегда отдавал себе отчет: разведки новых памятников не были моей сильной стороной, как ученого.

Вот так. И в этот самый момент я вдруг получаю предложение от П.И. Борисковского (в ту пору заведующего сектором палеолита). В секторе освободилась ставка младшего научного сотрудника. Если мне удастся решить вопрос с пропиской, на это место возьмут меня... Это было полной неожиданностью, даже потрясением. Выходит, меня считают *способным* достичь уровня крупнейшей отечественной школы палеолитоведения?³

³ Да и разве только «отечественной»? Нам давно не пристало смотреть снизу вверх на наших западных коллег — даже французских. Российская наука о палеолите отнюдь не уступает западной по уровню и глубине анализа. А в чем-то, пожалуй, опережает. Если на Западе часто судят о ней поверхностно, то виной тому языковой барьер, незнание русской археологической литературы. Эту проблему вполне можно

В конце концов, решение было принято, и я честно написал об этом В. И. Конечно, его оно не обрадовало. Мешать мне он не захотел. Хотя, вероятно, надеялся, что я одумаюсь или... у меня просто не хватит решимости осуществить все, что необходимо. Вот его записка ко мне от 17.06.1975:

«Здравствуйте, Миша! Что же Вы мне не отвечаете?.. Повторяю на всякий случай еще раз: у нас открылась вакансия. А Вам, как мне стало известно, не такто просто получить в Ленинграде прописку. Подумайте, взвесьте все плюсы и минусы. Но скорее отвечайте. Ваш В. Матющенко».

Среди моих недостатков (кои есть продолжение наших достоинств) или, напротив, достоинств (кои есть продолжение наших недостатков) имеется один, который, при желании, можно назвать либо непоколебимым упорством, либо ослиным упрямством. Так что своего я добился. Вождеденную питерскую прописку получил и был принят в штат ЛОИА. В. И. Матющенко все это обошлось недешево. В своих планах он, конечно, очень и очень рассчитывал на меня. В письме его от 13.10.1975 есть такие строки:

«...Что у меня нового? Окончательно ушел из лаборатории. Не могу я все-таки работать там спокойно. Слишком нестабильная обстановка. ...Жаль, что Вы так и не смогли вернуться к нам. Кстати, это было одной из причин моего отказа от лаборатории. Я не верю, что там можно будет создать задуманный мною комплекс.

Ну, что ж, будьте здоровы. Ваш В. Матющенко».

Казалось бы, в такой ситуации В. И. имел полное право порвать со мной всякие отношения, а при встрече — перестать подавать руку. Думаю, многие так бы и поступили. Но не он. Наши отношения продолжали оставаться сердечными, теплыми и вполне доверительными. Вот отрывок из его письма от 21.11.1976, посланного мне уже из Омска, куда он окончательно перебрался в августе этого года:

«Дорогой Миша! Очень рад был получить Ваше письмо. Рад также тому, что жизнь Ваша заполнена до отказа. Значит, все в порядке. Вы ничего не пишете о своей защите. Как дела в этой части? ...У меня дела идут по-разному. Хвалиться пока нечем. Но кое-что все-таки получается. В декабре состоится у нас студенческая конференция. Формируем сборники работ. Открываем Музей археологии и этнографии. ...Миша, нельзя ли воспользоваться Вашим пребыванием в Ленинграде и попросить Вас об одном одолжении: по рецепту заказать мне очки? Нигде не могу добыть, а без них мне довольно трудно... С приветом. В. Матющенко».

Очки я тогда, разумеется, заказал. Страницы же омских сборников в дальнейшем регулярно предоставлялись мне Владимиром Ивановичем для печатания моих работ по истории и теории археологической науки.

решить. Хуже другое: искать истину исключительно за границей уже «заползло в подсознание» россиян. Тексты, отпечатанные иноземными буквами на мелованной бумаге, нередко производят на наших соотечественников впечатление, далеко не адекватное их качеству. Об опасности этого мне уже приходилось писать в статьях, посвященных наследию А. Н. Рогачёва (Аникович 2005а; Платонова, Аникович 2005) (прим. М. В. Аниковича).

Как объяснить все это? Конечно, В. И. прекрасно понимал: я остался в Ленинграде не ради денег и даже не ради карьеры. И то, и другое я смог бы получить и в Сибири, причем значительно быстрее, проще и в большем количестве. В Томске оставалась моя семья. Там были друзья, близкие, приличное жилье. А в Северной столице на первых порах мне «светили» лишь мизерная ставка мэнэса да защита кандидатской. И еще — нескончаемые скитания по комнатам, снятым в ленинградских коммуналках. Все остальное казалось зыбко и неопределенно. Так что нетрудно понять: основой моего выбора явилась не жажда земных благ, а стремление реализовать себя по максимуму. Но, даже поняв это, многие сочли бы такого ученика предателем. А вот В. И. Матющенко, всю жизнь считавший себя атеистом, поступил в этом вопросе (сам того не замечая!) истинно по-христиански. Но об этом мы еще поговорим ниже.

Шли годы. Наша переписка с В. И. то прерывалась, то возобновлялась. Перерывы и задержки ответов объяснялись тем, что и на него, и на меня сваливалось все больше и больше хлопот самого различного плана. Бывая в Ленинграде (что случалось нечасто), В. И. навещал меня. Переписка оживилась и вновь стала более-менее интенсивной с середины 1990-х гг. Тема житейских и «производственных» неурядиц, волной захлестнувших абсолютное большинство населения нашей страны, конечно, затрагивалась в ней, но никогда не доминировала. «Плакаться в жилетку» не любили мы оба. Вот что пишет В. И. в письме от 19.12.1993:

«...Так давно мы не общались, так много событий прошло, что, вероятно, сильно изменило и нас, и наше восприятие существующего мира, когда впрямую думать черт знает что обо всем, но о Вас у меня по-прежнему самые добрые чувства и воспоминания. ...Правда, не думайте, что я унываю. Нет, конечно. Порой меня одолевает даже излишняя веселость от всех событий нашей жизни. Вместе с тем, мы еще кое-что издаем. Наконец, отправили Вам, Миша, сборник, страшно задержавшийся, с первой половиной Вашей статьи. Вторая половина выйдет в очередном сборнике зимой. Если Вы имеете что-то (а, кажется, Вы писали такое), то присылайте... Получил Клейновский «Феномен»⁴. Интересно, но как-то неровно написано: то очень обстоятельно, то, наоборот, очень конспективно. Хотя в целом направленность книги мне импонирует».

А вот моя реакция на ту же ситуацию:

«...Каковы мои дела? Так себе: грант не получил, так что... Но зато в ноябре прошлого года 3 недели провел в Париже, в результате чего приобрел IBM-486, и работаю теперь на ней не только с текстами, но и с картинками. Одно удовольствие! Иллюстрации к своей книге, в общем, подготовил⁵ ... Написал несколько статей (не только по археологии)...» (27.05.1995).

«...Что сказать о себе? Наши дела — не лучше ваших. Академия Наук фактически уничтожается: на то, что нам «платят» (точнее, — не платят) нельзя

⁴ Имеется в виду книга: (Клейн, 1993) (прим. ред.).

⁵ В указанный период М. В. Аниковичем была подготовлена обобщающая монография о памятниках Костёнковско-Борщёвского района — на русском и английском языках. Однако издать ее в 1990-х гг. не удалось. В переработанном и дополненном виде книга вышла из печати в 2008 г. (Аникович и др. 2008) (прим. ред.).

не только жить, но и существовать. Так что все мы, главным образом, занимаемся поисками хоть каких-то заработков, а в свободное от этого время пытаемся заниматься наукой. Мне немного повезло. Спасибо Хизри⁶: он подключил меня к своему гранту, к своим работам, так что мой полевой сезон в Зарайске прошел на высшем уровне во всех отношениях.

...Возвращаться из такой экспедиции было грустно: плюхаешься в привычное море гадости, без всяких надежд на изменения к лучшему. Сейчас я в отпуске и главное, чем занимаюсь, — бегаю по издательствам в поисках работы. Уже в экспедиции получил приглашение принять участие в сборнике, посвященном Вашему юбилею... К сожалению, послал [статью] с явным опозданием... Очень надеюсь, что ее еще можно будет включить в сборник. В любом случае надеюсь, что Вас она заинтересует» (19.10.1996)⁷.

Со второй половины 1990-х гг. мы все чаще стали обсуждать в письмах не только наши повседневные дела, научные проблемы, но и современные политические и мировоззренческие вопросы. Мои письма к В. И. за этот период остались в компьютере. К сожалению, ряд его писем, специально отложенных в папку, затерялся среди бумаг в ходе нескольких переездов. Рано или поздно они отыщутся. Но пока о многих высказываниях В. И. приходится судить лишь по моей ответной реакции.

Относительно нашего социалистического прошлого, равно как и политики КПСС, у него не было особых иллюзий. Помнится, еще в 1970-х гг. мы беседовали с ним «за политику» вполне откровенно, причем оба были в те времена, что называется, «умеренно розовыми». В дальнейшем наши позиции разошлись, по крайней мере внешне. В. И. сохранил свои прежние взгляды, я же радикально изменил свои. Каковы были наши позиции, можно понять из моего письма к нему от 31.01.2000:

«...Теперь о политике вообще и о Путине в частности. Владимир Иванович! Для меня даже сама постановка вопроса, — «верю» ли я Путину, или «не верю» — смешна. Я принадлежу одной-единственной «партии», возникшей без малого 2000 лет назад, и верю, — полностью и безоговорочно, — только ее «лидеру», Отдавшему Свои Плоть и Кровь во искупление грехов человечества. Вот Ему я верю. Что же касается политики и политиков... по моему мнению... нужно быть полным идиотом, чтобы «верить» хоть кому-то... Для меня здесь дело в другом: Путин, по крайней мере, показал, что способен на поступок, на решительные шаги. В наше время это необходимо России. Решительные шаги, — но не в сторону отката к большевистскому прошлому, к обожаемой Совдепии.

Что же касается коммунистов... По-моему, я уже писал в одном из первых писем: для меня коммунисты разных мастей и толков, и нацисты разных толков и мастей, — то же самое, что реверс и аверс: вроде бы, и надписи, и рисунки разные, а монета одна, и стоимость ее одна. ...

СПС — обыкновенная либеральная интеллигенция. ... Что же касается «огромного груза грехов перед Россией»... Владимир Иванович, по-моему,

⁶ Х.А. Амирханов — ныне академик РАН, заведующий отделом каменного века ИА РАН (прим. М. В. Аниковича).

⁷ Речь идет о статье (Аникович 2000) (прим. ред.).

большого груза грехов перед Россией, чем ВКП(б)-КПСС, не несли на себе даже монголо-татары, не говоря уж о либеральных интеллигентах, и власти-то, в сущности, не нюхавших. ... Да, когда-то я тоже верил в «правильный» социализм/коммунизм. Даже свою теорию успел сочинить по этому поводу. Хотите, поделюсь?

1. Социализм — это отнюдь не начальная стадия коммунизма; это — разновидность империализма, с предельным обобществлением средств производства и беспредельной властью чиновничьего аппарата. В прошлом его аналог — азиатский способ производства.
2. Пролетариат не может быть «классом-освободителем» по самой своей природе: его труд — не творческий, и уже в силу этого его подлинные интересы лежат вне сферы освобождения труда. Этот класс легко купить, — и не слишком дорогой ценой. Что и произошло на Западе.
3. Подлинным освободителем человечества может стать только тот класс, чьи основные интересы — творческий труд. Понятно, что это — интеллигенция, и понятно, что для того, чтобы интеллигенция стала «классом для себя» необходимы предпосылки: сложение таких условий, когда не пролетариат и не крестьянство, а именно интеллигенция становится основным двигателем производительных сил. Такие условия складываются в ходе научно-технической революции.
4. Таким образом, научно-техническая революция есть первая ступень, неизбежно ведущая к революции коммунистической.

Как Вам это нравится? Разумеется, я здесь изложил только основные тезисы, которые пытался разрабатывать где-то в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов. Благодарю Бога, что вместо этого занялся чтением русских философов и Нового Завета, и в 1990 г. принял крещение, — а то, чего доброго, еще заделался бы «нео-марксистом» со всеми вытекающими отсюда последствиями!

Владимир Иванович! Само собой разумеется, наши идеологические расхождения никоим образом не должны влиять на наши личностные отношения: слишком большая была бы честь для любой идеологии, если бы такое произошло! Я не принимаю коммунистическую идеологию ..., но Вы лично были и есть для меня не только первый учитель археологии, но и один из честнейших и благороднейших людей, с которыми свела меня жизнь. Так что — надеюсь, Вы не обидитесь на откровенность».

В 1990-е гг. в поисках хлеба насущного я занялся, между прочим, и литературным трудом. Издательство «Азбука» опубликовало два моих романа под псевдонимом «Олег Микулов» (1998; 1999). Разумеется, оба они были посланы В. И. Вот его отзыв на мой второй роман. В этом письме (от 16.02.2001) вновь затрагивались мировоззренческие проблемы. Кроме того, В. И. высказал там целый ряд неординарных суждений о палеолитическом прошлом человечества:

«Здравствуйте, Михаил Васильевич, дорогой Миша! ...По поводу Вашей книги «Тропа длиною в жизнь». Я прочитал ее с большим интересом и вниманием. Получил истинное удовольствие. ...Вы писали, что в этой книге мистики наворочено куда больше, чем в книге первой. Это, конечно, так, но если учитывать общий замысел книги, то все в норме. Более того, мне представляется, что мы

недостаточно объективно оцениваем роль всей духовной сферы жизни первобытного человека, т. е. того, что можно назвать мистикой. Вы знаете, я остаюсь убежденным материалистом, но я всегда признавал, что для общества первобытности духовные начала, мистика, магия и пр. должны были играть особую роль. В целом мифологическое сознание, мифологическое мировоззрение направляли жизнь общин, родов настолько сильно, что мы можем, в известной мере, предполагать чуть ли не определяющую ее роль в жизни тех древних обществ. И это ни в коей мере не означает моего отступления от материалистического понимания истории первобытности.

Кроме того, надо бы нашим домашним марксистам хорошо помнить, что даже Маркс не был таким узколобым материалистом, как иногда его изображают. Достаточно вспомнить его выдающуюся мысль (позднее приписанную Сталину): «идеи, овладевающие массами, становятся материальной силой». Или: замысел 4-го тома «Капитала», по словам Энгельса, был в том, чтобы показать, как идеологическая, мировоззренческая сфера вмешивается в жизнь общества... Да и вообще надо помнить, что Маркс утверждал, что материальная сфера жизни общества, ... *в конечном счете*, играет определяющую роль в истории. *В конечном счете*. А не безусловно...

Мне представляется, что все перипетии в жизни героя, как бы они ни казались «накрученными», вполне укладываются в историческую реальность того времени. Здесь Вы, Миша, знаток этой реальности. И мне показалось особенно ценным то, что в деталях быта отдельных общин проступают совершенно реальные черты, выявленные в ходе исследования соответствующих памятников.

Можно усомниться, что в эту эпоху появились уже конники... Одомашнивание лошади, как это принято сейчас, сравнительно позднее явление в истории скотоводства... С другой стороны, а почему не может быть каких-то исключений? Разве не могли обитатели Центральной Европы овладеть некоторыми приемами приручения лошади (не обязательно — одомашнивания вплоть до разведения животных)? Наверное, могли. Это не было еще коневодством... но первым опытом позитивного общения человека с этим очень умным животным (конем).

Кстати, почему-то в нашей литературе нет (во всяком случае, я не знаю) ничего о всяких «дурных местах», «ведьминых местах» и т. п., что серьезным образом должно было сказываться на конкретной ситуации в общине, ... где силы Зла могли находить живое воплощение в таких «дурных местах». В сибирской этнографии об этом есть немало сведений. Но это почему-то никак не учитывается в известных реконструкциях мировоззрения первобытности. Как и наоборот — наличие «хороших», «добрых мест». Все тесно связано с земной энергетикой, явлением вполне реальным, материальным, но наверняка находящим причудливые формы в сознании людей того времени (и не только того времени).

Теперь относительно искусства палеолита. Сомневаться в том, что оно существовало, было бы странным. Лично мне только кажется слишком смелым утверждение о профессиональном уровне произведений Франко-Кантабрийской области. ... Высочайший уровень интеллекта, конечно, обеспечивал тот «профессионализм», который как будто проступает в этом искусстве, но вряд ли

мы можем предполагать этот профессионализм без кавычек. Хотя можно смотреть на это и с другой стороны: а вдруг в этой области могли сложиться необходимые условия в жизни палеолитических общин?.. Одно вне всякого сомнения: мысль палеолитического человека наверняка забиралась в такие дебри мироздания и внутрь человеческой природы, которые под силу уже нашему времени. Вот только эти высоты и глубины нигде не были задокументированы (закодированная информация в памятниках искусства остается неразгаданной, а то, что разгадано — не всегда достоверно). Ведь если интеллект ранних *homo sapiens* принципиально не отличался от ума нашего человека, то мы вправе предполагать все невероятное в мыслительной деятельности людей того времени.

Я посетовал, что ничего не дошло до нас из того, что свидетельствует об этих высоких порывах интеллекта того времени, и напрасно сделал это. А мифы, особенно, архаичные!.. Это же целый бескрайний океан первобытного богатейшего мыслительного действия!

Ладно, я что-то много разговорился. Вы понимаете, что я вполне допускаю самые смелые предположения относительно интеллектуальных возможностей палеолитического человека.

Остаюсь Ваш В. Матющенко».

Вот мой ответ на это письмо, написанный 23.02.2001:

«Дорогой Владимир Иванович! Ваше письмо получил, большое спасибо за столь добрый и развернутый отзыв о моем втором романе. Не скрою, для авторского самолюбия это приятно. В статье, которую я Вам недавно выслал, излагаются некоторые мои соображения о верхнепалеолитической эпохе: нечто, не имеющее аналогов в современных «архаических» обществах⁸. По крайней мере, в том, что касается Европы вообще и Запада в особенности. Однако нужно иметь в виду, что исключительно высокий уровень развития отдельных культур не определяет общий (средний) уровень эпохи в целом. А мадленская культура — это самый настоящий уникум. Убедиться в том, что они взнуздывали лошадей, нетрудно: мадленских изображений лошадиных морд с явными уздечками не одно и не два — десятки. И рассуждения Брейля о «мускулатуре» просто смешны, если смотреть на эти изображения. Он «победил» по одной-единственной причине: у подавляющего большинства археологов сама возможность приручения животных в верхнем палеолите просто в голове не укладывалась. «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Я не знаю, почему и как исчезла столь высоко развитая культура. Ясно только, что ни экономика, ни природные условия ни при чем: мадленцы охотились на северных оленей, а этот вид, как известно, преспокойно продолжал существовать и в голоцене. И тем не менее...

Что же касается моего мировоззрения, — я убежденный идеалист, защитник «поповщины» и т. д., и т. п. Представление о «саморазвивающейся материи» настолько надуманно, настолько противоречит всему человеческому опыту, что могу только удивляться: почему этого не замечают? Ведь так называемое «саморазвитие» любой формы материи есть, в конечном счете, не что иное, как распад, разложение! Ничего иного до сих пор никому наблюдать не удалось,

⁸ Имелась в виду статья (Аникович 2000а) (прим. ред.).

приходилось отделиваться весьма туманными фразами, являющимися чистейшими спекуляциями, не имеющими никакого отношения к реальности.

В этой связи меня особенно умиляет теория эволюции (она же — дарвинизм, неважно, с приставкой «нео» или без). Прорехи налицо, и какие прорехи! Если бы работал механизм «классического» дарвинизма — мир был бы неизбежно заполнен переходными формами, а где они? Даже те единичные примеры, гуляющие по популярным брошюрам, на проверку оказываются блефом; даже знаменитый археоптерикс, в конце концов, благополучно перелетел к птичкам, утратив всякую связь с ящерицами! Впрочем, есть еще теория дискретной эволюции. ...Но вот беда: еще никогда и никому не удавалось наблюдать... хотя бы одной «положительной», «прогрессивной» мутации. Мутаций — сколько угодно, но все они почему-то ведут к вырождению. Думаю, XXI век станет «могильщиком» эволюционной теории; для этого созрели все предпосылки.

Что же касается моих представлений о связи «материалистическое = научное» — высылаю Вам свою еще не опубликованную статью...»⁹

Об упомянутой статье, озаглавленной «Марксизм, христианство и рационалистическое мышление», В. И. отозвался положительно, посоветовал ее «доставить до ума» и опубликовать. При этом он высказал и свои соображения о ряде ключевых вопросов бытия и познания. Об их содержании можно судить по моему ответу:

«Дорогой Владимир Иванович! Только что вернулся из экспедиции в Костёнки, с радостью прочитал Ваше письмо и спешу ответить. (...). По поводу Ваших замечаний, — по пунктам:

1) «Признание первичности материи» — чистейший «Символ веры». Обсуждать вопрос о «первичности материи» или «первичности Духа» бессмысленно; есть смысл посмотреть на следствия, вытекающие из того и другого постулатов. Для меня, например, Ваш постулат неприемлем, в частности, в силу второго закона термодинамики. Попросту говоря: еще никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не наблюдал «прогрессивного саморазвития материи». Ураган, пролетевший над свалкой разного рода механических отходов, еще ни разу не то, что автомобиль не собрал, — даже детской коляски! Еще проще: предоставьте Вашу квартиру «саморазвитию», — и Вы увидите, что с ней произойдет уже через месяц. И с другой стороны, — мы непрерывно убеждаемся на собственном опыте в первичности Духа, — только упорно не хотим этого замечать.

2) Оговорки о том, что «в некоторых случаях конечно...», «примат материи — только в Абсолюте, в конечном счете» и т. п., с моей точки зрения, безусловно, уловки. Но не Ваши, Владимир Иванович, а наших дорогих классиков марксизма...

3) Что Вы понимаете под «методом познания»? Диалектический способ анализа или «исторический материализм»? Если первое, — то совершенно с Вами согласен, только замечу, что диалектически рассуждали во все времена исключительно «идеалисты», включая таких «обскурантов», как Апостолы, Отцы Церкви и религиозные философы (последние — в особенности ярко). Был потрясен,

⁹ Речь идет о неопубликованной работе М. В. Аниковича «Марксизм, христианство и рационалистическое мышление» (прим. ред.).

убедившись в этом при чтении их трудов! Да и то сказать: не случайно ли все это тщательно от нас пряталось за семью замками «спецхрана»? Что же касается исторического материализма, — по-моему, он уже давным-давно доказал свою полную непригодность в качестве «научного метода». *На практике доказал*, а ведь «практика — критерий истины», не так ли?

4) «Признание права на существование других философских систем...» — здесь Вы, Владимир Иванович, явно выдаете желаемое за действительное. Факты: «философский пароход» (слава Богу, — хоть кто-то спасся!) и массовые ссылки и расстрелы. Только одного имени, — П. Флоренский, — хватило бы, чтобы навсегда пригвоздить большевизм к позорному столбу! Что же касается Маркса и Энгельса, — у них просто руки были коротки! Не приведи Господи, — утвердилась бы «диктатура пролетариата» в той же Франции, — было бы то же самое, — с благословения «классиков».

5) «Терпимость ко всем другим мировоззренческим принципам» меньше всего соответствует марксистскому мировоззрению. К религии, например, у них ненависть зоологическая... И доказать это нетрудно. Впрочем, отчасти я это и постарался сделать в своей статье.

Таким образом, Владимир Иванович, думаю, что, в сущности, Вы отнюдь не марксист. Просто Вы держитесь за вдолбленный нам всем с ясельного возраста «символ веры» (это насчет материи) и пытаетесь Ваши *естественные* духовные установки (Душа в своей сущности христианка; не помню, кто это сказал) приписать мировоззрению, не имеющему с ними ничего общего...»

Последовавший затем 2002 год нанес В. И. жесточайший удар. В экспедиции скоропостижно скончалась его любимая жена Лидия Михайловна. Причем случилось это не в лагере, а в лесу, где она гуляла одна. Тело нашли только через месяц.

Не каждый смог бы пережить такое потрясение. В. И. смог. Вот отрывки из его письма, написанного 18.05.2003:

«Дорогой Миша, Михаил Васильевич! Я понимаю, что мне нет прощения за хамское молчание, почти игнорирование Вашего внимания. Но это идет не от моего неуважения к Вам... а просто я еще не совсем пришел в себя после гибели Л.М., хотя уже прошли 10 месяцев. Медленно я возвращаюсь к прежнему состоянию, хотя хорошо понимаю: это прежнее мое состояние не придет никогда.

...Не всякому ведомо то, что только после ряда мучительных эксцессов, душевных исканий в любви, наконец, понимаешь, насколько тебе был близок и дорог ушедший человек. Последние годы мы с Л.М. были как никогда близки душевно. Именно в такой момент Судьба наносит исподтишка удар... Нет, я не рыдал, не бился в истерике; мне было некогда: ведь я искал ее целый месяц. Л.М. как в воду канула. И когда мы ее нашли, поверьте, стало легче... И до сих пор я живу с постоянным ощущением, сознанием своей вины перед ней: я ей не помог, хотя беда с ней случилась почти рядом с нашим лагерем...

Вы искренне верующий, Миша, человек, но не оскорбляйтесь тем, что я скажу далее. Меня утешают тем, что Господь прибирает к себе лучших... Я готов предъявить Господу счет. Почему же ты, Всевышний, весь свой брак, все свои неудачи в виде никчемных человекоподобных оставляешь нам, а лучшее берешь

себе? Порядочно ли это в поведении Творца? Очень сомневаюсь в его порядочности. Я понимаю, Михаил, Вы найдете в мой адрес достаточно убедительных доводов... Но все равно, Господь не может быть оправдан... Простите мое богохульство этакое.

Сейчас у меня самое главное — успеть опубликовать Еловский комплекс... Все остальные дела идут своим чередом: лекции, семинары, курсовые, дипломные и пр., и пр. Без этого я, наверное, сорвался бы, а то и вообще сгинул...

Как Ваши дела, дорогой Вы мой человек? Я ведь всегда рад Вашим удачам, и беды Ваши огорчают и меня тоже. Пишите, пожалуйста, и не держите зла на меня, если я и сказал что-то не то. Хорошо?

Ваш В. Матющенко».

Получив такое письмо, я ответил, как мог:

«Дорогой Владимир Иванович! ...Честно говоря, до этого я только догадывался о том, что у Вас — серьезная беда, но ничего конкретного не знал; возможно, какое-то Ваше письмо до меня не дошло. Узнав, был потрясен, и, хотя все слова в таких случаях бесполезны, все же примите мое соболезнование. Тем более искреннее, что я 16 февраля потерял маму...

Вера, действительно, помогает. Кстати, ни веру, ни тем более, Творца, оскорбить невозможно, — во всяком случае, столь естественными чувствами. Мне случалось, если можно так выразиться, «обижаться» на Бога по гораздо меньшим причинам. Детям вообще свойственно на родителей обижаться; это так естественно. Естественно и чувство вины, — даже когда ее, вроде бы, и нет. На самом деле, вина есть всегда. У Льва Толстого есть то ли повесть, то ли эссе (не помню) «Нет в мире виноватых». Я думаю прямо противоположным образом: нет в мире безвинных (среди поживших, во всяком случае)! А если они даже и есть, то я к таковым не отношусь.

Что же касается старого, как Мир, вопроса: откуда, почему и зачем столько зла? — то этот вопрос не для нашего «евклидова» ума. Забавно, что верующих сплошь и рядом упрекают в двух диаметрально противоположных вещах:

1. «У вас на все есть готовый ответ!» (Только у дураков, а их и среди неверующих хватает. И тоже — с готовыми ответами на все случаи жизни, от лечения насморка до управления государством).

2. «Почему же вы не можете на это ответить, раз вы верующий?» (Потому и не могу, что верующий, и читал Книгу Иова: «Пути Господни неисповедимы»).

Но все это только слова, в конце концов. Пережитая Вами трагедия действительно, ужасна, и любые слова тут бессильны...» (28.05.2003).

В. И. оставалось не так много времени. Но последние свои годы, несмотря на преследовавшие его болезни и страшное горе, он прожил с удивительным мужеством и достоинством. Вот некоторые отрывки из его писем последних лет:

«...Я не жалею. Просто живу под сознанием того, что количество дней, отпущенных мне Судьбой, уже кем-то сосчитаны (их, кстати, я и сам сосчитал тоже). Но это результат рационального рассудка, а жизнь моя определяется, в первую очередь, не этими рассудочными рамками, а духом, который заглушает рассудочные мысли... Так что руки я не опускаю, а пытаюсь жить бодро и с расчетом на многие дела. Среди этих дел у меня два основных: 1) подгото-

вить и опубликовать комплекс Еловки (два могильника и поселение); 2) Подготовить рукопись учебного пособия по курсу «Первобытная культура»... Вот если удастся все это выполнить, тогда, может быть, я буду готовиться в мир иной. И то еще погляжу. Жизнерадостное письмо, правда?» (06.05.2002).

«Дорогой Миша! Я получил Ваше поздравление с Новым годом и Рождеством. И казню себя за свою неучтивость: я промолчал по случаю таких праздников. Не сочтите это за неуважение к Вам, за забвение Вас. Ничуть не бывало. Вы постоянно в памяти моей. Я с большим удовольствием упоминаю Вас в своих лекциях... Надеюсь, что среди моих студентов Ваше имя известно.

...У меня, с учетом моих личных обстоятельств, тоже все в норме. ...Иногда только тревожат всякие вздрагивания организма. Но у меня есть против этого очень серьезное оружие — ходьба. Вот и сейчас я отправлюсь в университет (12.00) и пойду часа полтора пешком. Погода отличная, 15 градусов, тихо, солнце, благодать и только. Когда пройду 1,5–2 часа — все становится радостным, благополучным...

Должна выйти летом книга по Еловскому II могильнику. Вспоминаете, Миша, Еловку? Чудные места, и великолепное было время нашей работы там. Да и сейчас ведь тоже хорошо в поле. Вот и прошлый год, в Окунево был и радовался каждый день: солнце, дождь, облака, речка, и все-все вокруг родное и близкое, и все время вертятся слова: «Я не один, когда я с вами, деревья, птицы, облака...» Вот такое на меня нашло сегодня сентиментальное настроение.

Пока ноги носят, а голова кое-что соображает — будем жить, а не выживать. Приятно, что вокруг немало (а, скорее всего — большинство) добрых и хороших людей. Значит, вдвойне хорошо.

Ваш В. Матющенко» (15.01.2004).

Рис. 104. В. И. Матющенко в гостях у М. В. Аниковича. Санкт-Петербург, декабрь 2004 г.

В последний раз мы виделись с В. И. в декабре 2004 г. Приехав в Петербург, он зашел к нам в гости. Это была очень большая радость. Мы много говорили, вспоминали прошлое, и В. И. был, как всегда, бодр, жизнелюбив, общителен и тактичен. Вот только, зайдя к нам в дом, он с улыбкой попросил на минутку оставить его одного, чтобы сделать укол инсулина. А от второй рюмочки коньяка отказался.

О больших научных заслугах В. И. Матющенко куда лучше напишут те, кто профессионально занимается неолитом и бронзовым веком Сибири. Я же хотел написать о другом — о его человеческих достоинствах. Мой первый учитель археологии — этот добрый, щедрый, высоко одаренный человек — отличался исключительным благородством и мужеством. Искренне считая себя неверующим, он был истинным христианином — и в движениях души, и в поступках, определивших основную линию жизни. Он навсегда останется в моем сердце.

К проблеме типологии стоянок РВП (письмо к Дж. Ф. Хоффекеру от 21.05.2011)

М. В. Аникович

Переписка между М. В. Аниковичем и Дж. Ф. Хоффекером началась в 1999 г., когда оба исследователя впервые принципиально договорились о своем будущем сотрудничестве в Костёнках. С той поры она не прерывалась до самой кончины М. В. Аниковича в августе 2012 г. С годами письма становились все задушевнее и одновременно серьезнее. Если первоначально в них затрагивались в основном организационные вопросы, связанные с экспедиционными работами, отчетами, получением грантов и т. п., то в дальнейшем это были уже письма двух близких друзей, деливших друг с другом и многими проблемами, и впечатлениями от новых событий в науке. Развитию переписки помогало то, что корреспонденты договорились писать каждый на своем родном языке. Они прекрасно друг друга понимали.

8 мая 2011 г. М. В. Аникович написал Дж. Ф. Хоффекеру: «...Заканчиваю... и немедленно приступаю к главному — тому, из-за чего я так долго тянул с ответом. Мне хотелось дать по-настоящему обстоятельный отзыв на твою, в высшей степени интересную и важную статью, присланную нам 1 марта. Сейчас, после сдачи полевого отчета, у меня появилась такая возможность. Отзыв почти закончен. Постараюсь послать его как можно скорее...». Речь шла о статье: *Hoffecker J.F. The Early Upper Paleolithic of Eastern Europe Reconsidered // Evolutionary Anthropology. 20. 2011. Pp. 24–39.*

В первый раз М. В. Аникович и Дж. Ф. Хоффекер обсудили эту работу между собой при личной встрече в Санкт-Петербурге ранней весной 2011 г. Вскоре родился план написать на нее развернутую рецензию и открыть дискуссию в одном из международных журналов. Этому плану не суждено было осуществиться, ввиду близкой кончины Михаила Васильевича. Однако сохранился подробный отклик на указанную работу, отправленный Дж. Ф. Хоффекеру в письме от 21 мая 2011 г. Этот отзыв, представляющий немалый научный интерес, мы предлагаем читателю¹.

Дорогой Джон,

[...] Выполняю обещанное: дать более-менее развернутый отзыв на твою последнюю статью.

В общем и целом, статья производит большое впечатление. Она показывает, что наше сотрудничество было не напрасным и привело к очень серьезным результатам в мировом палеолитоведении.

У меня нет сомнений в том, что на Западе (от Западной Европы до Америки) ты являешься наиболее серьезным специалистом, знающим проблематику

¹ В тексте сохранена авторская пунктуация. Перевод с англ. цитат А. В. Гилевича.

перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе. Твои знания в этой области, действительно, фундаментальны, ибо основываются не на одном знакомстве с литературой, но, в первую очередь, на личном опыте. В этой ситуации создание собственной концепции, своего видения проблематики перехода — неизбежно. Впрочем, столь же неизбежна и дискуссия по этой проблематике.

Я долго думал, как строить свой отзыв? Последовательно, от раздела к разделу, обсуждать поставленные тобой вопросы, или логически структурировать обсуждаемые проблемы — от более общих к более частным? В конце концов, я остановился на втором варианте.

1. Оценка современного состояния проблемы, методико-методологические основы

Я совершенно согласен с тобой, что в настоящее время сама проблематика РВП стала формулироваться по-новому. Вместо «перехода от неандертальца к современному человеку», мы анализируем сейчас процесс распространения людей современного типа из Африки в Азию, Европу и Австралию, а также характер их взаимодействия с более архаичным населением. Согласен и с другим: наблюдаемая перестановка акцентов, во многом, обусловлена результатами работ последних 15 лет, в том числе (а м. б. и в особенности!) в Костёнках.

Твой междисциплинарный подход, ориентация на глобальные схемы, которые дает генетика, на современном этапе исследований выглядит вполне оправданным. Сам я, будучи полнейшим дилетантом в вопросах генетики, ориентируюсь, в первую очередь, на археологические источники. При должном подходе к ним, они открывают гораздо более широкие возможности для социокультурных интерпретаций (включая миграции), чем это может показаться на первый взгляд. В связи с этим хочу отметить один очень важный момент, к которому и я, и ты пришли совершенно независимо, даже, пожалуй, «с противоположных сторон». Ныне этот принципиальный момент является общим для наших с тобой позиций. Я имею в виду тезис о том, что археологические источники РВП отражают собой длительные дальние перемещения человеческих сообществ.

Ты пишешь (стр. 25):

«...In theory, the archeological record in eastern Europe, like that of Eurasia as a whole, should reflect ... broad movements over large areas as opposed to long sequences of local cultural development during the EUP time-span (50,000–30,000 cal BP)...»²

С моей точки зрения, археологические материалы РВП не только «теоретически», но и практически, вполне реально отражают данные процессы.

² «...Теоретически, археологические данные в Восточной Европе, как и в Евразии в целом, должны отражать... перемещения [населения] на обширных территориях в противоположность длительным циклам местного культурного развития в период раннего верхнего палеолита (50 000–30 000 cal. л. н.)...»

Но, разумеется, не автоматически. Основная проблема в методе, в тех «вопросах», которые мы ставим перед материалом.

В этой связи нам с тобой надо прояснить позиции, поскольку ты как раз противопоставляешь свою концепцию старой, «традиционной» модели, организовавшей материал, а именно — концепции археологических культур в палеолите. Здесь не все так просто, как выглядит на первый взгляд.

Ты пишешь (на той же стр. 25):

*«...I will argue that the archeological data from eastern Europe can be reinterpreted, at least in part as a result of the recent developments I have mentioned. EUP artifact assemblages in eastern Europe **traditionally have been organized into a pattern of local cultures**, some of which exhibit substantial time depth. **Alternatively, I suggest that they are more logically and parsimoniously explained as the east European archeological proxies for major modern human population movements already recognized in other parts of northern Eurasia. In accordance with this interpretive model, the east European EUP record may be integrated with western and central Europe, as well as with the global dispersal of modern humans...*** (выделено М. А. — прим. ред.)»³

На мой взгляд, здесь имеет место одна, но весьма существенная неточность. Идея единства развития Восточной и Западной Европы в палеолите (да и не только Европы!) сама по себе, вовсе не является чем-то новым. Эта идея изначально являлась основой эволюционистской концепции французской первобытной археологии XIX в. Схема Г. де Мортилье, по представлениям большинства ученых того периода, отражала «генеральные закономерности» развития палеолита, общие для всего мира.

Из этого естественно вытекало стремление к интеграции археологических материалов. Первые исследователи палеолита на территории России искали в восточноевропейских памятниках именно их соответствия западным. Поэтому Костёнки 1/1, Карачарово, Мезин и многие другие стоянки рассматривалась вначале, как «мадленские», а в 1920-х гг. стало модным всюду находить «ориньяк». В сущности, та же идея интеграции (другими словами: поиска общеисторических закономерностей!) явилась основой стадимальной концепции, господствовавшей в советском палеолитоведении с конца 1920-х до сер. 1950-х.

В этой связи я никак не могу согласиться с твоим утверждением, что *«EUP artifact assemblages in eastern Europe **traditionally have been organized into a pattern***

³ «...По моему мнению, археологические данные по Восточной Европе могут быть пересмотрены, по крайней мере частично, по итогам недавних исследований, о которых я упоминал. Артефакты раннего верхнего палеолита Восточной Европы **традиционно организованы по группам локальных культур**, из которых некоторые относятся к достаточно отдаленному периоду. **Вместо этого, я предлагаю объяснять их более логично и конкретно, как восточноевропейские археологические аналогии основных современных перемещений населения**, уже отмеченных для других частей северной Евразии. **В соответствии с такой интерпретационной моделью восточноевропейские памятники раннего верхнего палеолита могут быть интегрированы с Западной и Центральной Европой, а также с глобальным расселением современных людей...**»

of local cultures... (выделено М. А. — прим. ред.)»⁴. «Традиционной» являлась как раз эволюционистская концепция, утверждавшая единство Востока и Запада (и соответственно — стадияльная концепция, выросшая на основе эволюционизма, и лишь обильно «приправленная» марксистской фразеологией). **Концепция археологических культур в палеолите** (в твоей терминологии — «*local cultures*»), выдвинутая А. Н. Рогачёвым в сер. 1950-х, **являлась именно разрывом с традицией**.

Впрочем, разрыв был отнюдь не абсолютным. Сам Рогачёв, будучи убежденным марксистом, свято верил в существование неких общеисторических (социологических) закономерностей в развитии человечества. Однако он прекрасно понимал (в отличие от многих коллег), что выявлению таких закономерностей должно предшествовать изучение конкретно-исторических характеристик памятников. Иными словами: познание социологических закономерностей в палеолите должно строиться на реальной источниковедческой и конкретно-исторической базе. Отсюда — введение в археологию палеолита понятия «археологическая культура» («archaeological culture»), зачастую совершенно неправомерно отождествляемого с понятием «локальная культура» («local culture»). На этой путанице понятий стоит остановиться подробнее.

В русской и западной археологической литературе термин *local cultures* часто понимается неоднозначно. Этот «филологический» момент служит причиной целого ряда заблуждений. «Локальный» по-русски означает не просто «местный», а «узко-местный», автохтонный, ограниченный в территориальном и хронологическом отношении. В английском языке термин «*local*» имеет, как я понимаю, более широкое значение.

В русскоязычной археологической литературе еще во времена дискуссии о понятии «археологическая культура» (1960-е гг.) наметилась тенденция отождествлять АК с понятием «локальная культура», привнесенным из англоязычной литературы. Иными словами, имели место попытки ввести понятие «локальность» (= «пространственная ограниченность») в само определение АК. Ярким приверженцем такого подхода был Г. П. Григорьев, утверждавший, что АК эпохи палеолита могут распространяться в пределах не более 200 кв. км. Я же изначально активно отрицал саму возможность отождествления «археологической культуры» и «локальной культуры». Для меня АК есть некая социальная единица (social unity), выделенная на основе единства культурных традиций. А уж каковы ее пространственные и временные границы — это предмет анализа, а не исходный постулат. Еще в 1970-х для меня было очевидно: таких «археологических культур», какие Г.П. Григорьев создал в своем воображении как некий идеал, в верхнем палеолите просто не существует. Разве что — в виде исключения. Впрочем, на практике я даже исключений таких не знаю. М.б. солютре? Но и то с очень большими оговорками...

Между тем, в реальности, на основе анализа конкретных археологических данных, вполне можно утверждать, что некие совокупности культурных традиций, отраженные в археологическом материале и трактуемые мною как *следы*

⁴ «...Артефакты раннего верхнего палеолита Восточной Европы **традиционно организованы по группам локальных культур**...».

социумов верхнего палеолита, существовали на протяжении тысячелетий, распространяясь на очень большие территории. Именно так я воспринимаю стрелецкую, городцовскую, виллендорфско-костёнковскую и др. археологические культуры верхнего палеолита. Разброс однокультурных памятников в пространстве и во времени здесь очень велик. Не может быть и речи о «границах» в нашем смысле слова — племенных, этнических, государственных и т. п., то есть о «локальности». Зато с большой вероятностью можно трактовать эту картину как *археологическое отражение процесса распространения верхнепалеолитического человека в Евразии* (твоя — «modern human population movements»). Указанный процесс растянулся на десятки тысяч лет и охватывал не только РВП, но и последующие периоды.

Само наличие однокультурных памятников, отделенных друг от друга тысячами веками во времени, свидетельствует, на мой взгляд, об особой устойчивости культурных традиций в палеолите, а заодно и о том, что социумы той эпохи нельзя отождествлять с социумами, известными нам по современным данным. Видимо, степень «традиционности» палеолитического общества несопоставима не только с современной, но и с той, что наблюдалась в неолите. Палеолитические культуры сохраняли свои основные признаки немислимо долго (с нашей точки зрения) — по 10000 лет и более. Так как же не быть им дискретными? За тысячелетия своего существования культурные общности много раз должны были давать «выплески». Их-то мы и фиксируем в виде «отдельных памятников», которые порой удается связать с традициями, весьма удаленными территориально. А порою не удается. Как труден поиск и насколько неполна картина — ты хорошо знаешь сам.

Разумеется, воюя с тупым автохтонизмом, не следует впадать в миграционизм (не менее тупой!). В этой связи отмечу, что характер упомянутых выше миграций человека эпохи верхнего палеолита зачастую весьма различен — даже по тем отрывочным данным, которыми мы располагаем. К примеру, традиции стрелецкой АК распространены весьма широко — от Южного Побужья (Высь) до бассейна Клязьмы на севере (Сунгирь) и Среднего Урала на востоке (Гарчи 1). Но это распространение носит скорее диффузный, нежели однонаправленный характер.

С другой стороны, движение носителей виллендорфско-костёнковских культурных традиций из Подунавья на Средний Дон и Оку было явно однонаправленным. В то же самое время мы фиксируем перемещение отдельных элементов этой культуры, как на запад, так и на далекий северо-восток, вплоть до Забайкалья.

Весьма перспективным является анализ распространения городцовских традиций на восток. Я утверждаю: типология стоянки Талицкого на Урале и типология городцовской культуры в Костёнках *в некоторых своих частях совпадают до деталей*. Моя вина, что мои детальные выкладки по этому поводу до сих пор не опубликованы. Что касается сходства стоянки Талицкого с енисейским палеолитом, то я никогда в этом не сомневался. Весь вопрос в том, чем обусловлено это сходство — на мой взгляд, именно *европейской прародиной* енисейского верхнего палеолита.

Подводя итог, могу сказать: одним из самых больших заблуждений современного палеолитоведения является сведение понятия «АК» к «локальной АК». Таким образом, в том, что археологические источники эпохи РВП отражают именно «*broad movements over large areas*», а вовсе не «*long sequences of local cultural development*», — тут наши с тобой взгляды вполне совпадают. Я всегда отстаивал именно эту точку зрения, однако, на мой взгляд, это не снимает проблемы выделения археологических культур, отражающих собой культурные традиции конкретных палеолитических социумов (non local archaeological cultures). Что же касается интеграции археологических материалов Западной и Восточной Европы, то все мы стремимся к интеграции и созданию цельной картины. Я не против интеграции, вопрос только в одном — в степени ее обоснованности!

2. Однокультурность или однофункциональность стоянок?

Перейдем теперь к другому твоему тезису — о функциональных различиях стоянок. Ты пытаешься доказать, что ряд признаков, которые сам я трактую как культурные, носят скорее функциональный характер. Приведу цитату из твоей статьи:

*«...An exclusive focus on natural shelters in the latter period has inevitably yielded a biased sample of habitation areas. In contrast, the EUP sites of the East European Plain present a familiar spectrum of typical hunter-gatherer occupations, including limited-function sites such as kill-butchery locations and short-term camps. **The limited-function sites contain large numbers of expedient artifacts, simple flake tools often made on locally available stone of poor quality. Typologically, such tools often fall into standard Middle Paleolithic categories such as sidescrapers, points, or small bifaces, but they do not necessarily have anything to do with the European Middle Paleolithic and the Neandertals...** (выделено М. А. — прим. ред.)»⁵.*

Я совершенно согласен с тобой, что при интерпретации материалов необходимо учитывать функциональные характеристики памятников. Более того, по крайней мере, в ряде случаев (Костёнки 2, Костёнки 12/1, Костёнки 19 и др.), необходимо учитывать особенности различных участков одного и того же посе-

⁵ «...Исключительное внимание к природным убежищам в последнее время неизбежно приводило к искаженному представлению о территориях обитания. В отличие от этого, памятники раннего верхнего палеолита восточноевропейской равнины демонстрируют привычный спектр типичных занятий охотой и собирательством, в том числе, наличие узкофункциональных памятников вроде мест забоя животных и кратковременных стоянок. **На узкофункциональных стоянках находят большие количества соответствующих артефактов, простые орудия на отщепе, часто изготовленные из добываемого на месте камня плохого качества. Типологически такие орудия часто вписываются в разряд стандартных среднепалеолитических форм, таких как скребла, остря или небольшие бифасы, однако они не обязательно связаны с европейским средним палеолитом и с неандертальцами...**»

ления. Следует отметить, что требования эти выдвигались неоднократно, а вот реализация их пока весьма далека от идеала. Вместе с тем, я никак не могу согласиться с тобой, что технико-типологические особенности материалов, относимых мною к стрелецкой и городцовой АК, целиком определяются различным функциональным назначением стоянок, откуда эти материалы происходят.

Ты пишешь: «*The limited-function sites contain large numbers of expedient artifacts, simple flake tools often made on locally available stone of poor quality. Typologically, such tools often fall into standard Middle Paleolithic...*»⁶.

Да, пожалуй, в Костёнках мне известен, по крайней мере, один случай, практически целиком подходящий под это твоё определение. Это третий комплекс стоянки Костёнки 19 — памятника, расположенного на первой береговой террасе Дона и отнюдь не относящегося к РВП. Из 19000 кремневых изделий, обнаруженных на стоянке в целом, 17000 происходят именно из этого комплекса 3, интерпретированного как мастерская, приуроченная к очагу. **Доля желтого плитчатого кремня низкого качества составляет тут 94 %. Из этого кремня изготавливались весьма примитивные изделия, возможно, одноразового использования. Но...** ни первооткрывателю памятника П.И. Борисковскому, ни кому-то из нас даже не приходило в голову *на этой основе* строить предположения о культурной принадлежности памятника или тем более — о его связях с мустье.

Стоянка Костёнки 19 была отнесена А. Н. Рогачёвым и мной к замятнинской АК — и отнюдь не по данным комплекса 3 (интерпретированного как специфический по своим функциональным характеристикам участок), а по технико-типологическим характеристикам изделий из мелового кремня и кости, встреченных в культурном слое (Рогачёв, Аникович 1984: 215–216). В последней книге о Костёнках мы специально оговариваем то, что *в замятнинскую АК входят стоянки, различные по своим функциям* (см.: Аникович, Попов, Платонова 2008: стр. 227–229).

К памятникам, которые мы относим к стрелецкой культуре, приведенные тобой характеристики, на мой взгляд, уже не подходят. Начнем с того, что в Костёнках по-настоящему широко доступен только желтый плитчатый кремень. Его, действительно, можно подобрать с земли для одноразового использования и тут же выбросить. А вот цветной (красный) валунный кремень, тоже достаточно широко представленный на стрелецких памятниках, отнюдь не столь доступен, под ногами не валяется. Он требует специального поиска и разработки. И он далеко не плохого качества, о чем свидетельствуют изготовленные из него прекрасные наконечники в технике тонкого бифаса. Наконец, в стрелецких индустриях Костёнок присутствуют (хотя и в небольших количествах) шокшинский кварцит и меловой кремень. И то, и другое в ближайшей округе не встречается и, соответственно, приносилось сюда издалека. Замечу, что и в Стрелецкой, и в Костёнках 1/V из мелового кремня изготавливались типично стрелецкие орудия — в частности, треугольные наконечники с вогнутым основанием.

⁶ «*На узкофункциональных стоянках находят большие количества соответствующих артефактов, простые орудия на отщепях, часто изготовленные из добываемого на месте камня плохого качества. Типологически такие орудия часто вписываются в разряд стандартных среднепалеолитических форм...*».

Далее: типология каменного инвентаря стрелецких памятников отнюдь не столь примитивна, как ты излагаешь. Вот типология пункта 3 Костёнок 19 — она, действительно, примитивна. А на стрелецких стоянках встречены разные формы орудий — и не только «мустьероидных»! — в специфическом сочетании. На всех памятниках стрелецкой АК — в Костёнках 1/V, Костёнках 6, Костёнках 12/III, 12/1а и даже в Костёнках 11/V, где имеется всего десяток орудий — архаичные формы сочетаются с типично верхнепалеолитическими, причем достаточно выразительными. И те, и другие — подчеркну еще раз — представлены целым рядом различных типов. Их совершенно невозможно отождествить с комплексом «одноразовых», «бросовых» изделий, наспех изготовленных из подручного материала для сиюминутных потребностей.

В ряде моих работ я уже проводил детальное сравнение типологии памятников стрелецкой и городцовской АК. Ссылки на них имеются в наших монографиях.

Здесь же обращаю твое внимание только на несколько пунктов:

1. Архаичные мустьероидные формы есть в обеих культурах, но они *различны* (разумеется, не считая простейших форм, типа отщепов и плиток с ретушированным краем). Так в памятниках стрелецкой культуры нет лимасов, нет маленьких «рубилец», нет конвергентных скребел с вентральной подтеской основания. А в городцовских памятниках отсутствуют изделия типа «кэнсон» и угловатые скребла, близкие к «дежетэ». При ближайшем рассмотрении различными оказываются и формы остроконечников.

Типичные верхнепалеолитические скребки обильно встречаются в обеих АК, но типы их также различны. Орудия с чешуйчатой подтеской обильны в памятниках городцовской культуры, где они представлены, в частности, специфическими маленькими орудиями «городцовского типа». В памятниках стрелецкой культуры изделий с чешуйчатой подтеской мало, а орудия «городцовского типа» отсутствуют полностью. Зато в них наблюдается обилие различных типов двусторонних орудий — наконечников и ножей. В городцовских стоянках такие орудия отсутствуют совершенно, за исключением вышеупомянутых «рубилец», которых, в свою очередь, нет в стрелецких памятниках.

Список такого рода можно углубить и продолжить, подключив сюда, например, костяные изделия. Однако, мне кажется, это уже сделано в вышеупомянутых моих работах. Да и так ли ясны функциональные характеристики костёнковских стоянок стрелецкой и городцовской культур?

Я согласен с тобой, что городцовские памятники никак нельзя однозначно трактовать как *kill-butchery localities*. Согласен и с тем, что тот участок слоя III Костёнок 12, который мы копали вместе, может трактоваться как место разделки туш северных оленей и лошадей. Однако из этого я бы не стал делать далеко идущего вывода о функциях памятника в целом (*kill-butchery site*). С моей точки зрения, для серьезных заключений о функциональной принадлежности памятников РВП имеющихся материалов явно недостаточно. Можно было бы сделать какие-то выводы на основе трасологического анализа *всей совокупности орудий* из того же слоя III Костёнок 12. Но, к сожалению, ни для этого памятника, ни для других такая работа пока не проделана. Имеются только отрывочные данные.

Что касается фаунистического состава, то тут сомнений нет: в Костёнках 12/III доминируют кости лошади и северного оленя. Однако они дополняются костями других видов — мамонта, волка, косули, песца, носорога, суслика и др. Видовой спектр Костёнок 12/III, в целом, мало отличается от спектра стоянок, являвшихся, по твоему мнению, долговременными поселениями — ср. Костёнки 17/II: лошадь, сев. олень, мамонт, бизон, волк, россомаха (Саблин 2008: 281–282). Позволяют ли эти данные однозначно трактовать *весь слой III Костёнок 12, как исключительно kill-butchery site*? На мой взгляд, нет.

Как я понял, ты относишь городцовские памятники и стоянку Сунгирь к одной функциональной категории — долговременные стоянки, первоначально возникшие на месте *kill-butchery site*. Само по себе, такое предположение кажется вполне правомерным. Но... оно ничуть не объясняет очень значительных *культурных* различий между городцовскими памятниками и Сунгирём! Типология сунгирского каменного инвентаря во всех отношениях ближе стрелецким памятникам, чем городцовским. А в сунгирском костяном инвентаре нет ни единой специфически городцовской черты — и, наоборот, в городцовских костяных изделиях отсутствуют сунгирские специфические признаки.

Еще один момент, на котором хотелось бы заострить внимание. Твои (и не только твои) предположения о том, что резкие различия в технико-типологическом составе инвентаря могут объясняться разными функциональными характеристиками памятников — это пока не более, чем умозрительные догадки. Между тем, мы имеем, хотя и немногочисленные, но вполне реальные примеры для проверки предположений такого рода. В Восточной Европе это Амвросиевское костыще (типичный *kill-butchery site*) и расположенная в 200 м от него Амвросиевская стоянка. Различия в технико-типологическом составе инвентаря там вполне очевидны и детально проанализированы (одна из последних работ — Сапожникова 2005). Однако при этом столь же очевидно культурное единство этих двух памятников, их взаимосвязь. Разумеется, ты можешь сказать: «Сама стоянка являлась кратковременным стойбищем, посещавшимся в сезон охот». Возможно это так. Но ведь *практически все стоянки Степной зоны периода СВП являлись сезонными стойбищами*. Среди них лишь иногда можно выявить весенне-летние и осенне-зимние. Скорее всего, последние являлись более долговременными, чем первые. В весенне-летний период население становилось куда мобильнее. Но опять же: можем ли мы зафиксировать между «летними» и «зимними» стоянками технико-типологические различия, хоть сколько-нибудь сопоставимые с различиями между стрелецкой и спицынской АК? На мой взгляд, нет!

Наконец, еще один момент. Твое указание на то, что на Западе Европы мы имеем дело, преимущественно, с пещерными памятниками РВП, а на Востоке — со стоянками открытого типа, само по себе, безусловно, заслуживает внимания и специального анализа. Однако и здесь, по моему мнению, поспешная интерпретация едва ли уместна. Приведу только один пример. В Днестровско-Прутском регионе была выделена бронзенская АК, в которую входят как

пещерные памятники (Брынзены 1/III), так и стоянки открытого типа (Бобулешты б). Геоморфологически эти памятники различны, а вот их технико-типологические характеристики — очень сходны⁷.

Вывод таков: я не отрицаю, что функциональные характеристики стоянок и их отдельных частей учитывать необходимо. Здесь имеется широкое поле для исследований, ибо серьезный анализ проблемы еще не проводился — по крайней мере, для Восточной Европы. Дальше деклараций дело пока не идет. Но наличие функциональной специфики вовсе не отменяет и не подменяет собой культурную специфику.

Выход представляется мне не в отмене понятия «археологическая культура» и не в замене его каким-то другим маловразумительным термином (типа: «культурное единство», «культурный вариант» и т. п.), а в углубленной разработке методических принципов выделения и анализа археологических культур эпохи ВП — как дефиниций, отражающих, в конечном счете, социокультурную дифференциацию этой эпохи.

3. Археологическая культура и технокомплекс (ТК)

Само собой разумеется, что понятием «археологическая культура» дело не исчерпывается. Не менее важным понятием является «технокомплекс». На мой взгляд, ты в высшей степени удачно применил и раскрыл данное понятие, применительно к ориньякскому (у меня — ориньякоидному) ТК.

«...The European Aurignacian is only part of a large and diverse technocomplex that sprawls across much of northern Eurasia...»⁸

По-моему, абсолютная истина!

«...Its origin remains unclear, although many believe it lies in Europe...»⁹

Вот в это я не верю!

«...However, the source of this technocomplex may be tied in some way to the earlier “Proto-Aurignacian” industry, which contains at least some of its diagnostic elements.

An alternative source might be the Initial Upper Paleolithic...»¹⁰

Корни классического ориньяка в Европе не прослеживаются. Второй слой Бачо-Киро — это что-то ориньякоидное и не больше. Поэтому для меня альтернативным решением является — поиск корней классического ориньяка за пределами Евразии.

⁷ Представления М. В. Аниковича о ключевых памятниках и культурах РВП Евразии детально изложены и обобщены в соответствующих главах монографии: (Аникович и др. 2007) (прим. ред.).

⁸ «...Европейский ориньяк является всего лишь частью большого и многообразного технокомплекса, простирающегося на значительной территории Северной Евразии...»

⁹ «...Его происхождение остается неясным, хотя многие полагают, что это Европа...»

¹⁰ «...Однако, источник этого технокомплекса возможно каким-то образом связан с более ранней «прото-ориньякской» индустрией, которая включает по крайней мере некоторые из его отличительных элементов...»

Как видно, здесь нам с тобой спорить не о чем, тем более, что об ориньякоидном ТК я писал неоднократно. Но: понятие ТК вовсе не отменяет для меня понятия АК. Это просто разные способы подхода и анализа археологических источников.

Через понятие ТК мы выявляем некие общие характеристики индустрий, присущие, в первую очередь, технике скола и лишь отчасти отраженные в формах орудий. Эти характеристики могли возникнуть на разных территориях конвергентно.

Понятием АК отражается, в свою очередь, конкретная культурно-историческая специфика (*культурные традиции*), присущие разным социумам.

Иными словами, это два разных угла зрения на один и тот же материал. В ТК мы пытаемся выявить некие «общеисторические» особенности. В АК — конкретно-историческую специфику.

Подчеркиваю особо: «общеисторическое» вовсе не означает «стадиальное». Было бы проще просто представить «селет» — «ориньяк» — «граветт» (подразумевая, конечно, технокомплексы, а не культуры) — в качестве последовательно сменяющих друг друга стадий «прогрессивного развития технологий». Я же это решительно отрицаю.

С моей точки зрения, тут отражен (в конечном счете!) не столько непрерывный исторический прогресс, сколько известная ограниченность возможностей различных технологий расщепления камня. Каждая технология раскалывания диктовала свой, ограниченный набор приемов и форм, что возникали в результате применения этих приемов. Однако стремление как отдельного человека, так и социума проявить свое «я», свою неповторимость — приводило к тому, что в пределах данной технологической ограниченности возникали специфические характеристики каменной индустрии, не обусловленные всецело технологической необходимостью. Вот это и есть АК.

Несколько слов о термине «восточный ориньяк». По-моему, он имеет такое же право на существование, как термины «восточный граветт», «крымский микок», «молдавский селет» и т. д., и т. п. Могу добавить сюда термин «алтайский ориньяк». Но для меня все это, в сущности, описательные термины, характеризующие тот несомненный факт, что ориньякоидные индустрии Восточной Европы отличаются от западноевропейского ориньяка, проявляя, вместе с тем, некое сходство с ним. То же можно сказать и о крымском микоке, и о молдавском селете, и т. д.

Сам я избегаю употреблять подобные термины, т. к. с моей точки зрения для выражения некоего сходства, с одной стороны, и культурной специфики, с другой, вполне достаточно двух понятий — ТК и АК.

Что же касается отнесения к «восточному ориньяку» памятников, относимых мной к стрелецкой и городцовской АК, то с этим я, конечно, не могу согласиться. Почему? — Думаю, я достаточно подробно изложил это в предыдущем разделе.

4. Некоторые конкретные вопросы в рамках проблемы РВП Восточной Европы

Я не буду писать на эту тему слишком много. Любой конкретный вопрос polemичен и требует всестороннего рассмотрения.

Вопросы, касающиеся Начального (Initial) ВП в Европе, находятся сейчас в самой начальной стадии разработки. Уже поэтому тут нельзя привести серьезных возражений: по сути, все высказанные точки зрения имеют право на существование. Я ничуть не возражаю против сопоставления Мезмайской пещеры, слой 1С с ахмарианом или Костёнок 14/IVб с протоориньяком. Я очень хотел бы, чтобы впоследствии это подтвердилось. Я тем более готов это приветствовать, что в отличие от меня, ты сам держал в руках материалы Мезмайской и ахмариана.

Твои предположения о возможной связи богунисьена и эмирана также представляются мне весьма правдоподобными на данной стадии исследований. Сопоставление с богунисьеном стоянки Шлях, слой 8, по моему мнению, исключительно удачно! Жалею, что не додумался до этого сам!

Есть, пожалуй, два момента, по которым я хотел бы высказать собственную точку зрения. Один из них — возраст Костёнок 1/III — уже рассмотрен мной в предыдущем письме от 08.05.2011.

Второй касается стоянки Сюрень 1. В определении этого памятника как «ориньякского» («ориньякоидного» — в моей терминологии) я долгое время следовал общепринятому мнению. Но после работ И.В. Сапожникова мне пришлось пересмотреть свои позиции. В самом деле: в нижних слоях Сюрени (слои 1 и 2 по Г. Бонч-Осмоловскому) совершенно отсутствуют такие определяющие для ориньякоидного ТК признаки, как ориньякские пластины и ориньякская ретушь. Высоких скребков всего 4 экз. Скребки «с носиком» представлены одним атипичным экземпляром. Остается серия пластинок дюфур, но последние характерны далеко не для всех ориньякоидных памятников. С моей точки зрения, они никак не могут считаться признаком, определяющим ориньякоидный ТК.

В вопросе о возрасте памятника я также на стороне Сапожникова¹¹. Да, безусловно, даты, представленные крымскими археологами, соответствуют пику дунаевского (по нашей терминологии) потепления. Но... откуда же тогда взялась в этих слоях холодолюбивая фауна, определенная Н.К. Верещагиным и В. И. Громовым? И как все это согласуется с наблюдениями И.К. Ивановой, определившей природное окружение нижних слоев Сюрени как опустыненную степь? Да и инверсия дат несколько настораживает.

Выкладки Ю. Демиденко насчет «раннего ориньяка типа кремс-дюфур» во все не кажутся мне серьезными, тем более, что холодолюбивую фауну он, как по мановению волшебной палочки, превратил в «теплолюбивую». Тут налицо элементарная «подгонка» фактов. Я считаю, что непредвзятое рассмотрение материала, скорее, заставляет отказаться от признания его «типично ориньякоидным» и датировать нижние слои позднее — 22–20 тыс. л. н. (некал.), относя их к эпириньяку.

¹¹ Дискуссию между Ю. Э. Демиденко и И. В. Сапожниковым см. в: (Демиденко 2000; [2004]; Сапожников 2004; 2005) (прим. ред.).

В заключение повторю: наше совместное сотрудничество оказалось весьма плодотворным для обеих сторон. Очень хотелось бы его продолжить. Твоя статья, безусловно, стала событием в мировой археологии палеолита. Что же касается разногласий, то они неизбежны, на этом стоит любая наука.

Если ты не против, я хотел бы опубликовать серьезную рецензию на твою статью в каком-нибудь уважаемом журнале. С ходу в голову приходит АЭАЕ (Новосибирск). Там издадут на двух языках. Думаю, это будет способствовать дальнейшему интенсивному обсуждению твоей статьи и у нас в России, и на Украине. Ведь твоя статья хороша еще и тем, что она будит мысль и заставляет смотреть на старые проблемы под новым углом зрения, даже при несогласии с рядом твоих положений.

Надя и Оля передают тебе аг-ро-мадный привет!

Обнимаю

Искренне твой

Миша

Подготовка к печати и предисловие Н. И. Платоновой

**On the problem of functional and cultural variability
in Upper Paleolithic sites
(commentary on the publication
of M.V. Anikovich's letter)**

J.F. Hoffecker

Prof. M.V. Anikovich and I began working together on the Upper Paleolithic sites at Kostenki-Borschevo in the summer of 2001. Our collaboration was part of a wider project that involved a number of colleagues from the Russian Academy of Sciences, as well as colleagues from other institutions, countries, and disciplines outside archaeology. Our focus was the early Upper Paleolithic (EUP), which is equated with the two humic beds and their stratigraphic equivalents at Kostenki-Borschevo. A particular concern was geochronology and stratigraphy, and among our specialist colleagues was Prof. V.T. Holliday (University of Arizona), who had studied the stratigraphy and processes of site formation at many Paleoindian sites in North America.

At the time that we began our collaboration, the problem of differentiating functional from cultural attributes of specific artifact assemblages and occupation layers was not a focus of the research. In a book-length synthesis of the Paleolithic of Eastern Europe published in 2002, I followed the traditional interpretive framework for the EUP layers at Kostenki-Borschevo (i. e., attributing assemblage variability primarily to cultural factors) (Hoffecker 2002: 167–173). This began to change, however,

during August 2002 as we uncovered a large bone concentration (chiefly reindeer and horse) in Layer III at Kostenki 12. The excavation of this feature was completed in 2003, and I researched the taphonomy of the bone concentration, the results of which we described at the 2004 field seminar and published in a 2005 edited volume (Hoffecker et al. 2005).

When the second phase of our collaboration at Kostenki-Borschevo began in 2007, I decided to look at two other large bone concentrations (both horse) excavated in the 1950s by Rogachev at Kostenki 14 (Layer II) and 15. At the same time, it appeared that we had uncovered traces of mammoth butchery in Layer V at Kostenki 1 in 2004–2007. The idea that large mammals had been killed and butchered at Kostenki was not new (Rogachev described the taphonomic characteristics of the Kostenki 14 and 15 horse bone concentrations in the 1950s), but my repeated encounter with kill-butchery features in the EUP layers at Kostenki-Borschevo altered my perspective on the sites. I saw their strong parallels to Paleoindian sites in North America, where large bone concentrations (typically bison and/or mammoth) often represent kill-butchery events at natural springs. The parallels with the North American sites were reinforced by the research of Prof. Holliday on site formation processes, which yielded evidence for springs and seeps (supported by soil micromorphology analyses) in the EUP layers at several sites, including Kostenki 12 and 14 (Holliday et al. 2007).

The kill-butchery features at Kostenki-Borschevo are invariably associated with the same types of stone artifacts found at Paleoindian kill-butchery sites in North America, such as side-scrapers, points, and crude bifaces. Although the pattern at Kostenki-Borschevo often is complicated by evidence for extended habitation in the same layer (e. g., Kostenki 15), the association of kill-butchery features with habitation areas also is known among Paleoindian sites, such as Murray Springs in southern Arizona. In several papers published between 2009 and 2011, I suggested that the artifacts found at kill-butchery features such as the bone concentration that we had excavated in Layer III at Kostenki 12 in 2002–2003 were more parsimoniously explained in functional rather than cultural terms. (Among the skeptics of this view was my former PhD committee chair, Prof. R.G. Klein.)

When Misha wrote to me in May 2011, laying out his thoughtful arguments against the functional interpretation, I did not respond with detailed arguments in defense of my view. I assumed that we would continue to work together on this and other problems of mutual interest for years to come, and that there would be many future opportunities to discuss the explanation of EUP assemblage variability at Kostenki-Borschevo. If Prof. Anikovich had lived and our collaborative research continued, I believe that we would have worked out a mutually agreeable general interpretation of this question (even if we continued to disagree on some of the details). This is because our divergence of views was more a question of emphasis than a fundamental difference of interpretation. The two of us recognized that both cultural and functional factors were influencing the composition of the artifact assemblages at Kostenki-Borschevo, and it may be noted that this also is the case among the Paleoindian sites in North America, which contain much cultural variability (for example, Plainview and Folsom [Holliday et al. 2017]).

1 July 2019

К проблеме функциональной и культурной вариабельности стоянок РВП (комментарий к публикации письма М. В. Аниковича)

Дж. Ф. Хоффекер

Вместе с проф. М. В. Аниковичем мы начали работу на верхнепалеолитических стоянках Костёнковско-Борщёвского района летом 2001 г. Наше сотрудничество являлось частью более широкого проекта, включавшего ряд сотрудников Российской академии наук, а также коллег из других институтов и стран, включая тех, кто занимался смежными дисциплинами. Наши интересы были сосредоточены на ранней поре верхнего палеолита (РВП), к которой приурочены две гумусированных толщи и их стратиграфические эквиваленты в КБР. Особое внимание уделялось геохронологии и стратиграфии с привлечением таких специалистов, как проф. В.Т. Холлидэй (Университет Аризоны), который исследовал стратиграфию и процессы формирования местонахождений на многих палеоиндейских стоянках Северной Америки.

В начале нашего сотрудничества мы не ставили перед собой задачу разделения функциональных и культурных признаков конкретных комплексов артефактов и культурных слоев. В обобщающей монографии по палеолиту Восточной Европы, опубликованной в 2002 г., я следовал традиционной схеме интерпретации слоев РВП в КБР (т. е. объяснял разнообразие комплексов в основном культурными факторами) (Hoffecker 2002: 167–173). Однако, такой подход начал меняться в августе 2002, когда мы раскопали крупное скопление костей (в основном северного оленя и лошади) в слое III на стоянке Костёнки 12. Раскопки этого объекта были закончены в 2003 г., и я провел исследование тафономии этого скопления костей. Результаты исследования мы представили на полевом семинаре в 2004 г. и опубликовали в сборнике, подготовленном к печати в 2005 г. (Hoffecker et al. 2005).

Когда в 2007 г. начался второй этап нашего сотрудничества в Костёнках, я решил обследовать два других скопления костей (в обоих случаях лошади), раскопанных Рогачёвым в 1950-х гг. в Костёнках 14 (слой II) и в Костёнках 15. Кроме того, в ходе раскопок 2004–2007 гг. на стоянке Костёнки 1 нами были обнаружены, по-видимому, следы разделки мамонтовых туш в слое V. Предположение, что в Костёнках велся забой и разделка туш крупных млекопитающих, не было чем-то новым (Рогачёв описал в 1950-х гг. тафономические характеристики скоплений костей лошади на Костёнках 14 и 15), однако, когда я стал неоднократно встречать местонахождения забоя и разделки туш в слоях РВП в КБР, мои взгляды на эти памятники изменились. Я усмотрел их близкие аналоги на палеоиндейских стоянках в Северной Америке, где крупными скоплениями костей (обычно бизона и/или мамонта) часто отмечены места забоя и разделки туш у природных источников воды. Аналогии с североамериканскими памятниками

были подтверждены исследованиями проф. Холлидэя, посвященными процессам образования местонахождений ископаемых остатков, которые свидетельствовали о присутствии родников и подтоплений (что подтверждалось микроморфологическим анализом почв) в слоях РВП на нескольких памятниках, в том числе на Костёнках 12 и 14 (Holliday et al. 2007).

Объекты, связанные с забоем и разделкой туш в КБР, неизменно сопровождаются теми же типами каменного инвентаря, включая скребла, наконечники и грубые бифасы, которые встречаются на палеоиндейских местах забоя и разделки в Северной Америке. Хотя в КБР картина часто осложняется следами длительного обитания, обнаруживаемыми в пределах одного и того же слоя (например, Костёнки 15), местонахождения, связанные с забоем и разделкой туш, по соседству с жилищами известны также и для палеоиндейских памятников, например, в Муррей Спрингс в Южной Аризоне. В ряде статей, опубликованных между 2009 и 2011 гг., я высказал предположение, что инвентарь, обнаруженный в местах забоя и разделки, таких, как костыще, раскопанное нами в 2002–2003 гг. в слое III на Костёнках 12, проще объяснить с функциональной, чем с культурной точки зрения. (Среди ученых, скептически отнесшихся к этому предположению, был мой бывший председатель комиссии по защите докторской диссертации проф. Ричард Г. Клейн).

Когда в мае 2011 г. Миша написал мне письмо с изложением своих содержательных аргументов против функциональной интерпретации, я не стал приводить подробные доказательства своей точки зрения. Я предполагал, что мы еще продолжим в последующие годы нашу совместную работу по этой проблематике и другим вопросам, представляющим взаимный интерес, и что еще будет много других возможностей обсудить причины разнообразия комплексов РВП в Костёнках-Борщево. Если бы проф. Аникович не умер и наши совместные исследования продолжились, я думаю, мы бы выработали взаимно приемлемую общую интерпретацию данного явления (даже при разногласиях в некоторых деталях). Дело в том, что наши расхождения во взглядах касались скорее акцентирования некоторых аспектов, чем фундаментальных различий в интерпретации. Мы оба признавали, что как культурные, так и функциональные факторы влияли на состав вещевых комплексов на стоянках КБР, и нужно заметить, что такая же ситуация имеет место и на палеоиндейских памятниках Северной Америки, которые отмечены значительным культурным разнообразием (например, Плэйнвью и Фолсом [Holliday et al. 2017]).

1 июля 2019

Перевод с англ. А. В. Гилевича

Дополнение к списку научных и литературных трудов

М. В. Аниковича¹

Научные труды

2013

Ещё раз о проблеме происхождения верхнего палеолита или «критика критической критики» // *Stratum plus*. 2013. № 1. С. 283–312.

2014

Археологическая культура эпохи верхнего палеолита в контексте дискретного и структурного анализа // *Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции* [Сб. ст. памяти Михаила Васильевича Аниковича] / отв. ред. С. А. Васильев, Е. С. Ткач. СПб.: Петербургское востоковедение. 2014. С. 15–28 (*Archaeologica Petropolitana*) (подготовка к печати Н. И. Платоновой).

“Kostenki Project”: the History of Palaeolithic studies in the Kostenki-Borshchevo region // Claus von Carnap-Bornheim (ed.). *Quo vadis? Status quo and future perspectives of long-term excavations in Europe*. Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Ergänzungreihe Band 10 (Neumünster 2014). Pp. 207–222 (в соавторстве: *Mikhail Vasil'evich Anikovich and Nadezhda Igorevna Platonova*)².

2015

Проблемы и перспективы социокультурного исследования археологических памятников среднего палеолита Европы // *Традиции и инновации в истории и культуре* / отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: ОИФН РАН; ИЭА РАН, 2015. С. 31–41 (в соавторстве: *Платонова Н. И., Аникович М. В., Анисюткин Н. К.*).

Когда начался верхний палеолит на Русской равнине? (в контексте хронологии глобальных климатемов) // *Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани*. 2014 г. Т. 5. Казань, 2015. С. 71–74 (в соавт.: *Левковская Г. М., Аникович М. В., Платонова Н. И., Хоффекер Дж.Ф., Шумиловских Л. С., Лисцын С. Н.*).

Работы Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции 2010–2013 гг. // *Археологические открытия 2010–2013*. М., 2015. С. 124–126 (в соавт.:

¹ Список научных и литературных трудов М. В. Аниковича см. (Васильев, Ткач /ред./ 2014: 8–14).

² Порядок авторов в списках и написание имен соавторов в иностранных публикациях приведены, как в оригиналах.

Аникович М. В., Лисицын С. Н., Платонова Н. И., Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Желтова М. Н., Попов В. В.)

Supra-regional correlations of the most ancient paleosols and Paleolithic layers of Kostenki-Borschevo region (Russian Plain) // *Quaternary International*. Vol. 365 (16 April, 2015). Pp. 114–134 (в соавт.: *Galina M. Levkovskaya, Lyudmila S. Shumilovskikh, Mikhail V. Anikovich, Nadezhda I. Platonova, John F. Hoffecker, Sergey N. Lisitsyn, Genrietta A. Pospelova, Irina E. Kuzmina, Aleksander F. Sanko*).

2016

Kostenki 1 and the early Upper Paleolithic of Eastern Europe // *Journal of Archaeological Science. Reports* 5 (2016). Pp. 307–326 (в соавт.: *John F. Hoffecker, Vance T. Holliday, A. E. Dudin, N. I. Platonova, G. M. Levkovskaya, E. B. Syromyatnikova, N. D. Burova, Paul Goldberg, Richard I. Macphail, Steven L. Forman, Brian J. Carter, Laura J. Crawford, V. V. Popov, M. V. Anikovich*).

2019

Предисловие к несостоявшемуся изданию // *Человек и мамонт в палеолите Европы. Ч. 2. Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти Михаила Васильевича Аниковича.* / отв. ред. С. Н. Лисицын, Н. И. Платонова. СПб.: Изд-во *Ars Longa*, 2019. С. 5 (Серия: Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 8/II).

Днепро-Донская историко-культурная область: виллендорфско-павловско-костёнковское единство в Восточной Европе // Там же (главы 1–8). С. 11–156.

Второй этап функционирования Днепро-Донской ИКО: основные проблемы // Там же (глава 10). С. 194–196.

Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирачество? Или?.. // Там же (глава 13). С. 237–257.

О моем первом учителе археологии // Там же. С. 287–301.

К проблеме типологии стоянок РВП. Письмо к Дж. Ф. Хоффекеру от 21.05.2011 (подготовка к печати и предисловие Н. И. Платоновой) // Там же. С. 302–314.

Художественно-публицистические произведения

2006

Ангел-хранитель [О супруге и любви Ф. М. Достоевского] // *Сельская новь*. 2006. № 6. С. 32–33.

2007

Дарвин и дар Божий // *Вода живая*. Санкт-Петербургский церковный вестник. 2007. № 4 (87). С. 36–39.

Мемориальные и научно-биографические публикации о М. В. Аниковиче

2012

Васильев С. А. Михаил Васильевич Аникович. 1947–2012 // *Российский Археологический ежегодник*. 2012. Вып. 2. С. 785–787.

2014

Амирханов Х. А. Миша Аникович: картинки живой памяти о друге // Васильев С. А., Ткач Е. С. /отв. ред./ Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. [Сб. ст. памяти Михаила Васильевича Аниковича]. СПб.: Петербургское востоковедение. 2014 (Archaeologica Petropolitana). Там же. С. 40–47.

Васильев С. А. Предисловие // Там же. С. 5–7.

Молодин В. И. Три маленьких рассказа о Мише Аниковиче // Там же. С. 37–39.

Петров В. М. О Мише Аниковиче // Там же. С. 29–33.

Платонова Н. И. Михаил Васильевич Аникович // Там же. С. 50–67.

Список научных и литературных трудов М. В. Аниковича (сост. Л. М. Всевиов) // Там же. С. 8–14.

Шипулин В. М. Это было 50 лет назад // Там же. С. 34–36.

Hoffecker J. F. Mikhail Vasilyevich Anikovich: a memory // Там же. С. 48–49.

2019

Лисицын С. Н., Платонова Н. И. /отв. ред./ Человек и мамонт в палеолите Европы. Ч. 2. Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти Михаила Васильевича Аниковича. / отв. ред. С. Н. Лисицын, Н. И. Платонова. СПб.: Изд-во Ars Longa, 2019. 388 с., 104 илл. (Серия: Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 8/II).

Платонова Н. И., Лисицын С. Н. Предисловие // Там же. С. 6–10.

Платонова Н. И. Симбиоз человека и мамонта в верхнем палеолите: модель М. В. Аниковича и ее развитие // Там же. С. 258–286.

Дополнение к списку научных и литературных трудов М. В. Аниковича (сост. Н. И. Платонова) // Там же. С. 318–320.

Сост. Н. И. Платонова

Литература

Абрамова 1961 — *Абрамова З.А.* Изображения животных с палеолитической стоянки Александровка // КСИА. Вып. 82. 1961. С. 97–103.

Абрамова 1962 — *Абрамова З.А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. — М., Л.: Изд-во АН СССР (Лен. отд.), 1962 (САИ. Вып. А4–3).

Абрамова 1997 — *Абрамова З.А.* Жилища и поселения в палеолите Русской равнины // *Абрамова З.А., Григорьева Г.В.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 5–80.

Абрамова 2010 — *Абрамова З.А.* Древнейший образ человека. Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. — СПб.: Петербургское востоковедение. 304 с.

Амирханов 1997 — *Амирханов Х.А.* Верхняя погребенная почва в разрезе Зарайской стоянки: стратиграфическое значение и проблема датировки культурных отложений // Восточный граветт. ТД Международного colloквиума (Зарайск–Москва, 1–7 сентября 1997) / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: ИА РАН, 1997. С. 8–10.

Амирханов 1997а — *Амирханов Х.А.* К проблеме датировки и стратиграфии культурных отложений Зарайской стоянки // РА. 1997. № 4. С. 5–16.

Амирханов 1998 — *Амирханов Х.А.* Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 15–34.

Амирханов 1999 — *Амирханов Х.А.* Стратиграфическое значение погребенных мерзлотных структур для членения культурных отложений Зарайской стоянки // Особенности развития верхнего палеолита Европы. ТД международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костёнках. 15–19 ноября 1999 г. / отв. ред. М.В. Аникович, Н. Д. Праслов. СПб., 1999. С. 8–11.

Амирханов 2000 — *Амирханов Х.А.* Зарайская стоянка. — М.: Научный мир, 2000. 248 с.

Амирханов 2002 — *Амирханов Х.А.* Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и проблематика археологических культур / ред. Н. Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 83–88.

Амирханов 2004 — *Амирханов Х.А.* Восточнограветтские элементы в культурном субстрате Волго–Окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 5–18.

Амирханов 2005 — *Амирханов Х.А.* К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево (по поводу одной рецензии) // РА. 2005. № 2. С. 93–101.

Амирханов 2009 — *Амирханов Х.А.* Стоянка Зарайск А: характеристика объектов третьего культурного слоя // *Амирханов Х.А., Ахметгалева Н.Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. С. 15–36.

Амирханов 2001 — *Амирханов Х.А., Лев С.Ю., Селезнёв А.Б.* Проблема «палеолитической деревни» в свете исследований Зарайской стоянки // КСИА. Вып. 211. 2001. С. 5–16.

Амирханов, Лев 2004а — *Амирханов Х.А., Лев С.Ю.* Зарайская стоянка: проблемы стратиграфии и структуры поселения в свете раскопок последних лет // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное / ред. М.В. Аникович, Н.И. Платонова. Воронеж: Истоки, 2004. С. 81–82.

Амирханов, Лев 2004б — *Амирханов Х.А., Лев С.Ю.* Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 2004. С. 299–321.

Амирханов, Лев 2007 — *Амирханов Х.А., Лев С.Ю.* Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки // РА. 2007. № 1. С. 22–35.

Амирханов, Лев 2009 — *Амирханов Х.А., Лев С.Ю.* Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А // *Амирханов Х.А., Ахметгалева Н.Б., Бужилова А. П. Бурова Н. Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н.* 2009. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. С. 289–339.

Амирханов и др. 2009 — *Амирханов Х.А., Ахметгалева Н.Б., Бужилова А. П. Бурова Н. Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. / отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Палеограф, 2009. 466 с.

Амирханов и др. 2009а — *Амирханов Х.А., Ахметгалева Н.Б., Лев С.Ю.* Обработанная кость Зарайской стоянки (технологическо-трасологический аспект) // *Амирханов Х.А., Ахметгалева Н.Б., Бужилова А. П. Бурова Н. Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. С. 187–288.

Аникович 1983 — *Аникович М.В.* К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костёнковско-Борщёвского района // КСИА. Вып. 173. 1983. С. 16–31.

Аникович 1989 — *Аникович М.В.* Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. 1989. № 4. С. 115–127.

Аникович 1992 — *Аникович М.В.* Граветтоидный путь развития, граветтоидные археологические культуры и проблема «граветтоидного эпизода» // Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. ТД семинара. Одесса: Одесский археологический музей, 1992. С. 15–17.

Аникович 1994 — *Аникович М.В.* Изучение формообразования каменных орудий и обобщающие понятия современного палеолитоведения («археологическая культура», «путь развития», «технокомплекс», «историко-культурная область») // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 8–11.

Аникович 1998 — *Аникович М.В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // *Восточный граветт* / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 35–67.

Аникович 2000 — *Аникович М.В.* О миграциях в палеолите // Исторический ежегодник (специальный выпуск, посвященный 70-летию В. И. Матющенко) / отв. ред. И.В. Толпеко, А. В. Якуб. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 11–21.

Аникович 2000а — *Аникович М.В.* Общество и личность в палеолите: что могут сказать об этом археологические данные? // Теория и методология архаики. Материалы теоретического семинара. Вып. 2 / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 103–112.

Аникович 2004 — *Аникович М.В.* Повседневная жизнь охотников на мамонтов. — М.: Молодая гвардия, 2004. 350 с.

Аникович 2005 — *Аникович М.В.* О хронологии палеолита Костёнковско-Борщёвского района // АЭАЕ. 2005. № 3 (23). С. 70–86.

Аникович [2005] — *Аникович М.В.* Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // SP 2003–2004. [2005]. № 1. С. 487–505.

Аникович 2005а — *Аникович М.В.* Конкретно-исторический подход А. Н. Рогачёва // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий / отв. ред. М.В. Аникович. СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. С. 33–47 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Аникович 2007 — *Аникович М.В.* О моем первом учителе // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья / отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 38–50.

Аникович 2010 — *Аникович М.В.* Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирачество? Или?.. // Исследования первобытной археологии Евразии. Сб. статей к 60-летию Х.А. Амирханова / отв. ред. О.М. Давудов. Махачкала: Изд-во «Наука ДНЦ», 2010. С. 248–267.

Аникович 2010а — *Аникович М.В.* Человек и хоботные в палеолите: вариант интерпретации // Культура как система в историческом контексте. Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной ЗСАЭК, Томск, 19–21 мая 2010 г. / отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 12–18.

Аникович 2010б — *Аникович М.В.* Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии. Избранные лекции / Учебное издание. Российские ученые — студентам университетов. — Новосибирск: Новосиб. гос. университет; ИАЭТ СО РАН, 2010. 56 с.

<http://www.archaeology.ru/Download/Anikovich/lecturies.pdf>

Аникович М.В. 2013 — Опыт структурного анализа археологических культур эпохи верхнего палеолита // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии / отв. ред. В. И. Молодин, М.В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 24–36.

Аникович 2014 — *Аникович М.В.* Археологическая культура эпохи верхнего палеолита в контексте дискретного и структурного анализа // Верхний палеолит

Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции [Сб. ст. памяти Михаила Васильевича Аниковича] / отв. ред. С.А. Васильев, Е.С. Ткач. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 15–28 (Archaeologica Petropolitana).

Аникович, Анисюткин 1995 — *Аникович М.В., Анисюткин Н.К.* Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Первое международное мамонтовое совещание. ТД. СПб., 1995. С. 597.

Аникович, Анисюткин 2001 — *Аникович М.В., Анисюткин Н.К.* Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Мамонт и его окружение. 200 лет изучения / отв. ред. А.Ю. Розанов. Москва. ГЕОС, 2001. С. 315–327.

Аникович, Кузьмина 2001 — *Аникович М.В., Кузьмина И.Е.* Мамонт в культуре верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии // Пространство культуры в археолого–этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / отв. ред. Л.А. Чиндина. Материалы XII ЗСАЭК. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 3–4.

Аникович, Анисюткин [2004] — *Аникович М.В., Анисюткин Н.К.* Охота на мамонтов в палеолите Евразии // SP 2001–2002. [2004]. № 1. С. 479–501.

Аникович и др. 2005 — *Аникович М.В., Хоффекер Дж. Ф., Попов В.В., Дудин А.Е., Холлидэй В.Т., Форман С. Л., Левковская Г.М., Поспелова Г.А., Кузьмина И.Е., Платонова Н.И., Картер Б.* Хроностратиграфия многослойной стоянки Костёнки 12 (Волковская) в контексте хроностратиграфии палеолита Костёнковско-Борщёвского района // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий / отв. ред. М.В. Аникович. СПб.: ООО Копи-Р, 2005. С. 66–86 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Аникович и др. 2006 — *Аникович М.В., Попов В.В., Анисюткин Н.К., Хоффекер Дж. Ф., Холлидэй В.Т., Форман С.Л., Картер Б. Ловлие Р., Дудин А.Е., Кузьмина И.Е., Платонова Н.И., Макаров С.С.* Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костёнки 1 (стоянка Полякова) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках 23–26 августа 2004 г. / отв. ред. М.В. Аникович. СПб.: Нестор–История, 2006. С. 81–100 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Аникович и др. 2007 — *Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор–История (ТКБАЭ, вып. 5).

Аникович и др. 2008 — *Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Платонова Н.И.* Палеолит Костёнковско–Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. — СПб.: Нестор–История, 2008. 304 с. (ТКБАЭ, вып. 1).

Аникович и др. 2010 — *Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Платонова Н.И.* Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // SP. 2010. № 1. С.99–136.

Аникович и др. 2011 — *Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Платонова Н.И.* Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы. Вып. 1. Историография, методология, основные проблемы. — СПб.: ИИМК РАН / Нестор–История, 2011. 128 с. (ТКБАЭ. Вып. 6). <http://www.archaeology.ru/Download/Anikovich/2010.pdf>

Анисюткин 2006 — *Анисюткин Н.К.* Северный пункт стоянки Костёнки 4 и культурно-хронологическая интерпретация памятника // Костёнки и ранняя

пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках 23–26 августа 2004 г. / отв. ред. М.В. Аникович. СПб.: Нестор–История, 2006. С. 101–113 (ТКБАЭ, вып. 4).

Анисюткин 2013 — *Анисюткин Н.К.* Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. — СПб.: Нестор–История, 2013. 172 с. (ТКБАЭ, вып. 7).

Арманди 2011 — *Арманди П.Д.* Военная история слонов с древнейших времен и до изобретения огнестрельного оружия, с критическими замечаниями относительно нескольких наиболее знаменитых воинских деяний древних (*пер. с франц., прим. А. В. Банникова*). Сер. 'Historia militaris': Исследования по военному делу Древности и Средневековья. — СПб.: Нестор–История, 2011. 384 с.

Арутюнов 1982 — *Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А.* Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. — М.: Наука, 1982. 176 с.

Ахметгалеева 2015 — *Ахметгалеева Н.Б.* Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки–7. Курск: «Мечта», 2015. 254 с.

Байгушева 1980 — *Байгушева В. С.* Мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum) левобережья Северского Донца // Млекопитающие Восточной Европы в антропогене. Труды ЗИН. Т. 93. 1980. С. 75–80.

Баскаков 1971 — *Баскаков Н.А.* Жилища приирийских казахов // СЭ. 1971. № 4. С. 104–115.

Бгатов и др. 1989. — *Бгатов В. И., Лазарев П.А., Спешилова М.А.* Литофагия и мамонтовая фауна. — Якутск: Якутский научный центр, 1989. 32 с.

Беляева 1977 — *Беляева В. И.* Опыт создания методики описания «ножей костёнковского типа» // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы / отв. ред. Н. Д. Праслов. Л.: Наука. С. 117–127.

Беляева 1979 — *Беляева В. И.* Кремневый инвентарь Костёнок I: Опыт классификации. — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1979. 19 с.

Беляева 1998 — *Беляева В. И.* Роль жилого пространства в определении социальной организации человеческих коллективов эпохи верхнего палеолита // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. Вып. 4 / ред. И.Я. Фроянов, А.Д. Столяр, и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 68–76.

Беляева 2007 — *Беляева В. И.* Ножи костёнковского типа из коллекции раскопок П.П. Ефименко // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / ред. Н.Б. Леонова, Е.В. Леонова. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 80–90.

Бессуднов 2015 — *Бессуднов А. А.* Исследования III культурного слоя Костёнок 21 в ходе спасательных работ 2013–2014 // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2015. С. 10–12.

Бессуднов, Бессуднов 2010 — *Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А.* Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону // РА. 2010. № 2. С. 136–145.

Бессуднов и др. 2012 — *Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., Бурова Н.Ф., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.* Некоторые результаты исследований

палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону // КСИА. Вып. 227. 2012. С. 146–156.

Бибиков 1981 — *Бибиков С.Н.* Эпоха палеолита // История Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наукова думка. С. 22–45.

Бломквист 1956 — *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. Нов. сер. Т. 31. 1956. С. 3–542.

Богораз 1991 — *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. 224 с.

Борзияк 1998 — *Борзияк И.А.* Граветт Поднестровья и его связи с “единством Виллендорф–Павлов–Костёнки” // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 135–141.

Борисковский 1958 — *Борисковский П.И.* Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА. 1958. № 1. С. 3–19.

Борисковский 1963 — *Борисковский П.И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. — М., Л.: Изд-во АН СССР. 230 с. (МИА. № 121).

Борисковский 1989 — *Борисковский П.И.* Некоторые вопросы изучения позднепалеолитических жилищ // Каменный век: памятники, методика, проблемы / отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка. С. 81–85.

Бредли 1997 — *Бредли Б. А.* Костёнковский нож: тип или технология? // РА. 1997. № 4. С. 175–176.

Будько В.Д., Вознячук Л.Н. 1969 — *Будько В.Д., Вознячук Л.Н.* Палеолит Белоруссии и смежных областей. Итоги исследований за годы Советской власти // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии, март 1969 г. / отв. ред. В.Д. Будько. Минск. С. 4–27.

Будько 1970 — *Будько В.Д., Вознячук Л.Н., Кочеткова В. И.* Некоторые результаты раскопок Бердыжской стоянки // АО 1969 г. М., 1970. С. 295–296.

Будько 1971 — *Будько В.Д., Вознячук Л.Н., Калечиц Е.Г.* Палеолитическая стоянка Бердыж // АО 1970 г. М., 1971. С. 303–304.

Будько 1974 — *Будько В.Д., Ободенко Ю.В.* Остатки сооружений из костей мамонта в Бердыже // Доклады АН БССР. 1974. Т. XVIII. № 12. С. 1135–1137.

Булочникова 1997 — *Булочникова Е.В.* Внутриграветтские отношения // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума (Зарайск — Москва, 1–7 сентября 1997) / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: ИА РАН, 1997. С. 15–18.

Булочникова 1998а — *Булочникова Е.В.* Вчера и сегодня понятия «восточный граветьен» // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 67–72.

Булочникова 1998б — *Булочникова Е.В.* Место костёнковской культуры в восточном граветте. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1998. 24 с.

Булочникова 2001 — *Булочникова Е.В.* Крупные ямы Авдеево и Костёнок 1 // Каменный век Европейских равнин. Материалы Международной конференции «Каменный век европейских равнин», июль 1997. Сергиев Посад: «Подкова», 2001. С. 44–46.

Булочникова 2007 — *Булочникова Е.В.* Ямы нового жилого объекта Авдеево // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / ред. Н.Б. Леонова, Е.В. Леонова. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 170–188.

Булочникова 2008 — Булочникова Е.В. Новый взгляд на структуру верхнепалеолитических поселений Европы // Человек, адаптация, культура / отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 40–43.

Булочникова, Григорьев 2005 — Булочникова Е.В., Григорьев Г.П. Возможности радиоуглеродного метода: взгляд археолога // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода / отв. ред. Н. П. Юшкин. Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 53–55.

Бурова, Петрова 2011 — Бурова Н. Д., Петрова Е. А. Анализ скопления костей мамонта верхнепалеолитического памятника Костенки-14 (I культурный слой) // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Т. 1. Тезисы. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 30–31.

Вайнштейн 1976 — Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. № 4. С. 42–62.

Вайнштейн 1991 — Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М.: Наука, 1991. 296 с.

Васильев 2002 — Васильев С.А. Рецензия: Амирханов Х.А. «Зарайская стоянка. М., 2000 // РА. 2002. № 1. С. 173–174.

Васильев, Ткач /ред./ 2014 — Васильев С.А., Ткач Е.С. /ред./ Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. [Сб. ст. памяти Михаила Васильевича Аниковича] СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. 288 с. (Archaeologica Petropolitana).

Василевич 1969 — Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки. XVIII — начало XX в. — Л.: Наука. 305 с.

Векилова 1953 — Векилова Е. А. Палеолитическая стоянка Боршево I // МИА. № 39. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 111–136.

Величко 1961 — Величко А. А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. — М.: Изд-во АН СССР. 295 с.

Величко, Зеликсон 2006 — Величко А. А., Зеликсон Э.М. Перигляциальная среда как ресурсная основа существования позднего мамонта эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное Материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костёнках 23–26 августа 2004 г. / отв. ред. М.В. Аникович. СПб.: Нестор-История. С. 9–25 (ТКБАЭ, вып. 4).

Величко и др. 1977 — Величко А. А., Грибченко Ю.Н., Маркова А.К., Ударцев В.П. О возрасте и условиях обитания стоянки Хотылёво II на Десне // Палеоэкология древнего человека. К X конгрессу INQUA (Великобритания, 1977) / ред. И.К. Иванова, Н. Д. Праслов. М.: Наука, 1977. С. 40–50.

Величко и др. 1981 — Величко А. А., Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Губонина З.П., Ударцев В.П., Вангенгейм Э.А., Сотникова М.В. Авдеево // Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины / отв. ред. А. А. Величко. М.: Наука, 1981. С. 48–56.

Вербов 1936 — Вербов Г.Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 57–70.

Верещагин 1977 — Верещагин Н.К. Берелехское кладбище мамонтов // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Труды ЗИН. Т. 72. Л., 1977. С. 5–50.

Верещагин 1979 — *Верещагин Н.К.* Почему вымерли мамонты. — Л.: Наука, Лен. отд., 1979. 204 с.

Верещагин, Кузьмина 1977 — *Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е.* Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Труды ЗИН. Т. 72. 1977. С. 77–110.

Верещагин, Кузьмина 1982 — *Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е.* Фауна млекопитающих // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / отв. ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 223–232.

Воеводский, Алихова–Воеводская 1950 — *Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е.* Авдеевская палеолитическая стоянка (по материалам раскопок 1948 г.) // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 7–16.

Гаврилов 1998 — *Гаврилов К.Н.* Структура Хотылёвского верхнепалеолитического поселения // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М: Научный мир, 1998. С. 177–191.

Гаврилов 2004 — *Гаврилов К.Н.* Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 262–284.

Гаврилов 2008 — *Гаврилов К.Н.* Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. — М.: Таус, 2008. 256 с.

Гаврилов 2012 — *Гаврилов К.Н.* Двойная статуэтка из раскопок стоянки Хотылёво 2: контекст, иконография, композиция // SP. 2012. № 1. С. 279–292.

Гаврилов 2015 — *Гаврилов К.Н.* Археологический контекст новых радиоуглеродных датировок стоянки Хотылёво 2, пункт В // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Замятинский сборник. Вып. 4 / отв. ред. Г.А. Хлопачёв. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 103–112.

Гаврилов 2016 — *Гаврилов К.Н.* Миграция, диффузия... развитие? К вопросу о происхождении восточного граветта на Русской равнине // SP. № 1. С. 29–50.

Гаврилов, Лев 2017 — *Гаврилов К. Н., Лев С. Ю.* Палеолитическая Даная: шедевр из раскопок Хотылёво 2, 2016 г. // КСИА. Вып. 249. 2017. С. 42–49.

Гаврилов, Хлопачёв 2018 — *Гаврилов К. Н., Хлопачёв Г. А.* Новая женская статуэтка со стоянки Хотылёво 2: изобразительный канон и археологический контекст // Camera Praehistorica. 2018. № 1. С. 8–23.

Гарутт, Урбанас 1979 — *Гарутт В. Е., Урбанас Е. В.* Мамонт из позднепалеолитических стоянок с. Костёнки // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию, посвященному 100-летию открытия палеолита в Костёнках (20–25 августа 1979 года) / гл. ред. Б.И. Горецкий. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. С. 19–20.

Гвоздовер 1953 — *Гвоздовер М.Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской палеолитической стоянки // МИА. № 39. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 192–226.

Гвоздовер 1961 — *Гвоздовер М.Д.* Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИА. Вып. 82. 1961. С. 112–118.

Гвоздовер 1983 — *Гвоздовер М.Д.* Новые находки из Авдеева // Вопросы антропологии. 1983. № 71. С. 42–63.

Гвоздовер 1985 — *Гвоздовер М.Д.* Типология женских статуэток костёнковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. 1985. № 75. С. 27–66.

Гвоздовер 1987 — *Гвоздовер М.Д.* Археологический контекст женских статуэток костёнковской верхнепалеолитической культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1987. С. 18–33.

Гвоздовер 1998 — *Гвоздовер М.Д.* Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 224–279.

Гвоздовер, Беляева 1988 — *Гвоздовер М.Д., Беляева В. И.* О ножах «костёнковского типа» // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы / отв. ред. В.П. Любин. Л.: Наука, Лен. отд, 1988. С. 54–56.

Гвоздовер, Григорьев 1977 — *Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П.* Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека: К X конгрессу INQUA (Великобритания, 1977) / отв. ред. И.К. Иванова, Н.Д. Праслов. М.: Наука, 1977. С. 50–56.

Гвоздовер, Григорьев 1990 — *Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П.* Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. Вып. 202. 1990. С. 21–23.

Гвоздовер, Сулержицкий 1979 — *Гвоздовер М.Д., Сулержицкий Л.Д.* О радиоуглеродном возрасте Авдеевской палеолитической стоянки // БКИЧП. № 49. Минск, 1979. С. 144–146.

Гиря 1997 — *Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки // Восточный граветт. Тезисы докладов Международного коллоквиума (Зарайск–Москва, 1–7 сентября 1997) / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: ИА РАН, 1997. С. 35–39.

Гиря 1997а — *Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. — СПб.: ИИМК РАН, 1997.

Гмелин 1771 — *Гмелин С.-Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 1. Путешествие от Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах. — СПб.: Тип. ИАН. 272 с.

Головнёв 2010 — *Головнёв А. В.* Северная Евразия: культуры больших пространств // Север и Юг: диалог культур и цивилизаций. Материалы Международного семинара / отв. ред. И.В. Октябрьская. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 67–72.

Горлова 1982 — *Горлова Р.Н.* Палеобиогеоценозы Сибири в районе находок трупов мамонтов // ИНКВА. Международный союз по изучению четвертичного периода. XI конгресс. Москва, август 1982. Тезисы докладов. Т. II. М., 1982. С. 67.

Грехова 1994 — *Грехова Л.В.* Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994. С. 7–19.

Грибченко и др. 2002 — *Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирева С.Н., Воскресенская Е.В.* Литолого-стратиграфические особенности позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур / отв. ред. Н. Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН. С. 89–94.

Григорьев 1968 — *Григорьев Г.П.* Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. — Л.: Наука, 1968. 224 с.

Григорьев 1989 — *Григорьев Г.П.* Виллендорфско-костёнковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. ТД. Л., 1989. С. 45–48.

Григорьев 1994 — *Григорьев Г.П.* Единство Европы в первый раз: граветтийский эпизод // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 12–14.

Григорьев 1997 — *Григорьев Г.П.* Отношение восточного граветьена к западу // Восточный граветт. ТД Международного коллоквиума (Зарайск — Москва, 1–7 сентября 1997) / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: ИА РАН. С. 44–48.

Григорьев 1998 — *Григорьев Г.П.* Отношение восточного граветьена к западу // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 73–81.

Григорьев 2005 — *Григорьев Г.П.* Статуэтки из Гагарино // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. Луганск: Вега, 2005. С. 71–83.

Григорьев, Булочникова 2004 — *Григорьев Г.П., Булочникова Е.В.* Методика исследования палеолита: микростратиграфия и хронология // АВ. № 11. СПб., 2004. С. 329–332.

Григорьев, Булочникова 2005 — *Григорьев Г.П., Булочникова Е.В.* Новые данные о граветтийском искусстве палеолита Европы // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. Луганск: Вега, 2005. С. 84–90.

Громадова 2012 — *Громадова Б.* Использование сырья из кости, бивня и рога на стоянках костёнковско–авдеевской культуры (восточный граветт). — Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. М., 2012. 26 с.

Громов 1948 — Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). — М.: Изд-во АН СССР. 521 с.

Гурвич И.С. 1956 — *Гурвич И.С.* Эвены-тюгясиры (Группа эвенов Якутской АССР: по материалам экспедиции Якутского филиала АН СССР, 1953–1954 гг.) // КСИЭ. Вып. 25. 1956. С. 42–55.

Демиденко Ю.Э. 2000 — *Демиденко Ю.Э.* “Крымская загадка” — среднепалеолитические изделия в раннем ориньяке типа Кремс–Дюфур Сюрени I: альтернативные гипотезы для решения проблемы // SP. 2000. № 1. С. 97–124.

Демиденко Ю.Э. [2004] — *Демиденко Ю.Э.* Комплексы находок нижних культуросодержащих отложений навеса Сюрень–1 (Крым) // SP 2001–2002. [2004]. № 1. С. 350–382.

Деревянко и др. 2000 — *Деревянко А. П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н.* Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 32–55.

Деревянко и др. 2003 — *Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н.* Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 168 с.

Диков 1977 — *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). — М.: Наука. 395 с.

Докучаев 1882 — *Докучаев В.В.* Археология России. Каменный период. ТТ. I и II графа А.С. Уварова. 1881. Доклад В. В. Докучаева отделению геологии и минералогии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей 20 ноября 1881 г. // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей XIII. Вып. 1. СПб., 1882. С. 1–54.

Долгих Б. О. 1949 — *Долгих Б.О.* Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа // СЭ. 1949. № 4. С. 75–93.

Долгих Т.Б. 1971 — *Долгих Т.Б.* Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур // СЭ. 1971. № 4. С. 93–103.

Дуглас-Гамильтон И., Дуглас-Гамильтон О. 1981 — *Дуглас-Гамильтон И., Дуглас-Гамильтон О.* Жизнь среди слонов. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 288 с.

Дудин и др. 2016 — *Дудин А.Е., Пустовалов А.Ю., Платонова Н.И.* Второй культурный слой стоянки Костёнки-8 (Тельманская): структура, объекты микростратиграфии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 15, № 3: Археология и этнография. 2016. С. 41–52.

Дююю 2014 — *Дююю Д.* Скульптурные изображения из известняка восточнограветтийской стоянки Костёнки 1: тематика и функциональное назначение // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 4. История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит / отв. ред. Г. А. Хлопачёв. СПб.: МАЭ РАН. С. 118–288. <http://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/05/978-5-88431-267-8/>

Дююю 2016 — *Дююю Д.* Женские восточно-граветтийские статуэтки из известняка со стоянки Костёнки 1 // Верхний палеолит: образы, символы, знаки: Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г. А. Хлопачёв. СПб.: Экстрапринт, С. 338–353. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-302-6/>

Ефименко 1938 — *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. 2-е изд. — Л.: Соцэгиз. 636 с.

Ефименко 1958 — *Ефименко П. П.* Костёнки 1. — М., Л.: Изд-во АН СССР. 1958. 452 с.

Ефименко, Борисковский 1957. *Ефименко П. П., Борисковский П.И.* Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.). // МИА № 59. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 191–234.

Желтова 2008 — *Желтова М.Н.* Костёнковские стоянки первой надпойменной террасы: варианты адаптации к окружающей среде верхнего плейстоцена // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций / отв. ред. Г.А. Хлопачёв. СПб.: Наука, 2008. С. 48–52.

Желтова 2009 — *Желтова М.Н.* Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) // АЭАЕ. 2009. № 2 (38). С. 19–27.

Желтова 2011 — *Желтова М.Н.* Острия александровского типа: контекст, морфология, функция // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Х.А. Амирханова / ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН. С. 226–234.

Желтова 2013 — *Желтова М.Н.* Место каменных индустрий Костёнок 4 в контексте верхнего палеолита Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / ред. Г.В. Синицына. СПб.: ЭлекСис. С. 86–109.

Желтова 2014 — *Желтова М.Н.* Костенки 4: опыт реконструкции участка культурного слоя // АВ. № 20. 2014. С. 55–68.

Желтова 2015 — *Желтова М.Н.* Планиграфический анализ жилых комплексов стоянки Костёнки 4. — Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2015. 23 с.

Желтова, Бурова 2014 — *Желтова М.Н., Бурова Н. Д.* Сопоставление жилых комплексов Костёнок 4 на основе изучения остеологических коллекций // SP. № 1. С. 111–145.

Желтова, Лисицын 2017 — *Желтова М.Н., Лисицын С.Н.* Шлифованные изделия из камня в палеолите Костёнок // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: сборник научных статей / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Т. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 368–369.

Жермонпре и др. 2008 — *Жермонпре М., Саблин М.В., Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В.* Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельство в пользу охоты на мамонтов // Хронология и периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. Вып. 1 / отв. ред. Г.А. Хлопачёв. СПб.: Наука. С. 91–112.

Заверняев Ф.М. 1974 — *Заверняев Ф.М.* Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. 1974. № 4. С. 142–161.

Заверняев 1978 — *Заверняев Ф.М.* Антропоморфная скульптура Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1978. № 4. С. 145–161.

Заверняев 1981 — *Заверняев Ф.М.* Гравировка на кости и камне Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1981. № 4. С. 141–158.

Заверняев 1987 — *Заверняев Ф.М.* Техника обработки кости из Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1987. № 3. С. 111–130.

Заверняев 1991 — *Заверняев Ф.М.* Кремневый инвентарь Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1991. № 4. С. 164–181.

Заверняев 2000 — *Заверняев Ф.М.* Остатки жилищно-бытового и хозяйственного комплексов на Хотылёвской верхнепалеолитической стоянке // РА. 2000. № 3. С. 69–87.

Залізник 2007 — *Залізник Л.Л., Степанчук В.М., Ветров Д.О., Товкайло М.Т., Озеров П.І.* Граветська стоянка Троянове 4 під Новомиргородом // Кам'яна доба України. 2007. № 10. С. 102–125.

Залізник, Ветров 2011 — *Залізник Л.Л., Ветров Д.О.* Нова граветська стоянка Озерове на Кіровоградщині // Кам'яна доба України. № 10. С. 56–62.

Замятин С.Н. 1929 — *Замятин С.Н.* Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК, том II. Л. С. 209–214.

Замятнін 1930 — *Замятнін С.Н.* Раскопки Бердыскай палеолітычнай стаянкі у 1927 г. // Працы археалагічнай Камісіі Беларускай Акадэміі Навук. Т. 2. Менск. С. 479–490.

Замятнін 1935 — *Замятнін С.Н.* Раскопки у с. Гагаріно // Известия ГАИМК. Вып. 118. 1935. М.; Л. С. 26–77.

Зенин и др. 2006 — *Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х.* Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // АЭАЕ. 2006. № 1 (25). С. 41–53.

Зубов 2004 — *Зубов А.А.* Палеоантропологическая родословная человека. — М.: Россельхозакадемия, 2004. 551 с.

Иванова 1981 — *Иванова М.А.* Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костёнках // КСИА. Вып. 165. С. 37–42.

Иванова 1985 — *Иванова М.А.* Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря). — Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. М.; Л., 1985. 18 с.

Калечиц 1984 — *Калечиц Е.Г.* Первоначальное заселение территории Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1984. 159 с.

Кардаш 2007 — *Кардаш О.В.* Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка). — Автореф. дисс. ... канд. исторических наук. СПб., 2007. 21 с.

Кардаш 2009 — *Кардаш О.В.* Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. — Екатеринбург, Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. 360 с.

Кармышева 1960 — *Кармышева Б.Х.* Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков // СЭ. 1960. № 1. С. 3–22.

Кельсиев 1883 — *Кельсиев А.И.* Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // Древности. Труды МАО. Т. IX. Вып. 2–3. 1883. 154–180.

Кильпе 1984 — *Кильпе Т.Л.* Основы архитектуры. М.: Высшая школа, 1984. 159 с.

Клейн Л.С. 1993 — *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

Константинов 2001 — *Константинов А.М.* Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 222 с.

Корниец 1962 — *Корниец Н.Л.* Про причини вимирання мамонта на території України // Вікопни фауни України і сумежних території. — Київ: Наукова думка, 1962. С. 93–169.

Кренке, Сулержицкий 1992 — *Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.* Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода / ред. В.Э. Мурзаева, Я.-М.К. Пуннинг, О. А. Чичагова. М.: Наука, 1992. С. 161–167.

Крыжицкий 1982 — *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1962. 163 с.

Кузьмина, Лифшиц 1987 — *Кузьмина Е.Б., Лифшиц В.А.* Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии: Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография / отв. ред. В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1987. С. 243–250.

Лавров 1992 — *Лавров А. В.* Строение и формирование костеносного горизонта Севского местонахождения мамонтов // История крупных млекопитающих и птиц Северной Евразии. Труды ЗИН. Т. 246. 1992. С. 60–67.

Лаврушин 2015 — *Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Кураленко Н. П., Недумов Р. И., Холмовой Г. В.* Палеозоологические катастрофы в позднем палеолите центра Восточной Европы (основы седиментолого-палеозоологической концепции возникновения кладбищ мамонтов). — М.: ГЕОС, 2015. 87 с.

Лазуков 1982 — *Лазуков Г. И.* Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 13–37.

Ларионов, Комиссарова 1986 — *Ларионов А. К., Комиссарова Н. Н.* Свойства лессовых пород // Лессовые породы СССР. Т. 1. М.: Недра, 1986. С. 104–134.

Лев 2003 — *Лев С. Ю.* Каменный инвентарь Зарайской стоянки. Типологический аспект. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 24 с.

Лев 2009 — *Лев С. Ю.* Каменный инвентарь Зарайской стоянки. Типологический аспект // *Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. С. 37–152.

Лев, Еськова 2016 — *Лев С. Ю., Еськова Д. К.* Кремневый инвентарь стоянки Зарайск В // КСИА. 2016. Вып. 242. М. С. 7–16.

Лев и др. 2019 — *Лев С. Ю., Зарецкая Н. Е., Нечушкин Р. И.* Проблемы датирования верхнепалеолитических объектов в Зарайске // Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений: ТД Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 90-летию со дня рождения Л. Д. Сулержицкого / сост. Э. П. Зазовская, Н. Е. Зарецкая, Т. Д. Каримов. М.: ИГ РАН, б/и, 2019. С. 54.

Левин 1936 — *Левин М. Г.* Эвенки северного Прибайкалья // СЭ. 1936. № 2. С. 71–78.

Леонтьев 1976 — *Леонтьев В. В.* По земле древних керек: записки этнографа. — Магадан: Магаданское книжное изд-во. 260 с.

Линденау Я. И. 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири: первая половина XVIII века. — Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1983. 176 с.

Лисицын 1998 — *Лисицын С. Н.* Микропластинчатый инвентарь верхнего слоя Костёнок 1 и некоторые проблемы развития микроорудий в верхнем палеолите Русской равнины // Восточный граветт / отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 299–308.

Лисицын 1999 — *Лисицын С. Н.* Эпиграветт или постграветт? (особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // SP. 1999. № 1. С. 83–120.

Лисицын 2004 — *Лисицын С. Н.* Хроностратиграфия стоянки Борщёво 5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное / ред. М. В. Аникович, Н. И. Платонова. Воронеж: Истоки, 2004. С. 66–79.

Лисицын 2011 — *Лисицын С. Н.* Граветтийский комплекс стоянки Борщёво 5 в Костёнковско-Борщёвском районе на Дону // Палеолит и мезолит Восточной

Европы. Сборник статей в честь 60-летия Х.А. Амирханова / ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН. С. 204–225.

Лисицын 2014 — *Лисицын С.Н.* О вариабельности граветтийского эпизода накануне последнего ледникового максимума: взгляд из Костёнок // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции [Сб. ст. памяти Михаила Васильевича Аниковича] / ред. С.А. Васильев, Е.С. Ткач. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 179–186.

Лисицын 2017а — *Лисицын С.Н.* Граветтийская статуэтка из бивня мамонта со стоянки Борщёво–5 // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: сборник научных статей. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 627–628.

Лисицын 2017б — *Лисицын С.Н.* Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // SP. 2017. № 1. С. 59–110.

Литовченко 1969 — *Литовченко Л.М.* Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. 1969. № 3. С. 110–123.

Літоучанка Л.М. 1966 — *Літоучанка Л.М.* Палеолітична стаянка Біручы Лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. Вып. 3. Минск, 1966. С.110–115.

Лукьянченко 1971 — *Лукьянченко Т.В.* Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. — М.: Наука. 166 с.

Мащенко 1992 — *Мащенко Е.Н.* Структура стада мамонтов из Севского позднелпестощенового местонахождения (Брянская обл.) // История крупных млекопитающих и птиц Северной Евразии. Труды ЗИН. Т. 246. 1992. С. 41–59.

Мащенко 2009 — *Мащенко Е.Н.* Интерпретация археозоологических данных стоянки Зарайск А в связи с биологией шерстистого мамонта (*mammoth primitiveus* [Blumenbach, 1799]) // *Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А. П. Бурова Н. Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. С. 402–435.

Микулов 1998 — *Микулов Олег [Аникович М.В.]* Закон крови. — СПб.: Азбука, 1998. 608 с.

Микулов 1999 — *Микулов Олег [Аникович М.В.]* Тропа длиною в жизнь. — СПб.: Азбука, 1999. 528 с.

Мичурин 1965 — *Мичурин Л. Н.* Дикий северный олень Таймырского полуострова и рациональное использование его запасов. — Автореф. дисс. ... канд. с-х. наук. М., 1965. 20 с.

Моисеев 1962 — *Моисеев С.Н.* Плотины каменно-земляные, набросные и из сухой кладки. 2-е изд. — М.; Л.: Госэнергоиздат, 1962. 176 с.

Москвитин 1950 — *Москвитин А.И.* О геологических условиях Авдеевской палеолитической стоянки // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 28–33.

Насимович 1975 — *Насимович А. А.* Африканский слон. М.: Наука, 1975. 56 с.

Нечаева 1975 — *Нечаева Л.Г.* О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке // Древнее жилище народов Восточной Европы / отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1975. С. 7–49.

Нужный 2016 — *Нужный Д.Ю.* Уникальная находка ребра мамонта с застрявшим кремневым наконечником (стоянка Костёнки 1, верхний слой) // Верхний палеолит: образы, символы, знаки: Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г. А. Хлопачёв. СПб.: Экстрапринт, С. 354–355. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-302-6/>

Нужный 2014 — *Нужный Д.Ю., Праслов Н. Д., Саблин М.В.* Первый случай подтверждения успешной охоты на мамонта в Европе (стоянка Костёнки 1, Россия) // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 4. История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит / отв. ред. Г. А. Хлопачёв. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 108–117. <http://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/05/978-5-88431-267-8/>

Перов 1996 — *Перов Р.Ф.* Селевые явления: терминологический словарь. — М.: Изд-во МГУ, 1996. 43 с.

Петрин 1986 — *Петрин В.Г.* Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. — Новосибирск: Наука, 1986. 142 с.

Пидопличко 1969 — *Пидопличко И.Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. — Киев: Наукова думка, 1968. 162 с.

Пидопличко 1976 — *Пидопличко И.Г.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова думка, 1976. 238 с.

Питулько В.В. [2009] — О ловле мамонтов и не только // SP 2005–2009. [2009]. № 1. С. 288–299.

Платонова, Аникович 2005 — *Платонова Н.И., Аникович М.В.* Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания, размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий / отв. ред. М.В. Аникович. СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. С. 10–28 (ТКБАЭ, вып. 3).

Платонова и др. 2011 — *Платонова Н.И., Аникович М.В., Анисюткин Н.К.* Проблема палеолитического человека в отечественной науке (XIX–XX вв.) // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки / отв. ред. Н. И. Платонова. — СПб., Нестор-История, 2011. С. 70–98.

Платонова и др. 2015 — *Платонова Н.И., Аникович М.В., Анисюткин Н.К.* Проблемы и перспективы социокультурного исследования археологических памятников среднего палеолита Европы // Традиции и инновации в истории и культуре / отв. ред.: А. П. Деревянко, В.А. Тишков. М.: ОИФН РАН; ИЭА РАН, 2015. С. 31–41.

Поликарпович 1968 — *Поликарпович К.М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. — Минск: Наука и техника, 1968. 204 с.

Поляков 2008 — *Поляков И.С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Академии наук. Глава 2 // *Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И.* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в свете основных проблем генезиса верхнего палеолита Европы. Приложение 1. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 247–259 (ТКБАЭ, вып. 1).

Попов 1948 — *Попов А. А.* Нганасаны: Материальная культура // ТИЭ. Нов. сер. Т. 3. Вып. 1. С. 142–172.

Попов 1961 — *Попов А. А.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири / ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–226.

Попов 1983 — *Попов В.В.* Анализ кремневого инвентаря стоянки Костёнки 11 (II культурный слой) // Древние памятники на территории Восточной Европы. Известия ВГПИ. Т. 227. Воронеж, 1983. С. 5–13.

Попов 1989 — *Попов В.В.* Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костёнки 11. — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л.: ЛГУ. 23 с.

Попов 2002 — *Попов В.В.* Жилище аносовско-мезинского типа на стоянке Костёнки 11 // Археологические памятники Восточной Европы / отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Изд-во ВГПУ. С. 4–12.

Попов [2005] — *Попов В.В.* Кости мамонта в конструкции жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костёнки 11 (Аносовка 2) // SP 2003–2004 [2005]. № 1. С. 157–186.

Попов, Пустовалов 2004 — *Попов В.В., Пустовалов А.Ю.* Поселение 2-го культурного слоя стоянки Костёнки 11 (Аносовка 2) // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10 / отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2004. С. 3–8.

Попов и др. 2004 — *Попов В.В., Аникович М.В., Хоффекер Дж., Дудин А.Е., Пустовалов А.Ю., Чернышов С.С.* Костёнки 11 (Аносовка 2) // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное / ред. М.В. Аникович, Н.И. Платонова. Воронеж: Истоки, 2004. С. 6–17.

Праслов 1964 — *Праслов Н. Д.* Гмелинская стоянка в Костёнках // КСИА. Вып. 97. 1964. С. 59–63.

Праслов 1991 — *Праслов Н. Д.* Орудия охоты в палеолите Костёнок. Первое Координационное совещание по изучению мамонта и мамонтовой фауны. ТД // Цитология. Т. 37. № 5. 1991. С. 634–635.

Праслов Н. Д. 1992 — О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // АВ. № 1. 1992. С. 28–39.

Праслов, Иванова 1979 — *Праслов Н. Д., Иванова М. А.* Костёнки 21 (Гмелинская стоянка) // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. ТД к Всесоюзному совещанию, посвященному 100-летию открытия палеолита в Костёнках (20–25 августа 1979 года) / гл. ред. Б.И. Горецкий. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 61–63.

Праслов, Сулержицкий 1999 — *Праслов Н. Д., Сулержицкий Л.Д.* Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костёнках на Дону // Доклады Академии наук. Т. 365. № 2. 1999. С. 236–240.

Праслов, Рогачёв /ред./ 1982 — *Праслов Н. Д., Рогачёв А.Н /ред./* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука. 286 с.

Разгильдеева 2016 — *Разгильдеева И.И.* Планиграфия шестиочажного комплекса позднепалеолитического поселения Студёное-2 в Забайкалье // SP. 2016. № 1. С. 243–263.

Рогачёв 1940 — *Рогачёв А. Н.* Палеолитическое поселение Костёнки IV // КСИИМК. Вып. IV. 1940. С. 36–41.

Рогачёв 1953 — *Рогачёв А. Н.* Исследование остатков первобытно-общинного поселения у с. Авдеева на р. Сейме в 1949 г. // МИА. Т. 39. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 137–191.

Рогачёв 1955 — *Рогачёв А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. — М.; Л.: Изд-во АН СССР. 164 с. (МИА. Т. 45).

Рогачёв 1957 — *Рогачёв А. Н.* Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. Т. 3. МИА. Т. 59. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–134.

Рогачёв 1961 — *Рогачёв А. Н.* Аносовка II — новая многослойная стоянка в Костёнках // КСИА. Вып. 82. 1961. С. 86–96.

Рогачёв 1962 — *Рогачёв А. Н.* Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. Вып. 92. 1962. С. 12–17.

Рогачёв 1964 — *Рогачёв А. Н.* Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. С. 1–12.

Рогачёв 1970 — *Рогачёв А. Н.* Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР. МИА. Т. 166. М.: Изд-во АН СССР, 1970. С. 64–77.

Рогачёв и др. 1979 — *Рогачёв А. Н., Попов В. В., Сеницын А. А.* Раскопки на палеолитической стоянке Костёнки 11 // АО 1978. М., 1979. С. 85–86.

Рогачёв, Беляева 1982 — *Рогачёв А. Н., Беляева В. И.* Костёнки 18 (Хвойковская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / отв. ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 186–190.

Рогачёв, Попов 1982 — *Рогачёв А. Н., Попов В. В.* Костёнки 11 (Аносовка 2) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / отв. ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 116–132.

Рогачёв А. Н., Праслов Н. Д. 1982 — *Рогачёв А. Н., Праслов Н. Д.* Заключение // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / отв. ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 260–267.

Рогачёв, Сеницын 1982 — *Рогачёв А. Н., Сеницын А. А.* Костёнки 14 (Маркина гора) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / отв. ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 145–162.

Рогачёв и др. 1982 — *Рогачёв А. Н., Праслов Н. Д., Аникович М. В., Беляева В. И., Дмитриева Т. Н.* Костёнки 1 (стоянка Полякова) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / отв. ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 42–66.

Рогачёв, Аникович 1984 — *Рогачёв А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / отв. ред. П. И. Борисковский. М.: Наука, 1984. С. 162–271.

Родионов 2013 — *Родионов А. М.* Вопросы генезиса замятнинской культуры в контексте каменных индустрий // Восточноевропейские древности / отв. ред. А. Н. Ворошилов. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 216–221 (Вестник Острогжского историко-художественного музея имени И. Н. Крамского; вып. 3).

Рошефор 1912 — *Рошефор Н. И.* Иллюстрированное урочное положение. Полный текст по исправленному экземпляру. Пособие при составлении

и проверке смет, проектировании и исполнении работ. 4-е испр. изд. — СПб., 1912. 694 с.

Руденко 1947 — *Руденко С.И.* Древние культуры Берингова моря и эскимосская проблема. — М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 166 с.

Саблин 2008 — *Саблин М.В.* Фауна ранних верхнепалеолитических культурных слоев стоянок Костёнки 6, Костёнки 12, Костёнки 17 из раскопок П.И. Борисковского, П.П. Ефименко, А.Н. Рогачёва // *Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И.* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. Приложение 4. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 279–284 (ТКБАЭ, вып. 1).

Сапожников 2004 — *Сапожников И.В.* Хроностратиграфическое обоснование для общей и региональных периодизаций позднего палеолита Евразии // *АЭАЕ.* 2004. № 3. С. 2–11.

Сапожников 2005 — *Сапожников И.В.* Еще раз о так называемой “крымской загадке”: поздний палеолит навеса Сюрень I // *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий / отв. ред. М.В. Аникович.* СПб.: ООО “Копи-Р”, 2005. С. 177–196 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Сапожникова 2005 — *Сапожникова Г.В.* Амвросиевское костыше и его назначение: по трасологическим исследованиям каменных орудий // *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы / отв. ред. М.В. Аникович.* СПб.: ООО “Копи-Р”, 2005. С. 234–239 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Седов и др. 2010 — *Седов С.Н., Хохлова О.С., Сеницын А. А., Коркка М.А., Русаков А. В., Ортега Б., Соллейро Э., Розанова М.С., Кузнецова А.М., Каздым А. А.* Позднеплейстоценовые палеопочвенные серии как инструмент локальной палеогеографической реконструкции (на примере разреза Костенки 14) // *Почвоведение.* 2010. № 8. С. 938–955.

Селезнёв 1998 — *Селезнёв А.Б.* Технология расщепления кремня на стоянке Хотылёво-2 // *Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов.* М: Научный мир, 1998. С. 214–225.

Семенов 1957 — *Семенов С.А.* Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА. Т. 54).

Семёнов 1968 — *Семёнов С.А.* Развитие техники в каменном веке. — Л.: Наука, 1968. 376 с.

Сергин 1972 — *Сергин В. Я.* Рецензия: *Пидопличко И.Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969 // *СА.* 1972. № 3. С. 306–307.

Сергин 1974 — *Сергин В. Я.* О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях // *СА.* 1974. № 1. С. 3–11.

Сергин 1978 — *Сергин В. Я.* Рецензия: *Пидопличко И.Г.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976 // *СА.* 1978. № 2. С. 297–303.

Сергин 1983 — *Сергин В. Я.* О назначении больших ям на палеолитических поселениях // *КСИА.* Вып. 173. 1983. С. 23–31.

Сергин 1998 — *Сергин В. Я.* Жилища на памятниках восточного граветта Русской равнины // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С.151–176.

Сергин 2001 — *Сергин В. Я.* Охота и собирательство как источник поступления костей мамонта на позднепалеолитические поселения Центра Русской равнины // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения / отв. ред. А.Ю. Розанов. М.: ГЕОС, 2001. С. 346–355.

Сергин 2014 — *Сергин В. Я.* Контакт с мамонтами — возможная основа успешного их добывания // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции [Сб. ст. памяти Михаила Васильевича Аникивича] / отв. ред. С.А. Васильев, Е.С. Ткач. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 228–234.

Сергин 2018 — *Сергин В. Я.* Мамонтов доставляли сели и плывунные потоки? // КСИА. Вып. 252. 2018. С. 104–115.

Серииков 2003 — *Серииков Ю.Б.* К вопросу об охоте на мамонтов // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып. 2 / отв. ред. И.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. С.164–167.

Серииков 2007 — *Серииков Ю.Б.* К вопросу об охоте на мамонтов // Уфимский археологический вестник. Вып. 6–7. Уфа, 2007. С. 5–11.

Серииков 2012 — *Серииков Ю.Б.* К вопросу об оружии поражения луговского мамонта // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (16). Тюмень, 2012. С. 4–12.

Серииков 2013 — *Серииков Ю.Б.* Луговская находка и дискуссия о возможности охоты на мамонтов // РА. 2013. № 2. С. 18–26.

Сидорчук и др. 2008 — *Сидорчук А.Ю., Панин А. В., Борисова О.К.* Климатически обусловленные изменения речного стока на равнинах Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене // Водные ресурсы. Т. 35. № 4. 2008. С. 406–416.

Симченко 1976 — *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. — М.: Наука, 1976. 312 с.

Симченко 1992 — *Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Система жизнеобеспечения. — М.: ИЭА РАН. 202 с. (Народы и культуры. Вып. 22).

Симченко 1993 — *Симченко Ю.Б.* Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки. — М.: Центр прикладной этнографии ИАЭ РАН. 175 с. (Российский этнограф. Этнографический альманах: антропология, культурология, социология. Вып. 7).

Синицын 2002 — *Синицын А. А.* Костёнки 14 (Маркина гора). Абсолютные даты // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / отв. ред. А. А. Синицын. СПб.: АкадемПринт. С. 255.

Синицын 2006 — *Синицын А. А.* Модели адаптации и культурные различия палеолита Костёнок // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2006. С.336–340.

Синицын 2013 — *Синицын А. А.* Граветт Костёнок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / ред. Г.В. Синицына. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 4–32.

Синицын 2014а — *Синицын А. А.* Прерывистость и преемственность в палеолите Костёнок // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014. С. 66–76.

Синицын 2014б — *Синицын А. А.* К проблеме культурной принадлежности Пушкарей 1 // Проблемы археологии эпохи камня. К 70-летию В.И. Беляевой. Труды исторического факультета СПбГУ. 2014. № 18. С. 234–244.

Синицын 2015 — *Синицын А. А.* Костенки 14 (Маркина гора) — опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11-GI-3) // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Замятинский сборник. Вып. 4 / отв. ред. Г.А. Хлопачёв. СПб.: МАЭ РАН. С. 40–59.

Синицын, Праслов /ред./ 1997 — *Синицын А. А., Праслов Н. Д. /ред./* Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 143 с.

Синицын и др. 1997 — *Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д.* Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы / ред. А. А. Синицын, Н. Д. Праслов. СПб.: Академ-Принт, 1997. С. 21–66.

Синицын и др. 2004 — *Синицын А. А., Хоффекер Дж. Ф., Синицына Г.В., Спиридонова Е. А., Гуськова Е.Г., Форман С., Очередной А.К., Бессуднов А. А., Миронов Д.С., Рейнолдс Б.* Костёнки 14 (Маркина гора) // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное / ред. М.В. Аникович, Н.И. Платонова. Воронеж: Истоки, 2004. С. 39–59.

Синицын и др. 2019 — *Синицын А. А., Степанова К. Н., Петрова Е. А.* Новое прямое свидетельство охоты на мамонта из Костёнок // *Первобытная археология*. 2019. № 1. С. 149–158.

Сорокин 1990 — *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). — М.: ИА РАН. 220 с.

Сорокин 2008 — *Сорокин А. Н.* Мезолитоведение Поочья. — М.: Гриф и К., 2008. 327 с.

Спицын 1915 — *Спицын А. А.* Русский палеолит // ЗОРСА РАО. Т. XI. СПб., 1915. С. 133–172.

Соффер 1993 — *Соффер О. А.* Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ / ред. Н.Б. Леонова, С.А. Несмеянов. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1993. С. 99–118.

Сулержицкий 2004 — *Сулержицкий Л.Д.* Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3. С. 103–112.

Сыроечковский 1986 — *Сыроечковский Е. Е.* Северный олень. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.

Тарасов Л.М. 1972 — *Тарасов Л.М.* Двойная скульптура человека из Гагарино // КСИА. Вып. 131. С. 14–19.

Тарасов Л.М. 1979 — *Тарасов Л.М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. — Л.: Наука, 1979. 166 с.

Тарасов 1991 — *Тарасов Л.М.* Палеолит бассейна Десны. — Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1991. 46 с.

Трусов А. В. 1985 — *Трусов А. В.* Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. 1985. № 3. С. 110–118.

Трусов А. В. 1994 — *Трусов А. В.* Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. 1994. М. С. 94–116.

Трусов А. В. 2002 — *Трусов А. В.* Культурный слой Зарайской палеолитической стоянки (морфология – стратиграфический аспект) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костёнках / ред. А. А. Сеницын. СПб., 2002. С. 151–159.

Трусов, Житенёв 2008 — *Трусов А. В., Житенёв В.С.* Ожерелье из зубов пещера Зарайской стоянки // Человек, адаптация, культура / отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 427–434.

Уваров 1881 — *Уваров А.С.* Археология России. Т. 1. Каменный период. — М.: Синод. типогр., 1881. 467 с.

Успенский, Шнейдер 1958 — *Успенский Л., Шнейдер К.* За семью печатями. — М.: Молодая гвардия, 1958. 280 с.

Файко 1960 — *Файко Л.И.* Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера // СЭ. 1960. № 2. С. 144–150.

Файнберг 1991 — *Файнберг Л.А.* Охотники американского севера (индейцы и эскимосы). — М.: Наука, 1991. 184 с.

Федюнин 2015 — *Федюнин И.В.* Дискуссионные вопросы изучения палеолита Южного Подонья // АВ. № 21. 2015. С. 368–373.

Федюнин 2017 — *Федюнин И.В.* Каменный инвентарь первого культурного слоя стоянки Костенки 11 в свете новых исследований и некоторые проблемы верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района // АВ. № 23. 2017. С. 19–32.

Флёров 1996 — *Флёров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — Волгоград; М.: ИА РАН, 1996. 100 с.

Харузин 1895 — *Харузин Н.Н.* Очерк истории развития жилища у финнов. — М., 1895. 99 с. (Из XXIV и XXV кн. Этнографического обозрения).

Хлопачёв 2006 — *Хлопачёв Г.А.* Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: Наука, 2006. 260 с.

Хомич 1966 — *Хомич Л.В.* Ненцы. — М., Л.: Наука, 1966. 330 с.

Хороших, Чемуев 1980 — *Хороших П.П., Чемуев И.Н.* Берестяные изделия у селькупов // Этнография Северной Азии / отв. ред. Г.И. Пелих, Е.М. Тошчакова. Новосибирск: Наука, 1980. С. 171–185.

Чебоксаров, Чебоксарова 1984 — *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры / Отв. ред. М. В. Крюков, А.И. Кузнецов. М.: Наука, 1984. С. 85–92.

Челидзе 1968 — *Челидзе Л.М.* Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе. — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1968. 20 с.

Чепалыга, Пирогов 2005 — *Чепалыга А. Л., Пирогов А. Н.* События эпохи экстремальных затоплений в долине Маныча: сброс Каспийских вод через Маныч–Керченский пролив // *Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода* / отв. ред. Н. П. Юшкин. Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 445–447.

Чепалыга и др. 2006 — *Чепалыга А. Л., Садчикова Т.А., Лаврентьев Н.В. Пирогов А. Н., Цыбрий В.В.* История долины Маныча и древний человек в позднем палеолите // *Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы международного симпозиума* / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮжНЦ РАН, 2006. С. 340–348.

Чернецов 1937 — *Чернецов В.Н.* Чум // *СЭ.* 1937. № 6. С. 85–92.

Чердынцев и др. 1965 — *Чердынцев В.В., Алексеев В.А., Кинд Н.В., Форова В.С., Завельский Ф.С., Сулержицкий Л.Д., Чурикова И.В.* Радиоуглеродные даты лаборатории Геологического института АН СССР // *Геохимия.* 1965. № 12. С. 1410–1422.

Чубур 1993 — *Чубур А. А.* «Мамонтовое собирательство» в бассейне Десны // *Природа.* № 7. С. 54–57.

Чубур 1998 — *Чубур А. А.* Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время // *Восточный граветт* / отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 309–329.

Чубур 2006 — *Чубур А. А.* Эксплуатация мамонтовых «кладбищ» как элемент адаптации палеолитического человека к природным условиям эпохи экстремальных затоплений // *Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы международного симпозиума* / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮжНЦ РАН, 2006. С. 348–352.

Чубур 2011 — *Чубур А. А.* Палеолит Верхнего Поднепровья. История исследований, экономика, жилище, социум. — LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, 2011. 340 с.

Шило 2001 — *Шило Н. А.* Исчезновение мамонтов с лица Земли // *Мамонт и его окружение: 200 лет изучения* / отв. ред. А.Ю. Розанов. М.: ГЕОС, 2001. С. 307–314.

Шовкопляс 1965 — *Шовкопляс И.Г.* Мезинская стоянка. — Киев: Наукова думка, 1965. 327 с.

Шренк 1899 — *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. Т. 2. Этнографическая часть, первая половина. Главные условия и явления внешнего быта. XXII. СПб.: Изд-во ИАН, 1899. 314 с.

Gavrilov et al. 2015 — *Gavrilov, K.N., Voskresenskaya, E.V., Maschenko, E.N., Douka, K.* 2015. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site // *Quaternary International.* 2015. Vol. 359/360. Pp. 335–346.

Giria, Bradley 1998 — *Giria, E., Bradley, B.A.* Blade Technology at Kostenki and Zayausk // *Восточный граветт* / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 191–213.

Grigorjev 1967 — *Grigorjev, G.P.* A new reconstruction of the above-ground dwellings of Kostenki // *Current Anthropology*. Vol. 8. No.4. Pp. 344–348.

Grigoriev 1993 — *Grigoriev, G.P.* The Kostenki-Avdeevo Archaeological Culture and the Willendorf–Pavlov–Kostenki–Avdeevo Cultural Unity // *From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations / Olga Soffer and Nikolai D. Praslov (eds.)*. Plenum Press. New York & London. Pp. 1–65.

Gvozdover 1995 — *Gvozdover, M.D.* Art of the Mammoth Hunters: the finds from Avdeevo. — Oxford: Oxbow Books, 1995. 186 p. (Oxbow Monograph. Book 49).

Haesaerts et al. 2004 — *Haesaerts, P., Damblon, F., Sinitsyn A., & Van der Plicht, J.* Kostienki 14 (Voronezh, Central Russia): New Data on Stratigraphy and Radiocarbon Chronology // *Actes du XIV ème Congrès UISPP, Section 6, Le Paléolithique Supérieur. (BAR International Series, Vol. 1240)*. Pp. 169–180.

Hoffecker 2002 — *Hoffecker, J.F.* Desolate Landscapes: Ice-Age Settlement in Eastern Europe. Rutgers University Press, New Brunswick (NJ), 2002. 298 pp.

Hoffecker 2011 — *Hoffecker, J.F.* The Early Upper Paleolithic of Eastern Europe Reconsidered // *Evolutionary Anthropology*. 2011. Vol. 20. Pp. 24–39.

Hoffecker et al. 2005 — *Hoffecker, J.F., Kuz'mina, I.E., Anikovich, M.V., Popov, V.V.* Taphonomy of an Early Upper Palaeolithic bone bed at Kostenki 12 // *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий / отв. ред. М.В. Аникович. СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. С. 161–176 (ТКБАЭ. Вып. 3)*.

Hoffecker et al. 2010 — *Hoffecker, J.F., Kuz'mina, I.E., Syromyatnikova, E.V., Anikovich, M.V., Sinitsyn, A.A., Popov, V.V., Holliday, Vance T.* Evidence for kill-butcher events of early Upper Paleolithic age at Kostenki, Russia // *Journal of Archaeological Science*. № 37. Pp. 1073–1089.

Hoffecker et al. 2016 — *Hoffecker, J.F., Holliday, V.T., Anikovich, M.V., Dudin, A.E., Platonova, N.I., Popov, V.V., Levkovskaya, G.M., Kuz'mina, I.E., Syromyatnikova, E.V., Burova, N.D., Goldberg, P., Macphail, R.I., Forman, S.L., Carter, B.J., Crawford, L.J.* Kostenki 1 and the early Upper Paleolithic of Eastern Europe // *Journal of Archaeological Science: Reports*, Vol. 5. Pp. 307–326.

Holliday et al. 2007 — *Holliday, V.T., Hoffecker, J.F., Goldberg, P., Macphail, R.I., Forman, S.L., Anikovich, M., Sinitsyn, A.* Geoarchaeology of the Kostenki-Borshchevo Sites, Don River Valley, Russia // *Geoarchaeology: an International Journal*. Vol. 22, No. 2. Pp. 181–228.

Holliday et al. 2017 — *Holliday, V.T., Johnson, E., Knudson, R. (Eds.)*. Plainview: The Enigmatic Paleoindian Artifact Style of the Great Plains. University of Utah Press, Salt Lake City. 2017. 343 pp.

Klima 1963 — *Klima, B.* Dolni Vstonice. Vzkm Lboist lovc mamut v letech 1947–1952. Praha, 1963. 428 s.

Leesch, Bullinger 2012 — *Leesch, D., Bullinger, J.* Identifying dwellings in Upper Palaeolithic open-air sites: the Magdalenian site at Monruz and its contribution to analysing palimpsests // *A mind set on flint. Studies in honour of Dick Stapert (Groningen Archaeological Studies 16) / Eds. Niekus M., Barton R., Street M., T. Terberger T. Groningen, 2012. Pp. 165–181*.

Lisitsyn 2015 — *Lisitsyn, S.* The late Gravettian of Borshevo 5 in the context of the Kostenki-Borshevo sites (Don basin, Russia) // *Quaternary International*. 2015. Vol. 359/360. Pp. 372–383.

Maschenko et al. 2006 — *Maschenko, E.N., Gablina, S.S., Tesakov, A.S., Simakova, A.N.* The Sevsk woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) site in Russia: taphonomic, biological and behavioral interpretations // *Quaternary International*. 2006. Vol. 142/143. Pp. 147–165.

Milovice... 2009 — *Milovice* site of the mammoth people below the Pavlov hills / ed. M. Oliva. Brno: Moravské Zemské Muzeum, 2009.

Moreau 2010 — *Moreau, L.* Geißenklösterle. The Swabian Gravettian in its European context // *Quartär*. 57. Pp. 79–93.

Moreau 2012 — *Moreau, L.* Le Gravettien ancien d'Europe centrale revisité: mise au point et perspectives // *L'Anthropologie*. 2012. Vol. 116. Pp. 609–638.

Nigst, Antl-Weiser 2012 — *Nigst, P.N., Antl-Weiser, W.* Les structures d'occupation gravettiennes en Europe centrale: le cas de Grub/Kranawetberg, Autriche // *L'Anthropologie*. 2012. Vol. 116. Iss. 5. Pp. 639–664.

Nikolskiy, Pitulko 2013 — *Nikolskiy, P., Pitulko, V.* Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40. Pp. 4189–4197.

Novak 2004 — *Novak, M.* Gravettian occupation in the lower layer of Kašov I // *The Gravettian along the Danube. The Dolní Věstonice Studies*. 11, Brno, 2004. Pp. 217–242.

Nuzhnyi 2009 — *Nuzhnyi, D.Yu.* The industrial variability of the eastern Gravettian assemblages of Ukraine // *Quartär*. 2009. Vol. 56. Pp. 159–174.

Polanska, Hromadova 2015 — *Polanska, M., Hromadova, B.* Réflexion autour des industries gravettiennes «post-pavloviennes» de Slovaquie occidentale et de Moravie (25,500/24,500–22,000 BP non calibré) // *Forgotten times and spaces: New perspectives in paleoanthropological, paleoetnological and archeological studies*. 1st Edition. Brno: Institute of Archeology of the Czech Academy of Sciences; Masaryk University, 2015. Pp. 132–154.

Reynolds et al. 2015 — *Reynolds, N., Lisitsyn, S.N., Sablin, M. V., Barton, N. & Higham, T.F.G.* Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. Vol. 62. Pp. 121–132.

Reynolds et al. 2017 — *Reynolds, N., Dinnis, R., Bessudnov, A., Devière, T., & Higham, T.* The Kostënki 18 child burial and the cultural and funerary landscape of Mid Upper Palaeolithic European Russia // *Antiquity*, 91(360). 2017, pp. 1435–1450.

Reynolds et al. 2019 — Reynolds, N., Germonpré, M., Bessudnov, A.A., & Sablin, M.V. The Late Gravettian site of Kostënki 21 layer III, Russia: a chronocultural reassessment based on a new interpretation of the significance of intra-site spatial patterning // *Journal of Paleolithic Archaeology*. Pp. 1–51. <https://doi.org/10.1007/s4198>.

Sinitsyn 2004 — *Sinitsyn, A. A.* Les sépultures de Kostenki: chronologie, attribution culturelle, rite funéraire. // M. Otte (ed.) *La Spiritualité: Actes du colloque de la commission 8 de l'UISPP (Paléolithique supérieur), Liège, 10–12 décembre 2003. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège*. 2004. Vol. 106. Liège. S. 237–244.

Sklenář 1975 — *Sklenář, K.* Paleolithic and Mesolithic Dwellings: Problems of Interpretation // *Památky archeologické*, LXVI, Praha, 1975. Pp. 266–304.

Skrlida 1997 — *Skrlida, P.* The Pavlovian lithic technologies // *J. Svoboda (ed.) Pavlov I – Northwest. The Dolní Věstonice Studies*. 1997. Vol. 4, Brno. Pp. 313–372.

Soffer O. 1985 — *Soffer, O.* The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. — Orlando. Florida Academic Press. 555 p.

Svoboda 2007 — *Svoboda J.A.* The Gravettian on the Middle Danube // *PALEO*. 2007. № 19. Pp. 203–220.

Svoboda et al. 2016 — *Svoboda, J., Novak, M., Sazelova, S., Demek, J. Pavlov, I.* A large Gravettian site in space and time // *Quaternary International*. 2016. Vol. 406, Part A. Pp. 95–105.

Wilczynski /ed./ 2015 — *Wilczynski, J. /ed./* A Gravettian site in southern Poland: Jaksice II. *ISEA PAS*. 132 p.

Wojtal et al. 2019 — *Wojtal, P., Haynes G., Klimowicz J., Sobczyk K., Tarasiuk J., Wronski S., Wilczynski J.* The earliest direct evidence of mammoth hunting in Central Europe — The Krakow Spadzista site (Poland) // *Quaternary Science Reviews*. 213 (2019). Pp. 162–166.

Zamyatnin 1934 — *Zamyatnin S.* La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires. — Moscou; Léningrad, 1934. 84 с. (Изв. ГАИМК. Вып. 88).

SUMMARY¹

In the previous issue of our monograph (Anikovich et al. 2011), we set forth the general concept of the Dnieper-Don Historical and Cultural Habitat (HCH), where the population — for the most part — based their livelihood on the exploitation of mammoth-confined resources. Data that shed light on the background of this HCH formation were also analyzed in the same edition.

During the period since the manuscript has been edited, the team of authors experienced an irrevocable loss: in August 2012, Mikhail Vasilyevich Anikovich passed away; Anikovich was one of the most profound Russian archaeologists dealing with the Paleolithic. His deep knowledge of the data, unbiased scientific views and his ability to generate new ideas invariably served as the basis for our joint work. Also, within a year, in the early autumn of 2013, Viktor Vasilyevich Popov — another colleague of ours and our co-author — passed away: he had been director of the “Kostenki”² Museum-Reserve. Under these circumstances, it was necessary to retreat from the previous intention to provide a complete, exhaustive summary of all archaeological cultures and sites of the Upper Paleolithic Dnieper-Don HCH.

Part I **Chapters 1–8** **Willendorf-Pavlov-Kostenki cultural entity** **in the East Europe**

Mikhail V. Anikovich

Part 1 of this edition deals wholly with the specific characteristics of the artifacts and sites confined to the so-called Willendorf-Pavlov cultural entity. In relation to Eastern Europe the entity could be called Willendorf-Pavlov-Kostenki (WPK). In the last decades, a genuine breakthrough, regarding both the methodological and interpretive aspects, were closely associated with this area of scientific research. Anikovich himself managed to prepare these chapters before he passed away; the work was done with the assistance of Nadezhda I. Platonova.

The authors believe that after Khizri A. Amirkhanov and Sergey Yu. Lev explored the Zaraysk site, it was no longer possible to consider the issues associated with Willendorf-Kostenki type (=Kostenki-Avdeyevo type) cultural layers formation and age in the same manner it had been done before. The need to revise traditional beliefs, as well as the need to purposefully improve field work on the sites of the same type

¹ Перевод на английский Н. Е. Казак (главы 1–8, 10–14), С. Н. Лисицына (глава 9).

² Correct transliteration of Russian words «Костёнки» and «Борщёво» are “Kostionki» and “Borshchivo». But since the terms “Kostenki» and “Borshchevo” have already been established in English-language archaeological literature, we retain their generally accepted spelling.

(broadly speaking, on Paleolithic sites built of compound cultural layers) seemed to be quite obvious. This conclusion first of all resulted from analysis of radiocarbon dates acquired for these artifacts.

Precise horizontal and vertical stratigraphic tying of samples to cultural layers and cultural context that were practiced during excavations at the Zaraysk site, followed by a chronostratigraphic analysis of the entire series of dates, allowed, in effect, minimal inversions and direct contradictions. It turned out that in this case the 'spread of the values' regarding the obtained dates, ranged between 23,000 to 16,000 yr BP, cannot be explained only by errors of method. The 'spread' is confined to an actual chronological range that covers a site life-span. The population used to leave the site from time to time and then came back again. It is impossible to treat all the excavated artifacts as confined to the same time period. It is revealing that the principle of residential space arrangement and the layout of dwellings changed considerably over time. However, flint and bone tools from various habitat levels (from various cultural layers) demonstrated a pronounced continuity and real cohesion of cultural traditions.

In our book we analyzed the present-day data associated with other sites of Kostenki-Avdeyevo type (Kostenki 1/I; 13; 14/I; 18; Avdeyevo; Berdyzh), as well as the data linked with the sites confined to Pavlovian (Gagarino-Hotylyovian) cultural tradition. This allow us to conclude that the ideas developed during the Zaraysk explorations, with regard to the chronological range of the sites' life-span and the breaks between the periods when the sites were inhabited, are quite applicable to other cases. Of course, the ¹⁴C dating available (especially those obtained at the initial stage of the method development) show that there are a series of dates that could be explained either by accidental negligence during sample processing, or by experimenting with the same sample in order to determine the most effective technique. The latter, in particular, took place during dating of Kostenki 1/I and Avdeyevo. But even with the exception of such cases, there is a representative series of dates, which, being correlated with the contexts, show that the WPK traditions existed on the Russian Plain for thousands of years. The sites confined to archaeological cultures associated with the abovementioned traditions are entities represented by a compound cultural layer. Artifacts originated from different time periods are tightly compacted in the layer, which results from long interruptions between the periods when the sites were inhabited; besides the situation was affected by insignificant accumulation of cultural remnants in a dry, cold climate (the last phase of the Middle Wurm). These sites require very special methods of research and stratigraphic analysis.

To understand the essence and specificity of economic and cultural types common for archaeological cultures and individual sites of the region — the type that welded them into one entity — it is extremely important to recognize the fact that the functioning of these cultural traditions was a long process that could be measured by millennia. It was the Dnieper-Don HCH that, according to Anikovich, signified such an entity due to its natural and economical and, at the same time, historical and cultural specificity (but, by no means, due to a common origin). The fact that different cultures existed within the framework of this HCH is beyond doubt. However, the debate on these issues will undoubtedly be continued, since everything that is conceptually new at first gives rise to a harsh rejection and antagonism.

Renunciation of the selective approach to ^{14}C dating allowed us to conclude that the Willendorf–Kostenki AC existed on the Russian Plain in the range from 23–22,000 yr BP to 19–16,000 yr BP. During this period, this culture significantly changed the nature of the settlements structure, but it remained stable in terms of the technological and typological characteristics of the flint implements. Analysis of archaeological data confirms that these characteristics turned out to be the most conservative.

For all we know on the basis of the data available, all four Zaraysk cultural layers (in other words, “habitat horizons” — terminology here is not that important) show that the mentioned characteristics did not undergo any significant changes, while the structural characteristics of the settlement, traced in the second horizon from the top, differ significantly from the distinctive Kostenki-Avdeyevo planigraphy typical of the two lower horizons. Also worth noting is that the most striking similarities, when it comes to bone implements, decorations and art works, were revealed between the two lower horizons of the Zaraysk and Kostenki 1/I sites, and especially

Thus, indeed, the most prominent Kostenki-Avdeyevo core of these traditions, identifiable by allied specific characteristics of flint and bone implements, decorations, art works, and structural features of the settlements, can be traced down to the period before the climatic minimum: to 23–21,000 yr BP in Kostenki 1 / I and Avdeyevo and to the two lower horizons in the Zaraysk site. Nevertheless, it can be considered proven that in the Eastern Europe, the Willendorf–Kostenki cultural traditions were not interrupted suddenly and utterly. While changing, they survived the climatic minimum (20–18,000 yr BP) and continued to exist in the Late Glacial.

A number of conclusions could be drawn on the basis of the information provided by the authors in the brief review of the data linked with the Khotylyovo 2 and Gagarino sites. Firstly, the stone industries of these sites, although not identical, are nevertheless quite close to each other in terms of the main indicators. They undoubtedly belong to the Gravettian technocomplex; they also have similarities in terms of the percentage ratio between the core technical and morphological groups of tools.

The structures of the Gagarino and Khotylyovo settlements are also not identical, but nevertheless they have obviously more similarities between each other than with the “classical” structure of the Willendorf–Kostenki AC sites. At the same time, both Khotylyovo 2 and Gagarino demonstrate specific features similar to a number of those typical of Willendorf–Kostenki AC. Regarding specific characteristics direct analogies could be recognized in the Zaraysk site, in Kostenki 1/I and Avdeyevo (although, often this type of analogy is different for Khotylyovo 2 and for Gagarino). At the same time, flint inventory, a specific type (IV) of female statuettes and partly planigraphy shows that Khotylyovo 2 and Gagarino are akin to each other than to the “classical” artifacts of the Kostenki-Avdeyevo type. In our view, we have enough justification to classify them as a special Gagarino-Khotylyovo AC. The mentioned similarities with the classical artifacts from Kostenki-Avdeyevo (Willendorf–Kostenki) AC suggest that *these cultures were developing in the closest symbiosis, although it might be that they had different genetic roots.*

The same situation took place in Central Europe (Willendorf and Pavlovian AC). This, in turn, suggests the existence of two closely interrelated cultural traditions in Central and Eastern Europe: Willendorf–Kostenki (Kostenki-Avdeyevo) AC and Pavlovian-Khotylyovo

(Gagarino-Khotylyovo) AC. The similarities traced when comparing them are so specific that they allow suggesting close cultural-historical symbiosis, rather than just “mutual influence”. The latter circumstance justifies the introduction of the “cultural entity” concept put forward by G.P. Grigoriev in the 1960s (Grigoriev 1968; 1989).

It could be stated that, as of to date, all attempts to give conceptual definition to the term “Eastern Gravettian” have failed. In our opinion, this this states to a reason. Currently we are fully convinced that the content of the term “Eastern Gravettian” is not of exceptionally historical, but rather of exclusively historiographic nature, which is now quite outdated. It is easy to see that when considering the specificities of the Willendorf-Kostenki and Pavlovian-Khotylyovo AC, we easily avoided using this term.

Part II

Problems of the Middle — Late UP of Eastern Europe

In accordance with the original plan, a detailed survey of the WPK cultural entity sites should have been followed by a similarly detailed survey of the Dnieper-Don HCH sites that incorporated rounded bone-and-earth dwellings. The death of Viktor V. Popov interrupted this work during the stage when data were being collected. Therefore, the second part of the book comprises papers issued from the pens of a number of authors.

Chapter 9. Cultural differentiation and periodization of the Gravettian of the Kostenki-Borshchevo Locality in the Middle Don

Sergey N. Lisitsyn

The KBL sites are rather essential in understanding the pan-European specifics of the Gravettian cultures due to the combination of their cultural diversity with a concentrated location within the local area of the Don. Kostenki-Avdeevo culture (the Eastern Gravettian) has always been considered the meaningful core of the KBL Gravettian, while the rest of the complexes have been compared to it depending on the degree of their cultural proximity. Apparently, it is the inflexibility of such a construction that led to the fact that no detailed periodization has yet been created for the Kostenkian Gravettian, given a fairly large number of artefacts. This paper attempts to revise the KBL Gravettian classification in the light of new materials and new ¹⁴C datings, which allows us to propose a periodization scheme. Classification of the KBL Gravettian stone industries by culturally separate groups is generally well established, although it needs some adjustment. From my point of view, five separate cultural units can be distinguished.

Telmanskaya complex (Kostenki 8/II). The complex is represented by a single site — Kostenki 8/II (Telmanskaya site). Three clusters of finds could be identified.

Two of them are of a round shape and have a hearth in the center, while the third one is oval and has three firepits. These clusters are considered to be remnants of light ground dwellings. Drawing on the analysis of the flint inventory ($n > 23,000$), L.M. Litovchenko (Chelidze) proposed to single out a separate *Kostenki-Telmanskaia* archaeological culture. Recent research has proceeded with the study of the second cultural layer of this site. Another cluster of finds with two hearths was discovered on an area of 56 sqm, yielding a new collection of artefacts ($n > 4000$).

Kostenki 8/II inventory has a pronounced microlithoid character: the instruments are made on regular thin blades and microblades. Backed points are prevalent, as well as burins of all types, including multiple burins, which could be used as cores for microblades. Scrapers are few in number and are represented mainly by simple end scrapers on blades; there are several carinated ones, as well. Among common tools, there are miniature narrow microgravettians, which are intensely backed and have one or both asymmetrical ends ventrally retouched (needle-shaped points). No leaf-shaped points were found. This complex is peculiar due to the presence of 9 trapezia and 14 segments on microblades. Bone tools are represented by awls and lissoirs made of ribs and ivory. Among adornments, the following were found: cylindrical beads made of small bones ornamented by parallel cuts, round double-eyed plaques and various pendants of mammoth tusk. Artefacts similar to Kostenki 8/II can be found among the early European Gravettian sites: Grotta Paglicci (layer 23a) in Italy, Geissenklösterle (layer Ic) in Germany, Abri Pataud (layer 5) in France, Willendorf 2 sites (layer 5) in Austria and Molodovo 5 (layers 9–10) in Ukraine. Their ^{14}C age is defined as 31–27 kyr uncal BP.

Aleksandrovka complex (Kostenki 4, Borshchevo 5/I, Kostenki 9). *Kostenki 4 (Aleksandrovka)* is a two-layer site with both cultural layers containing backed points. The finds were deposited in the loess loam sediments on the first terrace. On the area of over 900 sqm the remains of a settlement consisted of two (northern and southern) long-drawn objects with a number of hearths along the central axis parallel to each other were discovered. Two round objects with a firepit in the center were adjacent to the northern object and partially overlapping it. Subsequently, A.N. Rogachyov attributed them to the dwellings (western and eastern) of the upper horizon (Fig. 3: A–B). Long objects with multiple hearths were, in turn, associated with the dwellings of the lower horizon.

A.N. Rogachyov divided the finds into horizons years after the completion of the excavation, therefore their purity is relative. Peculiarity of the toolkit in each of the Kostenki 4 layers is determined by variations in specific tool types. The upper layer includes micropoints with one straight backed edge and another semi-convex edge and ends ventrally retouched. The second layer of Kostenki 4 includes the Gravettian points, “awl-shaped points” with a dorsally retouched sharp tip and bitruncated backed bladelets. Among the latter, there is a series of denticulated. It is evident that backed tools are clearly divided into cultural layers assemblages by the blank size (microblades and blades) and the end retouching techniques (ventral and dorsal).

Stone inventory of upper layer of Kostenki 4 can be distinguished from the lower one by the presence of 4 bifacial points. The most impressive item is a massive laurel-leaf biface 20 cm in length. The other three are small subtriangular fragments of points or knives bearing typical cutting edge polishing traces. It should be noted that by their proportions the Kostenki 4 points belong to thick bifaces. Massive bifaces are

most characteristic of the Early Metal Age. Faunal assemblage of Kostenki 4 includes bones of the Holocene animals (wild boar, corsac fox, beaver, red deer) and ceramics, embedded into the Paleolithic horizon as a result of the Bronze Age intrusions.

Finally, Kostenki 4/1 materials can be distinguished by the presence of a series of grinding slabs, quartzite grindstones, polished slate biconvex discs and rectangular billets, "polyhedral" wands and bullet-shaped points. They are found mainly within round dwellings or nearby, in the northern oblong dwelling. Osseous inventory of Kostenki 4 includes awls, lissoirs, wands, points, a mammoth ivory disc. The adornments are represented by double-headed beads, an ivory ornamented fibula with a perforated head, a pendant made on tubular bone pieces and marl pendants. Works of art include four ornamented ivory items, including a schematic anthropomorphic figurine with a dotted pattern, seven schematic zoomorphic marl figurines, an animal head and a fragment of limestone face figurine. Most of these artefacts belong to the upper cultural layer.

Ultimately, separating these two cultural layers is possible not through a classification of finds, but through understanding how these artefact types are connected to various types of dwellings — long, with multiple hearths and round, with a single firepit. As M.N. Zheltova demonstrates in her works, neither does establishing such a connection result in a conclusive distinction, nor does it allow to associate one or the other inventory with only one type of dwelling.

I believe it would be more reasonable to consider the Aleksandrovka site as a settlement structure with traces of multiple visits. Partial overlapping of dwellings results in complex structures with multiple hearths. Types of tools characteristic of both cultural layers of the Aleksandrovka site were identified in the inventory of Borshchevo 5/1 and Kostenki 9 where they were also combined together.

Borshchevo 5/1. The site of Borshchevo 5 (studied by the author since 1998) belongs to the ravine cape of the second terrace. The upper Gravettian layer of Borshchevo 5 has bedding levels (Ia and Ib), corresponding to two paleosoils, which are located in the loess loam strata. Layer Ib is deposited in situ, while the overlying Ia shows signs of dislocation along the slope. Approximately 140 sqm were uncovered. A circular accumulation of finds seems to be a hut remains was discovered at the central area of the cape. The stone inventory of the upper cultural layer ($n > 3000$) is represented by finds from horizons Ia and Ib, which are comparable in volume. Almost all the artefacts are concentrated within the dwelling, with only single finds outside of it. Composition of the finds of both horizons is identical down to the percentage of the main tool types. Among the secondary treated tools, the following types are prevalent: backed microblades with untreated or transversely ventrally retouched ends, as well as micropoints represented by microgravettians and flechettes. Burins are predominant over scrapers. Among other numerous tool types are chisels and massive leaf-shaped points on blades with a retouched contour.

The complex is peculiar due to the presence of 5 artefacts treated with grinding and polishing generally similar to those found in Kostenki 4. Ivory tools comprise mattocks made of a mammoth rib and tusk, simple awls. Bullet-shaped points were also made of a tusk, as well as lissoirs, double-headed beads, two daggers and an anthropomorphic figurine, which is morphologically similar to the Kostenki 4 one.

Kostenki 9 site. In 1959 A.N. Rogachyov discovered a lens of cultural remains with a closed eastern contour, which were concentrated around a cindery hearth in the center interpreted as an aboveground dwelling. In 2006–2007, V.V. Popov and A. Yu. Pustovalov uncovered another lens of a cultural layer. The main collection of the 1937 and 1959 excavations numbers ~3000 artefacts. Almost all of the tools of *Kostenki 9* are made on blades and microblades. A series of chisels is found in the collection. Large leaf-shaped points with a marginal retouch along the contour stand out in the assemblage. Backed points are microgravettians made on microblades with a ventrally retouched haft, as well as flechettes similar to the Borshchevo ones. Apart from the flint artefacts, the assemblage includes one disc, fragments of slate tools with polishing traces, two cone-shaped slate wands, subquadrangular cross-section and polished over the entire surface, as well as a marl zoomorphic piece of unclear morphology. Osseous artefacts are scarce: a lissoir made of a mammoth rib and two fragmented ivory wands.

Cultural remains of *Kostenki 9* are typologically similar to Borshchevo 5 and *Kostenki 4*, which allows us to assume that they belong to the same culture. Another similar trait is the presence of artefacts made of soft stone and treated by polishing (especially biconvex discs). I believe it is justified to compare these sites with the Pavlovian culture of the Central Europe known for the polished stone artefacts, and in particular with the most chronologically recent (25,000–22,000 yr uncal BP) wites — the upper cultural layer of Milovice 1 in Moravia, Jakšice 2 site in Poland, 3–4 layers of the Grub-Kranwetberg site in Austria.

Kostenki-Avdeyevo (Willendorf-Kostenki) complex (Kostenki 1/I, Kostenki 13, Kostenki 14/I, Kostenki 18). All three Eastern Gravettian sites belong to the long-term settlements. The upper cultural layer of *Kostenki 1* (Polyakov's site) remains the most abundant of the studied settlements, which have been studied for over 80 years on a total area exceeding a 1000 sqm. There were found the remains of two oval dwelling complexes, parallel to each other, each consisting of numerous hearths located along the central line, as well as pits and dugouts along the outer contour. The material culture of the *Kostenki-Avdeyevo* sites is has been described in sufficient detail. The toolkit can be distinguished by the combination of three tool types: shouldered points, in which the side notch equals 2/3 of the length (both larger and smaller types), *Kostenki* type knives, and backed microblades — rectangles with transversely retouched ends (dorsally and less frequently ventrally). Bone and ivory inventory is extremely abundant and manifold. The most characteristic are rib spatulas with anthropomorphic heads, ivory mattocks, various points. Adornments are represented by ornamented diadems, pendants, fibulas. Objects of art include canonical female figurines made of ivory and marl, as well as zoomorphic figurines.

Anosovka complex (Kostenki 11/II, Kostenki 21/III — dwelling areas) *Kostenki 11* site (*Anosovka 2*) has been intermittently excavated to the present day due to research of bone dwellings in the upper cultural layer. The second cultural layer is deposited in the middle part of the loess loam and lies in separate clusters. Remains of two dwellings were partially studied. The remains of the southern dwelling are an oval lens filled with bone char and ash. Inside the dwelling two deepened firepits and ~13,500 artefacts were discovered. The northern dwelling opposed to the southern

one did not contain ash-carbon mass. The collection from the northern dwelling (partially excavated) amounts to ~3000 items. The total number of artefacts from Kostenki 11/II comprises ~20,000 items, with 1000 items having a secondary treatment. Blades with a truncated dorsally retouched end, with a frequent contour retouching along the edges, are prevalent in the toolkit. Predominance of burins on retouched truncation is a particular feature of this complex. Scrapers are small in numbers and inexpressive; there are also individual cases of treated two-side leaf-shaped points and scrapers of different morphology. A series of small backed lanceolate points with either dorsal straight or arcuate truncations on one and less often both ends (Anosovka points), are peculiar. These are of the small size (~3 cm) and made on shortened sub-triangular bladelets and lamellar flakes. Such tools should be attributed to geometric microliths. Bone artefacts are represented by two points with heads, which resemble animal faces. Kostenki 11/II complex also features a number of art objects, namely, a series of miniature marl figurines (over 100 items) with a flattened base, some of which are quite recognizable (mammoth, rhinoceros, bison).

The complex does not have comprehensive analogies in the Gravettian industries, but in some aspects, it is similar to various East European sites. The backed tools and tools with truncated ends remind of Kostenki 21/III, as well as Pushkari 1 and Klyussi in the Desna region. A specific feature of Kostenki 11/II inventory is the lack of signs indicating microblade blank production combined with mass production of microliths. According to the combination of features, the inventory of Anosovka corresponds most fully to materials of Kostenki 21/III. However, these parallels are limited only to some local areas of the latter site and are not represented in others.

Kostenki 21 (Gmelinskaya site) is a site was uncovered in 1950–70s. ~500 sqm. Within the terrace composed of loess-like loams, three cultural layers were revealed, of which the best studied one is the lower one, corresponding to the Gravettian. Judging by separate finds clusters, six household complexes (I–VI) were determined, spread over ~200 m along the riverside. Four of them are thought to be remains of dwellings. Both complex I and the southern complex II, are interpreted as production centers for flint knapping and tool manufacturing. These complexes are interspaced with cultural layer sections having relatively sparse finds. The inventory of Anosovka type is associated exclusively with dwelling features.

Remains of dwellings are represented by lenses of ash mass clusters, stone artefacts, bones and ocher. They have a circular-oval shape. Three of them had deepened hearths. Near one of the dwellings (the northern complex), limestone tiles contoured the remains of a structure from the eastern and southern sides. The stone tool collection found in the dwellings (n ~2700) amounts to 271 tools. The most numerous and expressive are backed vertically retouched points and blades (Anosovka points), as well as knife-shaped blades with transverse and oblique truncated ends. These are followed by burins, and scrapers. Osseous inventory is represented by fragments of three points and adornments such as oval pendants made of mammoth tusk. Overall, the inventory is identical to the finds of Kostenki 11/II, except for the absence of marl figurines.

Artefacts found in the production complexes of Kostenki 21/III differ dramatically both from the toolkit found at the site of dwelling and from Kostenki 11/II inventory

by the knapping technique, as well as the tools types. According to M.N. Ivanova and N.D. Praslov, such differences can be explained by specifics of activity taking place in dwellings and on tool production areas.

It should be noted that in Kostenki 21/III the finds clusters of two different cultures were distributed in alternating deposition. Palimpsest cultural layers with separate clusters, left by single- or multi-cultural population groups, are quite common for the riverside sites. Thus, the artefacts of the lower layer of the Gmelin site should be divided into two cultural complexes — Anosovka (“dwellings”) and Gmelin (“production sites”).

Gmelinskaia complex (Kostenki 21/III — production areas). Kostenki 21/III (*Gmelinskaia site*) production complexes are characterized by a large area (40 and ~80 sqm respectively). These are long lenses of a cultural layer with ash spots and high concentration of finds. At least one open hearth was documented in complex I, while in complex II no hearths were found. Stone tool collections amount to $n \sim 7,500$ for complex I and $n \sim 24,000$ for complex II. The number of artefacts with secondary treatment is quite significant ($n > 1000$).

In production complexes, as opposed to the dwelling sites, the main tool blanks were regular blades and microblades. There are predominantly dihedral burins or burins on retouched truncation found in the collection. Backed points are miniature and are of a microlithoid appearance. Backed microblades have pointed ends. Shouldered points ($n > 100$) have notches that does not exceed half of the blank length. Bone tools comprise a series of ivory points, awls, an eyed needle, several flounder-shaped pendants and a pendant made of a reindeer canine tooth. Rare items include an ivory «shaft straightener» with a fir-tree ornament, as well as an item that is interpreted as a handle. Apart from that, there are two unique engravings of zoomorphic images on stone discs.

Parallels to the Gmelinskaia complex can be drawn at Gagarino site on the upper Don. The Gmelinskaia complex is similar to the industry of Gagarino due to a pronounced microlithoid character of flint tools, the use of blades and their fragments to make tools, a combination of burins on retouched truncation and dihedral burins of similar morphology, as well as a series of shouldered points on microblades with the notch taking up half of the blank length.

The same features unite Gagarino and Khotylyovo 2 on the Desna. In contrary to these sites the Kostenki 21/III site has practically no ventral retouching on tools. Some tool types characteristic of the Eastern Gravettian are absent from the toolkit. This difference is also reinforced by the absence of specific bone and ivory items and typical design elements. In this regard, the Gmelinskaia complex can be seen as a borderline that separates the Gravettian *sensu lato* from the Epigravettian.

Chronology and periodization. Over a hundred datings have been obtained on samples from the KBL Gravettian cultural layers. Almost half of them comes from the upper cultural layer of Kostenki 1. Datings on bone samples are prevalent. Existing ^{14}C datings, in average uncalibrated values, determine the period of existence of the KBL Gravettian from ~27,000 (Kostenki 8/II) to ~ 21,000 yr BP (Kostenki 21/III). Effectively, in a series of datings, they vary for almost each site, providing an opportunity to demonstrate one’s chronological preferences and choose a specific timepoint accordingly. The most reliable method for development of the Kostenki Gravettian pe-

riodization is to examine certain complexes in comparison to the Gravettian sites of other regions and see if they mutually correlate. In accordance with common European ideas on periodization of the Upper Paleolithic, the KBL Gravettian can be divided into the early period of 27,000–25,000 yr uncal BP, the middle one of 25,000–24,000 yr uncal BP, and the late one of 23,000–21,000 yr uncal BP. Given a common archaeological context of the identified KBL Gravettian cultural groups with the sites of Eastern and Central Europe, as well as the compliance of datings, we can determine the cultural and chronological succession of these complexes.

Conclusions. Archaeological unity of the Gravettian sites is synstadial in character, which is expressed by common features of inventory and technological basis, and, potentially, by the type of economic adaptation caused by cooling and aridization of the climate. It seems the reasons behind cultural diversity of the KBL Gravettian should be attributed to favorable environmental conditions of this local area to arrange encampment settlements.

The first manifestation of the Gravettian ~ 27,000–25,000 yr uncal BP was marked by the emergence of a population group with the Kostenki 8/II industry type in the basin of the Don river. The second wave of settlers (25,000–24,000 yr uncal BP), associated with the Pavlovian, shaped the Aleksandrovka complex belonging to the middle Gravettian. The Gravettian succession in the KBL is completed by the Kostenki-Avdeev complex (23,000–22,000 yr uncal BP). It is possible that the peak of cooling after 21,000 yr uncal BP led to the emergence of local industries of Anosovka and Gmelinskaia type. The latter largely inherits Gravettian traditions, while Anosovka type belongs to a different line of cultural development. People of the Gravettian era occupied the Don basin in waves, settling in the tundra-steppe landscape zone, which on the eve of the glacial maximum united the territories of Central and Eastern Europe into a single ecosystem. At the same time, no signs of mixing or hybridization of various generations of the KBL Gravettian may indicate that the waves of these populations followed each other consequently, which leaves open the question if there were any direct contacts between them.

Chapter 10. The second stage of the Dnieper-Don HCH existence: key issues

Mikhail V. Anikovich

Approximately since the beginning of the Valdai climate minimum (~20,000 yr BP), new cultural traditions started spreading widely across the center of the Russian Plain (Middle to Upper Dnieper, the Desna basin, the Middle Don). The bearers of the tradition used large mammoth bones for construction of particular structures — circular above-ground dwellings. Remains of such structures were discovered in a number of Eastern European sites: Mezin, Mezhirichi, Dobranichevka, Yudinovo, Gontsy, Kostenki 11/1a, Kostenki 2, and others. According to radiocarbon dating, these monuments are dated within the range of 20–14,000 yr BP. Particular dates confined to either earlier or later period could be challenged.

This particular type of structures was first identified and described by A.N. Rogachyov (1962). The final definition of the *Anosovka-Mezin type* construction (“a circular in plan above-ground dwelling made of bones and earth with two to four storage pits surrounding it”) was given when Rogachyov and Anikovich developed a typology of the Upper Paleolithic dwellings in Eastern Europe (1984).

Anosovka-Mezin type of dwelling structures is one of the most important elements of the material culture associated with the second stage of the Dnieper-Don HCH existence. At the same time, it has been already noted that the types of the dwelling complexes and individual AC attributed to this HCH are not congruent. Sites with circular dwellings built of bone and earth do not reveal direct links with either Willendorf-Kostenki, nor with other, earlier Eastern Europe industries of Orignacian and Gravettian types. These sites emerged on the Russian Plain all of a sudden, as if from nowhere. It is worth noting that the emergence of the new cultural traditions did not mean that Willendorf-Kostenki sites disappeared completely.

Within the territory of Eastern Europe, the culture of the second stage of the Dnieper-Don HCH, with their highly developed house-building skills, perfect bone, horn, tusk and flint processing techniques, with exceptionally diversified and unique works of mobile art, was undoubtedly one of the pinnacles of the Paleolithic culture as such. An obvious question arises: *by virtue of which precursors and on the basis of what kind of activities did these cultures originate and develop — the cultures that existed in the center of the Russian Plain for at least 10 thousand years?*

Chapter 11. Upper Paleolithic circular dwellings: reconstruction challengers

Viktor V. Popov

The chapter considers the data on the homebuilding of the peoples of the North and the Taiga zone, which help to interpret archaeological sources in a more realistic way. Let us take into consideration that the dwellings of the Anosovka-Mezin type are notable for one of their most complex building structures. Nowadays, the remains of three cleared, *in situ*, Anosovka-Mezin type dwellings are exhibited in the following museums: one in Kostenki at Kostenki 11 site and two — in Yudinovo. The preservation of the dwelling is of special importance. No matter how thoroughly the research process at a particular site was documented, the recordings reflect the researcher’s point of view, as well as the degree of scientific maturity at particular time, while when preserving an artifact we get an opportunity to come back to it and evaluate it applying state-of-the-art current scientific knowledge.

I.G. Pidoplichko reconstructed dwellings excavated in Mezin and Mezhirichi that are exhibited now in the paleontological museum of the Ukrainian Academy of Sciences. He subdivided all the bone material into the following structural elements: socle level, socle level facing, socle backfilling, facing above the socle level, roof covering bones, entrance and fence bones at the entrances. Considerable attention should be paid to his judgments about mammoth skulls dug into the earth, about the height

of earth backfilling in-between the bones (according to the degree of preservation of their upper ends), about the likelihood of mammoth skin use for covering the dwellings (based on discovery of finger phalanxes in the remains of the dwellings), etc. Anatomical and age specificities of animals derived from the analyses of bones used for construction of the dwellings are of principle interest.

Describing dwelling remains Pidoplichko tried to reason his concept: the mammoth's skulls were dug into the ground (they were sunk with occipital parts directed downwards in Mezin and rostral parts directed downwards in Mezhirichi and Dobrannichevka) to a depth of 50 cm, but they did not touch the frame of the building. These skulls constituted the base (socle), which was outside additionally faced with bones and then was filled with earth. The poles of the building frame, 5–6 cm in diameter, rested against the skulls or were dug in between the skulls. Bent in the form of semi-arches, interconnected by an annular strapping and internal struts, the poles of the carcass formed a spheroid-shaped dome and retained the skins that covered the dwelling, the bones of the over-socle facing and the bones of the roof.

However, such dwelling construction could hardly be feasible. Had the poles of the framework been arcuated they would have borne an excessively large load. While being wet they could bear the load somehow, but having dried out they would have inevitably broken down. It should be specially emphasized that embowed poles were never used in the designs of *chums* and *yarangas* described by ethnographers.

It was hardly possible to build (without any cementing composition) a vertical wall of complex-shaped and various-sized skulls and bones, with the wall apart from having nothing to rest on were receiving the load from the bones used for over-socle facing. Perhaps, in theory, the bones could be arranged as a vertical socle wall resting on the surface of the soil. But such a wall would inevitably: a) apply excessive pressure on the framework; b) had to be supported from inside the dwelling.

The author's idea of the dwelling construction is as follows. The circular base with inside diameter of about 7 meters was forced into the ground for about 50 cm at the top and for 30 cm at the lower part of the dwelling slope. The circular basement ditch was completely surrounded by an earthwork about 1 m wide at the base and up to 70 cm high; the earthwork was made of the soil extracted during mucking (trenching). To prevent earthwork quaking and to strengthen it, mammoth bones were used: they were arranged consistently, sections after section, ash and bone coal being added in the process of building work.

One could consider another conceivable 'structural design': wooden pole base could be mounted among the bones in the basement of the earthworks. In such case, the groundwork of the dwelling, of course, would be more rigid. The floor sunk to the depth of 1 meter against the soil surface together with the bone–soil earthfill constituted a wall with a total height of up to 1 meter. Virtually, it was a half-dugout construction. The cone-shaped frame, erected above the earthwork, in fact, served as the roof of the building.

Presumably, only the practice of erecting earthfills with their corpus made of mammoth bones, could explain good preservation of these bones, and their position in the agglomeration, which was almost identical to the original outlay. This also explains the localization of cultural residues within such an agglomeration. After people

had left their dwellings, the bases of the poles got rotten, while the overlapping roof structure used to fell inwards. However, the bone and earth earthworks, being a very rigid structure, stayed well preserved for a rather long time, preventing the redeposition of cultural remains. Naturally, the earthworks, nevertheless, gradually eroded. Since there was a subsiding in the center, the ground contained ash and bone char was being washed away into that subsiding area.

The use of bones for construction of above-ground dwellings, half-dugouts, and pits-storage pantries seems to be quite expedient. There was no quarry stone available in Kostenki, which could have been used for imbedding into the earthworks to prevent them from sliding apart. It was for this purpose that the large bones were used; they served as bulk construction material used to strengthen the earthworks. In addition, the bones could be used as heat-insulating material — they prevented both cold air penetrating and the warm air outflowing the dwelling.

Chapter 12. The third bone-and-earthen dwelling complex of Kostenki 11/Ia site

Aleksandr E. Dudin, Ivan V. Fedyunin

On the Kostenki 11 site, the remains of three dwellings of cultural layer Ia were uncovered. The first one, completely uncovered in 1960–1965, is the central exhibit in the museum building. The area of the second dwelling was only partially explored in 1970. The third complex, uncovered in 2013–2014, is under study now. The third complex is located at a distance of 17 m from the museum complex and ranges down the west-east line along the crest of the cape. With general typological unity, as well as structural and planigraphic similarity between the complexes, a number of differences could be distinguished when comparing them.

The planigraphic structure of complex No. 3 includes a central 12×11 m cluster of bones (rounded and slightly elongated in plan) and peripheral items (first of all, the pits filled with bones) along the perimeter and located at the distance of 1–1.5 m south and east from the borders of the dwelling. The core elements of the central cluster are mammoth bones. They form the outer belt of the facing (outlay) and are decisive for the type of inner, second belt filling — the one that bound the central area.

There are few anatomically connected bones in the agglomeration (vertebral bones predominate among the anatomically connected bones). The traces of superficial deformations on bones, as a result of animal bites and exposure to human factor (cuts and notches on the bones), are in evidence. A significant number of biting marks result from the long exposure of faunal remains on the surface. The bones preservation status in the upper filling level within the complex area justifies the above described phenomena. The bones have distinct signs of brittleness, cracking, etc.

The central area of the cluster occupies ~ 20 m². It is slightly shifted from the center to the east and is of irregular shape in plan. The upper filling level of the dwelling is heterogeneous and consists of intermittent lenses of grayish and gray clay loam

of different shades (in the eastern part it is calcined); the thickness of the lenses is 7 to 12 cm. Lenses include fragments of partially burned and calcined bone, as well as flakes and small fragments of flint (mostly unbaked), individual inclusions of ocher (dark red color), and localized areas with clumps of burned loam, and rare lumps of marl. There is also a small charcoal lens here, as well. In general, one could notice “polygenetic” components in the upper part of the dwelling’s filling which are products of different processes and the processes not necessarily were occurring here, on the spot.

A site with a thick inhomogeneous filling (up to 20–25 cm thick), defined as a hearth, is localized in the central part occupying an area of ~1.5 m². The upper — middle filling level in this area (up to 15 cm) is made of calcined orange-colored loam with separate inclusions of ash content. This level is underlaid by a horizon made of bone coal (up to 8–10 cm). The footprint is made of loess-like continental loam with few signs of calcination. Another site with calcined loam on the upper level was localized 2–2.5 m north of it. They have something in common: the calcined loam here was also underlaid by a carbonaceous horizon.

The discovered stone implements were dispersed over the entire area of the central agglomeration, with no pronounced isolated zones being found (taking into account the fact that the findings within the heath area could be confined only to the upper filling level). In general, the site industry could be qualified as ‘laminated’ industry. The range of tools identified in the course of the study is quite diverse. An inconsiderate opinion could lead to a conclusion that the collection reveals degradation of the flint working technology in comparison with more ancient periods. However, it would be more accurate to define the industry as an extremely rational technology based on the principles of the most complete and effective use of imported chalk flint in the conditions of its shortage.

Dwelling No. 3 provided two series of ¹⁴C dating. In 2014, L.V. Lbova collected 8 samples from the area of the newly opened south-eastern sector of the central agglomeration and two peripheral areas. Seven samples were linked with cultural layer Ia (bone, burnt bone, bone char). Six samples were collected from the upper-middle filling levels of dwelling No. 3; one sample was collected from the level of the peripheral pit base. The dating for five correctly collected samples (see Table 14) were acquired at the Institute of Archaeology and Ethnography Russian Academy of Sciences, Siberian Branch; the dating provides us with a consolidated range of 1,500–20,800 yr uncal BP. Date 13,854 ± 139 yr uncal BP (from the pit) falls out of this series.

In 2015, Alexander Pryor collected a new series of samples from several sectors of the central agglomeration area to identify, among other tasks, charcoal particles in them. Such samples were obtained by flotation from three sectors linked with carbonaceous interlayers and the calcined zone of the central agglomeration. The samples provided acquisition of three dates obtained at the University of Colorado by John F. Hoffecker. This small series turned out to be quite compact: in the range of 20,830–20,200 yr uncal BP.

If we try most briefly to summarize general results acquired during the first years of the site new complex’s cultural layer Ia research (including comparison with complexes 1 and 2), the following intermediate theses could be put forward:

- remnants of the third bone-earth dwelling of cultural layer Ia are represented by *in situ* items with traces of local post-depositional changes;
- being similar to complexes 1 and 2 with regard to general planographic and structural aspects, the third bone-earthen complex is a more sophisticated entity;
- regarding the area it occupies, the size of the central agglomeration, the total scope of fauna residues and the number of mammoth specimens, the complex of layer Ia under consideration is the most potent of all complexes uncovered within the site.

Chapter 13. Man and mammoth in the center of the Russian Plain. Hunting?.. Scavenging?.. Or...

Mikhail V. Anikovich

Chapter 13 is a summary of a large monograph section, which M.V. Anikovich did not have a chance to finish. The chapter structures data on the correlations between the sites of the Dnieper-Don HCH with “mammoth cemeteries”; besides, the chapter scrutinizes two main approaches to the interpretation of the mammoth remnants found at the sites (“hunting prey” and products of the “mammoth scavenging”). In the last years of his life, the scientist became convinced of the inconsistency of both of them, with reference to the Dnieper-Don HCH, and seriously revised his previous views on this issue. The chapter is concluded by his hypothesis, first published in 2010, about the possible symbiosis of man and mammoth on the Russian Plain (Anikovich 2010; 2010a; Anikovich et al. 2010). This concept is an alternative to the two previously above mentioned.

It is necessary to stipulate the following: even much earlier Anikovich had demonstrated a balanced, differentiated approach to the sources regarding this very issue. It never occurred to him to deny the importance of “mammoth scavenging”, as such, in the economic structure of the most diverse Paleolithic communities. He did not try to find “mammoth hunters” everywhere, where the bones of this animal were found at the sites. On the contrary, he believed that in the overwhelming majority of cases, man was mostly engaged in gathering of mammoth bones, although he could, with good luck, kill a separate, presumably young or weak, animal (Anikovich 2004). However it was precisely his commitment, when making conclusions, to proceed from sources, but not from preconceived ideas, and this attitude made him specifically emphasize the uniqueness of the Dnieper-Don HCH cultural phenomenon (originally called “HCH of mammoth hunters”).

The artifacts obtained from this region demonstrate qualitative differences when compared with the artifacts from other epochs and other territories. The range of differences is large: the amount of mammoth residues discovered at the sites differs considerably; the percentage of mammoth residues discovered in the findings differs significantly in comparison with the percentage of other faunal residuals in the findings; besides, the differences are obvious regarding the variety of ways mammoth resources were used. In fact, the entire culture of the Dnieper-Don HCH population

was centered around exploitation of those resources. The specific connection with the mammoth population manifested itself definitely in everything — in the structure of everyday life, in house-building, in art, and in the area of sacred perceptions, etc. Consequently, these unique features of the Dnieper-Don HCH sites deserve a special interpretation.

Since mammoth explicitly dominated the faunal findings at many sites, it was possible to assume that it was the mammoth meat that served as the basis for the sites inhabitants' nutrition. Anikovich considered that meat of randomly perished animals was for the Paleolithic man a usual addition to the main types of procuring, but he strongly protested against declaring “mammoth scavenging” *the leading life-strategy*. In his opinion, the survival of human communities could not entirely depend on whether the right amount of animals would perish at the right time and in the right place?

Supporters of the “mammoth scavenging” model have argued (and still do) that the heyday of the culture of the population that left the sites with bone-earth erections was linked with deglaciation. That period of “warming”, indeed, was associated with environmental disasters that led to the death of the megafauna. But the life of the Dnieper-Don HCH sites is specifically related to rather cold period, including climatic minimum, when no rapid floods, nor catastrophes were observed, and it was a quite favorable time for the mammoth population. A concept capable of justifying the massive, regular death of mammoths during this period, while the mammoth, nevertheless, managed to maintain their reproduction and existed in high numbers, cannot exist.

It is very unlikely that the mass death of animals in general could contribute to the emergence and development of more highly developed Upper Paleolithic cultures in Eastern Europe. Rather, the opposite took place. Environmental disasters taking place during the deglaciation led to not only the extinction of the megafauna on the Russian Plain: they actually destroyed the late Paleolithic culture that had been emerging there (it had existed there in a sustainable way for thousands of years!) and was entirely dependent on the consumption of mammoth resources.

In the last years of his life Anikovich came to a new idea. At first it seemed paradoxical: “The analysis of archaeological data allows us to conclude that the formation of the Dnieper-Don HCH *cannot be explained either by the gathering hypothesis or by the battue hunt for mammoth herds hypothesis ...*” New facts made him tend to agree with the opinion of his opponents, who stated that the survival strategy of the Proboscidiens completely excluded any possibility of systematic hunting for their herds, whether it was a family group of animals or a group of mammoths males. Unfortunately, the scientist had no time to elaborate and develop his own concept of the “third way”, or the concept of man and mammoth symbiosis (Anikovich 2010; 2010a; Anikovich et al. 2010). According to this concept, the relationship between man and mammoth was not based entirely on the “hunter-game” model, but included a specific behavioral balancing of humans and animals interactions, which was later lost. Presumably, this model to some extent was similar to the, which in the historical period, was typical of the relationship between reindeers and the Far North reindeer herders. The living conditions of the latter were to a great extent similar

to the conditions in which the population of the center of the Russian Plain existed during the Valdai glaciation. This kind of interactions with the world of animals could be defined by the term “semi-domestication”.

A specific survival strategy, focused mainly on mammoth resources, could emerge in the Upper Paleolithic only in one case — provided that man successfully mastered a specific set of techniques and skills that allowed contact to be established with the animal and manage some of his reactions. In this case, man could discover how to kill a separate animal from time to time for his sustenance, but without frightening and irritating the rest of the herd. Provided that hunters-gatherers knew how to prepare and proportion intoxicating and hypnotic substances (hunters-gatherers usually possessed such knowledge, according to ethnography data), the development of appropriate techniques for “gaining” mammoths was not something incredible. Notably, Proboscidea’s great taste for alcoholic and narcotic beverages was confirmed in historical sources. Man of later epochs, who found out how to tame elephants, widely used such substances to “regulate” the behavior of the animals. In Europe, for the same purpose, people used “wine flavored or seasoned with frankincense, and in the Orient they did it with a drink fermented from rice and sugar cane that they mixed with frankincense and myrrh, while in Ceylon they [elephants] were intoxicated with opium...” (Armandi 2011: 173).

Chapter 14. Symbiosis of man and mammoth in the Upper Paleolithic: the model proposed by M.V. Anikovich and its development

Nadezhda I. Platonova

After his death Anikovich’s hypothesis about the symbiosis of man and mammoth was supported and developed by Viktor Ya. Sergin (2014). He also came to the conclusion that it was the establishment of contact with the mammoths that was the key to successful exploration of mammoth-centered resources for the Paleolithic man.

At the same time, criticism of this concept appeared in print (Serikov 2013); in addition, new works based on “classical” explanatory models — “hunting” (Nuzhny et al. 2014; Nuzhny 2016) and “collecting” (Lavrushin et al. 2015) were published. A number of modern publications supplemented and reanalyzed information on mammoth manhunt in different parts of Eurasia have been published (Serikov 2012; 2013; Nuzhny et al. 2014; Nuzhny 2016; Sinitsyn et al. 2019). During the discussion, the old arguments were repeated time and again, however, fundamentally new aspects of the research were revealed.

Attempts to explain the predominance of the mammoth bones at the sites by the fact that they had been collected at the mammoth cemeteries, while in the human diet, in fact, other harvested species were dominating (Serikov 2013: 24), met with quite valid opposition. It should not be forgotten that in the range of Dnieper-Don

HCH, in addition to the sites, where mammoth bones predominate just quantitatively, there are sites, where there are no remnants of other mammals (except of rodents) (Zaraysk site).

Apart from the above, detailed taphonomic studies of mammoth remains clusters have been by now carried out for a number of the Dnieper-Don HCH (Yudinovo) sites. The results of the analysis turned out to be unambiguous: a) the site was not a place of animals' natural death; b) there are no bones collected from natural bone-bearing horizons; c) mammoth bones were obtained when dressing fresh carcasses (Germonpré et al. 2008: 107).

According to Yu.B. Serikov, "the annihilating criticism of the provisions put forward by O.A. Soffer and A.A. Chubur " by M.V. Anikovich does not at all explain where the mammoth cemeteries evaporated "... Did mammoths stop dying because of natural reasons? While in other territories there are mammoth cemeteries in place, did they disappear in the center of the Russian Plain!? Maybe the problem is that the researchers did not know how to recognize such cemeteries?.." (Serikov 2013: 23).

The answer to this question seems to be quite simple. In all epochs of life on earth, a huge amount of biomass has constantly being passed and is passing from the domain of animate nature to the world of minerals — and dissolves in it leaving almost no traces. In order for animal remains to form a "graveyard", where their biomass (or at least their bones) could be preserved for centuries and millennia, it is not "natural" conditions that are necessary, but exceptional conditions that contribute to the very rapid burial of the remains. In the wild, such conditions often result from all sorts of disasters and catastrophes.

Mammoths, of course, used to die on the Russian Plain, as elsewhere, for their part. However, in the era of the MUP, when the conditions of existence of the population were still favorable, they used to die as a result of natural disasters much less frequently than in the subsequent period of glaciers melting. This meant that their carcasses remained on the surface of the ground, were they were quickly detected by both animals and people, and were just as quickly recycled.

The only satisfactory argument put forward by Serikov in favor of interpreting a number of KBL sites as initial mammoth cemeteries was based on paleozoological discoveries made in Kostenki 14 / I site (Burova, Petrova 2011). However, the attempt made by paleozoologists to interpret Kostenki 14/I as a site similar to Sevsik lacks sufficient substantiation. Geomorphological conditions, as well as chronology, and archaeological content of these sites differ dramatically. Therefore, A.A. Sinitsyn, the developer of the excavations, interpreted a potent cluster of mammoth bones in Kostenki 14/I layer not as remnants from a "mammoth cemetery", but as resulted from a collapse of a dwelling structure that was shifted along the slope (Sinitsyn 2015: 43).

The hypothesis put forward by Burova — Petrova took shape in line with the concept developed recently by Yu.A. Lavrushin — the concept regards the clusters of mammoth bones at the sites as a result of multiple mudslides that swept away whole herds of mammoths. Later on, settlements were set up right on such "cemeteries".

This concept itself needs justification. Critical analysis of the concept was recently provided by V. Ya. Sergin. To carry out the analysis the author scrutinized extensive

range of specialist literature on the nature of mudflows in the highlands and lowlands and conditions necessary for their occurrence (Sergin 2018: 104–107). His unambiguous conclusion is that mudflows of great destructive force could not emerge under conditions existed in Kostenki. Firstly, the inclination of the ravine bottom near the settlements remained unchanged; secondly, the inclination itself was so insignificant that the flow would lose the ‘locomotivity’ before reaching the settlements.

Profound analysis of literature on herd animals’ ethology and tundra biocenoses allowed Sergin to suggest a number of specific assumptions regarding the nature of the mammoth procuring in the Middle-Late Upper Paleolithic. Developing the concept put forward by Anikovich, Sergin was inclined to define the relationship between the man and the mammoth on the Russian Plain not as a “symbiosis”, but rather as a constant contact, during which the inhabitants of the settlements developed a system of actions aimed at capturing mammoths. In the course of procuring mammoths, they were to comply with at least three conditions: to conduct the operation near the site or straightforwardly on it; to ensure a relative security for people during such operations; to minimize the frightening effect that could impact the animals.

One of the methods used for animal gaming could be the narcotization of mammoths with special baits made of poisonous mushrooms. It has now been reliably established that mushrooms, indeed, were part of mammoths’ diet. It is also known that toadstools (amanitas) *are of great nutritional value and attractiveness for animals. Deer in the tundra willingly eat them, after which they get drunk and fall into a deep sleep. Alkaloids contained in these mushrooms weaken intra-herd connections; they have addicting property, and the effected animals temporarily become helpless.* Mammoth were supposed to develop similar reactions when eating mushrooms. Toadstools (amanitas) could be used by man as the most effective tool when procuring mammoths. A small amount of mushrooms displayed in such a way that they were accessible for particular animals could arouse keen interest in the bait, addiction to it and the willingness to follow the man without any sensation of isolation from the group.

In the context of this assumption, we could evaluate the situation in a completely different way: deep wounds were inflicted upon the beast from a very close distance, and, according to different reconstruction versions, the animal at that time could already be laying on the ground. The assumption that it was *a dead* mammoth that used to be stabbed, supposedly “because of ceremonious traditions, is difficult to consider as scientific. On the one hand, this assumption cannot be neither proved nor disproved; on the other hand, it neither explains, nor withdraws even a single contradiction in the existing system of facts.

Of course, any symbiosis presupposes reciprocal importance of mutual contacts, although the benefits gained by one of the parties could be of real value, while for the other party such benefits could be deceptive. The domain that could be helpful when looking for the answer to the question why mammoths needed people is outlined in the article by Sergin, who mentioned that not only narcotic substances (mushrooms), but also mineral supplements could serve as bait for mammoths. The fact that the proboscideans were in extreme need of mineral creep ration has been

established long ago. If it was difficult to get access to water sources during cold season, the mammoths had to swallow snow. Snow is almost free of mineral substances. Mammoths, which had horny lamellae hooves, unlike horses and deer, were not able to chip off and chop up the frozen ground. Nor could they do this with the help of their tusks (Sergin 2014: 233).

It could be assumed that in providing mineral supplements in winter and spring, the man was able to render the animal real assistance (specially cleared access to the natural outcrops of mineral soils, to nonfreezing water bodies, etc.) and to gain considerable credibility. No one, not even the most highly developed beast, could have guessed that this help was by no means disinterested. An illustration to this is the entire subsequent history of the relationship between the man and the animal world.

At the moment, the idea of symbiosis (contact) between the man and the mammoth on the Russian Plain during the Dnieper-Don HCH existence explains the facts relating to development and subsequent sustainable existence of the economic system confined to mammoth resources in much more plausible way than other approaches. In general, it is one of a few that can satisfactorily explain this unique cultural phenomenon — that are able to reveal its basis and historical logic. Further studies in the area seem to be very topical.

Plates

Fig. 1. Locations and spatial relation of the areas and excavations of Zaraysk Upper Palaeolithic site (areas: Zaraysk A, B, C, D).

A — cultural layer at the area adjoining the Nikol'skaya tower of the Zaraysk Kremlin (Kremlin Promontory): cultural remains in the form of four interlaying levels of habitation bedded in two lithological horizons — the buried soil and underlying layer of sandy loam; **B** — cultural layer on the second promontory separated through an ancient ravine from the Kremlin promontory; **C** — cultural layer at the terminal part of the second promontory; **D** — cultural layer on the third promontory in the area of Pozharsky square (after Amirkhanov et al. 2009: 10–11)

Fig. 2. Zaraysk A. Plan of objects of the first (earliest) stage of accumulation of cultural deposits (after Amirkhanov et al. 2009: 291).

Fig. 3. Zaraysk A. Plan of objects of the second stage of formation of the cultural layer (after Amirkhanov et al. 2009: 340).

Fig. 4. Zaraysk A. Flint inventory (after Amirkhanov et al., 2009, Table. 1–17).

Fig. 5. Detailed drawing of a bison statuette from the site of Zaraysk A. Drawing by A.E. Kravtsov. *a* — views from right, from behind, from above; *b* — view from front, from left, from below (after Amirkhanov et al.: 308–309).

Fig. 6. Zaraysk A. Female statuette from a mammoth tusk (height 16.6 cm) (after Amirkhanov et al. 2009: 318–319).

Fig. 7. Zaraysk A. Female figurine from a mammoth tusk (height 7.4 cm) (after Amirkhanov et al. 2009: 326).

Fig. 8. Zaraysk A. Fragment of a mammoth rib with a scratched drawing of mammoths and traces of intentional damage (after Amirkhanov et al. 2009: 334).

Fig. 9. Zaraysk A. Necklace from Arctic fox teeth (after Trusov, Zhitenyov 2008).

Fig. 10. Zaraysk A. Fragment of a tubular bone (bird?) with an engraved X-shaped cross (length 2.2 cm) (after Amirkhanov et al. 2009: 331).

Fig. 11. Zaraysk A. Object from a mammoth tusk in the form of a truncated cone with a drilled narrow vertical hole in the centre (diameter of the base 3.7 cm) (after Amirkhanov et al. 2009: 332).

Fig. 12. Scheme of the locations of Upper Palaeolithic sites of the Kostenki-Borshchevo district (after Anikovich et al. 2008: 7).

Fig. 13. Scheme of the geological and geomorphological structure of the right bank valley of the Don River in the Kostenki-Borshchevo district. 1, 2, 3 — *geological units 1, 2, 3*. After (Lazukov 1982: Fig. 4), with additions and specifications by V.T. Holliday (Holliday, Hoffecker, Goldberg et al. 2007: fig. 2).

Geological unit 1 (> 50 millennia BP) — *alluvium of the second terrace and col-luvium covered over with fine-grained deposits; Geological unit 2* (50–26 millennia BP) — *archaeological horizons related with two series of thin lenses of silt, carbonates, chalk grit and soils rich in organics (upper and lower thick humusized layers). The humic layers are separated by intercalations with inclusions of volcanic ash originating from South Italy and identified as the Campanian ignimbrite (C1) ash Y5 (aged 41–39 millennia BP). The two thick layers both were formed through a complex interaction of pedogenic, hillslope, spring-water and other processes. Geological unit 3* (<26 millennia BP) — *redeposited loesses with buried (Gmelin) soil covered with glacial loess in the primary stratum and chernozem constituting the surface of the second terrace.*

Fig. 14. Kostenki 1. Section of the western area of the site along b line (after Anikovich et al. 2008: 95).

Fig. 15. Kostenki 1/I. Schematic plan of the excavations started at dwelling complex I (1934–1936) and dwelling complex II (1950–1951, 1957, 1971–1973). Oblique hatching refers to A.N. Rogachyov's excavation where the lower strata of the site were investigated and a 'rounded dwelling' with a fireplace was found in cultural layer V. The colour fill refers to A.N. Rogachyov's earlier exploratory trench (after Anikovich et al. 2008: 176).

Fig. 16. Kostenki 1/I. Schematic plan of the remains of dwelling complex I (after Efimenko 1958).

Fig. 17. Kostenki 1/I. Dwelling complex 1. Earth dwelling A. Accumulation of tusks on the bottom of the earth dwelling (after Efimenko 1958).

Fig. 18. Kostenki 1/I. Schematic plan of the excavated section of dwelling complex II. Situation of the middle of the 1970s. After Rogachyov et al. 1982: 45).

Fig. 19. Kostenki 1/I. Flint tools from dwelling complex I: blades with retouch — 1, 2; borers — 3, 8; borer-burin — 13; points with lateral notches — 4–6, 9–12; knives of the Kostenki type — 13, 18, 23; burins — 19–21; end-scrapers — 25–27 (Rogachyov, Anikovich 1984: 256).

Fig. 20. Kostenki 1. Lithics from dwelling complex II: 1–3 — backed blades; 4, 5 — perforators; 6–14 — points with lateral notches; 15–17 — knives of the Kostenki type (after Rogachyov et al. 1982: 53).

Fig. 21. Kostenki 1, upper layer. Bone industry, dwelling complex I (after Efimenko 1958).

Fig. 22. Kostenki 1, upper layer. Objects of art from dwelling complex I (after Efimenko 1958).

Fig. 23. Kostenki 1, Art objects and ornaments (after Anikovich et al. 2008: 188).

Fig. 24. Plan of the Paleolithic site of Avdeyevo (after Rogachyov 1953: 138).

Fig. 25. Plan of excavations at the Palaeolithic site of Avdeyevo (after Bulochnikova 2006: 38).

Fig. 26. Avdeyevo. Section of the cultural layer between the lines of excavation squares 70 and 71: 1 — *chernozem*; 2 — *brown loam*; 3 — *greenish loam*; 4 — *cultural layer*; 5 — *sand*; 6 — *schistose greenish clays*; 7 — *blue clays* (after Rogachyov 1953: 140).

Fig. 27. Avdeyevo. Plan and profile of earth dwelling A (after Rogachyov 1953: 150).

Fig. 28. Plan and profile of earth dwelling B at the Palaeolithic site of Avdeyevo (after Rogachyov 1953: 153).

Fig. 29. Avdeyevo. Kostenki knife on a large blade represented by three fragments (after Gvozdover 1998: 238).

Fig. 30. Avdeyevo. Knives of the Kostenki type including composite specimens (1 — with a straight dihedral burin, 7 — with a point) (after Gvozdover 1998: 250).

Fig. 31. Avdeyevo. Points with lateral notches and a foliate point (№ 10) (after Gvozdover 1998: 260).

Fig. 32. Avdeyevo. Foliate points on blades, a blade with a transversal notch (№ 6) and a truncation burin (№ 9) (after Gvozdover 1998: 264).

Fig. 33. Avdeyevo. Wide points or convergent side-scrapers (after Gvozdover 1995: 61).

Fig. 34. Avdeyevo. Adzes from mammoth tusks (after Gvozdover 1953:200).

Fig. 35. Avdeyevo. Tops of bone spatulas (after Gvozdover 1953: 206).

Fig. 36. Elements of decoration characteristic of the Kostenki culture (after Gvozdover 1995: 113).

Fig. 37. Avdeev. Figurine from a mammoth tusk (after Gvozdover 1995: 131).

Fig. 38. Avdeev. Figurines from mammoth tusks (after Gvozdover 1995: 142).

Fig. 39. Avdeev. Figurine from mammoth bone (vertebra?). Detailed drawing (after Gvozdover 1995: 124).

Fig. 40. Avdeev. Two statuettes of mammoths from sandstone. Detailed drawing (after Gvozdover 1995: 124, 127).

Fig. 41 Berdyzh. Plan of the site and location of the excavations. Legend numbers: 1 — excavations of 1926–1939; 2 — excavations of 1953; 3 — boundaries of the northern and southern ravines (after Polikarpovich 1968: 18).

Fig. 42. Berdyzh. Excavation of an accumulation of bones (after Polikarpovich 1968: 30).

Fig. 43. Berdyzh. Plan of the remains of dwellings and large pits at the excavation of 1938–1939. Legend numbers: 1 — mammoth bones and tusks, 2 — boundaries of a dwelling pit; 3 — accumulations of ashy masses in the place of a hearth; 4 — boundaries of a dwelling. Drawn by V.D. Bud'ko after field documentation of K.M. Polikarpovich's excavations (after Polikarpovich 1968: 31).

Fig. 44. Flint tools: 1–3 — *points with lateral notches*; 4–5 — *knives of Kostenki type*; 6, 7 — *burins* (after Polikarpovich 1968: 27).

Fig. 45. General plan of the site of Khotylyovo 2 (after Gavrilov 2008: 103).

Fig. 46. Khotylyovo 2. Scheme of locations of F.M. Zavernyayev's excavations (after Gavrilov 2008: 108).

Fig. 47. Khotylyovo 2, point A, excavations. 1–11. Disturbances of the cultural layer: 1 — bases of frost wedges; 2 — boundary of slopes of destruction (after Gavrilov 2008: 109).

Fig. 48. Khotylyovo 2. Point A, 'ashy areas' and fireplaces (after Gavrilov 2008: 110).

Fig. 49. Khotylyovo 2. Point A, excavation 1. Profiles of the western edge and of the geological sounding (after Gavrilov 2008: 111).

Fig. 50. Khotylyovo 2. Point A. Pits covered with ashy layers (after Gavrilov 2008: 115).

Fig. 51. Khotylyovo 2. Point A. Scheme of locations of excavations 12–14 (after Gavrilov 2008: 136).

Fig. 52. Khotylyovo 2. Point A, excavations 12–14. Composite plan of the positions of the finds (after Gavrillov 2008: 137).

Fig. 53. Khotylyovo 2. Point A, excavations 1–11. Schematic plan of the positions of the objects (after Gavrillov 2008: 224).

Fig. 54. Khotylyovo 2. Point B, excavation 1. Composite plan of the positions of the finds (after Gavrillov 2008: 175).

Fig. 55. Khotylyovo 2. Point A, excavations. 1–11. Burins (after Gavrillov 2008: 187).

Fig. 56. Khotylyovo 2. Point A, excavations. 1–11. Burins (after Gavrillov 2008: 188).

Fig. 57. Khotylyovo 2. Point A, excavations. 1–11. Core-shaped burins and burin/endscrapers (after Gavrillov 2008: 189).

Fig. 58. Khotylyovo 2. Point A, excavations. 1–11. End-scrappers (after Gavrillov 2008: 190)

Fig. 59. Khotylyovo 2. Point A, excavations. 1–11. Kostenki knives (1–7), chisel-like tools (8), truncated forms (9–12) (after Gavrillov 2008: 192).

Fig. 60. Khotylyovo 2. Point A, excavations. 1–11. Points with lateral notches (1–7), points on blades (8–24) (after Gavrillov 2008: 194).

Fig. 61. Khotylyovo 2. Point A, excavations. 1–11. Points, backed bladelets and microblades (after Gavrillov 2008: 195).

Fig. 62. Khotylyovo 2. Point A. Anthropomorphic sculpture (after Gavrillov 2008: 225).

Fig. 63. Khotylyovo 2. Point A. Points and rods with figured tops (after Gavrillov 2008: 229).

Fig. 64. Khotylyovo 2. Fragments of ornamented rods and points from mammoth tusks among F.M. Zavernyayev's collection (after Gavrillov 2008: 223).

Fig. 65. General plan of excavations at the site of Gagarino: 1 — *exploratory trenches of 1929*, 2 — *trenches of 1955*, 3 — *trenches of 1961*, 4 — *areas cleared in 1961*, 5 — *exploratory trenches of 1962–1964 and 1968–1969* (after Tarasov 1979: 11).

Fig. 66. Gagarino. Sections along the southern and western edges of the excavation of 1964. 1 — *mixed layer*, 2 — *chernozem*, 3 — *pale yellow sandy loam*, 4 — *orange-yellow sand*, 5 — *brown loam with sparse gravel*; a — *flint artefacts*, b — *bone fragment* (after Tarasov 1979: 13).

Fig. 67. Geomorphology of the site of Gagarino (after M.N. Grishchenko). 1 — the upper and lower floodplains, 2 — terrace I above the flood plain, 3 — terrace II above the flood plain, 4 — erosion terrace, 5 — Paleolithic campsite, 6 — described rock outcrops, 7 — village of Gagarino.

Fig. 68. Gagarino. Plan and sections of the dwelling complex. According to excavations of the 1920s and 1960s (after Tarasov 1979: 54).

Fig. 69. Gagarino. Points with lateral notches (after Tarasov 1979. P. 77).

Fig. 70. Gagarino. Dihedral burin (after Tarasov 1979. P. 79).

Fig. 71. Gagarino. Different burins: 1, 6 — mixed double truncation angle burins, 2, 3 — mixed truncation dihedral burins, 4 — mixed angle truncation burin, 5 — mixed truncation angle burin, 7 — multiple truncation burin, 8 — triple angle burin, 9, 10, 14 — double angle burins, 10, 12, 13, 15 — multiple double angle burins, 16 — dihedral burin (after Tarasov 1979: 87).

Fig. 72. Gagarino. End scrapers (after Tarasov 1979: 91).

Fig. 73. Gagarino. Scraper-burins (after Tarasov 1979: 94).

Fig. 74. Gagarino. Kostenki knives (after Tarasov 1979: 99).

Fig. 75. Gagarino. Microtools: 1–17 — micro-points; 18–29 — bladelets with straight retouched truncation; 30–33 — bladelets with oblique retouched truncation; 33–37 — backed bladelets (after Tarasov 1979: 102).

Fig. 76. Gagarino. Bone objects: 1–5 — points; 6, 7 — smoothers; 8 — “hunter’s whistle”; 9, 10 — spatulas (after Tarasov 1979: 110).

Fig. 77. Gagarino. Bone artefacts: 1–13 — needles; 14 — needle-case; 15–18 — wands; 19 — point; 20–26, 28–31 — awls; 27 — point (after Tarasov 1979: 112).

Fig. 78. Gagarino. Ornaments: 1 — necklace of arctic fox fangs; 2, 3 — pendants from a mammoth tusk (after Tarasov 1979: 119, 120).

Fig. 79. Gagarino. Statuettes: 1–3 — complete; 4, 5, 6, 8 — fragmentary; 4, 7 — isolated fragments (after Tarasov 1979: 126).

Fig. 80. Gagarino. Statuette IV: A — photo, B — detailed drawing. Excavations of 1962 (after Tarasov 1979: 128).

Fig. 81. Gagarino. Double statuette from the excavation of 1968 (after Tarasov 1979: 134).

Fig. 82. Distribution of the Gravettian age sites within the Upper Paleolithic sites cluster of the Kostenki-Borshchevo locality (marked by arrows). Map-making model: by M.V. Marunin

Fig. 83. Telmanskaya site complex. Kostenki 8, layer II. A — *contours of dwellings* (by: Sergin 1988); B — *stone assemblage* (after Sinitsyn 2013).

Fig. 84. Alexandrovka site complex. Kostenki 4. A: *СД* — *north elongate dwelling (cultural layer 2)*, *3K and BK* — *west and east circular dwellings (cultural layer 1)*; *Б: ЮД* — *south elongate dwelling (cultural layer 2)*. I — *extension of the cultural layer 1*; II — *hearths*; III — *contours of dwellings*; IV — *margins of finds accumulations*. B: *stone assemblage: 1–15 — cultural layer 1; 16–30 — cultural layer 2* (after Rogachyov 1955).

Fig. 85. Alexandrovka site complex. Borshchivo 5, layer I. A: *accumulation of finds in the dwelling*; Б: *polished pieces*; B: *stone assemblage*.

Fig. 86. Alexandrovka site complex. Kostenki 9. A: *the dwelling in the excavations of A.N. Rogachyov, 1959*. Б: *stone assemblage (after Praslov, Rogachyov /eds./ 1982, with additions)*.

Fig. 87. Kostenki-Avdeyev culture complex. Kostenki 1, layer I (after: Praslov, Rogachyov /eds./ 1982). The stone inventory: *1–3 — backed bladelets; 4–5 — micropoints; 6–14 — shouldered points; 15–17 — Kostenki knives*.

Fig. 88. Anosovka site complex. Kostenki 11, layer II. A: *excavations and test-pits scheme. Areas of the cultural layer II are hatched. СЖ — north dwelling, ЮЖ — south dwelling*. Б: *stone assemblage (after Sinitsyn 2013; Popov, Pustovalov 2004)*.

Fig. 89. Gmelinskaya site complex. Kostenki 21, layer III. A: *excavations and test-pits scheme. I–II — «manufacturing» complexes, III–VI — «housing» complexes*. Б: *stone assemblage of the complex IV*. B: *stone assemblage of the complex II (after Praslov, Rogachyov /eds./ 1982)*.

Fig. 90. Local relief elements of the Gravettian settlements in Kostenki-Borshchevo locality on the Don. A — *high cape in the inner part of the ravine*; B — *a portion of the flange of the ravine slightly expressed in the relief*; C — *a mouth ravine high cape*; D — *a cape slightly expressed in the relief in the mouth of the gully, open into the valley of the Don*; E — *an open bank of the Don*.

Fig. 91. Reconstructed framework of the first Mezhirichi dwelling in the Palaeontological museum of the National Academy of Sciences of Ukraine. Front view. In the foreground is a 'fence' from tubular and pelvic mammoth bones (after Pidoplichko 1976: 105).

Fig. 92. Reconstructed framework of the first Mezhirichi dwelling in the Palaeontological museum of the National Academy of Sciences of Ukraine. Rear view (at the excavation site, view from SE. The facing of the socle from mammoth mandibles is visible (after Pidoplichko 1976: 105).

Fig. 93. Mezhirichi 1. Presumable general view of the first Mezhirichi dwelling (after Pidoplichko 1976: 108).

Fig. 94. Mezhirichi 2. Presumable general view of the second Mezhirichi dwelling (after Pidoplichko 1976: 109).

Fig. 95. Kostenki 11/1a. Plan of the rounded bone-and-earthen dwelling of the Anosovka–Mezin type (dwelling complex I). The hatching refers to mammoth skulls.

Fig. 96. Kostenki 11 (Anosovka 2). The remains of the rounded bone-and-earthen dwelling of the Anosovka–Mezin type (dwelling complex I) and a dwelling of the Anosovka–Gmelin type underlying it. Museum exposition. *Photo of 2005.*

Fig. 97. Site of Kostenki 11/1a: the first museum exposition (dwelling complex 1). *View from south-west. 1960s.*

Fig. 98. Geomorphological scheme of Anosov Log and locations of the campsites.

Fig. 99. Site of Kostenki 11/1a. Relative positions of the excavations at dwelling complexes 1 and 3.

Fig. 100. General view from the east of the third complex of cultural layer 1a. *The areas at which series of dates were obtained are marked: red — sampling spots and sample numbers of 2014 (L.V. Lbova); yellow — sampling spots and sample numbers of 2015 (Alex Pryor).*

Fig. 101. The middle area of the central accumulation. *1 — charcoal-containing stratum, 2 — area of the bonfire, 3 — ‘caps’ of calcination.*

Fig. 102. Site of Kostenki 11/1a. Lithics from the third complex (excavations of 2014–2015). Drawing by I.V. Fedyunin. *1–30 — chalk flint; 31 — quartzite.*

1–6, 10–11, 15–17, 19, 27–28 — tools of different types; 7–9, 12–14, 18 — tools with retouch, end-scrapers, composite tools; 21–26 — burins; 20, 29, 30–31 — debitage.

Fig. 103. Diagram of the likely occurrence of shaft-like irregularities in the surface relief of the mudflow at the bend of the longitudinal profile of the sloping erosional relief form (after Lavrushin et al. 2015: 25, fig. 11).

Fig. 104. Vladimir I. Matyuschenko visiting Mikhail V. Anikovich. *Saint Petersburg, December 2004.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода
АВ — Археологические вести, СПб.
АК — археологическая культура
Алт. ун-т — Алтайский государственный университет, Барнаул
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия, М.
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии, Новосибирск
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, М.
ВГПИ — Воронежский государственный педагогический институт, Воронеж
ВГУ — Воронежский государственный университет, Воронеж
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры, Л.
ДНЦ — Дагестанский Научный центр РАН, Махачкала
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии РАО, СПб.
ЗСАЭК — Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция, Томск
ИА — Институт археологии РАН, М.
ИАЭт СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН, СПб.
ИКО — историко-культурная область
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера
ИЭ — Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, М.
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР / РАН, М.
КИС — кислородно-изотопная стадия
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода, Л., М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, Л., М.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, М.
Л. — Ленинград
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, Л.
М. — Москва
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН, СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, Л., М.
НГУ — Новосибирский государственный университет, Новосибирск
ОмГУ — Омский государственный университет, Омск
ПАВ — Петербургский археологический вестник, СПб.
РА — Российская археология, М.
РАН — Российская Академия наук

РАО — Императорское Русское археологическое общество, СПб.

СА — Советская археология, Л., М.

САИ — Свод археологических источников, М.

СО РАН — Сибирское отделение РАН, Новосибирск

СПб. — Санкт-Петербург

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет, СПб.

СЭ — Советская этнография, Л.; М.

ТГУ — Томский государственный университет, Томск.

ТД — тезисы докладов

ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР, М.

ТК — технокомплекс

ТКБАЭ — Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН, СПб.

Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея, М.

EUP — Early Upper Palaeolithic

HCH — Historical and Cultural Habitat

INQUA — International Union for Quaternary Science

MUP — Middle Upper Palaeolithic

SP — Stratum plus: Археология и культурная антропология, Кишинёв; Санкт-Петербург; Одесса

СПИСОК АВТОРОВ

Михаил Васильевич АНИКОВИЧ — *Mikhail ANIKOVICH* (1947–2012) доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник; начальник Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции (1999–2012 гг.). Отдел палеолита; Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

Константин Николаевич ГАВРИЛОВ — *Konstantin GAVRILOV* — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник. Отдел археологии каменного века; Институт археологии РАН; Москва, Россия. e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

Александр Евгеньевич ДУДИН — *Aleksandr DUDIN* — главный хранитель фондов; ГБУК Воронежской области Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки»; Воронеж, Россия. e-mail: goodudin@gmail.com

Людмила Валентиновна ЛБОВА — *Lyudmila LBOVA* — доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник. Отдел каменного века; Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирск, Россия. e-mail: lbovapnr5@gmail.com

Сергей Юрьевич ЛЕВ — *Sergey LEV* — кандидат исторических наук; научный сотрудник. Отдел археологии каменного века; Институт археологии РАН; Москва, Россия. e-mail: zarausk@yandex.ru

Сергей Николаевич ЛИСИЦЫН — *Sergey LISITZYN* — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; начальник Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции (с 2013 г.). Отдел палеолита; Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия. e-mail: serglis@rambler.ru

Всеволод Сергеевич ПАНОВ — *Vsevolod PANOV* — инженер; ЦКП «Геохронология кайнозоя», Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирск, Россия. e-mail: pvs7zeitlos@gmail.com

Василий Васильевич ПАРХОМЧУК — *Vasiliy PARKHOMCHUK* — член-корреспондент РАН; заведующий лабораторией; Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН; Новосибирск, Россия. e-mail: parkhomchuk@inbox.ru

Надежда Игоревна ПЛАТОНОВА — *Nadezhda PLATONOVA* — доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник. Отдел славяно-финской археологии; Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия. e-mail: niplaton@gmail.com

Виктор Васильевич ПОПОВ — *Viktor POPOV* (1948–2013) — кандидат исторических наук; директор ГБУК Воронежской области Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки»; Воронеж, Россия.

Иван Владимирович ФЕДЮНИН — кандидат исторических наук; доцент. Воронежский государственный педагогический университет, исторический факультет; Воронеж, Россия. e-mail: feduniv@mail.ru

John F. HOFFECKER — Дж. Ф. ХОФФЕКЕР — Ph.D. Research Fellow; Institute of Arctic and Alpine Research, University of Colorado; Boulder, USA. e-mail: John.Hoffecker@colorado.edu

Vance T. HOLLIDAY — Вэнс Т. ХОЛЛИДЭЙ — Professor, Joint Appointment in Departments of Anthropology and Geosciences, University of Arizona; Tucson, USA. e-mail: vthollid@email.arizona.edu

Alexander PRYOR — Александр ПРАЙОР, Ph.D, Post-doctoral Researcher. University of Southampton; Southampton, UK. e-mail: ajp1f13@soton.ac.uk

Содержание

Предисловие к несостоявшемуся изданию (М. В. Аникович)	5
Предисловие (Н. И. Платонова, С. Н. Лисицын)	6

ЧАСТЬ I

М. В. Аникович

ДНЕПРО-ДОНСКАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ: ВИЛЛЕНДОРФСКО-ПАВЛОВСКО-КОСТЁНКОВСКОЕ ЕДИНСТВО В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Глава 1. Виллендорфско-павловские культурные традиции на Русской равнине	11
1.1. Вводные замечания	11
1.2. Методические подходы	14
Глава 2. Виллендорфско-костёнкховская культура в бассейне Оки: Зарайская стоянка	18
2.1. Хроностратиграфия и планиграфия поселения: различные подходы	18
2.2. Каменный и костяной инвентарь	24
2.2.1. Кремневая индустрия	24
2.2.2. Костяной инвентарь	27
2.3. Предметы символической деятельности	28
2.4. Керамика (фрагменты глиняной массы)	35
2.5. Заключение	35
<i>Приложение. Зарайская стоянка: радиометрические даты (С. Ю. Лев)</i>	36
Глава 3. Виллендорфско-костёнкховская археологическая культура на Среднем Дону: памятники Костёнок	41
3.1. Вводные замечания	41
3.2. Костёнки 1/1: структура поселения	42
3.3. Радиоуглеродный возраст Костёнок 1/1	52
3.3.1. Радиоуглеродные даты второго жилого комплекса и их анализ	52
3.3.2. Предварительные выводы	57
3.4. Каменный и костяной инвентарь	59
3.4.1. Каменная индустрия	59
3.4.2. Костяной инвентарь	62
3.5. Керамика	64
3.6. Изобразительное искусство	64
Глава 4. Виллендорфско-костёнкховская археологическая культура в долине Сейма: Авдеевская стоянка	68
4.1. Проблема многослойности Авдеевской стоянки: за и против	68
4.2. Радиоуглеродный возраст Авдеевской стоянки	72
4.3. Структура жилых комплексов Авдеева: о так называемом «ямном периоде»	76
4.4. Каменный и костяной инвентарь	80
4.4.1. Каменная индустрия	80

4.4.2. Костяной инвентарь	86
4.5. Искусство и символическая деятельность	88
4.5.1. Женские статуэтки: классификация и интерпретация	88
4.5.2. Зооморфные изображения	93
Глава 5. Виллендорфско-костёнковская археологическая культура в Белорусском Поднепровье: стоянка Бердыж	94
Глава 6. Павловско-хотылёвская археологическая культура в Брянском Подесенье: стоянка Хотылёво 2	99
6.1. Проблематика «павловьена»	99
6.2. Стоянка Хотылёво 2: планиграфия и структура поселения	100
6.3. Хронология	111
6.4. Каменный инвентарь	113
6.5. Костяной инвентарь и искусство	121
<i>Приложение. Современные исследования стоянки Хотылёво 2 (К. Н. Гаврилов)</i>	126
Глава 7. Павловско-хотылёвская археологическая культура на верхнем Дону: стоянка Гагарино	128
7.1. Стоянка Гагарино: общие сведения	128
7.2. Хронология, планиграфия и структура поселения	128
7.3. Каменный инвентарь	134
7.4. Костяной инвентарь, украшения, искусство	143
Глава 8. Судьбы павловско-хотылёвской и виллендорфско-костёнковской археологических культур на Русской равнине	150

ЧАСТЬ II ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Глава 9. Культурная дифференциация и периодизация граветта Костёнковско-Борщёвского района на Дону (С. Н. Лисицын)	157
9.1. Проблема граветта в работах М. В. Аниковича	157
9.2. Граветтийская проблема сегодня: вводные замечания	158
9.3. Систематизация и вариабельность граветта на Русской равнине	160
9.4. Культурная дифференциация граветта КБР: дискуссия	162
9.4.1. Тельманский комплекс (Костёнки 8/II)	163
9.4.2. Александровский комплекс (Костёнки 4, Борщёво 5/I, Костёнки 9)	166
9.4.3. Костёнковско-авдеевский (виллендорфско-костёнковский) комплекс (Костёнки 1/I, Костёнки 13, Костёнки 14/I, Костёнки 18)	177
9.4.4. Аносовский комплекс (Костёнки 11/II, Костёнки 21/III — жилые комплексы)	179
9.4.5. Гмелинский комплекс (Костёнки 21/III — производственные комплексы)	185
9.5. Стратиграфическая и геоморфологическая корреляция	187
9.6. Хронология и периодизация	191
9.7. Заключение	193

Глава 10. Второй этап функционирования Днепро-Донской ИКО: основные проблемы (М. В. Аникович)	194
Глава 11. Позднепалеолитические жилища: проблемы реконструкции (В. В. Попов)	197
11.1. Введение	197
11.2. Типы жилищ по материалам этнографии	198
11.3. Остатки верхнепалеолитических жилищ и проблемы их реконструкции	202
11.3.1. Вводные замечания	202
11.3.2. Жилища аносовско-мезинского типа: проблемы реконструкции	203
11.3.3. Жилище на стоянке Костёнки 11/1а: вариант реконструкции	211
11.3.4. Ямы-кладовые: проблемы интерпретации	214
11.4. Человек и мамонт на втором этапе существования Днепро-Донской ИКО	217
Глава 12. Третий костно-земляной жилой комплекс стоянки Костёнки 11/1а (А. Е. Дудин, И. В. Федюнин)	221
12.1. Введение	221
12.2. Современный период исследования стоянки	221
12.3. Третий комплекс 1а слоя: стратиграфия и планиграфическая структура	225
12.4. Каменная индустрия	229
12.5. Хронология	233
12.6. Заключение	234
<i>Приложение. Радиометрические даты (А. Е. Дудин, Л. В. Лбова, А. Прайор, Дж. Ф. Хоффекер, В. С. Панов, В. В. Пархомчук, В. Т. Холлидэй)</i>	235
Глава 13. Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирательство? Или... (М. В. Аникович)	237
13.1. Концепция собирательства	238
13.1.1. Общие замечания	238
13.1.2. Попытка экологического обоснования	238
13.1.3. О количестве костей мамонта на стоянках Днепро-Донской ИКО	239
13.1.4. Сохранность мамонтовых костей на стоянках Днепро-Донской ИКО	240
13.1.5. Еще раз о радиоуглеродных датах	241
13.1.6. Естественные кладбища мамонтов и человеческая деятельность	242
13.1.7. Днепро-Донская ИКО: куда же исчезли кладбища мамонтов?	244
13.1.8. Общие выводы	250
13.2. Концепция охоты	250
13.2.1. О чем свидетельствуют фаунистические материалы стоянок Днепро-Донской ИКО?	250
13.2.2. О возможности загонной охоты на мамонтов	252
13.3. Заключение	255

13.3.1. Где же выход?	255
13.3.2. Существование мамонта и человека — не борьба, а симбиоз	256
Глава 14. Симбиоз человека и мамонта в верхнем палеолите: модель М. В. Аниковича и ее развитие (Н. И. Платонова)	258
14.1. Дискуссия о системе жизнеобеспечения населения Русской равнины в СВП	258
14.2. Днепро–Донская историко–культурная область: концепция М. В. Аниковича	261
14.3. Парадоксы «мамонтового собирательства»	263
14.4. Идея «Третьего пути»	264
14.5. «Не научились распознавать кладбища...»: критические замечания Ю. Б. Серикова	266
14.6. Концепция экстремального равнинного селевого седиментогенеза как причины возникновения стоянок с большим количеством костей мамонта	272
14.7. Тафономические характеристики «кладбищ мамонтов»: разработки В. Я. Сергина	278
14.8. Контакт с мамонтами как способ их добывания: развитие концепции «Третьего пути»	280
14.9. Заключение	284

ЧАСТЬ III AD MEMORIAM

<i>М. В. Аникович. О моем первом учителе археологии</i>	287
<i>М. В. Аникович. К проблеме типологии стоянок РВП. Письмо к Дж. Ф. Хоффекеру от 21.05.2011</i>	302
<i>J. F. Hoffecker. On the problem of functional and cultural variability in Upper Paleolithic sites (commentary on the publication of M.V. Anikovich's letter)</i>	314
<i>Дж. Ф. Хоффекер. К проблеме функциональной и культурной вариабельности верхнепалеолитических стоянок (комментарий к публикации письма М. В. Аниковича)</i>	316
<i>Дополнение к списку научных и литературных трудов М. В. Аниковича (сост. Н. И. Платонова)</i>	318
Литература	321
Summary	347
Plates	367
Список сокращений	375
Список авторов	377
Оглавление	379
Contents	383

Contents

Foreword to a failed edition (<i>M. V. Anikovich</i>)	5
Foreword (<i>N. I. Platonova, S.N. Lisitsyn</i>)	6

PART I
DNIEPER-DON HISTORICAL AND CULTURAL HABITAT:
WILLENDORF-PAVLOV-KOSTENKI CULTURAL ENTITY
IN THE EASTERN EUROPE
M. V. Anikovich

Chapter 1. Willendorf-Pavlov cultural traditions in the Russian Plain	11
1.1. Introducing notes	11
1.2. Methodological approaches	14
Chapter 2. Willendorf-Kostenki archeological culture in the basin of the Oka:	
The site of Zaraysk	18
2.1. Chronostratigraphy and planigraphy of the settlement-site: different approaches	18
2.2. Stone and bone artefacts	24
2.2.1. <i>Flint industry</i>	24
2.2.2. <i>Bone artefacts</i>	27
2.3. Objects concerned with symbolic activities	28
2.4. Ceramics (fragments of clay mass)	35
2.5. Conclusion	35
Appendix. The site of Zaraysk: radiometric dates (<i>S. Yu. Lev</i>)	36
Chapter 3. Willendorf-Kostenki archaeological culture	
on the Middle Don River: sites of Kostionki	41
3.1. Introducing notes	41
3.2. Kostenki 1/I: structure of the settlement-site	42
3.3. Radiocarbon age of Kostenki 1/I	52
3.3.1. <i>Radiocarbon dates of the second dwelling complex</i> <i>and their analysis</i>	52
3.3.2. <i>Preliminary conclusions</i>	57
3.4. Stone and bone artefacts	59
3.4.1. <i>Stone industry</i>	59
3.4.2. <i>Bone artefacts</i>	62
3.5. Pottery	64
3.6. Visual arts	64
Chapter 4. Willendorf-Kostenki archaeological culture in the Seym River valley:	
site of Avdeyevo	68
4.1. The problem of the multi-layered character the campsite of Avdeyevo: pros and contras	68
4.2. Radiocarbon age of the site of Avdeyevo	72
4.3. Structure of the dwelling complexes of Avdeyevo: the so-called 'Pit Period'	76

4.4. Stone and bone artefacts	80
4.4.1. <i>Stone industry</i>	80
4.4.2. <i>Bone artefacts</i>	86
4.5. Art and symbolic activities	88
4.5.1. <i>Female statuettes: classification and interpretations</i>	88
4.5.2. <i>Zoomorphic representations</i>	93
Chapter 5. Willendorf-Kostenki archaeological culture in the Belorussian Dnieper region: the campsite of Berdyzh	94
Chapter 6. Pavlov-Khotylyovo archaeological culture in Bryansk Desna River region: the campsite of Khotylyovo	99
6.1. Pavloviien' problems	99
6.2. Campsite of Khotylyovo 2: structure of the site	100
6.3. Chronology	111
6.4. Lithics	113
6.5. Bone artefacts and art objects	121
Appendix. Modern investigations of the site of Khotylyovo 2 (K. N. Gavrilov)	126
Chapter 7. Pavlov-Khotylyovo archaeological culture on the Upper Don: campsite of Gagarino	128
7.1. Site of Gagarino: general information	128
7.2. Chronology, planigraphy and structure of the settlement-site	128
7.3. Stone artefacts	134
7.4. Bone objects, ornaments, art	143
Chapter 8. Fates of the Pavlov-Khotylyovo and Willendorf-Kostenki cultures in the Russian Plain	150

PART II PROBLEMS OF THE MIDDLE – LATE UPPER PALEOLITHIC OF EASTERN EUROPE

Chapter 9. Cultural differentiation and periodization of the Gravettian of the Kostenki-Borshchevo Locality in the Middle Don (S. N. Lisitsyn)	157
9.1. The problem of the Gravettian in the works by M. V. Anikovich	157
9.2. The Gravettian problem today: introducing notes	158
9.3. Systematization and variability of the Gravettian in the Russian Plain	160
9.4. Cultural systematization of the Gravettian of the Kostenki-Borshchevo Locality: discussion	162
9.4.1. <i>Telmanskaya site (Kostenki 8/II)</i>	163
9.4.2. <i>The Aleksandrovka complex (Kostenki 4, Borshchevo 5/I, Kostenki 9)</i>	166
9.4.3. <i>The Kostenki-Avdeyev (Willendorf-Kostenki) complex (Kostenki 1/I, Kostenki 13, Kostenki 14/I, Kostenki 18)</i>	177
9.4.4. <i>Anosovka complex (Kostenki 11/II, Kostenki 21/III — dwelling areas)</i>	179
9.4.5. <i>Gmelinskaya complex (Kostenki 21/III): production complexes</i>	185

9.5. Stratigraphic and geomorphological correlation	187
9.6. Chronology and periodization	191
9.7. Conclusion	193
Chapter 10. The second stage of the Dnieper-Don HCH existence: key issues (<i>M. V. Anikovich</i>)	194
Chapter 11. Upper Paleolithic dwellings: reconstruction challengers (<i>V. V. Popov</i>)	197
11.1. Introduction	197
11.2. Types of dwellings according to ethnological evidence	198
11.3. Remains of Upper Paleolithic dwellings and problems of their reconstruction	202
11.3.1. <i>Introducing notes</i>	202
11.3.2. <i>Dwellings of the Anosovka-Mezin type: problems of their reconstruction</i>	203
11.3.3. <i>A dwelling at the campsite of Kostenki 11/Ia: a variant of reconstruction</i>	211
11.3.4. <i>Pit-stores: problems of interpretation</i>	214
11.4. Man and mammoth at the second stage of the existence of the Dnieper-Don HCH	217
Chapter 12. The third bone-and-earthen dwelling complex of Kostenki 11/Ia site (<i>A. E. Dudin, I. V. Fedyunin</i>)	221
12.1. Introduction	221
12.2. The modern period of investigation of the site	221
12.3. The third complex of layer Ia: stratigraphy and structure	225
12.4. Stone industry	229
12.5. Absolute chronology	233
12.6. Conclusion	234
Appendix. Radiometric dates (<i>A. E. Dudin, L. V. Lbova, A. Pryor, J. F. Hoffecker, V. S. Panov, V. V. Parkhomchuk, V. T. Holliday</i>)	235
Chapter 13. Man and mammoth in the center of the Russian Plain. Hunting? Scavenging? Or... (<i>M. V. Anikovich</i>)	237
13.1. Concept of scavenging	238
13.1.1. <i>General notes</i>	238
13.1.2. <i>Attempt at ecological grounding</i>	238
13.1.3. <i>Amount of mammoth bones at sites of the Dnieper-Don HCH</i>	239
13.1.4. <i>State of preservation of mammoth bones at sites of the Dnieper-Don HCH</i>	240
13.1.5. <i>Once more about the radiocarbon dates</i>	241
13.1.6. <i>Natural cemeteries of mammoths and the human activities</i>	242
13.1.7. <i>Dnieper-Don HCH: to where did the mammoth cemeteries vanish?</i>	244
13.1.8. <i>General conclusions</i>	250
13.2. Hunting concept	250
13.2.1. <i>What do faunal data from the Dnieper-Don HCH suggest?</i>	250
13.2.2. <i>About possible battue hunting of mammoths</i>	252
13.3. Conclusion	255
	385

13.3.1. <i>Where is the solution?</i>	255
13.3.2. <i>The coexistence of mammoths and humans was no struggle but a symbiosis</i>	256
Chapter 14. Symbiosis of man and mammoth in the Upper Palaeolithic: the model proposed by M. V. Anikovich and its development (<i>N. I. Platonova</i>)	258
14.1. Discussion about the livelihood system of the Russian Plain population in the MUP	258
14.2. Dnieper-Don HCH: M. V. Anikovich's concept	261
14.3. Paradoxes of the 'mammoth scavenging'	263
14.4. The idea of the 'Third way'	264
14.5. "...Have not been learned to identify cemeteries...": critical notes by Yu. B. Serikov	266
14.6. The concept of the extreme flat-terrain mud-stream sediment genesis as the cause of the appearance of campsites with large quantities of mammoth bones	272
14.7. Taphonomic characteristics of 'mammoth cemeteries' proposed by V. Ya. Sergin	278
14.8. Contacts with mammoths as the means of procuring them: the evolution of the concept of the 'Third way'	280
14.9. Conclusion	284

**PART III
AD MEMORIAM**

<i>M. V. Anikovich. About my first teacher of archaeology</i>	287
<i>M. V. Anikovich. On the problem of typology of EUP sites. A letter to J. F. Hoffecker from 05.21.2011</i>	302
<i>J. F. Hoffecker. On the problem of functional and cultural variability in Upper Paleolithic sites (commentary on the publication of M.V. Anikovich's letter)</i>	314
<i>J. F. Hoffecker. On the problem of functional and cultural variability in Upper Paleolithic sites (commentary on the publication of M.V. Anikovich's letter) (in Russian)</i>	316
<i>Addition to the list of scientific and literary works of M. V. Anikovich (compiled by N. I. Platonova)</i>	318
Literature	321
Summary	347
Plates	367
Abbreviations	375
List of authors	377

Научное издание

**Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции
ИИМК РАН. Вып. 8/II**

ЧЕЛОВЕК И МАМОНТ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРОПЫ

Ч. II. Днепро-Донская историко-культурная область

**Памяти Михаила Васильевича Аниковича
(1947–2012)**

Коллективная монография

Ответственные редакторы:
канд. ист. наук С. Н. Лисицын; д-р ист. наук Н. И. Платонова (ред.-сост.)

Руководитель издательских проектов *М. В. Беглецова*

Корректор *О. Н. Поносова*
Оригинал-макет *М. А. Гуныкин*
Дизайн обложки *В. Ю. Обласов*

Подписано в печать 14.11.2019. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23. Тираж 500 экз.

Издательство «Ars Longa»,
ООО «Карта»
197706, СПб, г. Сестрорецк,
ул. Володарского, д. 20, пом. 1Н

Отпечатано в типографии «Лпринт»

ЧЕЛОВЕК И МАМОНТ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРОПЫ

Книга, посвященная памяти крупнейшего российского палеолитоведа М. В. Аниковича (1947–2012), представляет собой второй выпуск коллективного труда «Человек и мамонт в палеолите Европы», издание которого было начато в 2011 г. в серии «Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН». Первая часть настоящего выпуска (главы 1–8) включает публикацию последней монографии ученого «Днепро-Донская историко-культурная область: виллендорфско-павловско-костёнковское единство в Восточной Европе». В ней детально рассматриваются материалы и проблематика стоянок средней поры верхнего палеолита Русской равнины с большим количеством костей мамонта и остатками костно-земляной архитектуры.

Вторая часть книги (главы 9–14) посвящена памятникам средней и поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине — обобщению материалов по проблемам восточноевропейского граветта, а также вопросам формирования и функционирования Днепро-Донской историко-культурной области верхнего палеолита и взаимоотношений человека и мамонта. В ряде разделов содержится анализ наследия М. В. Аниковича в контексте современной археологии палеолита. В третьей части публикуются материалы к научной биографии ученого.

Книга рассчитана на археологов, антропологов, историков и студентов соответствующих специальностей.

ISBN 978-5-6041742-9-6

9 785604 174296